Годъ VIII-й. № 12-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ЕГО ЗАДАЧА. Академика **А. Фаминцына**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. СТРѢЛА И ПѢСНЯ. (Изъ Лонгфелло). **Н. Холодковскаго.**	13
3.	ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ. (Эпизодъ изъ жизни Курдюма). (Окончаніе). **Юліи Безродной**	14
4.	ДВА ПАРНАССЦА. **Евгенія Дегена**	65
5.	АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. (Окончаніе). **Л. Крживицкаго.**	88
6.	КРУТОЙ ПОДЪЕМЪ. Повѣсть **Корнуэлля Легъ.** Переводъ съ англійскаго. **Н. Кургановой.** (Окончаніе)	103
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. **В. Г.**	125
8.	ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Окончаніе). **А. Вербицкой**	129
9.	СУДЕБНАЯ ОШИБКА ВЪ XVIII ВѢКѢ. (Дѣло Каласа и Вольтеръ). **Э. Моргулиса**	154
10.	РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. **Роберта Сизеранна.** Пер. съ франц. **Т. Богдановичъ.** (Окончаніе)	177
11.	НОВАЯ КНИГА ПО СОЦІОЛОГІИ. **П. Милюкова.**	196
12.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). (Окончаніе). **Н. Гарина.**	216
13.	ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ КРѢПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ ВЪ XIX в. (Историческій этюдъ). (Окончаніе). **Петра Струве.**	254
14.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ СТАРЫХЪ ПЕСЕНЪ. **О. Чюминой.**	284
15.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Окончаніе). **К. Станюковича**	285

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

16.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Воспоминанія о студенческой жизни», Буслаева, Обнинскаго и др.—Студенческіе кружки.—Ихъ значеніе въ прежней университетской жизни —Свободное ихъ возникновеніе и оффиціальная регламентація. — Статья Я. Г. Гуревича въ «Русской Школѣ» о средней школѣ.—Взгляды г. Герда на реформу средней школы.—Г-жа З. Венгерова о «юной Россіи».—Характеристика «юной Россіи» и ея представителей. — Пушкинскій номеръ «Міра Искусства».—Пушкинъ, какъ членъ «юной Россіи» г-жи Венгеровой. **А. Б.**	1
17.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Крестьяне въ земствѣ.—Интеллигентный предсѣдатель волостного суда. — Общества	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 27 печ. листовъ.

Въ 1900 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, при ближайшемъ участіи въ редакціи П. Н. **Милюкова**, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: «Воскресшіе боги», истор. романъ Д. **Мережковскаго**; «Побѣда», повѣсть И. **Потапенко**; «Предѣлы скорби», повѣсть В. **Обрешевскаго**. «Черезъ десять лѣтъ» (очерки изъ жизни деревни), Н. **Гарина**, разсказы и очерки гг. Бородной, Бунина, Чирикова и др.—«Милосердіе», романъ, пер. съ англ., **Гоузльса**; «Непосильное бремя», романъ изъ жизни Сициліи, пер. съ нѣм., **Тальмана**.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И АНТРОПОЛОГІЯ: «Животный міръ Европы въ историческомъ развитіи» проф. **Мензбира**; «Историческій очеркъ развитія геологическихъ знаній». проф. **Павлова**; «Альпійскіе ледники», прив.-доц. Н. **Иванцева**; «Главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи», К. **Покровскаго**; «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Расы въ Европѣ», П. **Милюкова**,—ИСТОРІЯ: «Очерки исторической мысли въ XIX в.», проф. Р. **Виппера**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, П. **Милюкова**; «Коренная черта общественной эволюціи въ новѣйшей европейской исторіи», **Ев. Тарле**; «Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй этого времени», **Рожкова**; «Ванини» (одинъ изъ скептиковъ Возрожденія), **Ев. Тарле**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка», П. **Альбова**; «Жоржъ Зандъ и ея время», **Ев. Дегена**; «Соціальный романъ въ Англіи», проф. Н. **Сторожепко**.—СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Борьба съ безработицей въ Швейцаріи», проф. Райхесберга; «Развитіе общественнаго призрѣнія въ Берлинѣ», прив.-доц. А. **Горбунова**; «Барщина въ крѣпостномъ хозяйствѣ», П. **Струве**; «Крестьянскія кооперація и ихъ значеніе», Л. **Кржижицкаго**; «Кооперативное движеніе въ Англіи», Л. **Давыдовой**; «Мальтусъ, Рикардо, Оуэнъ», три очерка изъ исторіи политической экономіи, М. **Туганъ-Барановскаго**; «Начало женскаго движенія», пер. съ нѣм., Л. **Браунъ**.—ФИЛОСОФІЯ, ЭТИКА, ПСИХОЛОГІЯ: «Современныя этическія ученія», проф. Г. **Челпанова**; «Фридрихъ Ланге и критическая философія», Н. **Бердяева**.—ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ И КОМПИЛЯЦІИ: «Трансформизмъ и дарвинизмъ», **Геккеля**, пер. съ нѣм.; «Умственныя и общественныя теченія XIX в.», проф. **Цитлера**, пер. съ нѣм. подъ редакціей П. Н. **Милюкова**; «Эволюція государства», **Тарда**; «Кабэ и его Икарія», пер. съ нѣм., д-ра **Люкса**.

Кромѣ того, редакція предполагаетъ дать въ слѣдующемъ году рядъ біографическихъ очерковъ современныхъ общественныхъ дѣятелей (съ портретами).

Дозволено цензурою 27-го ноября 1899 С-Петербургъ.

АР50
М-17
1899:12
МИИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ЕГО ЗАДАЧА. Академика А. Фаминцына 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. СТРѢЛА И ПѢСНЯ. (Изъ Лонгфелло). Н. Холодковскаго. 13
3. ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ. (Эпизодъ изъ жизни Курдюма). (Окончаніе). Юліи Безродной 14
4. ДВА ПАРНАССЦА. Евгенія Дегена 65
5. АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. (Окончаніе). Л. Крживицкаго. . . . 88
6. КРУТОЙ ПОДЪЕМЪ. Повѣсть Корнуэлля Легъ. Переводъ съ англійскаго. Н. Кургановой. (Окончаніе) 103
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. В. Г. . 125
8. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Окончаніе). А. Вербицкой . . . 129
9. СУДЕБНАЯ ОШИБКА ВЪ XVIII ВѢКѢ. (Дѣло Каласа и Вольтеръ). Э. Моргулиса 154
10. РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Пер. съ франц. Т. Богдановичъ. (Окончаніе) 177
11. НОВАЯ КНИГА ПО СОЦІОЛОГІИ. П. Милюкова. 196
12. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). (Окончаніе). Н. Гарина. . 216
13. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ КРѢПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ ВЪ XIX в. (Историческій этюдъ). (Окончаніе). Петра Струве. 254
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ СТАРЫХЪ ПЕСЕНЪ. О. Чюминой. . 284
15. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Окончаніе). К. Станюковича . 285

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Воспоминанія о студенческой жизни», Буслаева, Обнинскаго и др.—Студенческіе кружки.—Ихъ значеніе въ прежней университетской жизни.—Свободное ихъ возникновеніе и оффиціальная регламентація. — Статья Я. Г. Гуревича въ «Русской Школѣ» о средней школѣ.—Взгляды г. Герда на реформу средней школы.—Г-жа З. Венгерова о «юной Россіи».—Характеристика «юной Россіи» и ея представителей. — Пушкинскій номеръ «Міра Искусства».—Пушкинъ, какъ членъ «юной Россіи» г-жи Венгеровой. А. Б. . 1
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Крестьяне въ земствѣ.—Интеллигентный предсѣдатель волостного суда. — Общества

98316

стр.

взаимопомощи ремесленниковъ и рабочихъ. — Педагогическія совѣщанія о реформѣ средней школы. — Духоборы въ Америкѣ.—Ревизія прилуцкаго епископа.—Томская психіатрическая больница 14

18. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Врача **Н. Шена** 28

19. СИМПАТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО. (Письмо изъ Курска). **С. К—ва.** 29

20. **За границей.** Голодныя дѣти и недостатокъ жилищъ для рабочихъ въ Англіи. — Австрійская путаница. — Общественная жизнь въ Германіи.—Во Франціи.—Скандинавскія женщины. 32

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Paris».—«Fortnightly Review».—«Revue des Deux Mondes».—«The Chautauquan» . 43

22. ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ ДРАМА. **—ина** 47

23. НОВЫЙ ТИПЪ ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ ВЪ АНГЛІИ. **М. Рафаилова** 49

24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Бактеріологія.** Лѣченіе чумы.—**Медицина.** 1) Отравленіе ванилью. 2) Вдыханіе кислорода, какъ средство отъ морской болѣзни. — **Физіологія.** 1) Экспериментальныя изслѣдованія надъ сновидѣніями. 2) Опыты надъ зрѣніемъ.—**Почвовѣдѣніе.** Странствующія почвы въ Финляндіи. **Д. Н.**—О концѣ міра.—**Метеорологія и физическая географія.** 1) Метеорологическія наблюденія во время бельгійской антарктической экспедиціи; 2) Вліяніе метеорологическихъ элементовъ на психику. **Н. М.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго.** 55

25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія искусства.—Публицистика. — Исторія культуры. — Политическая экономія.—Философія.—Содержаніе «Библіографическаго отдѣла» въ 1899 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . 70

26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса**. Переводъ съ итальянскаго **Ек. Колтоновской.** (Окончаніе). 131

28. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНЪ-СИМОНА. Пер. съ франц. (Окончаніе). 115

29. СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» за 1899 г.

30. КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

18198
М. Б
1899-XII

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ЕГО ЗАДАЧА.

Рѣчь, произнесенная Академикомъ А. Фаминцынымъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ на годичномъ собраніи Философскаго Общества 22-го октября 1899 года.

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Настоящее годичное собраніе Философскаго Общества—послѣднее въ истекающемъ столѣтіи. Наканунѣ новаго, двадцатаго вѣка, каждому невольно напрашивается, съ одной стороны, подведеніе итога пережитаго и пріобрѣтеннаго въ отходящемъ столѣтіи, съ другой—дальнѣйшій путь прогресса въ жизни человѣчества. Выполнить этотъ трудъ не подъ силу одному человѣку; только при дружной работѣ спеціалистовъ по различнѣйшимъ отраслямъ человѣческаго знанія мыслимо достиженіе этой цѣли. Предстоящая рѣчь и имѣетъ лишь назначеніе доставить скромный вкладъ для подобнаго труда.

Предметъ предстоящей бесѣды касается самыхъ основъ современнаго естествознанія и ближайшей задачи его въ будущемъ.

Ограничиваясь этой задачей, я совершенно оставляю въ сторонѣ развитіе естествознанія и научныхъ его пріобрѣтеній въ истекающемъ столѣтіи.

Современное естествознаніе носитъ особенный отпечатокъ, обусловленный главнымъ образомъ продолжительною обособленностью его отъ наукъ философскихъ, къ числу которыхъ относятся отрасли знанія, разслѣдующія нашу психическую жизнь.

Всякому извѣстно, насколько различны какъ предметы разслѣдованія естествоиспытателей и философовъ, такъ и методы и пріемы ихъ изученія. Это два міра, имѣющіе весьма мало общаго и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соприкосающіеся.

Мнѣ хорошо помнится рѣзкій антагонизмъ между философами и естествоиспытателями въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, обострявшійся нерѣдко до презрительнаго отношенія другъ къ другу.

Къ счастью, въ послѣднее время положеніе дѣла измѣнилось, и уже имѣются неоднократныя попытки съ той и съ другой стороны къ взаимному сближенію.

Одна изъ такихъ попытокъ сдѣлана мною, и я беру на себя смѣлость изложить сегодня ея результаты въ возможно сжатомъ и рельеф-

номъ видѣ, надѣясь показать на этомъ частномъ примѣрѣ, насколько благотворно можетъ отозваться на развитіи естествознанія стремленіе къ сближенію его представителей съ цикломъ наукъ философскихъ.

Въ современномъ естествознаніи особенно рѣзко бросается въ глаза крупный недочетъ, обусловленный невниманіемъ натуралистовъ къ основной проблемѣ всякаго знанія, именно, къ изученію природы нашей познавательной способности и отношенія нашего къ міру внѣшнему, предметовъ, составляющихъ содержаніе логики, психологіи и теоріи познанія (ученія о познаніи). Не задумываясь и не останавливаясь надъ этой трудной задачей, естествоиспытатель непосредственно углубляется въ изученіе внѣшняго міра. Пребывая въ созерцаніи этого міра, онъ весь превращается въ зрѣніе и слухъ, и настолько сильно живетъ внѣшними интересами, что личное бытье его отходитъ на второй планъ и, наконецъ, совершенно стушевывается.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является странное и непредвидѣнное затрудненіе. Воздвигнутое неустанными трудами натуралистовъ роскошное зданіе, разросшееся въ настоящее время до гигантскихъ размѣровъ, оказывается построеннымъ на фундаментѣ, крѣпость и надежность котораго, по сію пору, естествоиспытателями еще не разслѣдованы и не выяснены.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность естествоиспытателей сосредоточивается въ настоящее время на разработкѣ фактической стороны каждой изъ отдѣльныхъ отраслей естествознанія; приведеніе въ систему уже имѣющихся фактовъ, открытіе новыхъ и розысканіе причинной связи явленій почти исчерпываютъ сполна современныя задачи естествознанія.

При этомъ описаніе результатовъ разслѣдованія ведется такъ, какъ будто получаемыя нами извнѣ впечатлѣнія вполнѣ воспроизводятъ предметы внѣ насъ находящіеся, и что все, наблюдаемое въ предметѣ, составляетъ свойства, ему принадлежащія; о субъективности ощущеній нашихъ и слѣдовательно о несоотвѣтствіи между ними и качествами предмета наблюдаемаго, обыкновенно не говорится вовсе.

Пока естествоиспытатель остается въ области избранной имъ спеціальности, невниманіе его къ вопросамъ, касающимся природы нашей познавательной способности и отношенія нашего къ внѣшнему міру, не мѣшаютъ дѣлу, чему имѣются безчисленные примѣры.

Если бы мы, однако, задались вопросомъ болѣе общимъ, касающимся не дной какой-либо отрасли естествознанія, а естествознанія во всемъ его объемѣ и спросили: какими обладаемъ мы средствами для познаванія внѣшняго міра? Изъ какихъ частей и какими процессами созидается внутри насъ представленіе о фактическихъ данныхъ или фактахъ, на которыхъ зиждется естествознаніе, и на сколько мы можемъ довѣрять фактамъ? то не нашли бы удовлетворительнаго отвѣта въ естественно-историческихъ трактатахъ. Имѣющіяся въ нихъ разсужденія всѣ построены безъ анализа природы нашей познавательной способности,

а равно и функцій нашихъ органовъ чувствъ, и слѣдовательно, неспособны привесть къ удовлетворительному результату.

Объясняется это тѣмъ, что по настоящее время перечисленные вопросы разрабатываются исключительно въ логикѣ, психологіи и ученіи о познаніи, принадлежащихъ къ циклу наукъ философскихъ, и оказываются такимъ образомъ внѣ сферы естественно-историческихъ розысканій.

Между тѣмъ, въ этихъ наукахъ накопилось чрезвычайно много любопытныхъ данныхъ относительно основъ всякаго знанія, слѣдовательно въ частности и естествознанія, и представляется весьма любопытной и важной задачей разслѣдовать: 1) насколько согласуется съ ними кодексъ современнаго естествоиспытателя и 2) не потребуется ли въ немъ произвесть болѣе или менѣе значительныя измѣненія?

Это разслѣдованіе является неотложнымъ для испытанія крѣпости фундамента современнаго естествознанія. Въ укрѣпленіи фундамента естествознанія, сообразно съ этими данными, и въ соотвѣтственномъ измѣненіи кодекса современнаго естествоиспытателя, я и полагаю ближайшую задачу естествознанія, и о ней поведу теперь рѣчь.

Содержаніе этого кодекса можетъ быть вкратцѣ формулировано слѣдующими положеніями:

1) Все естествознаніе зиждется на фактахъ.

2) Обогащать науку фактами и отыскивать причинную связь между явленіями—главнѣйшая задача естествоиспытателя.

3) Чѣмъ проще явленіе, тѣмъ легче оно поддается изученію, поэтому изъ явленій окружающей насъ природы прежде всего подлежатъ разслѣдованію явленія неорганической, или такъ называемой мертвой природы.

4) Къ изученію несравненно болѣе сложныхъ явленій, каковы живые организмы, слѣдуетъ приступить лишь послѣ основательнаго разслѣдованія явленій природы неорганической. Только послѣ достаточнаго съ ними ознакомленія, слѣдуетъ перейти къ изученію несравненно болѣе сложныхъ явленій жизни; и здѣсь опять начать съ простѣйшихъ организмовъ; постепенно переходя затѣмъ къ болѣе сложнымъ, завершить разслѣдованіе природы изученіемъ человѣка.

5) И тѣ, и другія категоріи явленій управляются однѣми и тѣми же силами.

6) Явленія мертвой природы разложимы безъ остатка на законы механики, физики и химіи, а эти послѣдніе въ концѣ концовъ сводятся къ механическимъ законамъ движенія атомовъ. Никакихъ другихъ силъ здѣсь не оказывается.

7) Этими же силами и никакими другими управляются процессы жизни растеній и животныхъ, со включеніемъ человѣка. Разложеніе сложнѣйшихъ явленій природы жизни организмовъ на движеніе атомовъ есть конечная цѣль естествознанія.

Этими взглядами на ходъ разслѣдованія природы совершенно есте-

ственно объясняется отсутствіе работъ естествоиспытателей касательно психическихъ явленій, какъ наиболѣе сложныхъ.

Міровоззрѣніе это, раздѣляемое въ настоящее время громаднымъ большинствомъ натуралистовъ, называется *механическимъ*.

Къ этому необходимо прибавить, что въ этомъ кадексѣ не имѣется вовсе анализа факта, который принимается обыкновенно естествоиспытателями, какъ нѣчто, почти цѣликомъ получаемое нами извнѣ, при посредствѣ органовъ чувствъ. Не имѣется и ближайшей характеристики причинной связи слѣдующихъ одного за другимъ явленій, раскрываемой естествознаніемъ; наконецъ, лишь вскользь упоминается въ физіологіи о субъективности ощущеній, при посредствѣ которыхъ мы познаемъ внѣшній міръ.

Попробуемъ теперь сопоставить вышеприведенныя основоположенія современнаго естествознанія съ фактами изъ областей наукъ, спеціально занимающихся разслѣдованіями способовъ познаванія нами внѣшняго міра.

Вотъ эти данныя:

Разслѣдованіе того, что такое фактъ, показало, что любой изъ фактовъ естествознанія получается не непосредственнымъ созерцаніемъ природы, а есть сложный продуктъ дѣятельности нашей психики, слагаемый 1) изъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ нашихъ органахъ чувствъ внѣшними раздражителями, и 2) изъ дальнѣйшей переработки ощущеній нашею мыслительною способностью.

Вслѣдствіе разнообразія и сложности процессовъ при выработкѣ факта мы не застрахованы отъ болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ при его построеніи.

Получаемыя чрезъ посредство органовъ чувствъ ощущенія перерабатываются внутри насъ цѣлымъ рядомъ сложныхъ психическихъ процессовъ, послѣдовательно въ представленія, понятія, сужденія и умозаключенія. Наша психика, слѣдовательно, въ гораздо бо́льшей мѣрѣ причастна въ созиданіи факта, чѣмъ внѣшнее воспріятіе. И заключеніе изъ этого: что естествоиспытатель, полагающій центръ тяжести естествознанія въ добываніи фактовъ, грѣшитъ, оставляя безъ вниманія такого важнаго пособника въ созиданіи факта, какъ наша психика.

Милль формулируетъ это же самое слѣдующимъ образомъ: одною изъ главныхъ причинъ неправильностей въ выработкѣ факта есть отсутствіе точнаго разграниченія непосредственно наблюденнаго и ощущаемаго, отъ того, что приложено къ нему при дальнѣйшей переработкѣ его нашей психикой. По мнѣнію Милля, то, что мы принимаемъ за наблюденіе, представляетъ обыкновенно сложный результатъ, $^1/_{10}$ котораго добыта наблюденіемъ, а $^9/_{10}$ принадлежитъ выводу.

Касательно характера причинности двухъ слѣдующихъ одно за другимъ явленій, открываемой нами какъ въ обыденной жизни, такъ и естествознаніи, выяснилось, что то, что мы называемъ причиною,

ничто иное, какъ совершенно произвольное, съ нашей стороны, принятіе одного изъ условій, необходимыхъ для осуществленія явленія, за искомую его причину.

Поясню примѣромъ: свѣжее куриное яйцо можно, какъ извѣстно, продержать на холоду безъ измѣненія, но стоитъ только перенесть его въ температуру 37° Ц., чтобы вызвать развитіе цыпленка. Ближайшая причина возбужденія жизни въ данномъ случаѣ несомнѣнно повышеніе температуры; но было бы совершенно неправильно изъ этого заключить о преобладающемъ вліяніи означенной температуры на развитіе цыпленка и видѣть въ ней причину его развитія. Не трудно убѣдиться, что развитіе цыпленка не послѣдуетъ и при температурѣ 37° Ц., если яйцо будетъ помѣщено не въ воздухѣ, а въ азотѣ. Если затѣмъ вновь замѣнить азотъ воздухомъ, то послѣдуетъ развитіе зародыша и, по общепринятому обычаю, мы должны были бы признать воздухъ за главнѣйшую причину. Другими словами: признаніе одного изъ условій за единственную или даже ближайшую причину развитія цыпленка было бы *совершенно произвольнымъ*.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что разслѣдованіе причины явленій и въ естествознаніи, особенно въ живомъ организмѣ, даютъ гораздо меньшій результатъ, чѣмъ это принято думать. То, что обозначается причиной, какъ въ обыденной жизни, такъ въ естествознаніи, ничто иное, какъ одно изъ условій наблюдаемаго явленія, случайно присоединяемое послѣднимъ, но вызывающее явленіе лишь при совокупномъ содѣйствіи съ остальными условіями.

Чрезвычайно любопытные и, по отношенію къ вопросу о познаваемости нами внѣшняго міра, интересные факты принадлежатъ двумъ знаменитѣйшимъ физіологамъ нашего столѣтія, Іогану Мюллеру и Гельмгольцу.

Они первые обратили вниманіе естествоиспытателей на то, что наши органы чувствъ, единственныя посредствующія звенья между нашимъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ, передаютъ намъ свѣдѣнія о предметахъ, внѣ насъ находящихся, не въ видѣ точныхъ копій, а лишь помощью условныхъ знаковъ, возбуждая въ насъ, соотвѣтственно раздраженію ихъ внѣшними агентами, опредѣленныя, но совершенно субъективныя ощущенія и притомъ независимо отъ природы раздражителя. Глазъ, напр., возбуждаетъ въ насъ ощущеніе свѣта; это оптическій аппаратъ, превосходно приспособленный къ воспріятію свѣтовыхъ раздраженій; но легко убѣдиться на опытѣ, что при раздраженіи его не свѣтомъ, а иными способами, напр., при приливѣ крови къ глазу, при ударѣ, или сильномъ сжатіи глазного яблока, при раздраженіи глаза гальваническимъ токомъ, въ насъ возбуждается ощущеніе свѣта. За исключеніемъ перваго случая, во всѣхъ остальныхъ мы получаемъ, слѣдовательно, ощущеніе свѣта, при отсутствіи его внѣ насъ.

Одинаковымъ образомъ, при раздраженіи слухового аппарата раз-

личными раздражителями, мы будемъ ощущать ихъ въ видѣ звуковъ. Сказанное о зрительномъ и слуховомъ органѣ относится и до остальныхъ.

Если выбрать такой внѣшній раздражитель, который реагируетъ на всѣ органы чувствъ, то, прилагая его послѣдовательно къ каждому изъ нихъ, мы будемъ получать ощущеніе, специфическое для каждаго органа. Таковое дѣйствіе производитъ электрическій токъ: въ глазу онъ вызываетъ ощущеніе свѣта, въ слуховомъ органѣ—звуки, на языкѣ—опредѣленное вкусовое ощущеніе, въ кожѣ—ощущеніе тепла, холода или прикосновенія, соотвѣтственно мѣсту его дѣйствія.

Это свойство каждаго изъ органовъ чувствъ возбуждать въ насъ, при раздраженіи ихъ внѣшними агентами, одно лишь опредѣленное ощущеніе и притомъ независимое отъ природы раздражителя, І. Мюллеръ назвалъ *специфической энергіей органовъ чувствъ*.

По этимъ условнымъ знакамъ мы научаемся понимать природу совершенно такъ же, какъ по условнымъ же чернымъ пятнамъ на бѣломъ фонѣ, называемымъ буквами, мы, читая книгу, познаемъ слова и мысли, этими знаками изображаемыя.

Изслѣдованія обоихъ этихъ ученыхъ хотя и приводятся въ руководствахъ по физіологіи человѣка, но они такъ мало гармонируютъ съ общимъ направленіемъ современной физіологіи, что или вовсе не производятъ впечатлѣнія на читателя, или являются чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ и страннымъ.

Приведенныя данныя: 1) относительно сложности построенія факта—этой основы естествознанія,—и обусловленной этимъ возможности ошибокъ при его формулировкѣ, 2) указаніе на невозможность связать причинною связью двухъ другъ за другомъ слѣдующихъ явленій, и въ особенности 3) что, при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, мы не воспринимаемъ точныхъ копій предметовъ, а лишь условные знаки, способны, на первый взглядъ, подорвать въ корнѣ довѣріе къ выводамъ естествознанія.

Поэтому я и поставилъ себѣ одною изъ главныхъ задачъ моего труда, напечатаннаго въ прошедшемъ году подъ заглавіемъ: «Современное естествознаніе и психологія», критическое разслѣдованіе прочности фундамента естествознанія и посвятилъ ему нѣсколько главъ.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ изложеніе потребовавшейся длинной аргументаціи, я лишь ограничусь сообщеніемъ полученнаго результата. Онъ оказался вполнѣ благопріятнымъ для естествознанія и даетъ возможность удержать за естественными науками эпитета *наукъ точныхъ*.

Покончивъ съ анализомъ фактовъ, могущихъ, на первый взглядъ, поколебать довѣріе къ естествознанію, я перехожу къ дальнѣйшему разбору основоположеній современнаго естествознанія.

Мы видѣли какому значительному измѣненію подлежатъ воззрѣнія на фактъ и на характеръ причинности, раскрываемой естествознаніемъ.

Не менѣе глубокое измѣненіе предстоитъ почти всѣмъ остальнымъ положеніямъ.

Только положенія: часть 3-го «чѣмъ проще явленіе, тѣмъ легче оно поддается изученію» и 5-ое «и тѣ, и другія категоріи явленій (т. е. мертвой и живой природы) управляются однѣми и тѣми же силами», остаются неприкосновенными.

Всѣ же остальныя подлежатъ коренному измѣненію.

Неправильно слѣдствіе, выведенное во второй половинѣ 3-го пункта, что прежде всего подлежатъ разслѣдованію явленія неорганической природы, въ виду того, что чѣмъ проще явленіе, тѣмъ оно легче поддается изслѣдованію. Неправильно и все вытекающее изъ него въ слѣдующихъ пунктахъ.

Неправильно потому, что при наличности нѣсколькихъ явленій начинаніе разслѣдованія съ простѣйшихъ представляется вполнѣ раціональнымъ лишь при соблюденіи двухъ условій: 1) чтобы явленія принадлежали къ одной категоріи и 2) чтобы были доступны одинаковымъ пріемамъ изслѣдованія. Между тѣмъ, второе условіе въ данномъ случаѣ не соблюдено.

Къ явленіямъ такъ-называемой мертвой природы намъ предоставлено подступать и анализировать ихъ лишь съ *внѣшней* стороны. Мы наблюдаемъ ихъ и измѣненія, въ нихъ происходящія; измѣненія эти наблюдаются нами обыкновенно въ видѣ движенія всего тѣла или его частей. Отсюда понятны стремленія естествоиспытателей свести явленія мертвой природы на механику движенія атомовъ, въ этихъ тѣлахъ предполагаемыхъ. Если бы мы принуждены были ограничиться единственно этимъ способомъ изученія объектовъ внѣшняго міра, то весь онъ, со всѣми людьми и остальными живыми существами представился бы намъ *бездушнымъ* механизмомъ. За таковой и считаютъ его приверженцы механическаго міровоззрѣнія. Мы бы, при самомъ тщательномъ изученіи человѣка, съ внѣшней стороны, просмотрѣли бы въ человѣкѣ наиболѣе драгоцѣнное его достояніе, его внутреннюю психическую жизнь.

Къ счастью, мы имѣемъ возможность убѣдиться, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, объектахъ внѣшняго міра скрывается за внѣшнею оболочкою сходная съ нашею психическая жизнь. Объекты эти мы называемъ людьми. Подобную же психическую сторону жизни мы признаемъ и въ животныхъ, не исключая и простѣйшихъ и, заключаемъ о ея присутствіи и во всемъ растительномъ царствѣ.

Сравнивая эти объекты съ тѣми, въ которыхъ намъ не удается открыть психической стороны, легко замѣтить, что критеріемъ первыхъ есть сходство ихъ психики съ нашей. Степенью сходства и опредѣляется степень познаванія нами психики разслѣдуемаго объекта.

Наиболѣе далеки отъ насъ явленія такъ-называемой мертвой природы, такъ что, если бы и была имъ присуща психика, то мы не были бы въ состояніи убѣдиться въ ея наличности. Придерживаясь фактической стороны вопроса, я считаю наилучшимъ, не предрѣшая вопроса о психикѣ въ явленіяхъ неорганической природы, считать его открытымъ, настаивая, однако, на томъ, что мы въ то же время не имѣемъ права отрицать ея присутствія въ явленіяхъ мертвой природы.

Изъ всего сказаннаго неизбѣжно вытекаетъ еще интересное слѣдствіе: приверженцы механическаго міровоззрѣнія, исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія, «что живые организмы и явленія мертвой природы управляются тѣми же самыми силами», утверждаютъ, что, признавая разложимость явленій мертвой природы на механику атомовъ, должно признать, что и явленія жизни разложимы безъ остатка также на механическія движенія атомовъ. Ошибка въ заключеніи ясна: нельзя отъ явленій, разслѣдованіе которыхъ доступно лишь съ внѣшней, показной стороны, дѣлать выводы касательно сути явленій, доступныхъ намъ и со стороны внутренней; немыслимо, чтобы сводимые на движеніе атомовъ законы физики и химіи, представляющіе намъ лишь внѣшнюю сторону явленій мертвой природы, могли бы исчерпывать собою явленія жизни полностью, т. е. не только со стороны внѣшняго ея проявленія, но и хорошо знакомую намъ по непосредственному ощущенію ея внутреннюю—психическую сторону.

Особенно же заслуживающимъ вниманія слѣдствіемъ проводимаго мною взгляда представляется возможность объяснить бросающееся въ глаза различіе между живыми организмами и такъ-называемой неодушевленной природой не столько *различіемъ ихъ между собою, по существу, сколько разницею въ предоставленныхъ намъ способахъ ихъ познаванія*. И изъ этого дальнѣйшій прямой выводъ: рѣшеніе ожесточеннаго спора среди естествоиспытателей между послѣдователями механическаго міровоззрѣнія и обособившейся, въ послѣднее время, небольшой группы—виталистовъ, лежитъ внѣ предѣловъ современнаго естествознанія, въ области логики, психологіи и ученія о познаніи.

Разногласіе ихъ сводится къ слѣдующему: въ противоположность сторонникамъ механическаго міровоззрѣнія виталисты утверждаютъ, что жизнь не разложима, подобно явленіямъ мертвой природы, на явленія физики, химіи и механики; что въ живыхъ тѣлахъ дѣйствуетъ, кромѣ присущихъ мертвой природѣ силъ, что-то особенное, обозначаемое обыкновенно *жизненной* силой. Вмѣстѣ съ этимъ они признаютъ, что исходною точкою разслѣдованія природы долженъ быть человѣкъ, и что, при изученіи природы, наиболѣе раціональнымъ представляется путь, діаметрально противоположный пути, который предлагается сторонниками механическаго міровоззрѣнія, т.-е. отъ человѣка къ явленіямъ мертвой природы.

Расходясь съ виталистами въ необходимости признанія въ организ-

махъ особенной силы, не присущей въ явленіяхъ мертвой природы, я присоединяюсь къ нимъ въ вопросѣ о наиболѣе раціональномъ пути разслѣдованія природы. Избравъ человѣка за исходную точку, какъ объектъ природы, намъ наиболѣе извѣстный, хотя и весьма сложный, мы съ удобствомъ можемъ постепенно подвигаться впередъ, переходя отъ болѣе сложнаго, но и лучше намъ извѣстнаго, къ явленіямъ, хотя болѣе простымъ, но и менѣе намъ сроднымъ и менѣе понятнымъ.

Въ пользу этого порядка въ разслѣдованіи природы, говоритъ также всѣми естествоиспытателями признанная, хотя еще по моему мнѣнію, не съ должною точностью доказанная, теорія эволюціи человѣка и высшихъ животныхъ изъ наипростѣйшихъ элементарныхъ организмовъ. По этой теоріи, и тѣлесная организація наша и одновременно съ нею и психика произошли путемъ постепеннаго осложненія и совершенствованія. Являясь наисложнѣйшимъ продуктомъ эволюціи, человѣкъ заключаетъ въ себѣ все, что могла дать эволюція; изучивъ его, мы не подвергаемся опасности, что-нибудь просмотрѣть, когда перейдемъ отъ него къ изученію другихъ существъ и остальной природы, которыя всѣ проще его. Наши взгляды на природу окажутся такимъ образомъ болѣе широкими и точными, нежели тѣ, которые мы бы выработали, идя по пути обратному.

Въ предъидущемъ я старался показать, насколько благотворно можетъ повліять на развитіе естествознанія знакомство съ науками, разслѣдующими нашу психическую жизнь, и мы видѣли, до какой степени, подъ вліяніемъ этихъ данныхъ, пришлось передѣлать основныя положенія современнаго естествознанія. Между тѣмъ до сего времени натуралисты тщательно обходятъ психическія явленія, ограничивая свое поле разслѣдованія исключительно явленіями матеріальными. Это односторонее отношеніе къ дѣлу, въ особенности въ области физіологіи, сказывается весьма невыгоднымъ образомъ. Современный физіологъ, разсматриваетъ и изучаетъ организмъ какъ неодушевленный механизмъ, и съ этой точки зрѣнія и описываетъ явленія, въ немъ наблюдаемыя, хотя и ясно сознаетъ нерасторжимую связь психики съ матеріальными процессами въ организмѣ, и ежедневно имѣетъ случай наблюдать, на сколько нарушеніе правильнаго хода ихъ отражается на психикѣ и, наоборотъ, какія глубокія разстройства въ этихъ процессахъ можно вызвать, вліяя на психику.

Связь эта намѣренно игнорируется, какъ предметъ, стоящій внѣ области физіологіи. Невниманіе же къ такому преобладающему въ нашей жизни фактору какъ психическія явленія, не можетъ не вызывать односторонности, и слѣдовательно, неправильности въ объясненіи жизненныхъ процессовъ организма. Невольно напрашивается вопросъ: почему не смотря на то, что мы всѣ по опыту знаемъ, какимъ тѣснымъ и нерасторжимымъ образомъ переплетаются въ нашей жизни психическіе

и матеріальные процессы—физіологи объ этомъ умалчиваютъ? Они отвѣчаютъ на это, что ихъ касается только внѣшняя сторона нашей жизни, механизація организма. Каждый, конечно, воленъ обращать вниманіе на любую сторону изучаемаго предмета; въ данномъ случаѣ физіологъ, занимаясь исключительно внѣшнею стороною жизни и намѣренно игнорируя внутреннюю, долженъ былъ бы всякій разъ, какъ онъ, выходя изъ рамки своей спеціальности, приступаетъ къ обсужденію жизненныхъ процессовъ въ полномъ ихъ проявленіи—это оговаривать, а не проходить и въ этомъ случаѣ молчаніемъ внутреннюю, психическую сторону нашей жизни. Подразумѣвая подъ названіемъ физіологіи науку о жизни организмовъ, мнѣ бы казалось, для избѣжанія неточности, современную физіологію называть *біо-механикой*, а представителей ея *біо-механиками*.

Я предвижу возраженіе, которое постараюсь предупредить. Мнѣ могутъ возразить, что я, находя біо-механику не исчерпывающею сполна задачи физіологіи, этимъ самымъ утверждаю присутствіе въ организмахъ особаго начала и становлюсь какъ бы сторонникомъ дуализма. Я далекъ отъ этой мысли, и въ своемъ печатномъ трудѣ, о которомъ мнѣ приходилось выше упомянуть, отвѣчаю на это возраженіе. Я разъяснилъ въ немъ, почему я не считаю возможнымъ, для объясненія психическихъ и матеріальныхъ явленій, допущеніе двухъ, якобы реальныхъ сущностей: духа и матеріи. Считая вопросъ этотъ неразрѣшимымъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, я предпочитаю, отказавшись отъ теоретической его разработки, попытаться приблизиться, по возможности, къ выясненію его окольнымъ путемъ опытовъ и наблюденій. Что подобные пріемы способны привести къ желаемой цѣли, неоднократно засвидѣтельствовано въ исторіи естествознанія. Нельзя не замѣтить аналогіи между положеніемъ, занимаемымъ нами по вопросу о сути жизни и взаимодѣйствіи явленій, матеріальныхъ и психическихъ и положеніемъ естествоиспытателей, которымъ предстояло выясненіе движенія земли, солнца, луны и остальныхъ небесныхъ свѣтилъ.

Имъ удалось получить интереснѣйшіе результаты о движеніи свѣтилъ и земли, не разрѣшивъ вопроса о сущности тяготѣнія. Также сдѣлано очень многое для выясненія эволюціи животныхъ и человѣка, минуя попытку разрѣшить вопросъ о сути жизни.

Я счастливъ, что могу привести уже фактическое доказательство правоты моего взгляда; разслѣдованія экспериментальнымъ путемъ психическихъ явленій, едва только начатыя, дали уже крайне любопытные результаты.

На нашихъ глазахъ зародилась новая наука: *экспериментальная психологія*. *Вундтъ* въ Германіи и *Шарко* во Франціи первые повели ее по новому пути; особеннаго вниманія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, факты, добытые относительно гипнотизма. Недавно еще послѣдніе были относимы серьезными людьми въ область бредней; въ настоящее же

время они засвидѣтельствованы спеціалистами врачами, достойными полнаго довѣрія, и составляютъ достояніе точной науки.

Остановлюсь на краткомъ ихъ описаніи.

Гипнозъ обыкновенно опредѣляется, какъ искусственно вызванное видоизмѣненіе нормальнаго сна. Во время гипнотическаго сна душевная дѣятельность загипнотизированнаго является въ полномъ подчиненіи волѣ гипнотизера. Изъ различныхъ способовъ вызова гипноза и послѣдующихъ явленій я разсмотрю лишь главнѣйшій: *словесное внушеніе*. Эффекты, достигаемые словеснымъ внушеніемъ, весьма разнообразны.

Внушеніемъ могутъ быть вызваны во время сна: 1) *галлюцинаціи*, т. е. воспріятіе явленія при отсутствіи его реальной причины; 2) *иллюзіи* извращеніе сознаніемъ дѣйствительно воспринятыхъ впечатлѣній; 3) *волевые акты*, исключительно обусловленные волей гипнотизера и совершаемые нерѣдко противно наклонностямъ и характеру субъекта; послѣдніе могутъ быть внушены: а) съ приказаніемъ *немедленнаго исполненія*, или же б) чрезъ болѣе или менѣе продолжительный, но *точно опредѣленный* срокъ. Сюда относятся также: 4) внушаемыя *неотразимыя идеи* и *влеченія*, 5) *потеря памяти* полная, или только частная, 6) *нарушеніе*, въ желаемомъ гипнотизеромъ смыслѣ, *главнѣйшихъ*, *изъятыхъ изъ нашей воли*, функцій организма.

Эти послѣднія особенно интересны тѣмъ, что здѣсь, при посредствѣ *словеснаго внушенія*, удается видоизмѣнять, по произволу, *растительныя отправленія* организма, не зависящіе отъ воли человѣка въ обыкновенномъ его состояніи, и, слѣдовательно, здѣсь устраняется предположеніе намѣренной симуляціи со стороны загипнотизированнаго лица.

Имѣются многочисленныя и большимъ числомъ наблюдателей засвидѣтельствованныя показанія, что словеснымъ внушеніемъ удается, по произволу, вызывать какъ запоръ, такъ и поносъ, внушать рвоту, головокруженіе и сильную головную боль, или же, наоборотъ, прекращать эти страданія. Словеснымъ же внушеніемъ удается возбуждать сильный и быстрый приливъ крови къ намѣченной заранѣе части тѣла и производить этимъ сильное ея вздутіе; можно заставить даже сочиться кровь на опредѣленныхъ заранѣе мѣстахъ, и притомъ даже чрезъ опредѣленный промежутокъ времени; удавалось, при помощи словеснаго внушенія увеличивать отдѣленіе молока у женщинъ, вызывать, а равно и прекращать менструацію и неоднократно достигать исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, не прибѣгая къ другимъ средствамъ.

Всѣ приведенные случаи гипноза чрезъ словесное внушеніе, имѣютъ общее между собою въ томъ, что здѣсь происходитъ, по выраженію проф. Бехтерева, «непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, прививаніе, происходящее безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны пониманія». Воля загипнотизированнаго лица, порабощенная гипнотизеромъ, замѣщается волей послѣдняго, нерѣдко

принуждается къ поступкамъ, противнымъ склонностямъ и характеру воспринимающаго лица.

Экспериментальное изученіе внушенія способствовало открытію, среди жизненныхъ процесовъ, присутствія *самовнушенія* и притомъ не только непосредственнаго его вліянія на волевые акты, но и не подозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него процессовъ, изъятыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, изъ подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а слѣдовательно, и нашей воли.

Самовнушеніемъ могутъ быть вызваны: 1) *ускореніе* и *замедленіе сердцебіенія*; 2) кровоточивые знаки (стигматы) и даже 3) періодическія кровоизліянія изъ различныхъ частей тѣла, напр., у *Луизы Лато*.

На основаніи сообщенныхъ данныхъ позволительно заключить о заправленіи самовнушеніемъ, при нормальномъ теченіи жизни, функціями организма такимъ же деспотическимъ образомъ, какъ внушенное постороннее вмѣшательство.

Къ сожалѣнію время, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, не дозволяетъ развить дальше разслѣдованіе этого любопытнаго вопроса.

Въ заключеніе два слова:

Я имѣлъ въ виду, обрисовавъ въ краткихъ чертахъ основоположенія современнаго естествознанія, указать, въ моей рѣчи, ближайшую его задачу въ будущемъ. Она выразилась, какъ мы видѣли, въ настоятельной потребности расширить районъ дѣятельности естествоиспытателей и распространить его и на психическія явленія. Мнѣ кажется, что приведенные мною факты достаточно краснорѣчиво говорятъ въ пользу моего воззрѣнія, и полагаю позволительнымъ надѣяться, что въ наступающемъ столѣтіи развитыя здѣсь мною мысли удостоятся вниманія.

А. Фаминцынъ.

СТРѢЛА И ПѢСНЯ.

(Изъ Лонгфелло).

Стрѣлу пустилъ я въ воздухъ смѣло,—
Упала гдѣ она? Какъ знать!
Она такъ быстро полетѣла,
Что взоръ не могъ ее догнать.

Послалъ я пѣсню въ воздухъ ясный,—
Куда-то, думалъ, западетъ?
Ея, отважной, сладкогласной,
Кто можетъ выслѣдить полётъ?

И что же? На дубу, средь луга,
Въ вѣтвяхъ нашлась стрѣла пѣвца,
А пѣсня—въ нѣжномъ сердцѣ друга,
Вся, вся съ начала до конца!..

Н. Холодковскій.

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

(Эпизодъ изъ жизни Курдюма).

(*Окончаніе* *).

Глава IV.

Гордіевъ узелъ завязывается.

Однажды кухарка Аксинья, смѣнившая Θеклу, которая ужъ слишкомъ свободно начала обращаться съ Эмиліемъ Маріусовичемъ, придя съ базара, сказала Аннѣ Сергѣевнѣ:

— Плавутину барыню будутъ сегодня выгонять изъ заведенія...

— Изъ какого заведенія?—спросила, ничего не понимая, Нюня.

— Да вотъ оттуда, гдѣ вы все пляшете, да въ карты играете.

— Это клубъ, а ты говоришь заведеніе,—съ оскорбленнымъ видомъ замѣтила Нюня.

— Ужъ тамъ не знаю какъ, только говорятъ, какъ туда придетъ сегодня барыня Плавутина, такъ ее Гамидъ и выведетъ.

— Что ты мелешь?—воскликнула Анна Сергѣевна, у которой явилась идея, что коварная Аксинья имѣетъ намѣреніе сенсаціоннымъ извѣстіемъ прикрыть плутни со сдачей.

— То мельница мелетъ, не я,—гордо отпарировала Аксинья,—а про Плавутину барыню разсказывала Прозрителева кухарка... И говорятъ, за то Плавутинову барыню выгонять станутъ, что она безпачпортная, али бѣглая какая, кто ее знаетъ... И какъ, значитъ, она только въ дверь, такъ ее Гамидъ подъ ручки!

Нюня сосчитала сдачу и такъ какъ все было въ порядкѣ, рѣшила вступить съ Аксиньей въ болѣе подробную бесѣду.

— Неужели ты думаешь,—сказала она,—что Эмиличка не разсказалъ бы мнѣ объ этомъ первой, если бы это была правда?

— А кто его знаетъ,—сухо отвѣчала Аксинья,—что слыхала, то и сказала.

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1899 г.

Затѣмъ она взяла корзину съ провизіей, которую барыня уже успѣла просмотрѣть, и ушла на кухню; а у Нюни голова пошла кругомъ отъ сообщеннаго извѣстія. Прежде всего ей захотѣлось побѣжать къ Маринѣ Гавриловнѣ, которая жила отъ нея ближе всѣхъ; но было такъ рано, что она рѣшила лучше разбудить супруга.

— Правда ли это?—говорила она, расталкивая Эмилія Маріусовича,— правда ли, что сегодня рѣшили выгонять эту даму изъ клуба? Неужели она въ самомъ дѣлѣ бѣглая?

Бубликовъ, проведшій ночь за картами, былъ очень недоволенъ столь раннимъ пробужденіемъ и, сухо отвѣтивъ:

— Не мѣшайся въ наши оффиціальныя дѣла...—повернулся на другой бокъ.

— Хороши оффиціальныя дѣла,—по обыкновенію, тихонько куксила Нюня и ея желтое лицо приняло страдальческое выраженіе,—всѣ кухарки на базарѣ говорятъ, только я...

Она продолжала жаловаться, пока, наконецъ сопѣніе супруга не убѣдило ее въ безполезности этихъ стенаній. Она уже хотѣла одѣваться, чтобы бѣжать къ Маринѣ Гавриловнѣ, но вдругъ увидала въ окно госпожу Шпингалетову, возвращавшуюся съ базара, и выбѣжала къ ней на улицу.

— Слыхали, душечка, сегодня Плавутину выгонять будутъ, да?— спросила она, поманивъ къ себѣ Агафью Марковну.

— Да, да, кажется, сегодня... Вчера Прозрителева говорила у Ападульчевыхъ, что на сегодня назначено; только надо это держать въ секретѣ.

— Я и то никому не говорю, хотя мнѣ Эмиличка сказалъ это позавчера... Только я не понимаю, зачѣмъ надо это держать въ секретѣ?

— Да вѣдь если она узнаетъ, то не придетъ,—пояснила Агафья Марковна,—ну я тороплюсь, еще не пила чаю.

И Агафья Марковна распрощалась; но вслѣдъ за ней съ базара шла г-жа Ападульчева, которая также остановилась на минутку побесѣдовать съ Анной Сергѣевной.

— У меня просто бѣда съ Раичкой,—говорила Анжелика Ивановна.—хотѣла она письмо писать этой дамѣ... Ей, видите ли, жаль, что Плавутина, или какъ тамъ ее, будетъ имѣть скандалъ. На силу удержала, а то бы потомъ Прозрителевъ заѣлъ!

— А въ сущности, мнѣ ее жалко даже,—сказала подошедшая казначейша,— были знакомы, лѣчились и вдругъ такое... я не пойду сегодня въ клубъ.

— А зачѣмъ она носъ задирала?—тихонько закуксила Нюня,—съ Эмиличкой всѣ любятъ танцовать, а она всегда отказываетъ.

— Ну, это еще небольшое преступленіе,—возразила, уходя, казначейша.

— А все-таки, и я бы хотѣла, что-бы ее кто нибудь предупре-

дилъ,—задумчиво проговорила Анжелика Ивановна, — только, конечно, я Раѣ не позволю... А такъ кто-нибудь пусть со стороны.

Но доброе пожеланіе Анжелики Ивановны не исполнилось, никто не предупредилъ Ольгу Борисовну и къ восьми часамъ вечера она вынула свое праздничное платье и стала причесывать волосы.

— Неужели ты пойдешь сегодня въ клубъ?—спросилъ ее Георгій Александровичъ.

— Вѣдь я всегда хожу,—упрямо возразила молодая женщина,—почему же мнѣ не идти сегодня.

— Потому что тебѣ тамъ будетъ скучно.

— Мнѣ всегда тамъ скучно...

— Какъ это все непріятно.

— Что это?—сердито спросила Ольга Борисовна.

— Это твое нервное отношеніе... Конечно, рано или поздно мы должны были ожидать чего-нибудь отъ этихъ господъ; но я думалъ, что ты отнесешься ко всему спокойнѣе.

— Жоржъ! Ну, честное слово, я совершенно спокойна, съ чего ты взялъ, что я волнуюсь? То-есть, конечно, я спокойна, насколько это возможно въ моемъ положеніи... Согласись, что полное спокойствіе здѣсь сохранить невозможно. Даже отъ собакъ отмахиваешься зонтикомъ, а тутъ нападаютъ люди...

— Зачѣмъ же идти этимъ людямъ на встрѣчу.

— Чтобы встрѣтить врага лицомъ къ лицу,—разсмѣявшись, отвѣчала Ольга Борисовна.

Георгій Александровичъ уныло пожалъ плечами.

— Ну, Жоржикъ, не сердись, я не могу иначе. Вѣдь мы отсюда скоро уѣдемъ, а память о насъ останется. Вотъ они потомъ и станутъ разсказывать: «была у насъ здѣсь одна образованная, да и той мы хорошо носъ утерли». А такъ все-таки, они будутъ вспоминать съ удивленіемъ, что «образованная» не дала себѣ утереть носъ...

— И все это пустыя вещи! Они никогда не думаютъ о томъ, что ты образованная, и вовсе не это останется у нихъ въ памяти. Они будутъ помнить, что я поссорился съ Прозрителевымъ, за что и получилъ достойное возмездіе... Но, конечно, тутъ дѣло не въ этомъ! Ты пойдешь сегодня потому, что ты хочешь пойти, вотъ и все.

— Да, я пойду,—подтвердила, виновато улыбаясь, Ольга Борисовна.

И въ своемъ нетерпѣніи поскорѣе завладѣть позиціей, она явилась въ клубъ такъ рано, что нашла еще поле дѣйствія совершенно свободнымъ.

Сегодня публика собиралась туго.

Оркестръ уже давно сидѣлъ по мѣстамъ, мѣщанинъ Подоприголовъ нѣсколько разъ пробовалъ тонъ своей скрипки, когда, наконецъ, изъ передней выглянулъ Бубликовъ и тотчасъ же скрылся, метнувъ гла-

зами въ сторону опальной пары. Затѣмъ показалась на мгновеніе внушительная фигура Петра Петровича, потомъ появился въ дверяхъ сухой силуэтъ Прозрителева и также быстро исчезъ.

Вскорѣ послѣ этого въ залу вошли дамы, сразу, плотной, оживленной группой. Проходя мимо Ольги Борисовны, онѣ не только кланялись ей, но даже любезно протягивали руку, что̀ заставило ее удивленно переглянуться съ Плавутинымъ. Однако, всѣ тщательно избѣгали садиться около того мѣста, гдѣ она сидѣла. и всѣ заняли стулья на противоположномъ углу комнаты.

— Точно въ театрѣ,—сказала потихоньку Ольга Борисовна,—сговорились онѣ, что ли?

Къ девяти часамъ составился уже полный комплектъ танцующихъ дамъ; но въ залѣ не было ни одного кавалера.

Только разъ прошелся тамъ Эмилій Маріусовичъ; но только для того, чтобы шепотомъ передать дамамъ какое-то извѣстіе. Вѣроятно, это было что-то очень любопытное, потому что послѣ того, какъ Бубликовъ ушелъ, онѣ склонили головы вмѣстѣ къ одному центру и тихонько начали переговариваться между собою.

Музыканты отъ нечего дѣлать заиграли тушъ, потомъ повторили его; но кавалеры на призывъ не явились.

Затѣмъ, черезъ четверть часа въ залѣ раздалось пѣнье уже знакомой намъ польки.

Но и мастерское исполненіе вымуштрованныхъ пѣвцовъ не вызвало среди дамъ обычнаго воодушевленія; а кавалеры были такъ заняты, что даже не слыхали ни одного звука изъ пѣсни.

Въ бильярдной, у буфетной стойки стоялъ секретарь Острожниковъ и, перегнувшись всѣмъ корпусомъ, строчилъ какую-то бумагу. Около него-то столпились всѣ кавалеры, которыхъ такъ тщетно ожидали въ залѣ.

Поодаль, прислонившись къ стѣнкѣ, стоялъ Прозрителевъ, громкимъ голосомъ диктовавшій письмоводителю.

— Господа,—раздался во время одной изъ паузъ голосъ доктора Македонскаго,—повторяю еще разъ, бросьте это дѣло...

— Уже десять часовъ пробило, дамы васъ ожидаютъ,—робко поддержалъ его старичекъ казначей.

— Мы уже кончили,—отвѣчалъ Прозрителевъ.

— Надѣюсь, вы написали все въ самыхъ, гм... деликатныхъ выраженіяхъ?—обратился къ письмоводителю Петръ Петровичъ.

— Онъ писалъ то, что̀ я ему диктовалъ,—высокомѣрно замѣтилъ Прозрителевъ.

Эмилій Маріусовичъ взялъ у Острожникова листъ бумаги и пробѣжалъ ее глазами.

— Чего вы хотите,—сказалъ онъ затѣмъ,—совершенно деликатно... Вотъ: «совѣтъ старшинъ покорнѣйше проситъ Георгія Александровича

Плавутина не отказать въ сообщеніи фамиліи неизвѣстной дамы, которую онъ ввелъ сегодня въ собраніе». Затѣмъ слѣдуютъ подписи старшинъ.

— Но вѣдь не всѣ старшины подписали,—замѣтилъ докторъ Македонскій.

— Подписали всѣ, которые присутствуютъ къ клубѣ, — отвѣчалъ Эмилій Маріусовичъ,—это уже придирка! Нотаріусъ и слѣдователь нарочно уѣхали, чтобы сегодня здѣсь не быть, такъ что жъ намъ ихъ ждать до завтра, что ли?

— Надо было предупредить Плавутиныхъ,—шепотомъ сказалъ старичекъ казначей доктору,—я было хотѣлъ, да знаете ли, такъ стыдно! Не зналъ, какъ сказать... думалъ, кто другой это сдѣлаетъ...

— Пусть еще Агриппинъ Михайловичъ подпишетъ въ качествѣ хозяйственнаго старшины,—сказалъ Прозрителевъ.

— Мнѣ все равно,—откликнулся Ападульчевъ, который стоялъ за стойкой, не принимая участія въ преніяхъ,—хотите—подпишу, не хотите—не надо.

— Просимъ!—раздалось въ отвѣтъ.

Тогда Агриппинъ Михайловичъ медленно вылѣзъ изъ-за стойки, взялъ неподвижными толстыми пальцами перо и, посопѣвъ нѣкоторое время, вывелъ каракулями свою фамилію.

— Мнѣ все равно,—повторилъ онъ затѣмъ, снова отходя къ стойкѣ буфета,—она мнѣ ни врагъ, ни другъ... мнѣ все равно.

— Я думаю, господа, — сказалъ Петръ Петровичъ, — не лучше ли пригласить Плавутина сюда? Такъ все дѣло произойдетъ безъ, гм... огласки, а то, знаете ли, гм... дамская стыдливость... а такъ, онъ выслушаетъ бумагу, уведетъ даму и гм... вотъ и все!

— Вы, докторъ, съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ,—сказалъ Бубликовъ,—вотъ вы подите въ залъ и приведите его сюда.

— Вы ошибаетесь, я не полицейскій! — вспыхивая, отвѣчалъ Македонскій.

— Вы пригласите его просто на партію въ бильярдъ, — посовѣтовалъ Прозрителевъ.

— Вотъ еще, стану я лукавить!

— Для общаго блага можно бы, гм... — стыдливо присоединилъ свой голосъ Тюльпановъ.

— Вы, конечно, также не желаете, чтобы скандалъ разыгрался при дамахъ?—спросилъ Прозрителевъ,—въ такомъ случаѣ, ваша прямая обязанность помочь намъ.

— Вотъ наказаніе!—воскликнулъ докторъ.

— Лучше позовите его сюда,—посовѣтовалъ казначей,—а то, пожалуй, дѣйствительно выйдетъ скандалъ.

— Ладно,—отвѣтилъ мрачно Василій Петровичъ,—я позову его; но уговаривать не стану... надѣюсь, онъ не пойдетъ.

Но Георгій Александровичъ пошелъ. Сначала онъ колебался оставить Ольгу Борисовну одну среди враждебно настроенныхъ дамъ; но она сказала ему:

— Иди, иди, можетъ, тогда скорѣе начнутся танцы... а такъ сидѣть очень скучно.

Георгій Александровичъ ушелъ. Ольга Борисовна осталась одна подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ взглядовъ.

Въ залѣ царила полная тишина. Музыканты, кажется, уснули на своихъ сундукахъ въ передней; дамы, сбившись въ кружокъ, неслышно перешептывались...

Долго ли продолжалось такое положеніе вещей, Ольга Борисовна потомъ не могла припомнить, потому что скоро потеряла сознаніе времени. Шушукающіяся дамы, дремлющіе музыканты, комната съ парой чадящихъ лампъ, съ портьерами изъ пестрой бумаги, разнокалиберные вѣнскіе стулья—все это начало принимать въ глазахъ какой-то сказочный колоритъ. Казалось, будто все это происходитъ не здѣсь, посреди реальнаго села Курдюма, а гдѣ-то въ тридесятомъ царствѣ, гдѣ каждую минуту надо ожидать чуда и гдѣ чуду этому не надо удивляться, потому что оно-то и составляетъ здѣсь основу жизни...

Этотъ фантастическій туманъ нѣсколько разсѣялся, когда въ дверяхъ появилась нѣсколько запоздавшая Анжелика Ивановна съ Раисой.

Раичка, окинувъ взглядомъ комнату, тотчасъ же поняла положеніе вещей, и сказала, не обращая вниманія на молніеносносный взглядъ матери:

— Я, мама, сяду возлѣ Ольги Борисовны...

И храбрая толстушка, дѣйствительно, поступила по своей волѣ.

— Отчего это до сихъ поръ не танцуютъ?—спросила она у сосѣдки.

— Не знаю,—отвѣчала Ольга Борисовна, и голосъ ея, рѣзко прорѣзавшій тишину, наполнявшую комнату, показался ей чуждымъ, звучавшимъ будто въ отдаленіи.

— Гамидъ,—спросила Раичка у проходившаго мимо татарина,—гдѣ наши кавалеры?

— Въ бильярдномъ,—отвѣтилъ онъ,—все что-то крычатъ, да пышутъ.

— Вѣроятно, они ссорятся съ Жоржемъ, — сказала Ольга Борисовна,—какъ это скучно...

— Вотъ пустяки, — сказала Раичка, хотя отлично знала, что это не пустяки и что если Георгій Александровичъ попалъ въ бильярдную, то тамъ, навѣрно, ссорятся.

И въ бильярдной, дѣйствительно ссорились: Плавутинъ не хотѣлъ слушать постановленія старшинъ и дѣлалъ видъ, что исключительно занятъ игрою на бильярдѣ.

— Но я васъ прошу серьезно отнестись къ моимъ словамъ,—говорилъ Эмилій Маріусовичъ, стоявшій около него съ бумагой; но Георгій Александровичъ, не глядя на Бубликова, старательно прицѣливался въ желтый шаръ, приготовляясь срѣзать его въ среднюю лузу.

*

— Я васъ покорнѣйше прошу, — повторялъ Эмилій Маріусовичъ, безпомощно оглядываясь.

Низкая комната съ душнымъ, пропитаннымъ сыростью воздухомъ, утопала во мракѣ, потому что плохая лампа, повѣшенная надъ бильярдомъ свѣтила тускло, а двѣ свѣчи, стоявшія на буфетѣ, освѣщали только одну монументальную фигуру Агриппина Михайловича, да нѣсколько бутылокъ съ водкой.

— Вотъ такъ ударъ!—воскликнулъ Георгій Александровичъ, которому неожиданно удалось послать желтаго въ лузу, — проиграете, Василій Петровичъ, непремѣнно проиграете.

— Конечно, проиграю,—отвѣчалъ докторъ, все время промахивавшійся.

— Не попали,—говорилъ Плавутинъ, проходя опять мимо Эмилія Маріусовича,—господинъ Бубликовъ, отойдите: вы мнѣ мѣшаете.

— Но я васъ прошу выслушать бумагу,—повторилъ уже нетерпѣливо Эмилій Маріусовичъ.

— Вы съ полчаса уже меня умоляете объ этомъ, но это безполезно: я не хочу выслушивать содержаніе какихъ-то бумагъ неизвѣстнаго происхожденія.

— Но это постановленіе старшинъ...

На лицѣ Георгія Александровича появилось выраженіе непобѣдимаго упрямства. Молча прицѣлился онъ въ шаръ, промахнулся и сказалъ:

— Ваша очередь, Василій Петровичъ.

— По моему, докторъ долженъ перестать играть,—замѣтилъ Прозрителевъ,—что за игра во время серьезнаго дѣла?

— Я началъ и кончу,—протестовалъ Македонскій.

Петръ Петровичъ подошелъ къ нему, съ жаромъ пошепталъ что-то на ухо и, отходя, прибавилъ:

— Прошу васъ, въ видѣ личной для меня услуги.

— Георгій Александровичъ,—сказалъ тогда докторъ, весь красный, — вѣдь они пустяка отъ васъ хотятъ: скажите имъ фамилію Ольги Борисовны.

— Зачѣмъ... Ну, положимъ, я имъ скажу, что она Петрова или Иванова, а дальше?

— Вы должны отвѣчать, коль скоро постановленіемъ старшинъ... Началъ было Прозрителевъ, приподнимаясь на вершокъ отъ стула.

— Господинъ Прозрителевъ, вы не старшина и я не желаю, чтобы вы со мною разговаривали,—заявилъ Плавутинъ.

Семенъ Карповичъ гнѣвно откинулся всѣмъ корпусомъ на спинку стула.

— Но я дежурный, — сказалъ тогда Бубликовъ, — и покорнѣйше прошу васъ сказать намъ, кто эта дама, которую вы изволили сегодня ввести въ собраніе?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Плавутинъ,—но, господинъ старшина, потрудитесь дать мнѣ ту книгу, куда у васъ записываютъ гостей.

Бубликовъ растерянно оглянулся.

— Пусть напишетъ на оборотѣ бумаги,—прошепталъ Семенъ Карповичъ.

— Потрудитесь написать здѣсь,—повторилъ Эмилій Маріусовичъ, переворачивая бумагу чистой страницей вверхъ.

— Какъ вы непредусмотрительны, господа,—сказалъ, усмѣхаясь, Плавутинъ,—вы даже не догадались приготовить такую книгу!

Въ бильярдной воцарилась тишина и во время этой небольшой паузы, въ сердцахъ дѣйствующихъ лицъ, неожиданно, накопилось много желчи.

Георгій Александровичъ, опираясь на кій, ожидалъ отвѣта; Бубликовъ подъискивалъ его, теребя въ рукахъ бумагу; Семенъ Карповичъ, сдерживая себя, нервно вертѣлся на стулѣ.

— Итакъ, мы можемъ констатировать фактъ неповиновенія старшинамъ?—сказалъ онъ, наконецъ, не выдержавъ.

— Господинъ Прозрителевъ, я все еще не хочу говорить съ вами,—возразилъ Плавутинъ.

— Я говорю вообще, всѣмъ...

— А, въ такомъ случаѣ, прошу извиненія.

— Но это ужъ, гм... прямо издѣвательство,—вставилъ, наконецъ, свое мнѣніе Тюльпановъ.

— А вы только что догадались?— спросилъ его Георгій Александровичъ съ участіемъ.

— Дѣло хотятъ раздуть въ скандалъ!—крикнулъ Прозрителевъ.

— Милостивый государь,—сказалъ Бубликовъ, предварительно пошептавшись со старшинами,—мы просимъ васъ, въ такомъ случаѣ, удалиться съ неизвѣстной дамой...

— Въ какомъ случаѣ?—спросилъ Плавутинъ.

Эмилій Маріусовичъ не умѣлъ на это отвѣтить.

— Мы просто, просимъ васъ удалиться,—повторилъ онъ.

— Развѣ я исключенъ изъ числа членовъ клуба?

— Мы просимъ отвести даму, и тогда вернуться.

— Развѣ моя дама нарушила чѣмъ-нибудь клубныя правила?

— Но что же это за издѣвательство такое!—воскликнулъ Бубликовъ, неожиданно покидая свой тонъ парламентерской учтивости,—я тогда самъ попрошу эту особу удалиться! Вѣдь этакъ всякій изъ насъ, значитъ, имѣетъ право ввести въ кругъ порядочныхъ дамъ, личность...

— Замолчите, господинъ Бубликовъ,—возвышая голосъ перебилъ его Плавутинъ,—очевидно, вы хотите вывести меня изъ терпѣнія и получить пощечину; но я этого, право, не сдѣлаю.

— Господа!—воскликнулъ Эмилій Маріусовичъ, обращаясь къ присутствующимъ,—вы слышали это оскорбленіе.

Старичекъ казначей мигнулъ доктору Македонскому и оба они по-

тихоньку вышли. Остальные всѣ повскакивали съ своихъ мѣстъ и окружили Эмилія Маріусовича, какъ бы приготовившись защищать его.

Георгій Александровичъ подождалъ мгновеніе; но такъ какъ всѣ говорили не съ нимъ, а между собою, онъ пожалъ плечами и также вышелъ.

Ольга Борисовна встрѣтила его появленіе въ залѣ радостной улыбкой.

Дамы уже не сидѣли, сбившись въ кучу, вѣроятно, имъ это надоѣло. Нѣкоторыя ходили, взявшись подъ руку, другія ушли въ уборную или занялись разсматриваніемъ картинокъ иллюстрированнаго журнала.

Минуя эти группы, Георгій Александровичъ подошелъ Ольгѣ Борисовнѣ и спокойно сказалъ ей.

— Ты знаешь, насъ хотятъ вывести изъ клуба.

Раичка, услышавъ это, обомлѣла.

— Неужели? — спросила Ольга Борисовна, — вотъ странно! Какъ разыгрались страсти.

— Какъ же ты хочешь,—продолжалъ Плавутинъ,—хочешь ли уйти или ждать что будетъ?

— Конечно я не уйду...

— Въ такомъ случаѣ, Олечка, прошу тебя, не говори ни съ кѣмъ ни слова и не отвѣчай, если даже къ тебѣ станутъ обращаться.

— Конечно я не буду говорить,—отвѣчала съ удивленіемъ Ольга Борисовна и умолкла.

— Милая Ольга Борисовна,—прошептала Раичка,—вы не бойтесь, они вамъ ничего не сдѣлаютъ.

И добрая толстушка чуть не заплакала.

— О, милая,—отвѣчала Ольга Борисовна звонкимъ голосомъ,—конечно, они мнѣ ничего не сдѣлаютъ... все-таки, они трусы.

— Раиса! Я тебѣ приказываю, иди сюда!—раздался изъ гостиной голосъ Анжелики Ивановны.

Раичка, глотая слезы, повиновалась.

Георгій Александровичъ поспѣшилъ занять ея мѣсто, потому что помѣщеніе начало мало-по-малу наполняться кавалерами. Ольга Борисовна наблюдала за появленіемъ каждаго новаго лица, за ихъ шепотомъ, стѣсненными движеніями, и ей было пріятно, что, наконецъ, нарушилась эта долгая томительная тишина.

Первымъ въ залъ явился Эмилій Маріусовичъ съ бумагой въ рукахъ.

При видѣ распорядителя танцевъ, музыканты взялись было за свои инструменты; но по мановенію руки его, снова положили ихъ на мѣсто; а Бубликовъ, съ рѣшительной быстротой въ движеніяхъ, прошелъ всю комнату и остановился передъ Ольгой Борисовной, которая смотрѣла на него, не спуская глазъ.

— Это онъ меня выгонять будетъ, Жоржъ?—спросила она, когда Эмилій Маріусовичъ открылъ ротъ, намѣреваясь сказать что-то.

Георгій Александровичъ ничего не отвѣтилъ; но Бубликовъ также не произнесъ ни слова и, круто повернувшись, сталъ у окошка.

Дамы столпились у дверей уборной, напирая другъ на друга; изъ прихожей выглядывали лица музыкантовъ; во всѣ окна съ улицы напирала любопытная толпа. Всѣ напряженно насторожились; на всѣхъ лицахъ были замѣтны слѣды сдержаннаго волненія, и только два человѣка оставались совершенно спокойными,—это были Георгій Александровичъ и Ольга Борисовна.

Наконецъ, Эмилій Маріусовичъ, поощряемый взглядами Прозрителева, подошелъ къ Плавутину.

— Мы желали сдѣлать все какъ можно деликатнѣе,—началъ онъ съ изысканной вѣжливостью, которая показывала, что онъ уже успѣлъ забыть происшедшее недавно столкновеніе,—но вы, Георгій Александровичъ, сами разрушили нашъ планъ, почему я и долженъ продолжать теперь публично это непріятное дѣло... Еще разъ повторяю, старшины просятъ васъ назвать фамилію дамы, которую мы имѣемъ честь видѣть у себя гостьей.

— Съ удовольствіемъ, только позвольте мнѣ книгу.

— Напиши, Жоржъ, охота тебѣ, — проговорила Ольга Борисовна.

— Если хочешь, я напишу...

Плавутинъ подошелъ къ столу, взялъ перо, предупредительно поданное ему Бубликовымъ, и нагнулся къ бумагѣ.

Дамы, одна за другою, покинули уборную и окружили Георгія Александровича плотною стѣною, стараясь подглядѣть фамилію изъ за его плеча. Болѣе сдержанные кавалеры образовали вокругъ дамъ второе кольцо и, приподнимаясь на цыпочки, старались также, хоть однимъ глазкомъ взглянуть на документъ.

Наконецъ, фамилія была написана; причемъ оказалась самой обыкновенной русскою фамиліей.

Пожимая плечами, Эмилій Маріусовичъ взялъ бумагу и прочелъ вопросительнымъ тономъ:

— Ольга Борисовна Рахманова?..

Затѣмъ онъ развелъ руками, приглашая всѣхъ раздѣлить его недоумѣніе.

— Рахманова! — повторяли тамъ и сямъ не то съ негодованіемъ, не то съ протестомъ. На всѣхъ лицахъ было написано разочарованіе

— Чего жѣ вы, господа, ожидали?—спросилъ Плавутинъ, саркастически улыбаясь.

На это никто ему ничего не отвѣтилъ.

— По моему, — сказалъ Петръ Петровичъ, — надо вамъ, господа, приняться за танцы... Кажется, гм... послѣ такого удовлетворенія... гм, намъ больше ничего не остается.

Однако никто не тронулся съ мѣста. Такая простая развязка, вмѣсто того чтобы удовлетворить публику, чуть ли не оскорбила ее.

Плавутинъ, наблюдавшій настроеніе общества, сталъ приготовляться къ дальнѣйшимъ поступкамъ старшинъ, которые, по его мнѣнію, уже не должны были носить на себѣ печати вѣжливаго парламентаризма.

Наконецъ Прозрителевъ, подозвавъ къ себѣ кивкомъ головы Петра Петровича, пошепталъ ему что-то на ухо. Петръ Петровичъ покраснѣлъ; но въ свою очередь подозвалъ Эмилія Маріусовича и также пошепталъ ему что-то.

Бубликовъ оказался на высотѣ положенія. Долго не раздумывая, онъ подошелъ къ Георгію Александровичу и сказалъ:

— Къ сожалѣнію, мы еще не все кончили... Видите ли, фамилія эта не говоритъ ничего ни уму нашему, ни чувству... Въ бильярдной вы изволили сказать, что дама ваша могла бы называться Ивановой, что ли... а теперь вы переименовали ее въ госпожу Рахманову. Быть можетъ, и эта фамилія...

— Что же вамъ еще угодно?—прервалъ его Георгій Александровичъ, на лбу котораго вдругъ появились синія жилки, а шея покраснѣла.— Вѣдь документы ея въ городѣ, какъ же я могу доказать вамъ?

— Старшинамъ угодно узнать нѣсколько больше объ особѣ, которую мы такъ неосторожно ввели въ среду нашихъ дамъ...

— Вашихъ дамъ!—насмѣшливо повторилъ Георгій Александровичъ, наливая себѣ воды въ стаканъ, изъ котораго, какъ видѣла Ольга Борисовна, недавно пилъ Бубликовъ.

— Оставь,—прошептала она, гадливо поморщившись.

Георгій Александровичъ поставилъ стаканъ, не напившись и вслѣдствіе этого еще больше разсердился.

— Да, нашихъ дамъ! — повторилъ Эмилій Маріусовичъ, смѣлость котораго возрастала въ одинаковой пропорціи съ разраженіемъ Плавутина,—вотъ почему мы...

— Да просто, пусть онъ открыто заявитъ, кѣмъ она ему приходится,—сердито подсказалъ Прозрителевъ, недовольный округлыми періодами Бубликова, — тетка она ему или другая какая родственница, что-ли?

— Господинъ Прозрителевъ,—сказалъ Плавутинъ нѣсколько звенящимъ голосомъ,—я все еще не хочу разговаривать съ вами! Относительно же особы, о которой вы отзываетесь съ такимъ непочтеніемъ, я скажу только, что ваши дамы должны почитать себѣ за честь сидѣть съ нею рядомъ.

Оглушительныя женскія взвизгиванія покрыли маленькую рѣчь взволнованнаго оратора.

— Это оскорбленіе!—кричала Ападульчева.

— Но за насъ заступятся!

— Мы—жены!

— Мы—матери, наконецъ.

— И сравнивать насъ... Петръ Петровичъ, что же это такое?

— Съ нимъ такъ вѣжливы, а онъ...—кричала становиха, наивно раскрашенная мѣломъ и углемъ.

Дамы гурьбой выбѣжали изъ уборной, оцѣпили Георгія Алексан-

дровича и кричали ему, что онъ невѣжа, что ему за это достанется, что за нихъ есть кому заступиться, пусть онъ себѣ не думаетъ...

Плавутинъ понемногу отступалъ, тѣснимый этими фигурами съ красными лицами, съ раскрытыми ртами и сверкающими глазами. Грубый крикъ, грубая жестикуляція, сопровождаемая грубыми фразами, послужили къ его полному успокоенію.

— Mesdames,—сказалъ онъ, улыбаясь,—прошу пощады! Вы видите, я прижатъ къ стѣнѣ и не рискую сражаться съ амазонками.

Наконецъ, мужья, тщетно хлопотавшіе вокругъ этой буйной группы, успѣли овладѣть своими женами и водворить ихъ снова въ уборную, откуда еще долго раздавались звонкіе крики.

Между тѣмъ среди мужчинъ велось какое-то серьезное совѣщаніе, послѣ котораго Эмилій Маріусовичъ опять подошелъ къ Плавутину.

— О, Господи!—воскликнулъ послѣдній, вздыхая.

— Милостивый государь,—сказалъ Бубликовъ оффиціально,—такъ какъ вы позволили себѣ сейчасъ оскорбить нашихъ дамъ, то постановленіемъ старшинъ рѣшено просить васъ удалиться изъ клуба съ госпожей, которую вы именуете теперь Рахмановой.

— Господа,—отвѣчалъ Плавутинъ, безнадежно махнувъ рукою,— будьте же хоть немного приличны...

— Всѣ мы, гм... здѣсь приличны,—возразилъ оскорбленный Петръ Петровичъ.

— Къ сожалѣнію, всѣ вы неприличны,—сказалъ Плавутинъ.

— Какъ старшина,—перебилъ его Бубликовъ.

— Какъ старшина, вы обязаны наблюдать, чтобы въ стѣнахъ клуба не оскорбляли другъ друга, а вы сами цѣлый вечеръ заняты оскорбленіемъ женщины.

— Ея присутствіе оскорбляетъ общество, — смотря въ сторону, громко сказалъ Прозрителевъ.

— Поэтому-то мы и просимъ васъ удалиться съ нею,—пояснилъ Бубликовъ.

— А я еще не хочу уходить.

— Тогда, къ величайшему нашему сожалѣнію, намъ придется употребить грубую физическую силу,—грустно сказалъ Бубликовъ.

— Это какъ вамъ угодно.

— Но судите сами, въ какое вы насъ ставите положеніе!—взывалъ Эмилій Маріусовичъ, обращаясь къ великодушію непоколебимаго противника,—вѣдь это уже настоящій скандалъ! Я прямо теряюсь, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ?

— Это вы ужъ припомните изъ вашей практики — посовѣтовалъ ему Георгій Александровичъ,—кто его знаетъ, какъ это дѣлается? Хотите, подъ руки выводите, хотите—въ шею толкайте.

Въ залѣ наступило молчаніе.

Эмилій Маріусовичъ стоялъ противъ неуязвимаго непріятеля и без-

помощно мѣрялъ его глазами. Но Бубликова больше еще сердила Ольга Борисовна, не спускавшая съ него своихъ темныхъ задумчивыхъ глазъ.

— Удивляюсь,—сказалъ онъ, наконецъ, съ какимъ-то полупоклономъ въ ея сторону,—удивляюсь, какъ женщина можетъ вынести подобную сцену, и не уйти.

Но когда и послѣ этой фразы Ольга Борисовна продолжала спокойно смотрѣть на Бубликова, онъ, круто повернувшись, ушелъ въ уборную, гдѣ былъ тотчасъ же окруженъ роемъ взволнованныхъ дамъ.

— Чего же вы медлите, и такъ прошла половина вечера,—кричала Марина Гавриловна.

— Ихъ надо непремѣнно выгнать, иначе, при чемъ же вы теперь останетесь?—говорила госпожа Прозрителева.

— Конечно, выгнать, выгнать!—соглашалась Нозичка Айзиковская.

— Хорошо,—рѣшительно заявилъ Бубликовъ и вышелъ въ переднюю къ музыкантамъ.

— Гдѣ Гамидъ?—спросилъ онъ у Подоприголова.

— Гамидъ ушелъ... Его нѣтъ въ клубѣ.

— Ушелъ? Куда?

— Ушелъ и сказалъ, что не станетъ васъ слушать... Онъ все понялъ,—прибавилъ Подоприголовъ хриплымъ шепотомъ,—и ему стало стыдно.

Эмилій Маріусовичъ оглядѣлъ неприглядную фигуру капельмейстера уничтожающимъ взглядомъ; но взглядъ этотъ не смутилъ Подоприголова.

— Да, Гамидъ ушелъ, потому что ему стало стыдно,—повторилъ онъ рѣшительно.

— Но это прямо невѣроятно, что здѣсь дѣлается!—воскликнулъ Бубликовъ и, пожимая плечами, ушелъ обратно въ уборную.

— Нѣтъ Гамида, не знаю какъ поступать,—объяснилъ онъ обступившимъ его дамамъ.

— Гдѣ же онъ? Какъ онъ смѣетъ уходить?—кричали вокругъ.

Эмилій Маріусовичъ только безпомощно пожималъ плечами.

— Знаете что, mes dames,—воскликнулъ онъ, внезапно озаренный удачной идеей,—пойдемъ-ка мы танцовать! Чего намъ смотрѣть на этихъ скандалистовъ!

— Вѣрно! Вѣрно! Танцовать!—раздались восклицанія дамъ.

— Зиновія Карловна, позвольте васъ пригласить на туръ вальса?—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, галантно изогнувшись.

Вмѣсто отвѣта, Нозичка приподнялась со стула и положила ручку на плечо кавалера.

— Эй, вальсъ!—крикнулъ Бубликовъ музыкантамъ и, пріятно позвякивая шпорами, онъ вылетѣлъ съ дамой въ залу изъ уборной.

— Давно бы такъ,—сказалъ Плавутинъ, усаживаясь на стулъ, оставленный Раисой.—Теперь, надѣюсь, можно считать инцидентъ исчерпаннымъ.

— Да, кажется,—отвѣтила Ольга Борисовна.

Мало-по-малу всѣ дамы покинули уборную; но въ залъ онѣ проходили не черезъ двери гостиной, возлѣ которыхъ сидѣла пара, преданная остракизму, а черезъ переднюю, мимо музыкантовъ. Входя въ залъ, онѣ осматривали Ольгу Борисовну такъ внимательно, точно эта дама представлялась имъ какимъ-то заморскимъ чудовищемъ. Наконецъ, утомившись ее оглядывать, онѣ отворачивались, пожимали плечами, и шептались о чемъ-то.

Не смотрѣла на Ольгу Борисовну одна только Анфиса Григорьевна Прозрителева, которая уже издали закрылась вѣеромъ, изъ боязни хотя бы мелькомъ взглянуть на такую недостойную особу.

Затѣмъ вечеръ, вошедшій въ свою колею, продолжался по обыкновенію.

Не танцующіе кавалеры сѣли за карты; изъ передней гремѣла музыка; въ залѣ протанцовали вальсъ, потомъ польку, потомъ кадриль; но танцовали какъ-то вяло, будто по заказу, и въ то же время невольно сердились за эту свою неловкость.

— Надо бы закрыть двери изъ гостинной: оттуда очень дуетъ,— предложила Нозичка.

Находчивое предложеніе было принято обществомъ съ замѣтнымъ оживленіемъ: упомянутая дверь находилась какъ разъ передъ стуломъ Ольги Борисовны. Но всѣ борцы такъ устали отъ сраженія, что, къ негодованію дамъ, въ средѣ ихъ не нашлось ни одного рѣшительнаго человѣка, который взялъ бы на себя обязанность предложить этой дамѣ потревожиться.

— Битва кончена,—сказалъ тогда Плавутинъ.

— Пойдемъ домой, Жоржъ,—отвѣтила Ольга Борисовна,—я всегда уходила отсюда въ двѣнадцать, а теперь уже половина второго.

— Что жъ пойдемъ,—согласился Георгій Александровичъ, и одинокая пара, минуя группы танцующихъ, удалилась въ переднюю.

Тамъ ожидалъ ихъ вернувшійся Гамидъ, который подалъ имъ верхнее платье съ необычной изысканной вѣжливостью, а затѣмъ даже открылъ имъ выходную дверь, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Музыканты, словно по молчаливой командѣ Подопригорова, уткнули свои лица въ пюпитры, точно разбирая тамъ что-то очень интересное, и снова подняли ихъ только тогда, когда Ольга Борисовна вышла уже на улицу.

Въ это время мимо нихъ прошмыгнула закутанная становиха, крикнула ямщика, ожидавшаго ее на дворѣ, сѣла въ сани и сказала:

— Скорѣе въ Малый Курдюмъ, къ отцу діакону!

Тройка застоявшихся лошадей подхватила и понесла легкія сани. Но не смотря на быструю ѣзду, три версты, отдѣлявшія Курдюмъ отъ Малаго Курдюма, показались становихѣ очень длинными, до того она сгорала желаніемъ разсказать поскорѣе супругу о скандалѣ.

Когда, наконецъ, сани подъѣхали къ дому отца діакона, гдѣ квартировалъ становой, она принялась нетерпѣливо колотить въ дверь кулаками, забывая вовсе, что дѣло происходитъ глубокой ночью.

— Съ нами крестная сила!—воскликнулъ отецъ діаконъ, вскакивая съ постели,—что тамъ такое? Марья, проснись... Марья! Поди спроси, не пожаръ ли?

Но становиха уже стояла подъ окошкомъ его кабинета и кричала въ щелку ставни:

— Это, я отецъ Петръ! Впустите меня, я къ Осипу... а новости какія привезла, ужасъ!

— Ахъ, это Софья Ивановна,—пробормоталъ отецъ діаконъ, успокоившись,—Марья, ступай, отопри калитку.

Черезъ секунду становиха уже стояла у дверей кабинета и, пріотворивъ ихъ немного, заговорила такъ быстро, что хозяинъ сначала не могъ ничего разобрать:

— Выгоняли Плавутиныхъ... Прямо таки, выгоняли! Я все торопила ямщика, чтобы поскорѣй разсказать все Осипу... И вѣдь въ клубъ пошла, послѣ всего, что случилось! По дѣломъ—не жена, не живи съ чужимъ мужчиной! Гдѣ Осипъ?

— Въ гостинной лежитъ безъ заднихъ ногъ,—отвѣчалъ отецъ діаконъ, надѣвая демикотоновый подрясникъ,—съ вечера завалился.

— Пьянъ? Вотъ наказаніе съ такимъ мужемъ! До завтрева ничего не узнаетъ! И какая случайность, я при себѣ лошадей держала, будто предчувствовала... А то, когда бы вы это узнали?

— Такъ что-жь,—ввернулъ отецъ діаконъ, который хотя и не отказывался никогда обсудить интересныя событія изъ жизни своихъ ближнихъ, но находилъ, что для этого должно существовать опредѣленное время.

Но Софья Ивановна держалась иного взгляда на вещи.

— А ямщика своего вы не отпустили?—спросилъ діаконъ, услышавъ на улицѣ позвякиванье колокольчиковъ.

— Ахъ батюшки, забыла! А Плавутина Прозрителевъ хочетъ судить за оскорбленіе общества, за дамъ, за все, за все...

— Господи, судить?

— Да, судить... И судъ въ клубѣ будетъ... Ну, пойти ямщика отпустить..

Софья Ивановна выбѣжала на крыльцо. Вернувшись черезъ минуту, она нашла дверь, ведущую въ кабинетъ отца діакона, плотно притворенной, вслѣдствіе чего ей пришлось удалиться въ залъ. Тамъ, на диванѣ, храпѣлъ становой, опустивъ до полу лицо, налитое кровью.

— Оська, а, Оська, что я тебѣ разскажу!—попыталась заговорить съ нимъ супруга.

Но Осипъ оставался нечувствителенъ къ новостямъ дня и продолжалъ наслаждаться спокойнымъ отдыхомъ, не смотря на то, что супруга все время энергически теребила его руку.

— Вотъ ужъ наказаніе съ такимъ сокровищемъ!—воскликнула она, наконецъ, убѣдившись въ тщетѣ своихъ усилій.

Она съ сердцемъ бросила руку мужа, примостилась на небольшой кушеткѣ и скоро уснула.

Глава V.

Гордіевъ узелъ затягивается.

Однажды, черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, у воротъ дома Плавутина остановилась кибитка съ верхомъ, крытымъ парусиной, откуда выглядывало женоподобное лицо безусаго діакона.

— Здравствуйте,—сказалъ отецъ Петръ, входя въ комнату,—а къ вамъ можно?

— Всегда можно было,—отвѣчала Ольга Борисовна,—отчего же вы думаете, что сегодня нельзя?

— Развѣ теперь то, что было раньше?—воскликнулъ отецъ діаконъ, разоблачаясь,—теперь все по иному. Теперь курдюмцы; можетъ, лѣтосчисленіе начнутъ съ той достопамятной ночи.

— А вы ужъ все знаете?

— Я! Да вѣрно въ Австраліи все знаютъ, въ Маломъ Курдюмѣ. Признаться, страшновато было къ вамъ заѣзжать, да ужъ по знакомству старому... Ну, и отецъ Александръ благоволитъ къ вамъ, такъ что ужъ мнѣ, мелкой сошкѣ...

— Отчего же вамъ было страшно?

— Отомстятъ!—шепотомъ проговорилъ діаконъ,—вонъ Лампадова—уже раззоряютъ...

— Что вы говорите такое? И за что-же именно Лампадова?

— А за то, что съ ними не согласенъ. Не хочетъ быть вашемъ судьей.

— Судьей?.. Кто же насъ будетъ судить?

— Какъ, вы ничего не знаете! Да вѣдь васъ будутъ исключать изъ клуба, а Лампадовъ этого не хочетъ, вотъ они его и начинаютъ разорять.

— Ну, послушайте, отецъ Петръ, вы говорите прямо безсмыслицу,—сердито сказалъ Плавутинъ,—кто здѣсь можетъ разорить Лампадова, и какъ можно раззорить кого-нибудь въ недѣлю?

— Кабаки закрывать начинаютъ, вотъ и все,—пояснилъ діаконъ,—сначала Бубликовъ позволялъ ихъ открывать въ недозволенныхъ мѣстахъ, а теперь дѣйствуетъ по закону: около волости и противъ церкви два кабака уже закрыты, да грозитъ еще восемь закрыть... Они все могутъ!

— Но вѣдь онъ въ другомъ мѣстѣ откроетъ; развѣ можно назвать это разореніемъ?

— А развѣ въ другомъ мѣстѣ такая будетъ торговля?.. Да вообще, чего только ни говорятъ — удивленіе! Ужъ ѣхалъ я сюда и думалъ: да, полно, стоитъ-ли нашъ Курдюмъ на мѣстѣ? Вдругъ, вмѣсто домовъ— пустыня и не осталось камня на камнѣ тамъ, гдѣ стояло торжище великое? Подъѣхалъ, смотрю,—удивленіе,—все на мѣстѣ! Точно и не собираются судить Плавутина, исключать изъ клуба.

— Какъ же они могутъ меня исключать, — сказалъ Георгій Александровичъ,—когда я недѣлю тому назадъ отослалъ въ клубъ мой членскій билетъ и отказался самъ отъ чести быть тамъ членомъ?

— Ужъ этого я ничего не знаю, что̀ слышу, то̀ и говорю... Очень ужъ меня становиха ночью напугала, — продолжалъ отецъ діаконъ.— А вотъ дальше, верстъ отсюда за двадцать или за сорокъ, что тамъ разсказываютъ,—прямо волосъ дыбомъ на головѣ становится. Вчера я по свѣчному сбору уѣздъ объѣзжалъ, такъ ужъ чего ни наслушался! Васъ люди теперь прямо боятся. Ѣду я мимо Раздѣльнаго, встрѣчаю Мугурдума, армяшку, тамошняго купца. И зовутъ его пресмѣшно— Арутюнъ Кеворковичъ, виномъ торгуетъ... Вотъ мы остановились, поговорили. «У кого,—спрашиваетъ,—въ гостяхъ будешь?»—У Плавутина,—отвѣчаю.—«У кого?»... Сталъ мой Арутюнъ посреди улицы, глаза черные свои вытаращилъ и отъ меня пятится...

Отецъ діаконъ откинулся на спинку стула и громко расхохотался.

— Но есть у васъ и друзья,—продолжалъ онъ затѣмъ, — толстая Рая Ападульчева за васъ горой стоитъ! И молодецъ же дѣвка! Неужто она около васъ все время сидѣла?

— Да,—отвѣчала Ольга Борисовна.

— Молодецъ! Я къ нимъ сейчасъ нарочно заѣзжалъ. Спрашиваю: страшно было? А она говоритъ: «чего страшно, вотъ кабы это они на меня такъ, или если бы мнѣ Ольга Борисовна родная была, а то чего же будетъ страшно, когда она совсѣмъ постороняя?»... Молодчина, не убоялась!

Ольга Борисовна грустно и безпомощно посмотрѣла на разболтавшагося діакана.

— Прозрителевъ теперь на нее лютуетъ, — продолжалъ отецъ Петръ,—хочетъ подавать куда-то доносъ... Анжелика Ивановна, говорятъ, въ ногахъ у него валялась, а онъ все свое: «Упеку!»... А та все клянется, что Раичка возлѣ васъ нечаянно сѣла.

— Но это фантасмагорія, Жоржъ!—воскликнула Ольга Борисовна.

— Оно самое, оно самое— согласился отецъ діаконъ, вставая,— ну, мнѣ пора... Теперь могу разсказывать, что былъ у Плавутина, что все видѣлъ, и что все въ Курдюмѣ на мѣстѣ.

Онъ плутовато подмигнулъ хозяевамъ и снова расхохотался.

Отецъ Петръ, откланявшись, вышелъ. Ольга Борисовна сидѣла грустная, безпомощно опустивъ руки.

— Право, я начинаю въ себѣ сомнѣваться,—сказала она, наконецъ,

послѣ продолжительнаго молчанія, — я себя чувствую такъ, точно мы оказались дѣйствительно мошенниками... Храбрость моя улетучивается. Ахъ, если бы поскорѣе пришелъ твой отпускъ.

— Полно, полно,—возразилъ Георгій Александровичъ,—это только еще лишній разъ доказываетъ, какъ трудно бороться съ толпою: ея настроеніе точно въ воздухѣ носится и прилипчиво, какъ зараза.

Въ дверяхъ столовой появилась чья-то голова, повязанная платочкомъ, и исчезла. Это была одна изъ паціентокъ Ольги Борисовны.

— Катерина, войдите,—сказала ей молодая женщина,—вы что? за лѣкарствомъ?

— Нѣтъ, сударыня, я не за тѣмъ... Спасибо, мнѣ полегчало...

— Чего же вамъ надо?

Катерина помялась.

— Да я такъ, сударыня... Дозвольте вамъ сказать одно слово...

— Говорите, что такое?

Катерина приблизилась къ дивану и прошептала, нагибаясь къ Ольгѣ Борисовнѣ:

— Хотите, мы имъ всѣмъ непріятность сдѣлаемъ, только слово скажите...

— Кому?—съ недоумѣніемъ спросила молодая женщина.

— Всѣмъ господамъ... Только прикажите, Гамидъ ужъ сдѣлаетъ.

— Что же онъ сдѣлаетъ?

— Я куплю табачку, а Гамидъ его въ заведеніи по полу разсыплетъ.

— Зачѣмъ?—все болѣе изумлялась Ольга Борисова.

— Они станутъ танцовать, а табакъ съ полу поднимется, да имъ въ носы какъ ударитъ! Ужъ тогда начнутъ они всѣ чихать! Начнутъ чихать, да такъ зачихаютъ, что всѣ изъ заведенія вонъ и бросятся.

Ольга Борисовна расхохоталась.

— А какъ узнаютъ черезъ Гамида, что это вы придумали, вамъ же отъ Бубликова достанется, — сказалъ Плавутинъ, — пожалуйста не дѣлайте такой глупости.

Это соображеніе сразу укротило мстительныя намѣренія Катерины.

— Это мнѣ мой Сенька посовѣтовалъ,—сказала она, оправдываясь,— онъ все изъ окошекъ смотритъ, какъ господа танцуютъ, вотъ ему и лестно было посмотрѣть, какъ они будутъ чихать.

И Катерина смущенно ретировалась.

— О нашемъ скандалѣ даже въ народѣ разговариваютъ,—замѣтила Ольга Борисовна,—а я думала, что все уже кончено.

— Я тоже такъ думалъ; но, видно, мы ошибаемся... Что это за судъ? Какъ могутъ меня исключать, когда я самъ вышелъ? И отчего никто не зайдетъ предупредить меня объ этотъ? Все надо разузнать.

— Брось!—сказала Ольга Борисовна, устало.

— Нельзя бросить. Будетъ извѣстно, что я исключенъ изъ клуба; а клубъ—это корпорація, общественное учрежденіе... Кто станетъ доискиваться, какіе люди и за что меня исключили?

— И неужели ты будешь оправдываться передъ ними! Неужели ты признаешь ихъ право тебя судить? Но это возмутительно!

— Я буду стараться вывести все на чистую воду и сдѣлать такъ, чтобы они сами себя обвинили... Только мнѣ надо заручиться хоть чьей-нибудь помощью. Неужели у насъ никого нѣтъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ, въ передней застучали чьи-то калоши и черезъ секунду въ дверяхъ появилась коренастая фигура нотаріуса Чепракова. Онъ поздоровался, сѣлъ и потомъ сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Честь имѣю просить васъ, Георгій Александровичъ, и васъ, Ольга Борисовна, завтра вечеромъ на чашку чаю.

— Развѣ вы именинникъ?—спросилъ Плавутинъ.

— Нѣтъ, дѣло вовсе не въ моихъ именинахъ, — возразилъ нотаріусъ,—тутъ нѣчто гораздо серьезнѣе. Знаете, мы пишемъ протестъ...

— Протестъ? Противъ чего?

— Противъ всей этой гнусной исторіи. Въ сущности, что мы за пѣшки! Одна партія завладѣла клубомъ и вершитъ тамъ дѣла по своему, дѣлаетъ скандалы, исключаетъ, судитъ, а мы молчимъ! Вѣдь этакъ сегодня одного, а завтра другого, потомъ третьяго—всѣхъ насъ, неугодныхъ, повыгоняютъ. Вотъ мы и рѣшили сплотиться. Вѣдь и я старшина и судебный слѣдователь Алексѣй Григорьевичъ тоже, и казначей...

— Я только сейчасъ отъ діакона узналъ, что меня хотятъ судить...

— Да, да, за буйство въ клубѣ и за оскорбленіе дамъ ..

— Почему же вы мнѣ не сказали этого?

— Да просто, пока, не хотѣли безпокоить, а теперь, когда у насъ заговоръ готовъ, мы и рѣшили позвать васъ. Мы подадимъ въ этотъ же судъ жалобу на Емельку за оскорбленіе одного изъ членовъ, тогда посмотримъ, кого будутъ судить.

— А много ли наберете подписей? — спросилъ Георгій Александровичъ.

— Набралось уже порядочно: казначей, бухгалтеръ (онъ сердитъ на Ападульчева), потомъ судебный слѣдователь (очень ужъ его Прозрителевъ притѣсняетъ и оскорбляетъ своимъ высокомѣріемъ). Затѣмъ обѣщалъ Македонскій, да боюсь, струситъ... На примѣтѣ еще телеграфистъ и второй почтовый чиновникъ; но это народъ ненадежный, они могутъ побояться Шпингалетова... Ну, попъ Александръ, онъ не членъ клуба, но такъ пригодится въ видѣ общественнаго мнѣнія.

— Маловата наша партія!

— Сойдетъ! Лампадовъ и Горѣлинъ вамъ сочувствуютъ очень, только умоляли не говорить никому объ этомъ. Горѣлинъ боится, что и его кабакъ противъ церкви закроютъ. Да! Вотъ еще кто—Ананьинъ! Ура, идея! Знаете, этотъ богачъ кабатчикъ, университетскій человѣкъ, который послѣ отца наслѣдство получилъ... Онъ у меня акты составляетъ, навѣрно будетъ нашъ! Онъ ихъ не побоится...

— А князь Василій Георгіевичъ?—спросила Ольга Борисовна.

— Князь! Да, это хорошо... Вчера отецъ Александръ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что скоро пріѣдетъ въ Курдюмъ и также вернетъ имъ свой членскій билетъ обратно. Да только поспѣетъ ли онъ къ сроку? Вѣдь этотъ дурацкій судъ назначенъ на среду.

— Ахъ, поскорѣе бы прислали отпускъ!—воскликнула Ольга Борисовна.

— Вы знаете, изъ города вернули ваши бумаги съ требованіемъ объясненій, — вспомнилъ нотаріусъ. — Петръ Петровичъ смущенъ, Емелька съ Прозрителевымъ придумываютъ, чтобы такое написать. Имъ непремѣнно надо теперь представить васъ виноватымъ. Нашъ протестъ и придется теперь очень кстати. Черновая у меня уже готова; надо только перебѣлить, и завтра вечеромъ милости просимъ: наша партія соберется у меня для приложенія подписей... Будьте увѣрены, угощенія не пожалѣю!

Дѣйствительно, по общему мнѣнію, въ субботу нотаріусъ превзошелъ самого себя.

Столы ломились у него подъ тяжестью яствъ и бутылокъ. Окна, нарочно не закрытыя ставнями, чтобы противная партія казнилась, видя пирующимъ непріятельскій лагерь, были освѣщены великолѣпно. На улицѣ даже толпилась кучка любопытныхъ, что служило высшимъ признакомъ славы; такая кучка собиралась только подъ окнами Ападульчева во время ежегодныхъ высокоторжественныхъ празднествъ; да еще, пожалуй, видѣли ее около дома Горѣлина во время свадьбы; но вѣдь это и были изъ ряду вонъ выходящія событія.

Великолѣпно освѣщенныя окна нотаріуса не замедлили произвести переполохъ среди публики изъ враждебнаго лагеря.

— Смотри, Эмиличка, — сказала Анна Сергѣевна, какъ только супругъ ея проснулся, и, сидя на кровати, раздумывалъ, гдѣ провести вечеръ, въ клубѣ или у Ападульчева, — смотри, что это у нотаріуса такъ освѣщены окна, ужъ не именинникъ ли онъ?

— Бабушка его именинница,—отвѣчалъ Бубликовъ, зѣвая,—развѣ этотъ скупецъ задаетъ когда-нибудь балы на свои именины.

— А все-таки, у него сегодня балъ! — повторила Нюня, съ обычной дрожью обиды въ голосѣ.

Эмилій Маріусовичъ всталъ съ постели и лѣниво подошелъ къ окошку.

— Дѣйствительно,—сказалъ онъ съ удивленіемъ.—кажется, у него гости...

— Я говорю, онъ именинникъ!—повторяла, обиженно Нюня, — отчего ты мнѣ никогда не вѣришь!

— Тутъ что-то другое,—пробормоталъ Бубликовъ, поспѣшно одѣваясь.

Нѣсколько минутъ спустя Эмилій Маріусовичъ вышелъ изъ дому, солидно держа подъ руку супругу свою Анну Сергѣевну.

Такъ какъ толпа, достаточно налюбовавшись зрѣлищемъ чужого пира, уже успѣла разойтись, то супружеская чета могла, въ свою очередь, обстоятельно изслѣдовать и гостей нотаріуса, и его угощеніе.

Супруги тотчасъ же согласились, что на угощеніе денегъ не жалѣли, и больше объ этомъ разговора не было, зато всѣ гости были пересчитаны по одиночкѣ.

— Алексѣй Григорьевичъ здѣсь,—шепталъ многозначительна Эмилій Маріусовичъ,—посмотримъ, какъ приметъ это Прозрителевъ! Казначей и бухгалтеръ... Смотри попъ Александръ—туда же!

— А попадья съ Плавутиными говоритъ...—воскликнула Нюня,—и бухгалтерша тутъ, и казначейша...

— А вонъ Ананьинъ сидитъ! Ну погоди же, купчишка!

Тутъ вдругъ супруги юркнули за зеленый уголъ дома, потому что на ступени освѣщеннаго крыльца вышла изъ тьмы улицы чья-то фигура и вошла въ домъ.

Эмилій Маріусовичъ удивленно посмотрѣлъ на Анну Сергѣевну; Анна Сергѣевна, въ свою очередь, кинула многозначительный взглядъ на супруга.

— Это вошелъ Македонскій,—сказалъ Бубликовъ.

— Навѣрно,—отвѣтила Нюня.

— Но если онъ въ гостяхъ у нотаріуса, да еще вмѣстѣ съ Плавутинымъ, то...

— Пойдемъ къ Ападульчеву,—рѣшила Нюня.

Супруги, оставивъ наблюдательный постъ, отправились къ Агриппину Михайловичу: новости стоили ужина.

Между тѣмъ докторъ, въ пренепріятномъ расположеніи духа, вошелъ въ гостинную нотаріуса.

— Василій Петровичъ, отчего вы такой сердитый?—спросилъ его хозяинъ.

— Оттого, что онъ сейчасъ находился между Сциллой и Харибдой,—отвѣтила за него Ольга Борисовна.

Докторъ, который, дѣйствительно, пробирался тайкомъ между домами союзниковъ и противниковъ, сердито отвѣтилъ:

— А вы, попрежнему, продолжаете быть язвой?

— Я теперь язва, которую посыпали перцемъ,—отвѣчала молодая женщина. — Что же, вы тоже будете судить насъ, или, какъ Пилатъ, только умоете руки?

— Васъ я бы засудилъ непремѣнно.

— Ну, а бѣднаго Жоржа за что судить будутъ? Вѣдь его же оскорбляли и дразнили. Даже самъ Шемяка ужаснулся бы...

— Это вѣрно, — согласился Македонскій, — я бы имъ всѣмъ тогда просто побилъ рожи. Я удивлялся самообладанію Георгія Александровича.

— Докторъ былъ такъ потрясенъ самообладаніемъ Жоржа, что даже убѣжалъ, будучи не въ силахъ тратить столько энергіи на удивленіе. Вы, вѣроятно, боялись обратиться въ соляной столбъ, подобно супругѣ Лота?

Докторъ нахмурился, затѣмъ улыбнулся, потомъ снова нахмурился и, наконецъ, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Говоря по совѣсти,—сказалъ онъ,—чего ради стану я за васъ заступаться? У нихъ—и водочка, и селедочка, и биліардъ, и картишки, а вы все за книжками сидите, какое отъ васъ развлеченіе?

— Но надѣюсь, протестъ-то вы подпишете!—воскликнулъ нотаріусъ изъ другого конца комнаты, гдѣ онъ игралъ въ шахматы съ отцомъ Александромъ.

Василій Петровичъ отвѣтилъ на вопросъ лишь саркастической улыбкой и, выпивъ рюмку россійскаго коньяку, нетерпѣливо зашагалъ по комнатѣ.

Въ этой же комнатѣ на отдѣльномъ столикѣ, покрытомъ новой пеньковой скатертью, лежалъ листъ протеста, собственноручно переписанный нотаріусомъ. Этотъ листъ помѣщался чрезвычайно торжественно. Его освѣщали двѣ свѣчи въ отлично вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ; передъ нимъ стояла тщательно вымытая чернильница и лежала ручка съ новымъ стальнымъ перомъ.

Этотъ торжественный видъ болѣе всего раздражалъ Василія Петровича, который даже старался не смотрѣть въ сторону столика, и все ходилъ изъ угла въ уголъ, отвѣчая полусловами на предлагаемые вопросы.

Между тѣмъ вечеръ близился уже къ концу; а о протестѣ, къ великому негодованію нотаріуса, никто не заикался.

Наконецъ всталъ священникъ, окончившій уже пятую партію въ шахматы.

— Что жъ, господа, поѣли-попили, не пора ли и по домамъ?

— Вотъ это дѣло!—откликнулся Македонскій, радостно хватаясь за шапку.

— А протестъ подписать?—остановилъ его казначей,—для чего же мы и собирались.

— Не уйдетъ, успѣемъ еще.

— Нѣтъ, господа, подписывать, такъ всѣмъ сразу,—сказалъ судебный слѣдователь.

— Иначе, вы струсите, да?—бросилъ ему докторъ, криво улыбнувшись.

— Чего мнѣ трусить?—возразилъ тотъ добродушно,—просто я не люблю, когда начинаютъ дѣло и не кончатъ.

И онъ, подойдя къ протоколу, подписалъ свою фамилію подъ фамиліей нотаріуса. За нимъ послѣдовалъ старичекъ казначей, за казначеемъ—бухгалтеръ.

Докторъ продолжалъ стоять у двери съ шапкой въ рукахъ, бросая на публику насмѣшливые взоры.

— Экіе протестанты, — сказалъ онъ, наконецъ, — подумаешь, міръ перевернули.

— А вы, батенька, безъ разговоровъ,—замѣтилъ старичекъ казначей,—возьмите перо въ руки да подпишитесь, а потомъ и критикуйте себѣ вволю.

— А если я не хочу?—вызывающе спросилъ докторъ.

— И не надо,—откликнулась Ольга Борисовна.

— Я еще и протеста не читалъ, можетъ быть, тамъ ерунда написана

— Прочтите,—сказалъ нотаріусъ со скромностью автора.

Василій Петровичъ, подойдя къ столу, неохотно началъ читать бумагу, но только для вида, потому что слова скользили у него передъ глазами, не доходя до сознанія. Наконецъ, онъ окончилъ, перевернулъ листъ, взглянулъ на чистую его половину, и сказалъ, положивъ обратно:

— Я не согласенъ?

— Въ чемъ же вы не согласны?—спросилъ уязвленный нотаріусъ.

— Да во всемъ.

— То-есть, какъ это—во всемъ?

— Да вотъ такъ, и конецъ!

Докторъ сердито отошелъ, повернувшись на каблукахъ.

— Очевидно, Василій Петровичъ признаетъ поведеніе Бубликова совершенно правильнымъ,—замѣтила Ольга Борисовна.

— Послушайте,—сказалъ нотаріусъ,—вы же обѣщали! Вы знаете, что подпись ваша намъ необходима для комплекта, и то еще будетъ недоставать двухъ... Завтра весь день придется рыскать за ними по купцамъ.

— Вонъ, телеграфистъ вамъ сочувствуетъ,—отвѣчалъ докторъ, неискренно усмѣхаясь.

— Что-жъ тутъ смѣшного?—спросила Ольга Борисовна, хмуря брови.

— Мы и имѣемъ въ виду телеграфиста, — сказалъ нотаріусъ,—но этого мало.

— Попа Александра прихватите, онъ сердобольный,—тутъ докторъ снова расхохотался; но опять это вышло фальшиво.

— Я не членъ клуба, къ сожалѣнію,—отвѣчалъ отецъ Александръ,—а то я бы непремѣнно подписался во имя справедливости.

— А что такое справедливость?—грустно спросилъ Ананьинъ. молодой человѣкъ весьма, хорошо одѣтый, который сидѣлъ все время молча, но съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за разговоромъ.

— Вотъ, именно такой вопросъ очень кстати,—раздраженно заговорила Ольга Борисовна,—въ Курдюмѣ этого слова не понимаютъ... во всякомъ случаѣ, примѣнительно къ ближнему... Здѣсь вспоминаютъ о справедливости только тогда, когда требуютъ ее для себя. А развѣ я сдѣлала зло доктору Македонскому? Развѣ на него клевещутъ? Развѣ ему хотятъ устроить новый скандалъ?

— За вашъ язычекъ я бы вамъ еще одинъ скандалъ устроилъ,— подобрѣвъ, отвѣчалъ Василій Петровичъ,—такъ вамъ и надо.

— Вотъ это вѣрно!—воскликнулъ Плавутинъ, окончившій партію въ шахматы,—дѣйствительно, такъ намъ и надо! Зачѣмъ записывался я въ члены клуба? Зачѣмъ заводилъ со здѣшними обывателями знакомство?..

— Это въ васъ говоритъ гордость,—замѣтилъ тихо Ананьинъ,— гордость не хорошее чувство.

— Вы думаете?—спросилъ Георгій Александровичъ, удивленно оглядывая его.

— Да, я это знаю,—отвѣчалъ тотъ,—никто не имѣетъ права гордиться, потому что, въ сущности, всѣ люди одинаковые... Нѣтъ между нами ни лучшихъ, ни худшихъ... всѣ грѣшны! Пусть каждый живетъ, какъ ему нравится, и пусть никто не мѣшаетъ другъ другу.

— Эге-ге, батенька, да вы ужъ не отлыниваете ли также отъ подписанія протеста? Спросилъ натаріусъ.

— Что значитъ: «отлыниваете»?—съ недоумѣніемъ повторилъ Ананьинъ.—Я вовсе не обѣщалъ вамъ что-то подписывать. Я весьма сочувствую Георгію Александровичу, но не смѣю осудить и Бубликова.

— Значитъ, и нашимъ, и вашимъ?—насмѣшливо замѣтилъ бухгалтеръ.

— Совершенно вѣрно,—спокойно отпарировалъ Ананьинъ,—я не смѣю обвинить человѣка по видимымъ поступкамъ, я долженъ знать, что у него въ душѣ.

— У Емельки-то!—Нотаріусъ уже хотѣлъ сказать, что, по его мнѣнію находится въ душѣ у Эмилія Маріусовича, но, вспомнивъ о присутствіи дамъ, удержался.

— Могу ли я судить кого? Я самъ грѣшенъ...

— Батюшка!—взмолился нотаріусъ,—вѣдь намъ нужна ваша подпись, а не проповѣдь. Если вы не намѣревались подписываться, то зачѣмъ же потратили здѣсь столько драгоцѣннаго времени?

— Вы пригласили меня,—отвѣчалъ Ананьинъ,—и мнѣ очень было пріятно провести время съ хорошими людьми...

— Очки втираетъ...—громкимъ шепотомъ замѣтилъ старичекъ-казначей, послѣ чего среди заговорщиковъ наступило неловкое молчаніе.

— Эхъ, каторжная моя жизнь!—воскликнулъ, наконецъ, докторъ, примирительно улыбаясь.

— И чего вы такъ боитесь?—участливо спросилъ его старичекъ казначей.

— Спросите лучше, кого? Емельки боюсь, вотъ кого,—отвѣчалъ докторъ,—много онъ пакости мнѣ сдѣлать можетъ. Вотъ вы побудьте въ моей шкурѣ, тогда поймете. Я—человѣкъ, въ дѣлахъ у меня есть упущенія, а они все подстерегутъ... Но, все равно!

Рѣшительно тряхнувъ головой, докторъ подошелъ къ столу и взялъ перо въ руки.

Всѣ столпились вокругъ Василія Петровича такъ плотно, что отступленіе было совершенно ему отрѣзано. Нѣсколько мгновеній стоялъ онъ въ нерѣшительности передъ листомъ протеста и, наконецъ, сердито подписалъ свою фамилію.

— Чортъ съ вами, вотъ!—сказалъ онъ, отталкивая отъ себя литературное произведеніе нотаріуса,—ѣшьте мое тѣло, пейте мою кровь.

Василій Петровичъ отошелъ отъ стола и нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Вотъ эти господа,—нервно продолжалъ онъ, указывая на Плавутина,—наскандалятъ здѣсь, наплюютъ потомъ на всѣхъ и уѣдутъ. Имъ что? Развѣ это ихъ среда? Они скоро все забудутъ, и ихъ здѣсь тоже всѣ забудутъ; а я куда уѣду? Это мое болото, отъ него мнѣ некуда спрятаться... Останусь я здѣсь, буду за нихъ всю кашу расхлебывать, со всѣми ябедами раздѣлываться... Эхъ, жизнь!

— Да вѣдь и мы всѣ остаемся,—возразилъ бухгалтеръ.

— Вы—другого вѣдомства!..—съ комическимъ отчаяніемъ воскликнулъ докторъ.

— Ну, однако, пора и по домамъ,—сказалъ Ананьинъ, вставая.

— Что жъ, не подпишете?—угрюмо спросилъ его нотаріусъ.

— Это противъ моихъ убѣжденій,—отвѣчалъ тотъ и откланялся.

Всѣ проводили его недружелюбно.

— Вотъ онъ, университетскій кабатчикъ,—сказалъ нотаріусъ, когда за Ананьинымъ захлопнулась выходная дверь,—какія каверзы въ столицѣ научился придумывать! По моему, Ападульчевъ лучше.

— Да Ападульчевъ не такъ своихъ сидѣльцевъ притѣсняетъ,—сказалъ бухгалтеръ,—мнѣ они постоянно на Ананьина жалуются. Говорятъ, при старикѣ куда легче было, а тотъ и умеръ малограмотнымъ.

— И хорошо сдѣлалъ, что не подписался,—замѣтилъ докторъ, который пришелъ еще въ худшее расположеніе духа,—по крайней мѣрѣ, поѣлъ, выпилъ и характеръ выдержалъ. А я—тряпка! Гдѣ этотъ протестъ?

— Эге-ге, уже давно подъ замкóмъ въ шкапу,—отвѣчалъ предусмотрительный нотаріусъ,—развѣ съ вами можно иначе?

— Ну... прощайте...—отрывисто проговорилъ докторъ и ушелъ.

Остальные гости также начали понемногу расходиться.

Нотаріусъ легъ спать въ три часа, но спалъ недолго: пара недостающихъ подписей не давала ему покоя. Онъ проснулся и, вложивъ протестъ, сложенный вчетверо, въ боковой карманъ, ушелъ разыскивать по Курдюму смѣльчаковъ, готовыхъ подписаться.

Но телеграфистъ, на котораго возлагалось столько надеждъ, уѣхалъ въ степь, надзирать за исправленіемъ столбовъ, поваленныхъ бурей. Помощникъ же начальника почтовой конторы хотя и сочувствовалъ Плавутину, но такъ боялся Шпингалетова, что умолялъ освободить его отъ этого рискованнаго поступка. Изъ купцовъ тоже никто не рѣшался раздражить Эмилія Маріусовича, указывая, въ свое оправданіе, на Лампадова, котораго такъ скоро постигло возмездіе.

Нотаріусъ уже началъ-было терять надежду, когда, къ его великому удовольствію, въ казначейство пріѣхали два коммерсанта изъ сосѣдняго уѣзда, тоже члены курдюмскаго клуба, которые спасли дѣло отъ погибели.

Глава IV.

Гордіевъ узелъ пытаются развязать.

Въ канцеляріи Петра Петровича происходило серьезное совѣщаніе. Изъ города была вчера получена бумага, вопрошавшая «о событіяхъ 3-го декабря въ мѣстномъ общественномъ собраніи». Между оффиціальныхъ строкъ бумаги наметавшійся глазъ Эмилія Маріусовича увидѣлъ выраженіе неудовольствія и признаки нѣкоторыхъ, еще грядущихъ, непріятностей.

— Ну, теперь дѣло идетъ уже о собственной шкурѣ,—сказалъ онъ,—намъ необходимо обвинить Плавутина.

— Весьма надѣюсь на сегодняшнее разбирательство,—сказалъ Петръ Петровичъ,—конечно, если вы, Эмилій Маріусовичъ, приложите къ нему, гм... всѣ старанія.

— Да я готовъ,—отвѣчалъ Бубликовъ.

— Теперь я желаю, чтобы все велось съ неумолимой строгостью,—продолжалъ Тюльпановъ, дѣлая внушительное удареніе на словѣ «я»,—мой принципъ: разъ дѣло начато, надо вести его неуклонно до... гм... конца.

Петръ Петровичъ возлагалъ большія надежды на предстоящее судилище. Оно представлялось ему чѣмъ-то вродѣ ванны, изъ которой онъ выйдетъ освѣженный и торжествующій, причемъ вся грязная вода будетъ вылита на голову упорнаго противника. Но надежда эта, все-таки, иногда омрачалась сомнѣніями: сегодня изъ уѣзда пріѣхала только пара троекъ, да и сидѣли на нихъ личности въ мундирахъ, подчиненныя Петру Петровичу и не внушавшія особеннаго довѣрія курдюмскому обществу. Между тѣмъ, уже недѣлю тому назадъ всѣмъ членамъ клуба было послано циркулярное приглашеніе пожаловать на экстренное собраніе для суда надъ провинившимся собратомъ.

Затѣмъ Петра Петровича смущалъ вопросъ, что̀ такое происходило недавно у нотаріуса? По какому случаю былъ тамъ Василій Петровичъ и почему онъ объ этомъ ничего не разсказываетъ?

— Мало народу явилось,—сказалъ онъ Бубликову,—если сказать правду, собрались пока только, гм... наши; а вѣдь засѣданіе назначено въ семь часовъ. Этакое равнодушіе къ общественному, гм... дѣлу прямо изумительно.

— Вчера пріѣхалъ купецъ Сывороткинъ, потомъ Прозрителевъ послалъ письмо этому армяшкѣ Арутюну Кеворковичу съ приказаніемъ непремѣнно пріѣхать. Потомъ, здѣсь и Ананьинъ.

— На счетъ Ананьина я, гм... сомнѣваюсь: Богъ знаетъ, что ему еще можетъ придти въ голову... А если судъ не состоится, это, гм... будетъ чрезвычайно непріятно: Шпингалетовъ мнѣ говорилъ, что Плавутинъ сегодня получилъ отпускъ и завтра уѣзжаетъ.

— Комплектъ у насъ будетъ, мы не допустимъ!—утѣшалъ начальника Бубликовъ.—Семенъ Карповичъ, какъ юристъ, совѣтуетъ прямо навербовать новыхъ членовъ, вотъ и все.

— Но откуда навербовать ихъ.

— Оттуда,—отвѣтилъ Эмилій Маріусовичъ, дѣлая граціозный жестъ по направленію къ канцеляріи, гдѣ, черезъ раскрытую дверь, виднѣлись небритыя лица, склоненныя надъ столами.

Петръ Петровичъ даже усмѣхнулся; но все же внушительно замѣтилъ:

— Надѣюсь выборъ вашъ падетъ на достойнѣйшихъ. Вѣдь клубъ налагаетъ гм... извѣстныя обязанности, гм... гм... благоприличія.

— Это само собою разумѣется,—отвѣтилъ Бубликовъ и успокоенный Петръ Петровичъ получилъ возможность безпрепятственно заняться текущими дѣлами.

Вечеромъ обѣ партіи, уже готовыя къ сраженію, вышли погулять въ скверъ; но гуляли такъ недолго, что когда явился туда Плавутинъ съ Ольгой Борисовной, по главной дорожкѣ прогуливался только Ападульчевъ съ длинноногимъ почтмейстеромъ Шпингалетовымъ.

Хотя оба они считались членами противной партіи, но дружелюбно привѣтствовали появленіе Плавутина, потому что вокругъ никого не было, а раннія зимнія сумерки скрывали отъ любопытныхъ взоровъ ихъ двусмысленное поведеніе.

Ападульчевъ взялъ руку Плавутина въ свои обѣ и пожалъ ее нѣсколько разъ. Шпингалетовъ хотя и ограничился обыкновеннымъ рукопожатіемъ, но зато выразилъ свое удовольствіе видѣть Георгія Александровича въ добромъ здравіи.

— Что, господа, судить меня собираетесь?—спросилъ Плавутинъ.

— Господь съ вами! — воскликнулъ Ападульчевъ, — развѣ вы не знаете, что я въ ихъ дѣла не мѣшаюсь, пусть ихъ тамъ вершатъ, какъ хотятъ, мнѣ что? Моя хата съ краю... Знаю я себѣ свое дѣло, отмѣриваю рюмочки, отрѣзываю бутерброды, и правъ! У меня только тотъ и врагъ, кто по счету неаккуратно платитъ... А къ вамъ и къ Ольгѣ Борисовнѣ не только я, но и супруга, и дочь моя всегда относились съ искреннимъ расположеніемъ...

— Вотъ это такъ новость!—смѣясь, откликнулась Ольга Борисовна.

— Не скажу,—продолжалъ Ападульчевъ,—чтобы и за вами, господа, не водилось блошекъ... Есть и у васъ грѣшки, кто Богу не грѣшенъ!

— Какіе же вы у меня находите грѣшки?—спросилъ заинтересованный Плавутинъ.

— Скажу, скажу, только чуръ. не сердитесь! Политичный вы, батюшка, ужъ очень, и тоже тактичный черезчуръ. Мы все черезъ пень-колоду валимъ, а вы все съ тактомъ... У насъ душа горитъ, кулаки чешутся, а вы все хотите по логичному. Кабы вы съ нами поругались хорошенько, все бы миромъ кончилось, а такъ...

Агриппинъ Михайловичъ, не докончивъ рѣчи, махнулъ рукою.

— Виноватъ, виноватъ!—сознался, смѣясь, Георгій Александровичъ.

— Ну, мнѣ пора,—сказалъ Ападульчевъ,—въ клубѣ уже сборище; водку пить, вѣрно, ужъ начали. Забудетъ Гамидъ записать—и пропала клубная копѣйка. Вѣдь у насъ тутъ какой народъ? Чего за нимъ не усмотришь, то навѣрно пиши—пропало!...

И старикъ, переваливаясь съ ноги на ногу, удалился.

— Правду говоритъ, — сказалъ Шпингалетовъ, — народъ у насъ шельма, а всѣ мы другъ другу покоряться должны—точно связанные. Вотъ и Ападульчевъ; сердиться ему на васъ не за что, а идетъ противъ васъ, потому что человѣкъ зависимый. Вѣдь ихъ кабацкое дѣло все на плутняхъ построено, какъ же ему не покоряться полиціи?

— Ну, а вы отчего противъ насъ?—спросила Ольга Борисовна.

— Да я не противъ, что вы? Я къ вамъ всей душой, да только надо это держать въ тайнѣ, а то какъ разъ къ неисправности какой привяжутся и доносъ пошлютъ. Э-е, кабы не это, они бы увидали...

Почтмейстеръ лѣниво вздохнулъ и прибавилъ:

— Народъ здѣсь жестокій: положи имъ въ ротъ мизинецъ — не только его скусятъ, а наровятъ еще и руку до локтя отхватить.

Однако, не смотря на храбрость рѣчей, Шпингалетовъ скоро умолкнулъ и поспѣшилъ отойти отъ Плавутина, потому что увидалъ въ сумракѣ вечера какія-то двигающіяся тѣни.

Это подходила партія Георгія Александровича, съ которою онъ и отправился на судъ въ зданіе клуба.

Не смотря на усилія Бубликова, общество членовъ собралось небольшое. Прибывшихъ изъ уѣзда собралось немного, человѣкъ десять, не больше; но такъ какъ вообще курдюмскій клубъ не могъ похвастаться обиліемъ членовъ, то комплектъ для законности собранія оказался достаточнымъ.

Зала была парадно освѣщена двумя лампами. Посреди ея помѣщался закусочный столъ,—какъ самый большой въ домѣ,—на которомъ горѣли двѣ свѣчи, стояла чернильница, лежала чистая бумага, перья карандаши и уставъ клуба.

Предсѣдательское мѣсто занималъ Семенъ Карповичъ Прозрителевъ, окруженный своей партіей.

Сзади, на почтительномъ разстояніи, помѣщались личности въ вицмундирахъ, которымъ Эмилій Маріусовичъ преподавалъ шепотомъ какія-то наставленія.

У стѣнъ ютился элементъ коммерческій. Тамъ сидѣлъ Арутюнъ

Кеворковичъ Мугурдумъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ и черными сверкающими глазами. Около него примостился толстый купецъ Сыворoткинъ въ синей сибиркѣ съ табакеркой въ рукахъ. Онъ отдувался, пыхтѣлъ отъ духоты и уже начиналъ быть недовольнымъ.

Ананьинъ, одѣтый въ модный англійскій весточникъ, гулялъ по комнатѣ, изрѣдко подсаживаясь къ кому-нибудь для бесѣды, при чемъ онъ, съ невозмутимымъ безпристрастіемъ подходилъ одинаково къ членамъ обѣихъ партій.

А вдали отъ всѣхъ, въ самомъ укромномъ, полуосвѣщенномъ уголкѣ, притаилась пара личностей, обыкновенно небритыхъ, но сегодня вычищенныхъ до того, что щеки ихъ ярко лоснились и будто краснѣли, стыдясь своей непривычной наготы.

Одинъ изъ этихъ таинственныхъ господъ былъ одѣтъ въ сюртукъ, несомнѣнно составлявшій его неотъемлемую собственность и онъ сидѣлъ первымъ, какъ казовая сторона медали; за нимъ, стыдливо скрывая изсиня красный носъ, прятался второй субъектъ. Во что онъ былъ одѣтъ—такъ и осталось незаписаннымъ въ лѣтописяхъ курдюмскаго клуба. Хотя колоритъ его носа возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ аристократичной душѣ Петра Петровича, но Эмилій Маріусовичъ успокоилъ его, увѣривъ, что это чиновникъ исполнительный и вполнѣ способный поддержать престижъ своего новаго званія.

Около этой конфузливой пары сидѣлъ секретарь Острожниковъ, который, въ качествѣ давнишняго члена клуба, взялъ подъ свое покровительство заробѣвшихъ подчиненныхъ.

Георгій Александровичъ, войдя въ залъ, прежде всего замѣтилъ эту смиренную группу и спросилъ, смѣясь:

— Однако, нашъ клубъ все еще пополняется новыми членами!

— Гамидъ, подай баллотировочный ящикъ,—приказалъ Семенъ Карповичъ, какъ только увидалъ Плавутина съ его партіей.

Черезъ минуту на столѣ появилась деревянная коробка съ двумя отверстіями, надъ которыми стояли надписи: «исключить» и «оставить».

— Предлагаю этотъ ящикъ вынести,—громко сказалъ Георгій Александровичъ,—я думаю, всѣ присутствующіе согласятся, что передъ судомъ еще слишкомъ рано думать о наказаніи.

Въ залѣ наступило неловкое молчаніе.

— Гамидъ, вынеси ящикъ,—сказалъ, наконецъ, Петръ Петровичъ.

Затѣмъ снова стало тихо.

Обѣ партіи курили, перешептывались; но, очевидно, никто не зналъ, какъ начать и какъ окончить это трудное дѣло.

— Что жъ, господа,—сказалъ опять Плавутинъ,—по моему, вамъ надо выбрать секретаря.

— Это и мое мнѣніе,—съ достоинствомъ поддержалъ Петръ Петровичъ.

— О предсѣдателѣ, я думаю, говорить вамъ нечего,—продолжалъ

Георгій Александровичъ, взглянувъ на Прозрителева, который занималъ предсѣдательское кресло,—такъ какъ Петръ Петровичъ давно у насъ предсѣдательствуетъ, то и сегодня...

— Просимъ, просимъ!—раздалось со всѣхъ концовъ зала.

— Сидите, прошу васъ,—сказалъ Петръ Петровичъ Прозрителеву, который-было двинулся съ мѣста,—я ужъ такъ, гм... какъ-нибудь сбоку...

— Въ такомъ случаѣ и я, въ качествѣ секретаря клуба, могу...—сказалъ Бубликовъ, подходя къ столу.

— О, нѣтъ, извините, вы вовсе не можете,—остановилъ его Плавутинъ,—вы, господинъ Бубликовъ, участвовали въ дѣлѣ, разсматривать которое будетъ это собраніе, почему протоколъ вашъ... можетъ страдать неточностями.

— Еще бы!—раздалось за Плавутинымъ, и даже изъ противной партіи не появилось ни одного протестанта.

— Кого же вамъ, господа, угодно выбрать въ секретари?—продолжалъ Георгій Александровичъ,—по моему, надо просить почтеннѣйшаго Василія Петровича Македонскаго, какъ человѣка, пользующагося общими симпатіями.

— Странное поведеніе для подсудимаго,—сказалъ Семенъ Карповичъ, но ни въ комъ не получилъ поддержки.

Всѣ, кромѣ Эмилія Маріусовича, нетерпѣливо ерзавшаго на стулѣ, были довольны, что нашелся, наконецъ, человѣкъ, умѣющій дать направленіе дѣлу, а о томъ, что человѣкъ этотъ и есть самъ подсудимый, никто не хотѣлъ думать.

— Итакъ, господа, мы просимъ въ секретари Василія Петровича!—повторилъ Плавутинъ.

— Просимъ! Просимъ!—раздалось по залу.

— Просимъ!—неожиданно гаркнулъ господинъ съ сизымъ носомъ уже тогда, когда всѣ восклицанія смолкли, и, смущенный, спрятался поскорѣе за спину товарища.

Острожниковъ, нагнувшись, сдѣлалъ ему строгое внушеніе.

— Больше не стану,—отвѣтилъ виновный хриплымъ шепотомъ,—вѣдь онъ меня недавно лѣчилъ и денегъ не бралъ...

Василій Петровичъ пріосанился, даже слегка покраснѣлъ отъ удовольствія и, стоя около чернильницы, вознамѣрился произнести благодарственную рѣчь, но онъ былъ такъ тронутъ оказанной ему честью, что даръ краснорѣчія вдругъ его покинулъ.

— Господа,—могъ только проговорить докторъ,—я горжусь вашимъ выборомъ и постараюсь доказать, что достоинъ... и безпристрастно занесу все на страницы...

Тутъ онъ умолкнулъ, сѣлъ къ столу и придвинулъ къ себѣ письменныя принадлежности.

Обществу, очень тронутому волненіемъ оратора, понадобилось нѣ-

которое время, чтобы успокоиться. Но эти пріятныя чувства были прерваны нотаріусомъ Чепраковымъ, который, въ качествѣ прозаическаго практика, неспособенъ былъ надолго отдаваться эмоціямъ симпатіи.

— Господа,—сказалъ онъ, вставая,—позвольте мнѣ отъ себя и отъ лица товарищей сдѣлать собранію заявленіе...

— Теперь не время,—отвѣчалъ Прозрителевъ.

— Я дѣлаю заявленіе на основаніи извѣстной статьи устава.

— Но это подвохъ!..

— Могу я прочесть заявленіе?—спросилъ нотаріусъ металлически звучащимъ голосомъ.

Петръ Петровичъ, у котораго на лысинѣ уже выступили отъ напряженія капли пота, солидно кивнулъ головою.

Только тогда осторожный нотаріусъ вынулъ изъ бокового кармана заявленіе и прочелъ его голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ сдержаннаго волненія.

Заявленіе это настоятельно требовало у дежурнаго старшины Бубликова отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы: Какъ осмѣлились въ стѣнахъ клуба нанести оскорбленіе дамѣ? Чѣмъ были вызваны эти оскорбленія? Отчего одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ собранія вернулъ свой членскій билетъ обратно, считая для себя неудобнымъ оставаться членомъ клуба?

Прочитавъ заявленіе, нотаріусъ сѣлъ на мѣсто. Выраженіе лица его пріобрѣло надменность отъ сознанія хорошо выполненнаго общественнаго долга.

За спиной его послышалось шушуканье, раздались смѣшки, между тѣмъ какъ противная партія оставалась нѣкоторое время погруженной въ пучину недоумѣній.

— Зачѣмъ допустили читать? — прошепталъ Семенъ Карповичъ Тюльпанову, который, вмѣсто отвѣта, лишь виновато утеръ носовымъ платкомъ свою мокрую лысину.

— Я прошу слова!—воскликнулъ Эмилій Маріусовичъ, наконецъ, очнувшись отъ удара,—я еще не знаю, кѣмъ подписано заявленіе, но говорю собранію, что это гнусная интрига моихъ враговъ...

— Прошу записать въ протоколъ выраженія господина Бубликова,—заявилъ Плавутинъ.

— Неужели же всякое слово?!..

— Я требую, чтобы заносили въ протоколъ всякое слово.

— Правильно,—замѣтилъ безпристрастный Ананьинъ.

— Въ такомъ случаѣ, я отказываюсь отъ своихъ словъ,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—но прибавлю, что заявленіе это написано съ извѣстною цѣлью... Съ цѣлью сдѣлать меня въ этомъ дѣлѣ виноватымъ:

— Ну, конечно,—согласился казначей.

— А то какъ же иначе?—подхватилъ бухгалтеръ.

— Именно такъ и есть,—закончилъ нотаріусъ.

— Господа, — сказалъ Прозрителевъ, когда ликованія противной партіи нѣсколько поутихли, — заявленіе прочтено, теперь надлежитъ передать его господину секретарю.

Нотаріусъ положилъ заявленіе на столъ передъ Петромъ Петровичемъ.

— А теперь,—продолжалъ Семенъ Карповичъ, протягивая къ бумагѣ руку,—его можно положить подъ сукно и перейти къ дѣлу, для котораго мы здѣсь собрались.

Тутъ роли перемѣнились. Партія Бубликова заликовала, между тѣмъ какъ нотаріусъ съ единомышленниками выходили изъ себя отъ негодованія.

— Это незаконно,—кричалъ бухгалтеръ.

— Прошу занести въ протоколъ,—говорилъ старичекъ казначей.

— Я не допущу подобнаго произвола,—восклицалъ нотаріусъ.

— Господа,—сказалъ Прозрителевъ,—перейдемъ къ дѣлу, для котораго мы здѣсь собрались.

— Мы собрались для сужденія о неприличномъ поведеніи одного изъ членовъ,—отвѣчалъ Георгій Александровичъ,—теперь намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что неприлично велъ себя господинъ Бубликовъ...

— Господинъ Бубликовъ вовсе не виноватъ,—сказалъ Прозрителевъ.

— Пожалуй, я согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Георгій Александровичъ,—только я внесу сюда маленькую поправку: не господинъ Бубликовъ отвѣтственъ за свои поступки, а другіе... поэтому, дѣйствительно вина его не велика. А затѣмъ я бы предложилъ господину Прозрителеву предоставить руководительство преніями Петру Петровичу, какъ предсѣдателю. Насколько мнѣ извѣстно, господинъ Прозрителевъ человѣкъ здѣсь еще новый, я даже не знаю, состоитъ ли онъ формально членомъ клуба, хотя онъ и принимаетъ въ его дѣлахъ такое участіе.

Послѣ этой рѣчи, всѣ взоры устремились на Семена Карповича, который, молча, грызъ ноготь своего большого пальца.

— Петръ Петровичъ,—продолжалъ Плавутинъ,—собраніе проситъ васъ рѣшить, слѣдуетъ ли сейчасъ же обсуждать поданное вамъ заявленіе?

Петръ Петровичъ молчалъ, тужился и потѣлъ, сознавая, что онъ вовсе не годится для такой отвѣтственной роли.

— Въ такомъ случаѣ, намъ надо справиться съ уставомъ,—сказалъ Георгій Александровичъ, протягивая руку къ тоненькой брошюркѣ, которая лежала спокойно на столѣ до этого момента.

— Ну, пусть ужъ разсмотрятъ заявленіе, — пробормоталъ Тюльпановъ и собственный мундиръ показался ему теперь неестественно узокъ.

Но Плавутинъ, не смотря на разрѣшеніе, не положилъ устава обратно, а, къ великому безпокойству предсѣдателя, принялся изучать его очень внимательно.

— Господа,—сказалъ, затѣмъ, Георгій Александровичъ,—мнѣ очень

непріятно прерывать ходъ засѣданія отвлеченными вопросами, но я формалистъ во всемъ, буду и тутъ формалистомъ... Дѣло вотъ въ чемъ: въ числѣ засѣдающихъ здѣсь особъ я вижу новыхъ членовъ, которыхъ не имѣлъ удовольствія встрѣчать раньше. Конечно, мундиры господъ, сидящихъ недалеко отъ предсѣдателя, достаточно ручаются...

— Это мои помощники и сослуживцы,—поспѣшилъ объяснить Петръ Петровичъ,—они давнишіе члены клуба, но гм... за отдаленностью мѣстожительства, не успѣваютъ посѣщать...

— Съ этой стороны я совершенно удовлетворенъ — отвѣчалъ Плавутинъ, — но вотъ тамъ, въ уголкѣ, я вижу еще двухъ членовъ, съ которыми также имѣю удовольствіе встрѣчаться здѣсь въ первый разъ.

— Это наши чиновники,—скромно заявилъ Острожниковъ,—господа Шелковъ и Поликушкинъ,

— Мнѣ очень пріятно видѣть,—сказалъ Георгій Александровичъ,— что нашъ клубъ пріобрѣтаетъ все больше и больше членовъ, но, господа, въ уставѣ сказано, что каждый членъ долженъ быть записанъ въ шнуровую книгу и о принятіи его составленъ протоколъ... Между тѣмъ, вотъ, хотя бы господинъ Прозрителевъ... Я совершенно не знаю, когда онъ принятъ въ члены, кто рекомендовалъ его и гдѣ та книга, въ которую вписали его фамилію.

— Нѣтъ у насъ такой книги,—воскликнулъ Эмилій Маріусовичъ,— это придирка; никто изъ насъ никогда никуда не записывался.

— Прошу записать эти слова въ протоколъ съ буквальною точностью,—сказалъ Плавутинъ,—я придаю этому объясненію секретаря и старшины чрезвычайно важное значеніе... Но все-таки, я желалъ бы имѣть какія-нибудь доказательства, что всѣ господа, которые сегодня явились въ клубъ въ первый разъ, а также и г-нъ Прозрителевъ суть настоящіе члены клуба.

— Я могу вамъ отвѣтить, — сказалъ казначей, бывшій также и клубнымъ казначеемъ,—у насъ такъ водится, кто внесъ деньги, тотъ и членъ. Такъ вотъ, г-нъ Прозрителевъ не уплатилъ еще ни копѣйки; а за г-дъ Шелкова и Поликушкина г-нъ Бубликовъ внесъ по полтиннику; вѣдь у насъ допускается разсрочка.

Въ залѣ раздались взрывы смѣха.

— Я оченъ радъ, — сказалъ Георгій Александровичъ. — что моя скромная особа способствовала къ пополненію клубной кассы. Но... Я предложу еще только одинъ вопросъ: кто рекомендовалъ г-дъ Шелкова и Поликушкина?

— Я,—послѣ нѣкотораго молчанія неувѣреннымъ голосомъ отвѣчалъ Острожниковъ.

— А еще кто?

— Я,—сердито бросилъ Эмилій Маріусовичъ.

— Совершенно удовлетворены, — заявилъ Плавутинъ и сѣлъ на мѣсто.

— Прошу все это занести въ протоколъ!—крикнулъ нотаріусъ.

— Петръ Петровичъ!—взмолился Прозрителевъ,—вѣдь надо же когда-нибудь заслушать протоколъ старшинъ! Вѣдь для этого мы всѣ сюда собрались.

— Василій Петровичъ, прошу васъ, прочтите его,—сказалъ Тюльпановъ.

— Вы же рѣшили сперва обсудить заявленіе нотаріуса,—кипятился бухгалтеръ.

— Но вѣдь собраніе, гм... можетъ выслушать и тотъ, и этотъ,—пробормоталъ Петръ Петровичъ.

Докторъ, пожимая плечами, началъ читать обвинительный актъ, который заключался, приблизительно, въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ:

I. Г-нъ Плавутинъ отказался назвать фамилію дамы, которую ввелъ въ собраніе; а затѣмъ, явно насмѣхаясь надъ старшинами, сначала назвалъ ее Ивановой или Петровой.

II. Г-нъ Плавутинъ сказалъ старшинѣ, обратившемуся къ нему съ вѣжливой просьбой: «я тебѣ кіемъ голову разобью».

III. Г-нъ Плавутинъ публично оскорбилъ въ залѣ дамъ, сказавъ имъ: «моя дама бѣлѣе снѣга нагорнаго и чище васъ всѣхъ».

Подсудимый, во время чтенія обвинительнаго акта, подошелъ къ буфету, который, для удобства членовъ, на сегодня былъ переведенъ въ дамскую уборную, и, завладѣвъ стаканомъ чая съ парой бутербродовъ, принялся насыщаться такъ аппетитно, что окружающіе, весьма склонные по природѣ къ подражательности, почувствовали непреодолимое желаніе также пить чай и ѣсть бутерброды.

Сперва, одинъ за другимъ, отправилась въ буфетъ партія Георгія Александровича; а затѣмъ и вражескій лагерь оказался не въ силахъ удержаться отъ соблазна. Не говоря уже о Петрѣ Петровичѣ, даже Эмилій Маріусовичъ послѣдовалъ примѣру противника.

Одинъ только Семенъ Карповичъ продолжалъ сидѣть за столомъ подобно величественному изваянію. Лишь изрѣдка по лицу его, сохранившему выраженіе сосредоточенной непоколебимости, пробѣгала презрительная усмѣшка, направленная по адресу тѣхъ малодушныхъ, которые не въ силахъ противустоять ничтожному соблазну.

Когда протоколъ былъ заслушанъ, Петръ Петровичъ сказалъ, поспѣшно проглатывая полуразжеванный кусокъ ветчины съ хлѣбомъ:

— Георгій Александровичъ, имѣете ли вы что-нибудь возразить?

— Очень мало: скажу только, что все это ложь.

— Прошу записать въ протоколъ,—воскликнулъ Прозрителевъ.

— И я прошу того же... Все ложь, потому что я не выдавалъ свою даму за Петрову или Иванову. Затѣмъ, я никогда не произносилъ такой грубой фразы, какъ: «Я тебѣ кіемъ голову разобью», и такой глупости, какъ: «моя дама бѣлѣе горнаго снѣга и чище...» чего?—я не помню! Это какое-то специфически-семинарское построеніе фразы; а я, какъ вамъ извѣстно, воспитывался не въ семинаріи.

— Это личности,—вспыхивая, воскликнулъ Прозрителевъ.

— Личности? Развѣ это вы составляли протоколъ? Или вы воспитывались въ семинаріи? Увѣряю васъ, я не подозрѣвалъ ни того, ни другого...

— Это оскорбленіе, заявлять въ собраніи, что протоколъ невѣренъ!

— Господа, многіе изъ васъ присутствовали при этомъ прискорбномъ происшествіи, я бы попросилъ кого-нибудь точнѣе вспомнить мои слова.

Наступило молчаніе, которое, наконецъ было прервано Петромъ Петровичемъ.

— На сколько я помню, вы сказали... гм... слѣдующее, — заявилъ онъ,—«оставьте меня, гм... ибо я не желаю наносить вамъ, гм... оскорбленіе дѣйствіемъ».

За эту наивность Семенъ Карповичъ наказалъ предсѣдателя презрительнымъ взглядомъ и затѣмъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, онъ сказалъ: «я тебѣ кіемъ голову разобью!»

— Неужели я такъ сказалъ?—переспросилъ его Георгій Александровичъ,—г-нъ Прозрителевъ, прошу васъ очень, вспомните хорошенько.

Семенъ Карповичъ изъявилъ полную готовность исполнить просьбу и, приставивъ ко лбу три пальца, на нѣсколько мгновеній погрузился въ себя.

— Да, вы такъ сказали, — отвѣтилъ онъ, наконецъ, откидываясь всѣмъ корпусомъ на спинку стула, между тѣмъ какъ среди собранія произошло легкое волненіе.

— Тутъ, очевидно, ужъ говоритъ авторское самолюбіе, — сказалъ Георгій Александровичъ, безнадежно разводя руками.

— Они что-то колеблются, — прошепталъ нотаріусъ Плавутину, — надо теперь поднять вопросъ о виновности Емельки: послѣ безсовѣстной лжи Прозрителева, всѣ станутъ держать вашу сторону.

— Никогда!—возразилъ Плавутинъ также шепотомъ, — они всегда будутъ имъ повиноваться... Лучше не пытайтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь...

И. по предложенію нотаріуса, поддержанному всей его партіей, Петръ Петровичъ, пыхтя и отдуваясь, долженъ былъ поставить на баллотировку вопросъ; «считаетъ ли собраніе предосудительнымъ поведеніе дежурнаго старшины въ вечеръ 3-го декабря?»

Собраніе, большинствомъ двухъ голосовъ, оправдало Эмилія Маріусовича.

— Это позоръ!—кричали въ одной партіи.

— Браво! Браво!—раздавалось въ другой.

— Господа! — сказалъ Прозрителевъ, почерпнувшій въ этой удачѣ новыя силы, — такъ какъ теперь ужъ рѣшено, что г-нъ Плавутинъ виновенъ...

— Какъ рѣшено? Когда? —крикнулъ нотаріусъ.

— Но если Эмилій Маріусовичъ признанъ невиноватымъ, то изъ этого слѣдуетъ само собою...

— Откуда вы взяли? Вовсе не слѣдуетъ!

— Конечно, слѣдуетъ! Слѣдуетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!

Петръ Петровичъ, глаза котораго слипались отъ утомленія, рѣшительно не былъ въ состояніи направить пренія на путь порядка. Онъ желалъ теперь только одного: чтобы засѣданіе это какъ-нибудь поскорѣе кончилось.

— Посему,—продолжалъ Прозрителевъ,—когда шумъ немного утихнулъ,—надо баллотировать исключеніе г-на Плавутина.

— За это исключеніе есть уже одинъ голосъ,—заявилъ Эмилій Маріусовичъ,—аптекарь Лебеда прислалъ заявленіе въ этомъ смыслѣ.

Сообщеніе это было встрѣчено смѣхомъ.

— Эге, такъ дѣлать не годится,—сказалъ нотаріусъ,—иначе, я поѣхалъ бы по уѣзду и добылъ бы съ полпуда такихъ заявленій противъ г-на Бубликова.

— Вѣрно! Вѣрно!—крикнула партія нотаріуса.

— Не вѣрно!—вопили противники.

— Дѣло рѣшено,—сказалъ Прозрителевъ,—теперь приступимъ къ баллотировкѣ.

На столѣ снова появилась деревянная коробка съ двумя надписями: «исключить» и «оставить».

Члены, одинъ за другимъ, по мановенію руки Семена Карповича, начали подходить къ этой коробкѣ.

— Позвольте, господа,—воскликнулъ докторъ, — эта баллотировка предполагаетъ уже виновность Георгія Александровича! Куда же я положу свой шаръ, если я считаю его невиновнымъ?

— Въ карманъ, очевидно,—отвѣчалъ Плавутинъ.

— Это явный подвохъ,—крикнулъ бухгалтеръ.

— Я отказываюсь отъ подобной баллотировки,—заявилъ старичекъ казначей.

— И я!—сказалъ нотаріусъ,—прошу занести это въ протоколъ.

Тутъ партія Георгія Александровича, переглянувшись между собою, повставала съ своихъ мѣстъ.

— Господинъ предсѣдатель,—сказалъ нотаріусъ,—отъ лица всѣхъ единомышленниковъ моихъ, заявляю, что мы отказываемся отъ баллотировки, потому что все здѣсь дѣлается незаконнымъ образомъ.

И протестанты вмѣстѣ съ Плавутинымъ покинули залъ засѣданія.

Уходя, нотаріусъ оглянулся и сказалъ злорадно:

— Имѣйте въ виду, что теперь всѣ рѣшенія ваши будутъ недѣйствительны, такъ какъ безъ насъ въ собраніи нѣтъ законнаго числа членовъ.

Тутъ союзники скрылись, сопровождаемые негодующими криками собранія.

— Баллотировать все-таки!—кричали одни.

— Что за комедія?—обижались другіе,—они насъ на смѣхъ подняли.

— Проморить до двухъ часовъ, а потомъ въ самую важную минуту уйти.

— Баллотировать!

И озлобленные судьи подбѣгали одинъ за другимъ къ деревянной коробкѣ.

Нѣкоторые шли рѣшительно, не имѣя во взорѣ и тѣни скрытаго коварства; другіе же являли на лицахъ своихъ подозрительное смущеніе; глаза такихъ смотрѣли куда-то въ сторону, движенія теряли всякую чистосердечность. Эти робкія души долго держали въ ящикѣ руку, оглядывались, вздыхали.

Къ числу подобныхъ трусовъ Эмилій Маріусовичъ причислилъ Ападульчева, который старался прикрыть всѣмъ своимъ тѣломъ баллотировочный ящикъ отъ его взоровъ. Затѣмъ подозрительно велъ себя Шпингалетовъ, подошедшій къ ящику какой-то согбенной, виноватой походкой.

Зато купецъ Сывороткинъ нисколько не сомнѣвался и даже весело воскликнулъ, просовывая руку въ отверстіе ящика:

— Вотъ вамъ, ваше высокоблагородіе, вороного конька на дорожку.

Не сомнѣвался также и Арутюнъ Кеворковичъ Мугурдумъ. Напротивъ, онъ весь сіялъ отъ радости, желая вполнѣ угодить своему покровителю Прозрителеву.

Ананьинъ же, какъ то предчувствовалъ Петръ Петровичъ, велъ себя странно: онъ не ушелъ съ протестантами, но и не подходилъ со всѣми къ баллотировочному ящику, а продолжалъ сидѣть на стулѣ, заложивъ правую ногу на лѣвую и равнодушно ею покачивая.

— Что же вы... балотировать!—крикнулъ, подбѣгая къ нему, Эмилій Маріусовичъ.

— Кто я такой, чтобы судить ближняго?—возразилъ Ананьинъ,—я не судилъ васъ, не стану судить и Плавутина...

Бубликовъ отошелъ, не дослушавъ, потому что увидалъ около ящика синеносаго Поликушкина, который, благодаря выяснившейся его приверженности къ доктору Македонскому, не внушалъ ему теперь особеннаго довѣрія. Но Эмилій Маріусовичъ не успѣлъ воздѣйствовать на подчиненнаго, ибо послѣдній, видя приближающагося къ нему начальника, поспѣшилъ положить шаръ и снова смиренно спрятаться за спину Шелкова.

Наконецъ баллотировка кончилась.

Всѣ въ волненіи обступили Эмилія Маріусовича, который взялъ въ руки ящикъ, открылъ крышку и заглянулъ въ середину.

— Вѣдь надо считать,—сказалъ Македонскій, зорко слѣдя за манипуляціями Эмилія Маріусовича.

— Конечно,—отвѣчалъ послѣдній; но только что хотѣлъ онъ выдвинуть ящикъ, содержащій въ себѣ черняки, какъ, неожиданно для всѣхъ, коробка выскользнула у него изъ рукъ на полъ и шары изъ обоихъ ящиковъ, раскатились по всему залу.

— Это что такое!—воскликнулъ Петръ Петровичъ, очнувшись отъ пріятной дремоты.

— Это... неловкость,—отвѣчалъ за Бубликова Семенъ Карповичъ.

— Столько сидимъ, уже почти вся ночь прошла, а вы такъ, гм... небрежно относитесь къ дѣлу,—сказалъ съ неудовольствіемъ Петръ Петровичъ подчиненному.

— Я самъ очень жалѣю,—возразилъ Бубликовъ,—потому что мы такъ и не узнали, сколькими голосами исключенъ Плавутинъ.

— Но это прямо невозможно!—вспылилъ Македонскій,—я убѣжденъ, что баллотировка была въ пользу Плавутина! Благодаря вашей странной небрежности, дѣло не выяснилось, а вы рѣшаетесь еще клеветать...

— Здѣсь нѣтъ состава клеветы...—вставилъ Прозрителевъ.

— Я такъ сказалъ...—оправдывался струсившій Эмилій Маріусовичъ,—неофиціально... Я могу взять слова свои обратно...

Въ комнатѣ воцарилось смущенное молчаніе. Всѣ чувствовали, что случилось что-то странное; но старались, чтобы выраженія ихъ лицъ не выдавали ихъ мыслей. За это время Петръ Петровичъ успѣлъ еще разъ вздремнуть и еще разъ проснуться.

— Что же, господа, засѣданіе, я думаю, гм... кончено,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ отирая потъ съ лысины.

Собраніе начало мало-по-малу расходиться.

Эмилій Маріусовичъ не двигался, мрачно глядя на разбитый баллотировочный ящикъ, олицетворявшій теперь собою его разбитыя надежды.

«Надѣйся послѣ этого на людей... Я имъ довѣрялъ... я не добивался открытой баллотировки... и вотъ... Развѣ можно быть спокойнымъ, когда изъ двѣнадцати человѣкъ семь оказались отступниками. А вѣдь на видъ всѣ были такъ благонадежны».

Ападульчевъ и Шпингалетовъ измѣнники несомнѣнные... Но кто же еще? Неужели Шелковъ и Полякушкинъ? А еще?

Бубликовъ терялся въ догадкахъ.

Но какъ бы онъ вознегодовалъ, если бы кто-нибудь шепнулъ ему на ухо, что отступникомъ былъ также и Петръ Петровичъ! Самъ Петръ Петровичъ Тюльпановъ! который отъ раскаянія ли, или же въ полусонномъ состояніи, положилъ свой шаръ не туда, куда намѣревался положить раньше. Но, къ счастью, Эмилію Маріусовичу суждено было никогда не узнать объ этой измѣнѣ: да едва ли и самъ Петръ Петровичъ ясно сознавалъ свой поступокъ—до того ему хотѣлось спать къ концу ночи.

*

Докторъ Македонскій, въ качествѣ секретаря, покинулъ послѣднимъ залъ засѣданія и, выйдя въ скверъ, присоединился къ своей партіи, которая его тамъ выжидала.

— Емелька разбилъ ящикъ и выбросилъ всѣ шары на полъ, потому что баллотировка состоялась въ пользу Георгія Александровича,— сообщилъ онъ.

Его слова были встрѣчены громкимъ хохотомъ.

— Ничего,—сказалъ неутомимый нотаріусъ,—все это будетъ извѣстно въ городѣ.

— У насъ есть протоколъ засѣданія,—сказалъ бухгалтеръ,—это будетъ нѣчто вродѣ ихъ обвинительнаго акта.

— Они не станутъ подписывать протокола, я увѣренъ,—замѣтилъ докторъ.

— Пускай не подписываютъ, только вы берегите его, не то выкрадутъ,—предсказывалъ нотаріусъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ Георгій Александровичъ,—кажется, все уже кончено и я могу спокойно воспользоваться отпускомъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—покровительственно отвѣчалъ ему нотаріусъ, незамѣтно для себя обратившійся въ общественнаго дѣятеля,— мы васъ здѣсь и сами съумѣемъ защитить.

Затѣмъ союзники, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, разошлись по домамъ.

Глава VII.

Гордіевъ узелъ разрубленъ.

На слѣдующій день Плавутинъ съ Ольгой Борисовной уѣхалъ изъ Курдюма въ отпускъ и цѣлыхъ два мѣсяца никто о нихъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

За это время всѣ герои случившагося происшествія ѣздили въ городъ «по своимъ дѣламъ», какъ объясняли они любопытнымъ.

Петръ Петровичъ пріѣхалъ изъ города смущенный. На этотъ разъ его сопровождала въ Курдюмъ и супруга его Анна Власьевна съ двумя ребятами.

— Навязалъ я себѣ на шею это нелѣпое дѣло,—говорилъ онъ, бесѣдуя съ пріятелями,—въ городѣ, гм... меня порядочно-таки трепали. Да кто же его знаетъ, какъ что кончается! Вѣдь кабы не Семенъ, гм... Карповичъ... Мы думали, что онъ защититъ...

Анна Власьевна, дама одинаковаго роста съ супругомъ и соотвѣтственной полноты, гуляя въ скверѣ съ знакомыми, выражала такъ свое неудовольствіе:

— Если бы я была въ это время съ Пьеромъ, то подобныхъ происшествій никогда бы не случалось, смѣло могу васъ увѣрить. Но, конечно, если нашлись недобросовѣстные люди... Вѣдь Пьеръ, въ сущ-

ности, совершенный ребенокъ, его можетъ одурачить всякій, кто захочетъ... зато теперь!

Въ доказательство того, что теперь времена измѣнились, Анна Власьевна не отпускала отъ себя ни на шагъ провинившагося супруга.

Дѣти Анны Власьевны, игравшіе вмѣстѣ съ другими дѣтьми, бросали камешками въ Костю Бубликова и при этомъ кричали:

— Нѣту хуже Емелькина отродья!

— Оставьте его, Жанъ, и Вольдемаръ,—говорила мама,—это папа его дурной, а онъ еще ни въ чемъ не виноватъ.

Но это «еще» невольно выдавало тайныя мысли Анны Власьевны...

Бубликовъ также ѣздилъ въ городъ «по своимъ дѣламъ», и по возвращеніи оттуда предсталъ предъ обывателями въ прежнемъ самоувѣренномъ видѣ.

— Мои враги распускаютъ про меня разные слухи,—говорилъ онъ, пожимая плечами,—они говорятъ, что я подаю въ отставку; но это ложь.

Однако, бѣдняга храбрился такъ только на людяхъ, дома же любящая Нюня замѣчала, что дѣла его идутъ неладно.

Эмилій Маріусовичъ былъ мраченъ, грубъ съ семейными, писалъ какія-то бумаги, рылся у себя въ письменномъ столѣ... Точь-въ-точь тоже было съ нимъ лѣтъ пять тому назадъ, когда, благодаря недобросовѣстной клеветѣ враговъ, его внезапно перевели изъ города въ Курдюмскій уѣздъ.

Сердце Нюни замирало, предчувствуя невзгоду; но она молчала, зная, какъ нетерпѣливо относится мужъ къ ея вопросомъ. Только однажды она ввернула неожиданно среди разговора о появившемся уже новомъ салатѣ:

— Да, вотъ мы вскопали опять грядки... посѣяли все... а кто будетъ собирать?...

— Ахъ, отстань отъ меня!—воскликнулъ Бубликовъ, поливая салатъ прованскимъ масломъ.

Нюня послушно отстала; но тутъ ужъ не выдержалъ самъ Эмилій Маріусовичъ и заговорилъ:

— Кабы не Прозрителевъ, ничего бы этого не было! Вѣдь жили же эти... два года, всѣ про нихъ знали и никто ихъ не трогалъ, а тутъ... словно съ цѣпи насъ спустили! Я думалъ, если Прозрителевъ начинаетъ, то, значитъ, своею властью и защититъ, а онъ въ городѣ отъ всего отрекся.

— Неужели!—Нюня всплеснула руками,—вотъ люди! Гдѣ же справедливость?

— Да, да, гдѣ справедливость? Его спрашиваютъ, правда ли, что онъ затѣялъ это дѣло? А онъ отвѣчаетъ: «я тогда и членомъ клуба еще не состоялъ, какъ же я могъ принимать участіе въ клубныхъ дѣлахъ?» А на счетъ паспорта говоритъ: «я всегда со всѣми веду дѣло на бумагѣ. Если бы мнѣ понадобился чей-нибудь паспортъ, я бы его оффиціально вытребовалъ черезъ полицію».

— Такъ что вы же остались виноватыми?

— Вы! Вы!.. Не «вы», а—я! Я остался одинъ во всемъ виноватъ. Тюльпанова любятъ, онъ успѣлъ отвертѣться, а мнѣ говорятъ: «ваша репутація извѣстна...» А развѣ я виноватъ? Развѣ виноватъ?

Эмилій Маріусовичъ ударилъ по столу кулакомъ и опрокинулъ узенькую бутылочку прованскаго масла на скатерть.

Семенъ Карповичъ также ѣздилъ въ городъ и вернулся оттуда величественнѣе обыкновеннаго.

Нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ гулялъ онъ въ скверѣ, занимая общество разсказами о своихъ впечатлѣніяхъ: въ первый день онъ обѣдалъ у его превосходительства; во второй день онъ также обѣдалъ у его превосходительства; на третій день онъ принужденъ былъ отказаться отъ любезнаго приглашенія, потому что, наконецъ, стало неловко.

— Кабы я еще имѣлъ возможность отвѣтить ему тѣмъ же,—пояснилъ Прозрителевъ,—ну, тогда понятно, я могъ бы посѣщать его чаще... Но знаете ли, въ гостиницѣ,—хотя и пятирублевый нумеръ... Я не люблю дешевыхъ нумеровъ... все-таки неловко принимать такое лицо. Да и поваръ тамъ неважный. Вотъ, когда переведусь въ городъ, то выпишу изъ столицы повара получше и тогда ужъ урѣжу вечерокъ его превосходительству, да еще кой-кому.

Послѣднія, какъ бы мелькомъ сказанныя слова подтверждали слухи, циркулировавшіе среди мѣстныхъ обывателей о томъ, что Семена Карповича переводятъ въ городъ.

— Его превосходительство бесѣдовалъ со мной объ исторіи третьяго декабря.

Семенъ Карповичъ на мгновеніе умолкнулъ, затѣмъ продолжалъ уже строго:

— Онъ очень огорченъ! Огорченъ, потому что объ уѣздѣ нашемъ получалъ всегда самыя радостныя для его сердца извѣстія, и вдругъ...

Семенъ Карповичъ закусилъ нижнюю губу, покачалъ укоризненно головой и продолжалъ:

— Его превосходительство обѣщалъ мнѣ устранить всѣ эти... неблагонадежные элементы, возмущающіе общее спокойствіе... О господинѣ Плавутинѣ его превосходительство выразился вотъ какъ: «онъ желалъ быть превыше васъ всѣхъ, а теперь сдѣлался ниже всѣхъ».

— Какъ хорошо извѣстенъ его превосходительству характеръ Плавутина!—саркастически замѣтилъ нотаріусъ.

— Да, онъ знаетъ все и всѣхъ,—съ удареніемъ сказалъ Семенъ Карповичъ,—и Плавутина перевели въ трущобу.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Петръ Петровичъ,—его перевели въ прекрасный городъ... хотѣлъ бы и я попасть туда когда-нибудь!

— Я тоже это слышалъ,—сказалъ нотаріусъ.

— И я слышалъ! — сердито перебилъ его Прозрителевъ,—и смѣю думать, что я слышу лучше вашего.

Слушая всѣ эти разговоры, курдюмское общество находилось въ состояніи возбужденія: предстояло такъ много перемѣнъ въ составѣ чиновниковъ.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный весенній день, на широкой улицѣ Курдюма появился дребезжащій тарантасъ, влекомый усталой тройкой. Въ тарантасѣ сидѣлъ Плавутинъ съ Ольгой Борисовной.

— Плавутины вернулись! — воскликнула Нюня, высовываясь изъ окошка,—смотри, Эмиличка, какая на ней хорошенькая шляпка!

Эта новая шляпка дала почувствовать Аннѣ Сергѣевнѣ, что во вражескомъ лагерѣ все благополучно. Хотя она теперь уже смирилась и даже «простила все» Ольгѣ Борисовнѣ; но сердце ея болѣзненно сжалось.

Между тѣмъ тарантасъ ѣхалъ дальше и скоро очутился подъ окнами нотаріуса, который проводилъ его широкою улыбкой.

Василій Петровичъ Македонскій совершенно расцвѣлъ, при видѣ путешественниковъ. Высунувшись изъ окна, онъ что-то кричалъ и привѣтствовалъ ихъ аплодисментами.

Въ домѣ Ападульчева были открыты всѣ окна и въ это время въ столовой за обѣдомъ сидѣло много народу.

— Посмотрите,—закричала толстая Раичка — ѣдетъ Плавутинъ и Ольга Борисовна!

— Славный человѣкъ!—съ умиленіемъ произнесъ Агриппинъ Михайловичъ,—и она хорошая женщина...

— Да, гм... въ этой исторіи, гм... мы...—сказалъ Тюльпановъ.

— И что значитъ воля одного человѣка,—глубокомысленно замѣтилъ Шпингалетовъ,—чего Семенъ Карповичъ захотѣлъ, то мы и сдѣлали.,. Удивительно!

— А я такъ прямо не понимаю, что съ нами сталось?—удивлялся Ападульчевъ,—вѣдь, въ сущности, между нами будь сказано, это пустяки, что она ему не жена? Мало ли мы видѣли такого?

— Конечно, это было, гм... какъ бы затменіе,—согласился Петръ Петровичъ.

— Вы, Петръ Петровичъ, отличный человѣкъ, и Шпингалетовъ ничего, и я... да и всѣ мы, въ сущности, недурные люди, а вдругъ такъ разгрызлись, точто собакъ со своры спустили.

— Меня не было,—строго сказала Анна Власьевна,—я бы не допустила скандала... Жанъ и Вольдемаръ, не болтайте ногами.

— А хорошо бы всѣмъ помириться,—мечталъ Ападульчевъ, причемъ глаза его подернулись влагой,—сдѣлалъ бы я парадный обѣдъ, пригласилъ бы всѣхъ, всѣхъ, безъ исключенія. Бутылочку-другую шампанскаго откупорили бы... Поцѣловались бы Петръ Петровичъ съ Георгіемъ Александровичемъ; потомъ поцѣловался бы Георгій Александровичъ съ Семеномъ Карповичемъ...

Между тѣмъ тарантасъ уже успѣлъ объѣхать весь кругъ домовъ, занимаемыхъ чиновными лицами, и остановился передъ дверями квартиры Плавутина, гдѣ уже находились докторъ и нотаріусъ.

— Чего вы намъ не писали?—упрекалъ нотаріусъ,—тутъ уже ходили слухи, что васъ въ тюрьму посадили... А васъ, какъ на зло, все нѣтъ, да нѣтъ...

— Мы все ждали перевода...—сказалъ Плавутинъ.

— Вотъ, вѣдь я говорилъ, что такъ будетъ?—укоризненно сказалъ Василій Петровичъ,—наскандалили тутъ, и уѣзжаете.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что намъ наскандалили?—поправила его Ольга Борисовна.

— Толкуйте тамъ!.. Вы здѣсь только время провели, а намъ придется самимъ всю кашу расхлебывать.

— Трусишка же вы!

— Трусишка!.. Вѣдь мнѣ Емелька началъ гадить даже оффиціально. Недавно. вотъ получилъ бумагу: вы, молъ, покупаете для больницы хлѣбъ по три копѣйки, а онъ въ настоящее время продается по двѣ. Я перепугался; думаю, можетъ, сторожъ мошенничаетъ. Поѣхалъ нарочно самъ на базаръ—нѣтъ! Хлѣбъ стоитъ, дѣйствительно, три копѣйки.

— Тогда я научилъ его,—перебилъ нотаріусъ,—отвѣтить тоже бумагой за нумеромъ и подъ росписку... А въ бумагѣ мы написали: такъ какъ управленіе знаетъ гдѣ-то хлѣбъ, продающійся по двѣ копѣйки за фунтъ, прошу отнынѣ имъ снабжать Курдюмскую больницу.

— И Емелька смирился!—въ восторгѣ закончилъ докторъ,—просилъ вернуть ему его бумагу! Ну, впрочемъ, онъ-то теперь не страшенъ, заброшенъ всѣми, закисъ, бѣдняга. Даже Ападульчевъ пересталъ кормить его ужинами.

— Изъ города уже два раза протоколъ требовали,—сказалъ, смѣясь, нотаріусъ,—а его нельзя посылать, потому что никто не хочетъ его подписывать.

— Отъ всего отрекаются!—воскликнулъ съ огорченіемъ Василій Петровичъ.—Прозрителевъ клянется, что онъ не говорилъ: «я тебѣ голову кіемъ разобью», и въ то же время упрекаетъ Петра Петровича за то, что онъ повторилъ вѣрно вашу фразу въ бильярдной. Петръ Петровичъ обижается и проситъ меня, чтобы я, по дружбѣ, вычеркнулъ его слова. Потомъ требуютъ, чтобы я не упоминалъ о присутствіи Шелкова и Поликушкина, а безъ нихъ нѣтъ полнаго состава... Просто бѣда съ ними! Всѣ хотятъ, чтобы я вралъ.

— Онъ бы уже сдался, кабы не я,—сказалъ нотаріусъ,—но я человѣкъ юридическій... Приходили подписывать только Сывороткинъ да Мугурдумъ. Я имъ при свидѣтеляхъ показалъ протоколъ, а то пожалуй, украли бы. Ни становые, ни писарьки не подписали, имъ запрещено. Ападульчевъ говоритъ, что подпишетъ послѣ всѣхъ, а Прозителевъ только свищетъ, когда ему напоминаютъ.

— Изъ этой исторіи видно,—сказалъ Георгій Александровичъ,—что курдюмскіе обыватели не доросли еще до общественной жизни.

— Блудливы мы, батюшка,—сказалъ нотаріусъ,—блудливы и трусливы.

— Вотъ, понаѣдутъ новые члены клуба,—сказалъ докторъ,—можетъ, лучше будетъ.

Дѣйствительно, губернскія власти рѣшили обновить составъ курдюмской аристократіи, и вотъ, передъ окнами равнодушныхъ обывателей потянулись одинъ за другимъ возы, нагруженные имуществомъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, а затѣмъ и сами чиновники, прозвенѣвъ послѣдній разъ по широкой улицѣ, разъѣзжались въ разныя стороны и скрывались за голубою далью въ поискахъ за новымъ счастьемъ.

Эмилій Маріусовичъ уѣхалъ какъ-то незамѣтно. Общество забыло его еще раньше отъѣзда и даже, по старинному обычаю, не задало ему и пары обѣдовъ. Въ одинъ прекрасный весенній день, Эмилій Маріусовичъ съ супругой и юнымъ отпрыскомъ сѣлъ на перекладную, нагруженную домашнимъ скарбомъ, и, безъ всякой помпы, выѣхалъ изъ Курдюма, гдѣ онъ пять лѣтъ считался такимъ блестящимъ кавалеромъ. Послѣ такой неблагодарности, онъ превратился въ пессимиста, что значительно ускорило появленіе сѣдинъ на головѣ бѣдной Нюни. Самъ Эмилій Маріусовичъ никогда не посѣдѣетъ, потому что секретъ сохранять волоса свои изсиня черными ему давно извѣстенъ.

Георгій Александровичъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не примирившись, хотя сердца согражданъ летѣли ему навстрѣчу. Онъ получилъ нѣсколько визитовъ отъ членовъ противной партіи: къ нему, какъ-то скрываясь, бочкомъ, завернулъ Шпингалетовъ, потомъ зашелъ Ападульчевъ.

Затѣмъ посѣтилъ Георгія Александровича молодой кандидатъ правъ, собственникъ оптовыхъ складовъ и винныхъ лавокъ, Ананьинъ, который сдѣлалъ этотъ визитъ исключительно благодаря своему безпристрастію.

— Я былъ сейчасъ у Семена Карповича,—сказалъ онъ, послѣ обычныхъ рукопожатій,—онъ также надняхъ собирается уѣзжать.

— Хорошо, что этого господина убираютъ отсюда,—сказалъ Плавутинъ,—курдюмское общество не имѣетъ силы противодѣйствовать его развращающему вліянію.

— Неужели вы думаете, что одинъ человѣкъ на столько рознится отъ другого, что можетъ налагать на него свой отпечатокъ?—усмѣхаясь, возразилъ Ананьинъ.

— Вѣрю. Иначе не было бы на свѣтѣ столькихъ драмъ, происходящихъ отъ столкновенія противуположныхъ характеровъ.

— Это все больше бываетъ не въ жизни, а въ книжкахъ. Въ жизни—все просто; ну, а въ книжкахъ... конечно... эти всѣ Шекспиры, Гоголи... Одни пишутъ для поученія и лгутъ, другіе для смѣха и тоже лгутъ.

— Однако, это смѣло.

— Вотъ Гоголь, напримѣръ: ужъ теперь это выяснено, что онъ

писалъ только для смѣха; а публика читаетъ... и глупшается порокомъ... И все такъ!

Георгій Александровичъ, не возражая, только смотрѣлъ съ любопытствомъ на своего гостя. Но когда молчаніе грозило перейти въ неловкость, онъ сказалъ:

— Не трудно ли вамъ было послѣ смерти отца сразу окунуться въ практику коммерческаго дѣла?

— О, ничего, помаленьку справляюсь. Вѣдь я на себя взялъ только верховный надзоръ за дѣлами, а всю практическую сторону вѣдаютъ старые слуги нашей фирмы. Но, конечно, и за ними нуженъ глазъ, да глазъ.

— И дѣло не упало послѣ смерти отца?

— Ничего, идетъ! Мужички исправно употребляютъ этотъ эликсиръ, эту водицу жизни... потому что, въ сущности, это единственная ихъ отрада,—прибавилъ онъ съ улыбкой и всталъ, чтобы проститься,

Больше никто не дѣлалъ визитовъ Георгію Александровичу. Говорятъ, Петръ Петровичъ хотѣлъ къ нему зайти; но супруга его Анна Власьевна нашла, что это будетъ неловко, и Плавутинъ съ Ольгой Борисовной уѣхалъ, не простившись съ хозяиномъ уѣзда.

Пріятели проспали ихъ отъѣздъ. Только трое мужиковъ, случайно встрѣтившихся съ ними на дорогѣ, сняли шапки и пожелали имъ счастливаго пути.

Послѣ всѣхъ сталъ собираться въ путь Семенъ Карповичъ.

Прозрителевъ получилъ отъ обывателей много обѣдовъ, баловъ, ужиновъ. Онъ благосклонно посѣщалъ всѣхъ, говорилъ рѣчи, провозглашалъ тосты и все обѣщалъ устроить гостепріимнымъ курдюмцамъ такой отвѣтный фестивалъ, какого еще никогда здѣсь никто не видывалъ. Изъ города уже для этого ѣдетъ поваръ, изъ столицы выписаны вина и различные деликатессы.

Обыватели, которые уже заранѣе сговорились, послѣ обѣщаннаго фестиваля, устроить Семену Карповичу не менѣе раскошные проводы, были очень изумлены однажды утромъ, увидавъ передъ домомъ Прозрителева тарантасъ, нагруженный его пожитками. Въ то же время казакъ, любезно предоставленный Петромъ Петровичемъ для услугъ Семену Карповичу, ходилъ изъ дома въ домъ и приглашалъ курдюмскую аристократію проводить его высокородіе до села Лопуховки.

Оказалось, что важное дѣло, которое начальство рѣшалось поручить только одному Семену Карповичу, требовало его немедленнаго отъѣзда въ городъ; а вмѣсто обѣщаннаго фестиваля, онъ предлагаетъ своимъ любезнымъ согражданамъ небольшое partie de plaisir, въ видѣ поѣздки до Лопуховки.

— До Лопуховки?—повторилъ Петръ Петровичъ, что-то припоминая,—ты знаешь, душа моя, мнѣ... гм... докладывалъ урядникъ Собачкинъ, что тамъ готовится этому господину какая-то... гм... торжественность.

— Ну такъ что жъ?—спросила Анна Власьевна.

— Но вѣдь я здѣсь, гм... хозяинъ! Безъ моего разрѣшенія... я ничего не знаю... Вотъ что значитъ, когда нѣтъ Бубликова... Я, гм... душа моя, не поѣду.

— Нельзя, Пьеръ, нельзя,—возразила Анна Власьевна,—вѣдь это послѣдній разъ. А если онъ обидится, то въ городѣ можетъ очень повредить намъ. Ты знаешь, какой это опасный человѣкъ.

Петръ Петровичъ покорился.

А въ Лопуховкѣ въ это время происходило вѣчто необыкновенное.

Широкая улица около волостного правленія была тщательно выметена. Сторожъ, вычистившій, по приказанію старшины, сапоги ваксой, ходилъ возлѣ крыльца съ громадной метлой, озабоченный трудной задачей чисто вымести ступени и сохранить при этомъ необычайно привлекательный видъ сапоговъ.

Арутюнъ Кеворковичъ, одинъ изъ видныхъ представителей Лопуховки, всталъ сегодня очень рано и поспѣшилъ открыть свое заведеніе, на окнахъ котораго появились какія-то запечатанныя бутылки, подъ бандеролью.

Не смотря на ранній часъ, у волости стояло много повозокъ и телѣжекъ съ распряженными лошадьми, которые толпились тутъ же, имѣя на мордахъ мѣшки съ овсомъ.

При видѣ такого большого съѣзда, Арутюнъ Кеворковичъ вспомнилъ, что у него сегодня приготовлено мало вина, и, призвавъ приказчика своего Абдулку, мальчика, кривого на одинъ глазъ, сошелъ съ нимъ въ подвалъ.

При посредствѣ ведра воды, принесеннаго Абдулкой, вскорѣ была готова батарея бутылокъ, назначенныхъ въ продажу, такъ какъ вообще Арутюнъ Кеворковичъ не приготовлялъ много вина въ бутылкахъ, потому что, разбавленное, оно скоро портилось.

Затѣмъ онъ велѣлъ Абдулкѣ нацѣдить нѣсколько графиновъ лучшаго вина изъ того боченка, который предназначался только для Петра Петровича и благочиннаго. Этимъ виномъ онъ разсчитывалъ угостить отъѣзжающаго Прозрителева.

Покончивъ съ дѣлами, Арутюнъ Кеворковичъ повязалъ шею клѣтчатымъ фуляромъ, надѣлъ длиннополый сюртукъ, и, взявъ лучшую палку съ сердоликовымъ набалдашникомъ, отправился въ волостное правленіе.

Тамъ, въ большой и низкой комнатѣ, набралось уже много народа, рѣзко раздѣленнаго на двѣ группы.

У стола, покрытаго клеенкой, сидѣли писаря и просвѣщенные старшины въ сюртукахъ и штанахъ на выпускъ; между тѣмъ какъ въ другомъ углу, на лавкахъ, примостились люди, одѣтые въ зипуны или чепаны, въ смазныхъ сапогахъ, отъ которыхъ по комнатѣ разносился крѣпкій запахъ. Это были сельскія власти мѣстностей, отда-

ленныхъ отъ Курдюма, народъ, видавшій чиновниковъ рѣдко и потому не привыкшій къ свѣтскому обращенію.

Аристократическая часть публики курила независимо папироски, плевала, разговаривала; а группа зипунниковъ молчала, переминаясь, и все глядѣло внизъ на сапоги свои, густо смазанные дегтемъ.

— Вотъ Иванъ Степановичъ,—сказалъ старшина Гаврила Петровичъ, съ улыбкой указывая рукой на молчаливую группу,—вы бы поучили эту деревенщину, какъ говорить начальнику... А то, вѣдь, они только глазами будутъ хлопать.

— Вы бы сами за насъ усе казали,—сказалъ Алексѣевскій старшина, высокій хохолъ съ длинными усами,—куда ужъ намъ, мужикамъ! Вы кажите, а мы будемъ поддакивать: «истинно! истинно!»

— Мы далеко провожать поѣдемъ?—спросилъ худой старичекъ, предусмотрительно захвативший съ собой узелокъ съ провизіей.

— Да никуда вы не поѣдете, а только проводите здѣсь... Ну, народецъ!

— Мнѣ что?—пробормоталъ старичекъ,—мнѣ велѣно ѣхать, я и поѣхалъ, думалъ, повинность какая.

— Знаете, братцы,—сказалъ старшина Гаврила Петровичъ, замѣчая, что настроеніе общества становится вялымъ,—не послать ли намъ за водочкой и закусочкой?

Предложеніе было одобрено съ обѣихъ сторонъ и вскорѣ на клеенчатомъ столѣ появилось нѣсколько полуштофовъ водки, окруженной тарелками съ закуской.

Къ угощенію случайно поспѣлъ урядникъ Собачкинъ, который верхомъ возвращался съ чумнгоо пункта.

Онъ не отказался закусить и выпить, но когда ему предложили остаться для проводовъ начальника, отвѣтилъ насмѣшливо:

— Уѣдетъ и такъ!

Затѣмъ, поблагодаривъ за угощенье, распрощался и ускакалъ въ Курдюмъ.

За закуской время проходило нескучно.

Разрозненное общество соединилось около водочки и вскорѣ единодушно говорило о покосахъ, о хлѣбѣ, о чумѣ и о разныхъ деревенскихъ происшествіяхъ, совершенно позабывъ, что ожидается начальникъ.

— Ѣдетъ, ахъ, ѣдетъ!—закричалъ, вдругъ, вбѣгая въ волостное правленіе Арутюнъ Кеворковичъ, сторожившій на крыльцѣ.

Въ одно мгновеніе столъ очистился отъ водки, селедочныхъ хребтовъ и огуречныхъ огрызковъ и сельскія власти вышли чинной толпой на крыльцо, къ которому уже лихо подкатывала первая тройка съ супругами Ападульчевыми.

Затѣмъ подлетѣла вторая тройка съ Шпингалетовымъ, бухгалтеромъ и докторомъ Македонскимъ, сидѣвшимъ у нихъ на колѣняхъ.

Потомъ подъѣхалъ тарантасъ, едва вмѣщавшій въ себѣ Петра Петровича съ супругой; а за ними уже слѣдовалъ Семенъ Карповичъ съ Анфисой Григорьевной.

Тарантасъ остановился у крыльца, Семенъ Карповичъ всталъ съ сидѣнья и, держа одну руку въ карманѣ, другою оперся о плечо ямщика, сидѣвшаго неподвижно на козлахъ.

— Господа,—нѣсколько нечленораздѣльно воскликнулъ Прозрителевъ, сухое лицо котораго было красно, благодаря прощальнымъ возліяніямъ въ Курдюмѣ,—вы собрались проводить меня? Это рѣдкая честь, и я этого не забуду... Я тоже былъ хорошій вамъ начальникъ...

— Что говорить, ваше высокородіе, что говорить,—политично отвѣчалъ старшина Гаврила Петровичъ, помня о присутствующихъ господахъ, которые тихонько пересмѣивались.

— Друзья, прощайте,—продолжалъ Прозрителевъ,—дай Богъ, чтобы и другой былъ для васъ такъ же хорошъ, какъ я.

Онъ кончилъ рѣчь и покинулъ плечо ямщика, обнаруживая этимъ намѣреніе сойти съ тарантаса. Тогда старшина Гаврила Петровичъ обязательно подхватилъ его подъ одну руку, Арутюнъ Кеворковичъ стремительно схватился за другую и Семенъ Карповичъ былъ мгновенно снесенъ съ своего пьедестала на землю.

— Прощайте, друзья!—повторилъ онъ, оставляя на мгновеніе свои руки протянутыми въ пространство, куда немедленно кинулся Арутюнъ Кеворковичъ и началъ обнимать своего высокаго друга со всей пылкостью южной натуры. Наконецъ, утомившись, онъ передалъ начальника въ объятія старшины Гаврилы Петровича; потомъ имъ завладѣлъ писарь Иванъ Степановичъ.

Мокрый и красный отъ поцѣлуевъ, Семенъ Карповичъ переходилъ отъ одного сюртучника къ другому, между тѣмъ какъ зипунники, стоя въ отдаленіи, не рѣшались приблизиться дальше извѣстнаго разстоянія. За ними толпилась куча ребятишекъ, испускавшихъ восторженные крики, что, впрочемъ, не входило въ программу празднества; а вдали, уже совсѣмъ далеко, у забора, пріютилась древняя старуха, которая шептала что-то, кивая трясущейся головой.

Наконецъ, обрядъ лобзанія былъ конченъ. Семенъ Карповичъ, глубоко вздохнувъ, вытеръ носовымъ платкомъ вспотѣвшее лицо свое и мокрыя губы.

Арутюнъ Кеворковичъ оторвалъ кривоглазаго Абдулку отъ созерцанія картины и велѣлъ ему принести вино, приготовленное для чествованія отъѣзжающаго.

Вскорѣ на площади, передъ крыльцомъ волостного правленія, появился столикъ, покрытый тщательно вымытой пеньковой скатертью съ выцвѣтшей красной каймой. На столикѣ стояла икра, сардинки, серебристая бутылка вишневой наливки для дамъ и цѣлая батарея вина, за которымъ два раза бѣгалъ въ лавку кривоглазый Абдулка.

Господа сѣли закусывать.

Арутюнъ Кеворковичъ со старшиною Гавриломъ Петровичемъ суетились, угощая. Сельскія власти стояли кругомъ неподалеку; а вдали, за ликующими мальчишками, древняя старушка продолжала кивать трясущейся головой.

Время летѣло... Уже солнце, пройдя значительную часть пути, освѣтило столъ, за которымъ пировалъ отъѣзжающій начальникъ, когда, наконецъ, Анфиса Григорьевна велѣла ямщику подавать тарантасъ.

Семенъ Карповичъ всталъ, снова обнаруживая желаніе сказать рѣчь; но, не смотря на все свое желаніе, онъ могъ лишь направить свой отуманенный взоръ въ сторону сельскихъ властей и проговорить нетвердо:

— Друзья, прощайте!

Арутюнъ Кеворковичъ очутился уже около и Семенъ Карповичъ обнялъ его одною рукою, что́ значительно помогало ему сохранять равновѣсіе; но когда къ нему подбѣжалъ еще писарь Иванъ Степановичъ съ распростертыми объятіями, а за писаремъ стояла толпа сюртучниковъ, готовыхъ снова давать и принимать лобзанія,—начальникъ изнемогъ.

Мягко улыбаясь, онъ отрицательно замахалъ руками, и толпа сюртучниковъ мгновенно разсѣялась.

Вознесенный старостой и Арутюномъ Кеворковичемъ обратно въ тарантасъ, Семенъ Карповичъ лишь кивалъ головою, съ усиліемъ приподнимая отяжелѣвшія вѣки; но какъ только экипажъ скрылся за околицей, вѣжди Семена Карповича сомкнулись и тихій храпъ его далъ знать Анфисѣ Григорьевнѣ, что супругъ ея, наконецъ, почилъ, отдыхая отъ всѣхъ этихъ пріятныхъ, но все-таки утомительныхъ волненій.

Провожавшіе друзья смотрѣли вслѣдъ тарантасу, перебрасывались полу-словечками и саркастически смѣялись.

Писарь Иванъ Степановичъ и старшина Гаврила Петровичъ стоя въ отдаленіи, шептались съ нѣкоторой тревогой о томъ, что Тюльпановъ, кажется, ими недоволенъ.

Дѣйствительно, Петръ Петровичъ былъ не въ духѣ.

— Что́ это за комедію вы тутъ устроили?—спросилъ онъ недружелюбно у писаря,—развѣ можно по пустякамъ, гм... отрывать народъ въ рабочую пору?

— Мы дѣйствовали по приказанію, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ Иванъ Степановичъ, хитро улыбаясь одними глазами.

— Какъ по приказанію? Кто же, гм... могъ приказать вамъ, гм... эти проводы?

— Самъ господинъ Прозрителевъ формальной бумагой, — почтительно отвѣчалъ писарь.

— Тогда, гм... конечно...

— А гдѣ эта бумага?—спросилъ Василій Петровичъ Македонскій.

— Она не была намъ довѣрена въ руки. Писарь господина Прозрителева ѣздилъ по волостямъ, предлагалъ прочитавшимъ подписаться, а бумагу увозилъ съ собою.

— Ловко!—воскликнулъ Шпингалетовъ.

Петръ Петровичъ молчалъ, но больше ни о чемъ не разспрашивалъ.

— Какая нелѣпая комедія,—сказалъ онъ, приказавъ знакомъ удалиться писарю,—самъ велѣлъ собраться и самъ, гм... благодаритъ...

— Вотъ, говорили, человѣкъ нехорощій, и все такое,—замѣтилъ задумчиво Шпингалетовъ,—а какъ умѣетъ дѣлать карьеру! Вѣдь въ городѣ будутъ думать, что всѣ здѣсь его обожали.

— Да, да, завидно даже,—согласился докторъ и потомъ, вдругъ ударивъ себя по лбу, воскликнулъ:—господа, а какъ же намъ быть съ поваромъ? Вѣдь онъ ѣдетъ!

Взрывъ веселаго смѣха былъ ему отвѣтомъ.

— Ну, мы пошлемъ ему повара въ городъ обратно,—успокоительно сказалъ Шпингалетовъ.

— Быть можетъ Семенъ Карповичъ встрѣтится съ нимъ по дорогѣ,—замѣтилъ Петръ Петровичъ, солидно улыбаясь.

И развеселившаяся компанія начала разъѣзжаться.

Когда замолкъ въ отдаленіи звонъ послѣдняго колокольчика, старшина Гаврила Петровичъ велѣлъ внести столъ съ закусками обратно въ волостное правленіе и все приняло свой обычный видъ.

Толпа разошлась, мальчишки разбѣжались, сторожъ тутъ же на крыльцѣ началъ снимать свои сапоги, вычищенные ваксой.

Только одинъ Арутюнъ Кеворковичъ не могъ такъ скоро успокоиться и, повелѣвъ Абдулкѣ собирать пустыя бутылки, сказалъ, обращаясь къ нѣсколькимъ щеголеватымъ парнямъ, которые остались поговорить съ пріѣзжими:

— Какого начальника мы потеряли!

— Потеряли, батюшки, потеряли!—поддержала его древняя старушка, кивая трясущейся головой.

— Чего тамъ потеряли!—сказалъ старикъ съ большой бѣлой бородой, стоявшій около, опираясь обѣими руками на вишневую палку,—было бы болото... а къ нему уже все найдется.

Это замѣчаніе одобрилъ громъ сочувственнаго хохота разочарованныхъ парней, которые думали попользоваться остатками господскаго угощенія и теперь, обманутые въ своихъ разсчетахъ, посмѣивались и уходили.

Вскорѣ улица совершенно опустѣла.

Сюртучники еще сидѣли въ волостномъ правленіи, доѣдая остатки угощенія, зипунники возились около телѣгъ, спѣша засвѣтло уѣхать... Только двое старостъ, Ивановскій и Алексѣевскій, продолжали стоять у крыльца, разсуждая, придется ли имъ отсиживать свои четыре дня

въ кутузкѣ, по произвольному распоряженію уѣхавшаго начальника, или же теперь они могутъ уклониться отъ этого наказанія?

Опустѣлъ Курдюмъ...

Оставшіеся члены клуба сиротливо прогуливались по молчаливымъ стогнамъ, гдѣ такъ недавно еще кипѣла жизнь. Теперь всѣ такъ живо чувствовали свое одиночество, что на время даже уничтожился духъ партій. Нотаріусъ протянулъ руку Шпингалетову; казначей гулялъ вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ; непримиримый бухгалтеръ, наконецъ, призналъ Агриппина Михайловича хозяйственнымъ старшиной клуба, секретарь Острожниковъ явно лебезилъ передъ докторомъ Македонскимъ, который задумчиво сидѣлъ на скамейкѣ, въ тѣни жидкихъ акацій, и думалъ о грядущей судьбѣ протокола. Но ничего не придумалъ Василій Петровичъ и, вѣроятно, до сихъ поръ протоколъ хранится у нотаріуса не подписанный.

— Мало насъ, гм... господа, ахъ, какъ мало!—говорилъ Петръ Петровичъ, склонный къ меланхолическимъ изліяніямъ.

— Ничего, наберется... Было бы болото,—оборвалъ его нотаріусъ такимъ сухимъ тономъ, который сразу остановилъ потокъ сантиментальныхъ чувствъ добродушнаго «хозяина уѣзда».

Дѣйствительно, скоро контингентъ общества пополнился новыми членами.

Покинутыя квартиры опять были заняты; скверъ наполнился снова гуляющими; замелькали въ свѣжей зелени разноцвѣтныя платья, къ которымъ еще не привыкъ глазъ мѣстныхъ обывательницъ. Наступило время новыхъ знакомствъ, визитовъ, разговоровъ, впечатлѣній...

Конечно, неисчерпаемымъ предметомъ разсказовъ служило необычайное происшествіе 3-го декабря, которое, по мѣрѣ его отдаленія во тьму временъ, становилось все интереснѣе.

Быть можетъ, говорятъ о немъ тамъ и теперь, если только новое, еще болѣе необыкновенное событіе не затмило его въ памяти обывателей.

Юлія Безродная.

ДВА ПАРНАССЦА.

О французскихъ поэтахъ недавно много говорили. У всѣхъ было готовое сужденіе о, такъ называемыхъ, новыхъ направленіяхъ парижской поэзіи, которыя считались послѣднимъ словомъ моднаго заграничнаго рынка. Но весьма немногіе дали себѣ трудъ подкрѣпить свое мнѣніе дѣйствительнымъ знакомствомъ съ любопытнымъ литературнымъ явленіемъ. Это можно сказать даже о тѣхъ поэтахъ, имена которыхъ повторялись въ сопровожденіи весьма опредѣленныхъ, хвалебныхъ или порицательныхъ эпитетовъ. Тѣ же, которые за отсутствіемъ экстравагантности не заставляли о себѣ кричать, совсѣмъ не вызывали любознательности русской публики. Наши переводчики, которымъ по издавна заведенному обычаю, наравнѣ съ «оригинальными» русскими стихотворцами, предоставляется заполнять нѣсколько пустыхъ страничекъ въ каждой журнальной книжкѣ, также обладаютъ замѣчательною неподвижностью. Изъ новѣйшей французской лирики ихъ упорная симпатія привлекается, почти исключительно, лицемѣрною сентиментальностью Франсуа Коппе и искреннею сентиментальностью Сюлли-Прюдома.

Между тѣмъ современная французская поэзія представляетъ для наблюдателя, во многихъ отношеніяхъ, любопытную картину. Прежде всего надо признать, что въ смыслѣ артистическихъ средствъ многіе изъ французскихъ жрецовъ Аполлона занимаютъ совершенно выдающееся положеніе среди своихъ собратій въ остальной Европѣ. Сильный, образный языкъ, разнообразный стихъ, то кованный, то гибкій и граціозный, музыкальная строфа—все это является столько же результатомъ таланта того или другого писателя, сколько литературной традиціей, давно установленной такими мастерами формы, какъ Готье, Леконтъ-де-Лиль, Боделеръ и Банвиль. Это—та сторона французской поэзіи, которая вызываетъ въ читателѣ положительныя эстетическія эмоціи. Другой категоріи интересъ представляетъ ея идейное и психологическое содержаніе. Здѣсь читатель невольно становится въ положеніе историка, которому не столько важно произнести приговоръ: «это правильная, а это неправильная мысль», «это похвальное, а это недостойное чувство», сколько подмѣтить связь между литературнымъ явленіемъ и дѣйствительною жизнью породившаго его общества.

Дѣйствительность пестра и мутна; опредѣлить ея характеръ, ея руководящій принципъ, большею частью, весьма трудно для современниковъ. Литература иногда можетъ служить тѣмъ зеркальцемъ, которымъ врачи изслѣдуютъ органы, скрытые отъ непосредственнаго наблюденія. Только нужно остерегаться требовать отъ литературы больше, чѣмъ она можетъ дать. Чаще всего случается, что художественное слово находится въ распоряженіи того слоя народа, которому принадлежитъ преобладающая роль въ дѣйствительной жизни общества, или который борется за это преобладаніе и, такимъ образомъ, является носителемъ идей завтрашняго дня. Отсюда происходитъ постоянная ошибка историковъ литературы, которые считаютъ ее голосомъ цѣлой націи, тогда какъ она въ состояніи говорить отъ лица только той ближайшей соціальной среды, въ которой она родилась. Французская литература второй половины истекающаго вѣка прекрасно иллюстрируетъ это положеніе, именно потому, что, по исключенію, она служитъ органомъ соціальной группы, которая волей или неволей совершенно отдалена отъ національной жизни и вовсе не стремится къ борьбѣ за господство.

Парижская умственная аристократія до вчерашняго дня, можно сказать, считала себя рожденной, исключительно, «для звуковъ сладкихъ и молитвъ» и серьезно претендовала на право свысока взирать на мятущуюся толпу, разорванную на части «политическими страстями» и классовыми интересами. Гордый любимецъ Музъ стоитъ внѣ партій и выше грошевыхъ идей. Но этотъ вчерашній день пролилъ яркій солнечный свѣтъ на, столь искусно раскрашенное, декоративное величіе. Съ тѣхъ поръ, какъ капризный эстетикъ Леметръ, чувствительный поэтъ Коппе, пѣвецъ великосвѣтскихъ кокотокъ Бурже и пр. и пр. стали созывать митинги, произносить зажигательныя рѣчи и подписывать политическіе манифесты, мы узнали съ послѣднею степенью достовѣрности, что, когда эти господа оставляютъ заоблачныя высоты и спускаются на улицу, ихъ ничто уже не отличаетъ отъ всѣхъ другихъ элементовъ уличной толпы: они цѣликомъ растворяются въ ней и усиливаютъ ея партійность, ея предразсудки, ея классовую окраску.

Въ сущности, однако, это надо было предвидѣть. Мы вовсе не обязаны были на слово вѣрить красивымъ фразамъ отреченія и презрѣнія къ суетѣ міра сего. Нетрудно было замѣтить, что этотъ индиферентизмъ, не смотря на пессимистическій колоритъ, въ большинствѣ случаевъ служилъ маской прозаическому довольству существующимъ порядкомъ вещей: мы обладаемъ всѣми высшими благами цивилизаціи, намъ доступны самыя тонкія формы наслажденій, которыя мы вовсе не желаемъ сдѣлать общимъ достояніемъ, поэтому — procul este, profani! Правда, иногда находитъ тоска: скучно наслаждаться тѣмъ, что дается даромъ. Но все-таки аристократическій сплинъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ плебейскія мозоли.

Такова схема парнасской психологіи, при чемъ именемъ «Парнассъ»

мы обозначаемъ не литературную школу, а міровоззрѣніе. Неужели, однако, пессимизмъ не можетъ быть искреннимъ философскимъ убѣжденіемъ, хотя бы на почвѣ печально сложившейся личной жизни? Несправедливо было бы утверждать что-либо подобное. Мыслительный процессъ вовсе не во всѣхъ своихъ частяхъ ясенъ для сознанія. Многіе глубоко убѣждены, что они несчастны вслѣдствіе своего одиночества и бездѣятельности, и отъ души хотѣли бы слиться съ жизнью народа, родины, человѣчества для общихъ трудовъ и опасностей, но себялюбивый инстинктъ останавливаетъ ихъ «на порогѣ намѣреній», и ихъ гуманное настроеніе остается неоконченнымъ порывомъ. Такъ иногда домашніе гуси, когда увидятъ осенью высоко надъ собой перелетъ своихъ дикихъ сородичей, вспомнятъ вдругъ, на минуту, волю съ ея заботами о пропитаніи, съ ея вѣчной борьбой противъ враговъ, загогочутъ, захлопаютъ крылами, но въ концѣ концовъ предпочтутъ уютный птичникъ и готовую ѣду.

Такимъ образомъ намѣчаются два крайнихъ типа: откровенный сибаритъ и эстетъ, который находитъ большимъ выигрышемъ для человѣчества уже и то, что онъ самъ умѣетъ изысканно и тонко наслаждаться, увеличивая тѣмъ общую сумму счастья,—и страдалецъ своего привиллегированнаго положенія, которому зрѣлище окружающихъ золъ и несовершенствъ мѣшаетъ отдаться безмятежному удовлетворенію. Мы хотимъ далѣе познакомить читателей съ двумя экземплярами, довольно близкими къ этимъ крайнимъ типамъ. Можно было бы выбрать характерные образчики изъ среды романистовъ, критиковъ, публицистовъ или художниковъ, но мы предпочли поэтовъ, потому что въ лирикѣ авторская личность гораздо явственнѣе сквозитъ, незатемненная фразеологіей или воспроизведеніемъ объективно существующихъ предметовъ. Кромѣ того, мы конечно имѣли въ виду и несомнѣнное, художественное дарованіе обоихъ писателей, о которомъ читатели, можетъ быть, составятъ себѣ нѣкоторое представленіе по приводимымъ въ посильномъ переводѣ, характернымъ образцамъ. Предлагаемые здѣсь очерки представляютъ часть подготовляемаго нами къ печати болѣе обширнаго труда о новѣйшей французской поэзіи, отдѣльныя главы котораго и раньше появлялись въ видѣ журнальныхъ статей.

Леонъ Диркъ.

До смерти Виктора Гюго (22-го мая 1885 г.) никто изъ французскихъ поэтовъ не могъ равняться съ нимъ, если не дарованіемъ, то популярностью. Царскія почести, оказанныя ему при погребеніи, невольно наводили на мысль, кто же будетъ преемникомъ его поэтическаго престола. Во мнѣніи широкихъ круговъ читателей мѣсто это такъ и осталось вакантнымъ, но въ средѣ hommes de lettres, по молчаливому соглашенію, корона была отдана ветерану французскаго Парнасса Ле-

*

контъ-де-Лилю, который и въ Академіи занялъ опустѣвшее кресло В. Гюго. Послѣ смерти Л.-де-Лиля установился, на непривычный глазъ, нѣсколько смѣшной обычай провозглашать «короля поэтовъ» дѣйствительнымъ голосованіемъ между поэтами. Такимъ порядкомъ въ 1894 г. большинство голосовъ получилъ Поль Верленъ, въ 1896 г. Стефанъ Малларме и, наконецъ, въ 1898 г. Диркъ (Léon Dierx).

Извѣстіе объ этомъ попало и въ русскую печать и вызвало здѣсь немалое изумленіе. Многіе въ первый разъ услышали это имя и кто-то изъ газетныхъ знатоковъ выразилъ даже предположеніе, что новый «король» принадлежитъ молодому влюбленному въ себя поколѣнію стихотворцевъ и извѣстенъ только тѣмъ маленькимъ эксцентрическимъ журнальчикамъ, въ которыхъ онъ печатается. Въ дѣйствительности Л. Диркъ за шестьдесятъ лѣтъ (онъ родился въ 1838 г. на томъ же островѣ Бурбонѣ въ Индѣйскомъ океанѣ, гдѣ родился и его болѣе знаменитый собратъ по Музѣ Леконтъ-де-Лиль); стихи его, правда, не особенно многочисленные, съ 60-хъ годовъ появляются въ самыхъ видныхъ журналахъ и давно были изданы извѣстнымъ издателемъ Альфонсомъ Лемеромъ, на ряду съ прочими корифеями французской новѣйшей лирики. Дарованіе Л. Диркса, хотя и не поражаетъ яркою своеобразностью и, главное, не имѣетъ въ себѣ ничего, что бы сразу бросалось въ глаза кричащею внѣшностью, но все же настолько глубоко и искренно, что голосованіе его собратьевъ вполнѣ объяснимо. Оно не является и неожиданнымъ. Одинъ изъ сверстниковъ Диркса, Катуллъ Мандесъ, самъ выдающійся поэтъ и человѣкъ съ большимъ вкусомъ, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, «убѣжденный, что онъ высказываетъ истину, которая со временемъ станетъ очевидной», утверждалъ: «Леонъ Диркъ, почтенныя писанія котораго почти неизвѣстны толпѣ, талантъ котораго оцѣнивается, по достоинству, только артистами и образованными людьми, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ числу чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ умовъ конца девятнадцаго вѣка». Обращаясь къ молодымъ художникамъ слова, поэтъ-критикъ говорилъ: «Вы, наши неизвѣстные и дорогіе друзья, вы, которые читаете и перечитываете произведенія Л. Диркса и знаете, до какой степени они прелестны и возвышенны, вы должны распространить ихъ и привлечь къ нимъ всеобщее восхищеніе... Мы ввѣряемъ вамъ заботу объ его популярности, и пусть она, благодаря вамъ, благодаря вашему благоговѣйному усердію, по справедливости обратится въ широкую и прочную славу».

Яркія краски этой аттестаціи мы должны, отчасти отнести насчетъ дружескаго пристрастія къ соратнику и единовѣрцу. Диркъ врядъ-ли когда-нибудь достигнетъ широкой славы внѣ круга истинныхъ цѣнителей поэзіи. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что художественныя качества его произведеній заслуживаютъ гораздо большаго, чѣмъ тѣ пятнадцать голосовъ, которыми онъ избранъ былъ «королемъ». Благодаря этой кучкѣ поклонниковъ, которые какъ будто прямо находились подъ

вліяніемъ совѣта Катулла Мандеса, о стихахъ Диркса заговорили въ печати, спросъ на его произведенія, говорятъ, нѣсколько усилился, и такимъ образомъ его «сомкнутыя уста» (*Lèvres closes*—заглавіе одной изъ группъ его стихотвореній) наконецъ, пріоткрылись для тѣхъ, которые за крикливыми голосами многихъ, менѣе достойныхъ, не могли разслышать его сдержаннаго, но гармоническаго голоса.

Критика, которая и раньше изрѣдка касалась произведеній Диркса, не безъ основанія причисляетъ его къ группѣ, такъ называемыхъ, «парнассцевъ», къ ближайшимъ послѣдователямъ Леконтъ-де-Лиля. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что творчество Диркса ограничивается подражаніемъ учителю. Сходство вкусовъ и эстетическихъ взглядовъ, повидимому, объясняется родственностью натуръ, при аналогичныхъ условіяхъ умственнаго и артистическаго развитія. Влюбленность въ собственную персону, назойливые вздохи и стоны о личныхъ печаляхъ одинаково чужды Леконтъ-де-Лилю и Дирксу. Упомянутое уже краснорѣчивое заглавіе вовсе не является пустымъ звукомъ, измышленнымъ для вящаго эффекта. Своихъ интимныхъ страданій и радостей онъ тоже не выноситъ на торгъ и также боится прикосновенія уличной толпы къ сокровеннымъ струнамъ своей души.

Дирксъ постоянно старается подчеркнуть обособленіе поэта отъ окружающей жизни и представленіе о ней исключительно, какъ о базарѣ корыстолюбія и алчности. Такіе взгляды принадлежатъ романтикѣ. Поэтъ существо иного міра, который, попавъ въ среду людей, чувствуетъ себя чужимъ и одинокимъ. Это Лермонтовская душа, которая, вспоминая ангельскую пѣснь, «томится на свѣтѣ», «желаніемъ чуднымъ полна». Оригинальный, ранѣе кажется, не использованный образъ, находитъ Дирксъ для изображенія трагическаго одиночества въ лицѣ воскресшаго Лазаря. Едва ли можно сомнѣваться, что ужасная судьба этого выходца съ того свѣта представляется автору нѣсколько аналогичной судьбѣ поэта, несчастнаго избранника, отмѣченнаго среди всѣхъ живущихъ печатью генія и проклятія. Этотъ субъективный смыслъ измышленной поэтомъ легенды придаетъ ей особенную художественную силу *).

Лазарь.

....И Лазарь ожилъ вновь на мощный зовъ Христа.
Изъ тьмы пещеры онъ поднялся, блѣднолицый,
И въ складкахъ путаясь широкой плащаницы,
Шелъ прямо предъ собой, одинъ, сомкнувъ уста.

Сомкнувъ уста, одинъ, по городу онъ бродитъ,
И спотыкаются нетвердыя стопы;

*) Всѣ послѣдующіе переводы появляются въ печати впервые. Насколько намъ извѣстно, приводимыя здѣсь стихотворенія не были еще переведены на русскій языкъ, кромѣ нѣсколькихъ сонетовъ Эредіа, переведенныхъ г. Влад. Жуковскимъ.

Чуждъ мелочей земныхъ и пошлыхъ чувствъ толпы,
Все что-то ищетъ онъ, чего-то не находитъ.

Бѣлѣетъ мертвенно восковое чело;
Зрачками тусклыми блуждающее око,
Припоминая блескъ иной красы далекой,
Не видитъ прахъ земли и будто внутрь ушло.

Издалека предъ нимъ безмолвно разступаясь,
Народъ заговорить не смѣетъ даже съ нимъ.
Жестокимъ бѣсомъ онъ какъ будто одержимъ,
Ступаетъ наугадъ, въ безсильи задыхаясь.

Забывъ ничтожный смыслъ всей суеты земли,
Въ бреду, который здѣсь живымъ очамъ невѣдомъ
И самъ испуганный ужаснымъ этимъ бредомъ,
Онъ молча приходилъ и исчезалъ вдали.

Порою, весь дрожа, протягивалъ онъ руки,
Для слова вѣщаго былъ ротъ его отверзтъ.
Но вновь смыкалъ уста какой-то грозный перстъ,—
Иного міра тайнъ не выдавали звуки.

И всѣ въ Виѳаніи тогда, и старъ, и малъ,
Боялись страшнаго пришельца изъ могилы,
У самыхъ храбрыхъ страхъ спиралъ тисками жилы,
Когда свой взглядъ слѣпой на нихъ онъ подымалъ.

Кто выразитъ тоску того, кто край покинулъ,
Откуда всѣмъ другимъ во вѣкъ возврата нѣтъ,
Кто саванъ свой опять влачитъ на бѣлый свѣтъ
И тяжкій камень прочь отъ гроба отодвинулъ!

Трупъ, воскресеніемъ отнятый у червей,
Онъ могъ ли вновь войти въ жизнь суеты постылой,
Когда въ его глазахъ испуганныхъ свѣтило
То, что не можетъ знать пытливый умъ людей?

И блѣдный день едва открылъ слѣпыя вѣжды,
Ихъ ночь объяла вновь. Загадочный пришлецъ,
Къ борьбѣ людскихъ страстей онъ глухъ былъ, какъ мертвецъ,
Ихъ горя онъ не зналъ и не дѣлилъ надежды.

Вторичной жизни кругъ свершивъ, какъ бы во снѣ,
Оставилъ имя онъ, но памяти не кинулъ.
Ужель смертельныхъ мукъ вторично онъ не минулъ
И цѣну заплатилъ за вѣчный миръ вдвойнѣ?

О, сколько разъ, бродя одинъ пустыннымъ мѣстомъ,
На фонѣ сумерокъ чернѣя, какъ пятно,
На небо къ ангелу, желанному давно,
Онъ руки простиралъ съ молящимъ, скорбнымъ жестомъ.

О, сколько разъ, въ тоскѣ, минуя города,
На темныхъ кладбищахъ бродилъ онъ одиноко,
Завидуя всѣмъ тѣмъ, что спятъ въ землѣ глубоко
И не поднимутся оттуда никогда.

Субъективный характеръ этой маленькой лирической поэмы усиливается тѣмъ, что мы находимъ въ ней психологическое объясненіе «сомкнутыхъ устъ»: они не въ силахъ высказать, не могутъ найти формы для того, что происходитъ въ душѣ. Это печальный удѣлъ негеніальныхъ художниковъ: ихъ чуткій артистическій инстинктъ, въ сознаніи того, что надо выразить, только усиливаетъ муки творчества.

Такой же мрачный драматическій колоритъ имѣютъ всѣ повѣствовательныя произведенія Диркса. По искреннему убѣжденію поэта, человѣческая душа, а въ особенности богато одаренная, роковымъ образомъ осуждена на несчастье. Въ знаменитомъ стихотвореніи Шиллера *Resignation* геніальными чертами изображена драма высокой души. Рожденный въ счастливой странѣ, при всѣхъ данныхъ для того, чтобы радоваться жизни, человѣкъ сознательно избираетъ путь отреченья и страданья, въ надеждѣ предъявить свое «полномочіе на счастье» въ мірѣ вѣчной жизни. Но тамъ онъ узнаетъ, что надежды его тщетны: онъ свободно выбиралъ свой жребій, и если онъ въ этой жизни не воспользовался своимъ правомъ на блаженство, то ему некуда болѣе апеллировать. У Диркса есть также варіантъ на эту тему. Человѣкъ отъ природы одаренъ всѣми качествами, необходимыми для счастливой жизни. Онъ властитель богатой земли, онъ благороденъ, великодушенъ, способенъ на все хорошее. Онъ ждетъ къ себѣ въ гости веселье, радость, любовь, славу. Когда же вся его жизнь проходитъ въ одиночествѣ и въ этомъ напряженномъ ожиданіи, къ нему являются вмѣсто званыхъ гостей незваные: тоска, горе, отчаянье, неудачи, и онъ отдаетъ имъ, изъ чувства рыцарской чести, кровь своего сердца. Отличительная черта французскаго варіанта заключается въ томъ, что выборъ жребія не предоставленъ человѣку, какъ у Шиллера, а зависитъ отъ произвола злой судьбы, и что, пассивно подчиняясь ея велѣніямъ, человѣкъ и не мечтаетъ о воздаяніи за свою несчастную участь.

Желанные гости.

Какъ будто невѣдомой феей
Воздвигнутъ волшебный дворецъ,
Въ немъ настежь надъ свѣжей аллеей
Всѣ окна, всѣ двери крылецъ.

Пажи, по традиціи старой,
У каждаго входа въ чертогъ
Гостей приглашаютъ фанфарой
Ступить за радушный порогъ.

Въ торжественномъ, пышномъ нарядѣ
Хозяинъ—властитель страны—
Проходитъ по всей амфиладѣ,
Считаетъ богатства казны.

Но часто глаза его бродятъ
Съ досадой въ пустынной дали;
За днями недѣли уходятъ,
За ними года протекли,—

Все ждетъ онъ гостей—не дождется.
Сквозь вѣтеръ, сквозь шумъ непогодъ, —
Не говоръ ли тамъ раздается?
Не конь ли заржалъ у воротъ?

Въ мечтахъ его—пиръ разливанный:
Въ подвалахъ созрѣло вино,
Накрыты столы постоянно,
И слуги устали давно.

И сколько ужъ видѣлъ онъ съ башенъ
Блестящихъ вдали кавалькадъ!
Дворецъ его будто имъ страшенъ,
Какъ будто гостямъ онъ не радъ.

Но вѣритъ онъ данному слову,
Какъ самъ соблюдаетъ обѣтъ.
Стыдясь недовѣрія къ крову,
Пажамъ повторяетъ онъ: «Нѣтъ!

«Украсьте вы заново залы!
Зажгите свѣчей, сколько есть,
Завѣтные вскройте подвалы,
Велите плодовъ мнѣ принесть!

«Цвѣтовъ на перила набросьте,
Увейте гирляндами мостъ!
Пріѣдутъ желанные гости.
Въ ихъ честь возглашаю я тостъ».

Не ѣдетъ никто. Экипажи
Спѣша не гремятъ на мосту,
Устали ужъ вѣрные стражи
И спятъ на безсмѣнномъ посту.

Недолго,—и стѣны ужъ рухнутъ,
Ненастье грызетъ ихъ гранитъ,
Но въ залахъ огни все не тухнутъ,
И гулкое эхо не спитъ.

Вотъ ночью осеннею, шквалы
Сквозь окна врываются вдругъ,
Гудятъ непріютныя залы,
И факелы гаснутъ у слугъ.

Во мракѣ и въ грохотѣ вьюги
Шаги раздались на крыльцѣ:
«Привѣтъ и почетъ вамъ, о други!
Васъ ждутъ въ моемъ пышномъ дворцѣ».

И молвятъ пришельцы:—«Пришли мы,
И ты свое слово сдержи;
— Пусть тѣшится вихрь нелюдимый,—
Свой флагъ и девизъ покажи!

«На зовъ твой толпою веселой
Чѣмъ свѣтъ мы поѣхали вскачъ,
Злой геній рукою тяжолой
Всѣхъ, всѣхъ насъ сразилъ, какъ палачъ.

«И мертвые держимъ мы слово;
Намъ мессъ и молитвъ не поютъ,—
Подъ сѣнью радушнаго крова
Найдемъ мы радушный пріютъ.

Вели жъ угостить насъ на славу!
Но скромность, воздержанность,—знай,—
И вѣжливость намъ не по нраву;
Ты звалъ насъ, теперь не пеняй.

Мы тамъ у дверей закололи
Твоихъ разоспавшихся слугъ.
Какъ примешь ты насъ? Хорошо ли?
Посмотримъ, какой ты намъ другъ.

Насъ звали: Веселіе, Доля.
Любовь, Наслажденіе, Честь;
Девизъ нашъ на знамени «Воля»
Тогда можно было прочесть.

«Теперь насъ зовутъ ужъ иначе:
Тоска, Одиночество, Плачъ,
Отчаянье, Скорбь, Неудачи;
Несчастье—нашъ вождь и палачъ!»

Хозяинъ безтрепетный проситъ
Къ столу ненасытныхъ гостей,
Онъ сердце свое имъ приноситъ,
Онъ поитъ ихъ кровью своей.

И долго во мракѣ столовой
Трапезуютъ гости гурьбой,
Надъ дверью девизъ: «Свое слово
Сдержалъ человѣкъ предъ судьбой».

Рѣдкія стихотворенія, гдѣ Диксъ говоритъ про свои настроенія и излагаетъ свои мысли отъ перваго лица, проникнуты тяжелымъ созна-

ніемъ безрезультатно проведенной жизни и апатіей человѣка, давно подчинившагося приговорамъ судьбы. Въ приводимомъ ниже стихотвореніи, впрочемъ, застѣнчивая личность поэта опять старается спрятаться за красотою созданнаго имъ образа, который самостоятельно останавливаетъ вниманіе читателя. Субъективный же элементъ втиснутъ лишь въ заключительныя строки.

Погибшій корабль.

Я—старый остовъ корабля, безъ мачтъ, безъ рей
Тропическихъ смерчей безформенный, угрюмый
Обломокъ. Цѣнный грузъ загромождаетъ трюмы,
Но зимній шквалъ несетъ его въ просторъ морей.

Когда-то надувалъ послушный вѣтеръ снасти,
Зеленыхъ острововъ онъ былъ желанный гость,—
Теперь руля ужъ нѣтъ, имъ править бури злость,
Безъ воли дрейфитъ онъ, покорный вѣтра власти.

На марсахъ весело ужъ не поетъ матросъ,
Подъ бризомъ паруса вздѣвая вверхъ на блоки,
Не для него звѣздой горитъ маякъ далекій,
Одинъ покинутъ онъ на волю бурь и грозъ.

Зыбь черезъ палубу проносится, и съ трескомъ
Волна обшивки часть срываетъ каждый разъ.
Морскія чудища не сводятъ бѣлыхъ глазъ,
Сквозь призму волнъ влечетъ ихъ мѣдь неяснымъ блескомъ.

На встрѣчномъ крейсерѣ не скажетъ капитанъ,—
«Убавить ходъ». На что ему разбитый кузовъ?
Хотя еще онъ полнъ богатыхъ, рѣдкихъ грузовъ
Изъ отдаленныхъ водъ, изъ легендарныхъ странъ.

Таковъ и я. Несетъ меня души загадка,—
Въ пучину водъ? На рифъ? На тихій материкъ?—
Не все-ль равно? Тебя зову, Харонъ, старикъ;
Твоей угрюмой баркѣ мнѣ отдаться сладко.

Если въ этой пьесѣ подводится итогъ жизни, то въ слѣдующей отражается, конечно, только мимолетное настроеніе безъ рефлексіи, но оно также характерно рисуетъ оброшенность человѣка, котораго со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ смыслахъ обступаютъ «одиночество, молчанье, ночь».

Сегодня вечеромъ.

Жутко какъ-то! Ужъ каминъ давно потухъ.
Ночь! Молчанье! Одиночество!
Точно мрачное пророчество
Мыслями о смерти угнетаетъ духъ.

Жду, какъ раненый,—вотъ-вотъ прикончитъ врагъ.
Встали призраки загробные.
Чувствую, какъ очи злобныя
Наблюдаютъ пристально мой каждый шагъ.

Вотъ за мною кто-то дышетъ, чей-то глазъ
Отъ меня не отрывается,
Кто-то плечъ моихъ касается...
Знаю,—если обернусь, умру сейчасъ.

Вотъ меня назвали... Больше ужъ не въ мочь!
Звукъ тотъ старше міра кажется,
Съ этой жизнью онъ не вяжется...
Жутко! Одиночество! Молчанье! Ночь!

Почти всѣ избранные нами образчики поэзіи Диркса свидѣтельствуютъ о томъ, какъ болѣзненно онъ ощущаетъ свою замкнутость. Въ этомъ его существенное отличіе отъ Леконтъ-де-Лиля, который лучше умѣетъ скрывать и, слѣдовательно, не такъ сильно чувствуетъ тяжесть и проклятіе одиночества. Отрѣшенность отъ міра у Диркса, несмотря на стремленіе придать ей значеніе философскаго принципа, имѣетъ такой видъ, какъ будто скорѣе океанъ жизни выбросилъ поэта на пустынный островъ, а не самъ поэтъ преднамѣренно избралъ себѣ это мѣсто жительства.

По крайней мѣрѣ, онъ самъ признается, что голоса міра не даютъ ему совсѣмъ уйти въ могильный покой.

Прологъ.

Отъ жизни и людей прочь отвратилъ я очи,
Умомъ постигъ я ложь стремленій и страстей,
Я сердце погрузилъ во тьму загробной ночи,
Его разсѣялъ я въ тиши лѣсовъ, степей.

Для голосовъ толпы хотѣлъ замкнуть я ухо,
Какъ предокъ подъ землей, хотѣлъ быть глухъ и нѣмъ.
И на лѣсной тропѣ, [гдѣ тихо такъ и глухо,
Въ объятіяхъ сновъ забыть желаніе совсѣмъ.

Но и въ могильный склепъ проникли міра грёзы,
И здѣсь въ усиліяхъ безплодныхъ стражду я,
И сквозь пески мнѣ въ гробъ лѣсовъ сочатся слёзы,
И вѣтра буйнаго доносится струя.

Желанный мой покой грозя нарушить, стоны
Мнѣ силятся открыть сомкнутыя уста,
Въ испугѣ мозгъ таитъ видѣній милліоны,
Какъ страшный домъ, гдѣ дверь давно ужъ заперта.

Въ часъ скорби, въ свѣтлый день такъ явственно я внемлю,
Какъ говорятъ листы торжественныхъ лѣсовъ,
Какъ мертвые хотятъ наполнить стономъ землю
И какъ живые мучатся безъ слезъ, безъ словъ.

Въ болѣе реальной обстановкѣ то же чувство гуманнаго сочувствія земнымъ страданіямъ поэтъ выражаетъ въ слѣдующихъ искреннихъ стихахъ, которыхъ по ходячему мнѣнію о «парнасской» поэзіи мы не въ правѣ были бы ожидать отъ него.

Сумерки.

Былъ вечеръ. Часъ насталъ, когда расправивъ кости,
Крестьянинъ пашущій промолвитъ: «Конченъ день!»
На ниву мягкою волной спустилась тѣнь,
Вдали то пѣснь звучитъ, то брань крикливой злости.

Зигзагомъ ласточка надъ темною травой
Мелькаетъ; спитъ во ржи кузнечикъ длинноногій,
Съ прохожимъ тополя о чемъ-то у дороги
Серьезно шепчутся, кивая головой.

Стою въ росѣ межи; гляжу, какъ звѣзды—очи
Зажглись на небесахъ; и какъ кадильный дымъ,
Сѣдой туманъ поднялся вверхъ и съ нимъ
Неясный шумъ земли, предвѣстникъ тихой ночи.

Я думалъ: «Ночь идетъ,—послѣдній лучъ потухъ;
Часъ настаетъ любви: Венера въ небѣ блещетъ»,
Для счастья сердца глубь раскрылась и трепещетъ...
Чу! гдѣ-то далеко трубитъ еще пастухъ.

Но вотъ изъ-за холма въ пыли дороги близкой
Гуртъ тянется быковъ. Онъ медленно прошелъ,—
Усталый топотъ ногъ былъ грузенъ и тяжелъ,
Рога, качаясь въ такъ, къ землѣ клонились низко.

Идутъ, кустарники и пыль, и грязь топча,
Бредутъ, какъ пьяные, тяжелою походкой;
Ихъ бубенцы звенятъ на толстыхъ шеяхъ кротко
Въ отвѣтъ на крикъ погонщиковъ и свистъ бича.

Какъ слушаешь во снѣ неясный звонъ порою,
Такъ въ сумракѣ полей пустынныхъ и сырыхъ
Я слушалъ все еще, хоть гуртъ унылый ихъ
Давно въ туманной мглѣ исчезъ ужъ за горою.

Вамъ вслѣдъ, могучіе, смиренные быки,
Глядѣлъ я долго; скорбь гнѣздилась въ сердцѣ грустномъ,
Что вѣкъ звоните вы въ безмолвномъ рабствѣ гнусномъ,
Хотя рога у васъ сильны и велики.

Вашъ звонъ понятенъ мнѣ; я чую, какъ виновный,
Что въ этотъ тихій часъ вечерній въ немъ слились
И жалобы свои къ Творцу возносятъ ввысь
Всѣ вздохи страждующихъ и ихъ протестъ безсловный.

И много, много стадъ припомнилъ я теперь,
Ночная тишина наполнилася звономъ
Ихъ бубенцовъ; и всѣмъ земнымъ слезамъ и стонамъ
Я отворилъ души дотоль глухую дверь.

Я слышалъ голоса всѣхъ тѣхъ, которыхъ давитъ
Неправда на землѣ, молящій ихъ укоръ
Судьѣ распятому, нѣмому съ давнихъ поръ;
Но часъ придетъ:—Онъ зовъ ихъ втунѣ не оставитъ.

Всѣ повторяемъ мы, Христосъ, твой смертный стонъ:
Почто меня покинулъ ты, о Боже, Боже!—
То былъ сомнѣнья вопль въ тоскѣ смертельной дрожи,
Сомнѣнія вопль, не то кощунствомъ былъ бы онъ.

Лишь мертвымъ знать дано, какъ держитъ Богъ обѣты...
Но всюду, гдѣ безъ словъ страданье вижу я,
Гдѣ иго женщины коварнѣй, чѣмъ змѣя,
Гдѣ наглой пошлостью угнетены поэты,

Гдѣ силу хлещетъ бичъ постыдный дряблыхъ рукъ,
Гдѣ душатъ молнію объятья тьмы великой,
Гдѣ побѣжденные встрѣчаютъ смерть безъ крика,
Гдѣ свѣтлый идеалъ въ тискахъ голодныхъ мукъ,

Гдѣ слуги красоты насиліемъ иль обманомъ
Уродству отданы во власть на вѣкъ вѣковъ,—
Я вспоминаю вновь унылыхъ тѣхъ быковъ,
Съ бубенчиками ихъ, пропавшихъ за туманомъ.

Многое въ этомъ стихотвореніи характерно для нашего автора. Какіе-то неожиданные логическіе скачки часто ставятъ читателя въ недоумѣніе. Мысль поэта переходитъ отъ предмета къ предмету по чисто внѣшнимъ ассоціяціямъ. Такъ, напр., совершенно случайно повидимому, авторъ наткнулся на вопросъ о значеніи предсмертныхъ словъ Іисуса Христа, и все это мѣсто кажется излишней вставкой въ общій планъ стихотворенія. Такія неровности встрѣчаются у Диркса нерѣдко, что придаетъ его поэзіи характеръ какой-то неопредѣленности и неясности. Читатель не въ состояніи слѣдить за теченіемъ авторской мысли и отъ этого иногда остается неудовлетвореннымъ. Затѣмъ, конечно, только парижскій интеллигентъ могъ поставить во главѣ всѣхъ человѣческихъ страданій коварный гнетъ женщины, какъ и вообще при перечисленіи земныхъ золъ, главное мѣсто отведено специфическимъ несчастіямъ, доступнымъ только для небольшого числа умственныхъ аристократовъ, угнетенныхъ самодержавной буржуазіей.

Бываютъ однако короткіе моменты въ жизни народовъ, когда раздѣленіе на слои стушевывается, и на первый планъ выступаетъ общее національное чувство. Для французовъ такимъ моментомъ было начало 1871 года: чувства униженія, ненависти къ завоевателямъ и любви къ

тому, что каждый представлялъ себѣ подъ именемъ Франція, на мигъ отодвинули всѣ раздѣляющія соображенія и инстинкты. Моментъ этотъ, какъ извѣстно, былъ только слишкомъ коротокъ. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ отзвуковъ великаго кризиса мы находимъ у Диркса. Другіе поэты, лишь много времени спустя, съумѣли настроить свои лиры на подходящій тонъ. Сверстникъ Диркса, впослѣдствіи лауреатъ, Сюлли-Прюдомъ, въ грустныхъ элегіяхъ воспѣваетъ цвѣты, выросшіе на кровавой почвѣ весною 1871 г., оплакиваетъ погибшіе близъ Отейля вѣковые дубы. Диркъ не ищетъ сюжетовъ, не ожидаетъ того времени, когда возбужденныя чувства и мысли придутъ въ извѣстную гармонію. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія тяжелаго перемирія (28 янв. 1871 г.) онъ даетъ исходъ своей душевной боли въ стихахъ, похожихъ на крикъ.

Перемиріе.

О, что за ночь! Что за глухая тишь!
Вчера еще гремѣли барабаны...
Какъ глухъ и нѣмъ Парижъ!
Чего намъ стоитъ бѣлый хлѣбъ желанный!

Еще вчера съ безстрашныхъ фортовъ твердыхъ
Гудѣлъ оркестръ пальбы
Неумолкающихъ орудій гордыхъ...
Теперь они безмолвны, какъ гробы!

Вчера такъ много вдовъ
Ходило здѣсь межъ насъ безъ слезъ ненужныхъ...
Теперь нашъ станъ—тюрьма подъ гнетомъ сновъ,
Сбродъ жалкихъ инвалидовъ безоружныхъ.

Ночь грозныхъ призраковъ! Дай жизнь героямъ
Былыхъ временъ! А насъ живыхъ, насъ спрячь!
Не видѣть стѣнъ Парижа, ввятыхъ боемъ,
Его не слышать плачъ!

О, ночь! Кто жъ это съ нами разлученъ?
Чья смерть настала?
Свобода, слава, гордость, честь знаменъ,
Куда исчезли вы въ порывахъ шквала?

О, родина! Священное наслѣдство
Великихъ предковъ! Колыбель! Кумиръ,
Боготворимый съ дѣтства!
Такъ распяли Христа за цѣлый міръ!

Если когда-нибудь, то конечно въ такой моментъ понятны и простительны нѣкоторый «поэтическій безпорядокъ» и гипертрофія патріотическаго чувства, доходящаго даже до идеи мессіанизма. Попранное

національное самолюбіе вопіетъ о мести, и Диркъ отдаетъ дань и этому воинственному настроенію. Его *Слова побѣжденнаго* полны ненависти и угрозы. Но ничто лучше не рисуетъ гуманную натуру поэта, какъ-то, что его жажда кроваваго возмездія разрѣшается примиряющимъ возвышеннымъ аккордомъ. Кто изъ французскихъ писателей тогда былъ бы въ состояніи видѣть въ побѣдителѣ не только Бисмарка и Мольтке, но и страдающій народъ?

Кто изъ французовъ мечталъ тогда о братствѣ народовъ?

***

Скажи, озлобленный пѣвецъ,
Ужели скрежету конца нѣтъ?
Когда же слава перестанетъ
Питаться кровью наконецъ?
Кто побѣжденъ, страдалъ жестоко;
Кто побѣдилъ, страдалъ и тотъ.
Наступитъ ли тотъ день далекій,
Когда на всей землѣ широкой
Настанетъ миръ, заря взойдетъ?

Эредіа.

Къ числу ближайшихъ послѣдователей и учениковъ Леконтъ-де-Лиля принадлежитъ также и Эредіа (José—Maria de Heredia), который самъ съ гордостью признаетъ эту генетическую связь. Но, если у Диркса мы находимъ отраженіе наиболѣе гуманныхъ сторонъ поэзіи учителя, то, гораздо болѣе прославленный, Эредіа связанъ съ нею чаще всего внѣшними чертами: блескъ формы, строгость версификаціи, любовь къ красотамъ чуждыхъ странъ и особенностямъ отжившихъ временъ и народовъ, стремленіе къ изображенію, преимущественно, картинныхъ, пластическихъ эффектовъ подъ перомъ Эредіа достигаютъ того предѣла, дальше котораго въ этомъ направленіи идти некуда. Одинъ французскій критикъ удачно выразилъ въ трехъ строчкахъ сущность поэзіи Эредіа. «Изъ золотыхъ и кровавыхъ фантазій (rêve), театрально красивыхъ, онъ создаетъ стихотворенія, лишенныя мыслей, но полныя движенія и красокъ, съ звучными и мужественными (rudes) стихами». «Стихотворенія безъ мыслей»—это, впрочемъ, не совсѣмъ правильно. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что въ нѣкоторомъ идейномъ содержаніи нельзя отказать и Эредіа, но только рѣдко эти идеи принадлежатъ ему самому,—чаще всего онъ заимствуетъ ихъ изъ своихъ источниковъ, и трактуетъ лишь въ качествѣ элементовъ характеристики изображаемыхъ лицъ. Подмѣчать и напоминать родственныя намъ черты въ древнихъ и далекихъ людяхъ и литературахъ—задача интересная для писателя, если и не спеціально для поэта, но Эредіа выбираетъ какъ разъ то, что въ нихъ есть чуждаго и экзотическаго.

Какъ у Леконтъ-де-Лиля, экзотизмъ у Эредіа находится въ связи съ его происхожденіемъ. Онъ родился близъ С.-Яго на о. Кубѣ и съ гордостью говоритъ о своихъ предкахъ—испанскихъ конквистадорахъ XVI вѣка. Намъ трудно понять эту фамильную гордость; кромѣ насилій, жестокости, алчности и грубой силы, не имѣющей оправданія ни въ какихъ идейныхъ цѣляхъ или культурныхъ вліяніяхъ, едва ли поэтъ можетъ указать что-либо въ своихъ родовыхъ лѣтописяхъ. Но несомнѣнно, что эти воспоминанія внушаютъ его музѣ наиболѣе лирическій тонъ. Вотъ красивая интродукція въ кровавой драмѣ испанскихъ завоеваній въ Америкѣ.

Завоеватели.

Какъ стая кречетовъ, изъ тѣснаго гнѣзда,
Уставъ сносить нужду съ надменною повадкой,
Вожди и ратники толпой, въ надеждѣ сладкой,
Поплыли, полные кровавыхъ сновъ,—туда,

Гдѣ баснословная имъ грезится руда,
Гдѣ чудный край Сипанго *) манитъ ихъ загадкой.
Пассатъ ихъ реи гнетъ, и по лазури гладкой
Бѣлѣетъ за кормой кудрявая гряда.

И каждый вечеръ ждутъ они чудесъ воочью,
Блескъ фосфорическій на морѣ, южной ночью,
Миражемъ золотымъ баюкаетъ ихъ сонъ.

А кто не спитъ, склонясь надъ бѣлымъ носомъ судна,
Тотъ смотритъ, какъ вдали надъ гладью изумрудной
Созвѣздья новыя плывутъ на небосклонъ.

Вотъ плачъ о погибшихъ временахъ славы и могущества.

Мертвый городъ.

Cartagena de Indias
1532—1583—1697 **).

Печальный городъ, встарь король надъ океаномъ!..
Акула скумбрію гоняетъ въ жаркій день,
Да тучка бѣглая порою броситъ тѣнь,
Гдѣ нѣкогда былъ рейдъ гальонамъ ***) великанамъ.

---

*) Сказочная страна, вѣроятно Японія.

**) Городъ этотъ былъ основанъ испанцами въ 1532 г., подвергся бомбандировкѣ англичанъ, подъ начальствомъ адмирала Дрэка, въ 1583 г., и отнятъ у Испаніи войсками Людовика XIV въ 1697 г. Онъ расположенъ на сѣверо-западномъ берегу Южной Америки близъ Даріенскаго залива, въ настоящее время входитъ въ составъ Колумбіи.

***) Большіе грузовые испанскіе корабли, перевозившіе въ Европу ископаемыя богатства Перу.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дрэкъ своимъ безбожнымъ англичанамъ
Велѣлъ громить тебя,—какъ темная мишень
Твоя стѣна торчитъ. Куда глаза ни вздѣнь,
Зіяютъ ядра всё, въ дырахъ, подобныхъ ранамъ.

Межъ небомъ пламеннымъ и гребешками волнъ,
Въ лучахъ полуденныхъ, ты мрачной думой полнъ
О дняхъ, когда сюда пришли конквистадоры.

И ночью знойною, когда въ лучахъ луны
Лишь пальмы шопотомъ заводятъ разговоры,
Погасшей славы блескъ твои смущаетъ сны.

Поэтъ не случайно вспоминаетъ именно Карѳагенъ Индійскій: честь основанія этого города принадлежитъ его предку, который, по его мнѣнію, несравненно славнѣе другихъ своихъ современниковъ—завоевателей на слѣдующихъ, во всякомъ случаѣ, сомнительныхъ основаніяхъ.

Основателю города.

Другимъ платили дань и Инки, и Ацтеки,
И власть ихъ ширилась до Андовъ и Пампасъ,—
Лишь графскій титулъ ихъ пустой дошелъ до насъ,
Другого нѣтъ слѣда ихъ славы въ нашемъ вѣкѣ.

Но ты, семьи моей краса,—средь красныхъ расъ
Ты новый Карѳагенъ воздвигъ, святой опекѣ
Креста ты подчинилъ тотъ край, что поятъ рѣки
Мадлена и Атратъ снѣгами горныхъ массъ.

На островкѣ своемъ, въ прибоѣ бѣлой пѣны,
На зло вѣкамъ, врагамъ, и съ бурями въ борьбѣ,
Еще стоятъ твои монастыри и стѣны.

И правнуки твои, ужъ безъ цвѣтовъ въ гербѣ,
Чеканятъ до сихъ поръ на золотѣ червонца
Подъ сѣнью пальмъ зубчатый городъ въ блескѣ солнца.

Эти образцы даютъ уже мѣру вкуса и стиля нашего поэта. Его поэзія никогда не выливается изъ непосредственнаго чувства въ безыскуственную форму,—она строго обдумана и расчитана. Искусство его состоитъ въ томъ, чтобы подборомъ вѣскихъ словъ, яркихъ чертъ и характеристическихъ деталей возстановить картину изображаемаго момента. При этомъ автору нравится, чтобы читатель, желающій вполнѣ оцѣнить его, порылся въ спеціальномъ словарѣ, въ историческомъ атласѣ, сходилъ бы въ музей древностей или, по крайней мѣрѣ, справился съ его иллюстрированнымъ каталогомъ. Иначе масса, упоминаемыхъ поэтомъ, именъ будетъ пустымъ звукомъ, много эпитетовъ останутся непонятными, и весь букетъ этой поэзіи пропадетъ даромъ. Чтобы ощутить особую прелесть тонкаго вина или рѣдкой сигары,

нужно быть опытнымъ дегустаторомъ и спеціалистомъ-курильщикомъ. Подобно тому и Эредіа расчитываетъ только на знатоковъ и эрудитовъ, а для простыхъ смертныхъ онъ недоступенъ безъ предисловій и примѣчаній.

Такимъ образомъ Эредіа въ новой формѣ воскрешаетъ поэзію XVII и XVIII вѣковъ, которая получила названіе précieuse. Онъ приближается къ ней и по культу формы. Ему не доставляетъ удовольствія обычное чередованіе парныхъ рифмъ: писать такіе стихи ему кажется слишкомъ легкой задачей, а въ области искусства онъ признаетъ только то, что изыскано и трудно. Поэтому онъ пишетъ, почти исключительно, или сонетами, или терцинами, такъ что даже античныхъ поэтовъ онъ переводитъ сонетами, а романсы о Сидѣ—терцинами. Тщательность отдѣлки стиля и выработанная сжатость языка роднитъ стихи Эредіа съ чеканной и токарной работой, поэтому онъ чувствуетъ особенную симпатію къ искусству ювелировъ и медальеровъ и посвятилъ имъ немало сонетовъ, вродѣ слѣдующаго.

Старый мастеръ.

Извѣстныхъ мастеровъ всякъ назоветъ вамъ сразу:
Рюи, Хименесъ, Арфей; но я-бъ ихъ поучилъ,
Какъ надо оправлять рубинъ, алмазъ, берриль,
Иль ловко изогнуть и отчеканить вазу.

Эмалью на мѣди, по серебру, топазу,
То кистью, то рѣзцомъ, на радость адскихъ силъ,
Я Вакха пьянаго и голыхъ нимфъ чертилъ,—
Христа, святыхъ, о стыдъ! не сдѣлалъ я ни разу.

А сколько вытравилъ стальныхъ клинковъ я въ жизни!
И суетно гордясь дѣлами сатаны,
Я заграждалъ душѣ путь къ неземной отчизнѣ.

Теперь, когда года мои ужъ сочтены,
Какъ Фра-Хуанъ, хочу предъ вырытой могилой
Изъ золота начать ажурное кадило.

Не хуже удаются автору миніатюры изъ античнаго міра, который онъ также любитъ изображать. Въ этой области яснѣе всего замѣтно вліяніе Леконтъ-де-Лиля на Эредіа. Но въ то время, какъ учитель продѣлалъ длинный путь развитія отъ простыхъ подражаній древнимъ къ великолѣпнымъ трагическимъ поэмамъ, ученикъ остановился на той ступени, съ которой учитель началъ свой подъемъ.

Рабъ.

На мнѣ клеймо,—я рабъ, нагой, полуголодный,
Противный, весь въ грязи. Но тамъ у синихъ водъ,
Гдѣ Гибла высится, полна душистыхъ сотъ,
Надъ чудной бухтою я родился свободный.

Ахъ, какъ далекъ тотъ край!.. О, странникъ благородный,
Тебя, быть можетъ, лебедей весенній лётъ
Въ окрестность Сиракузъ случайно приведетъ,
Спроси про ту, что я любилъ, увы! безплодно.

Увижу ли еще подъ гордой черной бровью
Лазурные глаза, гдѣ съ лаской и любовью
Родные небеса свой отражали свѣтъ?

Ты ей скажи, будь добръ: я жребій свой тернистый
Терплю, чтобъ свидѣться съ моею Клеаристой.
Её узнать легко: грустнѣй на свѣтѣ нѣтъ.

Особенно вѣрно воспроизводитъ поэтъ колоритъ эпохи, когда онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ человѣческую психологію и прямо черпаетъ свои краски изъ античной антологіи. У него есть цѣлый небольшой циклъ прелестныхъ сонетовъ, посвященныхъ Пріапу, богу садовъ (*Hortorum deus*), изъ которыхъ мы беремъ первый.

Olim truncus eram ficulnus
Hor.

Прочь, прочь! Не подходи! Ступай своей дорогой!
Грабитель дерзостный, ты ощипать бы радъ
Маслины, финики и даже виноградъ,
Который зрѣетъ тутъ на солнышкѣ,—не трогай!

Я здѣсь!.. Изъ дерева смоковницы убогой
Ножемъ скоблилъ меня пастухъ Эгинскихъ стадъ,
Пускай скульпторъ смѣшонъ тебѣ, но помни братъ,—
Пріапъ вѣдь всё-же богъ, и страшенъ местью строгой...

Когда-то другъ пловцовъ, я на носу галеры
Стоялъ раскрашенный и любо было мнѣ
Купаться въ ласковой иль яростной волнѣ.

Теперь въ оградѣ здѣсь стою, облѣзшій, сѣрый,
Смотрю, чтобъ воръ не взялъ ни фрукты, ни салатъ...
Во вѣкъ мнѣ не видать привѣтливыхъ Цикладъ.

Здѣсь совершенно правильно схваченъ тонъ латинской идиллической лирики, поэзіи мелкаго землевладѣнія, которая такъ знакома намъ изъ одъ Горація, элегій Тибулла и георгикъ Виргилія. Во французскую поэзію ее также давно уже ввелъ А. Шенье. Если послѣдній влагаетъ въ свои имитаціи Тибулла и Теокрита больше собственнаго чувства, то за Эредіа нельзя не признать бо́льшаго искусства представить себѣ античное міровоззрѣніе, по скольку оно чуждо современному человѣку. Въ другихъ случаяхъ, однако и у Эредіа чувствуется какая-то условность въ красотѣ. Слѣдующій сонетъ, напр., могъ-бы служить прекрасной эпиграммой къ какой-нибудь изъ картинъ академиста Бугеро.

*

Купающіяся нимфы.

Въ долинѣ, укрытой отъ сѣверной вьюги,
Гдѣ лавръ наклонился надъ влагой ключа,
На вѣткѣ качается нимфа, плеща
Студеной водой въ шаловливомъ испугѣ.

На зовъ ея роемъ сбѣжались подруги
И въ волны прыгнули, рѣзвясь и крича;
Всплываетъ въ струяхъ то округлость плеча,
То локонъ, то станъ бѣлоснѣжный, упругій.

И льется ихъ смѣхъ по дубравѣ волной...
Два глаза сверкнули вдругъ въ чащѣ лѣсной:
Сатиръ!.. Его хохотъ спугнулъ ихъ, и быстро

Исчезли всѣ нимфы. На водахъ Каистра
Такъ стаю лебедокъ приводитъ въ испугъ,
Когда вѣщій воронъ закаркаетъ вдругъ.

Уже совсѣмъ современное чувство грусти о забытомъ культѣ красивыхъ, веселыхъ боговъ проявляется въ слѣдующихъ строкахъ.

Разбитый кумиръ.

Благоговѣйно мохъ глаза заполнилъ богу:
Ужъ не увидитъ онъ, чтобы въ заглохшій лѣсъ,
Гдѣ грань онъ сторожилъ, опять, какъ въ вѣкъ чудесъ,
Съ цвѣтами дѣвушка нашла къ нему дорогу.

Обломки мрамора, обвивши понемногу,
Густой зеленый плющъ къ нему на плечи взлѣзъ,
Не зная, кто онъ былъ,—Панъ, Фавнъ, Сильванъ, Гермесъ,
И изъ листвы соткалъ израненому тогу.

Косой заката лучъ, позолотилъ на мигъ
Двумя кружками алыми курносый ликъ,
А на губахъ его зардѣлся листикъ красный.

И чудо!—на моментъ, подъ трепетной листвой,
Подъ лаской луча скользящаго, несчастный
Обломокъ мрамора сталъ снова—богъ живой

Нельзя сказать, чтобы поэту былъ совершенно чуждъ интересъ къ драматической сторонѣ жизни человѣка и человѣчества. Иногда онъ находитъ прекрасныя мужественныя черты для изображенія разлада великой души съ внѣшнимъ міромъ. Развѣ одинъ Леконтъ-де-Лиль могъ бы создать, напр., такой величественный образъ, какъ

Микель Анджело.

Да, драма страшная свершалась въ немъ, когда
Вдали отъ Рима буйнаго, отшельникъ дикій

Писалъ онъ грозные Пророковъ лики,
Сивиллъ могучихъ, ужасъ Страшнаго Суда *).

Въ цѣпяхъ несбыточной мечты, титанъ труда.
Своей души мятущейся онъ слушалъ крики,
О родинѣ, любви и славѣ плачъ великій,
— Всё ложь,—онъ думалъ,—смерть всё губитъ безъ слѣда.

И страшно скорчилъ онъ какъ бы въ тискахъ желѣзныхъ
Рабовъ **), томящихся въ усильяхъ безполезныхъ,
Гигантовъ ***), согнутыхъ избыткомъ тяжкихъ силъ.

Свой духъ кипучій онъ въ холодный мраморъ влилъ,
Трепещетъ въ камнѣ богъ въ безсильномъ гнѣвѣ, плѣнный,
Прикованный къ землѣ матеріею тлѣнной.

Не напоминаютъ ли эти, полные мрачной энергіи, стихи знаменитыхъ словъ самого художника: «Мнѣ сладко спать, еще слаще быть изъ камня; ничего не видѣть и не слышать—вотъ мое счастье, пока на землѣ царитъ жестокій позоръ (vergogna dura)...» Но такіе моменты рѣдки въ творчествѣ Эредіа. Въ большинствѣ случаетъ даже самые тяжелые сюжеты даютъ ему поводъ только для красивой картины. Какія, напр., глубоко-человѣчныя чувства внушаетъ Леконтъ-де-Лилю «Вечеръ послѣ битвы». Онъ всѣми фибрами души ненавидитъ жажду убійства, результатомъ которой является такая масса страданій. Эредіа видитъ только живописную сторону того же сюжета. Онъ по своему обыкновенію беретъ отдаленный отъ насъ моментъ, чѣмъ значительно ослабляется непосредственность нашихъ болѣзненныхъ ощущеній. Дѣйствіе происходитъ во время одного изъ двухъ послѣднихъ безславныхъ походовъ Марка Антонія изъ Египта въ Арменію, незадолго до окончательной борьбы съ Августомъ (36—33 гг. до Р. Х.).

Вечеръ послѣ битвы.

Тяжелый выпалъ день... Трибуны громогласно
Сзывали воиновъ разстроенныхъ когортъ.
Вечерній воздухъ былъ невыносимо спертъ
Отъ смрада ѣдкаго горячей крови красной.

Со смуглыхъ лицъ солдатъ былъ потъ еще не стертъ,
Убитыхъ растерявъ, уныло, безучастно
Они глядѣли вдаль: тамъ видно было ясно,
Какъ мчались, словно вихрь, стрѣлки Парѳянскихъ ордъ.

---

*) Живопись Сикстинской капеллы.

**) Двѣ статуи, предназначавшіяся для гробницы папы Юлія II, но такъ и оставшіяся отдѣльными фигурами.

***) Четыре аллегорическія фигуры Ночи, Дня, Утра и Вечера въ надгробной капеллѣ Медичи во Флоренціи.

Вотъ показался вдругъ и императоръ блѣдный
На яркомъ фонѣ догорающаго дня.
Весь въ собственной крови, мечомъ въ ножнахъ звеня,

Въ плащѣ пурпуровомъ, въ блестящей бронѣ мѣдной,
Сопровождаемый букциною *) побѣдной,
Онъ круто осадилъ пугливаго коня.

Въ поклоненіи красотѣ у Эредіа часто сквозитъ мысль, что въ сравненіи съ нею все остальное мелко и недолговѣчно, людскія дѣла, ихъ страсти, высокомѣріе и страданія,—все уничтожается, «смерть все губитъ безъ слѣда» (*Микель-Анджело*), а если что-нибудь отъ нихъ изрѣдка и сохраняется до отдаленныхъ потомковъ, то лишь то, что влито рукою художника въ красивую форму (*Античная медаль*). Та же мысль когда-то внушила Шелли чудное стихотвореніе, которое мы позволяемъ себѣ привести тутъ цѣликомъ въ переводѣ г. Бальмонта.

Озимандія.

Я встрѣтилъ путника; онъ шелъ изъ странъ далекихъ
И мнѣ сказалъ: Вдали, гдѣ вѣчность сторожитъ
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.
Изъ полустертыхъ чертъ сквозитъ надменный пламень,
Желанье заставлять весь міръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный камень
Тѣ страсти, что могли столѣтья пережить.
И сохранилъ слова обломокъ изваянья:
«Я—Озимандія, мощный царь царей!
Взгляните на мои великія дѣянья,
Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ морей!»
Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...

Мы не безцѣльно сдѣлали эту выписку: Эредіа столько разъ сознательно черпалъ изъ сокровищницы, накопленной старыми поэтами, что какъ будто въ наказаніе судьба заставляетъ его оставаться подражателемъ даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, совершенно искренно желаетъ быть самостоятельнымъ. Странное впечатлѣніе производитъ такое совпаденіе не только основной мысли, но и самыхъ образовъ, и если читатель найдетъ, что варіантъ Эредіа слабѣе своего первообраза, то причина этого заключается лишь въ разныхъ дозахъ таланта, которыми располагалъ французскій и англійскій поэтъ.

Тріумфатору.

Побѣдоносный вождь, вели воздвигнуть арку
И изваять на ней побѣдный строй знаменъ,
Подъ игомъ рядъ князей всѣхъ варварскихъ племенъ
И полную трофеевъ и добычи барку.

*) Военная труба.

Твой дѣдъ былъ внукъ царей иль обиталъ хибарку,
Ты, все равно, свой санъ и перечень именъ
Поглубже въ камень врѣжь, чтобы во мглѣ временъ
Торжественный тріумфъ твой не пошелъ на смарку.

Напрасный трудъ!.. Ужъ время занесло свой молотъ.
И камень доблести твоей не охранитъ;
Гляди: трофей плющемъ разросшимся отколотъ,

И нынѣ косу лишь свою косарь Самнитъ
Зазубритъ, разбудивъ въ густой травѣ обломки
Колоннъ, гдѣ славился тріумфъ когда-то громкій.

Мы могли бы привести не мало яркихъ, живописныхъ образовъ, которые Эредіа собираетъ, какъ раритеты, со всѣхъ меридіановъ и широтъ, но едва ли можно было бы изъ всего собранія его стиховъ выискать какую-нибудь новую идею. Художники всѣхъ родовъ оружія, которые интересуются одной красотой и воспроизводятъ только ее, обыкновенно требуютъ, чтобы къ нимъ прилагалась исключительно эстетическая критика: только къ «тенденціознымъ» писателямъ, по ихъ мнѣнію, примѣнима общественная точка зрѣнія, а прекрасное можетъ быть цѣнимо лишь на основаніи лежащаго внутри его закона. Требованіе это однако не можетъ быть исполнено уже потому, что нѣтъ общихъ для всего человѣчества нормъ красоты. Представленія каждаго художника о прекрасномъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны со всѣмъ комплексомъ его идей и идей его ближайшей среды. Чтобы понять художника, необходимо опредѣлить съ возможною полнотою ту общественную основу, на которой развилось міровоззрѣніе данной среды и даннаго индивидуума.

Такимъ образомъ, общественно-историческая критика должна предшествовать всякой другой, эстетической, психологической, философской, или, лучше сказать, обнимаетъ ихъ, какъ свои составныя части. Такимъ поэтамъ, какъ Эредіа, такого рода критика оказываетъ даже существенную услугу. Непосредственное наслажденіе его поэзіей доступно весьма немногимъ. Болѣе обширный кругъ читателей можетъ заинтересоваться имъ лишь какъ представителемъ извѣстной группы, любопытной для пониманія строя современнаго французскаго общества. Также какъ, напр., любителей-нумизматовъ, находящихъ удовольствіе въ самомъ созерцаніи рѣдкихъ монетъ и медалей, очень мало, но историкъ, который пользуется для своихъ цѣлей и нумизматическимъ матеріяломъ, вполнѣ можетъ оцѣнить и художественныя качества интересныхъ для него памятниковъ. А сонеты Эредіа болѣе всего похожи на изящныя медали, которыя имѣютъ не только артистическій, но и историческій интересъ.

Евгеній Дегенъ.

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

(*Окончаніе* *).

IV.

Вліяніе земледѣльческой индустріи на крестьянъ.—Новый видъ подданства.—Крестьянскіе устои и міровой рынокъ.

Мы въ предъидущей главѣ разсмотрѣли условія техническаго прогресса, замѣчаемаго среди крестьянъ. Но все-таки мы еще не исчерпали предмета, такъ какъ существуютъ еще другіе факторы, принуждающіе мелкаго землевладѣльца вводить усовершенствованія въ свое хозяйство. Именно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи, земледѣльческіе промыслы начинаютъ принимать фабричную форму. Возникаютъ свеклосахарные заводы, маслобойни, сыроварни, фабрики, занимающіяся выдѣлкой окороковъ, сушеныхъ овощей, консервовъ и т. д. Получая свое сырье отъ земледѣльцевъ данной окрестности, они оказываютъ тоже механическое давленіе на своихъ поставщиковъ и принуждаютъ ихъ воздѣлывать поля и обращаться со скотомъ сообразно съ данными указаніями. Крестьянинъ теряетъ совершенно свою самостоятельность, если попадетъ въ кругъ дѣйствія такого завода. Онъ утрачиваетъ ее въ двойномъ значеніи: какъ производитель и какъ продавецъ. Онъ становится батракомъ воздвигнутой фабрики. Исчезнувшее крѣпостничество воскресаетъ въ новой формѣ, капиталистической. Какъ поставщикъ онъ получаетъ за свой продуктъ низкую цѣну, въ опредѣленныхъ границахъ зависящую отъ усмотрѣнія заводчика. Равнымъ образомъ, и какъ производитель, онъ лишь одно звено въ громадномъ механизмѣ, имѣющемъ свой центръ въ эксплоатирующей его фабрикѣ. Безпомощность мелкаго землевладѣльца обнаруживается во всей своей полнотѣ;—напрасно онъ сталъ бы рваться изъ паутины, которая окутала его и поработила.

Но достаточно общихъ мѣстъ. Перейдемъ къ фактамъ, показывающимъ степень этого закрѣпощенія крестьянъ производительными силами нашего времени. Германія даетъ намъ хорошіе образцы новыхъ

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

отношеній, возникающихъ въ деревнѣ подъ вліяніемъ свеклосахарныхъ и другихъ заводовъ.

Въ бывшемъ герцогствѣ Гальберштадтскомъ существуютъ цѣлыя волости, находящіяся въ зависимости отъ ближайшаго свеклосахарнаго завода, скрѣпленной письменнымъ договоромъ. Заводъ доставляетъ крестьянамъ такъ называемые планы, т. е. предписанія и указанія, какимъ образомъ они должны впередъ хозяйничать. Со дня передачи такого плана деревня совершенно преобразовывается и въ ней начинается новая жизнь. Согласно съ содержаніемъ полученныхъ предписаній, старыя деревенскія дороги исчезаютъ, появляются новые каналы, иногда уничтоженію подлежатъ даже прежнія пограничныя межи. Борозды идутъ иногда подъ прямымъ угломъ къ прежнему своему направленію; приходится забрасывать прадѣдовскія поля и прокладывать новыя полосы. Весь видъ деревенскихъ полей измѣняется; то, чего не произвели бы увѣщанія знатоковъ агрономическаго дѣла, становится дѣйствительностью подъ давленіемъ приказа, выходящаго изъ управленія свеклосахарнаго завода. Переворотъ не кончается измѣненіемъ во внѣшнемъ видѣ полей, но обнимаетъ и самые способы воздѣлки ихъ. Такъ какъ почва подъ свекловицей требуетъ тщательной обработки, то въ деревнѣ появляются, все подъ тѣмъ же самымъ давленіемъ, усовершенствованные плуги и бороны, болѣе зажиточные крестьяне покупаютъ даже тройные плуги и снаряды для лучшаго разбрасыванія навоза. Искусственное удобреніе примѣняется въ широкихъ размѣрахъ, причемъ свеклосахарный заводъ даетъ подробныя указанія и зорко наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ. Крестьянинъ долженъ иногда покупать сѣмена, указываемыя заводомъ.

Но переворотъ, происшедшій въ соціальныхъ отношеніяхъ деревни, важнѣе всѣхъ этихъ техническихъ измѣненій.

Деревня, организованная по «плану», перестаетъ быть простой суммой крестьянскихъ участковъ, не зависящихъ другъ отъ друга. Подъ натискомъ свеклосахарнаго завода крайніе индивидуалисты сплачиваются поневолѣ въ одно цѣлое и часто образуютъ союзъ для покупки сообща навоза, сѣмянъ и другихъ предметовъ (въ томъ числѣ для облегченія себѣ кредита). Производились даже попытки зажиточными крестьянами завести паровой плугъ, которыя, впрочемъ, кончились неудачно, такъ какъ оказалось, что слишкомъ малая величина участковъ не оплачиваетъ издержки, употребляемыя на машину *).

Разумѣется, такого рода дѣйствія свеклосахарнаго завода происходятъ не часто, такъ какъ кооперація эксплоатируемыхъ землевладѣльцевъ не въ интересѣ фабрики. Такая кооперація появляется тамъ, гдѣ зажиточные крестьяне состоятъ пайщиками завода. Въ большинствѣ же случаевъ даже въ деревняхъ организованныхъ по плану, мелкіе землевладѣльцы соеди-

*) «Bauerliche Zuschtände in Deutschland». Томъ II, стр. 134, 137.

нены лишь механически, т. е. каждый изъ нихъ такимъ же самымъ образомъ, какъ другіе, вмѣстѣ со своимъ участкомъ прикрѣпленъ къ фабрикѣ. Въ большинствѣ случаевъ никакое сообщество не соотвѣтствуетъ технической координаціи. Благодаря тому свеклосахарный заводъ является полнѣйшимъ властелиномъ рынка. Нѣкоторые писатели даютъ понять намеками, что тотъ золотой ручей, который льется изъ свеклосахарнаго завода и въ струяхъ дивиденда накопляется въ карманахъ акціонеровъ, орошаетъ по дорогѣ и крестьянскую ниву. Предполагаютъ, что хотя крестьянинъ и не состоитъ членомъ акціонернаго общества, все-таки причастенъ къ прибыли, и что вообще въ районѣ свеклосахарнаго завода существуетъ гармонія интересовъ. Владѣтель нѣсколькихъ морговъ обрабатываетъ землю, сѣетъ свекловицу и продаетъ ее съ прибылью. Эта прекрасная идиллія исчезаетъ, какъ иллюзія при освѣщеніи фактовъ нѣмецкой дѣйствительности. Тутъ противопоставляются неравномѣрныя силы. Съ одной стороны появляется монополистъ, сознающій прекрасно, что продавецъ прикованъ къ нему крѣпостною цѣпью,—вѣдь мелкій плантаторъ не станетъ искать далекихъ боговъ, если сосѣдній заводъ понизитъ плату за свекловицу. Кромѣ того, между свеклосахарными заводами господствуетъ безмолвное согласіе въ то время, какъ крестьяне находятся въ положеніи конкурентовъ. Мелкій плантаторъ получаетъ изъ завода сѣмена и предписанія относительно удобренія и воздѣлыванія, заводскіе инспектора зорко наблюдаютъ надъ плантаціями, однимъ словомъ свеклосахарный заводъ совершаетъ все необходимое для того, чтобы свекловица отличалась самымъ лучшимъ качествомъ. Когда же приближается время доставки продукта, то природа всегда одаряетъ неожиданностями крестьянина, и даетъ возможность устраивать всякаго рода вычеты, а это систематическое пониженіе цѣны свекловицы преобразовываетъ самостоятельнаго по виду крестьянина въ настоящаго батрака, получающаго, кромѣ издержекъ обработки и податей, только плату за ежедневный трудъ.

А какъ происходитъ эта эксплоатація, доказываетъ слѣдующій фактъ, одинъ изъ многихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Германіи увеличили налогъ на свекловицу на 10 пфениговъ съ двойного центнера. А такъ какъ $^2/_5$ всего продукта отправляются за границу и при вывозѣ заводчикъ получаетъ обратно уплаченный налогъ, какъ премію, то дѣйствительное его увеличеніе не превышаетъ 2 пфениговъ съ двойного центнара. Между тѣмъ заводчики на основаніи этого налога начали вычитывать по 15 пфениговъ изъ платы, даваемой крестьянину за центнеръ. Однимъ словомъ, нововведенная подать всей своей тяжестью придавила мелкаго землевладѣльца, для акціонеровъ же сдѣлалась источникомъ увеличенія дивиденда. Именно благодаря этимъ условіямъ, свеклосахарная промышленность является часто предвѣстникомъ экспропріаціи мелкихъ землевладѣльцевъ, которые спасаются отъ этихъ цѣпей бѣгствомъ за море, либо въ городъ. Деревня пустѣетъ, и свеклосахарные

округи теперь уже находятся наканунѣ такого положенія, когда деревенское населеніе изъ года въ годъ уменьшается. Недостатокъ рабочихъ рукъ, т. е. дешевыхъ, очень великъ. А потому свеклосахарные округи, освобождая крестьянъ отъ земли и создавая пустоту, вызвали еще и другое явленіе, такъ называемое Sachsengängerei. Силезія, западная Пруссія, Познанское княжество высылаютъ ежегодно до 75 тысячъ человѣкъ, которые правильно, вмѣстѣ съ перемѣной времени года, весною, какъ ласточки, оставляютъ родимую сторону и отправляются на западъ, гдѣ поднимаются фабричныя трубы, предвѣстники свекловичныхъ плантацій. Эту толпу, какъ сельдей въ бочкѣ, вталкиваютъ въ громадныя казармы, кормятъ казарменнымъ образомъ и уставляютъ на полѣ подъ предводительствомъ офицеровъ-управляющихъ. Эксплоатація превышаетъ всякую мѣру, и тѣмъ, что деревнѣ навязываетъ такъ называемый батрацкій уставъ, угрожающій заключеніемъ въ тюрьму за всякую стачку, стремящуюся къ улучшенію пищи, платы или человѣческаго обращенія, и тѣмъ еще, что многіе не понимаютъ мѣстнаго языка. Однако же эти *«саксонскія»* казармы и отхожій свеклосахарный промыселъ оставляютъ свои слѣды. Новоприбывшіе проходятъ тамъ дѣйствительную культурную школу, знакомятся съ потребностями и понятіями, не такъ скоро доходящими въ ихъ далекую деревушку. Съ взбалмошной головой, какъ говоритъ о нихъ мѣстный баринъ, съ гордостью и требованіями *«излишества»* эти перелетныя птицы возвращаются домой, принося съ собою массу новыхъ идей и уничтожая рутину родного уголка. Вообразимъ себѣ, что лучшую часть деревенской молодежи отдаютъ въ школу, гдѣ она привыкаетъ къ лучшей ѣдѣ и одеждѣ, къ критическому отношенію къ окружающему съ его низкой заработной платой, и мы получимъ, приблизительно, картину тѣхъ послѣдствій, какія производятъ свеклосахарные округи на деревенское населеніе той мѣстности, которая тянется за Одеромъ. Еще нѣсколько лѣтъ, и глухіе уголки будутъ представлять другой культурный видъ. Жизнь оказывается болѣе могущественной, чѣмъ человѣческія намѣренія...

Но не только свеклосахарные заводы оказываютъ такое вліяніе; капиталистическія сыроварни, частные маслобойные заводы и овощные, фабрики окороковъ и вообще ветчины,—все это гнететъ крестьянина точно также, измѣняя его въ члена принудительной организаціи, центръ которой находится въ данномъ заводѣ. Онъ лишь юридически самостоятельная единица. Въ дѣйствительности же условія принуждаютъ его продавать по установленной монополистомъ цѣнѣ. Мы видѣли уже, какъ мозельскій мелкій владѣлецъ виноградниковъ работаетъ на *«мозельскихъ принцевъ»*; вѣроятно, тоже происходитъ въ Швейцаріи, гдѣ, напримѣръ, находится такая большая фирма конденсированнаго молока, какъ Нестле, потребляющая ежедневно молоко отъ 12 тысячъ коровъ, размѣщенныхъ въ 180 деревняхъ и поселкахъ. Какой феодальный ба-

ронъ могъ бы помѣряться съ этимъ могущественнымъ плутократомъ, господствующимъ надъ столькими деревнями, благодаря законамъ свободной конкуренціи? Говоря правду, владѣлецъ такого завода вполнѣ монополистъ, поставщики же молока—его батраки. Изъ конторы завода исходятъ распоряженія, уничтожающія всю рутину крестьянскаго скотоводства и научащія мелкаго земледѣльца техническому уму-разуму. Мы не знаемъ «*плановъ*», по которымъ этотъ заводъ устраиваетъ крестьянскіе хлѣва, но мы знакомы съ уставами, выработанными въ Канадѣ, во Франціи, Даніи, Германіи маслобойной кооперацією. Такой уставъ подробно предписываетъ, какъ крестьянинъ долженъ кормить коровъ и вообще держать ихъ въ хлѣвахъ, чтобы продуктъ отличался возможно высокимъ качествомъ; онъ даже останавливается надъ тѣмъ, какимъ образомъ должно доить коровъ и сохранять молоко. Существуютъ для контроля особенные инспектора, имѣющіе право войти во всякое время въ хлѣвъ и произвести осмотръ обстановки, коровъ, молока. Малѣйшее уклоненіе влечетъ за собой штрафъ. Членъ обязывается отдавать все молоко и даже отказывается бить масло для собственнаго употребленія, но покупаетъ его на заводѣ. Кооперація держитъ своихъ членовъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ ежовыхъ рукахъ. Насколько эти ежовыя рукавицы хуже, когда находятся на рукахъ заводчика, монополиста!

Достаточно примѣровъ. И вышеприведенные ясно доказываютъ, что техническій прогрессъ, который происходитъ подъ давленіемъ капитализаціи перерабатывающаго сельскаго промысла, прежде всего создаетъ новыя формы эксплоатаціи крестьянскихъ массъ заводчиками. Не смотря на юридическую самостоятельность, крестьянинъ, попавшій въ сферу дѣйствія такого завода, становится земледѣльческимъ кустаремъ, трудящимся для заводской конторы. Уровень технической снаровки повышается, но въ то же время увеличивается и эксплоатація крестьянскаго труда капиталистическими элементами.

Прибавимъ къ тому еще одно обстоятельство. Крестьянинъ по виду защищенъ отъ рыночныхъ случайностей, обладаетъ обезпеченнымъ сбытомъ продуктовъ и знаетъ, что очень важно въ его жизни, степень эксплоатаціи монополистами. Въ сущности же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Свеклосахарные заводы, напр., ведутъ между собою ожесточенную борьбу; перепроизводство продукта частое явленіе, заводу приходится по временамъ сокращать свою продукцію и крестьянинъ остается со своею свекловицей и принужденъ продавать ее за безцѣнокъ. Ни къ чему не причастный, онъ все-таки вкушаетъ всѣ прелести капиталистической рыночной суматохи.

Словомъ, въ жизни возникаютъ новые экономическіе организмы, до сихъ поръ почти вполнѣ неизслѣдованные. Дворецъ «*мозельскаго принца*», либо казематы свеклосахарнаго завода съ сотнями подчиненныхъ крестьянскихъ усадебъ, либо контора завода Нестле съ десятками зависи-

мыхъ деревень! Съ одной стороны руководители и учредители *«плановъ»*, съ другой—толпа все-таки независимыхъ единицъ, запутанныхъ, какъ мухи, въ той же самой паутинѣ. Даже если мы возьмемъ самыя прогрессивныя теченія, проникающія въ сферу крестьянскихъ устоевъ, мы найдемъ вездѣ то же самое отсутствіе общности сознанія и дѣйствія. Возникающій внѣ крестьянскаго міра организмъ всегда выступаетъ какъ активный факторъ и поглощаетъ пассивнаго крестьянина, превращая его въ свой добавочный периферическій придатокъ, причемъ каждый поглощенный землевладѣлецъ сохраняетъ свою независимость по отношенію къ остальнымъ сотоварищамъ.

Мы можемъ прекрасно все это изслѣдовать на примѣрѣ, доставляемомъ Англіею.

Восточная дорога въ Англіи (Great Eastern Railway), одна изъ самыхъ большихъ линій на островѣ, проходитъ черезъ земледѣльческія графства Кембриджшайръ, Эссексъ, Гертфордшайръ, Норфолькъ, Сефолькъ. Желая увеличить свои доходы, находящіеся въ самой тѣсной связи съ благосостояніемъ окрестныхъ фермеровъ, управленіе желѣзной дороги рѣшило заняться организаціей посредничества между Лондономъ и земледѣльцами. Оно предложило фермерамъ записывать въ конторы ближайшей желѣзнодорожной станціи качество и количество продукта, высылаемаго на рынокъ. Составивъ такимъ образомъ таблицы продуктовъ, желѣзная дорога разослала ихъ въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ потребителямъ Лондона и другихъ городовъ. Уже въ первое полугодіе (попытка сдѣлана въ 1896 году) двѣ тысячи фермеровъ вошли въ непосредственное сношеніе съ потребителями. Эти послѣдніе заказываютъ продукты письменно; фермеръ же доставляетъ желѣзнодорожной конторѣ на ближайшей станціи свой продуктъ, контора высылаетъ его курьерскимъ или вообще скорымъ поѣздомъ и экспедируетъ въ домъ потребителя, получая за все четыре пенса за 20 фунтовъ, не смотря на разстояніе, причемъ самая большая посылка не можетъ превышать 60 фунтовъ. Такимъ образомъ высылается въ Лондонъ масло, сыръ, яйца, птицы, рыбы, медъ, плоды, цвѣты, и т. д. Желѣзная дорога, ради однообразія посылокъ, снабжаетъ крестьянъ ящиками и другими предметами упаковки по заготовочнымъ цѣнамъ.

Мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ любопытнымъ и въ высшей степени важнымъ соціальнымъ нововведеніемъ, которое обладаетъ всѣми шансами развитія, устраняя общественные накладные расходы посредничества. Возникаетъ зародышъ важной прогрессивной перемѣны въ нашемъ экономическомъ строѣ, состоящей, такъ сказать, въ обобществленіи посредничества. Но и здѣсь фермеры, въ большинствѣ случаевъ средній, либо мелкій, не организуются, но остаются вполнѣ независимыми другъ отъ друга, представляя лишь единицы, втянутыя въ круговоротъ большого организма. Волна новыхъ жизненныхъ условій окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, подмываетъ ихъ самостоятельность нату-

ралистическаго режима и связываетъ ихъ съ далекими окраинами. Но эта связь механическая, т. е. не ими созданная и существующая помимо нихъ и безъ ихъ участія.

Этотъ фазисъ земледѣльческихъ отношеній, образующійся въ сферѣ дѣйствія свеклосахарныхъ заводовъ, сыроваренъ, желѣзнодорожнаго посредничества вполнѣ соотвѣтствуетъ той переходной эпохѣ въ развитіи индустріальнаго капитализма, когда городской купецъ основывалъ контору среди деревенскихъ ткачей и начиналъ систематически эксплоатировать сотню рукъ, работающихъ на домашнемъ станкѣ.

Но есть нѣкоторое различіе между зависимостью земледѣльцевъ и кустарей отъ конторы.

Во-первыхъ, организованные элементы, вторгающіеся въ жизнь крестьянина, отличаются необыкновеннымъ развитіемъ. Сѣти желѣзныхъ дорогъ и общества элеваторовъ, громадные молочные заводы и фабрики окороковъ, свеклосахарные заводы,—все это громадныя учрежденія, организирующія иногда, напр., въ колоніяхъ производство на пространствѣ почти всей страны. Новѣйшія земледѣльческія отношенія ждутъ своего историка, который разобралъ бы эксплоатацію фермеровъ такимъ свеклосахарнымъ трѣстомъ Соединенныхъ Штатовъ, точно также и тотъ однообразный «планъ», который реализируется этимъ монопольнымъ учрежденіемъ въ производствѣ самой свекловицы.

Во-вторыхъ, кустарный фазисъ капиталистическаго режима съ теченіемъ времени перешелъ въ фабричный фазисъ, организующій независимыя до сихъ поръ кустарныя единицы въ обобществленныя фабричныя бригады. Мы не имѣемъ права утверждать, что такая же перемѣна можетъ произойти въ сферѣ земледѣльческихъ отношеній въ границахъ господства капиталистическаго строя. Но мы можемъ надѣяться, что при смѣнѣ капиталистическаго режима болѣе демократической формой экономическихъ отношеній такое желѣзнодорожное посредничество и свеклосахарныя конторы станутъ исходной точкой усилій, направленныхъ къ кооперації крестьянскаго производства. Чѣмъ болѣе разрушится натуралистическая самостоятельность крестьянскаго производства для собственнаго потребленія, чѣмъ зависимѣе онъ, т. е. крестьянинъ, станетъ отъ внѣшнихъ условій, тѣмъ болѣе широко можетъ развиться эта дѣятельность центровъ прогрессивной общественной техники. Прогрессъ крестьянскаго міра заключается въ уничтоженіи натурализма. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію возникающихъ аграрныхъ синдикатовъ, этого самаго прогрессивнаго явленія земледѣльческой жизни, то увидимъ, что крестьянинъ и вообще земледѣлецъ лишь тогда становится членомъ кооперації, когда рынокъ вполнѣ поработилъ его и раскрылъ ему всѣ тягостныя прелести своихъ отношеній. Экономическій прогрессъ зарождается не въ хижинѣ крестьянина, но вторгается въ нее, какъ варваръ извнѣ. Но онъ можетъ вторгнуться лишь тогда, когда хата перестала производить только для себя,

когда она производитъ исключительно для рынка, какъ мы это видимъ на примѣрѣ крестьянина, производящаго виноградную лозу, молоко и т. д.

V.

Деревенскій пролетарій.—Законы, управляющіе платой сельскаго рабочаго.—Большое передвиженіе варваровъ.—Цѣна продуктовъ кустарнаго труда.—Положеніе кустарей.—Результаты.

Говоря о вліяніи земледѣльческой индустріи на положеніе крестьянъ, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, зажиточное крестьянство, не нуждающееся въ кустарныхъ и отхожихъ промыслахъ. Теперь намъ остается разсмотрѣть положеніе мелкихъ крестьянъ, которые дополняютъ свои скудные доходы наемной работой на сосѣднихъ фермахъ или кустарнымъ промысломъ.

Объ этомъ вопросѣ можно было бы много потолковать, тѣмъ болѣе, что теоретическая экономія, всецѣло поглощенная вопросами индустріальнаго капитализма, не обратила до сихъ поръ надлежащаго вниманія на разработку явленій, встрѣчающихся въ этой сферѣ экономическихъ явленій.

Если мы желаемъ понять законы, управляющіе уровнемъ заработковъ крестьянина, дополняющаго свой доходъ наемнымъ трудомъ или кустарнымъ промысломъ, мы должны отказаться отъ всѣхъ обобщеній, выработанныхъ теоретическою экономіей.

Законы, управляющіе платой, получаютъ въ деревнѣ своеобразный характеръ; всеобщій законъ рыночной цѣны товаровъ, по которому эта послѣдняя опредѣляется издержками производства плюсъ средняя прибыль, теряетъ всякій смыслъ съ того момента, когда мы начинаемъ разсматривать условія кустарнаго производства.

Перейдемъ къ фактамъ.

Разсматривая 5-й томъ трудовъ Варшавскаго статистическаго комитета, посвященныхъ изслѣдованію эмиграціи изъ Сувалкской губерніи въ Америку, мы находимъ таблицы заработковъ, получаемыхъ наемными рабочими въ различныхъ волостяхъ наименованной губерніи. Съ удивленіемъ мы замѣчаемъ большую разницу въ заработной платѣ въ мѣстостяхъ, расположенныхъ очень близко другъ отъ друга. Напр., въ Августовскомъ уѣздѣ поденный заработокъ мужчины весной въ однѣхъ волостяхъ равенъ 15 коп., въ другихъ—60 коп., въ страдное же время въ первыхъ достигаетъ 30 коп., а въ другихъ—75 коп. Вообще уровень заработной платы въ различныя времена года и для обоихъ половъ стоитъ на различной высотѣ въ каждой отдѣльной волости, между тѣмъ какъ въ городѣ тотъ же уровень отличается въ одной и той же самой отрасли труда равномѣрностью. Такое разнообразіе не представляетъ загадочнаго явленія. Вѣдь деревенскій наемникъ въ большинствѣ

случаевъ прикрѣпленъ къ опредѣленному мѣсту своей хатой и небольшимъ участкомъ земли; онъ не обладаетъ свободой передвиженія, особенно если вблизи нѣтъ современныхъ путей сообщенія съ ихъ удобнымъ, скорымъ и дешевымъ тарифомъ. Его рынокъ очень не великъ. Приходится подчиняться вліянію множества очень мелкихъ, чисто мѣстныхъ условій: величина участковъ, процентное отношеніе мелкихъ крестьянъ къ зажиточнымъ, размѣры помѣщичьяго имѣнія, болѣе или менѣе интенсивный характеръ его хозяйства, существованіе вблизи отхожихъ или кустарнаго промысла и множество еще другихъ причинъ— все это дѣйствуетъ, а такъ какъ въ каждой деревнѣ эти факторы укладываются по другому шаблону, то и неудивительно, что уровень заработной платы такъ неодинаковъ. Но тутъ оказываетъ вліяніе еще одна характерная причина, проистекающая отъ существованія мелкихъ крестьянъ, владѣющихъ участкомъ земли, который не въ состояніи ихъ вполнѣ прокормить. Такой крестьянинъ требуетъ, чтобы заработокъ покрылъ лишь дефицитъ, существующій въ его доходахъ. Если онъ нуждается въ 200 руб. для содержанія себя съ семьей, но его участокъ доставляетъ ему продуктовъ на 120 руб., то всѣ его усилія направлены лишь къ тому, чтобы добыть наемнымъ трудомъ недостающіе 80 руб. Въ каждой деревнѣ величина участковъ до нѣкоторой степени колеблется въ опредѣленныхъ, довольно близкихъ предѣлахъ. Слѣдовательно, если количество рабочей силы, соперничающей между собой, велико, условія же заработка незначительны, то соперничество низведетъ годичную заработную плату семьи до уровня этихъ 80 руб. По крайней мѣрѣ, заработная плата будетъ обнаруживать стремленіе въ этомъ направленіи. Въ другой мѣстности, въ которой величина участковъ еще меньше и гдѣ для прокормленія семьи дефицитъ доходитъ не до 80 руб., а до 120 руб., тамъ годичный уровень заработной платы будетъ стремиться къ послѣдней высотѣ, такъ какъ, при болѣе низкомъ уровнѣ, часть крестьянъ будетъ принуждена оставить свои участки и отправиться въ городъ на заработки. Такимъ образомъ законъ, управляющій уровнемъ деревенскихъ заработковъ, гласитъ: *заработная плата мелкаго крестьянина опредѣляется не издержками, необходимыми для его содержанія и семьи, но величиной дефицита, который остается послѣ вычета изъ издержекъ годичнаго содержанія того, что́ даетъ ему земля.* Въ этомъ законѣ нужно искать отчасти объясненія того различія въ заработной платѣ, которое мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ волостяхъ того же уѣзда.

При такихъ условіяхъ хуже всего тѣмъ, которые владѣютъ мелкими участками ниже средней нормы данной мѣстности, особенно же тѣмъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ земли. Такъ какъ плата опредѣляется средней нормой дефицита и даже благодаря конкуренціи стремится къ уровню дефицита лучше поставленныхъ мелкихъ крестьянъ, то вся тяжесть низкаго уровня платы падаетъ на деревенскую голь. Плата перестаетъ покрывать издержки скуднаго содержанія, существованіе мелкихъ кре-

стьянъ становится дѣйствительнымъ проклятіемъ для деревенскаго пролетаріата. Въ городѣ резервъ голоднаго пролетаріата понижаетъ плату, въ деревнѣ же эту роль играютъ мелкіе крестьяне. Деревенскому пролетаріату приходится эмигрировать за заработкомъ, но если нѣтъ вблизи желѣзныхъ дорогъ и вообще сообщенія съ дальнѣйшимъ міромъ, онъ долго и съ трудомъ перебивается въ деревнѣ. Какимъ образомъ они ухитряются вести свою скудную жизнь, о томъ свидѣтельствуетъ явленіе «лежки», о которомъ мы нашли извѣстіе на страницахъ «Курьера» *). Мы могли бы найти аналогичное явленіе въ жизни польскаго и германскаго пролетарія. Псковскіе крестьяне, какъ только замѣтятъ, что хлѣба не хватитъ до весны, начинаютъ думать только о томъ, какъ бы поменьше ѣсть. Но, сознавая, что такимъ образомъ имъ трудно будетъ сохранить силы для работы, они ложатся на печку и впадаютъ въ родъ летаргическаго сна, нѣсколько-мѣсячной спячки, которая носитъ техническое названіе «лёжки». Они пробуждаются разъ въ день, чтобы съѣсть кусокъ хлѣба и напиться воды, либо протопить печку. Эту работу они исполняютъ очень осторожно, зная, что движеніе вызываетъ аппетитъ, а потому стараются какъ можно менѣе двигаться и какъ можно болѣе спать. Совсѣмъ не двигаясь, и, вѣроятно, даже не думая ни о чемъ, человѣкъ въ состояніи «лёжки» задерживаетъ въ своемъ организмѣ измѣненія составныхъ частей и вслѣдствіе того въ состояніи ограничить количество питанія до minimum. Въ крестьянской избѣ господствуютъ темнота и тишина: въ разныхъ углахъ избы, чаще же всего на печи кучками, либо отдѣльно лежитъ вся семья... «Такое явленіе,—кончаетъ газета,—не представляетъ исключенія. Оно встрѣчается не только въ разныхъ семьяхъ, но по цѣлымъ деревнямъ, волостямъ и уѣздамъ. Впродолженіи долгой зимы глубокій сонъ господствуетъ въ крестьянскихъ хатахъ, день превращается въ ночь, подъ крыльями которой скрываются тысячи спящихъ тѣлъ почти безъ слѣдовъ жизни. Все спитъ, и люди, и животныя, и впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ живая человѣческая рѣчь замѣняется соннымъ храпомъ. Мы сказали, что аналогичныя явленія встрѣчаются въ жизни польскаго и германскаго крестьянина. Мы неоднократно слыхали жалобы отъ польскихъ помѣщиковъ, что крестьянинъ сталъ лѣнивымъ, что отказывается отъ всякой тяжелой работы, хотя и лучше оплачиваемой, и даже спитъ и терпитъ голодъ, но не идетъ на нѣкоторыя работы; мы знаемъ, что крестьяне отказываются работать на ближайшихъ кирпичныхъ заводахъ, говоря, что такая работа имъ не подъ силу. Въ Германіи Рудольфъ Мейеръ показываетъ, что крестьянинъ сталъ слабѣе въ послѣднія 50 лѣтъ. Одинъ изъ членовъ германской анкеты говоритъ о мелкихъ крестьянахъ Тревирскаго округа: «Эти мелкіе крестьяне живутъ исключительно картошкой и ржанымъ хлѣбомъ; употребленіе мяса

*) См. «М. Б.», «На родинѣ»: «Своеобразный способъ борьбы съ голодомъ».

и жира очень незначительно. Можно даже утверждать, что питаніе недостаточно, и что вслѣдствіе этого особенно страдаетъ энергія воли. Поколѣніе становится тупымъ, равнодушнымъ, неспособнымъ къ надлежащему пониманію причинъ и послѣдствій даже въ кругу собственной жизни» *).

И эти оскудѣлые организмы, пріученные къ низкому уровню потребностей, притупленные жизненной мертвечиной деревни, хлынутъ въ городъ и вообще въ фабричные округи, лишь только представится случайность. Въ виду того, что желѣзныя дороги соединили различныя страны въ одно цѣлое, эта эмиграція принимаетъ международный характеръ,—великаго современнаго передвиженія варваровъ. Появляются международные поставщики дешеваго человѣческаго товара: галиційскія захолустья и словацкія деревушки, богемскія и пьемонтскія долины, силезскія усадьбы. Пьемонтскій крестьянинъ отправляется въ южную Францію, Швейцарію и Австрію и вытѣсняетъ отсюда мѣстнаго пролетарія; то же самое дѣлаетъ силезскій или галиційскій крестьянинъ въ Германіи и т. д. Вытѣсненные устремляются въ города и здѣсь понижаютъ уровень заработковъ, городской же чернорабочій изъ Германіи отправляется въ Америку или Англію, чтобы тамъ произвести то же самое. Съ каждымъ годомъ кругъ дѣйствія расширяется, въ послѣдніе годы крестьянинъ изъ Царства Польскаго принялъ участіе въ международной перекочевкѣ, наполняя пустыя мѣста, образовавшіяся на рабочемъ рынкѣ Познанской деревни, его же мѣсто въ Царствѣ Польскомъ занимаетъ еще болѣе оскудѣлый галиційскій русинъ. Передвиженіе такъ велико, что въ горныхъ деревняхъ Галиціи остаются лѣтомъ старцы, да малолѣтки. Разумѣется, это явленіе вноситъ много суматохи, принимаетъ различныя формы, напр., сезонной перекочевки, приводитъ къ колизіямъ между рабочими различныхъ странъ, обрызганными кровью борющихся сторонъ, развивается среди страданій и лишеній участниковъ, но въ то же время ведетъ къ великому результату: варваровъ превращаетъ въ людей.

Я готовъ считать однимъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ современной жизни Европы великое современное передвиженіе народовъ, охватывающее главнымъ образомъ деревенскую голь. Оно источникъ нарождающейся деревенской культуры.

Обратимся теперь къ деревенскому кустарю. О кустарномъ промыслѣ столько писали, что достаточно будетъ ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Мы сказали, что законъ рыночной цѣны товаровъ, гласящій, что эта послѣдняя опредѣляется издержками производства плюсъ средняя прибыль, не относится къ цѣнѣ, за которую кустарь продаетъ свой товаръ. Взаимная конкуренція и безпомощность по отношенію къ торговцу низводитъ получаемый чистый заработокъ къ

*) «Bauerliche Zustände in Deutschland», томъ I, стр. 212.

уровню годичнаго дефицита, который нужно покрыть семьѣ, владѣющей хатой и участкомъ земли. Другими словами мы замѣчаемъ и здѣсь въ другомъ видѣ то же самое, что̀ мы нашли для заработной платы наемника-крестьянина.

«Вѣроятно, даже и въ ирландскомъ домашнемъ деревенскомъ промыслѣ,—говоритъ докторъ Заксъ, авторъ монографіи о германскомъ кустарномъ промыслѣ,—не существуетъ такого низкаго заработка, какъ въ Германіи. Что̀ семья получаетъ со своего поля и огорода, конкуренція позволяетъ ей вычесть изъ цѣны рабочей силы. Рабочіе должны принять всѣ условія акордной работы, потому, что иначе не получатъ никакой, а между тѣмъ не могутъ прокормиться со своего участка, съ другой стороны земледѣліе на собственномъ участкѣ приковываетъ ихъ къ мѣсту и не позволяетъ искать другого занятія». То, что̀ въ прошедшую эпоху товарнаго обращенія составляло источникъ благосостоянія трудящихся классовъ, а именно—соединеніе промышленности съ земледѣліемъ, владѣніе хатой и участкомъ поля, все это въ наше время въ Германіи не только превратилось въ самыя тяжелыя цѣпи для кустарей, но и въ самое большое несчастіе для всего рабочаго міра, потому что является исходной точкой пониженія рабочей платы не только въ данной мѣстности, но во всей странѣ. Деревенскіе кустари представляютъ безпомощную массу независимыхъ единицъ, въ высшей степени эксплоатируемую капиталистомъ-посредникомъ. Взаимное соперничество понижаетъ цѣну продукта, кустари на пониженіе реагируютъ большимъ количествомъ труда и увеличенной доставкой продукта, что разумѣется, ведетъ къ еще большему пониженію цѣны продукта. Получается волшебный кругъ, изъ котораго кустарь не можетъ выйти.

Тутъ не мѣсто для распространенія о послѣдствіяхъ этого положенія и условіяхъ кустарнаго быта. Ограничимся поэтому приведеніемъ одной выдержки изъ цѣннаго труда Зингера объ общественныхъ отношеніяхъ въ сѣверо-восточной Богеміи. «Большая часть ткачей въ Чешскомъ промышленномъ округѣ, съ которыми я лично разговаривалъ, не могли мнѣ ничего сказать о томъ, чего кругомъ себя непосредственно не наблюдали. Они знали только, что существуетъ какой-то Богъ, папа и императоръ, но понятія объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ у нихъ самыя дикія. Они не знаютъ даже, какъ называется столица, а также какой городъ считается самымъ главнымъ въ странѣ, хотя уже много лѣтъ нѣсколько желѣзныхъ дорогъ ведетъ къ послѣднему. Желѣзная дорога представляетъ для нихъ нѣчто, о чемъ они ничего сказать не могутъ. Они знаютъ только, что она завозитъ продукты ихъ рукъ куда-то далеко. Рѣчь ихъ выражаетъ самыя обыденныя потребности, но не обращена къ сферѣ мысли. Эти домашніе ткачи просиживаютъ около 18 часовъ ежедневно надъ ткацкимъ станкомъ, дѣти же надъ

веретеномъ» *). Но мы добавимъ, что такое положеніе встрѣчается въ самыхъ глухихъ уголкахъ крестьянскаго міра и въ тѣхъ вѣтвяхъ кустарнаго промысла, въ которыхъ посредники поработили кустаря еще до возникновенія желѣзныхъ дорогъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ трудъ не такъ интенсивенъ и вблизи находятся живые центры промышленности, зависимость кустаря отъ далекихъ рынковъ производитъ свое дѣйствіе, оторванность же отъ земледѣльческихъ кругозоровъ подготовляетъ почву. Тамъ кустарь поддается городскимъ идеямъ, хотя и самымъ ретроградымъ, напр., антисемитическому движенію. Но начало сдѣлано: онъ интересуется событіями всей страны и толкуетъ объ общественныхъ интересахъ, разрывая съ умственной узостью, характеризующей подлиннаго крестьянина. Здѣсь и тамъ развитіе капитализма вытѣсняетъ кустаря изъ обычной колеи и принуждаетъ искать заработка въ городѣ, въ которомъ онъ появляется, какъ опасный конкурентъ, понижающій плату своими низкими требованіями. Но жизнь скоро научаетъ его другому.

Устои крестьянской жизни разрушаются и передвиженіемъ деревенской голи, и кустарнымъ промысломъ. Особенно же сильное дѣйствіе оказываетъ первое явленіе. Жизнь подтачиваетъ медленно, но неизбѣжно всѣ основы прежняго крестьянскаго міросозерцанія. И кустарь и Sachsengänger представляютъ лишь отродье крестьянства, все болѣе освобождающееся отъ крестьянскихъ чувствъ и понятій по мѣрѣ развитія международнаго передвиженія, неустойчивости рынковъ, прогресса машинной техники. Путь этотъ неровенъ, онъ совершаетъ постоянные изгибы, иногда даже кажется, что поворачиваетъ назадъ, но все-таки въ общемъ онъ идетъ впередъ—правда, среди неописанной нищеты, невѣжества и униженныхъ человѣческихъ чувствъ.

VI.

Нѣсколько общихъ выводовъ.

«Крестьяне представляютъ громадную массу, члены которой живутъ при одинаковыхъ условіяхъ,—пишетъ одинъ критикъ второй французской республики.—Взаимныя отношенія между ними мало развиты. Методы крестьянскаго производства, вмѣсто облегченія взаимнаго сообщенія, разъединяютъ ихъ. Участокъ, на которомъ крестьянинъ работаетъ, не позволяетъ ни раздѣленіе труда и примѣненіе агрономической науки. Вслѣдствіе этого нельзя даже и думать о развитіи разнородныхъ элементовъ, различіи способностей и вообще о прогрессѣ въ соціальныхъ отношеніяхъ. Каждая крестьянская семья удовлетворяетъ своимъ потребностямъ самостоятельно, производитъ непосред-

*) Singer. «Untersuchungen über die socialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmens», стр. 243.

ственно громадную часть средствъ для своего пропитанія и получаетъ такимъ образомъ средства для жизни скорѣе при помощи взаимнаго обмѣна силъ съ природой, чѣмъ при посредствѣ общественныхъ отношеній. Участокъ, крестьянинъ и семья, вблизи другой участокъ, другой крестьянинъ, другая семья,—вотъ три элемента. Нѣсколько дюжинъ такихъ участковъ составляютъ деревню, нѣсколько дюжинъ деревень — департаментъ. Большая часть французскаго народа состоитъ изъ суммы однородныхъ частей, такъ однородныхъ, какъ картошки въ мѣшкѣ. Крестьяне не представляютъ отдѣльнаго класса, не способны выступить самостоятельно въ парламентѣ, не могутъ быть представителями собственныхъ интересовъ. Долженъ явиться нѣкто, кто бы защищалъ ихъ интересы».

Авторъ говоритъ о политической безпомощности крестьянъ. Мы въ нашемъ анализѣ указали на экономическую безпомощность, при чемъ мы постоянно подчеркивали тотъ фактъ, что крестьянинъ представляетъ въ высшей степени консервативную силу, пока держится міросозерцанія, связаннаго съ натуралистическимъ режимомъ. Только когда участокъ утратилъ свою экономическую самостоятельность, какъ исключительный источникъ крестьянскаго благосостоянія и крестьянинъ начинаетъ подпадать подъ зависимость далекаго рынка, тогда лишь консервативные устои мелкаго землевладѣльца начинаютъ разлагаться, и взоръ его устремляется дальше предѣловъ собственнаго участка. Съ этимъ моментомъ капиталистическій режимъ начинаетъ вліять на крестьянское производство. Какъ волны моря подмываютъ со дня на день одиноко стоящіе среди морской пучины утесы, такъ точно новыя формы производства и обмѣна со всѣхъ сторонъ вторгаются въ жизнь деревни и переиначиваютъ ее. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ рынка, крестьянское хозяйство начинаетъ спеціализироваться, крестьянинъ производитъ лишь молоко, овощи и т. д.; появляются фабрики, перерабатывающія земледѣльческое сырье и при помощи «плановъ» вносящія переворотъ въ крестьянское производство. Возникаютъ конторы, изъ которыхъ крестьянинъ получаетъ сырой матеріалъ для переработки, становясь самъ кустаремъ. Крестьянинъ съуживаетъ свое производство, продавая все болѣе своихъ продуктовъ и покупая все болѣе чужихъ товаровъ, при чемъ онъ подвергается вліянію все болѣе отдаленныхъ общественныхъ условій. Молодое поколѣніе отправляется посезонно въ отхожіе промыслы. Всѣ эти факторы совершаютъ свое: они уничтожаютъ міросозерцаніе натуралистическаго режима и дѣлаютъ крестьянина членомъ общества. Мысль его начинаетъ отбѣгать отъ участка и заниматься вопросами болѣе широкаго характера, онъ начинаетъ различать общественные классы и ихъ враждебное либо дружеское отношеніе къ себѣ и искать между ними покровителя и руководителя. Впрочемъ, лучше было бы сказать: руководителей и покровителей, такъ какъ каждый слой деревенскаго населенія соотвѣтственно

своимъ интересамъ, устремляетъ взоръ въ другомъ направленіи. Антагонизмы, свойственные развитому общественному строю, вторгаются въ деревню и противопоставляютъ ея жителей другъ другу. Каждый изъ деревенскихъ слоевъ одаряетъ своими симпатіями своихъ естественныхъ покровителей, составляя арріергардъ соотвѣтственнаго общественнаго лагеря.

Но вмѣстѣ съ вторженіемъ въ деревню зависимости отъ капиталистическаго строя, возрастаетъ эксплоатація. Вмѣсто прежняго феодальнаго барина, поднимается цѣлая іерархія кулаковъ, начиная мѣстнымъ скупщикомъ и кончая пайщикомъ элеваторскихъ компаній и акціонерныхъ свеклосахарныхъ заводовъ. Все это живетъ крестьянскимъ трудомъ и забираетъ мелкаго землевладѣльца въ свои руки. Эксплоатація рабочей силы фабрикантомъ нашла своего историка въ Марксѣ, но батрачество крестьянства у представителей современнаго обмѣна и законы, управляющіе цѣною его продуктовъ, ждутъ еще научнаго анализа. Съ увеличеніемъ эксплоатаціи возрастаютъ нищета и безпомощность крестьянина, равно какъ и новый видъ кабалы,—задолженность. Все это отражается на психикѣ крестьянина, онъ становится еще неувѣреннѣе, скупѣе, недовѣрчивѣе.

Независимо отъ того подвигается процессъ раздробленія крестьянской собственности. Слѣдовало бы сказать—процессъ концентраціи и раздробленія, такъ какъ изъ крестьянскаго міра выходятъ кулаки, покупающіе участки сосѣдей. Напр., въ Сувалкской губерніи крестьяне ростовщики владѣютъ участками 5 и 6 сосѣдей и имѣютъ до 300 и болѣе морговъ земли. Но такой процессъ концентраціи постоянно пріостанавливается въ другомъ или третьемъ поколѣніи и собранная земля снова раздробляется. Вмѣстѣ съ раздробленіемъ возрастаютъ нищета и рутина.

Слѣдовательно, мы видимъ въ деревнѣ, какъ различныя вліянія перекрещиваются и переплетаются. Зависимость отъ рынковъ и внѣшняго міра вліяетъ прогрессивнымъ образомъ; но одновременно, увеличивая степень эксплоатаціи, вліяетъ и въ другомъ направленіи. Техническій прогрессъ возрастаетъ, но съ возрастаніемъ раздробленія земли увеличивается и рутина и т. д. И всѣ эти взаимныя дѣйствія въ каждой провинціи принимаютъ другой характеръ. Но въ нѣкоторыхъ районахъ международной территоріи крестьянинъ, лишившись прежней натуралистической самостоятельности, начинаетъ искать другихъ боговъ. Въ деревнѣ появляются зародыши прогрессивной организаціи крестьянскихъ силъ. Это—кооперація. Къ анализу ея мы надѣемся приступить въ свое время.

Л. Крживицкій.

КРУТОЙ ПОДЪЕМЪ.

Повѣсть Карнуэлля Легъ.

Переводъ съ англійскаго **Н. Кургановой.**

(*Окончаніе* *).

VIII.

На слѣдующее утро Фэбе поднялась съ чувствомъ, похожимъ на реакцію. Преувеличенное самообвиненіе предыдущаго вечера исчезло. Она сознавала теперь, что не было повода упрекать себя за то, что она наслаждалась своимъ отпускомъ въ то время, какъ въ Убѣжищѣ происходили печальныя событія безъ ея вѣдома. Ее отослали для перемѣны образа жизни и воздуха и послѣдними напутственными словами матушки были: «Наслаждайся вполнѣ жизнью, пока будешь въ Шотландіи, чтобы съ свѣжими силами приняться за работу, о которой старайся думать, какъ можно меньше, пока будешь далеко отъ насъ».

Съ перемѣной настроенія въ Фэбе пробудилось сильное сожалѣніе ко всему, что приходилось покидать. Черное форменное платье, надѣтое ею, символизировало жизнь, къ которой она возвращалась, жизнь мрачную по своей безцвѣтности, грубости и подавляющей тяжести. Длинная накидка стѣсняла и мѣшала движеніямъ, какъ никогда раньше, послѣ двухнедѣльныхъ свободныхъ движеній ея членовъ при подъемѣ на горы и игрѣ въ теннисъ. Черная шляпа, завязывающаяся подъ подбородкомъ, старила ее преждевременно.

Да, костюмъ служилъ соотвѣтствующимъ символомъ жизни, которой она себя посвятила.

Фэбе была смущена и огорчена, испытывая эти новыя ощущенія. Съ тоской вспоминала она день, когда въ первый разъ надѣла этотъ костюмъ, и то волненіе чистой радости, какимъ была преисполнена ея душа. Какъ мало приходило тогда молодой дѣвушкѣ въ голову, что и до нея можетъ когда либо коснуться та волна земной, трусливой чело-

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1899 г.

вѣческой слабости, которая тяготила теперь ея душу. Сознаніе чувства непобѣжденной привязанности къ земнымъ суетнымъ наслажденіямъ дѣлало Фэбе очень несчастной и въ ту минуту ее не могла бы даже утѣшить мысль, что послѣ всего этого сердце ея широко откроется для состраданія и симпатіи къ ближнимъ. Молодая дѣвушка не могла предвидѣть, что чувства эти были неизбѣжнымъ шагомъ для достиженія полнаго духовнаго развитія природы.

Фэбе должна была уѣхать тотчасъ послѣ завтрака, а потому раньше чѣмъ сойти внизъ она уложила нѣкоторыя оставшіяся вещи и заперла чемоданъ. Оставалось еще кончить письмо къ Дугальду. Фэбе перечла написанное ею наканунѣ вечеромъ. Это была очень холодная записка, написанная тономъ условной вѣжливости и совершенно не выражающая чувства ея дѣйствительно горькаго разочарованія. Снова возникъ предъ нею образъ Дугальда, пожимающаго ея руку своей сильной рукой, и слышались его слова:

«Я желалъ бы сдѣлать для васъ что нибудь больше этого». При этомъ Фэбе почувствовала, что послать эту записку она не можетъ. Хорошо, что же остается ей написать въ такомъ случаѣ?

На дьяконіссу снизошло какъ бы вдохновеніе. Она взяла письмо, полученное ею отъ матушки, и вложила его въ конвертъ съ слѣдующими строками: «Дорогой м-ръ Гордонъ, въ то самое время, когда вы уѣзжали вчера, я получила это письмо. Вы поймете теперь, почему я не могу пріѣхать. Благодарю васъ очень, очень за ваше приглашеніе.

Фэбе Гардуикъ».

Адресъ «Достопочтенному Дугальду Гордонъ» былъ правиленъ, — именно такимъ образомъ были адресованы молодому человѣку три письма, лежащія на столѣ въ передней, которыя увидѣла Фэбе, сойдя внизъ.

Свою записку она отдала м-съ Гаскойнъ для врученія по принадлежности, такъ какъ неизвѣстно было, гдѣ именно теперь находился «Блуждающій огонекъ».

М-съ Гаскойнъ, беря письмо, довольно пристально посмотрѣла на своего друга. Письмо благодаря своему содержимому показалось ей подозрительно тяжелымъ.

— Я написала объясненіе, почему не могу пріѣхать, и посылаю кромѣ того м-ру Гордону письмо матушки, чтобы онъ убѣдился, что это правда, съ обычной прямотой сказала Фэбе.

М-съ Гаскойнъ мысленно вздохнула съ облегченіемъ и простилась съ своей protogée съ тою же теплотой, съ какой привѣтствовала ея пріѣздъ въ замокъ.

«Интересно знать, какъ отнесется къ этому Дугальдъ?» сказала она себѣ. «Боюсь, что принимая насъ, онъ не будетъ въ кроткомъ настроеніи. Если бы только все было извѣстно его роднымъ, они могли бы быть благодарны такому счастливому случаю, потому что онъ дѣйствительно счастливо избѣжалъ опасности».

Густой туманъ висѣлъ между горами, скрывая все на далекомъ разстояніи и заставляя казаться великолѣпную долину, ведущую въ Баллатеръ, похожей на плоскій голландскій пейзажъ, когда Фэбе начала свое путешествіе. Мало-по-малу туманъ сталъ мѣстами разсѣиваться и изъ него постепенно выступали горы—то показывались неясно, точно дымкой прикрытые, покрытые снѣгомъ склоны, то на ясномъ небѣ мягкими очертаніями вырѣзывалась вершина.

Фэбе любовалась съ возрастающимъ восторгомъ постоянно-мѣняющимся ландшафтомъ и въ окружающей ее красотѣ природы находила временное успокоеніе своей внутренней боли.

Когда молодая дѣвушка пріѣхала въ Баллатеръ, послѣдній туманъ исчезалъ между вершинами Грампіанскихъ горъ и слѣдами его остались только бѣлыя, легкія облачка, несущіяся по небу.

День былъ прекрасный, напоминающій тотъ, когда Фэбе пріѣхала въ горную Шотландію, только не такой душный.

Поѣздъ снова несся надъ моремъ. Фэбе высунула голову въ окно вагона и не могла вдоволь надышаться соленымъ морскимъ воздухомъ.

На морѣ виднѣлась яхта, паруса которой напоминали крылья бѣлой чайки. «Блуждающій огонекъ» долженъ походить на нее. Вѣдь два дня спустя яхта будетъ на морѣ съ веселымъ обществомъ, къ которому должна была принадлежать и Фэбе. Развѣ тамъ будутъ менѣе веселы вслѣдствіе ея отсутствія? Но одному изъ всѣхъ, навѣрное, не будетъ доставать ея.

Мысль, что удовольствіе Дугальда будетъ испорчено ея отсутствіемъ вмѣсто того, чтобы опечалить Фэбе, возбуждала въ ней чувство восторга. Молодая дѣвушка пыталась представить себѣ, какъ всѣ будутъ наслаждаться поѣздкой, особенно капитанъ яхты—потому что ей очень хотѣлось этого, но попытка представленія была неудачна. Съ виноватымъ сознаніемъ высшаго эгоизма и низости Фэбе глядѣла на море, страстно желая быть на немъ, а болѣе всего на свѣтѣ желая снова очутиться тамъ, гдѣ была три недѣли тому назадъ и куда по всему вѣроятію никогда не вернется больше.

Было темно, когда поѣздъ прибылъ въ Глазго. Фэбе смотрѣла на платформу съ почти безумной надеждой увидать Дугальда. На платформѣ прохаживалось много мужчинъ въ охотничьихъ костюмахъ, довольно похожихъ на тотъ, какой молодой человѣкъ носилъ обыкновенно въ замкѣ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ Дугальдъ. Поѣздъ вышелъ изъ Глазго, и Фэбе съ безразсуднымъ чувствомъ разочарованія поняла, что послѣдняя возможность увидѣть Дугальда исчезла. Съ каждой минутой поѣздъ уносилъ ее все дальше отъ него и все ближе къ Лондону и «Убѣжищу».

Наступало время отбросить отъ себя праздничныя мысли, ставшія достояніемъ невозвратнаго прошлаго, и приготовиться къ предстоящей работѣ. Фэбе не могла сразу примириться съ этимъ, да и трудно было

это сдѣлать, когда въ умѣ ея былъ хаосъ противорѣчивыхъ случайностей. Ей оставалось одно: храбро, лицомъ къ лицу выдержать бурю и побѣдить бушующіе элементы внутри себя. И борьбу эту Фэбе должна начать съ факта, на который до сихъ поръ она не обратила вниманія, теперь же она должна взглянуть на него прямо и сознательно отнестись къ его существованію. Вотъ фактъ — Дугальдъ любилъ ее. Въ чемъ бы еще сомнѣвалась дѣвушка менѣе простодушная, Фэбе простымъ сердцемъ угадывала истину. Дугальдъ любилъ ее и этотъ фактъ открывалъ ей видѣніе счастливой супружеской жизни, довольства, радости и прекраснаго общественнаго положенія, всего, что можетъ сдѣлать жизнь блестящей и счастливой. Все это предста влялось ей, но вправѣ ли она принять это?

Спрашивая себя объ этомъ, добросовѣстная дѣвушка, живущая обыденной жизнью молодыхъ дѣвушекъ, должна была бы кромѣ того задать себѣ вопросъ: «Люблю ли я его?» Для Фэбе подобное рѣшеніе было невозможно. Вмѣсто окончательнаго вопроса: «Люблю ли я его?» она должна была спросить себя: «Имѣю ли я право промѣнять жизнь, посвященную служенію людямъ, работѣ среди бѣдныхъ, больныхъ и обездоленныхъ, которые такъ нуждаются въ моей помощи, на жизнь полную блеска и счастья?» Фэбе даже не пыталась задать себѣ вопроса, любитъ ли она Дугальда. Можетъ быть, ей не по силамъ было открыто спросить себя объ этомъ. Она положила руку на плугъ работы, посвященной благу ближнихъ, развѣ можетъ она снять ее раньше, чѣмъ не перевернетъ нѣсколько глыбъ земли, для того чтобы погрузиться въ бездѣятельную жизнь? Имѣетъ ли она право отказаться отъ личной жизни для того, чтобы слиться съ жизнью Дугальда, въ основѣ которой лежатъ столь отличные идеалы?

Фэбе прекрасно сознавала, что сильная натура молодого человѣка поглотила бы ея, какъ это было въ вечеръ угадыванія чужихъ мыслей, когда подъ вліяніемъ его внушенія она выполняла все задуманное имъ. Сознавала она также хорошо, что подчинила бы вполнѣ свою волю его руководству и преданность, съ какой она относится теперь къ своему дѣлу, перенесла бы на мужа, дѣтей и семейную жизнь. Молодая дѣвушка никогда не могла открыть у себя способности подчинить кого-либо своему вліянію и потому не обманывала себя предположеніемъ, что будетъ въ состояніи заставить Дугальда измѣнить взглядъ на жизнь. Можетъ быть въ этомъ отношеніи у Фэбе были еще старосвѣтскія понятія, требующія отъ жены подчиненія мужу въ силу сознанія его превосходства.

Какъ бы то ни было, передъ Фэбе лежали теперь два пути жизни и она должна рѣшить, какой изъ нихъ избрать. Одинъ путь затѣненный, узкій и усѣянный острыми каменьями; высокія стѣны по обѣимъ сторонамъ его мѣшаютъ видѣть растилающійся за ними ландшафтъ. Другой, напротивъ, широкій, залитый солнцемъ все время идетъ весе-

лыми лугами и прекраснымъ горнымъ ландшафтомъ съ великолѣпными видами, безпрестанно мѣняющимися на всемъ протяженіи. Но по сторонамъ перваго пути лежитъ истекающій кровью, стонущій народъ, взывающій о помощи, которую она оказывала ему раньше. Ея жизнь не принадлежала ей больше, она была уже принесена въ жертву, Фэбе чувствовала это. Когда Фэбе была еще совсѣмъ молодой дѣвушкой, страданія бѣдняковъ глубоко запали въ ея сердце и пробудили въ ней желаніе, выросшее въ рѣшеніе, посвятить всѣ свои силы работѣ облегченія ихъ обездоленной жизни. Ранѣе, чѣмъ ей исполнилось двадцать лѣтъ, молодая дѣвушка пожертвовала собой и всѣмъ, что имѣла, этой работѣ, и когда спустя короткое время послѣ смерти матери Фэбе вступила въ общину дьяконисъ, она не допускала мысли, что покинетъ ихъ раньше, чѣмъ смерть помѣшаетъ работать ей. Вступленіе въ число членовъ общины дьяконисъ для Фэбе было равносильно обѣтамъ, произносимымъ сестрами милосердія.

Нѣтъ, теперь не могло быть и рѣчи о другомъ, она не имѣетъ нравственнаго права уходить отсюда. Своевольное я, бушующее внутри ея и заявляющее свои права, должно быть сломлено и его требованія личнаго счастья подавлены навсегда.

А между тѣмъ залитая солнцемъ дорога такъ манила къ себѣ, дорога же между высокими каменными стѣнами казалась такой мрачной и длинной, такой длинной, вѣдь ей только двадцать три года. И въ сердцѣ Фэбе возникло страстное желаніе свободы, развлеченій и счастья, желаніе тѣмъ болѣе ужасное, что раньше оно не могло зародиться въ жизни, лишенной какого-то ни было развлеченія. Это была ужасная борьба. Всю ночь на пролетъ, пока поѣздъ двигался по направленію къ Лондону, въ душѣ Фэбе боролись жажда личнаго счастья и чувство долга. Неужели ради доставленія счастья Дугальду и себѣ, она должна отказаться отъ своей работы между бѣдняками?

Съ невеселымъ свѣтомъ ранняго утра поѣздъ вошелъ въ Лондонскія предмѣстья и въ семь часовъ остановился у станціи Кингъ-Россъ. Фэбе вышла на платформу, измученная нравственной борьбой, которую едва ли могла считать выигранной. Молодая дѣвушка взяла кэбъ и долго ѣхала по мрачнымъ, унылымъ улицамъ, пока не достигла знакомаго квартала, гдѣ вышла, не обращая вниманія на грязь, и смотрѣла, не увидитъ ли кого изъ своихъ друзей. Вотъ двое, трое дѣтей, которыхъ она учила; мальчуганы подбросили вверхъ шапки и закричали: «Сестра Фэбе вернулась!» Оборванная женщина, моющая ступеньки подъѣзда, поклонилась съ очевидной радостью и улыбнулась, когда Фэбе проходила мимо. Подходя къ дверямъ общины, молодая дѣвушка увидѣла идущую по улицѣ одну изъ дьяконисъ, которая всю ночь просидѣла надъ тифознымъ больнымъ.

— Я рада, что вы вернулись,—воскликнула она.—Мы просто выбиваемся изъ силъ. Сестра Аделаида почти сбилась съ ногъ, я думаю,

ея паціенты перейдутъ въ ваши руки. Просьбы о помощи, получаемыя нами, просто раздираютъ душу,—продолжала дьяконисса, когда онѣ обѣ вошли въ домъ черезъ дворъ.—У насъ просятъ помощи больше той, какую мы въ силахъ оказать. Это возбуждаетъ желаніе располагать числомъ работниковъ втрое большимъ, чѣмъ какимъ мы располагаемъ теперь. Надо подумать объ этомъ, да, дорогая Фэбе?

— Да,—спокойно отвѣтила та съ тѣмъ выраженіемъ въ глазахъ, смыслъ котораго Дугальдъ тщетно старался понять.

На этотъ разъ борьба была выиграна.

IX.

Фэбе снова принялась за обыденную, тяжелую работу и у нея оставалось мало свободнаго времени думать о чемъ-либо иномъ, развѣ ночью, когда не приходилось ухаживать за больными, и она могла уйти въ свою маленькую, простую комнатку и лечь на жесткую постель. Сначала ее занимали мысли о томъ, что она видѣла такое короткое время, но молодая дѣвушка обыкновенно чувствовала себя слишкомъ уставшей, чтобы долго предаваться имъ. Мало-по-малу мысли о жизни въ Шотландіи далеко отлетѣли отъ нея, все пережитое казалось ей такимъ далекимъ и отличнымъ отъ ея настоящаго образа жизни.

День проходилъ за днемъ, недѣля за недѣлей, а Фэбе ничего не слышала о Дугальдѣ. Съ краской стыда вспоминала она свою увѣренность въ его любви и борьбу съ собой, которая, какъ оказывалось теперь, ничѣмъ была не вызвана, а потому напрасна.

Поэтому для Фэбе было неожиданностью, почти потрясеніемъ, когда однажды три недѣли спустя послѣ своего возвращенія, она получила письмо, надписанное неизвѣстнымъ смѣлымъ почеркомъ. Дьяконисса, получившая письмо для передачи сестрѣ Фэбе, дорогой разсматривала конвертъ съ гербомъ и монограммой, придающими ему очень свѣтскій видъ. Адресъ былъ оригиналенъ: «Сестрѣ Фэбе Гардуикъ». Дугальду точно также, какъ и Фэбе, было трудно рѣшить, какъ надписать письмо, и потому онъ рѣшился на компромиссъ между тѣмъ, какъ ее звали въ замкѣ Гленъ-Тюллохъ и именемъ, какое она носила въ «Убѣжищѣ Св. Маріи». Надписывая конвертъ, Дугальдъ рѣшилъ, что отнынѣ ни первое, ни послѣднее изъ этихъ трехъ словъ не должно болѣе стоять съ «Фэбе». Фэбе распечатала письмо, заранѣе предвидя его содержаніе. Оно было очень коротко.

«Дорогая миссъ Гардуикъ, я только что вернулся въ Лондонъ и надѣюсь, вы позволите мнѣ навѣстить васъ. Если да, то будьте добры извѣстить меня, какой день и часъ болѣе удобны.

Искренне-преданный Дугальдъ Гордонъ».

Слѣдовательно, онъ не забылъ о ней. Любовь съ его стороны не была пустой иллюзіей. Иначе къ чему ему было желать навѣстить ее?

Быстрый, вѣрный инстинктъ подсказалъ Фэбе, что она не должна допустить это посѣщеніе. А какъ ей хотѣлось увидѣть Дугальда еще хотя разъ!

«Это слабость и безуміе!» говорила она сама себѣ и минуту спустя прибавила: «и эгоизмъ». Однако все это не мѣшало желать ей видѣть его. Фэбе рѣшила не думать болѣе о свиданіи и не колебаться на пути долга, поэтому она сѣла и сейчасъ же отвѣтила:

«Дорогой м-ръ Гордонъ, съ вашей стороны очень любезно желаніе навѣстить меня, но время мое такъ занято, что едва ли я могу назначить часъ, когда вы застанете меня дома; а такъ какъ мы живемъ такъ далеко отъ вашей части Лондона, едва ли стоитъ рисковать пріѣхать наудачу застать меня дома.

Искренне ваша Фэбе Гардуикъ».

Всѣ письма, получавшіяся въ «Убѣжищѣ»; проходили черезъ руки настоятельницы. Она не читала ихъ и не спрашивала о содержаніи, хотя, если въ письмахъ заключалось что-либо необычное или важное, установилось молчаливое соглашеніе передавать ей.

О своемъ письмѣ Фэбе упомянула сейчасъ же, когда ей послѣ его полученія пришлось быть наединѣ съ настоятельницей.

— Я получила сегодня письмо отъ господина, съ которымъ познакомилась въ Шотландіи,—сказала дьяконисса.—Онъ желалъ бы пріѣхать навѣстить меня. Я написала, чтобы онъ не пріѣжалъ.

Сообщеніе это удивило матушку.

— Этотъ господинъ—молодой человѣкъ?

— Да,—отвѣчала Фэбе съ опущенными глазами. — Я просила его не пріѣзжать,—повторила она.

— Прекрасно сдѣлала, дорогая,—отвѣтила матушка и видя, что дѣвушка въ настоящее время не была расположена довѣрить ей больше, не распрашивала. Настоятельница достаточно знала человѣческую природу и не думала, что отказъ Фэбе видѣть молодого человѣка будетъ принятъ этимъ послѣднимъ, какъ окончательный. Она была болѣе чѣмъ увѣрена, что увидитъ снова конвертъ съ гербомъ, надписанный смѣлой рукой.

Но Дугальдъ не собирался писать болѣе. Онъ увѣрилъ себя, что записка его была прочтена настоятельницей и что она стояла надъ Фэбе, диктуя отвѣтъ, и рѣшилъ не поддаваться болѣе такому обману. Онъ *увидитъ* Фэбе, онъ *скажетъ* ей слова, жгущія его губы впродолженіе послѣднихъ трехъ недѣль, когда его гости, благодаря ихъ увлекающимся желаніямъ, заставили его выполнить весь планъ заранѣе составленной поѣздки на яхтѣ. Онъ отправится въ «Убѣжище» и, если его откажутся принять, онъ будетъ стоять у воротъ и ждать, пока не выйдетъ Фэбе и не пойдетъ на одну изъ назначенныхъ ей работъ. Если окажется нужнымъ, онъ наймётъ квартиру совсѣмъ близко и будетъ подстерегать Фэбе въ ея выходахъ.

Если бы даже настоятельница велѣла схватить его и угрожала тюремнымъ заключеніемъ, если бы вся община дьякониссъ вышла противъ него съ намѣреніемъ скрыть его своими плащами или задушить завязками шляпъ, онъ все-таки *желаетъ* видѣть Фэбе и говорить съ нею.

Въ три часа Дугальдъ получилъ ея письмо съ просьбой не пріѣзжать, а въ половинѣ четвертаго былъ на пути въ Убѣжище.

Дѣйствительно, туда былъ длинный путь отъ той части Лондона, гдѣ жилъ молодой человѣкъ. Что касается дальности разстоянія, онъ ничего не имѣлъ противъ этого, хотя части столицы, которыми везъ его кучеръ, были такъ неблагоухающи и непривлекательны, какъ Дугальдъ до сихъ поръ не имѣлъ никакого представленія. Наконецъ, имя улицы возвѣстило ему, что онъ уже недалеко отъ того мѣста, гдѣ жила Фэбе, и онъ съ омерзѣніемъ глядѣлъ изъ окна кареты на наводящую уныніе грязную улицу. Что это было за мѣсто! Къ воздуху, наполненному различными дурными запахами изъ доковъ, надо было присоединить еще зловоніе разныхъ отбросовъ на мостовой и изъ тряпичныхъ складовъ, имѣющихъ, кажется, свое спеціальное убѣжище здѣсь.

Сосѣдство доковъ было еще хуже зловонія, доносящагося изъ нихъ. Мужчины и женщины, которыхъ видѣлъ Дугальдъ, принадлежали къ подонкамъ населенія Лондона. Вонъ толпа пьяныхъ матросовъ, вышедшая изъ одного изъ безчисленныхъ кабаковъ, они могли бы натолкнуться на Фэбе, если бы она шла этой дорогой. Что ей было за дѣло до существованія подобныхъ людей или ихъ неряшливыхъ пьяныхъ женъ съ грубыми лицами, грубыми голосами, съ еле замѣтными сохранившимися въ нихъ слѣдами женственности? И подумать только: Фэбе навѣщала этихъ людей въ ихъ грязныхъ жилищахъ и ухаживала за ними въ ихъ болѣзняхъ.

Прекрасно со стороны идеалистовъ проповѣдывать о работѣ на пользу бѣдняковъ и обездоленныхъ, но Дугальду невыносима была даже мысль, что Фэбе, его Фэбе, какъ онъ уже называлъ ее, посвятила себя такой работѣ.

Наконецъ, онъ на мѣстѣ. Экипажъ подъѣхалъ къ «Убѣжищу», причинивъ не малое волненіе въ мрачной улицѣ, и кучеръ, улыбаясь, открылъ дверцу. Такой выгодной поѣздки ему не случалось за цѣлый мѣсяцъ.

— Обождать васъ, сэръ?—спросилъ онъ.—Вамъ трудно будетъ достать кэбъ въ этой мѣстности.

Слова кучера показались довольно справедливыми, и къ его полному удовольствію Дугальдъ согласился съ нимъ. Затѣмъ молодой человѣкъ позвонилъ.

Дверь открыла неуклюжая дѣвушка въ полотняномъ передникѣ, очевидно, одна изъ тѣхъ, которыхъ дьякониссы готовили для домашней прислуги. Она стояла съ широко открытыми глазами и ртомъ при видѣ необычнаго посѣтителя, который, по ея мнѣнію, не могъ быть ни

кѣмъ другимъ, какъ только принцемъ Уэльскимъ. Двое или трое находившихся тутъ дьяконисъ удивленно посмотрѣли на Дугальда. Появленіе въ ихъ «Убѣжищѣ» высокаго, красиваго молодого человѣка въ безукоризненномъ костюмѣ было чѣмъ-то необычайнымъ, чему не было примѣра въ прошломъ.

Послѣ шумной уличной толкотни Дугальду казалось, когда онъ вошелъ въ тихій дворъ, что онъ попалъ въ монастырь.

— Сестра Фэбе дома?—спросилъ онъ.

Дѣвушка не знала, но пригласила войти и сказала, что узнаетъ.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею въ старомодное зданіе, выстроенное вѣроятно какимъ-нибудь богатымъ купцомъ въ тѣ времена, когда эта часть города считалась сравнительно лучшей. Теперь домъ сдавался внаймы. Сквозь дырявую крышу проникалъ внутрь дождь. Дьяконисы, нанявъ его, отремонтировали и тщательно вычистили, такъ что теперь онъ имѣлъ приличный, хотя далеко не модный, чтобы не сказать бѣдный, видъ. Голыя кирпичныя стѣны «Убѣжища» и вымощенный дворъ, гдѣ нигдѣ не пробивалось травки, показались Дугальду очень невеселыми и непривлекательными.

Онъ прошелъ за служанкой мрачный корридоръ, въ которомъ бросилась въ глаза надпись на стѣнѣ «Молчаніе» и вошелъ въ пріемную, маленькую, скудно-обставленную комнату. Вся обстановка состояла изъ стола, полочки съ книгами исключительно религіознаго содержанія и трехъ стульевъ. Надъ каминомъ висѣла картина, написанная на сюжетъ изъ Священной исторіи, а на противоположной стѣнѣ правила, которыми должны были руководствоваться дьяконисы. Въ правилахъ этихъ говорилось, когда онѣ должны вставать и исполнять свои различныя обязанности, предписывалось соблюдать молчаніе въ корридорахъ и во время ѣды и т. д. Правила гласили также, что никто изъ дьяконисъ не смѣетъ принимать посѣтителей безъ вѣдома настоятельницы.

Дугальдъ прочелъ правила и подивился, неужели женщины эти могутъ переносить, чтобы жизнь ихъ была урегулирована такими точными правилами, затѣмъ сталъ смотрѣть на картину и, наконецъ, сѣлъ въ печальномъ настроеніи духа ждать рѣшенія своей участи.

Пріемная была прохладная, маленькая комната, въ виду малаго числа посѣтителей, каминъ зажигался въ ней рѣдко, а солнце не достигало ея оконъ. Часть этой прохлады, казалось, проникла въ душу Дугальда и безнадежность, овладѣвшая имъ, какъ только онъ вступилъ въ предѣлы «Убѣжища», овладѣвала имъ все больше и больше. Онъ сидѣлъ, чертя невидимые рисунки палкой и упорно глядя на полъ, потому что, ни что бы онъ не глядѣлъ, все подавляло его.

Дверь открылась и Дугальдъ вскочилъ.

Фэбе! Нѣтъ. Вошла высокая, стройная женщина вдвое старше Фэбе. Не смотря на одинаковую одежду, она имѣла видъ особы, привыкшей скорѣе повелѣвать чѣмъ повиноваться. Лицо ея было пре-

красно нѣсколько строгой красотой и серьезно до суровости, но въ ясныхъ сѣрыхъ глазахъ, которые, казалось, проникали въ душу того, на кого она глядѣла, свѣтилась доброта.

Судя по внѣшности, Дугальдъ былъ увѣренъ, что видитъ предъ собою настоятельницу.

Они поклонились другъ другу. Матушка заговорила первая.

— Вы желаете видѣть сестру Фэбе?

Дугальдъ отвѣчалъ утвердительно.

— Осмѣлюсь спросить, вы ей родственникъ?

— Нѣтъ. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ миссъ Гардуикъ во время пребыванія въ замкѣ Гленъ-Тюллохъ.

— Я должна замѣтить,—продолжала матушка,—что наши дьякониссы не принимаютъ молодыхъ людей за исключеніемъ родственниковъ.

— Я не зналъ, что существуетъ такое правило,—возразилъ Дугальдъ, далеко не кроткимъ тономъ, и онъ взглянулъ по направленію правилъ, прибитыхъ на стѣнѣ.

Слабая улыбка пробѣжала по лицу настоятельницы.

— Точнаго правила на этотъ счетъ у насъ нѣтъ,—сказала она.— Точно также какъ не принято, чтобы молодой человѣкъ, дѣлая визитъ, спрашивалъ молодую барышню. Мы тоже здѣсь соблюдаемъ это правило приличія.

Дугальдъ слегка покраснѣлъ. Онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ.

— Я долженъ былъ спросить васъ?—сказалъ онъ.—Если да, я долженъ извиниться. Но я надѣюсь, вы позволите мнѣ видѣть миссъ Гардуикъ, потому что я пріѣхалъ по очень важному дѣлу.

— Вы не сочтете нескромнымъ вопросъ съ моей стороны, по какому?

У Дугальда былъ видъ, будто онъ считалъ его большой нескромностью, а потому матушка продолжала:

— Въ этой общинѣ я занимаю мѣсто матери дѣвушекъ, находящихся на моемъ попеченіи, и вы поймете, что, какъ мать, я чувствую своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ поступила бы на моемъ мѣстѣ родная мать. Эту отвѣтственность я особенно чувствую относительно Фэбе, потому что у нея нѣтъ въ живыхъ близкихъ родныхъ. Согласны ли вы теперь видѣть во мнѣ только ея мать? Всякое сообщеніе, которое вы повѣрите мнѣ мнѣ, я буду считать священнымъ.

Дугальдъ былъ сердитъ и сбитъ съ толку. Однако онъ ничего не могъ возразить противъ притязаній настоятельницы и не оставалось иного открытаго пути кромѣ этого.

— Я явился,—сказалъ онъ, по самому важному дѣлу, какое молодой человѣкъ можетъ имѣть къ молодой дѣвушкѣ. Я пріѣхалъ просить ее быть моей женой.

Въ тонѣ его слышался легкомысленный вызовъ, не ускользнувшій отъ матушки. Минуту она сидѣла молча, глядя на него. У нея было очень выразительное лицо, но Дугальдъ не сумѣлъ бы объяснить себѣ,

что означало его теперешнее выраженіе. Ему казалось, что въ глазахъ, устремленныхъ на него, онъ читаетъ глубокое сожалѣніе.

Это его сильно раздражило.

— Вы думаете, что вы и она подходите другъ къ другу?—спросила матушка.—Вы думаете доставить счастье одинъ другому?

Вопросъ и спокойный, ровный тонъ, какимъ онъ былъ произнесенъ, обезоружили Дугальда. Онъ ждалъ совершенно другого пріема своего сообщенія. Молодой человѣкъ считалъ вѣроятнымъ, что матушка въ силу родительскаго авторитета, присвоеннаго ею себѣ, отвергнетъ его предложеніе и запретитъ ему даже объяснить свои намѣренія ея питомицѣ. Онъ держалъ на готовѣ оружіе, чтобы отразить такое нападеніе. Теперь оставалось просто сложить его.

— Съ моей стороны,—отвѣчалъ Дугальдъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, иначе меня не было бы здѣсь сегодня, и я долженъ употребить всѣ свои силы, чтобы сдѣлать ее счастливой.

Матушка улыбнулась и всякая строгость исчезла съ ея лица, глаза ея покоились на немъ съ очень добрымъ, хотя и съ сострадательнымъ выраженіемъ.

— Каждому влюбленному кажется такъ, — промолвила она. — Думаете ли вы, что большинство людей остается того же мнѣнія послѣ десяти или пятнадцати лѣтъ брачной жизни?

На минуту Дугальдъ былъ застигнутъ врасплохъ. Менѣе всего надѣялся онъ встрѣтиться здѣсь съ такой откровенной свѣтской мудростью. Затѣмъ молодому человѣку пришло въ голову, что теперь можно пустить въ ходъ нѣкоторыя изъ приготовленныхъ заранѣе оружій самозащиты.

— Вы смотрите на бракъ,—сказалъ онъ,—съ монашеской точки зрѣнія, видящей въ немъ первую ступень къ грѣху. Безбрачная жизнь кажется вамъ самой лучшей и достойной человѣка. Естественно поэтому вы презираете земную любовь и если бы только могли, то уничтожили бы ее и заставили бы постричься всѣхъ мужчинъ и женщинъ раньше чѣмъ допустить ихъ вступить въ бракъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала настоятельница почти сурово. — Истинный бракъ — само совершенство на землѣ, символизируя собою единеніе между Самимъ Христомъ и Его церковью.

— Почему же вы отнеслись такимъ образомъ къ браку именно теперь?—воскликнулъ Дугальдъ.

— Потому что не думаю, чтобы хотя одинъ изъ двадцати заключенныхъ браковъ могъ считаться истиннымъ.

— Съ моей точки зрѣнія истинный бракъ дѣло любви,—грубо замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Да, это одна часть условій счастливаго брака, другой же въ большинствѣ случаевъ не достаетъ.

— Что же требуется еще? Развѣ не любовь соединяетъ сердца людей?

— Да, но болѣе глубокаго союза души съ душой нельзя достичь одной только сердечной любовью.

— Я не вѣрю этому!—запальчиво вскричалъ Дугальдъ.—Я вѣрю, если любовь съ обѣихъ сторонъ достаточно сильна, тогда и получится совершенный союзъ.

— Сила любви,—замѣтила матушка, —можетъ быть измѣрена только ея способностью самопожертвованія,—и глаза ея остановились на картинѣ надъ каминомъ.—Тогда любовь соприкасается съ божественнымъ и душа, также какъ и сердце, принимаетъ участіе въ бракѣ.

Рѣчь эта была не вполнѣ понята Дугальдомъ, но онъ положилъ передумать ее на досугѣ вмѣстѣ съ другими словами этой замѣчательной женщины, о которой онъ составилъ себѣ совершенно превратное представленіе. Теперь онъ вернулся къ первому замѣчанію матушки, поразившему его.

— Вы думаете, что большинство браковъ неудачно, потому что они заключаются не по любви?—спросилъ Дугальдъ.—Поэтому вы считаете, что вообще можетъ существовать, если можно такъ выразиться, болѣе глубокій союзъ между брачующимися?

— Да, я думаю. Въ большинствѣ случаевъ мужъ и жена основываютъ свою жизнь на одинаковомъ фундаментѣ.

— На какомъ?

— На себялюбіи и матеріальныхъ благахъ.

Дугальдъ съ минуту молчалъ, затѣмъ сказалъ:

— Теперь *я* могу понять значеніе вашихъ первыхъ словъ ко мнѣ и благодарю васъ за вашу откровенность.

Точно такое же значеніе имѣлъ и взглядъ, устремленный на него матушкой, когда онъ впервые возвѣстилъ ей свои намѣренія. Случайно молодой человѣкъ вспомнилъ разговоръ съ м-съ Гаскойнь на ту же тему и подумалъ, какъ различны взгляды людей на одинъ и тотъ же предметъ.

Изъ двухъ взглядовъ, относящихся къ условіямъ счастливаго брака, взглядъ матушки былъ вѣрнѣе. Относительно этого у Дугальда не могло быть сомнѣнія, потому что онъ, дѣйствительно, былъ очень влюбленъ.

Тутъ настоятельницу пришли звать и она поднялась проститься съ Дугальдомъ со словами: «Я пришлю къ вамъ сестру Фэбе, когда она вернется. Теперь ея нѣтъ дома.»

— Вы не постараетесь повліять на ея рѣшеніе?—умоляюще произнесъ молодой человѣкъ.

Въ голосѣ его слышалось душевное волненіе, тронувшее матушку. Она угадывала вѣрно—никогда еще въ жизни ему не приходилось такъ унижаться.

— Нѣтъ,—отвѣтила она. — Выборъ ея будетъ совершенно свободенъ.

Затѣмъ дверь закрылась за нею и Дугальдъ вернулся къ ожиданію, размышляя съ новымъ страннымъ чувствомъ безпокойства о словахъ настоятельницы.

Онъ не способенъ сдѣлать Фэбе счастливой! Подобное предположеніе никогда не приходило ему въ голову. Развѣ не предвкушалъ онъ заранѣе величайшей радости при мысли о счастьѣ, какое онъ способенъ доставить ей, когда она станетъ его женой?

«Эгоизмъ и этотъ матеріальный свѣтъ». Относительно этого не могло быть сомнѣнія—это было основаніемъ его жизни. Никогда онъ не стремился къ иному идеалу. Да, это звучало низко и нечестолюбиво въ сравненіи съ идеаломъ, примѣнимымъ къ Фэбе: «Другіе и невидимый, духовный міръ».

Дугальдъ провелъ мрачные полчаса, размышляя объ этомъ. Затѣмъ дверь открылась и вошла та, видѣть которую онъ пріѣхалъ. Онъ прямо направился къ молодой дѣвушкѣ съ распростертыми объятіями.

— Фэбе, я пріѣхалъ просить васъ выйти за меня замужъ,—началъ Дугальдъ.

Едва ли слова его были неожиданностью для нея, если бы даже обращеніе матушки не заставило Фебе угадать причину посѣщенія. Молодая дѣвушка задрожала и поблѣднѣла.

— Матушка сказала мнѣ, что я недостоинъ васъ,— продолжалъ Дугальдъ (Фэбе широко глаза),—по крайней мѣрѣ она такъ думаетъ. И она совершенно права; я самъ никогда этого не предполагалъ, но...

— М-ръ Гордонъ, пожалуйста, не продолжайте,—умоляюще прервала Фэбе.—Съ вашей стороны очень, очень мило просить меня, но я не могу принять вашего предложенія.

— Мило!—иронически воскликнулъ молодой человѣкъ съ короткимъ смѣхомъ.—Нѣтъ, Фэбе, не старайтесь оттолкнуть меня такимъ образомъ. Нечего и говорить, что я люблю васъ, потому что это вамъ извѣстно послѣ того, какъ мы разстались на террасѣ, да? Онъ смотрѣлъ на нее. Фэбе опустила глаза и дрожа, какъ листъ, отвѣтила: «Да».

— Не дрожите же такъ, Фэбе, дорогая моя!—воскликнулъ Дугальдъ голосомъ, выражавшимъ необыкновенную мягкость.—Я не имѣлъ намѣренія ни испугать, ни огорчить васъ. Садитесь и поговорите со мной. Скажите мнѣ, почему вы думаете, что не можете принять мое предложеніе?

Нѣжность тона, сознаніе предлагаемаго счастья были почти свыше силъ Фэбе. Но она рѣшила вѣдь всей силой своей слабой воли и упорствомъ, на которое была способна, не поколебаться въ своемъ рѣшеніи и потому отвѣчала съ спокойствіемъ, граничащемъ съ холодностью.

— Я передумала все это и увѣрена, что мнѣ не слѣдуетъ выхо-

дить за васъ. Я давно избрала свою теперешнюю жизнь и не должна отказываться отъ нея только потому, что взамѣнъ вы предлагаете мнѣ иную, полную всѣмъ, что доставляетъ счастье на землѣ. Когда вы удержали мою руку въ своей на террасѣ, я была поражена удивленіемъ и едва ли сознавала, что дѣлаю. Это походило на сонъ, какъ и все мое пребываніе въ замкѣ. Но когда я вернулась сюда и принялась за ожидающую меня работу между бѣдняками, я почувствовала, что никогда я не буду въ силахъ покинуть ихъ. Тутъ столько еще дѣла, о, такъ много! Сознавая это и посвящая свою жизнь такой работѣ, я не могу уйти отсюда и въ взамѣнъ принять то, что вы предлагаете мнѣ. Я не могу покинуть бѣдняковъ, которыхъ Богъ поручилъ моимъ заботамъ.

— Подумайте однако, возразилъ Дугальдъ, о возможности принести большую пользу въ вашемъ новомъ положеніи.—Онъ не имѣлъ намѣренія намекать на богатство, которое могъ предложить ей, но подумалъ, что можетъ поколебать ея рѣшеніе слѣдующимъ аргументомъ:—У васъ будетъ столько денегъ, сколько вы пожелаете, для помощи бѣднымъ.

— Мы, которыя живемъ среди нихъ,—отвѣчала Фэбе, покачивая головой,—очень сомнѣваемся въ цѣлесообразности денежной помощи, оказываемой богатыми людьми, живущими вдали отъ бѣдняковъ. Они ничего не знаютъ, на что даютъ деньги, если не считать отчетовъ, представляемыхъ предсѣдателями благотворительныхъ обществъ. Деньги въ большинствѣ случаевъ причиняютъ впослѣдствіи больше зла, чѣмъ добра, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить собой личнаго труда для блага тѣхъ же бѣдняковъ.

— Благодаря вашей опытности, вы сумѣете разумно помогать, — быстро возразилъ Дугальдъ.

— Пока у меня мало опытности въ этомъ отношеніи, всего два года работы и то въ подчиненномъ положеніи; я не принимаю участія въ рѣшеніи проблеммъ, я только должна исполнять то, что прикажутъ дѣлать. Кромѣ того, нельзя вѣдь брать чужія деньги и, раздавая ихъ, чувствовать, что это истинный обмѣнъ за жизнь, посвященную этой работѣ. Этого не можетъ быть,—прибавила Фэбе,—иначе нашъ Господь не сказалъ бы: «Какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?»

Дугальду текстъ показался не относящимся къ дѣлу, раздумывая позже, онъ открылъ его истинный смыслъ.

— Но ваше нравственное вліяніе?—продолжалъ молодой человѣкъ.— Развѣ вы не выиграете въ этомъ отношеніи? Я увѣренъ, даже проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ говорятъ, что общественное положеніе даръ, который мы можемъ употребить на служеніе религіи или что-то въ подобномъ родѣ.

— Да, когда оно даръ,—отвѣтила Фэбе—но уйти отсюда для того, чтобы воспользоваться имъ для себя! Затѣмъ я не буду обладать ни-

какимъ нравственнымъ вліяніемъ на другихъ. Я должна буду научиться всему отъ общества, въ которое войду, какъ ваша жена, а не оно отъ меня. Да и какъ могу я питать надежду научить чему-либо другихъ или повліять на измѣненіе ихъ образа жизни, когда я сама покину путь долга и промѣняю его на жизнь, полную удовольствій?

— Кто же однако можетъ доказать что ваша настоящая жизнь и есть именно путь долга, а не та, которую я предлагаю вамъ?

— Доказать этого я не могу вамъ, такъ какъ вы не захотите слушать моихъ доводовъ. Но я сама сознаю это и знаю это навѣрное.

Дугальдъ сидѣлъ молча съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ лица.

— Хорошо, миссъ Гардункъ,—наконецъ медленно произнесъ онъ,—разъ вы не любите меня, мнѣ безполезно входить въ обсужденіе причинъ, почему вамъ слѣдовало бы принять мое предложеніе.

Выраженіе мучительной боли пробѣжало по лицу Фэбе, она открыла было ротъ, ни ничего не сказала.

— Если бы вы любили меня,—продолжалъ молодой человѣкъ,—намъ не для чего было бы приводить всѣ эти доказательства.

Фэбе все еще молчала .При взглядѣ на ея лицо онъ проникся надеждой.

— Вы любите меня!—вскричалъ Дугальдъ.—Скажите мнѣ это, только это. Если вы рѣшительно скажете, нѣтъ, и также, что никогда не думали обо мнѣ, обѣщаю сейчасъ же проститься съ вами, не говоря ничего больше.

— Мнѣ очень, очень жаль, что я могла подать вамъ поводъ думать, что люблю васъ,—сказала молодая дѣвушка.—Я поступила очень дурно.

Дугальдъ поднялся. Вѣрный своему обѣщанію онъ не произнесъ ни слова. Минуту онъ стоялъ противъ Фэбе. Она также поднялась, но не осмѣливалась поднять глазъ и взглянуть на него.

— Прощайте,—тихо произнесла она, протягивая ему руку, которую Дугальдъ взялъ, упорно глядя ей въ лицо. На немъ ясно выражалось страданіе. Это тронуло его и вызвало все благородство его натуры.

— Не печальтесь обо мнѣ, Фэбе—сказалъ онъ.—Вы ничего не сдѣлали, за что могли бы упрекнуть себя. Вы никогда не подавали мнѣ повода думать, что любите меня, и если я вообразилъ это себѣ. то только потому, что любилъ васъ такъ глубоко.

Дугальдъ намѣревался заключить свою рѣчь словомъ «прощайте», но это, оказалось, превышало его силы. Крѣпко пожавъ руку Фэбе, онъ выпустилъ ее и быстро вышелъ черезъ корридоръ на улицу.

Отпустивъ ожидавшій его кэбъ, онъ быстро и безцѣльно шагалъ между телѣжками продавцевъ, освободившимися отъ работы рабочими въ докахъ, растрепанными женщинами и грязно-одѣтыми дѣтьми.

По дорогѣ Дугальду попалась церковь, двери ея выходили въ мрачную улицу. Онъ зналъ, что это была церковь при «Убѣжищѣ Св. Маріи», церковь Фэбе.

Онъ вошелъ. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на Фэбе, бросить послѣдній взглядъ на ея лицо раньше чѣмъ уйти, ему было все равно, куда—жизнь казалась ему теперь отчаянной пустотой.

Немного спустя зазвонили къ вечернѣ и густые звуки органа наполнили церковь. Какой-то любитель игралъ. «О, еслибы у меня были крылья голубки!» Дугальду при этомъ припомнился вечеръ, когда онъ сидѣлъ съ Фэбе въ оконной нишѣ замка и слова, сказанныя ею: «Мы любимъ нашу жизнь и не желали бы перемѣнить ее на другую».

Небольшая конгрегація входила и занимала свои мѣста. Вошли двѣ дьякониссы и пройдя мимо него (онъ сидѣлъ у входа) заняли свои обычныя мѣста въ южномъ придѣлѣ. Затѣмъ вошли еще двѣ и еще двѣ и наконецъ одна. Это была Фэбе.

Подобно остальнымъ прихожанамъ, Дугальдъ всталъ при появленіи священника. Фэбе невольно взглянула на одиноко-стоявшаго мужчину. Глаза ея были красны и опухли отъ слезъ. Когда она узнала Дугальда, на лицѣ ея появилось выраженіе, выдавшее молодому человѣку то, о чемъ напрасно просилъ онъ, выраженіе, которое онъ унесъ въ своемъ сердцѣ и которому предназначено было поддерживать его въ часы разочарованія и утѣшать, когда долгая борьба оказывалась ему не подъ силу въ послѣдующіе годы, когда жизнь не была для него больше тѣмъ, чѣмъ была въ дни юности.

Глаза Фэбе отвернулись отъ Дугальда съ прежнимъ до сихъ поръ неразгаданнымъ выраженіемъ. Наконецъ-то секретъ этого выраженія сталъ ему ясенъ. Молодая дѣвушка любила его, но въ сердцѣ ея надъ этой любовью господствовала иная болѣе глубокая и всепоглощающая любовь.

X.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтились, любили другъ друга и разстались Фэбе и Дугальдъ Гордонъ, десять долгихъ лѣтъ. И когда солнце, обозначавшее день за днемъ эти годы, заглянуло въ окна «Убѣжища», его лучи упали на кроткое лицо подъ бѣлымъ чепчикомъ, прежнее лицо сестры Фэбе.

Теченіе времени оказало мало вліянія на черты ея лица, глаза были все также ясны и въ мягкихъ, короткихъ каштановыхъ волосахъ не проглядывало еще сѣдины. Въ общемъ внѣшность тридцати-трехлѣтней женщины мало чѣмъ отличалась отъ внѣшности двадцати-трехлѣтней дѣвушки.

Фэбе, лежа теперь на кушеткѣ, придвинутой къ окну, въ общей комнатѣ дьяконисъ, и глядя на улицу, переживала самое печальное испытаніе въ жизни. Дни работы невозвратно минули для нея. Докторъ сегодня почти-что сказалъ это самое. Фэбе никогда не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, которое особенно пошатнулось съ ссени послѣ свирѣпствовавшей тифозной эпидеміи. Тяжелая же работа, длившаяся

послѣ того годъ за годомъ, такъ отозвалась на Фэбе, что заставила доктора изречь слѣдующій вердиктъ:

— Вы должны совершенно отказаться отъ настоящаго образа вашей жизни. По всей вѣроятности, Лондонъ никогда не соотвѣтствовалъ вашему здоровью; вы должны оставить всякую мысль снова приняться за такой трудъ гдѣ-нибудь въ городѣ. Полный отдыхъ, деревенскій воздухъ и жизнь, окруженная комфортомъ, вмѣсто тяжелой жизни, грубой пищи, ранняго вставанья и т. п. При исполненіи этихъ условій нѣтъ причины, почему бы вамъ не пользоваться сноснымъ здоровьемъ. Но вы должны оставить надежду, что будете когда-либо достаточно сильны для теперешняго образа вашей жизни.

Врожденная доброта заставила доктора прибавить:

— Въ эти двѣнадцать лѣтъ вы сдѣлали столько, сколько большинство успѣваетъ сдѣлать за всю жизнь. Теперь вы должны отдохнуть и предоставить другимъ — молодымъ внести свою долю участія въ работу, которой вы пожертвовали столько.

Молодымъ, да. Въ послѣднее время ихъ было въ общинѣ много, молодыхъ, полныхъ свѣжихъ силъ, здоровья, энергіи и стремленія къ проведенію новыхъ идей и плановъ для поднятія народныхъ массъ. Молодыя дьяконисы завѣдывали бесѣдами, художественными классами и «Обществомъ нравственнаго самоусовершенствованія», предоставивъ прежнему поколѣнію дьяконисъ невидную работу, заключающуюся въ уходѣ за больными, въ школьныхъ занятіяхъ и посѣщеніи бѣдняковъ.

Старая настоятельница умерла, а новая была нѣсколько моложе Фэбе и душой и всѣми силами входила въ работу и проекты юнаго поколѣнія дьяконисъ.

Община измѣнилась. Многіе друзья старой настоятельницы покинули ее и нашли иныя поприща, гдѣ могли быть полезны. Фэбе однако была привязана къ «Убѣжищу», единственному знакомому ей родному дому, и къ людямъ, съ которыми работала всю свою жизнь. Она осталась вѣрной своему посту, такъ какъ въ общинѣ находилось теперь мало сестеръ, желающихъ удовольствоваться прозаической рутиной добрыхъ дѣлъ.

Въ то время, какъ Фэбе отдыхала, что вынуждена была теперь дѣлать каждое послѣ обѣда, въ комнату вошла съ пачкой журналовъ въ рукѣ молодая дьяконисса съ веселой улыбкой на лицѣ. Она пришла развлекать больную и думала, что лучшимъ средствомъ было принять такой веселый видъ, какъ будто все на свѣтѣ находится въ самомъ наилучшемъ состояніи.

— Какъ вы чувствуете себя сегодня вечеромъ, сестра Фэбе? Голова болитъ? О, мнѣ очень жаль слышать это,—заговорила она самымъ живымъ тономъ.—Почитать вамъ? Я принесла цѣлый ворохъ журналовъ, присланный для больныхъ послѣ возванія сестры Маріонъ въ газетахъ. Вотъ отчетъ о нѣкоторыхъ великихъ дѣяніяхъ «Общества

Кирль». Я впрочемъ забыла, что это не въ вашемъ вкусѣ. «Годичное собраніе Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества», это заинтересуетъ васъ болѣе, я думаю, только рѣчи, право, *слишкомъ* длинны и напечатано мелкимъ шрифтомъ. А вотъ родъ извлеченія изъ біографіи лорда Гленкольвинъ. Онъ еще не умеръ, но все это о немъ. Прочесть?

— Все, что угодно, дорогая.

— Вамъ все извѣстно о лордѣ Гленкольвинъ, да?

Фэбе отвѣтила, что знаетъ его имя и также то, что онъ не мало поработалъ на пользу рабочаго класса.

— Мнѣ кажется,—прибавила она,—нѣтъ человѣка, который не слышалъ бы о немъ.

— Да, онъ вродѣ лорда Шафтсбэри и не принадлежитъ ни къ какой партіи. Начало я пробѣгу про себя, я не думаю, чтобы вамъ хотѣлось слышать о его рожденіи и годахъ ранней молодости.

— Ни мало.

Фэбе могла бы прибавить, что относится вполнѣ равнодушно и къ послѣдующимъ годамъ его жизни.

Сестра Доротея быстро просмотрѣла начало, случайно выпаливъ: «Ему теперь только тридцать-пять лѣтъ. Я думала, онъ старъ».

Пауза.

«Въ ранней молодости онъ отличался страстной любовью къ спорту и смѣлымъ, опаснымъ предпріятіямъ. Сильная физическая организація и равнодушіе къ личной опасности сослужили ему хорошую службу въ нѣсколькихъ случаяхъ, напримѣръ, во время бунта въ Брадфильдѣ и во время возмущенія въ Баллишайнинъ, обстоятельства которыхъ еще свѣжи въ памяти нашихъ читателей».

Пауза.

Фэбе закрыла глаза, ее клонило ко сну, когда ея собесѣдница снова воскликнула:

— Развѣ это не занимательно? «Когда извѣстіе о смерти отца пришло къ нему, онъ находился въ угольной шахтѣ, производя опасные опыты (на сколько это касалось его лично) съ цѣлью открыть способъ предупрежденія опасности взрыва рудничнаго газа, которой подвергаются рабочіе въ копяхъ. Онъ былъ весь въ сажѣ. Посланный сообщить ему это извѣстіе, знавшій его прекрасно съ виду, могъ отличить новаго лорда Гленкольвинъ отъ окружающихъ его рудокоповъ только по его необычайно высокому росту».

Фэбе не особенно развлекало это чтеніе.

— О, онъ очень богатъ!—минуту спустя воскликнула сестра Доротея

«Онъ получаетъ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ годового дохода, большую часть котораго тратитъ на дѣла общественной благотворительности, лично интересуясь ею. Съ 1880 года лордъ Гленкольвинъ засѣдаетъ въ парламентѣ; сначала онъ явился туда представителемъ округа Абердоней, а со времени общаго собранія избранъ представи-

телемъ западной части графства Дишайръ. Не будучи замѣчательнымъ ораторомъ, лордъ Гленкольвинъ тѣмъ не менѣе умѣетъ заставить себя слушать въ парламентѣ, что могутъ удостовѣрить противники предлагаемыхъ имъ биллей. Какъ членъ парламента, онъ отличается всегда упорной настойчивостью, большой точностью и полнымъ знаніемъ дѣла, которое вноситъ на разсмотрѣніе палаты. Лишнее говорить, что во всякомъ дѣлѣ, касающемся благосостоянія рабочихъ классовъ, на лорда Гленкольвинъ смотрятъ, какъ на одного изъ самыхъ заслуживающихъ довѣрія авторитетовъ. Большую часть времени онъ посвящаетъ практическому ознакомленію съ условіями жизни народа и лучшими средствами для улучшенія его положенія. Можно прибавить, что на этотъ предметъ онъ не щадитъ ни личныхъ усилій, ни расходовъ. Сознается всѣми, что только лордъ Гленкольвинъ въ состояніи удовлетворительно разрѣшить трудныя проблеммы доставленія работы неимѣющимъ ея, агрикультурнаго застоя и перенаселенія нашихъ большихъ городовъ».

— Вы желаете уснуть, сестра? Я сейчасъ уйду, вотъ только еще немного.

Чтобы немногое казалось еще меньше, молодая дьяконисса быстро пробѣжала остающіяся строки: «Въ общественной жизни лордъ Гленкольвинъ пользуется репутаціей не слишкомъ свѣтскаго и замкнутаго въ себѣ человѣка, хотя въ своемъ помѣстьѣ въ горной Шотландіи отличается широкимъ гостепріимствомъ. Гдѣ бы онъ ни показался, его всюду замѣчаютъ благодаря необычайно высокому росту, сильной фигурѣ и прекрасному лицу. Личный его характеръ внушаетъ къ нему величайшее уваженіе, христіанскія его убѣжденія выражаются болѣе дѣлами, чѣмъ словами. Такъ какъ лордъ Гленкольвинъ еще молодой человѣкъ, обладающій желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, мы можемъ надѣяться, что предъ нимъ лежитъ еще длинный жизненный путь на пользу другимъ».—Здѣсь былъ его портретъ,—съ сожалѣніемъ прибавила сестра Доротея,—но несносные люди, приславшіе журналъ, вырѣзали его.

— Благодарю васъ, дорогая, за ваше чтеніе,—сказала Фэбе.—Я не смѣю удерживать васъ долѣе. Теперь мнѣ хотѣлось бы остаться одной.

— Надѣюсь, это заинтересовало васъ?

— Да, очень, Я рада, что есть такіе люди. Кажется, такъ рѣдко идутъ рядомъ желаніе и возможность быть полезнымъ.

— Ну, вотъ, сестра Фэбе, вы становитесь мрачной, а такой-то вы и не должны быть. Что за польза въ этомъ? Во всемъ нужно стараться видѣть свѣтлую сторону. Кстати,—продолжала Доротея, вставая и перелистывая журналы,—что сказалъ вамъ сегодня докторъ?

— Онъ сказалъ, что я не должна болѣе работать и оставаться дольше въ Лондонѣ.

— О, несносный старикъ! Доктора всѣ любятъ говорить вещи въ

этомъ родѣ. Вы должны поѣхать для перемѣны воздуха на берегъ моря или куда-нибудь въ другое мѣсто и, повѣрьте, назадъ вы возвратитесь совершенно здоровой.

Съ веселой улыбкой и легкимъ поцѣлуемъ въ лобъ больной Доротея ушла. Фэбе слѣдила за нею влажными глазами.

«Я также когда-то была такъ весела»,—промолвила она себѣ и въ памяти ея воскресли первые годы, проведенные ею въ общинѣ. Жизнь была тяжела, но солнечное сіяніе было на ея пути—первая радость чувства посвященной жизни. Тогда у Фэбе были молодость, здоровье и придающая силы надежда сдѣлать много добра въ теченіе своей жизни. Теперь же, когда она оглядывалась назадъ, на свою работу, на лучшую и большую часть пройденнаго пути, оставшагося позади, результаты казались такъ малы. Куда могла она положить руку и сказать: «Это сдѣлала я?»—Никуда.

Она многихъ учила, за многими ухаживала, многимъ высказывала симпатію и давала совѣты, и если бы ей пришлось работать, какъ частному лицу, она могла бы видѣть себя теперь въ кругу бѣдныхъ друзей, по образу жизни и характерамъ которыхъ она могла бы чувствовать, что имѣла рѣшающее нравственное вліяніе. Но населеніе вокругъ «Убѣжища Св. Маріи» было непостоянно. Семьи являлись, оставались на мѣстѣ нѣсколько недѣль или лѣтъ и уходили. Эти постоянные обитатели напоминали собой моряковъ, являющихся провести ночь или двѣ въ «Отдыхѣ для матросовъ», принадлежащемъ къ общинѣ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ снова отправиться въ дальнія страны и не появляться здѣсь болѣе. Во всякомъ случаѣ осязательныхъ результатовъ мало было въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло еще сдѣлать. Какъ безконечно мало было то, что лично могла она сдѣлать.

Фэбе вспомнились нравственная борьба съ собой въ ночь возвращенія въ Лондонъ и горечь отчаянія, когда она навсегда оттолкнула человѣка, котораго любила. Жертва была ужасна. Стоило ли ее развѣ приносить для того, чтобы при ея помощи достичь такихъ несчастныхъ результатовъ?

Мысль эта обдала ледянымъ холодомъ душу Фэбе. Она съ трудомъ могла заставить себя подумать объ этомъ. Тотъ, Кому она принесла въ жертву свою жизнь, имѣлъ въ Своемъ распоряженіи такъ много, а она одну только эту жизнь. Хорошо ли она поступила, положивъ ее къ подножію Всемогущаго Бога?

Борьба, выдержанная Фэбе десять лѣтъ тому назадъ, казалась ничтожной въ сравненіи съ настоящей мыслью, долго таившейся въ тайникахъ ея сердца.

Долго не хотѣла она прислушиваться къ вопросу, стоило ли приносить вообще эту жертву, теперь же въ данную минуту приходилось просто обсудить его.

Свѣтлый, короткій праздникъ, промелькнувшій подобно чудному сно-

видѣнію, давно оконченная и отложенная въ сторону исторія, въ которой она играла роль героини, предстали передъ Фэбе съ поразительной отчетливостью.

Передъ ея мысленными очами явилось лицо Дугальда съ выраженіемъ страшнаго отчаянія, какимъ она его видѣла въ послѣдній разъ, и она спрашивала теперь себя, хорошо ли она поступила, оттолкнувъ его любовь и причинивъ ему такое горе. А между тѣмъ какъ рвалась она всѣмъ существомъ своимъ къ нему! Какъ велика была жажда представлявшагося ей личнаго счастья и какъ ничтожна казалась въ сравненіи съ ней жажда быть полезной другимъ! И все-таки она предпочла жизнь труда жизни, полной удовольствій. Фэбе страдала теперь больше отъ того, что могла сомнѣваться и думать о своей принесенной въ жертву жизни.

Душу Фэбе охватило отчаяніе, она могла пожертвовать столь мало, только жизнь бѣдной, незначительной дѣвушки. Развѣ можно было считать эту жертву, достойной приношенія?

Другое дѣло, если бы она занимала видное общественное положеніе, обладала бы вліяніемъ, которое могла бы употребить на добрыя дѣла, какъ, напр., этотъ человѣкъ, о трудахъ котораго среди рабочихъ она только что слышала. Въ такомъ случаѣ стоило бы пожертвовать собой.

Фэбе успокоила мысль, что, навѣрное, въ очахъ того, кому она посвятила свою незначительную жизнь, она стояла наравнѣ съ этимъ молодымъ аристократомъ со всѣмъ его общественнымъ положеніемъ и вліяніемъ или съ кѣмъ-либо другимъ, кто можетъ оказать величайшія услуги своему поколѣнію, потому что она отдала все, что имѣла.

При этой мысли Фэбе успокоилась и почувствовала, что съ ея стороны было сдѣлано все, что было въ ея силахъ.

Никогда болѣе не станетъ она прислушиваться къ голосу искусителя:

«Къ чему была жертва твоей жизни?»

XI.

— Сестра Фэбе, развѣ это не самое странное и необыкновенное совпаденіе? — вскричала Доротея, часъ или два спустя входя въ комнату. — Вы слышали, что читала я вамъ о лордѣ Гленкольвинъ? Онъ самъ здѣсь и спрашивалъ о васъ.

— Должно быть, это недоразумѣніе,—отвѣчала Фэбе съ меньшимъ возбужденіемъ, чѣмъ того требовало сообщеніе, по мнѣнію ея молодой товарки.—Я никогда въ жизни не встрѣчалась съ нимъ.

— О, я думаю, онъ явился по дѣлу. Вѣроятно, онъ обратился за справками къ кому-нибудь изъ вашего стараго округа дѣятельности или въ одну изъ вашихъ школъ, а тѣ направили его къ вамъ.

— Очень вѣроятно. Меня удивляетъ, почему онъ не обратился письменно.

— Мы сказали ему, что вы отдыхаете, и онъ просилъ ни въ какомъ случаѣ не тревожить васъ. Онъ можетъ обождать. Онъ очень красивъ, сестра Фэбе. Еслибы онъ желалъ видѣть *меня*, я и не подумала бы сойти къ нему внизъ.

Задѣвать и сердить старшихъ дьяконисссъ было однимъ изъ невинныхъ развлеченій сестры Доротеи. Съ Фэбе обыкновенно это не удавалось и потому ей было пріятно теперь видѣть нѣсколько озабоченный видъ Фэбе.

— Гдѣ онъ? Въ пріемной?

— Да. Вашъ чепчикъ сидитъ совершенно прямо и передникъ безъ морщинки. Я думаю сойти и предупредить лорда Гленкольвинъ, что вы идете.

Фэбе, знавшая, что дѣвушка шутитъ, только улыбнулась и, не говоря больше ничего, сошла внизъ.

Пріемная не была больше маленькой комнатой съ простой обстановкой, какъ во времена покойной настоятельницы. Посѣтителей было гораздо больше и ихъ принимали въ довольно уютной комнатѣ на противоположной солнечной сторонѣ дома.

Открывъ дверь, Фэбе увидѣла высокую мужскую фигуру.

— Кажется, вы спрашивали меня?—начала она «Я...»

Лордъ Гленкольвинъ приблизился къ ней и слова замерли на ея губахъ. Это былъ Дугальдъ.

Въ первую минуту онъ ничего не говорилъ, только молча взялъ ея руку. Фэбе странно было чувствовать снова это теплое, крѣпкое рукопожатіе, почувствовать которое она не надѣялась больше.

— Вы были больны?—прервалъ наконецъ Дугальдъ молчаніе, испытующе глядя ей въ лицо. — Докторъ Аткинсонъ сообщилъ мнѣ все относительно васъ.

— Какимъ образомъ вы видѣлись съ нимъ и слышали обо мнѣ?

Предложить этотъ простой вопросъ было легче чѣмъ спросить что-либо другое.

— Онъ лѣчитъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и упомянулъ какъ-то, что былъ сегодня въ Убѣжищѣ. Я спросилъ его о васъ и такимъ образомъ узналъ о вашемъ нездоровьѣ.

— Собственно говоря, я не была больна. Онъ лечилъ меня только отъ легкой простуды.

— Тѣмъ не менѣе онъ сказалъ мнѣ, что вы недостаточно сильны для того, чтобы продолжать долѣе вашу жизнь въ «Убѣжищѣ». Ухаживая за больными и заботясь о другихъ въ продолженіе этихъ двѣнадцати лѣтъ, вы должны теперь предоставить другимъ ухаживать за вами. Какъ вы думаете, это покажется вамъ очень труднымъ?

— Мнѣ будетъ очень больно отказаться отъ своей работы,—отвѣчала Фэбе,—я сознаю, что не сдѣлала почти ничего изъ того, что надѣялась сдѣлать. Но здѣсь много новыхъ, молодыхъ силъ, способныхъ занять мое мѣсто.

Пока она говорила, Дугальдъ не сводилъ съ нея глазъ и слѣдующее его замѣчаніе было сдѣлано прежнимъ отрывистымъ тономъ.

— Вы ни капельки не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами. Именно это самое лицо было у меня передъ глазами всѣ эти годы.

При этомъ замѣчаніи лицо Фэбе залила яркая краска.

— Знаете ли вы, для чего я явился сегодня сюда? — продолжалъ Дугальдъ.—Поблагодарить васъ за то, что десять лѣтъ тому назадъ вы не захотѣли принять мое предложеніе. Ваше несогласіе было первымъ серьезнымъ горемъ для меня, всецѣло измѣнившемъ мою жизнь. Если бы вы согласились тогда выйти за меня, жизнь моя текла бы по-прежнему, съ небольшой равницей, можетъ быть, какъ это случается съ людьми, у которыхъ хорошія жены. По всей вѣроятности, я посѣщалъ бы съ вами по воскресеньямъ церковь и опускалъ бы каждый разъ соверенъ въ кружку. Какъ на большое снисхожденіе съ своей стороны, я могъ бы согласиться на семейную молитву, оставаясь въ сущности до сихъ поръ тѣмъ же эгоистичнымъ животнымъ, какимъ былъ до моего знакомства съ вами и какое можетъ расчитывать образовать британская манера воспитанія изъ молодого человѣка «высшаго класса». За все, за каждую перемѣну въ моей жизни, за все, что бы я ни сдѣлалъ для другихъ, я долженъ благодарить васъ, Фэбе.

— А я только что думала, что вся жизнь моя была безполезной,— съ дрожью въ голосѣ произнесла Фэбе.

— Ваша жизнь безполезна, Фэбе!—вскричалъ Дугальдъ.—Да, еслибы я не сознавалъ, какое драгоцѣнное дѣло вы дѣлаете здѣсь каждый день и часъ, развѣ я не возобновилъ бы свою попытку снова постараться отнять васъ у него? И еслибы я не чувствовалъ самъ, что еще (я всегда буду чувствовать это) я въ высшей степени недостоинъ васъ, я бы уже давно вернулся попросить васъ еще разъ о томъ, въ чемъ вы отказали мнѣ въ тотъ день. Я пришелъ сюда теперь съ цѣлью снова просить васъ объ этомъ.

— Дугальдъ!

Фэбе плакала, не пытаясь остановить слезы, которыя онъ не долженъ былъ видѣть никогда, какъ рѣшила она когда-то.

Дугальдъ притянулъ ее къ себѣ, обнялъ сильной рукой ея хрупкую талью и не говоря ни слова, поцѣловалъ.

— Но я такъ стара, Дугальдъ!—рыдала она.—Такъ стара, утомлена и неинтересна. Съ моей стороны будетъ гадко и несправедливо посвятить вамъ конецъ моей жизни, не имѣющій никакой цѣны.

Онъ молча крѣпче прижалъ ее къ себѣ на минуту, затѣмъ сказалъ:

— Помните ли вы, какъ при восхожденіи на Морронъ, вамъ казалось каждый разъ, когда мы восходили по болѣе легкой части подъема и менѣе крутой, что мы достигли уже конца пути, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы не сдѣлали и половины? Я не

вижу причины, почему бы намъ не пройти вмѣстѣ добрую еще половину нашего жизненнаго пути. Мы купимъ пару костылей, очки, фальшивые волосы и, можетъ быть, будемъ способны внушить уваженіе людямъ, чтобы они не подумали, что мы впали въ дѣтство.

Фэбе засмѣялась сквозь слезы.

— Въ концѣ концовъ мы все-таки совершимъ поѣздку на «Блуждающемъ огонькѣ», планъ которой составили когда-то, продолжалъ Дугальдъ.

Согласны въ Средиземное море? Теперь намъ не для чего совѣтоваться съ другими и просить дамъ принять васъ подъ свое покровительство. Я не плавалъ на яхтѣ со времени того злосчастнаго путешествія, когда я все время скрежеталъ зубами и велъ себя, подобно медвѣдю, потому только, что вы не пріѣхали.

Они сидѣли и долго говорили. Веселый разговоръ постепенно принималъ серьезный тонъ, когда Дугальдъ разсказывалъ Фэбе о своей работѣ на пользу рабочихъ и о планахъ будущей дѣятельности и признавался, какъ часто чувствовалъ онъ себя одинокимъ и теряющимъ энергію въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ и какъ страстно временами жаждалъ онъ женскаго общества, но удовлетвориться онъ могъ бы только обществомъ жены.

— Все, что я позволю вамъ на нѣкоторое время, это принадлежать самой себѣ и мнѣ, — сказалъ онъ. — Но такъ какъ это удвоитъ мою энергію, то результатъ получится тотъ же, какъ если бы вы работали, подобно ломовой лошади.

О своемъ глубокомъ чувствѣ они не говорили, въ этомъ не было нужды.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Дугальдъ взялъ руку Фэбе и тихо произнесъ:

— Матушка сказала мнѣ, что я не буду въ состояніи сдѣлать васъ счастливой до тѣхъ поръ, пока души наши не сольются, подобно нашимъ сердцамъ. Какъ вы думаете, согласилась бы она отдать васъ мнѣ теперь?

Въ глазахъ Фэбе появилось знакомое Дугальду выраженіе и пожавъ его руку, крѣпко держащую ея, она шепнула: «Да».

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

(Переводъ съ польскаго).

Доступны ль грезы главѣ суровой,
Что носитъ жизни вѣнецъ терновый,
Груди, хранящей нѣмыя слезы,
Доступны ль грезы?
Въ очахъ, поникшихъ съ тоской усталой,
Блеснулъ ли пламень хоть искрой малой,
Который лѣчитъ людскія вѣжды
Лучомъ надежды?
И тотъ, кто молча выноситъ муки,
Хоть разъ простеръ ли съ мольбою руки
Туда, гдѣ брежжутъ сквозь мракъ пустыни
Земли святыни?
Рабу машины во мглѣ тюремной,
Чей трудъ есть иго и плодъ угрозы,
Чей вѣкъ влачится, какъ плѣнъ подземный,
Доступны ль грезы?
Сквозь стонъ, сквозь скрежетъ заботъ гнетущихъ
Проникъ ли откликъ вѣковъ грядущихъ
И смутный шопотъ идей крылатыхъ,
Въ тиши зачатыхъ?
Броню боязни тупой враждебной
Любовь прожгла ли стрѣлой волшебной,
Несущей людямъ небесъ богатство
Во имя братства?
И тотъ, чьи взоры къ землѣ приникли,
Основы міра хоть разъ постигъ ли,
Признавъ свой разумъ слѣпой и плѣнный
Звеномъ вселенной?

Душѣ, дрожащей въ той безднѣ мглистой,
Гдѣ ночь клубится и вьются грезы,
Доступна ль вѣра въ восходъ лучистый,
Доступны ль грезы?
Коль нѣтъ,—огонь свой разложимъ шире,
Пусть больше дастъ онъ тепла и свѣта,
И блещетъ ярко въ застывшемъ мірѣ,
Какъ вѣсть разсвѣта!
Коль нѣтъ, знамена поднимемъ выше,
Пусть братья видятъ залогъ сраженья,
И вѣрятъ въ утро, во тьмѣ услыша
Призывъ движенья!..

В. Г.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

Повѣсть.

*(Окончаніе *).*

XXVI.

Развязка наступила раньше, чѣмъ ее ждали. На другой день, въ условленный часъ, Лизавета Николаевна не встрѣтила Клименко въ паркѣ. Когда она возвращалась домой, она уже почувствовала, что все кончено. Развѣ могъ бы онъ не придти?.. Развѣ заставилъ бы ее прождать напрасно?.. Случилось что-то ужасное...

Опасно больная паціентка задержала Мельгунова въ Москвѣ. Онъ не вернулся ночевать. День прошелъ въ томительномъ ожиданіи.

Всю ночь Лизавета Николаевна не спала. Она безпрестанно выходила на террасу и прислушивалась. Шелъ дождь. Ночь была черная, тоскливая, глухая... Вѣтеръ стоналъ въ паркѣ. Собаки тревожно перекликались на сонную дробь сторожа. Она стояла на террасѣ и глядѣла въ безпроцвѣтный мракъ. Гдѣ онъ? Что съ нимъ?.. О, зачѣмъ же она молчала вчера?.. Зачѣмъ не высказала, не выразила ничѣмъ нѣжности, которой полно ея сердце?.. И неужели же они никогда не встрѣтятся?..

Не раздѣваясь, она прилегла уже на зарѣ и забылась.

Чудный сонъ ей приснился, ей грезилось, что она идетъ съ нимъ по ржаному полу, въ майское, свѣжее утро... Пахнетъ медомъ, клеверомъ, смолистымъ дыханіемъ лѣса. Вонъ онъ дымится вдали... Но они туда не пойдутъ... Передъ ними вьется дорога, мимо спѣлой ржи... Синіе глазки васильковъ робко и ласково глядятъ на нихъ оттуда... На горизонтѣ ничего, кромѣ пронизаннаго солнцемъ золотого тумана... Дорога вьется, бѣжитъ туда безконечной лентой... Высоко въ синемъ небѣ звенитъ жаворонокъ, какъ все зелено, ярко, молодо!.. Какой гимнъ любви и жизни звучитъ кругомъ!..

---

*) См. «Міръ Божій» № 11, ноябрь.

Онъ указываетъ ей рукою вдаль, туда гдѣ таетъ, подымаясь вверхъ, золотистый туманъ...

— Впередъ!..—говоритъ онъ голосомъ, полнымъ трепета и силы,—впередъ!..

И она идетъ, не оглядываясь... Осталось ли-что нибудь тамъ, позади ея, въ прошломъ!.. Она не помнитъ, ей ужъ ничего не жаль... Душа разбила оковы, тянувшія ее къ землѣ... О, какъ легко!..

Лизавета Николаевна очнулась, ее разбудилъ какой-то стукъ. Она вскочила въ ужасѣ. Во мглѣ предразсвѣтнаго тумана она увидала прильнувшее къ стеклу изсиня-блѣдное лицо Марьи Васильевны Шмидтъ.

На ней была блуза, сверху теплый большой платокъ. Она замѣтно дрожала.

Лизавета Николаевна выбѣжала на террасу и пошатнулась, взглянувъ въ ея лицо. Она сразу поняла все.

Марья Васильевна кинулась къ ней на грудь и зарыдала.

Онѣ, обнявшись, сѣли на ступенькахъ, Марья Васильевна плакала. Лизавета Николаевна сидѣла недвижно, безъ кровинки въ лицѣ, сжавъ губы. Только глаза ея тоскливо блуждали кругомъ.

— Я все надѣялась...—всхлипывала Марья Васильевна.—До послѣдней минуты надѣялась... Можетъ, онъ тутъ... можетъ, вы его видѣли... Вѣдь вчера пропалъ... еще съ вечера... А какъ вышли вы одѣтая... и лицо это ваше... О Господи!.. Господи!..

— Не плачьте,—наконецъ сказала Лизавета Николаевна, погладивъ ея волосы.—Можетъ, еще обойдется...

Марья Васильевна махнула рукой... Она давно это предчувствовала, съ весны. Онъ давно уже былъ замѣченъ. Утромъ его искали...

Она ушла. Лизавета Николаевна даже не замѣтила ея ухода. Когда весь домъ проснулся, она все еще сидѣла на тѣхъ же ступеняхъ, недвижно глядя передъ собой. Потомъ встала и пошла въ паркъ. Тамъ она бродила по дорогамъ, выходила къ плотинѣ, на валъ, садилась подъ дубъ, гдѣ они были въ послѣдній разъ, и все оглядывалась, и все прислушивалась, и все глядѣла подъ ноги, на мертвые, желтые листья, которые опять бѣжали шурша по дорогѣ за нею и словно шептали что-то... Тихонько пробродила она такъ по всему парку, все глядя себѣ подъ ноги, словно ища чего-то на землѣ.

Мельгуновъ вернулся изъ города и пошелъ ее искать.

Онъ встрѣтилъ ее у калитки парка и ахнулъ... Такъ страшно было ея лицо.

— Это ты сдѣлалъ?—спросила она его.

Онъ не понялъ ее. Она это видѣла и почувствовала облегченіе. Все-таки не по ея винѣ...

Передъ обѣдомъ мимо ея дачи прошелъ какой-то студентъ, замедлилъ шагъ и пристально поглядѣлъ на Лизавету Николаевну, которая все сидѣла на террасѣ, инстинктивно чего-то ожидая, не имѣя силы уйти.

Она встала, увидавъ его. Вся кровь прилила къ ея сердцу. Но это былъ чужой и она опять безсильно сѣла.

Но студентъ черезъ минуту прошелъ опять и остановился у калитки.

Въ одну секунду она была рядомъ.

— Вы г-жа Мельгунова?..—спросилъ онъ ее шопотомъ.

— Я...

Въ ея рукѣ очутилась записка.

— Не знаете ли вы, гдѣ живетъ г. Котельниковъ?..—сказалъ студентъ, возвышая голосъ.

Песокъ заскрипѣлъ подъ шагами Мельгунова.

— Кого вамъ?—спросилъ онъ, подозрительно вглядываясь въ чужое лицо.

— Да вотъ я здѣсь плутаю больше часа. Вы не можете сказать, гдѣ живутъ Котельниковы?

— Да на чьей дачѣ?

Студентъ засмѣялся.

— Вотъ дачу-то я забылъ. Вся суть въ томъ, что забылъ. Извините за безпокойство.

Онъ скрылся за поворотомъ, по дорогѣ останавливаясь у каждой почти калитки и спрашивая Котельникова.

Лизавета Николаевна заперлась у себя. Въ глазахъ ея темнѣло отъ волненія. Неужели они еще встрѣтятся?

Да. Онъ звалъ ее часовъ въ десять вечера на валъ. Это будетъ ихъ послѣдняя встрѣча.

Она придетъ... придетъ... Никто ее не удержитъ!..

— Я уѣзжаю, Лиза, — послѣ обѣда сказалъ ей Мельгуновъ, тревожно глядя въ ея словно оцѣпенѣвшее лицо.—Можетъ, опять ночевать не буду. Можетъ, нынче операцію придется дѣлать. У меня тамъ опасная паціентка...

Онъ уѣхалъ.

Когда стемнѣло, Лизавета Николаевна накинула на себя теплый платокъ и пошла въ паркъ.

Надвигалась вѣтреная, ненастная ночь. По угрюмому небу толпой бѣжали тучи. Въ пяти шагахъ ничего не было видно. У поворота въ паркъ, близъ мостика отчаянно затрепыхались забытые флаги, печально вѣявшіе надъ пустой уже дачей. Вѣтеръ трепалъ ихъ. Казалось, кто-то бѣжитъ по дорогѣ. Невольно Лизавета Николаевна оглянулась.

Глубокая тьма была подъ деревьями...

*

Какъ билось, замирало, и болѣло сердце!..

Лѣсъ зашумѣлъ надъ ея головою. Вѣтеръ набѣгалъ порывами. Издали казалось, тамъ высоко идетъ кто-то чудовищный мѣрными шагами, шумя туго накрахмаленными гигантскими юбками.

Она спѣшила къ ракитамъ. Листья мчались въ догонку за нею, обгоняли ее, что-то шепча, на что-то жалуясь, съ тихимъ ропотомъ послѣдняго сожалѣнья... Грозно и мрачно глядѣлъ на нее лѣсъ изъ-за вала. Что-то враждебное чудилось и въ его глухихъ голосахъ, и въ бѣлыхъ призракахъ тумана, разступившагося передъ ней и закачавшагося опять вдоль пруда. Ужасъ крался въ сердце, вмѣстѣ съ холодомъ ночи, и леденилъ кровь.

Она остановилась и прислушалась. Никого... Только листья шуршали тамъ внизу на дорогѣ, вѣтеръ шелъ по верхушкамъ съ тѣмъ же страннымъ, мѣрнымъ грохотомъ, да недалеко гдѣ-то жалобно плакала какая-то ночная птица.

Она со стономъ упала на землю...

Еслибъ она могла заплакать!..

Вдругъ сквозь шумъ лѣса она разслышала далекій хрустъ и трескъ. Кто-то шелъ.

Она вскинулась и стала глядѣть, напрягая зрѣніе и слухъ, хватаясь руками за сердце. Шаги приближались. Изъ мрака въ пяти шагахъ вынырнула какая-то фигура въ черномъ, въ широкополой шляпѣ.

Лизавета Николаевна шарахнулась испуганно въ сторону.

— Лиза!..

Это былъ онъ.

Она крикнула и кинулась ему на грудь...

О, какое это было отчаянное объятіе! Какъ страстно зарыдала она, прижимаясь къ его груди.

— Лиза... Не плачь!.. — молилъ онъ и не замѣчалъ, что у него самого слезы бѣгутъ по щекамъ.

Они сѣли. Онъ задыхался отъ усталости. Вѣдь онъ шелъ всю дорогу лѣсомъ, минуя шоссе, избѣгая встрѣчъ. Вторыя сутки онъ бродилъ по Москвѣ, ночуя у товарищей, зная, что на дачу нельзя уже вернуться, завтра все будетъ кончено. Что жъ?.. Ему надо было урвать у судьбы вотъ этотъ вечеръ, эту послѣднюю встрѣчу.

Они говорили шопотомъ, и тутъ всего опасаясь, хотя ихъ слушалъ только лѣсъ.

Онъ утѣшалъ ее. Въ худшемъ случаѣ, года черезъ три-четыре они свидятся, а вѣрнѣе черезъ два. Онъ будетъ писать каждую почту, каждый день. Всѣ его мысли, вся его жизнь будутъ передъ ней ясны и открыты... Въ ея отвѣтахъ онъ будетъ черпать мужество... Какъ онъ ихъ будетъ ждать!..

Она молчала, потрясенная... Три-четыре года... Какая насмѣшка!

Жизнь была передъ нимъ и ему казалось, что нѣсколько лѣтъ вычеркнуть такъ легко!..

Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ.

— Я буду уже старухой, когда ты вернешься...

Онъ тихонько засмѣялся.

— Что мнѣ за дѣло до твоихъ лѣтъ, Лиза?.. Когда я душу твою люблю... Моя любовь выше земной формы... И сильнѣе разлуки...

— Нѣсколько лѣтъ...—твердила она.

Казалось, холодъ этого отчаянія проникъ и въ его душу, и она дрогнула.

— Нѣтъ!.. И этого не надо бояться,—заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ. Какъ только онъ найдетъ средства къ существованію и устроится мало-мальски сносно, онъ ей напишетъ... И она должна къ нему пріѣхать... Если она любитъ, она это сдѣлаетъ... Развѣ она не обѣщала ему этой жизни вдвоемъ?..

Задыхаясь отъ охватившаго его волненія, онъ поднялъ ея лицо и просилъ:

— Обѣщай мнѣ это, Лиза... Повтори еще разъ... Вѣдь это все, что у меня осталось...

Она обѣщала. Она не могла отнять у него надежду въ такую минуту...

— Зачѣмъ же ты плачешь?..

— Мнѣ страшно...

Она обняла его, положила его голову къ себѣ на грудь, закрыла его блѣдное лицо своими руками, словно пряча его отъ судьбы, съ чувствомъ матери, которая держитъ въ объятіяхъ свое больное, беззащитное, безконечно любимое дитя... Ему будетъ холодно, голодно *тамъ*, среди чужихъ... Его убьетъ климатъ... Онъ скоро умретъ..."—почему-то вдругъ ярко и больно почувствовала она и заплакала, обвивъ руками его голову.

Казалось, онъ понялъ ея мысли.

— Лиза... Не отнимай у меня бодрости... Не я—первый, не я—послѣдній... И мнѣ много лучше другихъ... Благословимъ судьбу... Она дала намъ такъ много... Ахъ, сколькіе изъ насъ не имѣли личнаго счастья и гибли всѣми забытые, совсѣмъ одинокіе, не зная, на что оглянуться и что пожалѣть?.."

Онъ говорилъ ей съ страстной убѣжденностью, что ничего изъ случившагося онъ не желалъ бы измѣнить... Потомъ, быть можетъ, наступятъ минуты унынія и малодушія...

Вѣдь не герой же онъ въ самомъ дѣлѣ!.. Но это будетъ только временный упадокъ измученныхъ нервовъ, считаться съ которымъ не стоитъ... Она, ея любовь, ея близость—дадутъ ему тотъ

душевный размахъ, дадутъ тотъ энтузіазмъ, безъ котораго падаютъ силы, безъ котораго самая жизнь не имѣетъ ни цѣнности, ни блеска...

Она слушала, не возражая, съ закрытыми глазами. Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ бѣжали слезы... Она ихъ не вытирала. Она слушала волшебную сказку, конецъ которой знала давно... Она такъ ясно знала, что это ихъ послѣднее свиданье, какъ будто въ эту ночь заглянула въ книгу ихъ жизни и дочитала въ ней послѣднюю страницу... Чужды были ей его душевный подъемъ, его экстазъ и нервное возбужденье. И ничего, кромѣ отчаянія, не было въ ея собственномъ сердцѣ, уставшемъ вѣрить...

Онъ смолкъ и взялъ въ обѣ руки ея лицо. Онъ цѣловалъ безъ счета ея влажные волосы, мокрыя рѣсницы, ея холодныя щеки... Но теперь онъ уже не боялся себя, какъ въ ту ночь,—не боялся словъ и жестовъ, могущихъ разбудить подавленное на время желаніе. За тысячи верстъ, на долгіе годы ему надо было унести память объ этой послѣдней ночи, такую яркую, чтобъ освѣтить и согрѣть ею холодъ и мракъ впереди...

Часы летѣли. Ночь уходила незамѣтно. Ихъ послѣдняя ночь...

Мракъ рѣдѣлъ кругомъ, словно таялъ.

Выступили контуры ближнихъ кустовъ и деревьевъ. Небо побѣлѣло. Вѣтерокъ зашевелилъ верхушку дуба. Какая-то птичка слабо чирикнула во снѣ. Тяжелый, бѣлый туманъ предательски подползалъ съ пруда, тянулся на валъ, все выше... Изъ оврага снизу тоже выглянули сѣдые призраки. Они поднимали косматыя головы, качаясь, шли и протягивали длинныя руки къ старому дубу...

Разсвѣтъ шелъ. Сонно лепетали листья. Сонно перекликались птицы... Далеко въ паркѣ зазвучали шаги и голоса сторожей.

Съ отчаяніемъ они взглянули въ глаза другъ другу... Казалось, онъ только сейчасъ понялъ весь ужасъ этого разсвѣта, который придетъ не для нихъ...

Было совсѣмъ свѣтло, когда они пошли лѣсомъ, судорожно прижимаясь другъ къ другу.

Она шла за нимъ еще съ версту, цѣпляясь за его рукавъ, съ застывшимъ въ лицѣ выраженіемъ безумія, дико озираясь, когда сзади ей чудились шаги... Казалось, она еще надѣялась на что-то... Но онъ твердо шелъ навстрѣчу судьбѣ. Скрываться безполезно. Онъ давно готовъ. Это еще, въ концѣ-концовъ, далеко не худшее въ жизни...

Его мужество подѣйствовало на нее, какъ гипнозъ. Она остановилась безъ слезъ, безъ словъ... Но сердце его дрогнуло, когда онъ заглянулъ въ ея зрачки. Къ ея отчаянію онъ все-таки не былъ готовъ и за нее ему стало страшно...

— Жди письма, Лиза... Живи пока хоть этимъ... Я вѣрю... вѣрю, что мы увидимся скоро... да... скоро... До свиданія, Лиза... До свиданія... Не ходи дальше... Теперь иди домой...

Два раза онъ возвращался къ ней съ глазами, полными слезъ. Послѣднее объятіе. Вонъ замелькала его фигура среди бурыхъ сосенъ, высоко взмахнула шляпа.—„До свиданія“—донеслось изъ тумана. Скрылся.

Она сѣла на землю, тутъ же, и просидѣла такъ, безъ движенья, безъ мыслей и слезъ, пока не набрели на нее двѣ торговки, которыя шли изъ города къ дачамъ. Онѣ удивились, узнавъ барыню, и долго оглядывались назадъ. Она пошла за ними по дорогѣ, мимо ракитъ, какъ лунатикъ, еле двигая ногами, съ сбившимися волосами, съ потеряннымъ взглядомъ. Тяжелая, отсырѣвшая юбка ея волочилась по песку, замедляя шаги...

XXVII.

Стояла гнилая осень. Сезонъ городской жизни былъ въ разгарѣ. Акты въ училищахъ, новыя пьесы въ театрахъ, новыя книги въ витринахъ книгопродавцевъ, коммиссіи отъ разныхъ обществъ, засѣдающія въ музеѣ, поиски хлѣба, объявленія въ газетахъ, гласившія о вопіющей нуждѣ, объ услугахъ интеллигентнаго пролетаріата, за грошъ предлагающаго свой трудъ и знанья, отчаянная, лихорадочная борьба за мѣста,—жизнь, словомъ, полная блеска и праздности, жадной на зрѣлища, съ одной стороны, и ужасающей нищеты—съ другой.

Лизавета Николаевна спускалась внизъ параллельно линіи бульваровъ къ Страстному монастырю. Были уже сумерки. Раскрывъ зонтикъ отъ моросившаго холоднаго дождя, она шла по панели и ее обгоняли другія дѣвушки и женщины, вышедшія одновременно съ нею изъ каменнаго дома на-углу. Всѣ торопились домой съ курсовъ массажа. Большинство изъ курсистокъ были такія же тщедушныя и блѣдныя, какъ Мельгунова, нѣкоторыя однѣхъ съ нею лѣтъ, всѣ одѣтыя бѣдно. Но походка ихъ была бодрая, упругая. Онѣ всѣ скоро обогнали Мельгунову и скрылись въ мглѣ осенняго вечера.

Лизавета Николаевна слышала за собой все-таки шаги, неровные, тяжелые, какими ходятъ люди съ короткой ногой.

Вотъ эта ее, пожалуй, не обгонитъ.

Она удивилась, увидавъ на курсахъ эту старушку, пріѣхавшую изъ провинціи учиться. Она была сгорблена, кривобока, съ угасшими глазами. Она внесла послѣдніе пятьдесятъ рублей за право ученья, ютясь пока у родни. Она жила уроками раньше, но нахлынула

въ провинцію волна молодыхъ силъ. Она не выдержала конкурренціи, отставъ отъ науки, которая шла впередъ. Да и жить уже было невозможно на прежній заработокъ. Все вздорожало, только трудъ былъ дешевъ, особенно женскій. Надо было начинать съизнова. И вотъ она явилась въ столицу. Что дѣлать? Она одинока, кормить ее некому. А у массажа такое будущее!..

Лизавета Николаевна узнала это, разговорившись съ старой курсисткой. Сама она внесла пятнадцать рублей за первый мѣсяцъ, вырученные отъ продажи ея „параднаго“ платья, и ходила сюда. Надо было искать средствъ, чтобы не зависѣть отъ мужа, чтобы имѣть возможность уйти, какъ можно скорѣе. Она боролась упорно, она не могла сдаться.

У массажа, дѣйствительно, было будущее, Лизавета Николаевна это знала.

На высокихъ кушеткахъ лежали больные съ обнаженнымъ тѣломъ, желтымъ и безкровнымъ въ этомъ скупомъ, безжизненномъ освѣщеніи осенняго дня. Въ первую минуту она даже отшатнулась, ей показалось, что это мертвые. Какихъ болѣзней здѣсь не было!.. Сюда являлась нищета, прося безплатной помощи врача, и курсистки учились массировать на этихъ страдальческихъ искривленныхъ членахъ.

Профессоръ отнесся къ Мельгуновой съ нескрываемымъ уваженіемъ. Онъ слышалъ объ ея мужѣ, считалъ ученье Лизаветы Николаевны праздной затѣей, но богатство и имя импонировали ему. Онъ ей предоставлялъ самыхъ интересныхъ больныхъ.

Лизавета Николаевна исподволь узнала всѣхъ курсистокъ. На нее всѣ глядѣли съ недоумѣньемъ, даже съ враждебностью. Зачѣмъ она тутъ, среди этой бѣдноты? Развѣ и такъ мала конкурренція?.. Неужели она разсчитываетъ, что для всѣхъ съ избыткомъ хватитъ хлѣба?

Многія отъ нея сторонились и она это видѣла. Ближе всѣхъ Лизавета Николаевна сошлась съ одной замужней женщиной, тоже пріѣхавшей изъ провинціи. Мужъ ея былъ чиновникъ въ акцизѣ, сталъ запивать, пошли у нихъ ссоры. Жить и такъ было трудно, а тутъ прямо грозила нужда. Она заняла у друзей двѣ сотни, забрала ребятъ и пріѣхала учиться. Мужъ безъ нея тамъ сопьется. Ну да вѣдь какая же на него теперь надежда? Дѣти растутъ, скоро надо ихъ учить. Пробовала она мастерскую открыть, не пошла; у нихъ въ городкѣ пять портнихъ, за шерстяное платье платятъ три рубля. Работать не изъ чего.

— Какъ у васъ все дорого въ Москвѣ!..—ужасалась она. За крохотную комнатку „въ Гиршахъ“ она платила двѣнадцать рублей. Ѣда была тоже баснословно дорога, молока хорошаго было негдѣ

достать. Ребята чахли и болѣли. Ахъ, скорѣе бы выучиться! Скорѣе бы вырваться отсюда! Вернуться въ свою глушь!..

Лизавета Николаевна дивилась ея энергіи. Длинная, костлявая, съ мускулистыми руками, съ лошадинымъ лицомъ, она, засучивъ рукава, обдергивая фартукъ, бѣгала отъ одной больной къ другой, ни отъ чего не отказываясь, не зная усталости, съ какой-то удивительной алчностью на работу.

— Смотрите!.. Надломитесь!.. — шутилъ симпатичный профессоръ.

Она улыбалась, показывая крупные, бѣлые зубы и говорила, махнувъ рукой:

— Я двужильная... Мнѣ надѣяться не на кого!..

Были тамъ гувернантки, уставшія мыкаться по чужимъ домамъ, привязываться къ чужимъ дѣтямъ, съ которыми все-таки приходилось разставаться,—съ измученными лицами, съ разбитыми нервами. Онѣ вносили сюда сбереженія, въ надеждѣ на новую, обезпеченную и свободную жизнь. Были тутъ просто барышни, которымъ тяжело стало жить на плечахъ у отца или брата, изнемогавшихъ подъ гнетомъ службы и нужды. Были акушерки, голодавшія безъ имени и практики, испуганныя конкурренціей. Всѣ онѣ пришли сюда съ надеждой на лучшее будущее и въ каждомъ новомъ лицѣ видѣли безпощаднаго конкуррента, невольнаго врага.

Къ концу мѣсяца, приглядѣвшись и прислушавшись, Лизавета Николаевна поняла, что, живя подъ кровлей Мельгунова, она никогда не рѣшится перебить заработокъ у любой изъ этихъ одинокихъ женщинъ. Она училась, понимая, что всякое знаніе полезно, что это лишній шансъ на хлѣбъ, когда она уйдетъ—и только. Ближайшая задача—не зависѣть отъ мужа сейчасъ—была все-таки не рѣшена. А время шло. Отношенія ея съ мужемъ стали невозможными. Она запиралась днями у себя, выходя только къ обѣду, или чаю, отвѣчала односложно на его вопросы, не глядя въ его измученное, осунувшееся лицо. Она не хотѣла замѣчать его страданій. Она странно охладѣла и къ сыну. Уйти теперь казалось ей возможнымъ, не труднымъ. Только уйти-то было некуда. Какъ бы угадывая этотъ роковой таинственный процессъ, назрѣвавшій въ ея душѣ, Мельгуновъ былъ сдержанъ, кротокъ и деликатенъ. Но она и этого не замѣчала.

Она говорила себѣ, когда-то: Вздоръ!.. Надо бороться, надо искать... Какъ можно образованному и энергичному человѣку пропасть въ столицѣ?.. Но каждый день отрывалъ, казалось, частицу ея мужества и кралъ ея бодрость. Она работала не разгибаясь, то кончая переводъ, то обѣгая бѣдныхъ, то засѣдая въ коммиссіяхъ, то до сердцебіенія массируя больныхъ на курсахъ. Она

ждала ночи, какъ отрады. Она знала, что во снѣ увидитъ Клименко и найдетъ забвеніе. Просыпаться зато было ужасно. Въ семь было еще темно. Она шла на рынокъ, дрожа сырости, удрученная тоской. Какъ трудно было встать, отъ какъ трудно было жить и бороться! Съ каждымъ днемъ все труднѣе.

Сны дразнили ее картинами счастья и обманывали ее. И все больнѣе было пробужденье и сознанье обмана. Лучше бы ужъ не было сновъ!..

Каждый день она жила въ теченье нѣсколькихъ часовъ надеждой, что получитъ вѣсть о Клименко, хотя узнаетъ городъ, гдѣ онъ живетъ... Еслибъ написать!.. Но проходилъ вечеръ, надежда умирала.

Иногда она бѣжала къ Марьѣ Васильевнѣ. Та жила на прежней квартирѣ, сдавала комнату другому студенту, но благоговѣйно берегла убогій скарбъ Клименки, его старый чемоданъ, книги. Въ отсутствіе жильца Лизавета Николаевна входила въ эту комнату и сидѣла въ ней часами. Тутъ жило ихъ прошлое. Тутъ какъ бы осталась частица его души.

Обѣ женщины часто говорили о Клименко и тихонько плакали, обнявшись. Это было ихъ отрадою. Но Марья Васильевна начинала понемногу забывать... У нея были уроки, жильцы, дѣти. Жизнь захватывала ее понемногу, смягчая горе, стирая изъ ея памяти черты дорогого лица. Лизавета Николаевна чувствовала, что скоро потеряетъ и въ ней послѣднюю радость.

По утрамъ, раскрывая газету, полную самыхъ отчаянныхъ рекламъ—студентовъ, учительницъ, консерваторокъ и боннъ,—она чувствовала, какъ тяжесть жизни пригнетаетъ ея душу, какъ старый страхъ предъ этой жизнью вливается въ ея мозгъ холодными волнами.

Но она все искала. Ей такъ страстно хотѣлось жить минутами, такъ хотѣлось дождаться Клименко!.. Можетъ быть, черезъ два года?.. Бываетъ, возвращаются и раньше... счастливая случайность... Можетъ, онъ ей напишетъ оттуда, позоветъ?.. И ей можно будетъ тамъ работать. Всюду люди, всюду, значитъ, спросъ на знанья, на массажъ, быть можетъ?.. Но эти вспышки энергіи гасли быстро, приходили все рѣже.

Она жила уже по инерціи. Зима наступила, и очень жестокая, съ морозами, но безъ снѣга. Она спрашивала себя часто: „Гдѣ онъ? Здоровъ ли? Выдержатъ ли его больныя легкія тяжелыя условія жизни, суровый климатъ, лишенія? Она продала часы и браслетъ и берегла эти деньги, чтобы выслать ихъ ему при первомъ письмѣ, при первой вѣсти оттуда. Больше ей нечего было ему дать.

Она тоже по инерціи каждыя двѣ недѣли заходила въ магазины, гдѣ у нея были знакомыя, въ конторы, въ пансіоны даже. Потомъ бросила поиски. На каждое мѣсто были зачислены кандидатки. Выбывали изъ строя либо умирая, либо выходя замужъ. Ждать надо было годы.

Оставалась послѣдняя надежда—переводъ. Такъ много было связано съ нимъ упованій, что Лизаветѣ Николаевнѣ было жутко. Она кончила его въ ноябрѣ и пошла къ Карцевой.

При первыхъ ея словахъ, при первомъ взглядѣ, брошенномъ на объемистую тетрадь, Софья Петровна выпрямилась, лицо ея стало непроницаемо-холодно и въ голосѣ зазвучали враждебныя нотки. Всякій конкуррентъ былъ врагомъ. Двухъ мнѣній, двухъ чувствъ здѣсь не могло быть. Лизавета Николаевна слушала, опустивъ низко голову на грудь.

— Такъ значитъ Лиза разсчитывала на ея старую дружбу? Напрасно. Еслибъ она тогда весной сказала ей о своихъ планахъ, Софья Петровна искренно высказалась бы, отнявъ у нея разомъ надежду на союзъ и помощь. Конечно, она можетъ сама похлопотать за себя въ редакціи. Ей навѣрно окажутъ уваженіе, напечатаютъ ея переводъ, но онѣ-то—живущія этимъ—останутся безъ гроша и на многіе мѣсяцы... Зачѣмъ ей эти переводы?.. Зачѣмъ она—богатая женщина—явилась съ просьбой сюда, гдѣ столько тайной нужды и отчаянія? Изъ прихоти? Изъ моды? Изъ тщеславія... Надо имѣть глаза, чтобъ видѣть. Стыдно жить, не замѣчая, сколько гибнетъ людей, даже талантливыхъ, даже образованныхъ, которымъ не удалось выкарабкаться изъ нищеты... Да, нищеты... Профессіональному нищему легче... У него есть пріютъ въ ночлежномъ домѣ, обѣдъ въ благотворительной столовой, у него нѣтъ запросовъ, старыхъ привычекъ, страха передъ безпощадной толпой, готовой втоптать въ грязь того, кто не добился успѣха... Она—Карцева—не пойдетъ въ столовую, не пойдетъ въ ночлежный домъ... У нея своихъ ртовъ не перечесть, которые требуютъ пищи... У нея мать, которую убьютъ лишенія... Да, вотъ настоящая бѣдность передъ ней... Если она—богатая, счастливая женщина—никогда не встрѣчала ее раньше, пусть глядитъ!.. Она здѣсь, на лицо!..

Софья Петровна говорила это въ какомъ-то дикомъ паѳосѣ, ударяя себя въ грудь рукою. И вся она измученная и худая, съ своими костлявыми пальцами, съ сверкающими глазами на больномъ лицѣ была какой-то странной, дикой, почти трагической фигурой.

Какъ въ туманѣ Лизавета Николаевна вышла на улицу.

На нее напалъ ужасъ... Казалось, выхватили изъ подъ нея послѣднюю жердочку, на которой она балансировала, стараясь

не заглядывать въ темную пропасть, — и вотъ уже она летитъ туда, цѣпляясь судорожно за все, что встрѣтитъ по дорогѣ... Но она знала—недалекъ моментъ, когда послѣдняя зацѣпа оборвется... И бездна уже манила ее...

Лизавета Николаевна теперь испытывала какое-то головокруженіе. Въ ея рукахъ на груди у нея былъ спрятанъ источникъ радостнаго забвенія. Принять только полсклянки—и передъ ней откроется вѣчность... Что-то жуткое, неотразимое и сладострастное было въ этихъ грезахъ, въ этомъ заглядываньи въ мрачную пропасть... Голова кружилась... Бездна манила...

Она привыкала къ этимъ мыслямъ, она уже не гнала ихъ, какъ прежде, въ страхѣ цѣпляясь за жизнь, въ отчаяніи ища выхода. Она подъ конецъ полюбила ихъ. Въ душѣ разливалось странное чувство покоя. Исчезъ страхъ жизни, томившій ее такъ часто, страхъ горя, обиды, утратъ, борьбы... Когда она устанетъ, когда пойметъ, что дальше безполезно бороться за право труда, за право жить,—о, тогда это будетъ такъ просто!.. Она все-таки инстинктивно еще хваталась за какіе-то обрывки надеждъ. Она обошла редакціи, сначала почетныя, уважаемыя ею за направленіе. Всюду ее принимали любезно, охотно выслушивали и отвѣчали отказомъ. Ахъ, какъ жаль говорили ей, что въ публикѣ такъ мало распространены свѣдѣнія о настоящемъ положеньи дѣлъ! Какъ много ежедневно приходится отказывать симпатичнымъ личностямъ! Сколько здѣсь потрачено труда, энергіи, надеждъ!.. И всѣ-то бѣгутъ, думая въ наивномъ ослѣпленіи, что литературный хлѣбъ достается легче всякаго другого. О нѣтъ!.. Здѣсь идетъ борьба за каждую строчку. Ей показали шкафы, до-верху полные рукописями, съ условнымъ знакомъ *R*—refus (отказъ). Это все рукописи. А переводовъ уже не принимаютъ. Въ каждой редакціи есть свои заслуженныя переводчицы, которыхъ нельзя обидѣть.

Тогда она пошла въ другія, менѣе популярныя редакціи. Можетъ тамъ легче будетъ добиться?

Она ждала пріемнаго часа, сидя въ мрачной, неряшливой комнатѣ, гдѣ какой-то равнодушный молодой человѣкъ, съ наружностью парикмахера, вписывалъ что-то въ толстую книгу. Входная дверь безпрестанно хлопала, впуская струйку холода, морозные пары.

Сотрудники входили озлобленные, дерзкіе, очевидно, измученные неудачами, и накидывались на безмятежнаго секретаря.

— Будетъ онъ, что-ли, принимать нынче?..—догадался наконецъ спросить кто-то.

— Должно быть, не будетъ... не пріѣзжалъ.

Всѣ вскочили съ пылающими глазами.

— Это возмутительно! Одинъ пріемный день въ недѣлю и то

не добьешься редактора... И куда онъ у васъ пропадаетъ? Отъ долговъ, что-ли, бѣгаетъ?

— Отъ насъ прячется, — усмѣхнулся какой-то старичокъ-сотрудникъ въ старомъ, залоснившемся сюртукѣ съ побѣлѣвшими швами.

— Да гдѣ онъ живетъ-то?—приставала дама.

— Въ Подольскѣ...

— Да вы шутите?

— Ей-ей...

— Вотъ тутъ и живи!..

— Пожалуйте въ слѣдующую среду,—безстрастно предложилъ черноусый секретарь сотрудникамъ.

— Это я четыре мѣсяца слышу,—крикнула дама съ дрожью въ голосѣ.

— Вы хоть рукопись верните, — требовалъ другой сотрудникъ, тощій и длинноносый, съ желтымъ измученнымъ лицомъ.— Чортъ съ ней совсѣмъ съ вашей редакціей!.. Два года хожу, никакого толку... Ужъ статья и смыслъ потеряла. Мы на злобу дня пишемъ, а вы солите ихъ тутъ годы...

Старичокъ кротко улыбался, проглядывая газету.

— Моя уже принята, да два года лежитъ. Не могу добиться очереди... Вернуть просилъ, не даютъ...

— Потеряли навѣрно?

— Возможно!

— Это чортъ знаетъ что!.. Что вы теперь съ нихъ получите?

Какіе они были всѣ жалкіе, трепаные!.. На дворѣ стоялъ морозъ, а на многихъ изъ нихъ были драповыя пальто. Въ сравненіи съ пожилой писательницей, Мельгунова въ своей шубкѣ казалась почти богатой.

Симпатичный старичокъ, который, проглядывая, газеты, все присматривался къ новому лицу, подошелъ наконецъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

— Сударыня... Вы здѣсь въ первый разъ?.. Чего вы ждете?.. Васъ только будутъ водить обѣщаньями... Вы слышали сейчасъ?.. Да еще рукопись затеряютъ. Одна дама уже судилась съ ними... Потеряете время, а главное, денегъ не дадутъ... Не нынче-завтра, я слышалъ, редакція прогоритъ...

Лизавета Николаевна ушла.

Оставались уличныя, дешевыя изданія. Она спустилась и до нихъ. Ее толкалъ впередъ мощный инстинктъ жизни. Въ одной газетѣ редакторъ, взглянувъ на рукопись, сказалъ, что романъ переведенъ уже съ полгода назадъ, она опоздала. Въ другомъ мѣстѣ она узнала, что на два года пріемъ переводныхъ вещей прекращенъ, матеріалу слишкомъ много. Въ третьемъ изданіи, за-

нимавшемся исключительно перепечаткой изъ другихъ журналовъ, съ согласія авторовъ и за ничтожную плату, ей предложили переводъ пьесы съ испанскаго по шести рублей съ листа. Англійскаго имъ не нужно. Такихъ большихъ вещей тѣмъ болѣе. Предложеніе слишкомъ велико. На всѣ языки у нихъ уже есть переводчики изъ студентовъ и своихъ служащихъ. А вотъ не хочетъ ли она съ испанскаго?

Искать было уже нечего. Она вышла изъ редакціи съ страннымъ ощущеніемъ какой-то пустоты въ душѣ, какой то легкости... Тутъ только почувствовала она, какъ сильно устала, какъ долго она билась... Довольно!..

„Спать пора, Лиза!.. Спать!..“ — вдругъ донесся къ ней изъ таинственной забытой дали прошлаго суровый голосъ матери. Да!.. Пора закрыть книгу... Сказка кончена...

Она шла домой. Первый настоящій снѣгъ огромными пухлыми хлопьями безшумно летѣлъ въ воздухѣ и таялъ на ея лицѣ, на ея тихо улыбавшихся губахъ...

XXVIII.

Дома ее ждали два сюрприза. Первый — болѣзнь мужа. Онъ схватилъ инфлюэнцу, перемогался три дня, а теперь лежалъ въ жару. Узнавъ, что жена вернулась, онъ послалъ за ней Петра. Лизавета Николаевна вошла въ кабинетъ и въ первый разъ за эти два мѣсяца подала ему руку, когда онъ протянулъ къ ней свои съ горячей, нѣмой мольбой въ глазахъ. Онъ цѣловалъ ея пальцы пересохшими губами, какъ бы прося забвенья всѣхъ обидъ.

Пріѣхалъ Сивушинъ и нашелъ его положеніе опаснымъ. Жаръ все подымался, и онъ подозрѣвалъ осложненіе въ внутреннихъ органахъ.

— Нуженъ хорошій уходъ, барынька,—сказалъ онъ серьезно, когда Лизавета Николаевна вышла за нимъ въ переднюю. — Не прислать ли сидѣлку?

— Не надо, у меня силы хватитъ...

Инстинктивно она искала дѣла, цѣплялась за него, отвращаясь отъ смерти, глядѣвшей ей въ глаза...

Второй сюрпризъ было письмо отъ Клименки.

Какъ въ чаду взяла она его, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ радости. Но письмо было ужасно по своему смыслу, по отчаянію, сквозившему между строкъ. О, какъ далеко его закинула судьба! Какая суровая глушь! Нѣтъ людей, нѣтъ книгъ, нѣтъ средствъ къ существованію. Пять лѣтъ пройдутъ, конечно... Но безъ нея. Куда онъ позоветъ ее? Она не вынесетъ этого климата, этихъ лишеній.

Онъ молилъ ее ждать, не отрекаться отъ него. Ему страшно. „Для меня,—писалъ онъ,—вся жизнь въ моихъ взглядахъ, въ моей

вѣрѣ. Потерявъ ее, я потеряю все. И я могу измѣниться какъ другіе, которыхъ я встрѣчаю, изъ малодушія, нравственнаго истощенія, подъ гнетомъ нужды... Но я предпочту погибнуть. Все-таки смерть еще не худшее... Поддержи меня твоей любовью... Не покидай меня одного,—молилъ онъ.—Съ тобой мнѣ легче"...

У нея опустились руки, голова упала на столъ и она заплакала въ первый разъ съ той ночи, какъ они разстались. О, какъ сладко было плакать! Какъ легко становилось на душѣ! Со слезами уходило, казалось, изъ ея груди что-то живучее и жаркое, уходило изъ самаго сердца, которое засыпало. Все пустѣло, все гасло...

Не вставая съ мѣста, она написала отвѣтъ, полный нѣжности, страстной тоски, утѣшеній и обѣщаній ждать. Но писала это съ чувствомъ взрослаго, обѣщающаго ребенку невозможное, чтобы унять его слезы. Она вложила въ конвертъ деньги, которыя хранила для него, и на утро сама отправила все по почтѣ. Пусть перебьется до первой удачи, хоть эта мысль облегчитъ ее. Потомъ она словно окаменѣла. Въ лицѣ ея и взглядѣ появилась странная неподвижность, поразившая даже Сивушина. Глаза ея глядѣли и, казалось, не видѣли ничего. Ничто изъ внѣшней жизни не отражалось въ ея сознаніи. Жутко было глядѣть въ эти глаза.

Такъ прошло дня три.

Какъ-то разъ она не спала двѣ ночи, сидя у изголовья мужа. Мельгуновъ въ бреду вскакивалъ, боролся съ Петромъ, порывался догнать жену, которая — чудилось ему — уходила. „Лиза!.. постой... не уходи!. Ахъ, удержите ее!.." — кричалъ онъ въ отчаяніи. Память прошлаго угнетала больной мозгъ. Потомъ онъ стихалъ, но имя жены не сходило съ его устъ. Онъ звалъ ее съ нѣжностью и тоской. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ бредъ на Лизавету Николаевну. Сначала она не замѣчала его, словно, не вслушивалась, потомъ этотъ бредъ постепенно сталъ доходить до ея сознанья. Затаивъ дыханье, она ловила этотъ безсознательный лепетъ чужой души, эту горячечную исповѣдь человѣка, теперь чужаго, когда-то близкаго, чья жизнь такъ тѣсно переплелась съ ея собственнымъ существованіемъ. Волны забытыхъ ощущеній всплывали изъ тайниковъ ея *я*, въ отвѣтъ на эти безумные крики страсти и сердечной боли... Кажется, ей было жаль его.

Иногда она зажимала уши, чтобы не слышать этихъ безумныхъ признаній, въ которыхъ билась неудовлетворенная страсть. Она уходила изъ комнаты возмущенная, съ пылающими щеками. Всѣ изгибы его души были теперь ей видны. И эта душа рвалась къ ней одной...

Но въ бреду, вызывавшемъ нерѣдко картины свѣтлаго, далекаго счастья было какое-то колдовство. Она невольно переживала съ

нимъ былыя радости. Проснувшаяся память набрасывала забытыя картины... Жуткое очарованіе было въ этихъ призракахъ ушедшей юности. Какъ она любила его когда-то!..

Не отрываясь, часами она глядѣла въ это мертвенно-блѣдное, прекрасное лицо. Да, да, ей было его жаль...

Вѣдь и онъ любитъ. И онъ страдаетъ безмѣрно, обреченный, какъ она, на безплодныя грезы о счастьи, о взаимности, которой не будетъ. Они товарищи по несчастію. Ненависть ея таяла, какъ ледъ подъ первыми лучами вешняго солнца, медленно, но стихійно. Вѣдь и для ненависти, какъ для любви, нужны силы. У нея ихъ не было.

Шура плакалъ.

— Мамочка... Петръ говоритъ, что па...па ум...ретъ...

Лизавета Николаевна молча обняла сына, но въ ея ласкахъ уже не было прежней страсти.

Къ утру третьяго дня Сивушинъ, пріѣхавъ, сказалъ:

— Плохъ... Надо консиліумъ созвать.

— Неужели... такъ опасно?.. — прошептала Лизавета Николаевна.

— Боюсь за сердце... Вотъ что будетъ къ вечеру...

Ни секунды у нея не мелькнуло мысли: Вотъ онъ, выходъ, свобода!.. Новая жизнь...

Но блѣдный призракъ жалости всталъ опять въ ея душѣ.

Къ вечеру вдругъ показался потъ. Температура стала падать. Больной очнулся, узналъ жену, когда она подавала ему пить.

— Лиза... голубушка...—прошепталъ онъ съ любовью.

Она отвернулась и заплакала.

— О чемъ? о чемъ?..—испугался Сивушинъ, который, забывъ старые счеты, искренно сіялъ весь отъ счастливаго кризиса.— Радоваться надо, а вы?.. Охъ, ужъ и нервы у васъ!.. Сами, гляди, свалитесь... Сколько ночей-то не спали?

— Да, конечно, это нервы... Я устала...

— Шура, не плачь. Папа будетъ живъ,—сказала она мальчику, цѣлуя его.

Болѣзнь, однако, затянулась. Явились осложненія, которыя предвидѣлъ Сивушинъ. Мельгуновъ не отпускалъ жену отъ себя, только изъ ея рукъ принимая лѣкарство, капризничалъ, когда Петръ смѣнялъ ее, чтобъ перемѣнить бѣлье, убрать его комнату. Она выходила изъ кабинета только по неотложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ: заказать обѣдъ, послать въ аптеку, покормить Шуру, напоить его чаемъ, отпустить въ гимназію. Но Мельгуновъ черезъ какія-нибудь десять минутъ уже волновался, звонилъ и посылалъ за Лизаветой Николаевной. Вся мелочность его натуры выказалась въ эти дни бездѣйствія и болѣзни, когда ослабѣли задерживающіе

центры. Онъ во все вмѣшивался, все его раздражало и волновало, онъ брюзжалъ на сына, прислугу и Сивушина. Только одна Лизавета Николаевна видѣла его неизмѣнно-покорнымъ и ласковымъ. Но супруги рѣшительно ни о чемъ не говорили, кромѣ болѣзни, микстуръ, кушаній. Мельгуновъ проявлялъ чудовищный аппетитъ и самъ обдумывалъ меню обѣда.

Она часами сидѣла затихшая, о чемъ-то думая безъ конца, или брала книгу журнала и читала мужу вслухъ равнодушнымъ, однотоннымъ голосомъ, въ звукѣ котораго было что-то мертвенное. Въ домѣ давно замѣтили, что она перестала говорить и улыбаться даже сыну.

Распоряженія ея были разсѣянны, коротки.

Жизнь замкнулась въ тѣсный кругъ и, казалось, впереди даже не будетъ выхода. Неужели когда-нибудь она была одна? Принадлежала себѣ? Безъ помѣхи могла спать, мечтать, плакать?

Она какъ-то разъ за эти три недѣли вырвалась въ свою „келію"... О милая комната! Какъ манила она ее въ безсонныя ночи! Она знала, что здѣсь найдетъ покой... Она легла на постель, закрыла глаза и ее обступили воспоминанія. Онъ пришелъ сюда въ первый разъ на Рождествѣ...

Они сидѣли тутъ... Неужели еще нѣтъ года?.. Это кажется такъ давно было, такъ далеко... Какъ часто они тутъ читали, работали, спорили, мечтали!.. Слезы загорались въ ея глазахъ. Здѣсь тоже осталась частица его души, какъ бы жила тѣнь погибшаго счастья...

Цѣлый мѣсяцъ она провела безъ воздуха, почти безвыходно въ четырехъ стѣнахъ. Иногда она подымала тяжелую стору и глядѣла на яркое зимнее солнце, на искрившійся снѣгъ. И *тамъ* тоже солнце, только холоднѣе, тотъ же снѣгъ, только бѣлѣе и выше, цѣлые сугробы его, цѣлый океанъ... Снѣжная пустыня...

Она содрагалась. Неужели можно тамъ выжить пять лѣтъ?.. Неужели хватитъ мужества и силъ?.. Вѣдь тамъ могила... Климатъ убьетъ... тоска загубитъ... Онъ скоро умретъ...

Горло стискивалъ спазмъ. Хотѣлось дико, протяжно, завыть, закричать отъ боли. Нестерпимой мукой казалась жизнь.

— Лиза... А кажется, уже микстуру пора принимать...—раздавался голосъ Мельгунова.

Она, прижмуривъ вѣки, старалась побѣдить волненье, сдѣлать спокойное лицо.

— Боже!.. Дай мнѣ силы...—думала она.—Дотянуть, дождаться...

Она спала, одѣтая, все это время въ кабинетѣ, на складной кровати. Когда опасность миновала, она хотѣла было уйти къ себѣ, но Мельгуновъ такъ волновался, что пришлось уступить.

Изъ комитетовъ приходили безчисленныя повѣстки, которыя

валялись нераспечатанными на столѣ. Забыты были бѣдные. Когда Лизавета Николаевна дѣлала шагъ изъ комнаты, Мельгуновъ тревожно спрашивалъ: куда ты, Лиза?

Какъ-то разъ она получила письмо. Профессоръ курсовъ массажа спрашивалъ ее, угодно ли ей продолжать ученье? Если да, то пора дѣлать слѣдующій взносъ. Но чѣмъ бы она заплатила? Да и къ чему? Не все ли равно?

О, какъ все это было далеко!.. Какъ мелки и ничтожны казались ей теперь эти жалкія попытки разбить оковы!.. Жизнь доказала ей, что ихъ нечѣмъ расторгнуть, что онѣ несокрушимы... Ей казалось почему-то, что съ того дня, какъ она вошла въ эту комнату, вернувшись отъ Карцевой, съ разбитымъ сердцемъ,— прошелъ не мѣсяцъ, а полжизни. Все, что было за этой чертой, отдѣлившей ее отъ прошедшаго, ея борьба, отчаянныя усилія найти работу, ея надежды и разочарованія, письмо Клименко, ея отвѣтъ ему,—казалось, кто-то другой пережилъ это, не она, и давно-давно, въ другомъ какомъ-то мірѣ... Ея муки, слезы и усилія жить казались ей теперь такими жалкими,—работой муравья, который тащитъ соломинку вдвое тяжеле себя и спѣшитъ, теряя силы, въ свой муравейникъ... А гигантъ-человѣкъ, случайно идя мимо, по дорогѣ, давитъ его и не замѣтивъ, проходитъ дальше.

И на себѣ, на собственномъ сердцѣ она чувствовала теперь тяжесть этого гиганта-судьбы, которая прошла надъ ней и разрушила всѣ ея планы.

Уронивъ руки на колѣни, она часами сидѣла передъ каминомъ и глядѣла въ огонь. Мельгуновъ видѣлъ ея лицо, узнавалъ это жуткое выраженіе. Онъ выходилъ изъ кабинета и тихонько кликалъ Шуру.

— Поди къ мамѣ, приласкайся къ ней...

Тотъ шелъ походкой медвѣженка, неловко обнималъ шею матери и терся сконфуженно носомъ объ ея щеку. Это онъ называлъ ласкаться.

— Ахъ, это ты, дѣтка?..—удивлялась Мельгунова, гладила его равнодушно по гладкой какъ персикъ щекѣ, и скоро забывала, что онъ стоитъ рядомъ...

XXIX.

Наконецъ, Сивушинъ объявилъ Мельгунова совсѣмъ здоровымъ. Нельзя было только выѣзжать.

— Я не нужна тебѣ больше?..—спросила его Лизавета Николаевна.

Мельгуновъ даже въ лицѣ измѣнился.

— Какъ не нужна? Что ты хочешь сказать?

— Я очень устала. Хочу лечь у себя...

У Мельгунова было такое выраженье, словно онъ жалѣлъ, что поправился такъ скоро.

О наконецъ-то!.. Наконецъ, она одна!..

Въ эту ночь она спала крѣпко и безъ сновъ. Ей уже давно ничто не снилось.

Но на утро свалился Шура, заразившись отъ отца. Его, по желанію Мельгунова, перенесли въ кабинетъ.

И вотъ они опять жили и спали уже втроемъ въ этой страшной комнатѣ, изъ которой, казалось, не будетъ выхода.

Ночью Лизаветѣ Николаевнѣ чудилось, что незамѣтно изъ всѣхъ угловъ спускаются и тянутся къ ней незримыя паутины, обволакиваютъ ея душу, ея сознаніе... И бьется она и стонетъ, какъ муха, въ этой цѣпкой, вязкой, невидимой сѣти... Ей было душно, она садилась на подушкахъ и испуганно глядѣла вверхъ, туда гдѣ дрожали на потолкѣ тѣни отъ ночника. Это было что-то кошмарное, необъяснимое и страшное.

Вздоръ!.. говорила она себѣ. Ложилась на другой бокъ, но только начинала дремать, какъ паутина сползала и она точно чувствовала ее на своемъ лицѣ.

На самомъ дѣлѣ ее гипнотизировала воля Мельгунова, упорно, страстно направленная къ одной цѣли. Онъ инстинктомъ чувствовалъ, что силы Лизаветы Николаевны ушли, что она скоро будетъ вполнѣ невмѣняемымъ существомъ, больнымъ, смертельно измученнымъ физически и душевно. И онъ ждалъ терпѣливо этой минуты. Онъ зналъ, что часъ его придетъ.

Такъ прошло двое сутокъ. Когда, на вторую ночь, Лизавета Николаевна ложилась, одѣтая на свою складную постель, Мельгуновъ сказалъ ей авторитетнымъ тономъ:

— Нѣтъ! Это невозможно!.. Ты такъ сама свалишься... Раздѣнься. Я тебѣ принесу кофточку...

Она повиновалась безпрекословно, раздѣлась за ширмой, гдѣ стояла для нея кровать, и легла.

Это его поразило и даже испугало.

Неужели она уже сдается?.. словно ослѣпила его мысль. И весь онъ забился, какъ въ лихорадкѣ.

Когда Шура задремалъ, Мельгуновъ подошелъ къ постели жены и сказалъ тихонько:

— Вотъ ты опять здѣсь, со мной, Лиза... съ нами... И я знаю, что теперь ты отъ насъ не уйдешь...

Она ничего не возразила. Ее клонилъ сонъ. Она была разбита.

Она лежала на спинѣ, закинувъ руки за голову, и дремала въ полузабытьи.

Ночь тянулась безъ конца. Ей было страшно заснуть. А спать

*

хотѣлось такъ смертельно... Она забывалась поминутно и, вздрагивая, открывала глаза... Мельгуновъ тоже не спалъ. Онъ садился рядомъ, бралъ ея руки и молилъ о чемъ-то... Страшнѣе всякой борьбы и насилія этотъ гипнозъ его убѣжденныхъ, страстныхъ рѣчей, этотъ проникающій до мозга звукъ голоса, эти молящіе глаза, полные безумной муки... Страшно то чувство предательской жалости, которое крадется въ сердце ея... А еще хуже этотъ холодъ равнодушія и покорности судьбѣ, который подымается изъ тайниковъ ея полумертвой, измученной души...

Въ залѣ пробило четыре утра, когда Мельгуновъ подошелъ и сѣлъ опять въ ея ногахъ. Онъ тоже былъ измученъ. Голосъ его падалъ до шопота, полный нѣжности и тоски.

— Зачѣмъ она не спитъ? Пусть она его не боится! Онъ не хочетъ ея ненависти и проклятій. Вѣдь онъ любитъ ее всей душой. Онъ любовью надѣется вернуть ее къ себѣ постепенно, незамѣтно. Развѣ это уже невозможно? Что стоитъ теперь между ними? Прошлое? Но вѣдь оно не болѣе, какъ призраки. Онъ—конченный человѣкъ, если она его броситъ. Онъ началъ пить, онъ не ручается ни за что. Въ сущности, чѣмъ смерть хуже той пытки, которую онъ переживаетъ ежедневно отъ ревности, отъ сознанія, что онъ ее утратилъ? Нѣтъ! Это не угроза. Жизнь потеряла для него свою цѣнность. Пусть хоть разъ она повѣритъ въ его искренность! Наконецъ, Шура. Развѣ оба они не нужны ему одинаково? Развѣ дитя въ чемъ-нибудь виновато? Пусть пощадитъ его, хотя бы ради Шуры! Этотъ мальчикъ—звено крѣпкой цѣпи, сковавшей ихъ, и не разбить ей этихъ оковъ! Пусть попробуетъ уйти! Собственная совѣсть не дастъ ей покоя. Нельзя же такъ — всадить человѣку ножъ въ сердце и идти на счастье съ другимъ. Она себя не знаетъ, если думаетъ, что способна на такую жестокость! Нѣтъ! Она упадетъ безъ силъ, перешагнувъ порогъ этого дома. Четырнадцать лѣтъ жизни. Да развѣ можно вычеркнуть ихъ изъ памяти? Куда уйдетъ она отъ прошлаго? Отъ воспоминаній? Найдетъ ли она въ собственномъ сердцѣ силу для новаго чувства? Для забвенія? Тѣни прошлаго побѣгутъ за нею и омрачатъ ей всю радость свободы. Надо умѣть забывать. Она не сможетъ. Пусть же она попробуетъ примириться съ тѣмъ, чего требуетъ сама жизнь. И неужели въ сердцѣ ея нѣтъ жалости?..

Онъ говорилъ это, овладѣвъ ея руками, глядя ей въ лицо съ жгучей тоской, глядя близко-близко въ самые зрачки, гипнотизируя ея волю. Его страсть, его нѣжность обволакивали, какъ паутиной, ея больную душу, уставшую бороться.

Стояла тишина. Въ залѣ пробило пять. Шура сопѣлъ, всхрапывалъ и бормоталъ что-то во снѣ. Ночникъ лилъ призрачный свѣтъ. Углы большой комнаты тонули въ полумракѣ. Изъ этихъ

угловъ, изъ этихъ стѣнъ выходили опять тѣни прошлаго, какъ тогда, зимою,—вставали забытые призраки и обступали ея изголовье. Они нашептывали ей объ умершемъ счастьи, объ ушедшей юности, о любви ея къ этому человѣку, чья голова покорно лежала на ея груди... Дважды не живутъ... Старое чувство взяло всѣ силы души, извлекло изъ нея всѣ соки, всѣ краски... Все остальное самообманъ, дивный миражъ, который разсѣется къ утру, волшебная сказка, конецъ которой она предчувствовала всегда, въ самыя высокія минуты экстаза и забвенья... Дважды не живутъ... Она безсильна любить, бороться, страдать, уйти...

XXX.

Она очнулась.

Скупой свѣтъ зимняго утра крался изъ-за тяжелыхъ сторъ. Домъ спалъ. Стояла тишина.

Она открыла глаза и сѣла на постели. Рядомъ, на подушкѣ лежала голова Мельгунова. Онъ спокойно спалъ. Голова его слегка запрокинулась назадъ. Ротъ былъ открытъ. Съ легкимъ свистомъ вырывалось дыханье.

По чертамъ Лизаветы Николаевны пробѣжала судорога и краска стала быстро сходить съ ея лица. Она отодвинулась и сѣла, свѣсивъ на полъ босыя ноги. Въ широко-расплывшихся зрачкахъ былъ ужасъ...

Свѣтъ, кравшійся въ комнату, казалось, входилъ въ ея душу и озарялъ ея самые сокровенные изгибы и тайники... И то, что ночью, во тьмѣ казалось такимъ простымъ и неизбѣжнымъ, было позорнымъ, невыносимымъ *теперь*...

Вотъ она—жизнь!.. Страшная, несокрушимая сила, требующая ежечасно уступокъ, сдѣлокъ съ совѣстью и позорныхъ измѣнъ... Она побѣдила, да... Но есть все-таки выходъ... Смерть,—несущая забвеніе всему...

Она вскочила. Казалось, стѣны душили ее... Дико блуждали ея глаза, ища платье, обувь и ничего не находя въ полумракѣ. Одна туфля нашлась, другой не было... Она двигалась безшумно, нагибалась, напрягая зрѣніе. Когда она отодвинула кресло, оно откатилось и колесики слабо завизжали... На мгновенье она замерла, скорчившись на полу...

Мельгуновъ всхрапнулъ, но не проснулся. Онъ только повернулся на бокъ и задышалъ еще глубже...

Туфля нашлась подъ кресломъ. Она сѣла и обулась наскоро, дрожащими руками завязала юбки... Она задыхалась, кое-какъ застегивая крючки лифа... Во всей обстановкѣ этой комнаты была та интимность, которая искупается только страстью, только иллю-

зіей любви... Здѣсь ея не было... И Лизавета Николаевна почувствовала, что лицо ея загорѣлось отъ оскорбленья... Душу жгло сознанье непоправимаго униженія и обиды...

Жалость?.. Нѣтъ!.. И слѣда ея не осталось въ ея сердцѣ. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что сильнѣе ея...

Она оглянулась... Не осталось ли чего?.. Ни одной шпильки не хотѣла она оставить здѣсь, послѣ себя... въ память этой ночи...

На креслѣ валялся ея теплый платокъ... Она надѣла его... Кажется, все?..

Безшумно, какъ тѣнь, скользнула она изъ-за ширмъ и пошла къ двери...

Кто-то кашлянулъ...

Казалось, ее ударили въ грудь... Она попятнулась и взялась рукою за косякъ двери. Ея бѣлое лицо повернулось туда, откуда донесся этотъ звукъ... Контуры кроватки теперь ясно выдѣлялись изъ полумрака, рѣдѣвшаго съ каждой минутой...

Шура...

Мальчикъ спалъ и дышалъ ровно... Лобикъ его былъ влажепъ. Темные волосы слегка завились,—онъ пропотѣлъ. Его ноги открылись и высунулись изъ-подъ одѣяла...

Горло Лизаветы Николаевны сжалось... Закусивъ губы, она старательно закутала ноги мальчика, подоткнула одѣяло со всѣхъ сторонъ... Потомъ сѣла въ ногахъ его и заплакала... На мгновеніе, все опять заколебалось въ ея душѣ... Какъ могла она забыть о немъ,—уходя?..

Слезы лились жгучія, невольныя, неудержимыя... Пусть!.. Это ея послѣдняя слабость...

Въ столовой пробило половину восьмого. Она встала и нагнулась надъ черной головкой. Ея поцѣлуй разбудилъ Шуру.

— Мамочка... Ты?..—спросилъ онъ, улыбаясь, обнялъ ея шею теплыми руками и задремалъ опять... Потомъ, припоминая эту минуту, онъ не зналъ, приснилось это ему, или было на яву?..

Душа ея дрогнула отъ этой ласки. Всхлипнувъ, она опустилась на колѣни передъ кроватью и, обвитая теплыми ручками, голова ея легла рядомъ съ Шурой, на его подушку... Сонное дыханье ребенка вѣяло въ ея лицо. И опять свѣтлыя, крупныя слезы скатывались и смачивали подушку... Какая жуткая отрада была въ нихъ на этотъ разъ!.. Въ душѣ незримо умирали всѣ обиды, вся горечь жизни, вся ненависть... Жалкими казались ей людскія стремленья къ счастью, эта отчаянная борьба за него, собственныя ошибки и чужія страданья... Проклятія замирали... Въ душу входила странная тишина.

Она медленно перекрестила черную головку широкимъ кре-

стомъ, какъ бы благословляя ребенка на эту страшную жизнь, изъ которой уходила сама...

Замедленными шагами подошла она къ ширмамъ. Взглядъ ея пристальныхъ глазъ приковался къ красивому лицу Мельгунова. Ни отвращенія, ни ненависти не было въ ея душѣ... За что?.. Онъ любилъ ее... И не онъ ея убійца... Жалкій слѣпецъ, какъ она,—онъ бѣжалъ за призракомъ счастья... Впереди одни страданья... Она ему прощала...

„Я умираю... я уже умираю...“ поняла она, почувствовала какъ-то разомъ...

Дверь затворилась за нею въ послѣдній разъ... Прошлое умерло...

. . . . . .

XXXI.

Свѣтало, когда она подходила къ своей комнатѣ. Только въ углахъ гостиной, съ тяжелыми шелковыми сторами на окнахъ и портьерами, еще притаился таявшій мракъ... Въ столовой ясно выступали всѣ предметы... Она прошла медленно, озираясь по сторонамъ, что-то припоминая... Мысли бѣшено мчались, перегоняя одна другую, путались и забывались...

На порогѣ она оглянулась... Она его уже не переступитъ... никогда...

Странное ощущеніе охватило ее, когда она вошла въ свою „келію“. Это были чувства человѣка, который, проживъ бурную жизнь, входитъ въ домъ, гдѣ родился и былъ ребенкомъ... Какъ тѣсны кажутся теперь эти стѣны, гдѣ росла его душа!.. Какое чувство неудовлетворенности и обманутыхъ ожиданій охватываетъ вдругъ сердце, которое рвалось сюда, мечтая найти покой, отраду, всѣ чары юности и воспоминаній!..

Только тутъ чувствуетъ онъ ярко, до боли, какой далекій путь пройденъ имъ!.. Какъ онъ долго боролся, страдалъ!.. Какъ много растеряно по дорогѣ... какъ онъ усталъ идти...

Она сѣла у стола, взялась за лобъ рукою, силясь вспомнить. Что-то надо сдѣлать... Да... Написать Клименкѣ... проститься...

Она взяла перо... Вдругъ лицо ея исказилось.

Что писать?.. Какъ объяснить?.. Нѣтъ... Ей нечего сказать ему *теперь*... Его свѣтлыя мечты о жизни вдвоемъ... ея робкія надежды... ея чистая любовь... Все низвергнуто... Все втоптано въ грязь...

Нѣтъ возврата...

Перо выпало изъ ея рукъ. Голова упала на столъ... Изъ полумертвой души вырывались стоны—послѣдніе вопли агоніи.. Только въ этотъ мигъ измѣрила она всю глубину своего паденья...

Какъ долго будетъ онъ ждать ея отвѣта!.. Когда-нибудь *туда* дойдутъ слухи объ ея смерти... Неужели онъ пойметъ?.. Ужасъ!.. Ужасъ!.. Это убьетъ его... Захочетъ ли онъ понять, что она все-таки не могла, не согласилась примириться?.. Онъ-то не измѣнитъ себѣ, не уйдетъ въ лагерь „ликующихъ“... Непримиримый, неподкупный... И неужели въ его глазахъ эта смерть не искупитъ всего?..

Пробило восемь...

Она вздрогнула и поднялась... Надо спѣшить...

Она ходила, задвигая и запирая ящики, приводя все въ порядокъ, уничтожая старый дневникъ, старыя письма... Губы ея задрожали, когда она увидала почеркъ Клименки...

Она поцѣловала листки и сожгла ихъ на свѣчѣ.

Потомъ взяла записную книгу, открыла ее на послѣдней страницѣ и положила на нее запечатанный конвертъ съ деньгами, которыя остались у нея отъ хозяйственныхъ суммъ.

Кажется, все?..

Домъ просыпался... Петръ стучалъ щеткой, подметая полъ въ столовой, и гулко разносились эти звуки...

Матери и брату тоже писать не надо... Павелъ Васильевичъ—умный человѣкъ и не доведетъ до огласки. Умерла разрывомъ сердца и только... Ему всѣ повѣрятъ...

Глаза ея вдругъ блеснули. На щекахъ выступила слабая краска... Исходъ найденъ... Это будетъ такъ правдоподобно... *Онъ* не узнаетъ ничего...

Она колебалась одно только одно мгновенье... Потомъ взяла перо и написала мужу:

„Я знаю, ты будешь долго и сильно страдать. Только не вини себя. Не ты мой убійца. Жизнь, съ которой я не хочу примириться, пошлость которой я не хочу выносить... Она сильнѣе тебя, меня, всѣхъ нашихъ принциповъ и идеаловъ... Знаю, еслибъ я прожила хоть сутки еще, она засосала-бы меня навсегда... Надо было умереть раньше... Я этого не съумѣла. Боялась, должно быть... Эта ночь ускорила развязку. Но помни. Смерть легч. примиренія. Она не требуетъ измѣнъ и сдѣлокъ съ совѣстью, какъ жизнь... Я рада умереть...

«Прощай. Мы много мучили другъ друга. Мнѣ тебя жаль. И это такъ хорошо—не имѣть злобы въ послѣднюю минуту...

„Люби Шуру за насъ обоихъ... Теперь прошу о послѣдней услугѣ. Скрой отъ всѣхъ причину смерти. Напечатай въ газетахъ, что отъ разрыва сердца... Сбереги эту тайну, молю тебя, чтобъ *никто* не узналъ, никогда... Ты понялъ меня?.. Твое самолюбіе отъ такой случайной смерти не потеряетъ ничего... А для меня въ этой мысли—послѣдняя отрада“.

Она запечатала письмо, надписала адресъ и оставила его на

столѣ, на видномъ мѣстѣ. Ея взоръ упалъ на портретъ сына... Слабая судорога волненья промчалась по ея чертамъ... Но это былъ уже послѣдній отблескъ догорающей души...

Казалось, холодныя волны вливались въ ея мозгъ и въ нихъ тонули печали, муки, воспоминанія... Забыть... Заснуть... Какая отрада!..

— Спать, Лиза!.. Спать!.. — словно крикнулъ кто надъ ея ухомъ.

Крѣпко заснетъ она на этотъ разъ и не встрѣтитъ жуткаго разсвѣта... Не будетъ сновъ... Тѣмъ лучше... Не надо ни грезъ, ни иллюзій... Не надо обмана...

Вдругъ, какъ-бы на прощанье, память донесла къ ней яркое воспоминаніе недавняго, ея чудный сонъ... Майское, свѣжее утро... На горизонтѣ клубится пронизанный золотомъ туманъ... Высоко въ синемъ небѣ звенитъ жаворонокъ... Они идутъ во ржи, взявшись за руки, по безконечной дорогѣ, въ золотую даль... „Впередъ!..—говоритъ онъ ей голосомъ, полнымъ трепета и силы.— Впередъ!..“

И она идетъ, не оглядываясь... Разбиты оковы, тянувшія ее къ землѣ... Прошлаго не жаль... Какъ легко!..

А. Вербицкая.

Конецъ.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Дѣло Каласа и Вольтеръ).

Raoul Allier *). Voltaire et Calas. Une erreur judiciaire au XVIII siècle. Paris, 1898 P.—V. Stock, éditeur.

Злополучное дѣло Дрейфуса, волновавшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Францію и весь цивилизованный міръ, невольно приводитъ на память не менѣе злополучное дѣло несчастнаго Каласа, павшаго въ прошломъ столѣтіи въ той же Франціи жертвой судебной ошибки. Осужденіе Дрейфуса въ 1894 г. также было ужасной судебной ошибкой, смутившей совѣсть многихъ людей, напавшихъ на слѣдъ настоящаго измѣнника.

Если во время процесса Эмиля Зола, столь мужественно выступившаго, подобно великому «фернейскому изгнаннику», на защиту поруганной справедливости, не смотря на противодѣйствія со стороны президента ассизнаго суда Делегорга, прекращавшаго дебаты классической фразой «la question ne sera pas posée»,—все таки удалось приподнять завѣсу, скрывавшую настоящихъ измѣнниковъ; если послѣ самоубійства полковника Анри, когда впервые «вопросъ былъ поставленъ», кабинетъ Бриссона началъ, наконецъ, пересмотръ дѣла Дрейфуса, такъ какъ устанавливалась презумпція въ пользу его невиновности,—то слѣдствіе, произведенное кассаціоннымъ судомъ, а затѣмъ и рѣшеніе кассаціоннаго суда, отмѣнившее приговоръ 1894 г. и передавшее дѣло на разсмотрѣніе Реннскаго военнаго совѣта, окончательно «поставили вопросъ» и дали такой отвѣтъ, что истина, какъ казалось всѣмъ благомыслящимъ и безпристрастнымъ людямъ, была раскрыта вполнѣ, и невинность , Дрейфуса доказана.

Истина, обнаруженная слѣдствіемъ кассаціоннаго суда, заключалась въ томъ, что бордеро написано не Дрейфусомъ, а Эстергази. Таковъ былъ тотъ обнаруженный фактъ, неизвѣстный суду 1894 г., который устанавливалъ невиновность Дрейфуса и повлекъ за собой пересмотръ его дѣла. Выводъ изъ приговора кассаціоннаго суда могъ

*) Рауль Аллье — профессоръ исторіи философіи факультета протестантской теологіи въ Парижѣ и сотрудникъ газеты «Siecle».

быть только одинъ: бордеро написано Эстергази; слѣдовательно, если доказано, что перечисленные въ бордеро документы, дѣйствительно, выданы иностранной державѣ, то фактъ измѣны на лицо, и измѣнникъ—Эстергази, а, слѣдовательно, Дрейфусъ невиновенъ. Поэтому, кассаціонный судъ и поставилъ эти предѣлы для военнаго совѣта, на разсмотрѣніе котораго передалъ вторично дѣло Дрейфуса, чему военный совѣтъ *обязанъ* былъ подчиниться. Точно также обязательны были для реннскаго военнаго совѣта и другіе факты, установленные слѣдствіемъ кассаціоннаго суда, напр., вопросъ о признаніяхъ, сдѣланныхъ будто бы Дрейфусомъ жандармскому капитану Лебренъ-Рено. Для всѣхъ уважающихъ право и справедливость было очевидно, что суду 1899 г., который, повторяемъ, *обязанъ* былъ подчиниться приговору кассаціоннаго суда, оставалось только исправить страшную судебную ошибку, благодаря которой Дрейфусъ былъ заживо погребенъ на Чертовомъ островѣ болѣе четырехъ лѣтъ.

Но ожиданія не оправдались: Реннскій военный совѣтъ осудилъ Дрейфуса! Французскіе военные судьи не юристы *); они и въ военномъ совѣтѣ остаются солдатами, проникнутыми духомъ военной касты. Генералы и бывшіе военные министры терроризировали членовъ военнаго совѣта, и у нихъ не хватило мужества смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Судьи заботились, главнымъ образомъ, объ оправданіи генераловъ и съ большой охотой приняли предложенную имъ генераломъ Мерсье формулу: или мы, или Дрейфусъ. Осужденіе Дрейфуса было только средствомъ для достиженія главной цѣли—оправданія генераловъ. Это доказывается признаніемъ въ приговорѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ, уничтожающихъ все значеніе, весь смыслъ обвинительнаго приговора. Такое же значеніе имѣетъ и ходатайство суда о неисполненіи надъ Дрейфусомъ обряда разжалованія. Какъ увидятъ читатели изъ дальнѣйшаго изложенія, такими же противорѣчіями отличается и приговоръ тулузскаго парламента по дѣлу Каласовъ.

Такимъ образомъ, судьи 1899 г. не столько обвиняли Дрейфуса, сколько оправдали генераловъ. Условія, при которыхъ велось судебное слѣдствіе, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Для оправданія генераловъ Реннскому военному совѣту необходимо было выйти изъ предѣловъ, указанныхъ ему приговоромъ кассаціоннаго суда; важно было не допустить защиту, путемъ дебатовъ заставить генералов признаться во всѣхъ совершенныхъ ими беззаконныхъ дѣйствіяхъ, вообще, не дать обнаружиться всей истинѣ. Вотъ почему вновь обсуждались вопросы объ авторѣ бордеро, о признаніяхъ Дрейфуса; вотъ почему президентъ, полковникъ Жуо, горячій поклонникъ формулы Делегорга «la question ne sera pas posée», неоднократно спасалъ генераловъ,

*) Предсѣдатель, полковникъ Жуо, откровенно признался, что онъ не знаетъ законовъ.

своей предсѣдательской властью лишая слова защиту и ея свидѣтелей въ трудныя для генераловъ минуты; вотъ почему онъ разрѣшалъ тѣмъ же генераламъ произносить обвинительныя рѣчи, не смотря на полную ихъ голословность, и охотно выслушивалъ и принималъ во вниманіе явную ложь, клевету, лжесвидѣтельства, подлоги, лакейскія сплетни; вотъ почему на просьбу Дрейфуса провѣрить его объясненія затребованіемъ изъ главнаго штаба его рукописей, полковникъ Жуо могъ отдѣлаться фразой: «nous n'avons pas le temps de faire des recherches». Такія выраженія предсѣдателя, какъ «къ дѣлу!», «намъ незачѣмъ входить въ разсмотрѣніе этого», «это справки, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу», «это праздныя подробности», «вопросъ не будетъ поставленъ», «лишаю васъ слова» и т. п.—проходятъ чрезъ все судебное слѣдствіе и доказываютъ справедливость нашего вывода: предсѣдатель не стоялъ на стражѣ закона и правды, а ревностно охранялъ интересы генераловъ. Даже въ такой рѣшительный моментъ процесса, когда явилась возможность разрубить гордіевъ узелъ всего дѣла и допросомъ полковниковъ Шварцкоппена и Панницарди обнаружить истиннаго измѣнника, судъ отказалъ въ этомъ! Судьи до того увлеклись желаніемъ оправдать генераловъ, что на нихъ не подѣйствовали не только показанія полковника Кордье, подполковника Пикара, сенатора Трарье, майора Гартманна, генерала Себера, но даже сенсаціонное показаніе капитана Фрейштеттера не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія! Если приговоръ 1894 г. можно, дѣйствительно, считать судебной ошибкой, то о Реннскомъ приговорѣ можно сказать, перефразируя извѣстную фразу Фуше: «c'est plus qu'une faute, c'est un crime» *). Находясь въ полномъ противорѣчіи съ рѣшеніемъ кассаціоннаго суда, Реннскій приговоръ не можетъ оставаться въ силѣ, ибо не могутъ сохранить свое значеніе два приговора, изъ которыхъ одинъ признаетъ авторомъ бордеро и, слѣдовательно, измѣнникомъ Эстергази, а другой—Дрейфуса. Помилованіе Дрейфуса не можетъ лишить его права возстановить свою честь. «Истина идетъ, и ничто ее не остановитъ», сказалъ Эмиль Зола. Сила общественнаго мнѣнія, столько сдѣлавшаго въ прошломъ столѣтіи для реабилитаціи Каласа, сдѣлаетъ свое дѣло и теперь, тѣмъ болѣе, что лучшіе представители современной республиканской Франціи отлично понимаютъ, что подъ дѣломъ Дрейфуса скрывается и иное: имъ воспользовались клерикалы и монархисты, съ цѣлью погубить ненавистную имъ республику. Борьба будетъ ожесточенная, но мы увѣрены, что республика будетъ спасена, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнута будетъ и реабилитація Дрейфуса, и, такимъ образомъ, въ классической странѣ судебныхъ ошибокъ будетъ одной судебной ошибкой меньше.

Изданная въ Парижѣ въ 1898 г. брошюра г. Рауля Аллье, посвя-

*) Это хуже ошибки, это—преступленье!

щенная дѣлу Каласа и спасителю его добраго имени и семьи невинно казненнаго Вольтеру, излагаетъ чрезвычайно любопытныя подробности этого мрачнаго дѣла и рисуетъ душевное состояніе Вольтера, въ которомъ увѣренность въ невозможности осужденія, ничѣмъ не заинтересованными судьями, невиннаго Каласа постепенно начинаетъ колебаться и приводитъ къ полному убѣжденію въ невиновности казненнаго. Обнаруживаются такіе пріемы веденія слѣдствія, которые невольно наводятъ на сопоставленіе съ современникомъ Дрейфуса—Патю-де-Кламомъ! Рисуется благородная личность прокурора Дюру, осмѣлившагося протестовать противъ неправильностей предварительнаго слѣдствія и обвиненнаго въ виду этого въ оскорбленіи магистратуры съ отрѣшеніемъ на три мѣсяца отъ занимаемой имъ должности. И тутъ напрашивается сравненіе съ геройской фигурой подполковника Пикара! Борьба общественнаго мнѣнія, въ пользу пересмотра дѣла Дрейфуса, совершилась у насъ на глазахъ и памятна всѣмъ. Изъ произведенія Рауля Аллье мы можемъ узнать, какъ совершалась та же борьба въ прошломъ столѣтіи въ пользу Каласовъ. Ознакомиться съ этой борьбой, прослѣдить ея разные трагическіе моменты—и составляетъ цѣль настоящей статьи.

I.

22-го марта 1762 г. Вольтеръ писалъ совѣтнику Ле Бо: «Вамъ быть можетъ приходилось слышать объ одномъ добромъ гугенотѣ, котораго тулузскій парламентъ приказалъ колесовать за задушеніе сына; однако этотъ святой реформатъ считалъ, что совершилъ доброе дѣло, такъ какъ его сынъ желалъ сдѣлаться католикомъ, и онъ этимъ предупреждалъ вѣроотступничество; онъ принесъ своего сына въ жертву Богу и считалъ себя гораздо выше Авраама, такъ какъ Авраамъ только повиновался; нашъ же кальвинистъ повѣсилъ своего сына по собственному побужденію и для успокоенія совѣсти. Мы не многаго стоимъ, но гугеноты хуже насъ, и, сверхъ того, они возстаютъ противъ театра».

Не трудно представить себѣ удивленіе, которое испыталъ Вольтеръ въ тотъ же самый день, когда написано предъидущее письмо, или спустя день или два, во время визита, сдѣланнаго ему однимъ путешественникомъ. Послѣдній, торговецъ въ Марселѣ, проѣзжая черезъ Тулузу во время процесса Каласа, слѣдилъ за дѣломъ съ страстнымъ вниманіемъ и уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что произошла судебная ошибка. Вольтеръ выслушалъ разсказъ торговца и отвѣтилъ ему, что, дѣйствительно, преступленіе Каласа не правдоподобно, но «еще менѣе правдоподобно, чтобы судьи безъ всякаго къ тому интереса, заставили погибнуть невиннаго въ мученіяхъ на колесѣ».

Вольтеръ отнюдь не былъ предубѣжденъ въ пользу человѣка, казненнаго въ Тулузѣ. Однако, разговоръ съ Доминикомъ Одибермъ

заставилъ его усомниться, что если этотъ торговецъ сказалъ правду? если правосудіе заблудилось? Мало по малу, это сомнѣніе становится для него невыносимымъ, и 25-го марта онъ пишетъ Фійо де-ла-Маршу: «Я внѣ себя отъ этого: я интересуюсь этимъ, какъ человѣкъ, не какъ философъ. Я хочу знать, на чьей сторонѣ находится ужасъ фанатизма. Интендантъ Лангедока находится въ Парижѣ; заклинаю васъ сказать ему или приказать сказать ему объ этомъ; онъ знаетъ подробно это ужасное происшествіе. Будьте добры, умоляю васъ, дайте мнѣ знать, что мнѣ объ этомъ думать». И въ тотъ же день онъ обращается съ такою же просьбою къ кардиналу де-Берни: «Позвольте мнѣ обратиться къ Вашему Высокопреосвященству,—саблаговолите сказать мнѣ, что я долженъ думать о страшномъ происшествіи съ этимъ Каласомъ, колесованнымъ въ Тулузѣ за повѣшеніе своего сына? Здѣсь утверждаютъ, что онъ вполнѣ невиненъ и, что умирая онъ призывалъ Бога въ свидѣтели этого... Этотъ случай мучаетъ меня посреди удовольствій; онъ отравляетъ ихъ. Съ ужасомъ приходится смотрѣть на тулузскій парламентъ или протестантовъ».

Вольтеру кажется, что инициатива въ требованіи разслѣдованія этого дѣла должна принадлежать министрамъ, которые могутъ извлечь изъ этого только почетъ и выгоду. Онъ объявляетъ объ этомъ 24-го марта графу д'Аржанталю: «Я не призванъ осуждать тулузскій парламентъ; но, въ концѣ концовъ, вѣдь не было ни одного свидѣтеля-очевидца; фанатизмъ народа могъ достигнуть предубѣжденныхъ судей. Многіе изъ нихъ принадлежали къ братству бѣлыхъ кающихся; они могли ошибиться. Не должны ли справедливость короля и его благоразуміе потребовать, по крайней мѣрѣ, представленія мотивовъ приговора? Одна эта попытка утѣшила бы всѣхъ протестантовъ Европы и успокоила бы ихъ вопли. Не можете ли вы побудить графа де-Шуазеля собрать справки объ этомъ ужасномъ происшествіи, которое позоритъ человѣческую природу, независимо отъ того, виновенъ или невиненъ Каласъ?»

Столь важныя особы, понятно, не торопились отвѣчать на просьбу Вольтера. Понятно также, что ихъ молчаніе удвоило его сомнѣнія. Къ тому же его подозрѣнія увеличивались и сами по себѣ. 2-го апрѣля Вольтеръ пишетъ вторично совѣтнику Ле Бо: «Дѣло колесованнаго въ Тулузѣ становится очень загадочнымъ. Утверждаютъ, что фанатизмъ находится на сторонѣ восьми судей, которые принадлежали къ братіи кающихся. Пять совѣтниковъ, которые не принадлежали къ кающимся, всецѣло оправдали подсудимаго, остальные же хотѣли принести въ жертву еретика. Вотъ что объ этомъ пишутъ. Въ концѣ концовъ представляется очень страннымъ, что отецъ, обвиняемый въ повѣшеніи собственнаго сына, осужденъ на основаніи столь шаткихъ доказательствъ, что изъ тринадцати судей нашлось пять, которые объявляютъ его невиннымъ. Смертный приговоръ надъ обвиняемымъ постановленъ большинствомъ голосовъ, въ которомъ не участвовали, по

крайней мѣрѣ, трое судей. Словомъ, дѣло это является ужасающимъ во всякомъ случаѣ».

Не находя поддержки, Вольтеръ рѣшается, совершенно одинъ, произвести разслѣдованіе. Преступленіе, вмѣненное Каласомъ, могло быть совершено только неистовыми фанатиками. Узнавъ, что самый младшій сынъ осужденнаго спасся на территоріи Женевской республики, Вольтеръ приглашаетъ его къ себѣ, искусно разспрашиваетъ, изучаетъ его, не стѣсняясь; вскорѣ, изъ простодушныхъ разсказовъ этого ребенка, онъ провидитъ, каково было семейство Каласовъ: честное, кроткое, терпимое. «Признаюсь,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—мнѣ не нужно было ничего больше, чтобы вполнѣ убѣдиться въ невинности семьи». Тѣмъ не менѣе, онъ неудовлетворяется этимъ. Въ письмѣ къ Дамилавиллю отъ 1-го марта 1765 г. Вольтеръ пишетъ: «Я получилъ новыя свѣдѣнія отъ двухъ торговцевъ изъ Женевы, вполнѣ честныхъ, которые жили въ Тулузѣ у Каласа. Они укрѣпили во мнѣ мое убѣжденіе... Я увидѣлъ теперь, что Каласа обвинили и погубили фанатики. Мнѣ давно уже было извѣстно, на что способны партійный духъ и клевета».

Онъ не перестаетъ обсуждать это дѣло и всегда останавливается на томъ же затрудненіи, которое онъ впослѣдствіи влагаетъ въ уста Пьерра Каласа: «Есть ли въ лѣтописяхъ міра и преступленій примѣръ подобнаго убійства, совершеннаго безъ всякаго плана, безъ всякой цѣли, безъ причины?» Но Вольтеръ отлично понимаетъ, что нравственныхъ соображеній, какъ бы основательны они ни были въ глазахъ людей мыслящихъ, не достаточно для образованія «dossier». Прежде, чѣмъ публично провозгласить невинность осужденнаго, онъ желаетъ обладать матеріальными доказательствами ея. Онъ переживаетъ мучительныя сомнѣнія. Однажды, получивъ письмо герцога Ришелье, онъ заявляетъ совѣтнику Троншену: «Не нужно больше ни во-что вмѣшиваться; Каласъ былъ виновенъ»,—самъ же вновь и вновь старается найти доказательства, необходимыя ему для того, чтобы убѣдить другихъ, и ищетъ ихъ безъ устали. То, что онъ сказалъ позднѣе по поводу дѣла Сирвена, онъ могъ бы повторить относительно Каласа: «Люди ужаснулись бы, знай они, сколько заботъ и труда нужно употребить, чтобы вырвать, наконецъ, нѣсколько юридическихъ доказательствъ въ пользу невиннаго... Въ силу какого злого рока такъ легко угнетать и такъ трудно помогать?» Можно прослыть за человѣка съ страннымъ умомъ, если осмѣлиться заподозрить, что осужденный человѣческимъ судомъ невиненъ. Вольтеръ испыталъ это. Въ цитированномъ уже письмѣ къ Дамилавиллю онъ пишетъ: «Сколь велико было мое изумленіе, когда, написавъ въ Лангедокъ объ этомъ странномъ происшествіи, я получилъ въ отвѣтъ отъ католиковъ и протестантовъ, что не слѣдуетъ нисколько сомнѣваться въ преступленіи Каласа. Но я не палъ духомъ. Я осмѣлился написать тѣмъ, которые управляли

провинціей, коммендантамъ сосѣднихъ провинцій, министрамъ: всѣ единодушно совѣтовали мнѣ не вмѣшиваться вовсе въ столь скверное дѣло; всѣ меня осуждали, я же упорствовалъ».

Къ счастью, Вольтеръ не былъ уже одинокъ въ отыскиваніи истины. Нѣкоторые изъ его сосѣдей въ Женевѣ, торговецъ Дебрюсъ, адвокатъ де Вегобръ, министръ Мульту, банкиръ Катала, юрисконсультъ Троншенъ стали его сотрудниками, онъ же не перестаетъ возбуждать ихъ рвеніе, торопитъ, подталкиваетъ. Сколько увлеченія въ слѣдующей, напр. запискѣ, отправленной Дебрюсу: «Мнѣ абсолютно необходимо сегодня же переговорить съ вами. Прошу васъ, чтобы Донатъ Каласъ былъ на мѣстѣ, и адвокатъ де Вегобръ присутствовалъ при нашемъ совѣщаніи. Пригласите еще, кого хотите, Мартена или кого-нибудь другого. Дай Богъ, чтобы Троншенъ былъ на совѣщаніи. Назначьте мнѣ часъ, я буду у васъ или у Троншена въ указанное время». Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ происходитъ искусная и ожесточенная погоня за документами, всякаго рода доказательствами, неизвѣстными еще показаніями. Это безпрерывный призывъ, ежечасная мольба къ людямъ, которые боятся скомпрометировать себя. Въ письмѣ къ Риботту, Вольтеръ пишетъ: «Тѣ, которые могли бы дать намъ, какъ можно больше свѣта, хранятъ трусливое молчаніе, и даже тотъ, кто самъ находится въ подозрѣніи». И когда Вольтеръ домогается отъ кого-нибудь полученія новыхъ свѣдѣній, онъ недопускаетъ даже намека на то, что его убѣжденіе установилось. Онъ пишетъ, напримѣръ, одной корреспонденткѣ, оставшейся для насъ неизвѣстной: «Это правда, сударыня, что въ отвѣтѣ, который я написалъ де-Шуазеллю, я просилъ у него разъясненій по поводу ужаснаго происшествія съ Каласомъ... Я далъ отчетъ де-Шуазеллю о чувствахъ и воплях всѣхъ иностранцевъ, которыми я окруженъ; но я не могъ высказать ему свое мнѣніе объ этомъ жестокомъ дѣлѣ, такъ какъ у меня вовсе нѣтъ такового. Я знаю только записки о дѣлѣ, составленныя въ пользу Каласа, а этого недостаточно, чтобы осмѣлиться принять въ немъ участіе. Я желалъ поучаться въ качествѣ историка. Я, такимъ образомъ, просилъ у де-Шуазеля инструкцій, но я не ожидалъ, что онъ долженъ будетъ показать мое письмо. Какъ бы тамъ ни было, я упорно продолжаю желать, чтобы тулузскій Парламентъ соизволилъ предать гласности процессъ Каласа, подобно тому, какъ былъ опубликованъ процессъ Даміеновъ. Можно пренебречь существующими обычаями въ столь экстроординарныхъ случаяхъ. Эти два процесса интересуютъ человѣческій родъ; и если что-нибудь можетъ остановить у людей ярость фанатизма,—это *публичность* и *доказательство* убійства и нечестія, которыя привели Каласа къ колесованію, а всю семью сдѣлали жертвой самыхъ тяжкихъ подозрѣній. Таково мое мнѣніе».

Однако, его мнѣніе мало-по-малу образовалось. Онъ увѣренъ теперь, что отецъ Каласъ не обладалъ даже физическими средствами для убій-

ства своего сына. Онъ знаетъ, что изслѣдованіе трупа не допускаетъ гипотезы преступленія. Разсказывали, что молодой человѣкъ былъ повѣшенъ для предупрежденія его отреченія отъ кальвинизма, которое онъ собирался совершить на слѣдующій день; но Вольтеръ можетъ утверждать: «У меня есть достовѣрныя доказательства, что этотъ несчастный не имѣлъ вовсе намѣренія перейти въ католичество». Онъ объясняетъ себѣ очень хорошо все, что произошло, и говоритъ объ этомъ Фійо-де-ла-Маршу: «Это дѣло, — или я жестоко ошибся — есть остатокъ духа крестовыхъ походовъ противъ Альбигойцевъ».

Къ несчастью, насколько онъ увѣренъ въ невинности Каласа, настолько же увѣренъ въ равнодушіи и бездѣйствіи министровъ. «Чѣмъ больше я размышляю, говоритъ Вольтеръ, объ ужасной участи Каласовъ, тѣмъ больше мой умъ изумленъ и тѣмъ больше мое сердце обливается кровью. Я ясно вижу, что дѣло затянется въ Парижѣ и что оно погибнетъ въ отсрочкахъ. Канцлеръ — старъ. Дворъ всегда равнодушенъ къ страданіямъ частныхъ лицъ. Нужны могущественныя пружины, чтобы тронуть людей, занятыхъ своими личными интересами». Рѣшеніе Вольтера принято. Будутъ несомнѣнно столкновеніе съ заговоромъ злыхъ намѣреній, тѣмъ хуже! Будетъ борьба. «Мы погибли, — восклицаетъ онъ, — если несчастная вдова не будетъ принесена къ королю на рукахъ растроганной публики и если крикъ народовъ не расшевелитъ нерадивость». Нужно возбудить общественное мнѣніе. Возмутившаяся общественная мысль — единственное средство спасенія. «Когда высшая власть совершаетъ очевидную и жестокую несправедливость, необходимо, чтобы сто тысячъ голосовъ сказали ей, что она несправедлива. Приговоръ, произнесенный народомъ, вотъ единственная кара: это всеобщій набатъ, который пробуждаетъ уснувшую справедливость, предупреждаетъ ее быть на сторожѣ и можетъ спасти жизнь множеству невинныхъ. Подъ общественнымъ голосомъ я понимаю не голосъ черни, которая почти всегда нелѣпа; ея вопль вовсе не голосъ, это — крикъ скотовъ. Я говорю о томъ голосѣ объединившихся честныхъ людей, которые размышляютъ и со временемъ выносятъ безошибочный приговоръ». Эти слова написаны Вольтеромъ въ 1771 г. по поводу другого дѣла; они формулируютъ, удивительнымъ образомъ, принципъ, который онъ всегда примѣнялъ и, который составлялъ его отличительную черту, начиная съ 1762 г. «Я уповаю, — писалъ онъ д'Аржанталю, — только на свою счастливую звѣзду и на общественное мнѣніе. Я считаю необходимымъ, чтобы де-Бомонъ и Малларъ заставили кричать въ нашу пользу все сословіе адвокатовъ; чтобы изъ устъ въ уста переходилъ трезвонъ въ уши канцлера; чтобы ему не давали ни отдыху, ни сроку; чтобы ему кричали всегда: *Калась! Калась!*» Онъ рѣшился употребить всевозможныя усилія, и въ этой компаніи на защиту справедливости и правды онъ пойдетъ до конца. «Нужно поднять всю Европу, — пишетъ онъ Дебрюсу, — пусть ея крики гремятъ въ ушахъ судей. Я отка-

жусь отъ этого дѣла, только умирая». Онъ разсылаетъ во всѣ концы брошюру, напечатанную имъ подъ заглавіемъ: *Подлинные документы, касающіеся смерти господина Каласа, и т. д.*; и можно резюмировать увѣщанія, который онъ разсылаетъ всѣмъ своимъ друзьямъ, словами приказа, которыя онъ шлетъ Дамилавиллю: «Кричите, умоляю васъ, и заставляйте другихъ кричать».

II.

О чемъ же нужно было кричать? Чтобы узнать объ этомъ необходимо просмотрѣть «dossier», столь старательно собранное Вольтеромъ.

Жанъ Каласъ занимался въ Тулузѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ сорока лѣтъ профессіей торговца ситцами, и считался всѣми добрымъ отцомъ. Онъ былъ протестантомъ, также какъ и вся его семья, за исключеніемъ одного изъ его сыновей, по имени Луи, который отрекся отъ кальвинизма и которому отецъ помогалъ пенсіей. Отецъ былъ очень терпимъ и послѣ обращенія своего сына Луи объявилъ, что «лишь бы только оно было искреннимъ, онъ отнюдь его не порицаетъ, ибо всякое стѣсненіе совѣсти ведетъ только къ лицемѣрію». Мало того, въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ онъ имѣлъ служанку, которая была ревностной католичкой и воспитала всѣхъ его дѣтей; она не мало также содѣйствовала отреченію Луи, и не смотря на это, осталась у своего хозяина.

Другой сынъ Жана Каласа, по имени Маркъ-Антоній, былъ писателемъ. Онъ обладалъ умомъ, отъ природы безпокойнымъ и мрачнымъ, и меланхолія его характера была отягчена несчастными обстоятельствами. Онъ питалъ отвращеніе къ торговлѣ, а профессія, для которой онъ считалъ себя рожденнымъ, была для него закрыта. Онъ желалъ сдѣлаться адвокатомъ, но не могъ добиться диплома лиценціата правовѣдѣнія, такъ какъ для этого необходимо было перейти въ католичество, а онъ не могъ рѣшиться на поступокъ, противорѣчащій его совѣсти. Онъ часто говорилъ о самоубійствѣ, много разъ перечитывалъ знаменитыя мѣста у Плутарха, Сенеки и Монтеня о добровольной смерти; онъ зналъ на память и декламировалъ съ удовольствіемъ монологъ Гамлета. Но никто не думалъ, что ему суждено когда-нибудь осуществить на практикѣ эти уроки. Между тѣмъ, его положеніе становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Неспособный заработывать средства для жизни ремесломъ, онъ предался игрѣ и часто проигрывалъ огромныя суммы. Въ день своей смерти онъ игралъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Ему было тогда же поручено его отцомъ размѣнять значительную сумму на луидоры; онъ не далъ въ ней отчета, и не нашли никакихъ слѣдовъ ея въ карманахъ трупа, который обыскали полицейскіе чиновники.

Вечеромъ 3-го октября 1761 года, Маркъ-Антоній Каласъ поки-

нулъ своихъ родителей за обѣдомъ. Семья продолжала разговоръ съ своимъ другомъ, молодымъ Лавэйсомъ, обѣдавшимъ у нихъ. Около трехъ четвертей десятаго, Лавэйсъ собрался уходить, мать велѣла своему второму сыну взять факелъ и посвѣтить ему. Они сходятъ внизъ и вдругъ видятъ, что двери магазина открыты, обѣ половинки соединены палкой, на которой виситъ въ петлѣ Маркъ-Антоній. Они подняли крикъ, побѣжали наверхъ, сбѣжалась вся семья. Пробуютъ оживить тѣло, бѣгутъ за хирургами, за должностными лицами. Толпа, привлеченная криками, которые южане всегда поднимаютъ въ случаѣ смерти, мало-по-малу собирается передъ домомъ.

Является капитулъ *) Давидъ де-Бодригъ, разбуженный среди перваго сна. Онъ-то и будетъ руководить всѣмъ. Онъ не злой человѣкъ, но принадлежитъ къ опасной категоріи безпокойныхъ подчиненныхъ. Онъ умѣетъ расчитать, что̀ можетъ доставить ревностная служба, и заботится довести до свѣдѣнія министра, Сенъ-Флорентена, что его рвеніе значительно превосходитъ рвеніе его коллегъ. «Хотя мои собратья и не помогали мнѣ въ моемъ усердіи въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь увѣрить васъ, монсеньеръ, что это нисколько не уменьшитъ моей дѣятельности, направленной на поддержаніе порядка и на то, чтобъ заслужить, если это возможно, всѣми моими хлопотами ваше могущественное покровительство». Начиная съ 18-го октября, онъ торопится сообщить министру дѣло, такъ какъ, говоритъ онъ, «оно имѣетъ значеніе для государства и религіи». Это послѣднее слово знаменательно: Давидъ убѣжденъ, что люди, дерзающіе не раздѣлять религіи короля и капитуловъ, способны на всякое преступленіе. Наконецъ, онъ вполнѣ доволенъ самимъ собой, охотно вѣритъ, что у него геніальныя вдохновенія, приписываетъ себѣ несравненное чутье слѣдователя, драматизируетъ все. Слѣдствіе находится въ хорошихъ рукахъ.

Въ моментъ прибытія капитула кто-то вскрикиваетъ въ толпѣ: «Каласы убили своего сына!» Слова эти облетаютъ всѣхъ и падаютъ на добрую почву: они доходятъ до Давида. Для послѣдняго это лучъ свѣта. Онъ начинаетъ дѣйствовать и приказываетъ арестовать всѣхъ. Напрасно одинъ изъ его коллегъ уговариваетъ его поступать спокойнѣе. Онъ отвѣчаетъ ему: «Я принимаю всю отвѣтственность на себя»—и ежеминутно повторяетъ: «Это преступленіе имѣетъ религіозную подкладку». Въ нѣсколько минутъ онъ составилъ себѣ упорное убѣжденіе. Поэтому, онъ считаетъ безполезнымъ произвести изслѣдованіе мѣста происшествія — есть ли слѣды преступленія; мысль объ этомъ даже не приходитъ ему въ голову, такъ хорошо онъ понимаетъ все, что произошло, въ такой степени увѣренъ въ этомъ. Онъ приказываетъ отвести въ слѣдственную камеру обвиняемыхъ, которые

*) Капитулами назывались въ Тулузѣ должностныя лица, завѣдывавшія полиціей и городскими дѣлами; они же производили слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ.

еще даже не догадываются въ чемъ дѣло. Они такъ мало предполагаютъ это, что отецъ Каласъ, зная позорное обращеніе съ трупами самоубійцъ, налагаемое закономъ, говоритъ Пьеру: «Не распространяй слуховъ о самоубійствѣ брата; спаси, по крайней мѣрѣ, честь своей семьи». Страшныя слова въ устахъ виновнаго, который заботится о защитѣ памяти умершаго, прежде чѣмъ подумать объ оправданіи самаго себя. Каласы не подозрѣваютъ, въ чемъ ихъ намѣрены обвинить, а Давидъ уже упорно обращается съ ними, какъ съ виновными, почти даже, какъ съ осужденными. Немедленно онъ поручаетъ одному хирургу покончить съ вскрытіемъ, и этотъ экспертъ такъ удачно выбранъ, работаетъ настолько научно, что его рапортъ представляетъ образецъ торжествующаго невѣжества и педантичной фантазіи. Этотъ хирургъ, по имени Ламаркъ, составилъ до этого рапорта о вскрытіи, другой краткій докладъ о состояніи тѣла въ моментъ, когда его нашли. Этотъ первый мемуаръ, составленный Ламаркомъ въ сотрудничествѣ съ двумя его коллегами, не допускаетъ даже гипотезы о преступленіи; знаменитый хирургъ Луи читалъ въ немъ рѣшительное доказательство самоубійства. Но слѣдствіе не воспользовалось имъ; оно не преминуло обратиться къ другому, который лучше согласовался съ его желаніями,

Между тѣмъ общественное мнѣніе взволновано. Ему-то предстоитъ раскрыть нѣкоторыя неизвѣстныя подробности. Одинъ разсказываетъ, что покойный—жертва: семья задушила его, чтобы предотвратить его вѣроотступничество. Другой прибавляетъ, что его отреченіе должно было совершиться на слѣдующій день. Третій говоритъ, что протестантская религія повелѣваетъ отцамъ и матерямъ душить или рѣзать своихъ дѣтей, если они пожелаютъ сдѣлаться католиками. Четвертый передаетъ, что все это правда, что протестанты на послѣднемъ своемъ собраніи избрали палача для своей секты, что молодой Лавэйсъ и есть палачъ, что молодой человѣкъ прибылъ изъ Бордо въ Тулузу спеціально для того, чтобы повѣсить своего друга. Толки эти переходятъ изъ устъ въ уста и попутно умножаются словами, которыхъ никто не провѣряетъ, но которыя повторяетъ каждый. Такъ, одинъ художникъ, по имени Матей, разсказываетъ, что его жена передавала ему, будто нѣкая г-жа Мандрилль говорила ей, какъ одна незнакомка сказала, что слышала крики Марка-Антонія Каласа на другомъ концѣ города. Находится, наконецъ, памфлетистъ, который утверждаетъ въ пасквилѣ съ библейскими текстами въ подтвержденіе, что преступленіе ни чуть не удивительно и что оно согласуется съ доктриной кальвинистовъ.

А капитулъ Давидъ собираетъ всѣ эти росказни. Кто знаетъ, не онъ ли самъ или кто-нибудь изъ его коллегъ—вполнѣ, впрочемъ, чистосердечно—помогали ихъ распространенію. Во всякомъ случаѣ, изъ нихъ создали основу обвиненія. Составляютъ документъ, который называютъ *monitoire* (увѣщательное посланіе). Берутъ одинъ за другимъ

слухи, которые успѣли собрать; изъ нихъ составляютъ списокъ, который будетъ читаться во время проповѣди, въ теченіе нѣсколькихъ воскресеній, и предписываютъ, подъ страхомъ отлученія, всякому, знающему эти факты *по слуху* или инымъ образомъ, дать свое показаніе. Само собою разумѣется, что при наличности monitoir'а, составленнаго такимъ образомъ, можно заставить говорить только свидѣтелей противъ обвиняемаго. Другихъ не желаютъ и звать; среди послѣднихъ, какъ это обнаружилось во время процесса о пересмотрѣ, были такіе, которые просили разрѣшенія дать показаніе въ пользу обвиняемыхъ, но ихъ отвергли. Единственный свидѣтель со стороны защиты, которому удалось заставить выслушать себя въ Тулузѣ, добился этого только при помощи уловки, увѣривъ всѣхъ, что онъ намѣренъ своимъ показаніемъ усилить обвиненіе.

Далѣе, вмѣсто того, чтобы разслѣдовать, дѣйствительно ли Маркъ-Антоній Каласъ былъ намѣренъ отречься отъ протестантскаго вѣроисповѣданія—противное можно было установить при малѣйшемъ изслѣдованіи—стараются представить покойнаго, какъ жертву католической вѣры, ему устраиваютъ торжественныя похороны; поддерживаютъ искуснымъ образомъ раздраженіе народа противъ обвиняемыхъ. Въ тоже время не пренебрегаютъ и устрашеніемъ безпристрастныхъ и спокойныхъ умовъ. Одинъ прокуроръ, по имени Дюру, представляетъ просьбу отъ имени Каласовъ, но такъ какъ въ этой бумагѣ онъ протестуетъ противъ неправильностей слѣдствія, то его объявляютъ виновнымъ въ оскорбленіи магистратуры, онъ получаетъ оффиціальное порицаніе, и отрѣшенъ отъ исполненія своихъ обязанностей на три мѣсяца. Ассессоръ капитуловъ, метръ Монійе, пытавшійся внести нѣкоторую законность въ слѣдственной процедурѣ, обвиненъ въ благоволеніи къ подсудимымъ: онъ не въ силахъ покориться оскорбительнымъ подозрѣніямъ и отказывается быть докладчикомъ, чего и желали достигнуть. И въ то же самое время одного подмастерья брадобрѣя, котораго совѣсть заставила отказаться отъ своего показанія, даннаго противъ Каласа, приказали взять подъ стражу. Такимъ образомъ, тѣ, которые пытались поднять свой голосъ въ защиту подсудимыхъ, получили предостереженіе и умолкли.

Между тѣмъ, парламентъ замѣчаетъ, что капитулы позволили себѣ превышеніе власти: не постановили ли они, что Каласъ долженъ подвергнуться пыткѣ, а другіе подсудимые должны быть только представлены къ ней? По какому праву допустили они это исключеніе? Парламентъ беретъ, такимъ образомъ, дѣло въ свои руки: но для того, чтобы изслѣдовать его съ тѣми же страстями, съ тѣми же предразсудками. Онъ начинаетъ съ того, что принимаетъ, какъ законное, фантастическое разслѣдованіе, предпринятое капитулами. Благодаря примѣненной процедурѣ, ни одинъ свидѣтель въ пользу подсудимыхъ не можетъ явиться. Свидѣтели противъ обвиняемыхъ являются въ изоби-

ліи, но ни одинъ не видѣлъ преступленія, не владѣетъ ни однимъ доказательствомъ его. Всѣ приносятъ въ судъ неопредѣленные, противорѣчивые, непровѣренные слухи. Къ несчастью, по правиламъ, которыя были тогда въ употребленіи, судьи, за неимѣніемъ лучшаго, складывали *признаки*, *догадки* и *предположенія*, и сумма представляла собою доказательство, *основанное на догадкахъ*. Вольтеръ сначала не могъ повѣрить въ реальное существованіе подобной системы. «Правда ли,—спрашиваетъ онъ у де Вегобра,—что члены тулузскаго парламента такъ нелѣпы, что могутъ признавать четверти доказательствъ, восьмыя доли доказательствъ, такъ что четыре показанія по слуху съ одной стороны, и восемь, циркулирующихъ въ народѣ разсказовъ, съ другой стороны, образуютъ два совершенныхъ доказательства и замѣняютъ двухъ свидѣтелей-очевидцевъ?» Юриспруденція слишкомъ формальна. Парламентъ старается установить противъ обвиняемыхъ только основанное на догадкахъ доказательство.

Одинъ изъ судей замѣчаетъ, однако, неправильности, которыя накопляются; онъ ихъ констатируетъ, поднимаетъ свой голосъ въ пользу Каласа, его вынуждаютъ отвести себя, въ виду обнаруженія имъ публично своего мнѣнія, и процессъ можетъ продолжать свой ходъ, не встрѣчая болѣе безпокойной оппозиціи. Приговоръ произнесенъ только въ концѣ десяти продолжительныхъ засѣданій. Въ послѣдній моментъ одинъ изъ судей предлагаетъ отправиться провѣрить на мѣстѣ, допустима ли гипотеза о самоубійствѣ Марка-Антонія, или нѣтъ; но не желаютъ кончить на томъ, съ чего слѣдовало бы начать, и оставляютъ безъ вниманія это необыкновенное ходатайство. Восмью голосами противъ пяти Каласъ присужденъ къ смертной казни, которой должна предшествовать пытка. Не добились увѣренности въ совершеніи преступленія, но надѣются, что мученія пытки исторгнутъ признаніе, котораго столь долго добивались.

10-го марта Каласъ былъ подвергнутъ пыткѣ; онъ остается спокоенъ посреди страданій, ускользаетъ изъ западни вопросовъ, которые ему предлагаютъ въ эти ужасные часы. Его привозятъ, наконецъ, на мѣсто казни; въ телѣгѣ онъ повторяетъ все время одни слова: «Я невиненъ». У подножія эшафота, когда монахъ упорно убѣждалъ его сознаться, онъ восклицаетъ: «Какъ это, отецъ мой, вы допускаете, что отецъ можетъ убить своего сына!» Палачъ приступаетъ къ своимъ обязанностямъ. Когда несчастный былъ раздробленъ, задыхаясь на ступицѣ и спицахъ колеса, ему еще разъ предлагаютъ назвать своихъ сообщниковъ, а онъ въ состояніи только пробормотать въ отвѣтъ: «Увы! тамъ, гдѣ нѣтъ преступленія, можно ли имѣть сообщниковъ?» И до конца онъ увѣряетъ въ своей невинности.

Судьи, такимъ образомъ, обманулись въ своемъ ожиданіи; у нихъ нѣтъ противъ остальныхъ подсудимыхъ желаемаго доказательства. Они постановляютъ второй приговоръ, который освобождаетъ мать, ея

сына Пьерра, молодого Лавэйса и служанку. Но они замѣчаютъ тогда что этотъ приговоръ противорѣчитъ первому, что освобожденіе оставшихся въ живыхъ доказываетъ невинность казненнаго отца. Они постановляютъ тогда третій приговоръ, который изгоняетъ Пьерра Каласа, но и этотъ приговоръ не менѣе абсурденъ, чѣмъ предшествовавшій: если Пьерръ виновенъ, то нужно его колесовать, если же нѣтъ, то не нужно его изгонять. Изгнаніе его состоитъ, однако, въ заключеніи въ доминиканскомъ монастырѣ, откуда онъ убѣгаетъ спустя четыре мѣсяца. Его сестры не были арестованы во время процесса; ихъ заключаютъ теперь въ монастырь.

Все смѣшно и гнусно въ этомъ дѣлѣ. Это добровольный и удивительный расцвѣтъ всевозможныхъ нелѣпостей, торжество клеветническихъ сплетенъ, страшное давленіе религіозной ненависти. Одна возможность подобнаго скандала представляетъ опасность для всѣхъ гражданъ въ государствѣ. «Убійство Каласа,—говоритъ Вольтеръ,—совершенное въ Тулузѣ, при помощи меча правосудія, 9-го марта 1762 г., есть одно изъ самыхъ необыкновенныхъ событій, которыя заслуживаютъ вниманія нашего вѣка и нашего потомства. Быстро забываютъ груду мертвецовъ, погибшихъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ, не только потому, что такова фатальность войны, но и потому, что тѣ, которые умираютъ смертью воиновъ, могли и съ своей стороны убивать своихъ враговъ и погибли защищаясь. Тамъ, гдѣ опасность и побѣда равны, нѣтъ мѣста удивленію, и даже сожалѣніе слабѣетъ; но если отецъ семейства преданъ въ руки заблужденія, гдѣ царятъ страсти, гдѣ господствуетъ фанатизмъ; если обвиняемый находитъ защиту только въ своей добродѣтели, если властители его жизни, убивая его, рискуютъ только тѣмъ, что могутъ ошибиться; если они могутъ убивать безнаказанно посредствомъ судебнаго приговора,—тогда общественное мнѣніе возмущается, каждый боится за самого себя, видятъ, что ничья жизнь не обезпечена передъ трибуналомъ, установленнымъ для охраны жизни гражданъ, и голоса всѣхъ соединяются, чтобы вопіять о мщеніи».

III.

Не останавливаясь на томъ, какимъ способомъ Вольтеру удалось добиться пересмотра дѣла Каласа, г. Аллье все свое вниманіе обращаетъ на внутреннее состояніе души тѣхъ людей, которые участвовали въ этой драмѣ, или вмѣшались въ нее,—на поведеніе и слова современниковъ.

Вольтеръ вначалѣ разсчитывалъ на государственныхъ дѣятелей и въ частности на государственнаго секретаря графа де-Сенъ-Флорентена. Онъ пишетъ 5-го іюня 1762 года д'Аржанталю: «Я узнаю въ данный моментъ, что только что заключены въ отдѣльныхъ монастыряхъ вдова Каласа и обѣ ея дочери. Виновна ли вся семья Каласовъ, какъ увѣ-

ряютъ, въ столь ужасномъ убійствѣ? Сенъ-Флорентенъ очень свѣдущъ въ этомъ; я умоляю васъ на колѣняхъ, справьтесь объ этомъ. Поговорите съ графомъ де-Шуазелемъ: ему очень легко узнать у Сенъ-Флорентена истину; а по моему мнѣнію, эта истина важна для всего человѣчества». Нѣсколько дней спустя, въ письмѣ къ тому же д'Аржанталю, Вольтеръ спрашиваетъ, дѣйствительно ли министръ освѣдомленъ: «Быть можетъ, онъ знаетъ только то, что онъ подписалъ приказъ объ арестѣ. Въ Парижѣ думаютъ, что это бездѣлица—колесовать отца семейства и держать всѣхъ дѣтей въ тюрьмахъ монастыря».

Въ это время Вольтеръ подозрѣваетъ министра только въ легкомыслiи. Ему неизвѣстно, что послѣдній слѣдилъ за процессомъ во всѣхъ его подробностяхъ, не переставая поощрять капитула Давида, посылая ему ко дню 31-го октября 1761 г. поздравленія, написавъ въ тотъ же день президенту де-Сено: «Я не сомнѣваюсь, что вы соблаговолите наблюдать за теченіемъ этого дѣла, слѣдствіе по которому не могло быть ни слишкомъ строгимъ, ни поспѣшнымъ». Равнымъ образомъ, Вольтеру неизвѣстно, что когда какой-то безстыдный публицистъ обвинялъ протестантовъ въ проповѣди законности убійства дѣтей родителями, Сенъ Флорентенъ приказалъ наложить арестъ на мемуаръ, въ которомъ Поль Рабо опровергалъ эту клевету. Министръ начинаетъ, впрочемъ, съ того, что онъ очень любезенъ и обѣщаетъ золотыя горы, такъ что восхищенный Вольтеръ пишетъ д'Аржанталю: «Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что Сенъ-Флорентенъ написалъ въ Тулузу и очень расположенъ». Ровно три дня спустя государственный секретарь приказалъ отвѣтить тѣмъ, которые просили его за Каласовъ: «Законные пути для нихъ открыты, и они могутъ воспользоваться ими, если они находятъ это удобнымъ. Но меня это дѣло нисколько не касается». Однако оно его настолько интересуетъ, что 27-го января 1763 г. онъ приказываетъ герцогу Фитцъ-Джемсу наложить арестъ въ Монпелье на мемуаръ о дѣлѣ Каласовъ, который только что появился въ печати, и приказать уничтожить въ немъ гравюру.

Просьба Вольтера была ему представлена герцогомъ де-Вилларомъ. Этотъ послѣдній, человѣкъ вполнѣ честный, былъ очень смущенъ, когда его стали просить о такой услугѣ. Вилларъ не отважился отказать и написалъ министру, но обѣщалъ только просить его «соизволить справиться о мотивахъ приговора». «Это почти все, — говоритъ онъ,— что я считалъ своимъ долгомъ сказать Сенъ-Флорентену; я не могъ увѣрить его, что приговоръ несправедливъ, такъ какъ я этому не вѣрю. Документы, которые вы мнѣ прислали, за что я вамъ благодаренъ, ничуть не заставляютъ меня измѣнить свое мнѣніе... Я не могу допустить, чтобы фанатизмъ могъ быть поводомъ къ столь тяжкимъ преступленіямъ, и чтобы тринадцать судей присудили единогласно человѣка къ ужаснѣйшей казни, не убѣдившись основательно въ его виновности». Нужно ли прибавлять, что герцогъ нашелъ способъ отпра-

вить Сенъ-Флорентену одну изъ тѣхъ рекомендацій, которыя могутъ только скомпрометировать рекомендуемаго.

Отвѣтъ герцога де-Виллара имѣетъ, впрочемъ, свое значеніе. Онъ даетъ начало легендѣ, которую министръ пустилъ въ ходъ. Сенъ-Флорентенъ отлично понималъ, что фернейскій изгнанникъ будетъ его осаждать; и, дѣйствительно, его послѣдовательно умоляютъ всѣ его приближенные, герцогиня д'Анвилль, «*premier commis*» *) его министерства Менаръ, де-Шабанъ, его врачъ и многіе другіе. Онъ изобрѣтаетъ очень простой пріемъ, чтобы обезкуражить всѣхъ этихъ назойливыхъ людей,—разсказываетъ имъ ложь. 17-го октября Вольтеръ пишетъ Дебрюсу, называя ему нѣсколькихъ придворныхъ, которымъ слѣдуетъ послать мемуаръ, составленный Эли де-Бомономъ, и прибавляетъ: «Имъ внушили, что отецъ семейства Каласовъ былъ осужденъ на колесованіе двадцатью пятью судьями, которые всѣ были одного мнѣнія. Они не могутъ повѣрить, что двадцать пять судей, ничѣмъ не заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, могли для собственнаго удовольствія осудить невиннаго».

Вольтеръ ходатайствуетъ не только предъ людьми власть имущими. Онъ обращается къ бывшимъ министрамъ, которые, по своему положенію, сохранили еще нѣкоторое вліяніе. Онъ уже обращался въ мартѣ 1762 г. къ кардиналу де-Берни; 15-го мая онъ вновь идетъ на приступъ: «Я умолялъ васъ соизволить справиться объ ужасномъ происшествіи съ Каласомъ; маршалъ Ришелье не могъ получить никакого удовлетворительнаго разъясненія по поводу этого дѣла. Ужасно странно, что стараются скрыть то, что слѣдовало бы постараться обнародовать... Если бы вы могли, не компрометируя себя, разузнать истину, то мое любопытство и мое человѣколюбіе были бы вамъ очень много обязаны». Любезный кардиналъ выходитъ изъ затрудненія при помощи трогательныхъ возраженій, продиктованныхъ скромностью: «Мой братъ, который находится въ Тулузѣ, не могъ изслѣдовать дѣла Каласовъ. Я не считаю протестанта болѣе способнымъ на тяжкое преступленіе, чѣмъ католика; но я не вѣрю также (безъ убѣдительныхъ доказательствъ) въ то, чтобы судьи сговорились совершить ужасную несправедливость. Будьте увѣрены,—ничто на свѣтѣ не удовлетворило бы меня больше, чѣмъ свиданіе съ вами, хотя на мигъ, возможность обнять васъ, поговорить съ вами; но я вынужденъ сдерживать себя во избѣжаніе сплетенъ... Такъ какъ я не съумѣлъ сдѣлать Францію счастливой и славной, то мнѣ остается только одно: осчастливить свою семью и смягчить участь своихъ вассаловъ».

Герцогъ Ришелье пишетъ, съ своей стороны, Вольтеру, убѣ-

*) Такъ назывался въ старой французской монархіи высшій чиновникъ, причисленный къ каждому министерству. Эти чиновники фактически были министрами, въ особенности, если они были одарены значительными способностями. Учредительное Собраніе уничтожило ихъ въ 1791 г.

дить его оставаться въ покоѣ. Президентъ де-Броссъ порицаетъ его за то, что онъ вмѣшался въ это дѣло и обвинялъ въ кривосудіи судей, которые, по всей очевидности, не могли допустить подобнаго уклоненія. Философъ больше уже не скрываетъ отъ себя: онъ ничего не добьется отъ этихъ людей, ни отъ имъ подобныхъ. Онъ пишетъ Дамилавиллю: «Только при помощи вопля общественнаго мнѣнія мы можемъ добиться справедливости. Формальности изобрѣтены для того, чтобы губить невинныхъ». Но какъ вызвать этотъ вопль возмущающейся совѣсти? Онъ отчетливо знаетъ, что одно изъ худшихъ препятствій заключается въ легкомысліи людей. Онъ пишетъ Одиберу: «Сильно опасаюсь, что въ Парижѣ мало думаютъ объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ. Могли бы смѣло колесовать сотни невинныхъ, а въ Парижѣ будутъ говорить только о новой пьесѣ, подумаютъ только о хорошемъ ужинѣ. Однако, если возвысить голосъ, можно заставить слушать самыя тугія уши; иногда крики несчастныхъ достигаютъ даже до двора». Но они достигаютъ туда только послѣ того, какъ преодолѣны всѣ препятствія, характеръ и упорство которыхъ легко понять изъ жалобъ Вольтера.

Вначалѣ приходится считаться съ инстинктивной и безсмысленной оппозиціей со стороны людей, для которыхъ подобнаго рода инициатива является нарушеніемъ благочинія и сопряжена съ рискомъ испортить пищевареніе. Многіе думаютъ, что нужно «предоставить всему на свѣтѣ идти своимъ чередомъ, исполнять свои обязанности кое-какъ и говорить только одно хорошее о господинѣ настоятелѣ». Вольтеръ не созданъ для подобной «максимы монаха». «Я сдѣлалъ въ этомъ страшномъ дѣлѣ только то, что дѣлаютъ всѣ люди,—я послѣдовалъ своей склонности. А философа она должна приводить не къ *жаленію* несчастныхъ, а къ *служенію* имъ». Слова его, обращенныя къ кардиналу де-Берни, несомнѣнно величественны: «Вы спросите меня, почему я взялся за этотъ процессъ?—потому, что никто за него не брался».

Вольтеръ встрѣчаетъ проповѣдниковъ, скрывающихъ подъ своими призывами къ спокойствію, чувства, которыя они не отваживаются анализировать. Онъ пишетъ Дамилавиллю: «Въ то время какъ поражающее несчастіе Каласовъ и Сирвеновъ удручало мои чувства, нѣкто, положеніе котораго вы опредѣлите по его рѣчамъ, упрекалъ меня за интересъ, проявляемый мною къ этимъ двумъ чужимъ мнѣ семействамъ. Къ чему вы вмѣшиваетесь?—сказалъ онъ мнѣ,—предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Я ему отвѣтилъ: Я встрѣтилъ въ своей пустынѣ израильтянина, купающагося въ собственной крови; позвольте мнѣ пролить немного масла и вина на его раны; вы—левитъ, дайте же мнѣ быть самаритяниномъ».

Нѣкоторые намекаютъ, что лучше было бы вовсе не заниматься подобными скандалами. Почему? Не въ интересахъ ли страны? Философъ имѣетъ свое мнѣніе объ этомъ. Онъ знаетъ, что повсюду толкуютъ объ этомъ оскорбленіи правосудія: «Не знаютъ, какія послѣд-

ствія проистекаютъ изъ этого... Мы составляемъ предметъ ужаса и презрѣнія Европы, что̀ меня сильно печалитъ... Иностранные народы, которые насъ ненавидятъ и побѣждаютъ, охвачены негодованіемъ. Всѣ иностранцы содрогаются отъ этого происшествія. Важно для чести Франціи, чтобы тулузскій приговоръ былъ или подтвержденъ, или осужденъ». Нѣкоторые, въ свою очередь, озабочены болѣе человѣколюбіемъ, чѣмъ Франціей; не слѣдовало бы, полагаютъ они, воспроизводить теперь эти событія, столь позорящія человѣческій родъ. «А я,—восклицаетъ Вольтеръ,—говорю, нужно говорить о нихъ тысячу разъ, на нихъ нужно постоянно указывать человѣческому уму».

Что же это за чрезвычайное требованіе, предъявляемое Вольтеромъ, которое вызываетъ противъ себя цѣлый хоръ острой критики и страстныхъ возраженій? Онъ не требуетъ, чтобы признали заранѣе невиновность Каласа; онъ требуетъ лишь, чтобы освѣтили темныя стороны дѣла и начали для этого съ опубликованія того, что было скрыто. Онъ говоритъ: «Люди безпристрастные и здравомыслящіе говорятъ: Не будемъ торопиться высказывать свое мнѣніе о столь запутанномъ дѣлѣ, о которомъ мы, быть можетъ, имѣемъ самыя поверхностныя свѣдѣнія, ибо мы не видѣли всѣхъ *секретныхъ документовъ* также, какъ и адвокаты». «Но почему, восклицаетъ онъ, документы секретны, тогда какъ мнѣнія публичны? Почему въ Римѣ, откуда ведетъ свое начало вся наша юриспруденція, всѣ уголовные процессы были вполнѣ гласны»?

Въ этомъ—вся суть, въ этомъ же и вся трудность. Съ самаго начала Вольтеръ старался разслѣдовать въ Тулузѣ подробности процесса; съ самаго начала онъ понялъ, что парламентъ ихъ не доставитъ. Судьи, которые должны были бы представить истину въ настоящемъ свѣтѣ, какъ разсказываетъ ему одинъ изъ его корреспондентовъ, упорно молчатъ. Это молчаніе заставляетъ болтать вздоръ какъ защитниковъ, такъ и враговъ Каласа. Вольтеръ это понимаетъ и пишетъ д'Аржанталю: «Парламентъ Тулузы, совершивъ вопіющій промахъ, препятствуетъ раскрытію истины». И онъ не ошибается. Судьи запретили давать свѣдѣнія о документахъ и даже о приговорѣ, а безъ этихъ свѣдѣній ихъ противники безсильны. Пріемъ удобенъ, но онъ возмущаетъ правдивыхъ людей. «Я получилъ,—пишетъ Вольтеръ д'Аржанталю,—письмо отъ Маріетта, адвоката въ совѣтѣ, который видѣлъ бѣдную вдову Каласа, и онъ говоритъ, что не можетъ ничего сдѣлать, не имѣя извлеченій изъ документовъ. Что же! Развѣ нельзя требовать справедливости, не имѣя оружія, въ которомъ наши враги намъ отказываютъ? Значитъ, можно проливать безнаказанно невинную кровь и отдѣлаться отъ отвѣтственности, сказавъ: Я не хочу объявить, почему ее пролили!»

Судьи не хотятъ ничего слушать. Каласъ былъ преданъ смерти, этого достаточно; общество не должно знать, по какимъ мотивамъ. А этого то Вольтеръ и не допускаетъ. «Чего мы требуемъ?—говоритъ

онъ въ письмѣ къ д'Аржанталю.—Только того, чтобы правосудіе не было столь же нѣмо, какъ слѣпо, чтобы оно заговорило, чтобы оно сказало, почему оно осудило Каласа. Что за ужасъ секретный приговоръ, осужденіе безъ мотивовъ! Есть ли болѣе гнусная тираннія, чѣмъ тираннія, проливающая кровь по произволу, безъ всякаго о томъ отчета?—Это не принято, говорятъ судьи.—О, чудовища! Нужно, чтобы это вошло въ обычай: вы обязаны дать отчетъ людямъ о людской крови. Что касается меня, я упорно настаиваю только на одномъ: на преданіи гласности всей этой процедуры»,

Понятно, судейскій трибуналъ испытываетъ досаду, видя, какъ одинъ изъ его вердиктовъ подозрѣвается въ ошибкѣ. Но когда общественное мнѣніе озлоблено, для судей лучше всего рѣшиться и предпринять самимъ изслѣдованіе, требуемое всѣми. Сопротивленіе неразумно; оно возбуждаетъ подозрѣнія. «Тулузскій парламентъ,—пишетъ Вольтеръ д'Аржанталю,—долженъ понять, что его будутъ считать виновнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не соблаговолитъ доказать виновность Каласовъ».

Но вмѣсто того, чтобы понять свою выгоду и свой долгъ, судьи выказываютъ упорство, которое, въ концѣ концовъ, ихъ компрометируетъ; они многократно проявляютъ свое нежеланіе; они доходятъ до непостижимыхъ актовъ, заставляющихъ общество роптать: что же они стараются скрыть?—Однажды Вольтеръ открываетъ нѣкоторые происки своихъ противниковъ, унизительные для нихъ, а главное знаменательные. «Благословимъ Бога,—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Дебрюсу, — за недостойныя и нелѣпыя попытки, которыя приказано было испробовать надъ дочерьми Каласа. Имъ диктуютъ письма, чтобы онѣ обязали свою мать измѣнить своему долгу и памяти своего мужа. Ее хотятъ устрашить. Вполнѣ понятно, что судьи, постановившіе страшный приговоръ, сами устрашены. Благословимъ ихъ за то оружіе, которое они даютъ намъ противъ себя». Другой разъ систематическая оппозиція членовъ парламента даетъ поводъ къ возникновенію странныхъ слуховъ. «Три адвоката госпожи Каласъ и ея дѣтей, — пишетъ Вольтеръ тому же Дебрюсу,—ходатайствуютъ предъ совѣтомъ о постановленіи препроводить въ Парижъ всѣ подлинные документы несчастнаго процесса, такъ какъ опасаются, чтобы въ Тулузѣ не были подлѣланы въ замѣнъ ихъ копіи». Въ третій разъ, наконецъ, господа судьи приказываютъ наложить арестъ, съ согласія министра, на записки, опубликованныя адвокатами Каласовъ. Вольтеръ негодуетъ, но и усмѣхается, «Я надѣюсь,—пишетъ онъ Дамилавиллю,—что этотъ шагъ, продиктованный тулузскимъ парламентомъ, послужитъ превосходнымъ доказательствомъ въ пользу Каласовъ».

Судьи не показываютъ и вида, что они догадываются о винѣ, которая падаетъ на нихъ. Они принимаютъ негодующій видъ: не оскорбляютъ ли ихъ, упрашивая соблаговолить объясниться? Вольтеръ по-

стоянно отвѣчаетъ по поводу этого опасенія: «Мы не желали оскорблять восьмерыхъ судей Тулузы, говоря, что они ошиблись; напротивъ, мы имъ открыли путь къ оправданію передъ всей Европой. Путь этотъ заключается въ признаніи, что сомнительныя доказательства и крики безразсудной толпы произвели давленіе на ихъ правосудіе, въ томъ, чтобы просить прощенія у вдовы и возстановить, насколько это отъ нихъ зависитъ, полное раззореніе невинной семьи, присоединившись къ тѣмъ, которые помогаютъ ей въ ея скорби». Это написано имъ въ 1763 г.; тоже онъ повторяетъ и въ 1767 г. въ письмѣ къ Эли де Бомону: «Въ чувствахъ, которыя внушены были мнѣ этими двумя семействами, никогда не было недостатка въ уваженіи къ тулузскому парламенту; я приписывалъ смерть добродѣтельнаго Каласа и осужденіе цѣлой семьи Сирвеновъ, исключительно крикамъ фанатической толпы, ярости, которая обуяла капитула Давида, въ желаніи выказать свое фальшивое рвеніе, роковому стеченію обстоятельствъ».

И Вольтеръ имѣетъ право такъ говорить. Даже въ наиболѣе интимныхъ письмахъ, когда онъ увѣряетъ въ невинности Каласа, онъ провозглашаетъ въ то же самое время «жестокую добросовѣстность судей». Его противники отлично понимаютъ, что подобное положеніе придаетъ ему силу. Они овладѣваютъ нѣсколькими страницами, написанными имъ д'Аламберу и переходящими изъ рукъ въ руки; они видоизмѣняютъ ихъ, вставляютъ туда оскорбленія по адресу тѣхъ, которыхъ онъ желалъ побѣдить, и сообщаютъ эту записку одной англійской газетѣ, которая ее печатаетъ. Вольтеръ обязанъ опровергать ее немедленно, «по той причинѣ, говоритъ онъ, что большинство людей легко понимаетъ оскорбительныя слова, стиль же узнаютъ немногіе», по главнымъ образомъ потому, что это вѣроломство можетъ повредить его вліянію и Каласамъ.

Но напрасно Вольтеръ повторяетъ, что онъ никого не желаетъ оскорблять. На карту поставлены интересы *касты*. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики, что онъ оскорбляетъ магистратуру, что онъ жертвуетъ ею ради простыхъ частныхъ лицъ, и какихъ частныхъ лицъ! Какъ-то разъ одинъ юрисконсультъ встрѣчаетъ одного изъ адвокатовъ госпожи Каласъ и осмѣливается ему сказать: «Ваша просьба не будетъ вовсе принята, потому что во Франціи больше судей, чѣмъ Калассовъ». Вольтеръ узнаетъ объ этомъ отъ д'Аламбера. «Я надѣюсь, сообщаетъ онъ Дебрюсу, что столь наглыя, столь тираническія и столь абсурдныя слова будутъ въ такой же мѣрѣ напрасны, въ какой они достойны осужденія, и я бы желалъ, чтобы они сдѣлались гласными, дабы заставить судей совѣта доказать возмущенной Франціи, что они не приносятъ невинность въ жертву ложному чувству чести судей, недостойныхъ быть ими». Впрочемъ, Вольтеръ не разъ еще встрѣчается съ этимъ непристойнымъ тезисомъ, даже тогда, когда совѣтъ уже постановилъ о пересмотрѣ процесса. «Это семейство, говоритъ онъ въ своемъ

«Traité de le Tolérance», все еще имѣло враговъ, такъ какъ дѣло касалось религіи. Многія личности, которыхъ называютъ во Франціи святошами, говорили во всеуслышаніе, что лучше было колесовать стараго кальвиниста невиннымъ, чѣмъ подвергать восьмерыхъ совѣтниковъ Лангедока опасности сознаться, что они ошиблись. Пользовались даже этимъ выраженіемъ: судей больше, чѣмъ Каласовъ; и изъ этого выводили заключеніе, что семейство Каласовъ должно быть принесено въ жертву для спасенія чести магистратуры. Упускали изъ виду, что честь судей, подобно чести другихъ людей, состоитъ въ исправленіи своихъ ошибокъ. Во Франціи не вѣрятъ въ то, что папа, купно со своими кардиналами, непогрѣшимъ; точно также можно было разсчитывать, что восемь тулузскихъ судей не непогрѣшимы. Всѣ остальные разсудительные и безпристрастные люди говорили, что тулузскій приговоръ долженъ былъ бы быть отмѣненъ во всей Европѣ, если бы даже исключительныя соображенія помѣшали отмѣнѣ его въ совѣтѣ».

Важное слово произнесено. Бываютъ случаи, когда имѣетъ мало значенія, отрекаются ли судьи отъ своихъ приговоровъ, или нѣтъ. Если тулузкій парламентъ будетъ упорствовать и если дворъ не сломитъ его сопротивленія, Вольтеръ и его сторонники будутъ побѣждены, это возможно. «Но, по крайней мѣрѣ, говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ д'Аржантало, память Каласа будетъ возстановлена въ мнѣніи общества, и это—настоящая реабилитація; «общество осудитъ судей, а приговоръ общества стоитъ приговора совѣта». Несмотря ни на что и вопреки всѣмъ, то, что хотятъ сохранить тайной трибунала, ускользнетъ оттуда. Вольтеръ заранѣе поетъ побѣдную пѣснь: «Мой Богъ, братья мои, какъ сильна истина! Сколько бы палачей ни употреблялъ парламентъ, сколько бы онъ ни закрывалъ доступъ къ своей канцеляріи, сколько бы ни издавалъ приказовъ о молчаніи,—истина поднимается со всѣхъ сторонъ противъ него и заставляетъ его стыдиться самого себя».

IV.

Вольтеръ не ошибся.

«Парижъ и вся Европа,—сможетъ онъ сказать въ непродолжительномъ времени,—тронуты состраданіемъ и требовали справедливости вмѣстѣ съ этой несчастной женщиной. Приговоръ былъ произнесенъ обществомъ раньше, чѣмъ онъ могъ быть подписанъ Совѣтомъ».

28-го февраля 1765 г., послѣ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ пяти процессовъ, которые были пятью побѣдами, спустя три года, почти день въ день послѣ несправедливой казни, вдова и дѣти Каласа были оправданы, доброе имя покойнаго было реабилитировано, отданъ былъ приказъ тулузскому парламенту вычеркнуть изъ своихъ реестровъ смертный приговоръ и написать на поляхъ актъ реабилитаціи. Парламентъ счелъ необходимымъ для сохраненія своего достоинства не повиноваться этому

послѣднему постановленію. Тѣмъ не менѣе, Вольтеръ могъ торжествовать. «Въ Парижѣ,—говоритъ онъ,—была, по этому поводу, всеобщая радость. Собирались группами на общественныхъ площадяхъ, на гуляньяхъ; сбѣгались, чтобы видѣть эту столь несчастную и столь хорошо оправданную семью, рукоплескали при видѣ проходящихъ судей, осыпали ихъ благословеніями». Когда онъ самъ получилъ въ Фернеѣ великую новость, его восторгъ былъ столь же силенъ, какъ и парижанъ. Онъ пишетъ д'Аржанталю: «Маленькій Каласъ былъ у меня, когда я получилъ письма отъ васъ и отъ госпожи Каласъ, и отъ Эли, и отъ многихъ другихъ: мы проливали слезы умиленія, маленькій Каласъ и я. Изъ моихъ глазъ онѣ текли въ такомъ же количествѣ, какъ и изъ его; мы едва дышали».

Чтобы дать Вольтеру еще сильнѣе почувствовать его счастье, противники опубликовывали время отъ времени пасквили, возвѣщавшіе объ открытіи очень важныхъ документовъ, которые должны были доказать виновность его кліентовъ. Такъ, въ 1767 г. они разсказывали въ Лангедокѣ, будто бывшая служанка Каласовъ умерла, и передъ смертью она будто бы объявила въ присутствіи нотаріуса, «что она святотатствовала всю свою жизнь, что въ теченіи сорока лѣтъ она притворялась католичкой, чтобы быть шпіономъ среди гугенотовъ, что она помогала своему хозяину съ хозяйкой повѣсить ихъ старшаго сына, что протестанты этой мѣстности, дѣйствительно, имѣли секретнаго палача, избраннаго большинствомъ голосовъ, который помогалъ отцамъ и матерямъ убивать дѣтей, когда тѣ желали перейти въ католичество, и что эта должность пользовалась особымъ почетомъ въ протестантской общинѣ» (письмо къ Эли де Бомону). Жанна Вигьеръ была, однако, жива и доказала это, пристыдивъ усердствующихъ вѣстовщиковъ. Фреронъ, «перо котораго было продажно для всѣхъ клеветъ, какія только фанатизмъ считалъ необходимымъ санкціонировать», не преминулъ напечатать эту выдумку въ своей газетѣ. «Этотъ анекдотъ, — говоритъ Вольтеръ,—служитъ доказательствомъ, на что можетъ отважиться ложное усердіе, доказательствомъ низости, съ которою литературныя козявки предаются подобнымъ позорнымъ продѣлкамъ».

Фреронъ былъ привыченъ къ такого рода поступкамъ. Онъ пустилъ уже въ обращеніе другіе ложные слухи, съ цѣлью возбудить сомнѣніе въ справедливости судей, которые пересматривали процессъ; всѣ средства считались хорошими, чтобы защитить парламентъ, даже съ рискомъ опозоритъ его. Среди радости успѣха, Вольтеръ испытывалъ настоящую тошноту отъ этой неистовой лжи. «Пусть эти листки, — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Эли де Бомону, — безпрерывно подвергаютъ клеветѣ всякаго рода заслуги, пусть авторъ живетъ на счетъ созданнаго имъ скандала и пусть ему бросаютъ нѣсколько костей за его лай,— въ добрый часъ: никто не станетъ обращать на это вниманіе; но если онъ оскорбляетъ цѣлый совѣтъ, вы согласитесь со мной, что эта пре-

ступная наглость не должна пройти безнаказанной для несчастнаго, изгнаннаго изъ всякаго общества и даже изъ такого, которое было, въ концѣ концовъ, изгнано изъ всей Франціи. Безчестіе не могло дать ему права оскорблять то, что наиболѣе достойно почета... Слѣдовало бы увѣдомить провинціаловъ, имѣющихъ слабость выписывать эти листки изъ Парижа, что они не должны обращать больше вниманія, чѣмъ у васъ въ столицѣ, на все то, что говоритъ этотъ человѣкъ, обреченный на всеобщее презрѣніе».

Въ 1778 г. Вольтеръ былъ въ Парижѣ; когда толпа окружала его на мосту Royal, кто-то спросилъ у одной женщины изъ народа, кто этотъ человѣкъ, котораго привѣтствуютъ столь радостными криками. «Развѣ вы не знаете,—отвѣчала она,—что это спаситель Каласовъ?»

Прошло болѣе ста лѣтъ послѣ описанной сцены,—полнаго тріумфа, одержаннаго Вольтеромъ надъ мракомъ невѣжества и злобой фанатизма. Но съ грустью приходится признать, что въ странѣ великаго народа, давшаго человѣчеству Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, вновь возникаютъ дѣла, подобныя дѣлу Каласовъ. И великое счастье для человѣчества, что нѣтъ никогда недостатка въ послѣдователяхъ Вольтера, всегда готовыхъ вести борьбу съ невѣжествомъ, лицемѣріемъ и кастовыми предразсудками—во имя истины, которая, каковы бы ни были препятствія,—«идетъ и ничто ея не остановитъ».

Э. Моргулисъ.

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Пер. съ французскаго Т. Богдановичъ.

(*Окончаніе*) *).

Читатели слышали, вѣроятно разсказъ о томъ пресловутомъ эстетикѣ, который встрѣтилъ разъ на Лондонскомъ мосту одного несчастливца, протягивавшаго руку и одѣтаго въ возмутительно неэстетичный костюмъ. На немъ былъ просто потертый сюртукъ и цилиндръ ужаснаго вида. Эстетикъ, возмущенный такимъ несоотвѣтствіемъ между одеждой несчастнаго и его профессіей, повелъ его къ самому лучшему портному, чтобы онъ, не щадя издержекъ, сшилъ ему по картинамъ великихъ художниковъ *Національной галлереи* подлинный костюмъ нищаго. Послѣ этого онъ снова отвелъ его на мостъ, и исторія умалчиваетъ, далъ ли онъ ему, по крайней мѣрѣ, поѣсть. Этотъ эстетикъ не былъ рескиньянцемъ.

Разсказываютъ дальше, что по тому же мосту проходилъ проповѣдникъ и выразилъ крайнее негодованіе на то, что позаботились только о внѣшности оборванца и не подумали о его душѣ. Онъ взялъ его за руку, повелъ въ церковь и, показавъ ему такимъ образомъ, какъ можно достичь вѣчной жизни, отослалъ его обратно на мостъ. Но исторія умалчиваетъ, далъ ли онъ ему напиться. Этотъ проповѣдникъ также не былъ рёскиньянцемъ. Рёскинъ, тотъ не повелъ бы нищаго ни въ музей, ни въ церковь,—онъ повелъ бы его въ кухмистерскую. Онъ позаботился бы не о томъ, чтобы реставрировать его одежду или его душу, но прежде всего его желудокъ.

Ибо, если избытокъ богатства и индустріализма въ пейзажѣ убиваетъ красоту природы, то избытокъ бѣдности въ городѣ убиваетъ красоту тѣлъ. А безъ пластической красоты нѣтъ искусства, нѣтъ художественной фантазіи. «Вы не получите пейзажа Тернера, если нѣтъ мѣстности, гдѣ онъ можетъ писать. Вы не получите портрета Тиціана, если нѣтъ человѣка, съ котораго онъ можетъ писать портретъ. Начало искусства состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать прекраснымъ нашъ

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь, 1899 г.

народъ. Конечно, искусство существовало и въ тѣхъ странахъ, гдѣ не всѣ люди были прекрасны, даже тамъ, гдѣ у нихъ были толстыя губы и черная кожа, потому что на нихъ смотрѣло солнце; но никогда—въ тѣхъ странахъ, гдѣ щеки поблѣднѣли отъ изнурительнаго труда и покрылись смертельной тѣнью, гдѣ губы юношей не переполнены кровью, а напротивъ, безцвѣтны и тонки отъ голода и искривлены ядомъ ненависти...»

Итакъ, надо громко провозгласить культъ красоты тѣла. Съ ранняго дѣтства надо заботиться о красотѣ тѣла всякаго бѣднаго ребенка, чтобы ему ни предстояло впослѣдствіи. Быть можетъ, позднѣе, когда ему придется добывать свой хлѣбъ, работа исказитъ, согнетъ, обезобразитъ эти великолѣпные мускулы, которые мы видимъ у атлетовъ Ватикана, въ тотъ моментъ когда они готовы вступить въ борьбу. Но въ ожиданіи этого нужно, чтобы это живое существо, — которое вы, быть можетъ, убьете впослѣдствіи, — достигло полнаго развитія своего тѣла и расцвѣло красотой юности. Для этого необходимы школы подъ открытымъ небомъ, физическія упражненія и танцы, установленные государствомъ. Къ чему намъ работать, утрачивая живую краску кожи передъ лицомъ безголовыхъ и безрукихъ статуй музеевъ? Не лучше ли стремиться къ тому, чтобы наши груди и плечи не уступали мраморамъ Эльджина! Не будемъ слушать ни аскетовъ, ни проповѣдниковъ! Не будемъ заключать лучшихъ изъ среды насъ въ монастыри! Пусть они посвящаютъ себя служенію людямъ! «Первая обязанность женщины—быть прекрасной и не надо ничѣмъ пренебрегать при исполненіи ея. Богъ желалъ, чтобы мужчина и женщины были благородны и прекрасны въ глазахъ другъ друга...»

Но главное препятствіе для достиженія пластической красоты—бѣдность. И за отсутствіемъ человѣколюбія эстетическое чувство побуждаетъ насъ бороться съ ней и побѣждать ее. Какими средствами? Всѣми средствами: добротой по отношенію къ незаслуженному несчастію, принужденіемъ по отношенію къ пороку; милосердіемъ и силою, золотомъ и желѣзомъ. Золото надо бросать полными горстями, какъ на античную гробницу поэтъ бросаетъ лиліи, какъ весна Боттичели бросаетъ розы на землю. То, что вы даете сегодня, ничего не стоитъ, надо отдать все. Экономисты довольны подачками, перепадающими бѣднымъ отъ общественной и частной благотворительности: они съ гордостью показываютъ намъ безплатныя лѣчебницы, дома трудолюбія, воспитательные дома, богадѣльни. Какое это имѣетъ значеніе? И почему, если это имѣетъ какое-нибудь значеніе, въ нашихъ предмѣстьяхъ встрѣчается столько исхудалыхъ фигуръ, столько искалѣченыхъ членовъ, въ нашихъ тюрьмахъ столько багровыхъ лицъ! Какъ можетъ говорить о человѣколюбіи общество, когда въ немъ царитъ еще столько несправедливости, какъ оно можетъ говорить объ искусствахъ, когда жизнь еще такъ ужасна? Пока человѣческія существа могутъ стра-

дать отъ голода и холода въ нашей странѣ, до тѣхъ поръ въ ней не только немыслимо искусство, но даже безспорно роскошь въ одеждѣ и обстановкѣ является преступленіемъ! Въ сто разъ лучше дать погибнуть статуямъ Фидія и поблекнуть краскамъ на щекахъ женщинъ Леонардо, чѣмъ видѣть, какъ блекнутъ лица живыхъ женщинъ и наполняются слезами глаза живыхъ дѣтей, а тѣ, которые могли бы жить, уже покрылись могильной блѣдностью! Все золото, затраченное на искусство, пока въ немъ нуждается жизнь, потеряно для живой красоты и стыдно любоваться роскошными туалетами однѣхъ женщинъ, когда другія женщины не знаютъ, во что одѣться и теряютъ отъ холода, болѣзней и тоски изнуряющей жизни всякую человѣческую красоту.

Тутъ выступаютъ экономисты съ своей иронической улыбкой, какую мы видимъ всегда у очень ученыхъ людей на картинахъ Гольбейна. Во имя любви роскошь осуждаютъ, но во имя науки ее защищаютъ.

Одна изъ самыхъ излюбленныхъ, но и самыхъ рискованныхъ теорій ихъ гласитъ, что все равно, какимъ образомъ богатый человѣкъ тратитъ свое золото, только бы онъ его тратилъ, и даже, если онъ тратитъ его на предметы роскоши, совершенно безполезные—тѣмъ лучше для общества. «Сильно заблуждается тотъ, кто думаетъ, что роскошный образъ жизни, экстравагантные туалеты, великолѣпные дома и экипажи нѣкоторыхъ могутъ послужить причиной несчастія для націи,— говорится въ одномъ изъ рапортовъ Ньюіоркскаго муниципалитета. Совершенно ложная идея. Всякое излишество, какое позволяетъ себѣ человѣкъ, имѣющій сто тысячъ или милліонъ долларовъ, прибавляетъ нѣчто къ жизни и богатству десятковъ или сотенъ людей, у которыхъ нѣтъ ничего или очень немного, кромѣ своего труда, своего ума и своего вкуса. Если человѣкъ, обладающій милліономъ долларовъ, истратитъ въ теченіе десяти лѣтъ и капиталъ, и проценты, и впадетъ въ нищету, то онъ принесетъ этимъ пользу сотнѣ людей, извлекшихъ выгоду изъ его безумныхъ тратъ и разбогатѣвшихъ благодаря раздѣленію его богатства. Онъ можетъ быть разоренъ, но нація стала болѣе богатой, такъ какъ сто умовъ, обладающихъ десятью тысячами долларовъ каждый, производительнѣе, чѣмъ одинъ, обладающій милліономъ».

«— Да, господа,—отвѣчаетъ Рёскинъ,—но что же сдѣлано во время этого перехода капиталовъ? Богатство это тратилось въ теченіе нѣкотораго количества лѣтъ, предположимъ, десяти лѣтъ, и въ это время извѣстная сумма труда была произведена людьми, получившими за это вознагражденіе. Гдѣ же произведенія ихъ труда? Они безвозвратно погибли, такъ какъ самъ человѣкъ сталъ нищимъ... Если школьникъ выходитъ утромъ изъ дому съ пятью шиллингами въ карманѣ и возвращается домой съ пустымъ карманомъ, истративъ все на сладкіе пирожки, въ такомъ случаѣ онъ потерялъ и капиталъ, и проценты, а булочникъ обогатился. Прекрасно. Но предположите, что школьникъ купилъ книгу и ножъ: капиталъ и проценты тоже истрачены, а про-

давецъ книгъ и ножей обогатился, но и школьникъ тоже обогатился, на другой день онъ можетъ съ помощью своей книги и ножа оказать услугу товарищамъ, вмѣсто того, чтобы лечь въ постель и платить доктору».

Такъ что изучать характеръ расходовъ далеко не лишнее при изученіи причинъ бѣдности и средствъ борьбы съ ней. И вопросъ заключается не только въ томъ, тратятъ ли богачи свой капиталъ и даетъ ли онъ работу бѣднымъ, нужно еще опредѣлить, какъ они его тратятъ и на что служитъ эта работа. Такъ какъ, за недостаткомъ науки, здравый смыслъ, и человѣческая экономія, за недостаткомъ политической экономіи, говорятъ намъ, что истратить эти деньги на предметы роскоши, которые никого не накормятъ и быстро исчезнутъ безъ всякаго прироста здоровья и богатства, далеко не все равно, что истратить ихъ на дороги, гавани, каналы и т. п., которые увеличиваютъ не только богатство рабочихъ, но и общее достояніе человѣчества. И защищать роскошь, потому что она обезпечиваетъ жизнь создающихъ ее рабочихъ можно только въ томъ случаѣ, если доказать, что рабочіе, производящіе предметы роскоши, заслуживаютъ бо́льшаго вниманія или болѣе многочисленны, чѣмъ остальные и что, слѣдовательно, можно пожертвовать ради нихъ общимъ благосостояніемъ рабочихъ, но наврядъ ли сторонники роскоши отважутся доказывать что-нибудь подобное...

Кромѣ того, что значитъ «обезпечивать жизнь» рабочихъ? Есть только одинъ способъ обезпечить чью-нибудь жизнь, и способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы производить или помогать производить предметы, полезные для жизни, т. е. предметы, которые питаютъ, одѣваютъ, охраняютъ отъ холода и жара, исцѣляютъ и очищаютъ. Всѣ ухищренія экономистовъ не могутъ измѣнить тотъ фактъ, что сто человѣкъ, занятые разрушеніемъ зараженныхъ лачугъ въ городѣ и постройкой вмѣсто нихъ новыхъ домовъ, и очищеніемъ выгребныхъ ямъ въ деревнѣ, больше дѣлаютъ для сохраненія жизни вообще, чѣмъ если бы эти самые сто человѣкъ превратились въ лакеевъ и проводили время въ передникъ, ожидая конца ста безполезныхъ разговоровъ или возсѣдали со скрещенными руками рядомъ съ сотней кучеровъ!

«Представьте себѣ, напримѣръ,—говоритъ Рёскинъ,—что вы молодая женщина и заказываете нѣсколькимъ портнихамъ въ теченіе извѣстнаго времени сшить извѣстное количество простыхъ и полезныхъ платьевъ, положимъ — семь, одно изъ нихъ вы носите сами въ продолженіи половины зимы, а шесть остальныхъ вы отдадите шести бѣднымъ дѣвушкамъ, у которыхъ нѣтъ ни одного платья. Поступая такъ, вы истратите свои деньги великодушно. Но если вы такое же количество портнихъ въ теченіе такого же времени заставите шить для васъ, шесть прекрасныхъ волановъ для вашего бальнаго платья, волановъ, которые не послужатъ одеждой ни для кого и которые вы сами надѣнете только одинъ разъ на балъ, въ такомъ случаѣ вы

употребите свои деньги эгоистично. Правда, вы въ обоихъ случаяхъ дали работу столькимъ же людямъ, но въ первомъ случаѣ вы употребили ихъ работу на пользу общества, а во второмъ, вы воспользовались ею исключительно для себя. Я не говорю, что вы не должны никогда думать исключительно о себѣ и стараться сдѣлать себя возможно красивѣе. Только не мѣшайте кокетство съ филантропіей и не воображайте, что, надѣвая на себя украшенія, вы тѣмъ самымъ кладете кусокъ хлѣба въ ротъ бѣдняка, стоящаго ниже васъ...»

Не будемъ также смѣшивать тщеславіе съ любвью къ искусствамъ и не будемъ защищать роскошь подъ тѣмъ предлогомъ, что она развиваетъ вкусъ къ красотѣ. Большая часть великихъ произведеній среднихъ вѣковъ обязаны своимъ существованіемъ вовсе не роскошному образу жизни частныхъ лицъ, а поощренію общества. И въ наши дни, чтобы настоящимъ образомъ поощрять искусство нужны не сокровища какого-нибудь Мецената, а совокупность мелкихъ состояній. «Вмѣсто того, чтобы капиталистъ заплатилъ 8.000 франковъ за свой портретъ въ натуральную величину, было бы гораздо лучше если бы его рабочіе могли сообща заплатить тѣ же 8.000 франковъ какому-нибудь талантливому художнику вродѣ Рафаэля или Леонардо за картину историческаго или религіознаго содержанія, гораздо болѣе интересную для нихъ, которою они могли бы всѣ вмѣстѣ постоянно любоваться»

Итакъ, золото можетъ сильно бороться съ бѣдностью. И общество отвѣтственно за значительную часть окружающаго насъ физическаго безобразія,—но за все-ли? Тѣ, кто всего рѣшительнѣе нападаютъ на общество, предлагаютъ ли они ему какое-нибудь оружіе для борьбы съ нищетой? Далеко нѣтъ, они отказываютъ въ немъ: и такимъ образомъ соціалисты самаго крайняго образа мыслей не ближе стоятъ къ рѣшенію соціальной проблеммы, чѣмъ вседовольные экономисты. Справедливо, что общество отвѣтственно, но можно быть отвѣтственнымъ только за то, чему имѣешь возможность помѣшать. Не всѣ общественныя бѣдствія имѣютъ своимъ источникомъ недостаточное вознагражденіе за трудъ и плохую систему обученія; нѣкоторыя выростаютъ на почвѣ порочной жизни—алкоголизма напримѣръ. Можемъ ли мы помѣшать алкоголизму? Имѣемъ ли мы право закрыть кабаки? Предлагался ли какой нибудь законъ, сокращающій на три четверти производство алкоголя? И даже, оставивъ въ сторонѣ законодательство, пользовались ли когда нибудь муниципалитеты предоставленнымъ имъ закономъ правомъ сокращать число этихъ лабораторій, изготовляющихъ ядъ и разореніе? Пусть кто-нибудь предложитъ это, вы увидите, что люди, — возлагающіе на общество отвѣтственность за зло, причиняемое кабакомъ,—будутъ защищать это зло во имя свободы! Итакъ общество должно помогать пьяницѣ, выходящему изъ кабака, но оно не можетъ остановить его, когда онъ намѣревается войти въ него... Какъ же оно можетъ нести отвѣтственность, когда оно лишено свободы, какъ можетъ оно совмѣщать столько обя-

занностей по отношенію къ исцѣленію несчастныхъ, когда оно не имѣетъ никакихъ правъ чтобы предохранять ихъ?

Нѣтъ, оно имѣетъ права, утверждаетъ Рёскинъ. И въ особенности именно тѣ права, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ какъ изъ всѣхъ средствъ предохраняющія средства всегда самыя лучшія. «Право вмѣшательства общества въ поведеніе преступныхъ членовъ начинается съ того момента, когда они начинаютъ портиться, а не тогда лишь когда они даютъ уже доказательства безнадежной испорченности... Современная филантропія имѣетъ обыкновеніе именно до этихъ поръ бездѣйствовать, она позволяетъ гибнуть больнымъ и безумствовать сумасшедшимъ и истощается въ безплодныхъ усиліяхъ воскрешать мертвыхъ и оживлять прахъ... Начинающійся поворотъ общественнаго мнѣнія противъ смертной казни служитъ, я надѣюсь, показателемъ проникающаго въ общество пониманія того, что наказаніе—самое худшее изъ орудій законодателя для предотвращенія преступленія. Лучшія принудительныя средства—трудъ и награда, но никакъ не наказаніе. Приходите на помощь доброй волѣ; поощряйте добродѣтель; заставляйте лѣнтяя трудиться, и вы никогда не будете вынуждены бросать кого-нибудь въ пучину великаго молчанія смерти»...

Прежде всего государство должно принуждать дѣтей къ умственному труду, обязательному и безплатному: «Ходите по дорогамъ и вдоль изгородей и заставляйте ихъ входить». Но въ то же время оно должно слѣдить, чтобы эта работа не была черезмѣрна. Чтобы человѣкъ былъ способенъ заботиться о себѣ, когда выростетъ, надо чтобы способности его развились, пока онъ молодъ, и государство должно всегда наблюдать за этимъ, не позволять, чтобы непосильный трудъ подорвалъ его здоровье или чтобы его способности притупились отъ недостатка развитія. Далѣе оно не должно позволять, чтобы здоровье человѣка страдало отъ недостатка мускульной работы, а его умъ истощался отъ избытка науки. Часто говорятъ о *правѣ на трудъ*, но никогда не говорятъ объ *обязанности трудиться*. Если работникъ имѣетъ право требовать, чтобы государство давало ему работу въ субботу, такъ какъ ему необходимъ заработокъ въ этотъ день, то развѣ государство не имѣетъ права требовать, чтобы онъ продолжалъ эту работу въ понедѣльникъ, вмѣсто того, чтобы нести свой заработъ въ кабакъ?—Сдѣлайте что-нибудь для меня, говоритъ лѣнивый бѣднякъ. «Хорошо,—отвѣчаетъ общество,—но въ такомъ случаѣ сдѣлайте что-нибудь для насъ: одежда, которую вы носите, пища, которую вы потребляете, сдѣланы чьимъ-нибудь трудомъ. Какой трудъ предлагаете вы взамѣнъ?» Никакого... Это несправедливо. «Человѣкъ ничего не дѣлающій принуждаетъ тѣмъ самымъ кого-нибудь другого производить вдвое больше одежды и пищи, чѣмъ этому другому нужно. Вполнѣ справедливо, слѣдовательно, принуждать лѣнтяя содержать самого себя».

Но тутъ противъ реформатра снова раздаются протесты. Прежде

возражали противъ экспропріаціи богачей во имя пользы роскоши, теперь отказываются отъ принужденія бѣдняковъ во имя свободы. Бѣдность слагается изъ двухъ элементовъ: неудачи и порочности. Экономисты не желаютъ, чтобы помогали неудачникамъ за счетъ производства предметовъ роскоши. Они не желаютъ, чтобы помогали тѣмъ, кто страдаетъ изъ за собственной порочности за счетъ личной свободы.

Свобода, что же это такое? Это слово приводитъ въ негодованіе Рёскина, оскорбляетъ его, какъ ложь, какъ вызовъ, какъ лицемѣріе, какъ насмѣшка кретина... О какой свободѣ идетъ рѣчь, о какой независимости и по отношенію къ кому? По отношенію къ вѣчнымъ законамъ и достойнымъ уваженія людямъ? Значитъ, свобода —это привилегія людей слабыхъ, мелкихъ, ничтожныхъ! «Собака, сидящая на цѣпи—сильное и благородное животное, а муха свободна. Все повинуется въ природѣ; все слѣдуетъ хотя бы закону притяженія. Только гигантская скала слѣдуетъ ему болѣе покорно, чѣмъ ничтожное перышко, которое прежде чѣмъ упасть на землю будетъ еще выдѣлывать тысячу ненужныхъ штукъ... Когда Джіото чертилъ свой кругъ, говоря: Вы можете судить о моемъ искусствѣ по тому, что я могу начертить совершенный кругъ, думаете ли вы, что онъ предоставилъ большую свободу своей рукѣ?» Теорія либераловъ заключается въ томъ, что свобода полезна человѣку, какое бы употребленіе онъ изъ нея ни дѣлалъ. «Неисчерпаемое, безграничное, непостижимое безуміе! Пошлете ли вы вашего ребенка въ комнату, гдѣ столъ уставленъ прекрасными винами и фруктами, нѣкоторые изъ которыхъ отравлены? Скажете ли вы ему: выбирай свободно, милое дитя! Тебѣ такъ полезно имѣть свободу выбора: это образуетъ твой характеръ, формируетъ твою индивидуальность. Если ты возмешь отравленный кубокъ или попробуешь отравленной земляники, ты умрешь до наступленія дня, но за то ты пріобрѣтешь достоинство свободнаго ребенка!..»

Да, есть святая свобода, къ которой долженъ стремиться всякій человѣкъ, это свобода въ отношеніи собственныхъ тираническихъ инстинктовъ и господствующихъ предубѣжденій. Прежде чѣмъ быть свободнымъ по отношенію къ другимъ надо быть свободнымъ по отношенію къ самому себѣ. Къ чему разбивать внѣшнія цѣпи, когда остаешься связаннымъ внутренними помѣхами, которыя собственныя порочныя наклонности ставятъ на пути ко всѣмъ начинаніямъ? Къ чему намъ пространство, если мы лишены ногъ, чтобы двигаться по нему? Мы кричимъ противъ деспотизма... но способны ли мы къ свободѣ? «Да, кисть Тинторето, Люини, Корреджіо, Рейнольдса и Веласкеца свободна какъ воздухъ и въ то же время вѣрна, но только унаслѣдованная пятивѣковая дисциплина позволяетъ имъ быть свободными и творить чудеса. Повинуйтесь, и вы будете свободны также, но и въ большомъ, и въ маломъ истинная свобода заключается въ *справедливомъ повиновеніи*».

Только это справедливое повиновеніе можетъ восторжествовать надъ бѣдностью въ жизни такъ же, какъ оно торжествуетъ надъ безобразіемъ въ искусствѣ. Только усердная работа бѣдныхъ и уничтоженіе всякой роскоши и всякихъ непроизводительныхъ расходовъ богатыхъ можетъ возстановить здоровье, силу и грацію страдающихъ тѣлъ, т. е. красоту. Такимъ образомъ, и тутъ, быть можетъ, культъ прекраснаго является самымъ надежнымъ путеводителемъ при разрѣшеніи, такъ называемыхъ, соціальныхъ проблеммъ.

§ 4.

Наконецъ, къ чему стремиться вернуть живому человѣческому тѣлу его первоначальную грацію, если души наши не подготовлены быть счастливыми этимъ счастьемъ. Къ чему красота вещей, если живыя существа не способны воспринимать ее? Къ чему создавать существа и вещи, достойныя восхищенія, если души не способны испытывать восхищеніе? Нѣкоторыя, конечно, испытываютъ, и это самыя одаренныя; но большинство изъ насъ проходитъ мимо красотъ, разсѣянныхъ въ природѣ, и въ искусствѣ, какъ сторожа въ музеяхъ или полицейскіе въ городахъ ходятъ посреди Ванъ-Диковъ и Гоббемма! Ничто въ нашемъ воспитаніи, въ нашихъ нравахъ, въ нашихъ общественныхъ занятіяхъ не приспособлено къ этой цѣли. Для высокихъ наслажденій этетической жизни намъ не хватаетъ и вниманія, и необходимой свободы «Вся сила воспитанія направлялась до сихъ поръ на уничтоженіе любви къ природѣ. Единственное познаніе, которое считалось необходимымъ для насъ—это познаніе *словъ* и, кромѣ того, познаніе отвлеченныхъ наукъ, тогда какъ всякій интересъ ребенка къ естественной исторіи или старательно заглушался (если онъ нарушалъ до нѣкоторой степени порядокъ въ домѣ), или могъ проявляться только въ часы отдыха, такъ что любовь къ природѣ стала достояніемъ лѣнтяевъ и шалуновъ. Въ то же время искусство рисованія, болѣе важное для человѣческаго рода, чѣмъ искусство писанія, такъ какъ человѣкъ съ трудомъ можетъ нарисовать что-нибудь совершенно безполезное и себѣ самому, и другимъ, и съ трудомъ можетъ написать что-нибудь, не занявъ понапрасну время и у себя, и у другихъ—это искусство рисованія, которому надо было бы также обучать дѣтей, какъ и писанію, преподается крайне плохо».

Прежде всего у дѣтей слѣдовало бы воспитывать способность восхищенья. «Пусть ботаники открываютъ какое-нибудь удивительное отношеніе между крапивой и смоквой—это, конечно, любопытно, но молодой пастухъ лучше сдѣлаетъ, если постарается опредѣлить, какое дѣйствіе оказываетъ крапива на сѣно и какой вкусъ придаетъ она супу. А еще лучше, если ему удастся полюбоваться весною прелестнымъ бѣлымъ цвѣткомъ крапивы и срисовать съ помощью учителя изгибы его

тычинокъ и прикрѣпленіе ихъ къ центральному стеблю, передъ нимъ тогда откроется новый міръ. Ученикамъ начальныхъ школъ слѣдуетъ говорить: Нарисуйте контуры этого растенія и его колокольчикъ, смотря на него спереди... Хорошо, теперь нарисуйте его сбоку. Нарисуйте всѣ пятна на немъ. Нарисуйте голову красногрудки, ея грудку и пятнышки на грудкѣ. А вмѣсто этого, имъ разсказываютъ, что находится въ желудкѣ птицы!.. Ихъ не заставляютъ любоваться тонкими очертаніями облаковъ и мховъ, имъ разсказываютъ объ устройствѣ паровиковъ и ткацкихъ машинъ... Вообще ихъ обученіемъ занимаются въ ущербъ ихъ воспитанію, такъ какъ сообщать ребенку что-нибудь, чего онъ не зналъ, не значитъ воспитывать его, воспитывать—значитъ создавать изъ него самого что-нибудь, чѣмъ онъ не былъ до тѣхъ поръ. Въ основѣ всякаго воспитанія должно лежать уваженіе, восхищеніе, преклоненіе... Передъ чѣмъ? Все равно передъ чѣмъ. Пусть ребенокъ восхищается камешками или овощами, если вы не можете дать ему иныхъ боговъ, но пусть онъ учится восхищенью!» и главное, пусть онъ не знаетъ иссушающаго анализа и убійственной анатоміи. Что за бѣда, если онъ пріобрѣтетъ нѣсколько меньше знаній. Мы живемъ вѣдь не для того, чтобы учиться, какъ и не для того, чтобы ѣсть! Мы живемъ, чтобы любить. Поскольку наука возбуждаетъ и углубляетъ въ насъ эту способность, постольку она полезна намъ. Разъ она противодѣйствуетъ ей — она вредна. Какъ! наука можетъ быть вредна? Нѣтъ, она полезна, какъ свѣтъ; однако бабочки гибнутъ, стремясь къ свѣту, и люди могутъ гибнуть, стремясь къ наукѣ. Всѣ мы—и люди, и бабочки—просимъ у свѣта не освѣщать вещи, а скрашивать ихъ.

«Такъ какъ восхищеніе—высшая радость и высшая сила жизни. Все, что я внушалъ вамъ до сихъ поръ, можетъ вызвать у васъ различнаго рода размышленія. Но эту послѣднюю истину я знаю, и вы должны ей повѣрить. Воспитывайте въ себѣ уваженіе, энтузіазмъ, преклоненіе; уваженіе ко всему, что озаряло блескомъ вашу юность, что освящено опытомъ въ жизни другихъ, что исполнено граціи среди живыхъ, и величія среди мертвыхъ, ко всѣмъ дивнымъ, неумирающимъ силамъ жизни...» Въ этомъ тайна счастья. Для рёскиньянца нѣтъ иного наслажденія, кромѣ наслажденія эстетическаго, и оно одно занимаетъ мѣсто всѣхъ остальныхъ. Если онъ богатъ, онъ постарается дать пищу восхищенію толпы. Онъ не истратитъ свои средства на личныя минутныя радости, онъ вложитъ ихъ въ памятникъ, который будетъ служить всѣмъ и на вѣчныя времена. Если ему посчастливится встрѣтить какого-нибудь Микель Анджело, онъ не закажетъ ему, подобно Петру Медичи, статую изъ снѣга. Напротивъ, онъ позаботится о томъ, «чтобы ни одна искра генія вокругъ него не блистала сверкающимъ инеемъ; онъ постарается превратить ее въ стекло, какъ расписанныя окна, и помѣстить между каменныхъ колоннъ и желѣзныхъ рѣшетокъ, чтобы она хранила въ себѣ свѣтъ солнца и посылала его людямъ изъ поколѣнія

въ поколѣніе». Если онъ бѣденъ, онъ будетъ любоваться прекрасными вещами, принадлежащими другимъ, церквамъ и музеямъ, болѣе богатымъ, чѣмъ всѣ частныя коллекціи. Если онъ имѣетъ возможность путешествовать, странствовать по далекимъ нивамъ эстетики, засѣянныхъ великими сѣятелями искусства,—онъ будетъ путешествовать часто, отмѣчая бѣлымъ крестомъ тѣ дни своей жизни, когда передъ нимъ откроется новая область красоты, или одинъ изъ великихъ учителей скажетъ ему что-нибудь новое въ тиши музея... Если недостатокъ средствъ перерветъ его путешествіе, онъ вспомнитъ о бѣдныхъ художникахъ эпохи Пуссена, отправлявшихся въ Римъ, останавливавшихся въ Ліонѣ или въ Авиньонѣ, платившихъ за проѣздъ картинами, тщетно протягивавшихъ руки къ Вѣчному городу, но болѣе подготовленныхъ долгимъ ожиданіемъ постичь его вѣчность и долгимъ стремленіемъ испытать его радости, когда наконецъ они попадали въ него. Чтобы наслаждаться эстетической жизнью ему не нужно видѣть всѣхъ прекрасныхъ странъ: пусть только онъ видитъ все прекрасное въ той странѣ, которую осматриваетъ! Если онъ увидитъ красивую женщину, онъ будетъ любоваться ея красотой; если она некрасива, онъ будетъ любоваться ея улыбкой; если она не улыбается, онъ будетъ размышлять о ея сдержанности и ея благородствѣ. Если на его клавикордахъ звучитъ лишь одна нота, онъ будетъ любить эту ноту. Если въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, есть лишь одна рѣка, — какъ въ Зеландіи, — онъ будетъ любить эту рѣку; если его окно такъ мало, что ночью ему видна лишь одна звѣзда, онъ будетъ любоваться этой звѣздой и, открывая красоту во всемъ, онъ будетъ счастливъ крохами, перепадающими ему съ того пира, гдѣ пресыщенные пирующіе большими глотками пьютъ скуку.

Такъ какъ нельзя восхищаться тѣмъ, что ниже насъ, то онъ будетъ желать, чтобы много вещей и много людей было выше его. И такимъ путемъ онъ вновь превратитъ въ счастье то, что служитъ безсознательной причиной огорченія и неудовольствія у другихъ. Идя пѣшкомъ, онъ будетъ радоваться, глядя на прекрасные экипажи, проѣзжающіе по дорогамъ, — для него они представляютъ красивое зрѣлище, тогда какъ онъ для нихъ—нѣтъ. Въ городѣ онъ будетъ жить не во дворцѣ, а въ скромномъ домикѣ противъ дворца, чтобы съ большимъ удобствомъ любоваться его прекрасной архитектурой. Съ конца стола и туалеты, и цвѣты лучше видны. Общій видъ торжественной процессіи лучше всего виденъ стоящимъ въ безъимянной толпѣ. Онъ будетъ повиноваться своему королю, если у него есть король, старшимъ въ родѣ, если въ немъ есть старшіе, законамъ своей страны, если въ ней есть законы; но онъ съумѣетъ охранить отъ самого себя свою свободу, и свободный въ отношеніи къ самому себѣ, онъ, несмотря на все свое подчиненіе, испытаетъ глубокое наслажденіе свободой. Онъ не будетъ никогда сомнѣваться въ величіи, въ честности, въ талантѣ. Онъ будетъ сомнѣваться лишь во всемъ дурномъ. Онъ будетъ

скептикомъ лишь въ одномъ отношеніи: въ томъ, что подушка скептицизма дѣйствительно самая мягкая для хорошей головы. Не знатный по рожденію, онъ будетъ радоваться тому, что есть аристократія, и еще болѣе тому, что онъ къ ней не принадлежитъ, и можетъ, наблюдая ее издали, больше восхищаться ею и уважать ее. Онъ будетъ возставать лишь противъ одного—противъ безобразія. Сильныхъ міра онъ будетъ упрекать лишь въ томъ, что они некрасивы, плохо одѣты, что они появляются на собраніяхъ въ обыденныхъ и недостаточно изящныхъ костюмахъ, что они берегутъ для однихъ себя свои прекрасныя коллекціи, что они вырубаютъ свои старые дубы и маслины. Богатыхъ онъ упрекнетъ только въ томъ, что они разрушаютъ свои старыя жилища и строятъ новыя съ «не выразительными физіономіями». Но все достойное уваженіе среди вещей старыхъ и прекрасныхъ онъ будетъ уважать. Онъ будетъ смѣяться только надъ насмѣшникомъ. Онъ будетъ ненавидѣть только ненависть, онъ будетъ презирать только презрѣніе.

Такимъ образомъ, восхищаясь безъ задней мысли, безъ мысли о себѣ, онъ будетъ счастливъ. Замѣтьте, что исторія не знаетъ болѣе счастливыхъ жизней, чѣмъ жизнь великихъ пейзажистовъ; часто больные, какъ Чинтрейль, бѣдные, какъ Коро, мизантропы, какъ Тернеръ, иногда мучимые грозящей слѣпотой, какъ Тройонъ, они вели въ то же время относительно счастливую жизнь, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ письма или ихъ разсказы, и только потому, что жизнь ихъ проходила въ восхищеніи. Несчастіе заключается въ зависти: кто отъ всего сердца восхищается, тотъ не завидуетъ. Несчастіе заключается въ сожалѣніи, кто восхищается, тотъ забываетъ. Оно заключаетъ въ злобѣ: кто восхищается, тотъ прощаетъ; въ сомнѣніяхъ: кто восхищается, тотъ вѣритъ.

И не только личное несчастіе, но и несчастіе общественное состоитъ изъ этихъ золъ, и можетъ быть излѣчено только этимъ противоядіемъ. Чувство восхищенія, составляя главную сущность эстетической жизни, служитъ въ то же время средствомъ противъ соціальнаго зла. Это прямая противоположность глупаго желанія вызывать восхищеніе,—желанія, убивающаго всякій энтузіазмъ, ребяческаго самолюбія, уничтожающаго всякую любовь. Въ наше время очень возстаютъ противъ власти денегъ и противъ стремленія къ деньгамъ. Но не въ этомъ соціальное зло. Это лишь одно изъ его проявленій. Если деньги стали предметомъ такихъ жадныхъ желаній, то только потому что они удовлетворяютъ общему всѣмъ тщеславію. Если золото стало дороже жизни, то не потому, что съ помощью его можно пріобрѣсти предметы, полезные для жизни, но побрякушки, тѣшащіе страсть къ роскоши, и тщеславіе. Никто не говоритъ грубо и прямо: будемъ пить и ѣсть, но всякій втайнѣ завистливо думаетъ: будемъ блистать и вызывать восхищеніе, и главное, чтобы никто не блисталъ и не вызывалъ восхищенія больше насъ! Капиталистическая страсть лишь одна изъ формъ, въ которую

облекается это желаніе, но далеко не единственная. Тотъ, кто стремится упрочить къ своей выгодѣ власть денегъ, потому что онѣ у него есть, и тотъ, кто стремится уничтожить ихъ власть, потому что у него ихъ нѣтъ, заражены въ корнѣ однимъ и тѣмъ же чувствомъ—гордостью. И у того, и у другого одна цѣль: стать въ мірѣ на-ряду съ великими міра. Въ этомъ нетерпимость всякаго неравенства, въ этомъ тревога всякаго превосходства, въ этомъ проклятіе всякой іерархіи. Оно проявляется одинаково въ неукротимомъ и вызывающемъ презрѣніи къ деньгамъ и въ упорномъ и ненасытномъ стремленіи къ деньгамъ. Оно звучитъ и въ ударахъ топора, разбивающаго ступени соціальной лѣстницы, и въ ловкихъ стараніяхъ поклонниковъ Маммона покрыть золотомъ каждую ступень. Самое вѣрное изображеніе нашего общества мы можемъ видѣть на картинѣ Рошгросса. Вѣроятно, многіе еще помнятъ ее. Богатый, промышленный городъ, безобразный и безпокойный, небо задернуто дымомъ и испареніями нездоровой и безполезной работы, и вотъ, охваченная отчаянной, неукротимой жаждой богатства, почестей, блеска и возвышенія, толпа въ братоубійственной свалкѣ встаетъ ввидѣ какой-то людской пирамиды, давя и толкая другъ друга, падая и снова вставая, цѣною мира, цѣною красоты, цѣною жизни подымаясь все выше къ золотой фортунѣ, которая пролетаетъ тамъ вверху надъ протянутыми къ ней пустыми руками и исчезаетъ...

Теперь, чтобы составить себѣ лучшее представленіе о жизни, взглянемъ на извѣстную картину Бёрнъ-Джонса: *Золотая лѣстница*. Посреди узкой и высокой рамы поднимается спиралью золоченая лѣстница безъ перилъ, точно лѣстница сновидѣній; она ведетъ изъ невѣдомаго перваго этажа въ невидимый второй. Молодыя дѣвушки въ легкихъ туникахъ, падающихъ складками, съ коронами изъ листьевъ, спускаются по ступенямъ, держа въ рукахъ лютни, цимбалы, тамбурины и длинныя флейты, сверкающія, какъ лучи, въ рукахъ ангеловъ на голубомъ небѣ Фра-Анжелико. Ихъ босыя ноги ступаютъ по золотымъ ступенямъ и обнаженныя руки касаются струнъ лютней и отверстій флейтъ. Ступени блестятъ и отражаютъ ихъ ноги, а струны звучатъ и отражаютъ души медленно двигающихся дѣвушекъ. Полъ усыпанъ листьями, какъ преддверіе церкви утромъ въ Вербное воскресеніе. То тутъ, то тамъ голова поворачивается назадъ, точно сожалѣя о чемъ-то; взоры встрѣчаются, точно обмѣниваясь тайной, чело склоняется точно подъ давленіемъ неразрѣшимой загадки; губы улыбаются, точно посылая поцѣлуй. Нѣкоторые изъ этихъ глазъ смотрятъ дальше рамы, дальше комнаты, дальше дома, быть можетъ, дальше жизни. Онѣ бесѣдуютъ и играютъ. Конечно, это тихая музыка, это простыя одежды, это скромное жилище. Но движенія полны граціи и спокойствіе осѣняетъ склоненныя головы. А вверху полотна на черепицы спустились голуби, готовые снова отлетѣть въ небо, чтобы оно позавидовало этому прелестному уголку земли, или снести сорванную здѣсь оливковую вѣтвь на землю честолюбіямъ, носящимся по волѣ прибоя. Здѣсь всякое честолюбіе

усмиряется, всѣ крики умолкаютъ и, вмѣсто, того чтобы карабкаться вверхъ къ химерѣ, люди просто и радостно спускаются внизъ по лѣстницѣ соціальныхъ условій, по лѣстницѣ богатства, по золотымъ ступенямъ.

Когда настанетъ эпоха рёскиньянской жизни, все человѣчество перестанетъ подыматься вверхъ на завоеваніе богатства, оно начнетъ спускаться внизъ по *Золотой лѣстницѣ*. Все будетъ устроено въ цѣляхъ мира и красоты. Рельсы желѣзныхъ дорогъ будутъ погребены въ поляхъ; развалины вокзаловъ будутъ разсѣяны, какъ остатки римскихъ укрѣпленій и послѣдній локомотивъ будетъ показываться, въ музеѣ, какъ карета Людовика XIV. Ни одна фабричная труба не будетъ пускать дымъ въ небеса. То, что́ теперь дѣлаетъ паръ, будетъ дѣлаться руками человѣческими и зато никто не услышитъ о работѣ, не находящей работниковъ и о работникахъ, не находящихъ работы. Въ поляхъ не будутъ больше шипѣть и свистѣть отвратительныя машины, истинныя истребительницы заработка земледѣльческаго рабочаго, но зато гнутыя косы въ сильныхъ рукахъ рабочаго будутъ сверкать на солнцѣ голубыми искрами. Люди не будутъ каждый день изобрѣтать какую-нибудь новую машину, замѣняющую рабочія руки, а на другой день жаловаться на количество незанятыхъ рукъ. Желѣзо не станутъ больше выливать въ одинаковыя формы, его будутъ ковать кузнецы. Нѣкоторыя вещи будутъ дѣлаться гораздо медленнѣе, но зато и гораздо лучше. Въ то время не придется покупать масло у людей, которыхъ никогда не видѣлъ и которые посылаютъ его за 300—400 верстъ. Покупатель будетъ знать продавца и они будутъ при встрѣчѣ обмѣниваться рукопожатіями. Быть можетъ, устраняя посредника, они оба выиграютъ... По дорогамъ будутъ странствовать болѣе медленные, но болѣе внимательные путешественники. Они понесутъ въ разныя стороны свѣта вѣсти, украшенныя ихъ воображеніемъ. Но отъ этого онѣ не станутъ менѣе достовѣрными, чѣмъ теперешнія газетныя извѣстія... За четверть версты можно будетъ узнать общественное положеніе человѣка, потому что у каждой касты, у каждаго цеха будетъ особый костюмъ, который люди будутъ украшать по своему желанію, но не измѣнять. У стекольщика будетъ своя одежда, у модистки своя. Мы не будемъ рисковать принять сенатора за парикмахера, или перваго министра за послѣдняго чиновника въ его министерствѣ. Всякій долженъ будетъ держать свой костюмъ въ чистотѣ, какъ конногвардейцы или рейнскія молочницы. Но великолѣпныя наслѣдственныя одежды будутъ выниматься изъ шкафовъ только по торжественнымъ днямъ. Женщины будутъ надѣвать въ видѣ украшеній простые, неотшлифованные драгоцѣнные камни. Крестьяне будутъ носить простые, но свѣтлые и красивые цвѣта. Люди, посвящающіе себя уходу за больными и заботамъ о бѣдныхъ, будутъ одѣты въ пурпурныя и золотыя одежды, а солдаты, напротивъ, въ черное, какъ палачи. Такъ что дѣти, любящія красивыя формы, будутъ играть не въ солдатовъ, а въ филантроповъ. Благородные будутъ носить значки

своихъ кастъ и драгоцѣнные камни тоже неотдѣланные, такъ какъ шлифовка ничего не прибавляетъ къ ихъ красотѣ; она стѣсняетъ бѣдныхъ минералоговъ въ ихъ изысканіяхъ и стоитъ очень дорого. Можно было бы превратить въ безопасныя убѣжища всѣ порты Англіи, если бы истратить на это всѣ деньги брошенныя на шлифовку алмазовъ!

Эти знатные люди, владѣющіе имѣньями своихъ предковъ, не будутъ лишены ихъ, но они будутъ стремиться сами лишить себя исключительнаго пользованья ими. Они будутъ постоянно жить въ своихъ владѣніяхъ; они будутъ учить крестьянъ танцамъ и музыкѣ и исторіи ихъ старой родины и старой колокольни. Никто не увидитъ владѣльца стариннаго замка, живущаго въ Гайдъ-Паркѣ и бросающаго на скачкахъ золото, которое взростили крестьяне на его поляхъ. Онъ будетъ жить въ собственномъ паркѣ и бросать свое золото на собственныя поля и покрытые цвѣтами луга. Изъ этого золота онъ удержитъ для себя только часть, составляющую законное вознагражденіе за управленіе работами своихъ рабочихъ, если только онъ способенъ къ управленію. Все остальное возвратитъ тѣмъ, отъ кого получилъ. Кому и какъ?—спросите вы. Землѣ въ видѣ удобренія, чтобы возродить ее, и рабочимъ въ видѣ предметовъ искусства, чтобы развить ихъ. Онъ пожертвуетъ въ деревенскую школу какіе-нибудь драгоцѣнные минералы, книги, античныя вазы, которыя могутъ многому научить насъ, такъ какъ долго жили съ умершими... Эти школы будутъ сверху до низу украшены произведеніями великаго искусства и вещами, необходимыми для жизни, такъ какъ въ пустыхъ и мрачныхъ залахъ умъ начинаетъ безпорядочно метаться, какъ птица въ клѣткѣ безъ насѣста. Обученіе съ помощью картинъ будетъ принято не только въ школахъ, но вездѣ. Искусство проникнетъ во всѣ углы и закоулки жизни, такъ какъ «воспитывать вкусъ, значитъ воспитывать характеръ». Все окружающее будетъ говорить глазамъ людей и ихъ сердцу. При входѣ въ незнакомый городъ путникъ не увидитъ прежде всего, какъ теперь, колоссальныхъ объявленій о шоколадѣ или велосипедахъ, взоръ его упадетъ на какую-нибудь надпись вродѣ той, которая стояла нѣкогда на сѣверныхъ воротахъ Сіенны: Cor magis tibi Sena pandit *). Когда прохожій остановится передъ лавкой, гдѣ какой-нибудь поэтъ—Руманиль или Вильямъ Моррисъ—торгуетъ книгами или канделябрами, и окинетъ взглядомъ возвышающіяся передъ ней колонны, всякій разъ ему невольно придутъ на память важныя черты изъ исторіи мрамора или камней Италіи или Греціи, Африки или Испаніи, такъ какъ всѣ дома въ то время будутъ говорить своими избранными камнями, какъ открытыя книги. Деньги тоже будутъ тогда говорить—глазамъ своей глиптикой, осязанію своей тонкостью, сердцу своей законностью. Въ употребленіи будутъ золотые дукаты и полудукаты, серебряные флорины и сантимы. Въ мелкихъ монетахъ будутъ проткнуты дырочки. На золотомъ дукатѣ будетъ съ

*) Сіенна широко открываетъ тебѣ сердце.

одной стороны изображенъ архангелъ Михаилъ, а съ другой—вѣточка альпійскихъ розъ. Подъ вѣточкой надпись *Sit slpendor*. А подъ архангеломъ Михаиломъ: *Fiat vobuntas tua*, и вокругъ монеты *Domini*. Эта монета будетъ сдѣлана изъ чистаго металла, чтобы внушить народу чистоту. Однимъ словомъ, государство будетъ вводить красоту въ сознаніе массъ при помощи всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ: при помощи храмовъ и стѣнъ, колоколовъ, костюмовъ, оружія и особенно при помощи общественныхъ праздниковъ и національныхъ торжествъ, гдѣ будетъ допускаться роскошь, но роскошь всѣхъ и для всѣхъ.

Одинъ изъ этихъ праздниковъ будетъ праздникъ обрученія. Онъ будетъ устраиваться два раза въ годъ въ каждомъ селѣ, въ началѣ мая и послѣ уборки хлѣба, когда небо обѣщаетъ и когда оно исполняетъ. Тутъ, въ присутствіи всего народа, власти будутъ давать разрѣшенія жениться, такъ какъ жениться нельзя будетъ всякому желающему, а только тому, кто достигъ полнаго физическаго и нравственнаго развитія, и это разрѣшеніе будетъ имѣть характеръ «всенароднаго признанія, что они хорошо провели первую половину жизни». Молодыя дѣвушки получатъ тутъ розовые вѣнки, а юноши—званіе баккалавровъ, и затѣмъ устроится веселая процессія съ музыкой и пѣніемъ.

Въ тѣ дни ничто не будетъ устраиваться вдругъ и случайно. Когда юноша полюбитъ дѣвушку, онъ скажетъ ей объ этомъ просто, но не воображая, что она сейчасъ же отвѣтитъ ему благопріятно. Но и она не оттолкнетъ его жестоко сразу. Если она чувствуетъ къ нему мало склонности, она отошлетъ его прочь на семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ будетъ питаться овощами, носить одежду изъ грубаго холста и вообще будетъ вести жизнь, лишенную удобствъ. Если она хоть немного любитъ его, она позволитъ ему остаться около себя и будетъ задавать ему трудные подвиги—принести шкуру льва или голову гиганта,—просто для того, чтобы оцѣнить свойства его души. Ухаживать за ней будетъ значить проходить испытаніе и это никогда не будетъ длиться менѣе трехъ лѣтъ. Все это будетъ совершаться открыто и всякая дѣвушка, обладающая какими-нибудь достоинствами, будетъ имѣть не менѣе полудюжины претендентовъ, покорныхъ ея волѣ.

Когда наконецъ она выберетъ себѣ спутника, она дождется національнаго праздника браковъ, такъ какъ всѣ они будутъ заключаться въ одинъ день, какъ въ Венеціи въ X вѣкѣ. Такимъ образомъ этотъ день будетъ праздникомъ для всѣхъ—для однихъ въ настоящемъ, для другихъ въ прошломъ. Въ этотъ день все будетъ сіять блескомъ и великолѣпіемъ и никто не удивится, если всякая невѣста будетъ *vestita, per antico uso, di bianco, e con chiome sparse giu per le spalle, conteste con filo d'oro* *). Въ другіе дни крестьянки будутъ изображать сцены изъ Ле-Нэна и Миллэ, но въ этотъ день онѣ будутъ изображать сцены

*) Одѣта, по старинному обычаю, въ бѣлое и со спущенными на плечи волосами, которые перевиты золотой нитью.

изъ Ланкрэ и Ватo. Полнѣйшее равенство будетъ царить среди всѣхъ, также какъ одни и тѣ же лучи солнца будутъ освѣщать всѣхъ. Соединенныя здѣсь пары войдутъ въ жизнь одной дорогой, не смотря на разницу ихъ общественнаго положенія. Мы не увидимъ, какъ по выходѣ изъ церкви одни изъ нихъ войдутъ въ отдѣльныя купэ, засыпанныя цвѣтами, а другіе проберутся по крутымъ лѣстницамъ на свои чердаки. Нѣтъ. Всякому бѣдному баккалавру и всякой бѣдной дѣвушкѣ, государство будетъ въ теченіе семи лѣтъ выдавать опредѣленное содержаніе. А у всякаго богатаго баккалавра и богатой дѣвушки оно будетъ въ теченіе семи лѣтъ удерживать всѣ ихъ доходы, кромѣ такой же суммы, какую оно выплачиваетъ бѣднымъ. Такъ что и богатые, и бѣдные будутъ начинать жизнь при одинаковыхъ условіяхъ: одни получатъ возможность обезпечить въ будущемъ свое состояніе, другіе привыкнутъ къ скромной жизни, привыкнутъ добиваться бо́льшаго въ какой-нибудь области труда и искать въ трудѣ удовольствія.

Все это невозможно, скажете вы. Но Рёскинъ никогда и не говорилъ, чтобы это было возможно. Онъ говорилъ только, что это необходимо. Онъ говорилъ всегда объ этихъ вещахъ, какъ говорятъ о картинѣ, для которой нѣтъ ни полотна, ни красокъ, и изображалъ ихъ только на островѣ Баратаріи... Въ своемъ стремленіи преобразовать міръ онъ полагается не на разумъ мужчины, а на любовь, и призываетъ въ своихъ мечтахъ царство женщины. Она является *dea ex machina* въ той кроткой фееріи, которую онъ хочетъ поставить на мѣсто жизни. Когда онъ отчаивается въ мужчинѣ безобразномъ и фальшивомъ, онъ обращается къ той, «первой долгъ которой быть прекрасной», и наивно проситъ ее быть мужественной тамъ, гдѣ онъ оказался слабымъ, простой тамъ, гдѣ онъ былъ тщеславенъ, самоотверженной, тамъ гдѣ онъ былъ эгоистомъ. Въ портретѣ, который онъ намъ нарисовалъ, мы не узнаемъ ученой и блестящей женщины Возрожденія—Изабеллы д'Эсте, Леонардо или Лоренцо Коста, которую вы можете видѣть въ Луврѣ, ни маркизы Пескаиръ-Веронезе, ни даже посѣтительницы св. Анны на фрескахъ въ церкви Sainte-Marie-Nouvelle, которая приближается размѣренными шагами, сверкая драгоцѣнными камнями, которыми усыпалъ ее Джирландайо. Нѣтъ. Это женщина прерафаэлитовъ, какую вы можете увидѣть у старыхъ фламандскихъ или тосканскихъ мастеровъ, сидящая просто и прямо на креслѣ съ высокой спинкой и управляющая однимъ своимъ взглядомъ всѣмъ домомъ. Блѣдная, какъ фигура на старинныхъ обояхъ, могущественная, какъ волшебница, пламенная и молчаливая, какъ факелъ. Она знаетъ все. Но она не наряжается въ свои знанія, какъ въ блестящія украшенія. Она говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, но только тогда, когда нужно привѣтствовать странника или пилигрима на языкѣ покинутой имъ страны. Она умѣетъ также шить, готовить обѣдъ, вести счеты, ухаживать за больными. Она мало думаетъ о своемъ туалетѣ, но она заботится объ одеждахъ другихъ бѣдныхъ, которыхъ она встрѣчаетъ у

дверей ночлежныхъ домовъ, госпиталей и богадѣленъ. Если она наряжается въ великолѣпныя одежды, то она дѣлаетъ это,—какъ слуги св. Урсулы на картинахъ Карпаччіо,—только во время публичныхъ церемоній, общественныхъ праздниковъ, когда красота ея является жертвой на алтарь какой-нибудь великой идеи и зрѣлищемъ для народа, лишеннаго иныхъ зрѣлищъ. Она не вмѣшивается ни въ споры, ни въ войны, но она завязываетъ вооруженіе на плечѣ своего мужа. Она не говоритъ объ эмансипаціи и не ходитъ на феминистскіе митинги, но она произноситъ свой высшій судъ надъ тѣмъ, что дѣлаютъ мужчины, и распредѣляетъ награды за турниръ. Въ домѣ мужа—она служанка, въ его сердцѣ—королева. Отъ нея, посреди рукоплесканій толпы, онъ ждетъ награды; у нея, вопреки нападеніямъ всего міра, онъ ждетъ успокоенія. Она не сидитъ передъ зеркаломъ, какъ *Лаура Діати* Тиціана. Чистыя линіи ея лица отражаются въ красномъ золотѣ поставцевъ и въ голубой стали кирассъ. Прежде всего она весела. Она не смотритъ на благочестивыя картины, гдѣ матери плачутъ у подножія креста. Если у нея бываютъ огорченія, если у нея бываютъ слезы, она отряхаетъ ихъ, какъ лепестокъ розы капельки дождя, и является еще болѣе прекрасной. Она дѣлаетъ добро, но не читаетъ проповѣдей. Руки ея не сложны, но дѣятельны. Какъ королева не покидаетъ своего королевства, такъ она не выходитъ изъ своего дома. Она охраняетъ его и украшаетъ, принимаясь съ зарей за дѣло, утомляясь къ вечеру. Работать, любить, украшать, и такъ протекаетъ жизнь. Когда она наполовину прошла, въ чертахъ женщины появляется отпечатокъ мира и спокойствія, который даетъ счастливая и полная жизнь. Тогда она освѣщаетъ все вокругъ, всѣ пути, по которымъ пойдутъ ея мужъ и ея сыновья. Въ глазахъ ея и свѣтъ, и пламя, въ ея душѣ и жалость, и восторгъ. Она не будетъ предаваться воображаемымъ горестямъ о томъ, въ чемъ отказываетъ намъ жизнь,—она не ждетъ отъ жизни того, что она не можетъ дать, и отъ смерти того, что никто не можетъ обѣщать. Грусть не коснется ея чела и не проведетъ на немъ морщинъ, развѣ, быть можетъ, отъ времени до времени, проходя по этой рёскиньянской Аркадіи, окаймленной голубыми горами, она встрѣтитъ подъ маслиной какую-нибудь могилу, говорящую о подобной же судьбѣ, едва сознанную меланхолическую мысль пастушки Пуссена: *И я также въ Аркадіи...*

А потомъ, за предѣлами этого міра?.. Не будемъ заниматься тѣмъ, что будетъ за предѣлами этого міра! Будемъ заниматься только тѣмъ, что находится въ предѣлахъ нашей жизни. Отрицать ту жизнь—ребячество... что можемъ мы отрицать? Но спорить и разсуждать о той жизни—самомнѣніе... Что можемъ мы утверждать? Будемъ любить и восхищаться тѣмъ, что видимъ—довольно и этого. Не будемъ ждать особыхъ наградъ; если мы жертвуемъ временемъ, то не для того, чтобы получить въ награду вѣчность, — міромъ, не для того, чтобы по-

лучить въ награду небеса. Отъ неба не будемъ ждать иной награды, кромѣ красоты; отъ земли—кромѣ успокоенія. Составимъ о героизмѣ такое же понятіе, какъ молодой грекъ—отдать жизнь за поцѣлуй... и не получить его. Но не будемъ прерывать мечтателей, разсказывающихъ о дивной странѣ, гдѣ ласковое дыханье океана обвѣваетъ благословенные острова, гдѣ цвѣты вѣчно цвѣтутъ радостью. Будемъ слушать пророковъ, какъ слушаютъ пѣніе птицъ. Въ нихъ красота. Не будемъ яскать въ небесахъ иного престола, кромѣ горъ; иного дыханія, кромѣ тучъ. Въ цвѣтахъ этихъ горъ, въ очертаніяхъ этихъ тучъ, страстно любимыхъ нами, будемъ видѣть тайну могущества, помощи и мира, и не будемъ отрицать личнаго начала въ ней. Но не будемъ ждать иной награды за жизнь, кромѣ самой жизни, за нашъ восторгъ передъ невѣдомымъ художникомъ; кромѣ этого самаго восторга, за нашу любовь къ его твореньямъ—кромѣ самой любви.

«Ибо, если эта жизнь не сонъ и міръ не больница для прокаженныхъ, а дворецъ отца; если вы должны получить здѣсь всю сумму мира, могущества и радости, и всѣ плоды побѣды должны быть собраны здѣсь или нигдѣ, пожелаете-ли вы и въ такомъ случаѣ во все продолженіе вашего бреннаго существованія горѣть на огнѣ тщеславія? Если вы не получите успокоенія въ будущей жизни, не должны ли вы стремиться къ нему теперь? Должна ли трава земли служить для васъ только саваномъ, а не постелью? И неужели вы не можете найти успокоенія на ней, а только подъ ней?

«Язычники въ самую печальную эпоху своей жизни не думали такъ. Они знали, что жизнь несетъ съ собой борьбу, но отъ нея же они ждали и вѣнка за борьбу; о! не слишкомъ пышнаго вѣнка! Всего нѣсколько листьевъ дикой маслины, освѣжающихъ усталый лобъ въ годы мира. Онъ могъ бы быть золотымъ, этотъ вѣнокъ, думали они, но Юпитеръ бѣденъ; большаго онъ не могъ имъ дать. Ища лучшаго, они узнавали, что все это—насмѣшка. Ни война, ни тираннія не давали имъ счастія, его приносилъ съ собой только миръ, изобильный и свободный.

«Вѣнокъ долженъ быть изъ дикой маслины,—замѣтьте это, — дерева, не требующаго никакихъ заботъ, не украшающаго скалы пышными букетами смѣющихся цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтвей, но нѣжнымъ снѣгомъ цвѣта, полу развившимся плодомъ, скрытымъ подъ сѣроватыми листьями, и узловатымъ, какъ у боярышника, стволомъ; оно не готовитъ вамъ никакой діадемы, кромѣ вѣнка, вытканаго изъ этой пыльной зелени. Но такимъ вы можете получить его при жизни—онъ эмблема блѣднаго счастья и сладкаго покоя. Сердечная искренность, нѣжность, безпредѣльное довѣріе и взаимная любовь и наслажденіе покоемъ другихъ, и участіе въ ихъ страданіяхъ, все это, и голубыя небеса надъ вами, и тихія воды, и нѣжные цвѣты на землѣ подъ вами, и тайна во всемъ, и неисчислимыя живыя существа, все это можетъ быть вашимъ богатствомъ здѣсь,—богатствомъ божественнымъ,

лишеннымъ угрызеній, полнымъ содержанія для настоящей жизни и, быть можетъ, не лишеннымъ обѣщаній для будущей жизни»...

Это метафизика пейзажиста. «Солнце—Богъ!» говорилъ Тернеръ, умирая, а Коро на своемъ смертномъ ложѣ восклицалъ: «Видите, видите эти пейзажи!..» и ихъ восхищеніе, и ихъ благодарность къ красотѣ природы доходило до того, что даже въ послѣдній часъ они просили у нея награды въ загробной жизни. Они испытывали такое полное счастіе, созерцая видимые предметы вдали отъ людей, на берегахъ рѣкъ, на склонахъ холмовъ, въ глубинѣ лѣсовъ, внутри заливовъ, что, покидая землю, они ничего иного не желали найти на небѣ. Или, лучше сказать, эта земля и была для нихъ небомъ. Итакъ, любовь къ природѣ была для Рёскина и началомъ, и концомъ всего. Она составляла каждую черту его физіономіи, она диктовала всякое его слово; она направляла теченіе всякой его мысли. Она была огнемъ, который свѣтитъ; она была огнемъ, который грѣетъ; она была огнемъ, который очищаетъ. Она охранила его отъ мелочной злобы; она отвлекла его отъ страданій любви. Она провела его тропинками анализа, чтобы лучше изучить любимый предметъ, она ввела его на вершины синтеза, чтобы больше полюбить изученный предметъ. Она заставляла его стремиться къ наукѣ, такъ какъ наука проникаетъ дальше въ нѣкоторыя области природы; она спасла его отъ высокомѣрія науки, указавъ ему область эстетическихъ отношеній, которую не знаетъ и не признаетъ наука по той простой причинѣ, что она наука, а не искусство. Она сдѣлала болѣе точнымъ его взглядъ на искусство и продиктовала его опредѣленія. Наконецъ, она возстановила его противъ торжествующаго человѣка, дерзающаго исправлять природу и наполнила его глубокой симпатіей къ страдающему человѣку, къ тѣмъ, кто среди радостной природы влачитъ тяжелую жизнь, и къ тѣмъ, кто въ нашихъ искусственныхъ городахъ навсегда лишенъ ея...

Если онъ не достигъ того, что мы называемъ безусловной истиной, то пусть это не пугаетъ насъ, ни ради него самого, ни ради насъ. Быть можетъ, среди окружающей насъ ночи ученыхъ и волхвовъ увлекаютъ блуждающіе огни, а путеводная звѣзда является лишь невѣжественнымъ пастухамъ. Но, когда рѣчь идетъ объ этихъ блуждающихъ умахъ, къ которымъ принадлежитъ Рескинъ, не все ли равно, что было на ихъ небесахъ? Важно то, что было въ ихъ сердцѣ. Если было исканіе правды, если они стремились къ ней безъ задней мысли, безъ эгоистическихъ разсчетовъ, безъ гордости, куда бы ни привела ихъ звѣзда — въ оазисъ вѣры или въ пустыню сомнѣнія, — этотъ оазисъ, или эта пустыня будутъ для нихъ Виѳлеемомъ. И старцу, восклицавшему въ теченіе шестидесяти лѣтъ «Слава въ вышнихъ красотѣ», какіе-нибудь запоздавшіе ангелы божественной ночи отвѣтятъ навѣрно: «На землѣ миръ и въ человѣцехъ благоволеніе!..»

КОНЕЦЪ.

НОВАЯ КНИГА ПО СОЦІОЛОГІИ *).

Девятнадцатый вѣкъ разочаровался во многомъ. Среди другихъ вещей, онъ пробовалъ разочароваться и въ наукѣ. Устами людей, большею частью не принадлежавшихъ къ двигателямъ науки, онъ пытался не разъ обвинить науку въ томъ, что она не сдержала своихъ обѣщаній, не рѣшила «проклятыхъ вопросовъ» о жизни и духѣ, не пощадила старыхъ утопій и ничѣмъ не вознаградила за ихъ утрату. Легко было бы отвѣтить на эти упреки, что не дѣло науки—щадить и награждать, подавать надежды или рѣшать неразрѣшимое. Но, помимо этого отвода за некомпетентностью науки, у насъ есть и отвѣтъ по существу. Въ сущности, кто здѣсь кого обвиняетъ? Научный духъ, составляющій предметъ обвиненія, не есть-ли это духъ самого обвинителя,—духъ девятнадцатаго вѣка? Вина это или заслуга научнаго духа,—объ этомъ можно судить различно, но фактъ налицо: научный духъ вошелъ необходимымъ элементомъ въ психику XIX вѣка. И даже къ своимъ разочарованіямъ этотъ вѣкъ пришелъ во имя того же научнаго духа.

Суждено ли самой наукѣ сдѣлаться послѣднимъ изъ этихъ разочарованій? Въ завершеніе всѣхъ своихъ сомнѣній, усомнится ли нашъ вѣкъ въ самомъ источникѣ этихъ сомнѣній, въ наукѣ? Одиночные голоса въ этомъ смыслѣ раздавались не разъ; были моменты, когда эти голоса находили себѣ широкій откликъ. Но это были моменты усталости, за которыми слѣдовалъ новый порывъ впередъ. Наука выходила изъ этихъ сомнѣній обогащенная болѣе ясными понятіями о своей задачѣ и методахъ, а ея противники обнаруживали подъ претензіями «высшихъ натуръ»—складъ мысли и чувства, унаслѣдованный отъ прошедшихъ временъ. На ихъ голоса изъ гроба, вѣщающіе тономъ пророковъ, девятнадцатый вѣкъ, отходя въ вѣчность, лучше всего отвѣчаетъ новымъ созданіемъ своего научнаго духа,—послѣднимъ по времени, но не по важности. Онъ завѣщаетъ двадцатому столѣтію новую науку,—результатъ примѣненія общаго принципа закономѣрности къ изученію общественныхъ явленій,—соціологію.

---

*) *Паулъ Барть.* «Философія исторіи, какъ соціологія», ч. I. Введеніе и критическій обзоръ. Спб. 1900.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы новая наука переходила въ двадцатый вѣкъ въ готовой, законченной формѣ. Хотя она и получила еще въ первой половинѣ вѣка, изъ рукъ Ог. Конта, свое крещеніе, но долго послѣ того она нерѣшительно топталась на одномъ мѣстѣ, подбирая свои матеріалы и ощупью пробуя разные выводы,—пока наконецъ не двинулась быстро впередъ, въ послѣднее десятилѣтіе. Развитіе соціологіи и постепенное превращеніе ея въ науку можетъ служить любопытнымъ примѣромъ того, какъ, за отсутствіемъ геніальнаго ума, его замѣняютъ и дѣлаютъ его дѣло менѣе одаренныя натуры, въ цѣломъ рядѣ мелкихъ попытокъ, постепенно исправляющихъ другъ друга и мало-по-малу выходящихъ, наконецъ, на широкій и вѣрный путь. Соціологія не имѣла ни своего Коперника, ни Дарвина, ни даже своего Адама Смита. Контъ и Спенсеръ не могутъ считаться ея основателями въ этомъ смыслѣ, такъ какъ, вмѣсто всеобъемлющей руководящей идеи или широкаго синтеза, имъ приходилось еще только давать имя новой наукѣ, опредѣлять ея мѣсто, ея содержаніе и матеріалъ, ея пріемы. То общее и руководящее, что дали соціологіи оба эти глубокіе мыслителя, было лишь частнымъ приложеніемъ къ ней ихъ общихъ доктринъ, построенныхъ изъ матеріала другихъ наукъ, которыми тотъ и другой занимались спеціально. Напротивъ, руководящіе принципы, долженствовавшіе вытекать изъ спеціальнаго изученія вновь открытой области науки, предстояло еще найти продолжателямъ Конта и Спенсера. Естественно, что первыя усилія этихъ продолжателей оказались очень разбросанными въ разныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ направленіяхъ и первые выводы носили на себѣ печать частичныхъ увлеченій и односторонности. Но мало-по-малу взаимная критика сблизила мыслителей, работавшихъ въ одиночку; были найдены точки соприкосновенія между ихъ теоріями; открылась, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность совмѣстной работы. Этотъ новый фазисъ, въ который вошло изученіе соціологіи, былъ отмѣченъ и внѣшнимъ образомъ. Новая наука получила въ свое распоряженіе нѣсколько спеціальныхъ органовъ, ея работники нѣсколько разъ собирались на періодическіе конгрессы; наконецъ, что особенно важно, соціологія сдѣлалась предметомъ университетскаго преподаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекла къ себѣ лицъ, имѣющихъ возможность разрабатывать ее спеціально, какъ предметъ своей профессіи. Естественно, что страны, въ которыхъ эта внѣшняя организація научной разработки сдѣлала наибольшіе успѣхи,—Франція и Соединенные Штаты,—пошли впереди и во внутреннемъ усовершенствованіи новой науки.

Результаты такой совмѣстной работы въ области соціологіи были такъ быстры и такъ значительны, что ученые другихъ странъ, по большей части, едва успѣвали слѣдить за достигнутыми успѣхами и приноровлять къ нимъ свои собственныя изслѣдованія. Мы присутствуемъ, поэтому, при очень оригинальномъ зрѣлищѣ. Изъ людей, за-

нимающихся соціологіей, огромное большинство подходитъ къ ней все еще со стороны, изъ другихъ спеціальностей. Они приносятъ съ собой, конечно, свои уже сложившіяся мнѣнія, отчасти обогащая ими, а еще чаще тормозя и парализуя развитіе новой области знаній, въ которой начинаютъ работать. Періодъ открытаго недоброжелательства къ неожиданно возникшей наукѣ, кажется уже начинаетъ проходить; но за нимъ слѣдуетъ періодъ неполнаго приспособленія къ ея требованіямъ и задачамъ со стороны лицъ, привносящихъ въ изученіе соціологіи свои заднія мысли.

Однимъ изъ такихъ не вполнѣ приспособившихся работниковъ новой науки долженъ считаться и Бартъ, авторъ только что вышедшей въ русскомъ переводѣ книги, по поводу которой написана эта замѣтка. Дѣйствительно, кто могъ бы ожидать, что составитель ученаго изслѣдованія «объ элегантности Теренція въ употребленіи прилагательныхъ» кончитъ черезъ пятнадцать лѣтъ тѣмъ, что напишетъ «Философію исторіи, какъ соціологію»? Правда, еще десять лѣтъ тому назадъ чувствительный къ запросамъ жизни авторъ отозвался на нихъ своей небольшой книжкой о «Философіи исторіи Гегеля и гегеліанцевъ до Маркса и Гартманна». Здѣсь онъ уже борется «противъ метафизическаго тумана, окутывающаго важнѣйшія области нѣмецкой умственной жизни», стремится внести въ нее «свѣтъ современнаго знанія» и при этомъ обнаруживаетъ, что гегелевское діалектическое «развитіе» ничего не имѣетъ общаго съ современной «эволюціей», а всѣ историческія построенія его школы игнорируютъ «генетическое развитіе общества», какъ оно выясняется въ результатѣ современныхъ изслѣдованій въ области первобытной культуры. Это—хорошее начало, которое, однако, черезъ пять лѣтъ привело къ не совсѣмъ хорошему концу. Слѣдуя изумительно быстрому росту науки объ обществѣ и добросовѣстно слѣдя за ея новѣйшими выводами, Бартъ смотритъ, однако же на изученіе новаго матеріала, не какъ на цѣль саму по себѣ, а какъ на средство для осуществленія уже сложившейся въ его умѣ задачи. Написавъ на своемъ знамени «соціологія», онъ не зачеркиваетъ однако и старой надписи: «философія исторіи». Ставя оба лозунга рядомъ, онъ, конечно, чувствуетъ хронологическую и фактическую разницу между ними, но не рѣшается отказаться отъ стараго термина, предпочитая употреблять его въ новомъ смыслѣ. «Выдѣлить философію исторіи, *ограничивая ее изученіемъ, напр., развитія человѣческаго типа*, такъ же невозможно, какъ и изолировать отъ нея соціологію, *ограничивъ послѣднюю общественной статикой*. Человѣческій типъ неразрывно связанъ съ типомъ общества, а само общество можно понять только изъ хода его развитія. Итакъ, существуетъ только *одна* наука о судьбахъ человѣческаго рода (der Schicksale der menschlichen Gattung), назовемъ ли мы ее соціологіей, философіей общества или, какъ мы рѣшились называть ее,—философіей исторіи... Исторически,

конечно, можно очень ясно обосновать различіе задачъ философіи исторіи и соціологіи. Именно, до сихъ поръ философія исторіи... не ставила своей задачей изученіе общества, какъ цѣлаго, а придавала постоянно какой-нибудь одной сторонѣ соціальной жизни рѣшающее значеніе и изъ нея считала возможнымъ выводить все остальное... Но установившаяся исторически терминологія не можетъ помѣшать намъ вновь опредѣлить задачу какой-либо науки, соотвѣтственно новымъ потребностямъ. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи... мы будемъ употреблять терминъ «философія исторіи» въ только что установленномъ смыслѣ, т. е. равнозначащемъ «соціологіи».

Очевидно, не смотря на это отожествленіе, авторъ имѣетъ свою причину сохранить старый терминъ. Хотя онъ и отрицаетъ возможность разграничить философію исторіи отъ соціологіи, но въ то же время не прочь указать пограничную черту между той и другой. Соціологія изучаетъ «статику», философія исторіи занимается «генезисомъ»: первая устанавляетъ «типъ общества», вторая изслѣдуетъ «ходъ его развитія». «Существуетъ только *одна* наука», но въ этой наукѣ автора интересуетъ преимущественно та сторона, которая соотвѣтствуетъ именно старому пониманію стараго термина «философіи исторіи», Этотъ терминъ напоминаетъ ему его старую задачу—написать «генетическую исторію общества» или, какъ характерно свидѣтельствуетъ приведенное нами нѣмецкое выраженіе, прослѣдить въ исторіи—«судьбы человѣческаго рода». Очевидно, «исторія общества» (въ абстрактномъ смыслѣ) отходитъ при этой формулировкѣ на второй планъ передъ «исторіей обществъ», какъ ее могъ бы понять и опровергаемый авторомъ Гегель. Словомъ, старые термины легко ведутъ за собой и старыя ошибки, не смотря на кажущуюся осторожность со стороны автора. «Исторія обществъ» въ упомянутомъ смыслѣ должна, повидимому, составлять содержаніе второго, еще не вышедшаго въ печати тома; но нѣкоторое понятіе о ней мы можемъ составить и изъ бѣглаго эскиза, которымъ кончается первый томъ. Этотъ эскизъ способенъ подтвердить всѣ наши опасенія. Отъ «соціологіи» остается здѣсь очень мало, а «философія исторіи» возстановляется во всѣхъ своихъ старыхъ правахъ. Мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ безчисленныхъ очерковъ всемірной исторіи, исправленный на основаніи новѣйшихъ взглядовъ, и тѣмъ не менѣе совершенно чуждый духу современной соціологіи. Но не будемъ останавливаться на этой сторонѣ воззрѣній автора. Если мы подчеркнули ее въ самомъ началѣ, то только потому, что ею опредѣляются въ значительной степени взгляды автора на исторію науки и объясняются его ошибки. Зная заранѣе ихъ источникъ, мы можемъ теперь легче разобраться въ его характеристикахъ разныхъ соціологическихъ направленій и авторовъ.

Задвяя мысль сквозитъ уже въ самомъ планѣ, по которому расположено изображеніе Барта. Книга дѣлится на два отдѣла: въ первомъ

авторъ дѣлаетъ обзоръ «*соціологическихъ* системъ», во второмъ онъ излагаетъ и критикуетъ «односторонніе *историческіе* теоріи», предшествовавшіе его собственной, и, надо прибавить, предшествовавшіе новѣйшему развитію соціологіи. Эта «философія исторіи» въ старомъ смыслѣ должна бы, повидимому, и въ изложеніи Барта предшествовать «соціологическимъ системамъ», составляющимъ, по его же терминологіи, философію исторіи въ новомъ смыслѣ. Если на дѣлѣ порядокъ переворачивается Бартомъ, то это потому, что, въ сущности, старая постановка философско-историческихъ задачъ ближе къ его собственной. Не выдерживаетъ онъ и того своего положенія, что философію исторіи въ *новомъ* смыслѣ невозможно отдѣлить отъ соціологіи. Прямымъ логическимъ выводомъ изъ этого положенія было бы не раздѣлять вовсе «соціологическихъ системъ» отъ «старыхъ системъ философіи исторіи, *насколько онѣ еще сохраняютъ значеніе для нашего времени*». Не пришлось бы, въ такомъ случаѣ, разносить очень близкія другъ къ другу теоріи по разнымъ отдѣламъ; можно было бы для классификаціи теорій принять какой-либо другой, болѣе естественный признакъ; выиграло бы при этомъ въ ясности не только изложеніе, но и самое пониманіе Бартомъ излагаемыхъ теорій. Все это станетъ ясно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія.

Итакъ, Бартъ не рѣшился ни отнести «односторонніе историческія теоріи» къ доисторическому періоду соціологіи, ни слить съ соціологическими системами хотя бы изъ тѣхъ, которыя «еще сохраняютъ значеніе для нашего времени». Посмотримъ теперь, какъ онъ обошелся съ изложеніемъ «соціологическихъ системъ» въ собственномъ смыслѣ.

Внутреннее дѣленіе этого отдѣла точно также совершенно насъ не удовлетворяетъ. Авторъ излагаетъ всѣ «соціологическія системы» въ шести группахъ: 1) возникновеніе соціологіи (Сенъ-Симонъ); 2) первая соціологическая система (Ог. Контъ); 3) классифицирующая соціологія (Литтре, де-Роберти, де-Греефъ, Лакомбъ и Вагнеръ); 4) біологическая соціологія (Спенсеръ, Лилиенфельдъ, Шеффле, А. Фулье, Рене Вормсъ); 5) дуалистическая (Л. Уордъ, Дж. Меккензи, Haurіou, Гиддингсъ) и 6) популярныя сочиненія и сборники матеріаловъ (Гаррисонъ, Комбъ-де-Лестрадъ, Киддъ). Не говоря уже о формальной неправильности,—о полномъ отсутствіи единства признака въ этомъ дѣленіи,—оно страдаетъ и многими реальными недостатками. Первыя двѣ группы и часть третьей могли бы быть съ выгодой соединены въ одну: Огюстъ Контъ, его предшественники и послѣдователи. Напротивъ, группа біологической соціологіи составлена изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ: ни Спенсеръ, ни тѣмъ болѣе Фулье не могутъ входить въ нее цѣликомъ. Совершенно неудачна, какъ увидимъ ниже, и по названію, и по составу группа «дуалистической соціологіи». Наконецъ, классификація страдаетъ огромными пробѣлами. Въ ней совершенно нѣтъ въ высшей степени важной группы послѣдователей

психологической соціологіи, къ числу которыхъ,—съ большими оговорками, правда,—могъ бы быть отнесенъ и самъ авторъ. Благодаря отсутствію этой группы, принадлежащіе къ ней мыслители разбросаны по самымъ различнымъ отдѣламъ книги и ихъ ученія изложены съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, только не съ той, которая должна бы была считаться ихъ собственной.

Но неужели нѣтъ никакой системы въ этомъ кажущемся хаосѣ? Справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторая система есть. Если Бартъ такъ искажаетъ въ своемъ изложеніи и даже въ своемъ планѣ естественное положеніе разныхъ мыслителей и ихъ системъ, то это потому, что онъ, полусознательно—полубезсознательно, подчиняетъ изложеніе своей собственной системѣ, о которой пока читатель можетъ только догадываться по отдѣльнымъ намекамъ, оброненнымъ авторомъ. Дальнѣйшее изложеніе дастъ намъ не мало поводовъ въ этомъ убѣдиться.

Начинатели новой науки, Сенъ-Симонъ и Контъ, изучены авторомъ, надо признать это, гораздо тщательнѣе, чѣмъ многіе новѣйшіе соціологи. Въ старомъ спорѣ о томъ, кто на кого больше вліялъ изъ этихъ двухъ мыслителей, Бартъ становится на сторону Сенъ-Симона. Въ противоположность Вентигу, автору извѣстной монографіи о Контѣ, онъ отдаетъ Сенъ-Симону первенство во многихъ теоріяхъ, общихъ обоимъ, и не признаетъ особенно сильнымъ вліяніе ученика на учителя. Онъ особенно подчеркиваетъ, что уже Сенъ-Симонъ призналъ необходимость и указалъ способъ поднять исторію и политику на степень объективной науки, что уже онъ, въ противоположность теоретикамъ XVIII-го вѣка, рѣшительно утверждалъ зависимость духовнаго развитія отъ политической системы, а послѣдней—отъ организаціи общественныхъ классовъ, въ свою очередь возникающей изъ извѣстной организаціи собственности и производства. Онъ же указалъ (по слѣдамъ Тюрго, какъ извѣстно) и стадіи духовнаго развитія, принятыя потомъ Контомъ (теологическую, метафизическую и позитивную), и соотвѣтствующія имъ стадіи общественнаго развитія (отъ военной дѣятельности къ промышленной). Выискивая, такимъ образомъ, самые бѣглые намеки Сенъ-Симона и группируя ихъ въ систему, Бартъ, напротивъ, къ могучей и цѣльной системѣ Конта относится чрезвычайно строго и требовательно, вылавливая въ шести томахъ «Курса позитивной философіи» всѣ оттѣнки мысли, оговорки и фактическія ошибки, пригодныя для того, чтобы уличить великаго мыслителя въ противорѣчіяхъ и внутреннемъ несогласіи съ самимъ собою. Онъ подбираетъ цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ «Курсъ позитивной философіи» измѣняетъ позитивному духу. Въ противоположность позитивному принципу объективности, онъ отмѣчаетъ, какъ Контъ неоднократно проявлялъ въ своихъ объясненіяхъ несомнѣнную субъективность. Въ противоположность требованію причиннаго объясненія, онъ указываетъ на остатки телеологической точки зрѣнія въ примѣненіи къ толкованію соціальныхъ явленій. Въ противоположность

основной аксіомѣ Конта о *солидарности* различныхъ сторонъ общественнаго развитія, онъ подчеркиваетъ его колебанія при опредѣленіи взаимныхъ отношеній между матеріальной и духовной стороной. Наконецъ, въ единственномъ случаѣ, гдѣ Контъ попробовалъ указать внутреннюю закономѣрность одного такого эволюціоннаго ряда (именно интеллектуальнаго), онъ напоминаетъ, вслѣдъ за Вундтомъ, какъ мало въ сущности похожъ на законъ—знаменитый законъ трехъ фазисовъ. Есть, однако, при всѣхъ этихъ несовершенствахъ,—не впервые, конечно, указанныхъ въ книгѣ Барта,—одна черта, которая, несомнѣнно, нравится автору, хотя по общей постановкѣ вопроса можно было бы ожидать, что какъ разъ въ ней Бартъ долженъ найти новое доказательство недостаточности контовской теоріи сравнительно съ теоріей его учителя. Бартъ подчеркиваетъ, именно,—можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по общему духу контовскаго позитивизма,—что по Конту «исторія общества управляется» не политической, не классовой и не экономической эволюціей, какъ мы только-что видѣли у Сенъ-Симонса, а «исторіей человѣческаго духа». Не будемъ обсуждать, насколько это фактически вѣрно (Бартъ самъ приводитъ соотвѣтствующія оговорки и исключенія Конта). Для насъ характерно то, что, вопреки Вундту, Бартъ рѣшительно отказывается признавать связь между Контомъ и «новѣйшей матеріалистической философіей исторіи». Напротивъ, по Барту, «Контъ впервые задумалъ показать, какъ изъ той стороны историческаго движенія, которую онъ считалъ наиболѣе важной, т. е. изъ измѣненій въ міросозерцаніи, неизбѣжно вытекаютъ, какъ слѣдствіе изъ причины, измѣненія и въ другихъ областяхъ соціальной жизни». Главное достоинство теоріи Конта онъ видитъ въ томъ, что Контъ замѣнилъ *механическое* пониманіе общества—*органическимъ*.

Отсюда ясно, что и въ дальнѣйшей исторіи соціологическихъ системъ послѣ Конта Бартъ будетъ слѣдить, главнымъ образомъ, за развитіемъ той же мысли, составляющей, по его мнѣнію, «правильную постановку задачи»,—мысли объ «органической» связи разныхъ сторонъ соціальной жизни, съ преобладаніемъ, притомъ, въ этой связи «психическаго» элемента. Оба термина, и «органическій», и «психическій», имѣютъ при этомъ у автора черезчуръ широкое и не совсѣмъ опредѣленное значеніе, къ большому ущербу какъ для его изложенія и критики, такъ и для его собственныхъ построеній.

На порогѣ дальнѣйшаго изложенія задерживаетъ Барта группа послѣдователей Конта, понимавшихъ его не такъ, какъ нашъ авторъ. Кромѣ мысли объ «органической» связи разныхъ сторонъ общественнаго развитія, ихъ занималъ также вопросъ объ іерархическомъ отношеніи между этими сторонами; и для рѣшенія этого вопроса—о взаимной зависимости соціальныхъ эволюцій—они сдѣлали попытку приложить къ нимъ идею Конта о взаимной зависимости и іерархіи наукъ. Такое приложеніе само собой вытекало изъ увѣренности, что классификація

наукъ точно соотвѣтствуетъ естественной группировкѣ изучаемыхъ ими предметовъ; казалось, что и классификація частей каждой науки должна воспроизводить естественный порядокъ описываемыхъ въ данномъ отдѣлѣ явленій и соотвѣтствовать хронологическому порядку самаго возникновенія этихъ явленій. Такимъ образомъ, напр., экономическія явленія въ классификаціи и въ исторіи шли раньше юридическихъ. Конечно, Барту не трудно было доказать, что классификація сама по себѣ не достаточно сильное орудіе для подобныхъ выводовъ. Попытка де- Греефа провести такую классификацію соціальныхъ явленій въ подробностяхъ послужила Барту самымъ лучшимъ опроверженіемъ возможности такихъ попытокъ, какъ своего рода reductio ad absurdum. Напрасно только онъ подъ одну рубрику съ де-Греефомъ подвелъ Лакомба, располагающаго разныя стороны соціальныхъ явленій не въ порядкѣ контовской классификаціи, т. е. по степени убывающей общности, а въ порядкѣ неотложности тѣхъ потребностей, которымъ эти стороны соотвѣтствуютъ. Не понимая, что этой формулировкой весь вопросъ сводится съ той почвы, на которой можно различать «матеріальное» и «психическое», Бартъ настойчиво ищетъ въ теоріи Лакомба отвѣта на свой коренной вопросъ: «составляетъ ли міровоззрѣніе тотъ элементъ, который идетъ впереди и ведетъ за собою все остальное?» Разумѣется, онъ не находитъ отвѣта и удивляется, что Лакомбъ, считая наиболѣе настоятельной потребностью—экономическую, въ то же время считаетъ причину прогресса «психической». Любопытнѣе всего, что въ этихъ тщательныхъ поискахъ за «психическимъ» элементомъ соціологическихъ объясненій Бартъ совсѣмъ забываетъ упомянуть о весьма важныхъ для него спорахъ о мѣстѣ психологіи въ контовской классификаціи наукъ и встрѣчаясь съ поправками этого рода послѣ Конта, просто не узнаетъ ихъ близости къ интересующему его самого вопросу. Такъ, подробнѣйшимъ образомъ разсказавъ и изобличивъ несостоятельность соціологическихъ классификацій де-Греефа, онъ лишь мимоходомъ упоминаетъ его ученіе о томъ, что отличіе соціологическихъ явленій отъ органическихъ вообще заключается въ фактѣ психическаго взаимодѣйствія,—во взаимодѣйствіи воль. Преувеличивъ роль Конта въ признаніи *органическаго* характера соціальныхъ явленій (въ противоположность механическому), онъ находитъ, что сдѣлать дальнѣйшій шагъ и признать общественный организмъ *договорнымъ* (т. е. коллективно-психическимъ) есть «рѣзкое противорѣчіе» контовской системѣ, и это потому, что у Конта господствуетъ (въ будущемъ) не «договоръ», а монархическая власть философовъ! И однако это не мѣшаетъ признать ему въ другомъ мѣстѣ мысль де-Греефа, «что въ соціологіи дѣло идетъ о *волевыхъ* отношеніяхъ»—«плодотворной», хотя и оставшейся «въ зародышѣ». Чѣмъ же объяснить всѣ эти колебанія и недоразумѣнія? Въ случаѣ съ Лакомбомъ недоразумѣніе, очевидно, возникло изъ того, что Бартъ не хотѣлъ признать за «психическое» того, что не носитъ марки «міро-

воззрѣнія». Онъ защищалъ тамъ это «міровоззрѣніе» отъ покушеній, напоминающихъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Въ данномъ случаѣ, напротивъ, онъ не прочь защитить «волевое» начало изъ построеннаго на немъ де-Греефомъ «міровоззрѣнія», отъ «ложной вѣры во всемогущество договорнаго начала, имѣющаго сдѣлаться въ будущемъ единственнымъ дѣйствующимъ началомъ». Какъ видимъ, «міровоззрѣніе» Барта не допускаетъ «ложной вѣры» ни въ черезчуръ сильное, ни въ черезчуръ слабое соціологическое вліяніе психическаго начала. Но его благоразумная умѣренность выведена, несомнѣнно, не изъ изученія соціологическихъ системъ.

Намъ важно было отмѣтить это внутреннее противорѣчіе автора съ самимъ собою, такъ какъ, чѣмъ дальше онъ подвигается въ своемъ изложеніи, тѣмъ послѣдствія противорѣчія становятся ощутительнѣе. То среднее положеніе, которое мы только-что отмѣтили у Барта между Лакомбомъ и Де-Греефомъ, ему приходится снова занять между болѣе крупными системами Спенсера и Лестера Уорда. Опять онъ рѣшительнѣе перваго выдвигаетъ психическое начало въ соціологіи, и опять не рѣшается выводить изъ этого начала тѣхъ послѣдствій, которыя выводятъ послѣдній.

Критика Спенсера основывается у Барта на двухъ мысляхъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ разныхъ источниковъ. Первая мысль заключается въ томъ, что Спенсеръ недостаточно и неполно отмѣтилъ всѣ *сходства*, сближающія общество съ организмомъ. Эта мысль взята у нѣмецкихъ сторонниковъ органической теоріи общества. Вторая мысль та, что онъ еще менѣе полно разработалъ *различія* между тѣмъ и другимъ. Это послѣдняя мысль взята Бартомъ у американскихъ соціологовъ, но приспособлена къ его собственному пониманію.

Производитъ нѣсколько комичное впечатлѣніе, когда Бартъ начинаетъ указывать Спенсеру тѣ черты сходства общества съ организмомъ, которыхъ тотъ не замѣтилъ. Такъ, войска и *крѣпости* должны соотвѣтствовать скелету, воспитательныя учрежденія—органамъ размноженія и т. д. Изъ многотомныхъ нѣмецкихъ работъ Шеффле и Лилienфельда Бартъ могъ бы заимствовать сколько угодно такихъ аналогій, лучше всего доказывающихъ нелѣпость основной ихъ мысли. Что Спенсеръ не пошелъ въ своихъ біологическихъ параллеляхъ такъ далеко, какъ оба нѣмецкіе соціолога,—это составляетъ не его недостатокъ, а его достоинство. Гумпловичъ очень хорошо замѣтилъ, что параллели Спенсера никогда не идутъ дальше простыхъ сравненій между общественными и органическими явленіями, тогда какъ безвкусныя уподобленія Лилienфельда и Шеффле исходятъ изъ аксіомы о полномъ тожествѣ общества и организма. Огромная разница между однимъ изъ первыхъ мыслителей нашего вѣка и авторами компиляцій, въ которыхъ гораздо больше чужихъ цитатъ, чѣмъ собственныхъ оригинальныхъ мыслей—эта разница совсѣмъ исчезаетъ въ изложеніи нашего автора. Если бы

Бартъ надлежащимъ образомъ оцѣнилъ то, что Спенсеръ сдѣлалъ для соціологіи,—онъ не рѣшился бы его упрятать въ одну группу съ упомянутыми сторонниками «біологической соціологіи» и съ ловкимъ компиляторомъ ихъ компиляцій, Рене Вормсомъ. Мѣсто Спенсера—рядомъ съ Контомъ, и напрасно Бартъ преувеличиваетъ различіе между ними, выдвигая впередъ совершенно второстепенное разногласіе по поводу «исходной точки»соціологическихъ изслѣдованій(индивидуумъ или семья?) Какъ извѣстно, самъ Спенсеръ усиленно подчеркивалъ разницу между своимъ ученіемъ и контовскимъ; но уже самая цѣль спенсеровскихъ подчеркиваній—стремленіе доказать свой пріоритетъ и свою независимость отъ Конта—лучше всего показываетъ, что въ существѣ дѣла между ихъ теоріями существовало очень большое духовное сродство.

Барту отношеніе между Контомъ и Спенсеромъ представляется совершенно иначе, и причиной опять является его не совсѣмъ умѣлая защита психическаго начала. Конта, какъ мы видѣли, онъ очень одобряетъ въ своемъ смыслѣ; Контъ для него, съ своей (преувеличенной авторомъ) теоріей независимости интеллектуальнаго развитія—почти «дуалистъ». «Позитивный законъ развитія»,—говоритъ онъ,—есть законъ о трехъ фазисахъ, т. е. совершенно *не біологическій*, а *гносеологическій* принципъ. Контъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не монистъ, а по меньшей мѣрѣ, оба основныя начала (т. е. «матерія и духъ») стоятъ у него рядомъ другъ съ другомъ «(стр. 62). Напротивъ, Спенсеръ—«натуралистъ» по общему представленію автора, и подъ это представленіе онъ подводитъ свое изложеніе, непростительно искажая подлинное ученіе Спенсера. Какъ «натуралистъ», Спенсеръ долженъ быть врагомъ психическаго начала и сторонникомъ «біологическаго». «Общество для него есть явленіе природы (ein Naturwesen). не отличающееся никакимъ новымъ началомъ отъ физическаго организма. Понятіе духовнаго организма не приходитъ ему въ голову» (стр. 122—123). «Онъ не распозналъ высшей, духовной природы общества» (135).

Дѣйствительно, Спенсеръ считаетъ общество частью природы и не признаетъ никакой принципіальной разницы между изученіемъ природныхъ и общественныхъ явленій. Но въ его устахъ это утвержденіе имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что и тѣ, и другія явленія одинаково подчинены общему закону причинности. «Мы должны смотрѣть на соціальныя превращенія, какъ на всякія другія естественныя явленія, *т. е. какъ на развивающіяся извѣстнымъ неизбѣжнымъ. непреложнымъ образомъ»*, говоритъ онъ въ «Соціальной статикѣ» *). Это нисколько не мѣшаетъ ему не только признавать, но даже выдвигать—и отчасти въ противоположность именно Конту—значеніе психическаго начала

*) См. объ этомъ и о дальнѣйшемъ диссертацію *Busse*, «Herbert Spencer's Philosophie der Geschichte». Halle a. S. 1894.

въ общественныхъ явленіяхъ. Всѣмъ извѣстно, что Спенсеръ дополнилъ контовскую классификацію наукъ, вставивъ, какъ особый отдѣлъ знанія, «психологію» между біологіей и соціологіей. Самъ Бартъ напоминаетъ, что Спенсеръ усматривалъ «коренную разницу» (a cardinal difference) между организмомъ и обществомъ именно въ томъ, что у послѣдняго сознаніе не сосредоточено въ спеціальномъ органѣ, а разсѣяно между всѣми составляющими его единицами. Какъ продуктъ этого коллективнаго сознанія, Спенсеръ ввелъ даже особое понятіе «надъорганическихъ» явленій. Барту всего этого недостаточно. По его мнѣнію, «Спенсеръ, къ сожалѣнію, мало помнилъ объ этомъ «кардинальномъ» различіи, которое безспорно создаетъ новый родъ причинности для соціальныхъ явленій, не похожій на физическую закономѣрность; эта причинность выводитъ за предѣлы физическаго всѣ свойства общественной жизни, сходныя съ біологіей, и этимъ существенно видоизмѣняетъ ихъ смыслъ».

Возраженіе небезосновательное. Несомнѣнно, при всей своей готовности выдѣлить область соціальныхъ явленій, какъ независимую отъ біологіи, и несмотря на признаніе, что «для соціологіи человѣческое существо, составляющее послѣднюю задачу біологіи, является» лишь «начальнымъ факторомъ»—Спенсеру не удалось уловить специфическихъ формъ закономѣрности, дѣйствующей въ соціальной области. Въ качествѣ факторовъ соціальнаго процесса у него дѣйствуютъ все тѣ же слѣпыя, стихійныя силы природы, тотъ же «жестокій» законъ борьбы за существованіе и выживанія наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ. Уже Лестеръ Уордъ подвергъ эту сторону воззрѣній Спенсера блестящему разбору, и въ итогѣ разбора противопоставилъ его пассивной соціологіи свою активную — «динамическую», главнымъ факторомъ въ которой является не безцѣльная, «расточительная» игра природныхъ силъ, создающая одну удачную и прочную комбинацію на тысячи и милліоны неудачныхъ, а прямо направленная къ цѣли, сберегающая лишнія усилія и дѣйствующая по линіи наименьшаго сопротивленія работа психической силы. Этотъ выводъ Уорда повторяется и Бартомъ, въ нѣсколько болѣе грубой формѣ. «Въ изложеніи Спенсера,—говоритъ онъ,—нѣтъ всей этой второй половины соціальнаго развитія, которая управляется сознательно созидающимъ мышленіемъ». Съ ходомъ разсужденія, приводящаго Барта къ этому выводу, Уордъ, однако, врядъ ли бы согласился. Дополняя «синтетическую философію» Спенсера новымъ элементомъ,—какъ и самъ Спенсеръ дополнилъ «позитивную философію» Конта, — Лестеръ Уордъ едва ли думалъ отрицать самый основной принципъ той и другой философіи—единство научнаго міровоззрѣнія. Новый элементъ, имъ вводимый, активно-психическій факторъ соціологіи, для него не выходилъ изъ рамокъ «природы» и не исключался изъ числа «естественныхъ явленій». Изъ міра «явленій» вообще не позволялъ выходить самый духъ позитивизма, свойственный одинаково

и Спенсеру и Уорду. Барту, повидимому, не легко стать на эту точку зрѣнія. Ему положеніе дѣла представляется гораздо грубѣе и проще. Спенсеръ не признаетъ особой психической причинности на-ряду съ матеріальной — стало быть, онъ «натуралистъ». Уордъ признаетъ ее,— слѣдовательно, онъ «дуалистъ». «Дуализмъ природы и духа» — «совершенно независимо отъ всякой метафизики составляетъ неопровержимый фактъ опыта». Бартъ не хочетъ признать, очевидно, что о «дуализмѣ» только и можно говорить въ метафизическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ извѣстнаго отношенія «природы» и «духа» къ абсолютному началу. Внѣ этого отношенія, оставаясь въ предѣлахъ относительнаго, въ мірѣ «явленій», противорѣчіе природы и духа уничтожается въ единствѣ сознанія. Бартъ игнорируетъ также, и то, что Спенсеръ сознательно и настойчиво ограничивалъ свою систему именно міромъ относительныхъ явленій и упорно отказывался заглянуть за предѣлы этого міра въ область «непознаваемаго» (Unknowable). Онъ былъ, поэтому, не «натуралистомъ» (въ смыслѣ матеріалистическаго монизма), а—какъ онъ и называлъ себя самъ—«агностикомъ» (т. е. не знающимъ, признающимъ область непознаваемаго). Можно какъ угодно судить объ «агностицизмѣ», но надо признать. что это монистическое міровоззрѣніе совершенно не имѣетъ ничего общаго ни съ матеріализмомъ, ни, тѣмъ болѣе, съ дуализмомъ.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности останавливаться на изложеніи ученій другихъ послѣдователей біологической соціологіи, Не говоря уже о томъ, что Бартъ не нашелъ у нихъ «полной ясности» въ постановкѣ вопроса о психическомъ факторѣ—въ томъ смыслѣ, конечно, какъ ему самому хочется поставить этотъ вопросъ,—онъ долженъ былъ признать, что ни Лиліенфельдъ, ни Шеффле въ «принципіальномъ отношеніи не пошли далѣе Спенсера»; а насколько они пошли дальше въ разработкѣ подробностей біологической параллели, онъ опять-таки самъ принужденъ былъ замѣтить, что у нихъ «здѣсь совершенно гаснетъ свѣтъ метода, и мы имѣемъ дѣло только съ *произвольными метафорами*, которыя для познанія не имѣютъ уже ни малѣйшаго значенія». Если такъ, то, очевидно, падаетъ и предъявленное раньше Спенсеру требованіе большей полноты этихъ самыхъ «произвольныхъ метафоръ». Авторъ, конечно, думаетъ иначе. Для него «болѣе полное проведеніе аналогіи черезъ всѣ частности» является даже «единственнымъ положительнымъ результатомъ» біологически-соціологическихъ теорій «преемниковъ Спенсера». Остается признать, что немного «положительнаго» дали «преемники Спенсера», если считать таковыми Лиліенфельда, Шеффле и Вормса.

Въ дѣйствительности, истинныхъ «преемниковъ» Спенсера надо искать скорѣе среди тѣхъ писателей, которые по общему плану Барта изображаются, какъ его противники и подводятся подъ рубрику «дуалистической соціологіи». Смыслъ этого неудачнаго термина ясенъ

изъ предъидущаго. Онъ долженъ значить, что соціологи-дуалисты исправили коренную ошибку «натуралиста» Спенсера. Мы выразились бы скорѣе, что у этихъ соціологовъ научный духъ спенсеровской системы получилъ свое дальнѣйшее, въ высшей степени плодотворное развитіе. Надо, впрочемъ, прибавить, что это заключеніе не можетъ относиться ко всѣмъ представителямъ группы, очень странно составленной. На-ряду съ мыслителями первой величины, какъ Уордъ и Гиддингсъ, Бартъ излагаетъ здѣсь совершенно ничтожныя построенія гегеліанца Меккензи и католика Горіу только потому, что ихъ взгляды сохранившіеся отъ устарѣлыхъ міровоззрѣній, совпадаютъ—самымъ компрометтирующимъ образомъ—съ его собственными. Такое сопоставленіе само по себѣ объясняетъ намъ, почему Бартъ совершенно не понялъ крупнаго значенія соціологическихъ системъ Уорда и Гиддингса. Уорда совершенно нельзя узнать въ его изложеніи. У Гиддингса онъ интересуется, по своей привычкѣ, «*контрастомъ* между природой и духомъ», тогда какъ вся суть ученія Гиддингса заключается въ проведеніи строгаго *параллелизма* между тѣмъ и другимъ. Та постепенность, въ которой Гиддингсъ располагаетъ послѣдовательныя ступени этой параллельной эволюціи, точно также почти совершенно ускользаетъ отъ вниманія Барта. Не замѣтивъ дѣйствительно цѣннаго въ теоріи Гиддингса, онъ находитъ ея главное достоинство въ томъ, что «Гиддингсъ больше отдалился отъ натуралиста Спенсера, чѣмъ всѣ другіе соціологи»: именно, онъ... «призналъ, что общественные процессы суть волевые процессы». Заставивъ, такимъ образомъ, Гиддингса въ десятый разъ открыть интересующую его Америку, Бартъ, по обыкновенію, недоволенъ тѣмъ, что авторъ не вывелъ изъ своего открытія всѣхъ предусматриваемыхъ имъ послѣдствій. Общій приговоръ надъ Гиддингсомъ выходитъ, такимъ образомъ, чрезвычайно характернымъ для самого Барта. «Во второй части этого сочиненія,—говоритъ нашъ авторъ,—будетъ еще болѣе подробно выяснено, какое рѣшающее значеніе имѣетъ пониманіе того факта, что всѣ соціальныя явленія суть только проявленія воли. Если бы Гиддингсъ твердо придерживался его, то пришелъ бы къ убѣжденію, что дѣйствія соціально живущаго человѣка гораздо болѣе обусловливаются содержаніемъ общихъ всѣмъ идей, чѣмъ физическими условіями... потому что воля опредѣляется въ гораздо большей степени идеями, чѣмъ всѣми другими условіями. Такъ какъ Гиддингсъ не вполнѣ ясно понялъ эту сторону волевыхъ явленій, то его воззрѣнія, несмотря на вѣрность его основного направленія, остались нѣсколько поверхностными. Тамъ же, гдѣ онъ пытается проникнуть во внутреннюю жизнь общества, онъ судитъ невѣрно». И какъ бы для того, чтобы лучше дать почувствовать читателю весь комизмъ своего приговора, напоминающаго извѣстную крыловскую басню, Бартъ тутъ же даетъ образецъ критики одной изъ многочисленныхъ остроумныхъ мыслей Гиддингса. Послѣдній пробуетъ объяснить, почему эко-

номическія отношенія—первыя по ходу соціальнаго развитія—являются послѣдними въ ряду предметовъ, подвергающихся сознательному общественному переустройству. Бартъ упускаетъ оттѣнокъ мысли Гиддингса и опровергаетъ его тѣмъ, что, наоборотъ, общество прежде само заботилось объ экономическихъ интересахъ, а теперь предоставляетъ заботу о нихъ частной иниціативѣ. Трудно было дать болѣе яркое доказательство непониманія.

Характеренъ и общій выводъ Барта о «дуалистической» соціологіи. Она признала, хотя и невполнѣ удовлетворительно, соціальную телеологію, т. е. соціологическое дѣйствіе сознательно намѣченныхъ цѣлей. Въ этомъ, по мнѣнію Барта, заключается ея заслуга. Но она не приложила своего открытія къ объясненію дѣйствительнаго хода исторіи: «не дала почти никакихъ указаній на то, какимъ образомъ въ исторической дѣйствительности *духъ создавалъ соціальные порядки*». Эта «царская дорога соціологіи» остается открытой и неизвѣданной: по ней пойдетъ самъ авторъ. «Задача остается не рѣшенной и послѣ дуалистическихъ соціологовъ,—говоритъ онъ въ заключеніе главы,—предстоитъ открыть глубочайшій принципъ (или принципы) жизни обществъ, выступавшихъ въ исторіи и уже погибшихъ или еще существующихъ; предстоитъ показать результаты дѣйствія этихъ принциповъ и такимъ образомъ возсоздать исторію» (die Geschichte zu rekonstruiren). Таковъ «историческій методъ» Барта; въ итогѣ его примѣненія должна, очевидно, получиться давно рисовавшаяся передъ нимъ «генетическая исторія общества».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что выведя изъ всего изученія соціологическихъ системъ такую не новую постановку вопроса, Бартъ разстается на этомъ пунктѣ съ «соціологіей» и переходитъ въ болѣе сродную ему область «философіи исторіи».

Группировка теорій въ этомъ второмъ отдѣлѣ книги Барта основывается на той мысли, что каждый «философъ исторіи» «разсматривалъ, въ сущности, только *одну* сторону соціальной жизни, исходя изъ предвзятой мысли, что всѣ остальныя стороны могутъ быть выведены изъ нея, какъ слѣдствіе изъ причины». Такъ какъ выборъ той или другой стороны, какъ главной, обусловливался тѣмъ, отъ какой спеціальной науки исходилъ тотъ или другой мыслитель, то и «односторонніе теоріи» могутъ быть распредѣлены по тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ онѣ выведены. Нельзя сказать, чтобы подъ эти признаки подходилъ весь «философско-историческій» матеріалъ, но для значительной его части мысль Барта вѣрна. Каждая спеціальная область знаній, относящихся къ обществовѣдѣнію, должна была дать свой вкладъ въ общую соціологическую теорію, какъ только доходила до сколько-нибудь важныхъ обобщеній. Эти обобщенія, прежде чѣмъ слиться въ общій синтезъ, несомнѣнно, должны были носить слѣды своего происхожденія. Это не значитъ, конечно, что онѣ непремѣнно должны были

выливаться въ формы «односторонних теорій». Но это не важно; въ существѣ дѣла, генетическій признакъ классификаціи теорій по наукамъ ихъ породившимъ — можно признать настолько удобнымъ, что подъ него слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, подвести и классификацію «соціологическихъ системъ». Если дѣлить «философско-историческія» теоріи по ихъ зависимости отъ спеціальныхъ наукъ—исторіи, географіи, этнографіи, политической экономіи, то почему бы не раздѣлить и «соціологическія» теоріи по ихъ зависимости отъ математики, физики, біологіи и психологіи?

Какъ бы то ни было, никакого существеннаго различія между матеріаломъ первой и второй части книги Барта мы не видимъ. «Философско-историческіе» элементы разныхъ общественныхъ наукъ оказываются, въ сущности, такими же соціологическими, «поскольку — выражаясь словами автора,—они сохраняютъ еще значеніе для современности». Не мудрено, что по скольку собственная теорія Барта отзывается прошлымъ, эти элементы не оказываютъ ей особенно надежной поддержки.

Прежде всего, въ отдѣлѣ объ «индивидуалистическомъ пониманіи исторіи», Бартъ встрѣчается съ важнымъ для него вопросомъ о значеніи личности и въ частности великихъ людей. Его тенденція скорѣе направлена къ возвеличенію ихъ роли. Но онъ хорошо видитъ полную непригодность «стараго прагматизма», и большинство излагаемыхъ имъ теоретиковъ (Тэнъ, Бурдо, рано умершій молодой соціологъ Оденъ, Лампрехтъ) высказывается въ смыслѣ противоположномъ. Въ результатѣ и самъ Бартъ принужденъ признать зависимость идей великаго человѣка отъ среды, необходимость, чтобъ его дѣятельность соотвѣтствовала потребностямъ времени. Но онъ настаиваетъ на томъ, что различіе «генія» отъ окружающихъ—не только количественное; онъ находитъ, что «къ умственной жизни примѣнимо въ самомъ широкомъ смыслѣ положеніе Гегеля, что количественныя различія переходятъ въ качественныя». Признавая, что Тардъ въ своемъ ученіи о значеніи изобрѣтеній «слишкомъ преувеличиваетъ силу новатора», Бартъ, въ сущности, склоняется къ его точкѣ зрѣнія. Въ духѣ Тарда—и на этотъ разъ весьма основательно — онъ указываетъ на ускоряющую роль «генія», какъ средоточія, изъ котораго исходятъ и около котораго группируются въ особенно значительномъ количествѣ «подражанія» окружающей среды.

По темѣ близко подходитъ къ только что разобранной главѣ глава объ «идеологическомъ пониманіи исторіи». Но содержаніе этой главы чрезвычайно пестро и разнообразно. Сюда входятъ Августинъ и Боссюэтъ, Вико и Гегель, Лазарусъ со Штейнталемъ и Бокль. Одинъ перечень этихъ именъ показываетъ, что здѣсь разбирается не только вопросъ о вліяніи идей, «какъ силъ», на историческій процессъ. Собственно, только ученіе Бокля прямо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Осталь-

ныя системы разсматриваютъ развитіе идей, какъ продуктъ, а вовсе не какъ факторъ историческаго движенія. Движущую пружину процесса они ищутъ выше, надъ міромъ частныхъ историческихъ явленій, въ идеѣ промысла, или во внутренней тенденціи, тоже отъ вѣка вложенной въ процессъ,—въ идеѣ прогресса. Помѣстить всѣ эти старыя попытки закономѣрнаго объясненія историческаго процесса подъ одной рубрикой «идеологическаго пониманія исторіи»—значитъ вовсе не понять ихъ значенія для болѣе раннихъ ступеней развитія соціологическихъ знаній. Современнаго значенія всѣ эти попытки имѣть не могутъ; и самъ Бартъ признаетъ, что теперь вопросъ о роли идей въ исторіи долженъ быть поставленъ совершенно иначе. Немудрено, что въ своемъ старомъ матеріалѣ онъ такой постановки не находитъ. «Идеологическая сторона исторіи,—такъ резюмируетъ онъ главу,—до сихъ поръ еще не нашла настоящаго изслѣдователя, который, *руководясь психологическимъ эмпиризмомъ*, опредѣлилъ бы происхожденіе идей и ихъ вліяніе на общественную жизнь и дѣятельность. Конечно, если это и будетъ сдѣлано, то однимъ этимъ вопросъ о мотивахъ, дѣйствующихъ на волю, вовсе не будетъ исчерпанъ окончательно. Помимо идей, на волю вліяютъ чисто физіологическія условія, напр., привычка, вліяніе организма и окружающей природы. Но если мы откроемъ психологическую причинность возникновенія, роста и упадка идей, то значительная часть исторіи будетъ для насъ понятна». Съ этой формулировкой можно было бы согласиться, если бы не было въ ней одной, очень характерной для Барта ошибки. «Психологической причинности» онъ ищетъ только для объясненія вліянія «идей» на волю; а вліяніе на ту же волю «чисто физіологическихъ условій» какъ бы исключается изъ рамокъ «психологической причинности». Едва ли такая постановка вопроса соотвѣтствуетъ духу «психологическаго эмпиризма», которымъ хочетъ руководиться авторъ. И, во всякомъ случаѣ, даже въ его смыслѣ—изученіе внутренней эволюціи «идей» не составляетъ еще «идеологическаго пониманія исторіи», въ смыслѣ извѣстнаго рѣшенія вопроса о *вліяніи* идей на историческій процессъ.

Но перейдемъ къ внѣшнимъ вліяніямъ на «волю». Теоріи, посвященныя изученію этихъ вліяній, сгруппированы Бартомъ въ трехъ главахъ: «антропогеографическое», «этнологическое» и «экономическое пониманіе исторіи». Приходится признать, что изложеніе Барта не столько *констатируетъ* успѣхи, достигнутые соотвѣтствующими науками въ объясненіи историческихъ явленій, сколько *борется* противъ нихъ, защищая сферу «идей» отъ того, что кажется Барту незаконными захватами со стороны «односторонникъ теорій». Въ частности, антропогеографическая теорія не даетъ ему поводовъ особенно жаловаться на такіе захваты. Основное изслѣдованіе въ этой области, «антропогеографія» Ратцеля ставитъ вопросъ настолько широко и осторожно, что самъ Бартъ не рѣшается приложить къ нему эпитета «односторонняго».

*

Ратцель, конечно, ничего не можетъ имѣть противъ тезиса Барта, что «надъ сферой господства природы протекаетъ новый, хотя и связанный съ природой, но не управляемый ею, рядъ жизненныхъ формъ, подчиняющійся своимъ собственнымъ законамъ». Барту остается только доказывать, что изъ этого положенія Ратцель не сдѣлалъ всѣхъ желательныхъ нашему автору выводовъ, именно: «недостаточно ясно выставилъ на видъ воздѣйствіе пріобрѣтенныхъ, такъ сказать, состояній на человѣческія дѣйствія». Другими словами, антропогеографическими вліяніями создается извѣстный характеръ народа; создавшись, онъ самъ можетъ служить причиной національныхъ поступковъ. Выражаясь словами Барта, «это постоянство расовыхъ свойствъ образуетъ новую причинность, которая освобождается отъ вліянія основной, первоначальной причинности».

Замѣчаніе, несомнѣнно, вполнѣ справедливое; но намъ кажется, что Ратцель не подалъ къ нему повода. Значительная степень независимости пріобрѣтеннаго національнаго характера отъ географическихъ условій не только признается Ратцелемъ, но даже служитъ основаніемъ для его сужденія объ отношеніи національности къ географіи. Ратцель только не дѣлаетъ ошибки, допущенной Бартомъ въ только что приведенной цитатѣ: онъ не смѣшиваетъ національности—понятія соціологическаго—съ расой, понятіемъ антропологическимъ. У Барта же это смѣшеніе кореннымъ образомъ портитъ всю главу объ «этнологическомъ пониманіи исторіи». И въ этой главѣ сведены въ одну группу самыя разнородныя системы, какъ тѣ, въ которыхъ раса понимается въ антропологическомъ смыслѣ (Гобино), такъ и тѣ, которыя замѣняютъ «расу» «народомъ» и ищутъ признаковъ народной души въ особенностяхъ языка (Гердеръ), такъ, наконецъ, и тѣ, для которыхъ «борьба расъ» представляетъ интересъ не столько какъ вопросъ антропологическій и этническій, сколько какъ вопросъ классовый, соціальный (Гумплowичъ). Самъ Бартъ принимаетъ гердеровскую постановку вопроса и утверждаетъ даже, что «въ данномъ вопросѣ никто изъ позднѣйшихъ мыслителей не достигъ такой точности, какъ Гердеръ». Причина такого предпочтенія ясна. «Слѣдуя по этому пути, т. е. стараясь открыть психологическія отличія народа, остается ли изслѣдователь въ предѣлахъ природы и не вступаетъ ли онъ скорѣе въ царство идей, въ міръ явленій, излюбленныхъ идеологическимъ воззрѣніемъ», излюбленныхъ, какъ мы знаемъ, и нашимъ авторомъ? Отвѣтъ долженъ быть, разумѣется, положительный: да, вступаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сходитъ съ почвы «расоваго» на почву общественно-психологическаго объясненія. Къ сожалѣнію, отдѣла о «психологическомъ пониманіи исторіи мы не имѣемъ въ книгѣ автора, и этотъ пробѣлъ мститъ за себя тѣмъ, что относящіяся сюда наиболѣе важныя для автора теоріи разбросаны по всѣмъ частямъ его книги.

Минуя совершенно пеструю главу о «культурно-историческомъ по-

ниманіи исторіи» и о специфически-нѣмецкомъ «политическомъ пониманіи» (государство, какъ всепоглощающій факторъ и главный предметъ исторіи), переходимъ прямо къ обширной главѣ объ экономическомъ пониманіи». Авторъ различаетъ нѣсколько видовъ «экономическаго пониманія исторіи», смотря по тому, положенъ ли въ основу этого пониманія принципъ «раздѣленія труда» (Дюркгеймъ), или «экономика страданія и наслажденія» (Паттенъ), или развитіе процессовъ производства (Марксъ и его послѣдователи), или же, наконецъ, классовая борьба (Лоріа). Какъ видимъ, марксизмъ нѣсколько обдѣленъ въ этой схемѣ искусственнымъ выдѣленіемъ изъ него тѣхъ элементовъ, которые хотя и не составляютъ главнаго нерва марксистской теоріи, но тѣмъ не менѣе необходимы для ея полнаго изложенія и оцѣнки. Но и критика того, что еще остается оцѣнить, сильно разочаровываетъ читателя, несмотря на большое вниманіе, удѣленное авторомъ этому направленію. Главная причина разочарованія—это основной пріемъ критики, употребляемый Бартомъ,—тотъ самый пріемъ, который встрѣтилъ въ нашей литературѣ одобреніе со стороны проф. Карѣева, а въ нѣмецкой—очень сильную критику со стороны Штаммлера. Въ разбираемой книгѣ Бартъ повторяетъ тѣ же самыя возраженія, какъ и въ прежней своей работѣ о философіи исторіи гегеліанцевъ. Попрежнему, онъ думаетъ разрушить философско-историческія построенія марксистовъ частными возраженіями вмѣсто принципіальныхъ; попрежнему онъ ведетъ «партизанскую войну» и избѣгаетъ генеральнаго сраженія. Религіозное происхожденіе крестовыхъ походовъ, идеологическое вліяніе римскаго права въ эпоху возрожденія, политическое происхожденіе феодализма—все это снова выводится на сцену въ качествѣ аргументовъ противъ объясненія исторіи однимъ экономическимъ факторомъ. Уже не говоря о томъ, что подобныя возраженія всегда опираются лишь на наличное состояніе исторической литературы и не исключаютъ возможности для опровергаемыхъ ученій апеллировать ab historia male informata ad historiam melius informandam, т. е. къ будущимъ, болѣе освѣдомленнымъ историческимъ изслѣдователямъ,—эти возраженія, кромѣ того, слишкомъ упрощаютъ критикуемую точку зрѣнія, добиваются этимъ легкой побѣды и послѣ того ставятъ свою ошибку въ вину своимъ противникамъ, обвиняя въ «упрощенности» ихъ теорію, а не свое пониманіе этой теоріи. Неправильность подобнаго способа критики очень хорошо указалъ такой противникъ марксизма, какъ Штаммлеръ. «Матеріалистическое пониманіе исторіи», по его справедливому замѣчанію, «совсѣмъ не утверждаетъ, что каждое отдѣльное историческое событіе или каждая успѣшная или неуспѣшная правовая реформа *непосредственно* вызваны какимъ-нибудь экономическимъ мотивомъ. Оно не утверждаетъ, что всякое религіозное или нравственное представленіе, каждое желаніе и стремленіе, каждое состояніе науки или искусства вытекаетъ *прямо* изъ соотвѣтствующаго хозяйственнаго

явленія. Процессъ соціально-историческаго развитія чрезвычайно сложенъ... Объясняя извѣстное соціальное явленіе, приходится имѣть дѣло съ очень запутаннымъ процессомъ, въ которомъ дѣйствуютъ, какъ факторъ, также и идеальные мотивы—извѣстныя человѣческія представленія. Но каждое явленіе, дѣйствующее, какъ причина, въ свою очередь, можетъ считаться продуктомъ другой причины; восходя такимъ образомъ, мы придемъ, въ концѣ концовъ, къ матеріальнымъ условіямъ соціальной жизни; на нихъ, въ послѣднемъ счетѣ, и строится какъ отдѣльное человѣческое существованіе, такъ и соціальная жизнь человѣка».

Можно, конечно, утверждать, что «въ послѣднемъ счетѣ» получится и какой-нибудь иной выводъ; но нельзя утверждать это, не дѣлая никакого анализа и прямо противопоставляя въ готовомъ историческомъ явленіи «идеи» — матеріальнымъ факторамъ. А это именно и дѣлаетъ Бартъ въ книгѣ, вышедшей въ 1897 г., точно такъ же, какъ дѣлалъ и въ работѣ 1890 года, нисколько не убѣдившись возраженіями, сдѣланными ему въ 1896 году. Несравненно глубже Барта идетъ въ этомъ направленіи критика марксизма, представленная пражскимъ профессоромъ Масарикомъ, въ его новѣйшей работѣ («Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus. Studien zur Socialen Frage». Wien, 1899, см. особенно отдѣлъ: der historische Materialismus als Streben nach einer wissenschaftlichen Geschichte: der oeconomische Materialismus). При такой критикѣ—роли мѣняются. Масарикъ не безъ основанія упрекаетъ Маркса въ томъ самомъ, въ чемъ мы только что упрекали Барта: въ недостаточности соціологическаго анализа и въ «некритическомъ эмпиризмѣ». «Историческій, или собственно историзирующій эмпиризмъ характеризуетъ мышленіе тѣхъ историковъ, которые не возвысились надъ массой историческихъ фактовъ до какого-нибудь цѣльнаго философскаго общаго взгляда»: такъ поясняетъ Масарикъ смыслъ своего обвиненія. Онъ признаетъ, что Марксъ—дальше отъ этого историческаго эмпиризма, чѣмъ большинство цеховыхъ историковъ, узнающихъ самый предметъ, исторію котораго они пишутъ, только изъ самой же исторіи. Но и у Маркса этого эмпиризма еще черезчуръ много. Онъ пишетъ «философію исторіи безъ соотвѣтствующей философіи общества».

Бартъ далекъ отъ такой точки зрѣнія. Онъ настолько далекъ отъ нея, что въ своемъ второмъ томѣ онъ обѣщаетъ намъ дать цѣлую систему въ духѣ историческаго эмпиризма.

Отвергнувъ марксизмъ, какъ соціологическую систему, критикъ долженъ былъ бы еще разобрать, не даетъ ли она чего-либо цѣннаго для соціологіи въ смыслѣ конструкціи спеціально-экономической стороны историческаго процесса. Бартъ этой задачей вовсе не задается. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ довольствуется простымъ противопоставленіемъ главной черты разбираемой теоріи—въ данномъ случаѣ

роли условій производства (тщательно съужаемыхъ у него до предѣловъ *техники* производственнаго процесса)—и роли «идей» въ исторіи. Такимъ образомъ общая связь ученій марксизма о процессѣ накопленія, о роли прибавочной стоимости, объ «экспропріаціи экспропріаторовъ»—остается у Барта вовсе не разсмотрѣнной, хотя, повидимому, все это имѣло бы значеніе для сужденія о положительномъ значеніи марксизма, хотя бы какъ одной изъ «односторонних теорій».

Мы можемъ закончить нашу замѣтку выводомъ, что Бартъ вообще не годится, какъ руководитель среди излагаемыхъ имъ соціологическихъ системъ. Изложеніе это нужно ему лишь какъ способъ — проложить путь для собственнаго взгляда. Но этотъ собственный взглядъ, возникшій, по всѣмъ признакамъ, внѣ вліяній новѣйшей соціологической литературы, настолько неполно гармонируетъ съ ея выводами, что многихъ важнѣйшихъ ея пріобрѣтеній Бартъ совсѣмъ не замѣчаетъ, другія оцѣниваетъ лишь постольку, поскольку они ему годятся или ему противорѣчатъ. Кое-чему онъ, несомнѣнно, научился изъ разбираемыхъ имъ книгъ; кое-чему, можетъ быть, еще научится, такъ какъ его личная теорія, повидимому, еще находится im Werden. Но онъ не можетъ научить непосвященнаго читателя оцѣнить успѣхи современной соціологіи, ибо самъ не находится на достигнутой ею высотѣ. Только при скудости сочиненій такого содержанія *), а также благодаря библіографическимъ указаніямъ, книга Барта можетъ быть указана, какъ пособіе для изученія соціологіи.

Русскій переводъ сдѣланъ очень добросовѣстно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Къ библіографическимъ указаніямъ Барта по большей части прибавлены указанія на русскіе переводы разбираемыхъ имъ книгъ; частью даже ссылки на страницы передѣланы соотвѣтственно этимъ русскимъ изданіямъ. Жаль только, что эта хорошая сторона перевода проведена не вполнѣ, и что при переводахъ не всегда указано время и мѣсто изданія.

П. Милюковъ.

---

*) Назовемъ, однако, оригинальную русскую работу проф. Карѣева: «Введеніе въ изученіе соціологіи», также посвященную изложенію и характеристикѣ различныхъ направленій въ соціологіи и могущую быть полезной читателямъ (Спб. 1897 г.).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(*Окончаніе* *).

26-го октября.

Страна отъ Бидзево до Портъ-Артура представляетъ нѣсколько другой характеръ въ сравненіи съ проѣханнымъ уже нами побережьемъ Ляодунскаго полуострова.

Мѣстность гористѣе, пахотныхъ полей меньше и урожай значительно бѣднѣе здѣсь. Нѣтъ той заботы о поляхъ, нѣтъ больше мирныхъ оживленныхъ картинъ сельскаго хозяйства: группъ работающихъ въ полѣ, работающихъ около фанзъ: молотильщиковъ кукурузы, гоалина; группъ, возящихся у компостныхъ кучъ.

Здѣсь хозяйство стало какъ бы второстепеннымъ уже дѣломъ, и въ фанзахъ и около народу мало,—больше старики; многія фанзы стоятъ пустыя. Ушли ли ихъ обитатели, привлеченные заработками въ Портъ-Артурѣ, совсѣмъ ли ушли, испугавшись иноземнаго нашествія?

Въ 24 верстахъ отъ Бидзево нашъ казачій пикетъ изъ шести казаковъ.

Пикетъ расположенъ въ одной изъ фанзъ деревни. У воротъ стоитъ часовой казакъ: желтые лампасы, желтый кантъ на фуражкѣ—забайкальскіе казаки.

Поѣли и дальше поѣхали.

Военный докторъ ѣдетъ съ конвоемъ—четырнадцать казаковъ.

Н. Е. кричитъ мнѣ:

— Вотъ какъ люди ѣздятъ!

Смотрятъ на насъ докторъ, казаки, стараясь угадать, кого мы съ Н. Е., сидящіе на облучкахъ, очевидно, прислуга, веземъ тамъ внутри. У меня оттуда выглядываетъ П. Н., у Н. Е. еще важнѣе смотритъ кореецъ въ своемъ національномъ костюмѣ, который, впрочемъ, наполовину умудрился растерять, такъ какъ постоянно или пьянъ, или спитъ,

— Кого везете?—сонно спрашиваетъ послѣдній казакъ Н. Е.

— Японскаго и корейскаго министровъ,—также апатично отвѣчаетъ ему Н. Е. и, въ свою очередь, спрашиваетъ:

— Хунгузы есть?

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

Казакъ пехотя бросаетъ что-то, чего за дальностью разстоянія разобрать мы уже не можемъ.

Вечеръетъ. Совсѣмъ уже мало пашни, горы толпятся и скоро придется переваливать черезъ нихъ. Уже въ потьмахъ подъѣзжаемъ къ слѣдующему селу, гдѣ стоитъ казацкій пикетъ.

27-го октября.

Чѣмъ ближе къ Портъ-Артуру, тѣмъ больше замѣтно присутствіе русскихъ.

Въ узкомъ перешейкѣ, между двумя морями, гдѣ видны оба берега, посреди перешейка возвышается цѣлая земляная крѣпость.

Тутъ же лагерь русскій. Идутъ какіе-то маневры; группа офицеровъ на берегу.

Отъ китайскаго города Ви-джоу, пока совершенно еще самостоятельнаго, идетъ большая дорога въ горы, за которыми скрывается Портъ-Артуръ. Китайскій городъ уцѣлѣлъ среди нашихъ владѣній, потому что онъ принадлежитъ какимъ-то родственникамъ богдыхана. Прежде вся окружность платила подати этимъ родственникамъ. Теперь подати платитъ населеніе намъ, но и родственники богдыхана не зѣваютъ и вымогаютъ вторую подать въ свою пользу пыткой.

По дорогѣ оживленное движеніе: идутъ, ѣдутъ въ арбахъ, на ослахъ. Прекрасный типъ верховыхъ ословъ, высокихъ, на тонкихъ ногахъ, съ тонкой, нѣжной, какъ шелкъ, свѣтлой шерстью. Очевидно, они дороги, потому что сидятъ на нихъ китайцы, богато одѣтые въ богатыхъ китайскихъ сѣдлахъ, съ дорогими попонами, расшитыми на нихъ шелками и золотомъ драконами, звѣрьемъ и изреченіями.

Съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ я смотрю кругомъ, смотрятъ и китайцы, и русскіе.

Очевидно, для всѣхъ въ новинку все, что теперь происходитъ.

Чтобъ быть правдивымъ, не могу не замѣтить, что по дорогѣ попадались иногда русскіе, которые при встрѣчѣ, напримѣръ, ихъ экипажей съ китайскими, безъ церемоніи ругались, кричали и требовали, чтобы китайцы сворачивали не медля, хотя бы отъ этого китаецъ рисковалъ съ своей неуклюжей запряжкой свалиться подъ откосъ.

Быстрота и безпрекословность, съ которой китайцы торопились исполнять эти требованія, казалось, удовлетворяли кричавшихъ, но не думаю, чтобы она удовлетворяли китайцевъ. На меня, по крайней мѣрѣ, все это производило тяжелое впечатлѣніе чего-то стараго, стараго, давно забытаго.

Какому-то солдатику, который кричалъ въ толпѣ китайцевъ, я говорю:

— Зачѣмъ вы кричите?

— Помилуйте, ваше благородіе, —я одинъ здѣсь назначенъ; не буду кричать на нихъ, какъ справлюсь?

И еще энергичнѣе онъ продолжалъ свою ругань и крики.

Собственно такой же отвѣтъ вы услышите и отъ болѣе интеллигентныхъ.

— Насъ здѣсь очень мало—авторитетъ необходимъ... Посмотрите на англичанъ: они бьютъ, да не такъ, какъ мы... И если этого не дѣлать здѣсь, въ Азіи, гдѣ насъ, собственно европевцевъ, горсть, то все погибнетъ...

Ссылка на англичанъ постоянная и столь же невѣрная.

Въ Портъ-Артуръ мы пріѣхали поздно вечеромъ.

Долго возили насъ по какимъ-то тѣснымъ, грязнымъ, темнымъ китайскимъ улицамъ, пока мы не нашли въ одной изъ двухъ гостинницъ грязнаго, маленькаго, темнаго номерка.

И то помогъ какой-то военный, такъ какъ содержатель гостинницы, господинъ Афу, китаецъ, отказалъ намъ.

— Глупости, Афу, дай номеръ,—приказалъ военный.

— Ей-Богу, нѣтъ.

— Прогони буфетчика въ городъ.

— Такъ развѣ.

И вотъ, вмѣсто буфетчика, поселились мы.

28-го—31-го октября.

За три дня, что я пробылъ въ Портъ-Артурѣ, я увидѣлъ, правда, все, но разобраться во всемъ этомъ трудно.

Чувствуется, что это все только самое первичное начало того, чему конца не намъ увидѣть.

Общее впечатлѣніе такое: люди пришли, дальше что?

— Здѣсь съ этимъ только полуостровомъ, узкимъ, какъ нога, только и поставить одну ногу, а другую куда? На одной долго не простоишь... Только здѣсь ничего серьезнаго не получишь.

Что надо для серьезнаго?

И вамъ говорятъ военные люди:

— Надо изгнать японцевъ изъ Кореи, чтобы поставить и другую ногу, чтобы имѣть такой, по крайней мѣрѣ, портъ, какъ Шестаковъ.

У каждаго своя спеціальность, и что другое говорить военнымъ?

Въ общемъ, впечатлѣніе недавно завоеваннаго края — обстановка, напоминающая немного Болгарію послѣ войны, во время окупаціи.

Но тамъ было проще. Очевидно, здѣсь наша задача не столько побѣдить, сколько внести культуру. Какую культуру? Чувствуется два противоположныхъ направленія. Одно за то, чтобы признавать за побѣжденными безъ войны китайцами полную равноправность, ихъ право жить, какъ они хотятъ жить; за это направленіе моряки съ Шестаковымъ во главѣ и инженеры путейскіе, во главѣ съ очень умнымъ, талантливымъ и очень дѣльнымъ инженеромъ Кербедзомъ.

Другое направленіе за то, что мы, русскіе, пришли сюда жить и будемъ жить и заставимъ все и вся сообразоваться съ нами, и ни съ кѣмъ сообразоваться не будемъ.

Въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано и, вѣроятно, все остальное сдѣлается: энергично вводится русское денежное обращеніе, уже принятъ въ торговлю русскій вѣсъ.

И то, и другое значительно удорожило жизнь. Дороговизна жизни растетъ очень.

Говоръ мѣстныхъ людей удалось послушать въ первый же вечеръ нашего прибытія въ Портъ-Артуръ за ужиномъ въ общемъ залѣ.

За сосѣднимъ столомъ ужинала группа военныхъ самаго пестраго состава; артиллеристы, военные инженеры, просто военные.

Какой-то адъютантъ, человѣкъ лѣтъ сорока, съ мрачными энергичными глазами, съ торчащими ежомъ, густыми, сѣдѣющими волосами, морщилъ свой маленькій лобъ и жестко вычеканивая слова, долбилъ:

— А я китайца бью, билъ и буду бить, потому что иначе это будетъ не дѣло, а чортъ знаетъ что.

— А если не велятъ? — бросилъ маленькій блондинъ-артиллеристъ и раздраженно закрылъ свои большіе блѣдные глаза.

— А не велятъ, такъ сами и пожалуйте дѣлать.

— Васъ просятъ.

— А меня просятъ,—я иначе не умѣю.

— Глядя на васъ, и солдаты бить станутъ, — небрежно говоритъ ему красивый, выхоленный, военный инженеръ.

— И бьютъ.

— Не приказано, — отвѣчаетъ, не спѣша, инженеръ, — и зачѣмъ? Зачѣмъ я стану подвергать себя отвѣтственности: не приказано. Я человѣкъ закона: не приказано. Пусть работа, вмѣсто 4 тысячъ, стоитъ 40 тысячъ: не приказано. И ни я, ни мои солдаты пальцемъ не трогаютъ. Лежишь—лежи... не приказано.

А на другой день инженеръ путейскій доказываетъ мнѣ, что китаецъ работаетъ не хуже русскаго, но только не поденно, а сдѣльно.

— Китаецъ и безъ того работаетъ за грошъ: сорокъ копѣекъ кубъ обыкновенной земли—цѣна неслыханной дешевизны. Но сдѣльно не хотятъ имъ сдавать работы, а гоняютъ на поденную,—платятъ, правда, 15—10 копѣекъ въ день, но кубъ вгоняютъ въ десятки рублей... И фактъ, что на все цѣны растутъ здѣсь неимовѣрно и будетъ то же, что и во Владивостокѣ.

По утрамъ мы пьемъ кофе въ одной булочной, гдѣ подаютъ не консервы, а настоящее молоко. Тамъ же пьетъ свое кофе какой-то иностранецъ, типичный и характерный.

— Въ англійскихъ колоніяхъ цѣны не растутъ,—англичане приходятъ, чтобы взять, а не дать. У русскихъ же наоборотъ, цѣна сразу поднимается до того, что никакого дѣла нельзя дѣлать... Русскіе даютъ, но не могутъ, не умѣютъ брать.

— Правда, что англичане дерутся?

— Это глупыя сказки... Я хорошо знаю англичанъ: это единствен-

пая нація, которая умѣетъ вести дѣло колоній. Нигдѣ нѣтъ такихъ удобствъ, той дешевизны, нигдѣ васъ не ставятъ такъ лицомъ къ дѣлу и нигдѣ не даютъ столько правъ. Англичанинъ каждому даетъ свободу и только помогаетъ дѣлать дѣло, а всѣ остальныя, кромѣ Бельгіи еще, націи провалились въ колоніяхъ, не исключая и Франціи... Здѣсь въ колоніяхъ Франція спѣла свою пѣсенку, какъ всѣ латинскіе народы: сами французы это отлично сознаютъ... При нашей жизни мы еще увидимъ, какъ изъ рукъ французовъ уйдутъ всѣ ихъ колоніи,—вотъ такъ же, какъ изъ рукъ испанцевъ... Будущность за англичанами, со временемъ, за нѣмцами...

Симпатичный уголокъ Портъ-Артуръ?

Пока нѣтъ. Можетъ быть, это суровый законъ необходимости, но на мирнаго гражданина тяжело дѣйствуетъ, хотя бы такая уличная сценка.

Улица полна военными и ихъ дамами, а посреди улицы съ самой благодушной физіономіей пѣхотный солдатикъ съ бляхой городового ведетъ, держа по косѣ въ каждой рукѣ, двухъ китайцевъ.

На лицахъ китайцевъ стыдъ и растерянность, встрѣчные китайцы съ опущенными глазами угрюмо сторонятся.

Вѣдь въ Россіи гоголевскихъ временъ городничій, правда, трясъ за бороды, да и то глазъ на глазъ, а такъ, чтобъ за бороды водить по улицамъ—не приходилось что-то видѣть. А коса у китайца, пожалуй, еще священнѣе, чѣмъ борода у русскаго.

Что сказать о самомъ городѣ?

Маленькій китайскій городокъ, ютящійся у бухты, спѣшно перестраивающійся для новыхъ нуждъ.

Мѣстность кругомъ голая, безъ растительности, открытая холоднымъ вѣтрамъ.

Эти вѣтра уже начались и мелкая пыль осыпаетъ и бьетъ въ лицо. Неуютно на улицѣ, неуютно въ этихъ китайскихъ, хотя и приспособленныхъ уже къ иной жизни, фанзахъ.

Общій говоръ и интересъ минуты: продолжатся ли увеличенные оклады послѣ Новаго года или надо будетъ бѣжать назадъ въ Россію?

О бѣгствѣ помышляетъ каждый, и я не встрѣтилъ ни одного человѣка, который помирился бы съ мыслью основаться здѣсь.

Способъ сообщенія—дженерики—маленькая ручная колясочка на двухъ колесахъ, которую везетъ сильный китаецъ. Способъ непріятный и тяжелый.

Въ то время, какъ сухопутные военные заняты укрѣпленіемъ береговъ, моряки думаютъ надъ здѣшней бухтой. Бухта глубока, но очень мала. Пароходъ «Херсонъ» прямо чудо выкинулъ, повернувшись въ бухтѣ. И притомъ бухта съ однимъ очень узкимъ выходомъ. И, слѣдовательно, съ нашимъ флотомъ можетъ легко повториться здѣсь то же, что случилось съ испанскимъ въ Сантъ-Яго.

Если углубить южную бухту, продѣлать въ скалахъ еще одинъ вы-

ходъ въ море, то, конечно, положеніе значительно улучшится. Но все это требуетъ и денегъ, и времени, и при всемъ томъ и приливы, и отливы, мѣняющіе высоту горизонта на 14 фут., и Вейхавей въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отсюда все-таки останутся.

При такихъ условіяхъ Портъ-Артуръ хотя и будетъ стоить много, но никогда не достигнетъ Владивостока ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, что никогда онъ не будетъ владѣть востокомъ.

И другой торговый портъ здѣсь—Таліенванъ, благодаря скаламъ своего побережья и той же разницѣ горизонта, не обѣщаетъ большой будущности.

И всѣ здѣсь, кажется, сходятся въ томъ, что на Желтомъ морѣ нѣтъ хорошаго порта,—хорошіе порты въ Японскомъ морѣ, глубокіе, укрытые, незамерзаемые, съ разницей горизонта въ 2—3 фута.

А Портъ-Артуръ, Синампо—это только морскія станціи.

И не будь тумановъ и замерзаемости—ни одинъ портъ не сравнится съ Владивостокомъ. Противъ льда средство найдено.

Иллюстраціей того, какъ не легко въ бурю попасть въ иголочный проходъ Портъ-Артурскаго порта, служитъ разбившійся о скалы остовъ китайскаго броненосца у самаго входа въ портъ.

Повторяю, никакого опредѣленнаго впечатлѣнія о Портъ-Артурѣ я не вынесъ, слишкомъ еще все хаотично тамъ было въ мое время,—восемь тысячъ войска въ маленькомъ городкѣ, почти всѣ на бивуакахъ? почти всѣ съ недоумѣвающими лицами, что изъ всего этого выйдетъ

Уйдутъ ли черезъ полгода назадъ? Усилятъ ли ихъ настолько, что смогутъ они оказать серьезное сопротивленіе въ случаѣ нападенія?

Но въ то же время вы увидите планы будущаго города и порта, а могучій двигатель жизни—желѣзная дорога—уже начинающій осуществляться фактъ, работаютъ и за городомъ, и въ городѣ; выгружаютъ съ грохотомъ рельсы, подвижной составъ. Пароходы русско-китайской желѣзной дороги установили уже постоянное сообщеніе и съ западнымъ и восточнымъ побережьями Ляодунскаго полуострова, вывозятъ матеріалы (главнымъ образомъ лѣсъ) Татонкоу, куда они доставляются изъ верховьевъ Амноки. Оттуда же привезется лѣсъ и для всѣхъ будущихъ построекъ.

Что-то большое, очень большое завязывается, что роковымъ образомъ не можетъ ни остановиться, ни не стоить намъ громадныхъ жертвъ.

Въ послѣдній разъ я прохожу по узкимъ улицамъ этого русско-китайскаго города, въ послѣдній разъ сижу въ телеграфѣ, гдѣ за каждое слово надо платить рубль тринадцать копѣекъ.

Мы съ Н. Е. отправили, какъ только пріѣхали, телеграмму въ И-джоу, чтобы солдаты наши не шли по Ляодунскому полуострову, а направились на Чимульпо и оттуда пароходомъ въ Портъ-Артуръ. Но телеграмма уже не застала ихъ.

Какъ-то они доберутся? Н. Е. остается ждать ихъ и будетъ телеграфировать мнѣ. Я же сейчасъ сажусь на пароходъ и ѣду въ Чифу, Шанхай,—черезъ Японію, Америку, Европу,—домой.

Домой! Хотя до дому остается еще болѣе двадцати пяти тысячъ верстъ. И Тихій, и Атлантическій океаны, особенно бурные въ это время года: хуже не будетъ того, что было.

Я уже на борту маленькаго пароходика, который довезетъ меня до Чифу.

Н. Е. и П. Е. слазятъ съ трапа, вонъ они уже въ лодкѣ и въ послѣдній разъ мы машемъ другъ другу.

Какъ быстро, кажется теперь, промчалось время, что мы провели вмѣстѣ: пронеслось, какъ все проносится, какъ пронесется и сама жизнь, оставивъ слѣдъ не болѣе вѣчный, какъ тотъ, который бурлитъ теперь за нашимъ пароходикомъ.

Вотъ и выходъ въ море, голыя скалы, за ними скрылся городъ.

Прощай, Портъ-Артуръ, увижу ли когда-нибудь тебя еще разъ? Не пожалѣю, если не увижу. Можетъ быть, и выработается со временемъ и въ тебѣ твое «поди сюда», но пока... прощай!

1-го—2-го ноября.

Насъ бросало, какъ орѣховую скорлупу.

Пріятно было одно—это то, что я убѣдился, что меня попрежнему не укачиваетъ.

А утромъ мы уже были въ тихомъ рейдѣ маленькаго чистенькаго Чифу.

Плохо мнѣ пришлось въ англійской гостинницѣ: прислуга—китайцы—окончательно отказываются понимать меня; хозяинъ понимаетъ только тогда, когда я показываю соотвѣтственное слово въ лексиконѣ. Ни по-французски, ни по-нѣмецки не говорятъ здѣсь.

Выручилъ меня здѣсь нашъ русскій начальникъ почтовой конторы.

Онъ съ семьей живетъ въ хорошенькомъ, съ садикомъ домикѣ, недалеко отъ пристани и ведетъ здѣсь образъ жизни такой же, какъ и всѣ европейскія семьи: утромъ фрукты, завтракъ, чай, въ часъ второй завтракъ, въ пять—чай, въ семь—обѣдъ. Онъ хорошо говоритъ по-англійски нѣмецки и французски—получаетъ мизерное, не соотвѣтствующее режиму здѣшней жизни, содержаніе.

Уже одни русскіе туристы, вродѣ меня, чего стоятъ: два дня съ радушіемъ и гостепріимствомъ, чисто русскимъ, они кормятъ, поятъ и развлекаютъ меня.

Жизнь ведутъ они замкнутую, ограничиваясь въ своихъ общеніяхъ съ остальными европейцами,—главнымъ образомъ англичанами,—оффиціальными визитами.

— Странный народъ эти англичане,—жалуется хозяйка дома,—въ извѣстныхъ отношеніяхъ они очень щепетильны, а войти, напримѣръ, въ

гостинную въ пальто и такъ и сидѣть—это сплошь и рядомъ. Дамамъ кланяются, и очень низко, а мужчина мужчинѣ только головой киваетъ, дѣлая рукой какой-то легкій жестъ, какъ будто хочетъ дотронуться до шляпы.

— Держатъ себя заносчиво?

Мужъ, спокойный, флегматичный, отвѣчаетъ:

— Съ внѣшней стороны, можетъ быть, и есть что-то шокирующее,—просто манера, но по существу очень благожелательны, не любятъ сплетенъ и относятся съ большимъ довѣріемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ жалованья: открыли кредитъ... Совсѣмъ же меня не знаютъ, могъ бы такъ и уѣхать... У нихъ правило ужъ такое: вѣрить всякому человѣку, но если ужъ обманетъ...

Противъ дома моихъ знакомыхъ громадный вымпелъ, на которомъ выбрасываются шары и количество ихъ, правая или лѣвая сторона вымпѣски извѣщаетъ городъ о приходящихъ и уходящихъ пароходахъ.

А вотъ наконецъ и мой пароходъ.

Англійскій небольшой пароходъ. И съ кѣмъ я ѣду? Съ лордомъ Чарльзомъ Бересфордомъ.

На пароходѣ въ рубкѣ, передъ столовой вокругъ мачты разставлены ружья, ножи, сабли,—все это на случай нападенія морскихъ пиратовъ. Есть и двѣ маленькія пушки.

— Все это,—съ добродушной гримасой объясняетъ мнѣ одинъ пассажиръ французъ,—теперь уже никакого значенія не имѣетъ,—это старый пароходъ.

2-го—4-го ноября.

Лордъ—очень сдержанный и вѣжливый, немного рыхлый старикъ; при немъ молодой корректный секретарь. Каждое утро лордъ первый раскланивается со всѣмъ нашимъ маленькимъ обществомъ и затѣмъ по росписанію пишетъ, читаетъ, гуляетъ.

Общество небольшое.

Молодой, почти юноша англичанинъ въ полосатомъ, цвѣта удава, длинномъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, да французъ и я. Французъ фабрикантъ и поставщикъ винъ, житель Шанхая.

За обѣдомъ и завтракомъ къ нашему обществу прибавляется старый, съ фигурой морского волка, капитанъ. Онъ очень почтителенъ съ лордомъ, какъ почтителенъ и юноша. Юноша любезенъ и съ нами, но, къ сожалѣнію, между нами непреодолимая преграда: онъ знаетъ только свой англійскій языкъ, а мы не знаемъ его. Хотя я постоянно занимаюсь этимъ языкомъ, то сидя на палубѣ съ словаремъ и книгой, то въ каютѣ, занимаясь переводами съ русскаго на англійскій. Я уже почти свободно читаю газеты, но говорить или понимать, что мнѣ говорятъ, совершенно не могу, — очевидно, для произношенія недостаточно одного словаря.

Французъ не въ духѣ: онъ зачѣмъ-то ѣздилъ въ Портъ-Артуръ и ругаетъ формализмъ русскихъ и французовъ.

— Къ стыду нашему, здѣсь на востокѣ единственные люди дѣла англичане. Въ Шанхаѣ мы, французы, предпочитаемъ обращаться къ англійскому, а не къ своему консулу.

Для лорда мы останавливались у Вейхавея, но такъ далеко что, кромѣ скалъ, ничего не видали. Оттуда къ намъ подъѣхалъ паровой катеръ. Остановились у нѣмцевъ въ Кіу-Чау. Сначала говорили, что лордъ высадится здѣсь на берегъ. за нимъ пріѣхалъ было и катеръ, но обидѣлся ли онъ невниманіемъ,—за нимъ пріѣхали безъ офицера,—или какой-нибудь другой причинѣ, но, словомъ, крикнувъ что-то катеру, мы тронулись сейчсъ же дальше.

Впечатлѣніе отъ Кіу-Чау еще меньше, чѣмъ отъ Портъ-Артура.

Почти пустынный, безъ всякой жизни, отлогій берегъ, нѣсколько нѣмецкихъ военныхъ судовъ—вотъ и все.

Отсюда насъ начало качать, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Оказалось, что мы попали въ крыло тайфуна. Вѣтеръ былъ въ лицо и такой сильный, что трудно было стоять. Здѣсь море уже окрашено желтымъ, какъ разбавленная глина, цвѣтомъ Желтой рѣки.

Такъ какъ нашъ пароходъ маленькій, то мы остановились не на взморьѣ, гдѣ останавливаются океанскіе пароходы, а вошли въ рѣку и, пройдя по ней двадцать миль, остановились у пристани въ самомъ Шанхаѣ.

3-го—8-го ноября.

Оригинальный и въ своемъ родѣ единственный уголокъ міра—Шанхай. Это большой красивый городъ. Въ немъ живетъ тысячъ тридцать европейцевъ и тысячъ пятьсотъ китайцевъ.

Китайскій городъ отдѣленъ отъ европейскаго и тянется на громадномъ разстояніи. Не довольствуясь сушей, онъ захватилъ и воду, и на рѣкѣ противъ китайскаго города вы видите массу плавучихъ, наскоро сколоченныхъ домиковъ.

Оригинальность и исключительность европейскаго Шанхая въ томъ, что онъ не принадлежитъ никакому государству. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть поэтому никакихъ политическихъ преступленій. Надо убить или украсть, чтобы судъ консуловъ могъ судить васъ.

Въ этомъ громадномъ торговомъ пунтѣ есть русская икра, англійскія вещи, французскія вина, американская мука, польская клепка, но русскаго, поляка, американца, француза, какъ мы привыкли понимать эти слова въ ихъ политическомъ значеніи, нѣтъ. Конечно, гдѣ же въ другомъ мѣстѣ и появиться этой первной звѣздочкѣ далекаго будущаго, какъ не здѣсь, на востокѣ, въ Китаѣ, пережившемъ уже въ сущности свою государственность. Въ этомъ смыслѣ—lux ex oriente.

Въ торговомъ отношеніи здѣсь господствуютъ, конечно, англичане. Мы меньше другихъ. Мы отказались добровольно тридцать лѣтъ

тому назадъ отъ предложеннаго намъ китайцами, на ряду съ англичанами и французами, мѣста. Теперь это мѣсто стоитъ милліоновъ сорокъ рублей.

Я остановился въ «Hotel des Colonies», хорошемъ отелѣ, гдѣ говорятъ не только по-англійски, но и по-французски.

Въ ожиданіи парохода, я пробылъ въ Шанхаѣ пять дней. Меня навѣщалъ мой спутникъ французъ; я познакомился съ нашимъ очень любезнымъ и внимательнымъ консуломъ, благодаря которому, между прочимъ, и директору нашихъ тюремъ, генералу Саломону, видѣлъ китайскія тюрьмы. Но главнымъ моимъ спутникомъ и здѣсь былъ любезный и образованный начальникъ нашей почтовой конторы. Съ нимъ мы перебывали вездѣ и въ городѣ, и за городомъ, посѣщали театры европейскій и китайскій, покупали вещи, наводили справки относительно моего дальнѣйшаго путешествія, знакомились со всѣмъ, окружавшимъ насъ.

Мы почти не разлучались съ нимъ эти пять дней. Нашъ день распредѣлялся такъ: до завтрака онъ работалъ въ своей конторѣ, а я занимался англійскимъ языкомъ. Кто-нибудь изъ насъ заходилъ за другимъ и мы отправлялись завтракать то въ мою, то въ его англійскую гостинницу.

Время между завтракомъ и five o'clock (четыре часовъ, время, когда пьютъ чай или кофе) мы ходимъ по городу, то покупая, то просто осматривая изъ любопытства китайскіе магазины.

Вотъ магазинъ шолковыхъ издѣлій. Китаецъ приказчикъ говоритъ намъ:

— Это не японская работа, съ нашивными узорами, это ручная китайская работа.

И работа, и матерія прекрасны и оригинальны.

Вотъ магазинъ, гдѣ продаются рѣзныя работы изъ камня и дерева. Всевозможныя игрушки, рисующія бытъ китайцевъ, съ отдѣлкой, поражающей своей тщательностью и микроскопичностью. Въ этихъ игрушкахъ вся бытовая сторона китайской жизни: вотъ везущій васъ дженерикъ и его колясочка, вотъ китаянка, вотъ свадебный обрядъ, вотъ судъ, вотъ всевозможныя наказанія: голова, просунутая сквозь бочку, голова и руки, когда человѣкъ не можетъ лежать: двѣ-три недѣли такого наказанія и нервная система испорчена навѣки. А вотъ представленія о загробной жизни, судъ и наказанія грѣшниковъ: одного пилятъ пополамъ, другому вырываютъ языкъ, третьей вырѣзываютъ груди, а четвертаго просто жгутъ на кострѣ. Какъ красивы работы изъ камня, который называется мыльнымъ камнемъ: разноцвѣтный мягкій камень.

Иногда, напившись чаю, мы ѣдемъ кататься за городъ, любимое мѣсто прогулки high life'а. Здѣсь вы встрѣтите и нарядныя кавалькады, и группы велосипедистовъ, и богатыя выѣзды, съ китайцемъ

кучеромъ, двумя лакеями-китайцами на запяткахъ. Остроконечныя шляпы ихъ, ихъ косы, длинныя, подъ цвѣтъ обивки экипажа одежды съ пелеринами,—все это производитъ сильное впечатлѣніе и переноситъ васъ въ сказочную страну роскоши и богатства, страну англійскихъ колоній.

Затѣмъ мы обѣдаемъ: два раза обѣдали у консула, въ обществѣ нашихъ симпатичныхъ моряковъ. Шли разговоры о флотѣ.

— У японцевъ флотъ хорошъ, первый послѣ англійскаго, у нѣмцевъ плохъ, у французовъ много деревянныхъ и старыхъ судовъ.

— А нашъ флотъ?

— У насъ есть прекрасныя боевыя единицы, но ничего цѣльнаго нѣтъ. Англичане, напримѣръ, разъ строятъ—строятъ того же типа не менѣе четырехъ суденъ. Эскадра изъ такихъ четырехъ судовъ имѣетъ и скорость одинаковую, одинаковыя запасныя части, словомъ, все хозяйство одинаковое. А у насъ изъ четырехъ судовъ, составляющихъ транспортъ, всѣ конечно разнаго типа,—одно имѣетъ скорость двадцать узловъ, другое—двадцать пять, третье—пятнадцать, а четвертое—какихъ-нибудь восемь: ну и идутъ всѣ со скоростью восьми узловъ въ часъ.

Я упоминалъ уже о посѣщеніи нами тюремъ. Тюремное китайское начальство было заранѣе увѣдомлено о томъ нашимъ консуломъ. Насъ встрѣтилъ главный судья, угостилъ насъ чаемъ, очень долго на прекрасномъ англійскомъ языкѣ разговаривалъ съ генераломъ Саломономъ, но показалъ намъ въ сущности очень мало: одинъ деревянный флигель съ чистыми комнатами. Въ этихъ комнатахъ на нарахъ сидѣли какіе-то китайцы съ очень благодушными лицами, не похожими на лица преступниковъ или, по крайней мѣрѣ, людей огорченныхъ. Да и было ихъ очень мало. Кто-то изъ бывшихъ съ нами сдѣлалъ предположеніе, что намъ показываютъ стражу тюремную.

— Сегодня, если хотите, мы поѣдемъ въ китайскій монастырь,— предложилъ мнѣ какъ-то послѣ завтрака мой любезный компаньонъ.

И вотъ мы ѣдемъ туда китайскимъ грязнымъ городомъ, ѣдемъ берегомъ мутно-желтой рѣки, нѣсколько верстъ ѣдемъ дачами и, наконецъ, останавливаемся передъ высокой каменной стѣной. Мы сходимъ съ экипажа и въ отворенныя ворота видимъ широкій дворъ, посреди котораго высится круглое съ невысокимъ куполомъ зданіе: это храмъ Будды, Пагода.

За нами увязывается какой-то китаецъ проводникъ, хорошо говорящій по-англійски. Два китайскихъ монаха въ длинныхъ грязныхъ балахонахъ, подвязанныхъ веревкою, съ обнаженными низко остриженными головами дѣлаютъ попытку отогнать отъ насъ нашего проводника, но тотъ, въ свою очередь, энергично отгоняетъ монаховъ и тѣ уже робко, гдѣ-то сзади плетутся за нами.

— Однако монахи здѣсь очень робки,—говорю я.

— Поневолѣ. въ Китаѣ нѣтъ привиллегированной религіи и всѣ имѣютъ право свободнаго входа во всѣ храмы, да къ тому же, эти монахи плохо говорятъ по-англійски, а нашъ проводникъ хорошо.

Мы входимъ въ большой, плохо освѣщенный храмъ, посреди громадный во весь храмъ — красной мѣди Будда. Кругомъ него множество маленькихъ фигурокъ—тоже будды: будда трехголовый, тринадцатиголовый, будда съ тысячью руками, будда на лотосѣ и безъ лотоса. Вдоль стѣнъ статуи другихъ божествъ: войны, мира; множество другихъ фигуръ: этотъ помогаетъ отъ какой-то болѣзни, тотъ отъ другой, этотъ защищаетъ отъ непріятеля, отъ того зависитъ урожай.

— И этимъ уродамъ молятся? Господи, какіе они глупые,—весело говорила молоденькая дамочка своему кавалеру.

Новый дворъ и новый храмъ

— Обратите вниманіе на украшеніе крыши.

Тамъ вверху по карнизамъ и на конькѣ крыши всевозможныя фигуры изъ міра фантазіи: драконы, звѣрье, люди. Прекрасная работа по силѣ и выразительности.

Мы проходимъ нѣсколько дворовъ и храмовъ и подходимъ къ послѣднему. У входа доносится какая-то музыка воды: мелодичная и однообразная. Двери храма тяжело затворяются за нами и мы остаемся въ едва освѣщенномъ полумракѣ. Въ темнотѣ передъ нами все та же гигантская фигура Будды на лотосѣ. Лицо его безъ желанія, никакихъ чувствъ на немъ изъ знакомыхъ намъ, кромѣ чувства покоя, подоляющее спокойствіе.

Съ остриженными головами, спущенными на спину капюшонами, сидятъ на полу два китайца монаха: они бьютъ въ тактъ металлическими угольниками и что-то напѣваютъ. Это переливающіеся, какъ вода, мелодичные, однообразные звуки льются безъ перерыва, наполняютъ храмъ, вливаются въ вашу душу, усыпляютъ вашъ слухъ. Вы ловите мотивъ и теряете себя въ лабиринтѣ охватывающихъ васъ звуковъ. Кажется, что уже вѣчно стоишь здѣсь, убаюканный этой мелодіей, темнотой храма, покоемъ того, кто смотритъ на васъ. Точно и на васъ сошелъ этотъ безстрастный покой и живете вы уже только отвлеченнымъ сознаніемъ, что вы живы. Какъ-то осязательно чувствуешь, какъ и вся окружающая меня теперь жизнь застыла, какъ несутся надъ ней вѣка, тысячелѣтія,

И долго потомъ вы все еще слышите этотъ переливающійся мелодичный звонъ, видите громаднаго Будду передъ собой, эти головы стриженыхъ монаховъ, вѣчно смѣняясь, по очереди день и ночь выбивающихъ все тотъ же однообразный, мѣрный ритмъ.

— А сегодня,—сказалъ мнѣ въ другой разъ какъ-то мой любезный собесѣдникъ,—мы пойдемъ въ китайскую часть города: въ Чайную улицу и китайскій театръ.

Мой спутникъ случайно или умышленно никогда не предупреждаетъ о томъ, что мы увидимъ, и, вслѣдствіе этого, сила и свѣжесть впечатлѣнія не разбиваются.

*

Было часовъ девять вечера, когда мы вышли изъ дому.

— Пойдемъ пѣшкомъ.

Мы идемъ частью города, принадлежащаго англичанамъ. По обѣимъ сторонамъ прекрасно вымощенной улицы красивые, съ зеркальными окнами дома, сады, зелень. На каждомъ перекресткѣ неподвижные, какъ статуи, индусы-стражники: бѣлые тюрбаны, длинная черная борода, оливковыя лица, длинный взглядъ черныхъ, какихъ-то сонныхъ точно загипнотизированныхъ глазъ.

А вотъ предмѣстье, жилище метисовъ,—помѣсь португальцевъ съ разными аборигенами востока. Тѣсныя улицы, скученые бѣдные дома.

Когда-то португальцы были здѣсь такими же хозяевами, какъ теперь англичане. Потомки ихъ метисы занимаютъ болѣе скромное общественное положеніе: это писаря, счетчики, третьестепенные приказчики.

Эти всѣ свѣдѣнія, пока мы идемъ, сообщаетъ мнѣ мой спутникъ, а я тороплюсь запечатлѣть въ памяти и прочесть что-то въ встрѣчающихся намъ метисахъ.

Вотъ идетъ усталый, задумчивый, безцвѣтный брюнетъ съ желтымъ лицомъ, плохо покрытымъ растительностью, съ жесткими волосами на головѣ. Въ фигурѣ нѣтъ силы, упругости, красоты—что-то очень прозаичное и бездарное.

Вотъ она—въ европейскомъ платьѣ отъ плохой модистки, безъ корсета, безъ желанія нравиться, вся озабоченная какими-то прозаическими соображеніями, вѣроятно, о хозяйствѣ, о дороговизнѣ жизни. Скучная жизнь, когда надо тянуться за тѣмъ, что принято, что скажутъ, когда не горитъ гордое сознаніе, что все это «что принято, что скажутъ?» не стоитъ выѣденнаго яйца.

А вотъ и китайская часть города и васъ уже охватываетъ какой-то теплый и непріятный ароматъ китайскихъ улицъ.

Горятъ огни въ китайскихъ магазинахъ, въ раскрытыхъ настежъ дверяхъ сидятъ ихъ хозяева, на улицахъ оживленная толпа: сѣрая, грязная толпа въ голубыхъ кофтахъ, въ косахъ и грязный слѣдъ отъ нихъ на спинѣ, масса мелкихъ, жесткихъ, сѣкущихся волосъ на плечахъ. Запахъ грязнаго, но здороваго и сильнаго тѣла. Много тѣлъ и всѣ они энергично идутъ туда же, куда идемъ и мы.

Вотъ и Чайная улица, въ красномъ заревѣ заливающихъ ея огоней. Этотъ красный отблескъ сливается тамъ вверху съ голубой ночью и прозрачной голубой пеленой окутываетъ ночь эту фантасическую улицу.

Она много шире другихъ и своими ажурными балконами вторыхъ этажей, своими висящими на красныхъ полосахъ золотомъ исписанныхъ вывѣскахъ съ милліономъ разноцвѣтныхъ фонарей, освѣщающихъ все это на фонѣ краснаго зарева, она имѣетъ какой-то воздушный, сказочный видъ. Гулъ, звонъ, пѣніе. Вы плывете въ громадной густой толпѣ этихъ сплошныхъ грязныхъ тѣлъ,—тепло, душно, звонче литавры и дикая музыка подъ тѣми балконами вторыхъ этажей. Тамъ толпа, мелькаютъ женскія фигуры, гулъ движенія.

Пока вы смотрите туда вверхъ, здѣсь внизу васъ давятъ, толкаютъ, тамъ у входовъ разрисованныя женскія фигурки, которыя зазываютъ къ себѣ толпу эту, и въ то же время то и дѣло на васъ налетаютъ съ торопливымъ рѣзкимъ окликомъ то носилки съ фонарями, то конный экипажъ, то дженерикъ, то наконецъ, просто носильщикъ, который съ товаромъ своимъ на высоко поднятой рукѣ несется стремительно впередъ и что-то кричитъ благимъ матомъ. Кричатъ всѣ, — энергично, рѣзко и вездѣ,—въ носилкахъ, въ кареткахъ конныхъ и ручныхъ, у носильщиковъ все тотъ же товаръ—китайскія женщины. Ихъ множество и всѣ онѣ на одно лицо: набѣленныя, накрашенныя, съ замысловатой прической черныхъ волосъ, блестящихъ и жесткихъ, какъ лошадиная грива, всѣ въ яркихъ, дорогихъ длинныхъ одеждахъ. Эти маленькія, какъ дѣти, которыхъ носильщикъ несетъ на одной рукѣ, онѣ дѣйствительно дѣти, имъ восемь, десять, двѣнадцать лѣтъ.

— Куда ихъ несутъ?—спрашиваю я своего спутника.

— Требуютъ.

— Кто?

— Китайцы.

И я слушаю отвратительные ужасные разсказы о томъ, какъ съ ранняго дѣтства эти несчастныя жертвы подготовляются къ своей нечеловѣческой участи: разстлѣніе въ восемь лѣтъ, а въ пятнадцать уже выброшенное за бортъ, съ уничтоженнымъ человѣческимъ естествомъ отребье.

— Что это за зданіе?

— Родъ кафе-шантана; войдемъ?

Мы входимъ; единственные европейцы, среди этого моря китайцевъ. На насъ смотрятъ холодно, равнодушно, а иногда и враждебно. Зная, какъ ненавидятъ китайцы европейцевъ, зная, какъ особенно щепетильны они въ женскомъ вопросѣ, невольно приходитъ мысль въ голову о рискѣ съ нашей стороны. Но мы уже уплатили за входъ и за другими проходимъ въ широкое нижнее помѣщеніе.

Вдоль стѣнъ, сплошь, родъ открытыхъ ложъ съ мягкими скамьями. На нихъ въ разныхъ позахъ лежатъ люди: опершись на руку, лежа, одинъ приготовляетъ что то. Маленькая ручная лампочка тускло освѣщаетъ его наклонившееся блѣдное, точно водой налитое, бритое лицо. Вотъ другой: онъ быстро, жадно изъ длинной трубочки втягиваетъ въ себя нѣсколько глотковъ дыму. Третьи лежатъ неподвижно, какъ мертвецы, на боку и стеклянными выпученными глазами безсмысленно куда-то смотрятъ.

— Что это за люди?

— Курильщики опіума. Этотъ вотъ съ остановившимися глазами уже готовъ: онъ видитъ теперь то, что хочетъ: богатство, почести, женщинъ. Это одиночки: они только курятъ. Если они съ женщинами, они и курятъ, и глотаютъ внутрь — и мужчины, и женщины, доводя себя до самыхъ изступленныхъ формъ разврата.

Въ этой толпѣ грязныхъ тѣлъ, въ тяжеломъ угарѣ опіумомъ и испареніями насыщенномъ воздухѣ мы поднимаемся въ верхній этажъ въ какомъ-то мучительномъ возбужденіи, чувствуя, что не успѣваешь схватывать всей этой массы новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Мысль и фантазія невольно приковываются къ отдѣльнымъ образамъ, жадно проникаютъ ихъ и опять отвлекаются къ новымъ. Мы стоимъ наверху, передъ открытой эстрадой. Въ громадной низкой залѣ множество столиковъ, за ними сидятъ китайцы, а вдоль стѣнъ такія же, какъ и внизу ложи съ такими же фигурами. Садимся и мы за столикъ, намъ подаютъ въ маленькихъ чашечкахъ съ тяжелымъ ароматомъ зеленый чай, мы пьемъ его и смотримъ на ярко освѣщенную эстраду.

Посреди эстрады столъ, вокругъ стола разрисованныя фигурки китаянокъ, на столѣ чай. За столомъ, въ глубинѣ эстрады несложный оркестръ: визгливая скрипка, барабанъ и литавры. Барабанъ дико ухаетъ, литавры бьютъ, скрипка все время визжитъ на самыхъ высокихъ нотахъ.

Каждая изъ китаянокъ, по очереди, поетъ или, вѣрнѣе, выводитъ неимовѣрно высокія металлическія, рѣжущія ноты. Кажется, искусство здѣсь—слить свой голосъ съ пискливымъ голосомъ скрипки. Иногда слышится что-то очень заунывное и тяжелое, въ общемъ же впечатлѣніе дикое, грубое, совершенно примитивное.

Проблески нашего кафе шантана чувствуются: у каждой пѣвицы свои поклонники, свои завсегдатаи, игра въ любовь, а, можетъ быть, и дѣйствительная любовь. Толпа не стѣсняется самымъ циничнымъ образомъ выражать свои впечатлѣнія.

Намъ постоянно подаютъ салфетку, обмоченную въ горячую воду и слегка выжатую. Ею надо вытирать лицо, руки, вѣроятно, чтобъ не такъ чувствовалась жара.

Жарко очень и все душнѣе. Все рѣзче, страстнѣе возгласы. Въ этой тяжелой душной атмосферѣ точно и самъ растворяешься, сильнѣе чувствуешь царство этого грязнаго тѣла въ этой страшной фантастичной красной улицѣ. Тамъ какъ будто еще больше толпа, глуше, но возбужденнѣе гулъ.

Мы опять въ этой толпѣ, опять тянутся сплошные кафе-шантаны по обѣимъ сторонамъ, все переполненно тамъ, а новыя и новыя массы народа, какъ потоки, вливаются изъ боковыхъ улицъ.

— Сегодня праздникъ у нихъ?

— Каждую ночь такъ и круглый годъ.

Въ этотъ же вечеръ мы побывали въ театрѣ: что сказать о немъ? Самаго низкаго пошиба балаганъ, гдѣ не играютъ, а ломаютъ какую-то нелѣпую ходульную, совершенно не реальную комедію. Не эстетично до послѣдней степени въ этомъ карикатурномъ прообразѣ европейскихъ театровъ. Все та же непролазная грязь, тѣ же сѣрыя грязныя тѣла. Въ громадномъ деревянномъ сараѣ амфитеатромъ рас-

положенъ партеръ, первый и второй ярусы,—вездѣ за столами сидитъ публика, пьетъ чай, жуетъ фрукты, вмѣшивается въ ходъ піесы, то угрожая, то одобряя.

Изъ театра мы опять прошли въ Чайную улицу. Было часовъ двѣнадцать ночи. Все та же толпа, то же возбужденіе, такъ же съ дикими криками несли и везли куда-то эти разрисованныя женскія фигурки. Сильнѣе зловоніе, чадъ и угаръ и испаренія этихъ грязныхъ тѣлъ. Въ кровавомъ просвѣтѣ улицы фантастично и кошмарно движутся эти тѣла. А выше голубая прозрачная ночь такъ нѣжна, такъ красива, такимъ мирнымъ покоемъ охватываетъ китайскій городъ. Тѣмъ ужаснѣе все то, что творится здѣсь подъ ея прекраснымъ покровомъ.

— Все это только цвѣточки,—говоритъ мнѣ мой спутникъ, когда мы возвращаемся домой.—Никакая фантазія европейца не можетъ представить себѣ, какъ развращенъ и циниченъ востокъ... Какъ реаленъ онъ, какъ разбита здѣсь вся иллюзія чувства одного пола къ другому. Со стороны смотришь и уже теряется всякая цѣнность какого-бы то ни было чувства. Востокъ это вертепъ, гніющая клоака, это дряхлое старое тѣло, требующее нечеловѣческихъ средствъ возбужденія, это цинизмъ, предъ которымъ мы, европейцы, съ нашими иллюзіями о чувствѣ только еще маленькія дѣти, которымъ говорятъ, что ихъ нашли въ капустѣ, и которыя этому вѣрятъ. Вотъ пусть этотъ водянистый китаецъ, который смотритъ на насъ съ апатіей и цинизмомъ своей пятитысячелѣтней культуры,—пусть онъ возьметъ перо въ руки и передастъ осмысленно свои ощущенія, свои мысли, все извращеніе своего человѣческаго естества, что будутъ тогда предъ нимъ всѣ наши пессимисты,—Мопассанъ, самъ Мефистофель Гёте.

Во всякомъ случаѣ, чтобы постигнуть или, вѣрнѣе, что-то почувствовать, прикоснуться къ чему-то бездонному и страшному востока, надо побывать ночью въ Чайной улицѣ Шанхая.

Тяжелымъ лишеніемъ, трудомъ, нечеловѣческой воздержанностью, мѣсяцами и годами скопляемыя деньги прожигаются тамъ беззавѣтно, съ размахомъ, не знающей удержа, широкой натуры на игру въ кости, на женщинъ, мальчиковъ, дѣвочекъ, на опіумъ. И попасть сюда—радость жизни, мечта, завѣтная святая святыхъ каждаго китайца, всѣхъ этихъ одурманенныхъ жизнью китайцевъ.

Но слишкомъ, мнѣ кажется, все-таки не слѣдуетъ преувеличивать значенія этого. Это избытокъ силъ никуда ненаправленныхъ, жизнерадостность ребенка. Посмотрите на другого китайца, который сидитъ въ банкахъ, который завладѣваетъ уже почти всѣми предпріятіями Шанхая: сами англичане въ ими же созданныхъ учрежденіяхъ теперь только этикетка, а работаютъ китайцы. Черезъ двадцать лѣтъ здѣсь все дѣло перейдетъ въ руки китайцевъ и конкуренція съ ними будетъ немыслима и особенно для англичанъ, которые всѣ слишкомъ сибариты, слишкомъ на широкую ногу ставятъ дѣло,—нѣмцы болѣе чернорабочіе, но и тѣмъ непосильна будетъ конкуренція съ китайцемъ.

Да, востокъ, сочетаніе догнивающаго конца съ какимъ-то началомъ, какой-то зарей той жизни, о которой только можетъ еще мечтать самый смѣлый идеалистъ нашихъ дней.

Громадныя, во много этажей узкія и высокія пловучія зданія на рѣкѣ—все это склады опіума, все это принадлежитъ самому культурному народу въ мірѣ, все это, дающее сотни милліоновъ дохода.

Какъ-то въ клубѣ я выразилъ одному англичанину упрекъ за торговлю опіумомъ.

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Принципъ свободной торговли, начать съ того, что почти вся эта торговля теперь фактически въ рукахъ самихъ китайцевъ... Ни вы, ни я, конечно, мы не станемъ торговать опіумомъ, — вамъ и мнѣ его и запрещать не надо... И суть здѣсь не въ запрещеніи, а въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ какихъ однимъ опіумъ необходимъ, а другимъ онъ не нуженъ. Сегодня уничтожьте продажу нашего опіума, китайцы будутъ курить свой доморощенный, — и курятъ, и всегда курили,—болѣе дорогой, худшаго качества, слѣдовательно, и болѣе вредный.

— Но и тотъ, и другой—ядъ.

— Меньшій, чѣмъ ваша водка: они курятъ свой опіумъ и доживаютъ до глубокой старости. Умственныя способности помрачаются, конечно, но ихъ скотская жизнь и не нуждается въ нихъ: онѣ только бремя въ условіяхъ этой жизни, только несчастіе, отъ котораго чѣмъ скорѣе избавиться, тѣмъ легче тому несчастному, кого природа одарила ими. При такихъ условіяхъ вопросъ объ опіумѣ равносиленъ вопросу: что лучше,—пытка подъ хлороформомъ или безъ?.. Повторяю при этомъ, что какъ у васъ порядочные люди, вѣроятно, не торгуютъ водкой, такъ и у насъ этого занятія избѣгаютъ уважающіе себя люди.

Въ Шанхаѣ есть французская колонія. Есть нѣсколько магазиновъ французскихъ, за городомъ устроенъ большой католическій монастырь ордена іезуитовъ, при немъ коллегіи, въ которыхъ обучаются китайцы-христіане. При монастырѣ же прекрасная обсерваторія. Дисциплина и дрессировка въ монастырѣ доведена до поразительнаго. Такъ дрессировать человѣческую натуру умѣютъ только іезуиты. Монахи ходятъ въ китайскихъ платьяхъ. Я видѣлъ китайцевъ-христіанъ: китайскій костюмъ, борода,—сочетаніе того и другого здѣсь производитъ очень странное впечатлѣніе. Китайцы къ своимъ собратьямъ христіанамъ относятся очень не дружелюбно и избіеніе миссіонеровъ всегда начинается съ этихъ китайцевъ-христіанъ.

Французская газета въ Шанхаѣ клерикальнаго направленія: много пафоса, фарисейства и тенденціознаго извращенія фактовъ. Одинъ американецъ, бывшій солдатомъ на Филиппинахъ въ американской арміи и теперь возвращающійся въ Америку, Mr Frazur, худой высокій, лѣтъ 30, очень деликатный и очень осторожный, говоритъ улыбаясь:

— Вотъ такія же газеты и въ испанскихъ колоніяхъ.

Внизу, въ пріемной комнатѣ гостинницы появилось извѣщеніе, что завтра, 9-го (21-го ноября, отойдетъ въ Америку черезъ Японію и Сандвичевы острова тихоокеанскій пароходъ «Gaelig»; на этотъ пароходъ у меня уже былъ взятъ билетъ съ платой до Парижа, въ томъ числѣ и по желѣзнымъ дорогамъ, за пятьсотъ рублей въ первомъ классѣ, то-есть, почти за ту же плату, какую взяли бы съ меня на нашемъ пароходѣ Добровольнаго флота «Ярославлѣ» до Одессы, при чемъ я не получилъ бы и десятой доли тѣхъ удобствъ, какія имѣлъ въ своемъ путешествіи черезъ Америку.

Пароходъ принадлежитъ англійской компаніи. Англійскую компанію я выбралъ по общему настоянію. Вотъ вкратцѣ доводы въ пользу такого выбора.

Въ длинномъ путешествіи, а намъ предстояло въ одномъ Тихомъ океанѣ прокачаться больше мѣсяца, меньше другихъ пріѣдается мясная англійская кухня. На англійскомъ пароходѣ я могъ разсчитывать на практику въ англійскомъ языкѣ. Наконецъ, на англійскомъ пароходѣ безопаснѣе, чѣмъ на другихъ. Иллюстраціей послѣдняго приводится два яркихъ случая: одинъ, бывшій у французовъ, другой—у англичанъ.

Французскій пароходъ «Bourgogne», погибшій два года тому назадъ въ Атлантическомъ океанѣ. Въ моментъ столкновенія на пароходѣ и пассажиры, и офицеры парохода веселились,—французскій экипажъ отличается своимъ умѣньемъ веселиться, своей любезностью, особенно къ дамамъ. Уже когда столкновеніе произошло, публику успокоили сперва. Но черезъ четверть часа послѣ этого, капитанъ «Bourgogne», доблестно погибшій на своемъ посту, крикнулъ роковое:

— Sauve, qui peut!

Тогда произошло нѣчто отвратительное и ужасное: малодушный экипажъ, за минуту до того разсыпавшійся въ любезностяхъ предъ дамами, бросился прочь отъ нихъ и въ лицѣ шестидесяти трехъ человѣкъ, сбѣжалъ съ трапа въ спущенную лодку. Бѣжавшихъ за ними они отталкивали, сбрасывали съ трапа. Въ послѣднее мгновеніе нѣсколько женщинъ бросились въ воду и хватались руками за ихъ лодку: они ножами рубили имъ руки, тѣ самыя руки, которыя, можетъ быть, еще сегодня утромъ цѣловали, привѣтствуя ихъ съ начинающимся днемъ—послѣднимъ страшнымъ днемъ, когда несчастныя потеряли и жизнь, и вѣру въ человѣка. Тѣ пассажиры, которые оставались еще на пароходѣ, обезумѣвшіе отъ ужаса и паники своихъ руководителей, бросились по лѣстницамъ вверхъ туда, гдѣ надъ палубой, на изогнутыхъ кронштейнахъ качались на страшной высотѣ привязанныя лодки. Несчастные всѣ разсѣлись въ нихъ и сидѣли такъ, потому что никто изъ нихъ не зналъ, какъ спустить эти лодки на воду. Оттуда, послѣднимъ взглядомъ они могли еще разъ увидѣть, какъ размахнулся ихъ пароходъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ ко дну. Отъ дикаго ихъ вопля не

разорвались сердца уплывавшихъ малодушныхъ негодяевъ и они благополучно спаслись. Изъ пассажировъ спаслись только двое: одинъ англійскій профессоръ и его жена. Не потерявъ головы, въ послѣднее мгновеніе, онъ успѣлъ принести изъ каюты плавательный поясъ для себя и жены. Надѣвать ихъ было уже поздно. Схвативъ поперекъ свою упавшую въ обморокъ жену, плавательные пояса въ другую руку, онъ бросился съ своимъ багажомъ въ океанъ. Три дня ихъ носило по волнамъ, жена его нѣсколько разъ падала въ обморокъ, пока онъ поддерживалъ ее; когда, наконецъ, ихъ взяли на проходившій мимо пароходъ.

Аналогичный этому случай произошелъ на англійскомъ пароходѣ въ томъ же океанѣ, въ то же время года, съ разницей въ два-три дня во времени. Былъ такой же туманъ, произошло такое же столкновеніе и англійскій пароходъ получилъ такую же пробоину. Была сдѣлана немедленно водяная тревога. Немедленно же весь экипажъ, который на англійскихъ пароходахъ не входитъ во время пути ни въ какія сношенія съ пассажирами, былъ на своихъ мѣстахъ. Прежде всего публика была заперта, кто гдѣ былъ, и началось сортированіе ея: семейные отдѣльно, потомъ дамы, потомъ господа кавалеры. Нѣсколько человѣкъ изъ публики, остававшихся на палубѣ, въ то время, когда соотвѣтственная часть команды экипажа спускала шлюпки, бросились къ трапу, капитанъ съ своего мостика крикнулъ имъ, чтобы они возвратились въ каюту и что въ перваго, кто ступитъ на трапъ, онъ будетъ стрѣлять. Кто-то вступилъ и прострѣленный упалъ въ воду, а остальные возвратились назадъ въ каюты въ указанныя имъ мѣста. Черезъ четверть часа послѣ столкновенія всѣ пассажиры, вся команда, касса и архивъ парохода были въ лодкахъ: послѣднимъ сошелъ капитанъ, а пароходъ такъ же быстро, какъ и «Bourgogne», пошелъ на дно. Всѣ спаслись, потому что, хотя и былъ туманъ, но океанъ, какъ и во время гибели «Bourgogne», былъ совершенно тихъ.

Все это факты, которыхъ не отрицаютъ и французы, но англичане съ особымъ раздраженіемъ и высокомѣріемъ подчеркиваютъ, вспоминая въ то же время и благотворительный балъ парижскій, и дѣло Дрейфуса. И они презрительно говорятъ:

— Все это признаки вырожденія.

Мой спутникъ по Шанхаю иного мнѣнія. Какъ русскій, онъ питаетъ слабость къ французамъ, выросъ въ убѣжденіи, что французы—первая въ мірѣ нація и, не отрицая теперешняго упадка и обмелѣнія французской націи, считаетъ это явленіе и временнымъ, и, какъ это всегда бываетъ у французовъ, предшествующимъ эпохѣ крупныхъ соціальныхъ переворотовъ.

Я передалъ это его мнѣніе Mr. Frazur и деликатный американецъ энергично согласился съ нимъ:

— Несомнѣнно, французы прежде были центромъ міра и весьма возможно, что соціальный вопросъ и назрѣлъ у нихъ прежде другихъ.

Во всякомъ случаѣ, нигдѣ, конечно, такъ не опошлилась буржуазія и весь ея строй съ ея литературой, какъ во Франціи. И нигдѣ, какъ во Франціи такъ не ясно, что какіе-нибудь палліативы оздоровленія на той же буржуазной почвѣ уже не дѣйствительны. Выходъ для нея—идти впередъ, если ее пустятъ другіе народы: въ этомъ безвременіи и трагизмъ, и источникъ еще бо̀льшаго опошленія.

Если англичане говорятъ презрительно о французахъ, то и французы платятъ англичанамъ тѣмъ же,—инцидентъ съ Фашодой не остается здѣсь безъ вліянія на взаимныя отношенія.

Мой знакомый французъ говоритъ:

— Исторія скоро выброситъ за бортъ англичанъ: слишкомъ они разбросались, слишкомъ бѣлоручки, слишкомъ рутинны—рутины столько же, какъ и у китайцевъ, а фальши больше въ ихъ этикѣ... О, какъ они лицемѣрны! Онъ за столомъ не выпьетъ рюмки вина, но вечеромъ, въ своемъ клубѣ такъ напьется, что двое поведутъ его, поддерживая, и всетаки у него будетъ такой видъ при этомъ, точно онъ собирается читать лекцію о воздержаніи...

9-го ноября.

Сегодня всталъ рано и тороплюсь укладываться. Совершенно самостоятельно, но съ самымъ варварскимъ произношеніемъ объясняюсь по англійски съ прислугой, портнымъ, прачкой, фотографомъ, извозчикомъ, телеграфной станціей, пароходной конторой. Языкъ, какъ деревянный, и знакомыя слова постоянно убѣгаютъ и все время съ растерянной, напряженной физіономіей ловишь ихъ. Понимать еще труднѣе, чѣмъ говорить, хотя, если говорятъ раздѣльно, то оказывается, что я понимаю уже почти все,—всетаки три тысячи словъ уже выучено. Не достаетъ только навыка. Теперь въ длинномъ путешествіи будетъ и онъ.

Часъ дня. Сильный вѣтеръ, переходящій въ штормъ. Мы съ моимъ спутникомъ К. Н. стоимъ на пристани bund'a и ждемъ маленькаго пароходика, который отвезетъ меня на взморье.

Солнца нѣтъ, тучи, холодно даже въ осеннемъ пальто. Желто-мутная поверхность громадной рѣки вздулась и короткими напряженными волнами хлещетъ въ пристань.

Сегодня, какъ разъ, принцъ Гейнрихъ открываетъ памятникъ погибшему въ 1896 году экипажу «Этлиса».

Мнѣ виденъ отсюда этотъ памятникъ. Онъ стоитъ тутъ же на bund'ѣ (набережная—лучшая улица Шанхая). Памятникъ очень простой, но много говорящій. Изъ зеленой мѣди сломанная мачта и приспущенный флагъ. Флагъ широкими складками обвиваетъ нижнюю часть мачты и сиротливо лежитъ на пустой скалѣ. Два часа тому назадъ здѣсь было большое торжество: играла музыка, маршировали, громко отбивая тактъ и энергично съ силой вытягивая ноги, нѣмецкіе солдаты, принцъ Гейн-

рихъ говорилъ рѣчь энергично, громко, такъ что, казалось, онъ ругалъ кого то. Онъ не ругалъ: онъ воздавалъ должное мужеству погибшихъ. Когда фрегатъ понесло на скалы и гибель была очевидна и неизбѣжна, весь экипажъ запѣлъ веселую бравурную пѣсню... Два, три очевидца изъ оставшихся въ живыхъ были тутъ же. Тутъ же въ гостяхъ у нѣмцевъ были англійскія, русскія, австрійскія, итальянскія войска,—словомъ, всѣ націи, суда которыхъ находились въ это время въ Шанхаѣ, прислали своихъ матросовъ. Не было только французовъ.

— Прощайте!—кричу я, и уже ныряя, какъ чайка, нашъ пароходъ «Самсонъ» несется по желто-грязнымъ волнамъ.

Новыя лица кругомъ: одни провожаютъ, другія ѣдутъ въ Японію, третьи дальше, въ Америку. Нѣкоторымъ дамамъ уже дурно, дурно дѣтямъ, и маленькая дѣвочка, съ побѣлѣвшимъ лицомъ и судорогой отвращенія и ужаса, кричитъ въ отчаяніи:

— Мама, мама...

На взморьѣ волны сильнѣе, злой вѣтеръ рветъ ихъ верхушки и нашъ «Самсонъ» то энергично взбирается на верхъ волны, то стремительно летитъ съ нея внизъ: такъ и кажется, что вотъ-вотъ онъ, не разсчитавъ, и совсѣмъ нырнетъ въ желтую преисподнюю. На палубѣ стоять совершенно невозможно: все время окачиваетъ такъ, какъ будто гигантскій насосъ встрѣчъ работаетъ непрерывно...

Мы мчимся мимо «Ярославля»: онъ тоже сегодня уходитъ въ Одессу, но я на три дня буду раньше его.

— Только не на добровольномъ флотѣ, гдѣ несчастная идея начальственности и глупой,—есть умная,—дисциплины убиваетъ всякое удовольствіе поѣздки, неустанно держитъ васъ въ сознаніи, что надъ вами бодрствуетъ чья-то рука высшаго порядка: рука бухарскаго отца командира и его приспѣшниковъ.

Нѣтъ, ужъ хоть здѣсь подальше отъ нихъ.

А вонъ на мглистомъ горизонтѣ черной точкой показался и нашъ «Gaelig». Издали скрадываются его размѣры, но когда нашъ «Самсонъ» подходитъ вплоть, взлетая и ныряя такъ, что мы едва стоимъ на ногахъ, а гигантъ «Gaelig» не шелохнется и надо высоко вверхъ поднимать голову, чтобъ видѣть его черные, высоко вверхъ поднятые борта, тогда только видишь, что это за громадина.

Я уже сверху смотрю въ послѣдній разъ на привезшаго насъ пигмея «Самсона». Среди китайскихъ и англійскихъ матросовъ, среди канатовъ, разныхъ блоковъ и шканцевъ я пробираюсь въ свою каюту. Въ окна видны мнѣ курительная зала, читальня, мы спускаемся въ нижній этажъ, гдѣ громадная столовая, спускаемся ниже и длиннымъ корридоромъ я прохожу въ свою каюту. Въ ней двѣ койки, два иллюминатора, умывальный приборъ, зеркало, краснаго дерева висячая этажерка, въ отверстіяхъ которой—стаканы съ воткнутыми въ нихъ полотенцами, графинъ. Пассажировъ мало и я буду одинъ въ своей каютѣ. Я еще разъ

внимательно оглядываюсь въ своей новой квартирѣ, въ которой придется прожить больше мѣсяца. Никакой роскоши, все прочно, солидно, вездѣ безукоризненная чистота, койки съ двойными мягкими свѣтлыми одѣялами, съ приготовленными постелями.

Хочется прочесть въ книгѣ будущаго, какимъ-то верхнимъ чутьемъ почувствовать, угадать, будетъ ли благополучно путешествіе, что случится въ длинной дорогѣ. Всѣ ѣдутъ и всѣ надѣются, что все будетъ благополучно, но тѣмъ не менѣе, не всегда вѣдь и благополучно кончается и кому-нибудь да надо попадать въ неблагополучныя рубрики статистики, — праздныя мысли, которыя всякому, вѣроятно, въ свое время приходили въ голову.

Доносятся свистки, звукъ пѣпей, просовываетъ голову лѣтъ сорока японецъ, въ европейскомъ платьѣ и прическѣ, говоритъ что-то, киваетъ головой, показываетъ свои крѣпкіе зубы. Я улавливаю слово «бэгеджъ». Японецъ опять исчезаетъ, а я остаюсь въ недоумѣніи, гдѣ же, дѣйствительно, мой багажъ,—его еще въ Шанхаѣ отобрали у меня и ручной и тяжелый, часть котораго идетъ прямо въ Парижъ.

Но вотъ и багажъ, и мы уже плывемъ: надо посмотрѣть.

Все тотъ же вѣтеръ на палубѣ, тѣ же тучи въ небѣ, то же желтое взморье и черная полоска земли на горизонтѣ, отъ которой мы со скоростью сорока верстъ въ часъ уходимъ въ Нагасаки. Послѣ завтра, значитъ, будетъ опять тепло, солнце, и это будетъ такъ хорошо. Цѣлый мѣсяцъ впереди оригинальной обособленной жизни на пароходѣ, куда не ворвется сутолока суши, дѣловая проза, забота не проспать, поспѣть къ сроку.

Цѣлый мѣсяцъ,—это какой-то громадный капиталъ никуда еще неизрасходованнаго времени. Могу ничего не дѣлать, могу отдыхать, спать и все на совершенно законномъ основаніи, какъ человѣкъ, правда, неожиданно, но совершенно законно получившій вдругъ наслѣдство и считающій себя отнынѣ совершенно обезпеченнымъ человѣкомъ.

Сколько я напишу, какъ подвинусь въ англійскомъ языкѣ, прочту всѣ закупленныя въ Шанхаѣ книги!..

Забѣгая впередъ, я долженъ сознаться, что и десятую долю я едва успѣлъ сдѣлать изъ задуманнаго, и въ моемъ свободномъ отъ всѣхъ обязательствъ и дѣлъ мѣсяцѣ, увы! оказалось столько же часовъ, сколько и во всѣхъ остальныхъ уголкахъ міра. Впрочемъ, я клевещу: на этотъ разъ судьба сжалилась и дѣйствительно подарила мнѣ осязательно, по крайней мѣрѣ, лишніе сутки: два дня, подъ-рядъ у насъ былъ понедѣльникъ, 6 декабря новаго стиля,—это тѣ лишніе 24 часа, которые мы накопили, двигаясь все время на востокъ...

Вотъ во что превратилось все казавшееся мнѣ богатство моего свободнаго мѣсяца.

Этотъ процессъ размѣниванія мѣсяца на дни, дней на часы и минуты начинается мгновенно, и чѣмъ дальше, тѣмъ глаже идетъ дѣло.

Пока тамъ разбирались другіе пассажиры, насъ трое русскихъ очутились въ столовой. Всѣ мы одинаково интересовались распредѣленіемъ дня на пароходѣ, въ отношеніи ѣды. Право, уже не помню, кто изъ насъ сдѣлалъ первое открытіе, что мы всѣ одной національности, но случилось это какъ-то сейчасъ же и сразу мы заговорили на своемъ родномъ языкѣ и отрекомендовались: одинъ оказался В. И. Д.—директоръ русско китайскаго банка прежде въ Портъ-Артурѣ, а теперь назначенный въ Іокагаму, а другой—Иванъ Тихоновичъ Б., единственный русскій, ведущій торговлю въ Японіи, въ Нагасакахъ.

В. И. Д. оказался тѣмъ самымъ красивымъ блондиномъ съ длинными усами, котораго я видѣлъ въ китайскомъ монастырѣ съ дамой. Онъ прекрасно владѣетъ англійскимъ языкомъ и быстро, дѣловито выяснилъ всѣ пароходные порядки. Въ девять часовъ утра чай и первый завтракъ, въ часъ—ленчъ—второй завтракъ, въ четыре—чай, въ семь—обѣдъ. Въ промежутки также можно требовать ѣду и питье, записывая свои требованія въ ярлычную книжку лакея (вся прислуга, кромѣ старшаго лакея японца,—китайцы). Къ концу путешествія всѣ эти ярлыки при общемъ итогѣ препровождаются каждому для оплаты. Содержаніе безъ вина; вино оплачивается отдѣльно. Въ одиннадцать часовъ вечера всѣ огни въ столовой, курительной, библіотекѣ гасятся Курить можно только на палубѣ и въ курительной. Бѣлье въ стирку принимается только въ Іокагамѣ, гдѣ пароходъ стоитъ двое сутокъ,—вопросъ очень важный, если принять во вниманіе, что каждый день надо надѣвать къ обѣду смокингъ.

— Это значитъ, что надо, чтобъ быть совершенно корректнымъ,—воскликнулъ я въ ужасѣ,—имѣть запасъ бѣлья въ 24 рубахи и это въ путешествіи, гдѣ стараешься брать какъ можно меньше багажа.

— Да что-нибудь въ этомъ родѣ придется вамъ сдѣлать,—сказалъ В. И. мнѣ въ утѣшеніе,—англичане... они по три раза въ день костюмы мѣняютъ.

— Да наплевать на нихъ,—сказалъ Иванъ Тихоновичъ,—я всегда въ сюртукѣ и смокинга у меня и въ заводѣ нѣтъ.

— А курить, дѣйствительно, нельзя въ каютахъ?—спросилъ я его.

— На счетъ этого строго.

— Ну, курю я, что они со мной сдѣлаютъ?

— Оштрафуютъ,—до ста долларовъ штрафъ. Мѣра предосторожности. противъ пожара... Горятъ и отъ папироски, а одна возможность этого въ открытомъ морѣ, гдѣ мѣсяцами и парохода встрѣчнаго не увидишь..

— Ну, Богъ съ ними, не будемъ курить въ каютахъ.

Такъ какъ съ В. И. намъ еще недѣлю ѣхать, а съ И. Т. два дня, то я и присталъ къ нему вплотную, какъ къ аборигену здѣшнихъ мѣстъ.

До обѣда онъ уже сообщилъ мнѣ все о своихъ дѣлахъ.

Въ Нагасакахъ онъ два съ половиной года торгуетъ и до сихъ поръ дѣла его шли хорошо. Онъ продаетъ русскій табакъ, русскія вина, водки, ликеры, русскіе сахаръ и конфекты.

Сахаръ мѣстный 14 копѣекъ за фунтъ, русскій, пиленый, И. Т. продаетъ 18 копѣекъ за фунтъ, головой—по 15 к., а оптомъ даже по 4 р. 50 к. пудъ. Качество русскаго сахара гораздо выше мѣстнаго. Мѣстный желтоватый, скорѣе въ комьяхъ песокъ, легко разсыпающійся, съ какимъ-то запахомъ.

Лучше всего идетъ торговля русскими конфектами. И на нихъ, и на водку, и на одесскіе консервы, и на сахаръ спросъ энергично растетъ. Кліенты: англичане, японцы, китайцы.

И. Т. взялся и за мануфактуру: фирма Коншина выслала уже ему свои товары, а японцы черезъ него въ этомъ году выписали русской мануфактуры на десять тысячъ рублей.

И. Т. считаетъ, что это дѣло могло бы пойти здѣсь, на востокѣ. Мечта его—распространить свою торговлю и въ Манчжурію, и въ Корею. Но собственно въ Японіи придется бросить дѣло, такъ какъ съ новаго года всѣ русскіе товары будутъ обложены пошлиной въ 40%. Это только русскіе; французскія, напримѣръ, вина будутъ обложены только 10% пошлиной. И. Т. и ѣздилъ въ Шанхай съ цѣлью отыскать себѣ новое мѣсто. Лично онъ пришелъ къ заключенію, что въ Шанхаѣ дѣло должно пойти, но нашъ консулъ предсказываетъ ему неудачу.

— Я обращусь къ англійскому консулу.

Время покажетъ, конечно, кто изъ нихъ правъ.

И. Т. огорченно говоритъ:

— Неужели мы, русскіе, только и годимся здѣсь, чтобъ жить на готовыя деньги или быть городовыми чужихъ богатствъ?

В. И. пришелъ изъ каюты уже переодѣтый къ обѣду.

Время и мнѣ переодѣваться: половина седьмого и уже несутся мѣрные, заунывные удары металлическаго гонга.

Ровно въ семь китаенокъ вторично быстро проходитъ съ гонгомъ по корридору и звуки, дрожа и замирая, мѣрно расходятся во всѣ углы парохода.

Пассажировъ немного: всего два стола ярко освѣщены и покрыты приборами.

Распорядитель—Стюартъ—встрѣчаетъ всѣхъ у дверей, справляется, какой вашъ номеръ и указываетъ вашъ приборъ. На половинѣ пути, таковъ обычай,—мѣста опять измѣнятся.

Мое мѣсто къ наружной стѣнѣ спиной. Противъ меня В. И. (по обоюдной нашей просьбѣ), сбоку, съ одной стороны молодой англичанинъ, съ которымъ я ѣхалъ до Шанхая, а съ другой—почтенный американецъ, сенаторъ и ученый астрономъ.

Въ то время, какъ за вторымъ столомъ нѣсколько дамъ, за нашимъ всего одна. Спутникъ ея пожилой, безукоризненный англичанинъ. Дама молода, красива и стройна, одѣта элегантно, съ богатыми, съ красноватымъ отливомъ каштановыми волосами.

В. И. выясняетъ мнѣ тутъ же по-русски этотъ маленькій диплома-

тическій пріемъ, къ которому прибѣгла въ данномъ случаѣ администрація парохода. Дѣло въ томъ, что дама не была обвѣнчанной женой и чтобы остальныя обвѣнчанныя и потому очень щепетильныя англійскія дамы не протестовали, ее посадили за тотъ столъ, гдѣ, кромѣ нея, дамъ не было.

В. И. кончаетъ:

— Во всякомъ случаѣ, мы не въ убыткѣ, потому что наша дама одна стоитъ больше, чѣмъ всѣ тѣ вмѣстѣ взятыя.

Мистеръ Фрезоръ тоже за нашимъ столомъ vis-à-vis съ дамой. Онъ весело киваетъ мнѣ головой, молодой англичанинъ, мой сосѣдъ, шумно высказываетъ радость, замѣчая мои успѣхи въ англійскомъ языкѣ, В. И. уже ведетъ оживленный разговоръ съ американскимъ сенаторомъ. Онъ единственный, который не признаетъ никакихъ этикетовъ: онъ сидитъ въ грязномъ потертомъ сюртукѣ, въ мягкой рубахѣ безъ галстуха.

Капитанъ парохода, толстый, свѣжій капитанъ, въ курткѣ и въ кепи, которое теперь лежитъ на диванѣ, осматриваетъ все общество и, встрѣчаясь глазами, киваетъ каждому головой и говоритъ:

— Good evening! (Добрый вечеръ!).

За нашимъ столомъ сидитъ его помощникъ, лѣтъ 35-ти блондинъ, умытый и приглаженный. Онъ тоже киваетъ головой и мы обоюдно говоримъ тоже привѣтствіе.

Мы приступаемъ къ ѣдѣ.

У каждаго свой лакей-китаецъ, который и подаетъ вамъ меню.

Пока я не навострился, меню подавалось мнѣ въ каюту, и съ словаремъ въ рукахъ, я предварительно изучалъ его.

За другимъ столомъ сидятъ молодой метиссъ съ женой, оба тихіе, симпатичные. Молодой пасторъ съ женой и съ ихъ маленькой дочерью: они нѣсколько лѣтъ жили въ Китаѣ и теперь ѣдутъ за сборомъ пожертвованій, такъ какъ въ томъ районѣ, гдѣ они живутъ, свирѣпствуетъ страшный голодъ. Еще двѣ дамы съ мужьями за тѣмъ же столомъ: одна пара грубая, мало симпатичная, хозяева большого галантерейнаго магазина въ Санъ-Франциско, другая пара—жители Нью-Іорка, богатые коммерсанты, — она въ бальзаковскомъ возрастѣ, сохранившаяся, но съ налетомъ задумчивости осени на лицѣ, хотя и прекрасной, ясной, тихой осени.

Затѣмъ нѣсколько джентльменовъ англійскихъ, въ высокихъ воротникахъ, гладко причесанныхъ, нѣмецкихъ и японскихъ.

Японцы всѣ въ европейскихъ костюмахъ, всѣ маленькіе, худые, съ туго обтягивающей ихъ лицо темной кожей. Этой кожи поскупилась отпустить имъ природа и ихъ зубы торчатъ изъ точно приподнятыхъ страдальчески губъ. Растительности на лицѣ никакой, на головѣ много, но волосы жестки, какъ хвостъ лошади. Изъ маленькихъ щелокъ смотрятъ на васъ увѣренно и спокойно глаза.

За третьимъ отдѣльнымъ столомъ сидятъ три китайца и съ ними

два мальчика,—одинъ въ китайскомъ платьѣ, другой—въ европейскомъ. Это родные братья и полный, симпатичный китаецъ, ихъ отецъ, въ національномъ костюмѣ, добродушно смотритъ на своихъ дѣтей. У мальчика, одѣтаго по-европейски, такая же, впрочемъ, коса, какъ и у остальныхъ китайцевъ.

Китайцы сидятъ за отдѣльнымъ столомъ по установившемуся здѣсь, на востокѣ, отвратительному обычаю.

— Почему же отвратительный?—переспрашиваетъ меня В. И.—У нихъ свои обычаи, отъ которыхъ они не желаютъ отказываться; у нихъ свой запахъ, они не чистоплотны. Они не аппетитно ѣдятъ, нечистоплотны или такъ ужъ просто пахнетъ отъ нихъ—вполнѣ законно и намъ сторониться ихъ. Японцы надѣли европейское платье и сидятъ съ нами. И за что я обреченъ смотрѣть, какъ онъ, китаецъ, будетъ выплевывать изъ своего рта пищу, класть назадъ ее на тарелку, опять въ ротъ... И на сушѣ стошнитъ, а здѣсь въ морѣ отъ одной мысли брр... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними, пусть обѣдаютъ отдѣльно.

Китайцы ѣдутъ въ Санъ-Франциско и съ ними ихъ семьи.

Съ двумя китаянками я каждый день дружелюбно раскланиваюсь,—мать и дочь,—мы стоимъ иногда нѣсколько мгновеній, каждый желая что-нибудь сказать, но между нами барьеръ—наши языки и, кивнувъ другъ другу еще разъ головой, мы расходимся.

10-го ноября.

Сегодня качка и уже нѣтъ впечатлѣнія, что нашъ «Gaelig» гигантъ, котораго не укачаетъ никакая волна. Иногда насъ швыряетъ прямо, какъ негодную скорлупу, и тогда пароходъ напъ стонетъ и скрипитъ такъ, что кажется вотъ-вотъ онъ разсыпется.

Изъ разорванныхъ облаковъ выглянуло солнце и холодно смотрится въ желтую мутную воду. Вода вся въ судорогѣ отъ порывовъ вѣтра и мечется и бьетъ въ нашъ корабль. И каждый разъ послѣ такого удара несутся раскаты будто выстрѣлившей пушки и фонтаны воды заливаютъ иллюминаторы.

Я беру книги—русскія, англійскія, французскія—и отправляюсь въ библіотеку.

Тамъ много столиковъ съ чернилами, перьями, бумагой, на которой изображенъ нашъ «Gaelig» и трехцвѣтное знамя. Въ библіотекѣ уже сидитъ пасторъ съ худымъ измученнымъ молодымъ лицомъ и дѣлаетъ какія-то выписки изъ толстой англійской книги, испещренной цифрами; на диванѣ полулежитъ какой-то молодой англичанинъ, очевидно, франтъ въ клѣтчатомъ костюмѣ, брошкой въ галстукѣ, съ длиннымъ лицомъ, большими зубами, на гладко причесанной головѣ маленькая шелковая шапочка, штаны, конечно, подкатаны.

Я погружаюсь въ работу. Проходитъ часъ, кто-то что-то крикнулъ и всѣ изъ библіотеки спѣшатъ внизъ. Я спѣшу за всѣми и всѣ мы

останавливаемся на площадкѣ передъ столовой, разсматривая только что вывѣшенную карту. На ней уже обозначено: сколько миль мы сдѣлали до двѣнадцати часовъ сегодняшняго дня, какова была погода. Сила вѣтра обозначена десятью баллами, — слѣдовательно, близко къ шторму. Часы уже переведены и мы всѣ переводимъ свои, каждый день, приблизительно, на полчаса впередъ.

Выхожу на палубу. Мистеръ Фрезоръ дѣлаетъ свою обычную прогулку передъ завтракомъ. Съ нимъ какой-то господинъ, лѣтъ 55, съ загорѣлымъ мужественнымъ лицомъ, въ пляпѣ съ широкими полями. Тонкій и худой, мистеръ Фрезоръ внимательно слушаетъ его, а потомъ дѣлится со мной услышаннымъ:

— Это знаменитый король одной изъ группъ Гавайскихъ острововъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ поселился на этихъ островахъ, выбросилъ англійскій флагъ и съ тѣхъ поръ живетъ тамъ,—у него теперь нѣсколько взрослыхъ дѣтей и тысячу человѣкъ подданныхъ малайцевъ. Въ первый разъ онъ ѣдетъ теперь въ Англію.

— Онъ англичанинъ?

— Да. Онъ извѣстенъ своею дѣятельностью, его колонія въ цвѣтущемъ состояніи, прекрасныя школы, кофейныя плантаціи, заведены сношенія съ остальнымъ міромъ, пароходы останавливаются въ его бухтѣ. Я познакомлю васъ съ нимъ, но, къ сожалѣнію, онъ ни на какомъ другомъ, кромѣ англійскаго языка, не говоритъ.

Я знакомлюсь съ королемъ и мы ограничиваемся нѣсколькими самыми обиходными фразами. Онъ мнѣ говоритъ, что одинъ изъ его сыновей тоже инженеръ и что они теперь строятъ у себя маленькую дорожку. Мистеръ Фрезоръ переводитъ мнѣ, что король случайно попалъ на эти острова: буря разбила корабль, на которомъ онъ плылъ, а его выбросило на одинъ изъ береговъ тѣхъ острововъ, гдѣ онъ теперь король. Я прошу передать королю, что очень счастливъ увидѣть современнаго Робинзона Крузо и въ тысячный разъ убѣдиться, что по самодѣятельности и энергіи англичане первая нація въ мірѣ. Мистеръ Фрезоръ переводитъ мои слова и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ:

— Я прибавилъ къ вашимъ своимъ, что и мы, американцы, того же мнѣнія.

На лицѣ короля спокойное удовлетвореніе человѣка, создавшаго людямъ своего острова иную жизнь: таково должно быть лицо Фауста, когда въ предвкушеніи созданной имъ жизни онъ говоритъ: «Мгновеніе, ты прекрасно, остановись».

Десять часовъ вечера: я уже лежу, съ удовольствіемъ потягиваясь, въ постели. Тамъ за тонкой стальной перегородкой бушуетъ море, неистово стучится въ борта нашего корабля, а въ каютѣ тепло и мягко разливается матовый электрическій свѣтъ Тамъ гдѣ-то далеко, далеко, за этимъ буйнымъ моремъ и родина, и дорогіе сердцу люди, но пока я отрѣшенъ отъ всего этого, и думай, не думай, а придется еще

полтора мѣсяца такъ качаться. И хорошо еще, что хоть не укачиваетъ. Но сонъ плохой: кренитъ такъ, что, того и гляди, свалишься съ койки,—падаютъ книги, ѣздятъ чемоданы по полу. Иногда раздастся особенно оглушительный ударъ, не столкновеніе ли? Или что-нибудь лопнуло: валъ, руль, винтъ, переборка? И я прислушиваюсь: не одѣваться ли и бѣжать наверхъ? Но если крушеніе это, зачѣмъ же одѣваться, зачѣмъ бѣжать наверхъ? ворвется и сюда грозное море. И опять ничтожной скорлупой кажется мнѣ нашъ гигантъ «Gaelig».

11-го ноября.

А сегодня мы уже входимъ въ Нагасакскую бухту, — море синее, спокойное, солнце привѣтливо заливаетъ насъ своими лучами, вѣтерокъ лѣниво треплетъ лицо и полетитъ туда, гдѣ спятъ въ солнечномъ блескѣ высокіе берега, то голые и сѣрые, то покрытые зеленой растительностью.

Вотъ Папенбергъ — скала у входа въ бухту, съ которой японцы сорокъ лѣтъ назадъ, столкнули въ море десять тысячъ европейцевъ и своихъ крещенныхъ японцевъ: многіе изъ очевидцевъ еще живы и теперь въ той толпѣ японцевъ, которая стоитъ на берегу и смотритъ на насъ. И здѣсь внизу, у бухты, и тамъ выше въ зеленой горѣ и на самомъ верху, гдѣ храмъ какой-то, домики, хорошенькіе, какъ игрушка, съ большими навѣсами японскіе домики, — это Нагасаки.

Тепло и тихо и по изумрудной поверхности бухты уже плывутъ къ намъ, съ навѣсомъ отъ дождя, лодки, гребутъ въ нихъ японцы, часто голые, то стриженные, то въ затѣйливой національной прическѣ. Подъѣхавъ голые, набрасываютъ торопливо халаты и, размахивая энергично руками, зазываютъ пассажировъ.

Вотъ мы уже и на берегу и я жадно вдыхаю въ себя мягкій теплый воздухъ, любуясь этой нѣгой, спящей въ золотыхъ лучахъ осени, южной земли. Кажется, уже видѣлъ все это когда-то: эти горы, этотъ городъ въ нихъ, этотъ ясный солнечный день и въ немъ зелень осени, то желтый, то красный листъ, свѣтящіеся въ блескѣ лучей, какъ прозрачные. Слѣды жаркаго лѣта кругомъ на всемъ этомъ, сухомъ и пыльномъ; видѣлъ и эту толпу—въ японскихъ халатахъ, въ европейскихъ костюмахъ и смѣшанныхъ, одни остриженные, другіе въ прическахъ, тѣ съ непокрытой головой, эти въ шляпахъ котелкомъ, но въ халатѣ, изъ подъ котораго выглядываетъ голое тѣло. У одного на ногахъ родъ сандалій, или деревянныя подставки, которыя громко стучатъ о плиты мостовой, другой въ ботинкахъ. Видѣлъ и эти женскія фигурки съ прической, въ халатахъ, опоясанныхъ широкимъ поясомъ съ громаднымъ бантомъ сзади, ихъ смуглыя лица съ прорѣзанными глазами смотрятъ привѣтливо, но какъ-то ничего не выражаютъ. Мы поднимаемся въ верхнюю часть города, доходимъ до самаго верха, широкая, въ нѣсколько этажей лѣстница предъ нами, тамъ наверху храмъ,— видѣлъ и это. Но, кажется, тогда была ночь и въ голубой ночи ярко

*

горѣли огни фонариковъ всѣхъ этихъ, какъ портики, домовъ игрушечнаго города, огни отражались въ бухтѣ и дрожали тамъ, когда проплывала, бороздя поверхность воды, лодка... Пьеръ Лоти! Хризантема! Этотъ почтенный маленькій старый японецъ въ своемъ халатѣ и прическѣ, который присѣдаетъ, кланяется и скалитъ зубы, вѣдь, это почтенный родитель Хризантемы, а вотъ и сама она подаетъ намъ кофе въ этомъ самомъ храмѣ наверху горы. И я долго не могу отдѣлаться отъ навязаннаго мнѣ Лоти впечатлѣнія и все кажется мнѣ, что это такъ, не люди, а фигурки,—фигурки, снятыя на время съ полокъ художественныхъ магазиновъ, гдѣ стояли онѣ, выточенныя изъ желтой слоновой кости—фигурки людей, ихъ домиковъ, отблескъ той конфектной природы съ розоватымъ отливомъ, которой такъ много въ прекрасныхъ альбомахъ цвѣтной японской фотографіи.

Но, читая Лоти, можно было развѣ угадать, что такъ скоро случилось въ жизни японскаго народа—войну Японіи съ Китаемъ, выдвинувшую Японію сразу въ рядъ культурныхъ націй? Войну, которая показала всѣмъ, что такое Японія и въ смыслѣ техники, и въ смыслѣ политическаго развитія формъ ихъ жизни.

Читая Лоти, можно было развѣ предполагать ту нечеловѣческую энергію, съ какою нація въ ничтожный промежутокъ тридцати лѣтъ догнала и перегнала многія культурныя націи, культивирующіяся столѣтіями?

И когда писалъ уже Пьеръ Лоти свою Хризантему весь этотъ процессъ небывалаго въ міровой исторіи прогресса уже былъ въ полномъ разгарѣ...

И ничего этого не замѣтилъ или вѣрнѣе не далъ замѣтить и почувствовать французскій «безсмертный». И почувствовалъ это нашъ Гончаровъ въ то время еще, когда японцы напрягали всю свою энергію, чтобы сбросить съ скалы Папенбергъ не десять тысячъ, а если бы могли, то и всѣхъ европейцевъ.

Какъ бы то ни было, я стараюсь отдѣлаться отъ невольныхъ предвзятыхъ впечатлѣній и ищу непосредственныхъ.

Вотъ японская улица и сильно бросается въ глаза подвижность и стремительность въ движеніяхъ японской толпы. Въ то время, какъ фигуры корейца и китайца рисуются въ воображеніи въ состояніи покоя, японецъ вѣчно напряженно подвиженъ, идетъ ли онъ, онъ идетъ какъ-то судорожно спѣша, васъ ли везетъ въ своей ручной колясочкѣ, онъ напрягается изо всѣхъ силъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить васъ къ мѣсту назначенія. Даже въ массѣ своей японская толпа сохраняетъ свои индивидуальныя особенности: она напоминаетъ синематографъ съ его нервными дрожащими фигурами или же толпу, вырвавшуюся изъ сумасшедшаго дома и по дорогѣ кое-кого ограбившую. Вотъ слѣды грабежа: одинъ захватилъ шляпу, другой стянулъ пиджакъ, остальное его не стѣсняетъ, какъ и никто не стѣсняется своими

странными костюмами: одѣтъ, полу-одѣтъ, совсѣмъ голый съ накинутымъ халатомъ — не все ли равно? Точно это — или помѣшанные, или люди, поглощенные чѣмъ-то такимъ большимъ, при чемъ вопросъ о костюмѣ такая мелочь, о которой и говорить не стоитъ. Всмотритесь въ эти сухія, взвинченныя, напряженныя лица. Какъ все это безконечно далеко отъ покоя всего того востока, который остался позади. Хочется спросить, какая муха ихъ кусаетъ?

Это напоминаетъ періодъ нашихъ шестидесятыхъ годовъ, тоже большого подъема и прогресса. Но у насъ дѣйствовала только часть общества, самая интеллигентная, самая незначительная, а здѣсь, въ этой японской массѣ, это—всѣ, весь народъ, въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ торопится сбросить съ себя всю ту рутину, которая сковывала ихъ до сихъ поръ.

Какъ-то коснулись похоронъ и японецъ проводникъ говоритъ мнѣ:

— Японцы теперь сжигаютъ умершихъ.

— Давно введено сжиганіе труповъ?

— Не больше пяти лѣтъ.

— И такъ сразу всѣ стали сжигать?

— Всѣ. Развѣ, у кого нѣтъ тридцати долларовъ, ну такъ за тѣхъ полиція сожжетъ.

Что до меня, я былъ пораженъ этимъ новымъ яркимъ доказательствомъ нешаблонности японцевъ, отсутствіемъ у нихъ всякой привычки къ рутинѣ. У насъ, въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря болотистой почвѣ, этотъ вопросъ назрѣлъ гораздо больше, чѣмъ въ Японіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ раздался было въ печати голосъ о сожиганіи труповъ но такъ и замеръ. И пройдетъ, конечно, еще не одинъ десятокъ лѣтъ, когда наши даже интеллигентные люди буду завѣщать своимъ потомкамъ сжигать свои трупы. А здѣсь пять лѣтъ, и вся нація, какъ одинъ человѣкъ, прониклась уже сознаніемъ пользы.

Мы въ магазинѣ художественныхъ вещей: прекрасныя художественныя вещи: черепаховыя, слоновыя, клуазоне. Хотя бы этотъ изъ слоновой кости старикъ, на колѣняхъ у него книга, сбоку тянется къ нему и протягиваетъ ручку такой же лысый, какъ и старикъ, ребенокъ. Старикъ оторвался отъ своей книги и поверхъ ея, поверхъ очковъ, смотритъ на ребенка. Сколько мысли, силы и чувства въ прекрасномъ выполненіи фигурокъ.

— Нѣтъ, вы вотъ обратите вниманіе на эти двѣ вазы клуазоне.

Предъ нами двѣ вазы почти въ ростъ человѣка, металическія, эмальированныя, съ блестящею узорною поверхностью. Это не эмаль, а особая работа по проволокѣ! Надо быть очень большимъ знатокомъ впрочемъ, чтобы понять, въ чемъ тутъ дѣло.

— Эти вазы мнѣ самому стоятъ 900 рублей, но теперь ихъ и за двѣ тысячи нельзя достать, теперь нельзя такъ работать; это можно было, когда японецъ жилъ голый и ѣлъ свои рякушки, и ему ничего

не надо было, и никто ему не давалъ ничего, тогда ему и копѣйка заработка въ день и то была находка, а теперь у него и заработокъ другой, и потребности другія. Оттого такъ и падаетъ качество выдѣлываемыхъ японскихъ вещей: дешевизна осталась, а добросовѣстность въ работѣ пропала.

— Вотъ,—говорю я,—часто слышу отъ здѣшнихъ противниковъ японской націи, что у японцевъ нѣтъ творческой силы, что способны они только, какъ обезьяны, воспринимать, а между тѣмъ, вотъ вашъ магазинъ весь наполненъ самостоятельнымъ и прекраснымъ японскимъ творчествомъ.

— Но что вы хотите,—говоритъ хозяинъ,—говорятъ изъ зависти, говорятъ объ ученикѣ, который вчера только началъ учиться. Тридцать лѣтъ, что̀ такое въ жизни народа? Нѣтъ, я другого боюсь для Японіи: большіе разбойники уже подѣлили міръ между собою и, какъ ни вооружаются теперь японцы, этимъ воспользуется только Англія. Они легкомысленно готовы брать деньги у англичанъ безъ конца,—на флотъ, великолѣпную технику, электричество, — японцы, когда берутъ деньги, не думаютъ долго, а когда завязнутъ по шею въ долгахъ у англичанъ, ихъ судьба будетъ не лучше Египта.

На пароходѣ застали мы нѣсколько новыхъ пассажировъ. Одинъ изъ нихъ русскій, повѣренный какого-то большого торговаго дома.

Фамилія эго человѣка Б. Несмотря на свою молодость, онъ уже имѣетъ маленькую лысину и носитъ очки. Наружность его не похожа на русскаго. Лицо худое съ тонкими чертами, съ бородкой à la Henri IV, съ манерами, увѣренными въ себѣ. Онъ умѣетъ сбрасывать съ себя дѣловую внѣшность и тогда хочетъ казаться человѣкомъ, которому море по колѣно, разбитнымъ, веселымъ и даже гулякой.

Первое впечатлѣніе получилось даже пошлое. Услыхавъ нашъ русскій говоръ, онъ крикнулъ:

— А, русскіе!

Подошелъ къ намъ, представился и поздоровался.

— Какая досада, что такъ мало удалось пожить въ Нагасакахъ, но все-таки успѣлъ свести знакомство съ одной японкой, мужъ которой уѣхалъ куда-то по дѣламъ. Вы замѣтили, у японокъ у всѣхъ холодное тѣло, а эта и на японку совсѣмъ не похожа. Прелесть...

Онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ и опять продолжалъ уже на новую тему.

— Вы знаете, отчего японцы такъ худы и такіе нервные? Они страшно любятъ горячія ванны,—каждый день часами просиживаютъ въ нихъ, тамъ и кофе пьютъ, и газеты читаютъ и гостей принимаютъ.

Вспомнивъ новое, онъ вскрикиваетъ:

— А какъ японцы ненавидятъ насъ, русскихъ!

Онъ свиснулъ, присѣлъ и выкатилъ свои каріе красивые, молодые глаза.

Мы разсмѣялись, а онъ продолжалъ:

— А въ чайныхъ домахъ вы были? Нѣтъ?! И джонкина не видали?! О! Это танецъ,—его танцуютъ молодыя японки; начинается съ того, что всѣ должны дѣлать такія же движенія, какія дѣлаетъ первая; кто сдѣлалъ не такъ,—штрафъ: сбросить ленточку, бантикъ, дальше и дальше, пока не сброситъ съ себя все... И всѣ такъ... Музыка быстрѣе, быстрѣе: джон-кина! джон-кина!

И молодой коммерческій человѣкъ въ англійскомъ клѣтчатомъ костюмѣ, въ шелковой на затылокъ сдвинутой шапочкѣ энергично пляшетъ на палубѣ танецъ джон-кина. Изъ-за угла въ это время неожиданно показывается обѣдающая за нашимъ столомъ дама. Тогда онъ бросается во всѣхъ ногъ въ курительную, а когда дама проходитъ, возвращается и говоритъ радостно, возбужденно:

— Послушайте, что это за дама? Неужели пассажирка нашего парохода? О! чортъ возьми...

И онъ крутитъ свои усики.

— У нея мужъ есть,—говорю я.

— Молодой? Старый?

— Немолодой.

— Отобью!

— У него сто милліоновъ,—говоритъ В. И.

— Сто милліоновъ?! Ахъ, чортъ его возьми! Это нехорошо, потому что у меня...

Онъ вынимаетъ изъ кармана золото и говоритъ:

— Долларовъ двѣсти наберется. При готовомъ билетѣ доѣду до Санъ-Франциско?

— Какъ поѣдете,—отвѣчаетъ В. И.

— Господа, удерживайте пожалуйста меня, мое положеніе вѣдь совсѣмъ особенное, я вѣдь женихъ, черезъ мѣсяцъ свадьба, понимаете.

Но черезъ полчаса онъ уже условливается съ В. И. побывать съ нимъ во всѣхъ интересныхъ мѣстахъ въ Іокагамѣ.

— А невѣста?—спрашиваю я.

— Причемъ тутъ невѣста,—говоритъ В. И., и двумя руками энергично вытягиваетъ свои мягкіе красивые усы.—Здѣсь на востокѣ лучше не употреблять этихъ словъ: невѣста, жена, если для кого-нибудь они еще сохраняютъ какой-нибудь ароматъ; здѣсь все это такъ просто... И кто жилъ на востокѣ, тотъ навсегда потерялъ вкусъ ко всему этому. Здѣсь женщина потеряла всякую цѣну и интересъ,—недѣля, двѣ и прочь.

И обращаясь къ Б., онъ съ покровительствомъ Мефистофеля говоритъ:

— Пойдемъ, пойдемъ, молодой человѣкъ, все покажу.

— Пойдемъ, конечно,—задорно отвѣчаетъ Б.,—о чемъ еще тамъ думать?.. А вотъ что, господа, какъ здѣсь обѣдаютъ: во фракахъ или смокингахъ?

Вечеръ охватилъ бухту и берега, и, кажется, выше поднялись горы и горятъ гдѣ-то тамъ въ недосягаемой высотѣ крупныя яркія звѣзды, горятъ огни города; множество ихъ яркихъ, разноцвѣтныхъ, освѣщающихъ игрушечные домики и отъ свѣта ихъ темнѣе кажется вода бухты. Кажется, что провалился пароходъ нашъ и только видны тамъ высоко, высоко края темно-синей бездны. Ночь теплая, мягкая, какъ гдѣ-нибудь въ Италіи, но тѣхъ пѣсенъ нѣтъ здѣсь: никакихъ пѣсенъ.

12—14 ноября.

Сегодня мы плывемъ въ Японскомъ Архипелагѣ. Немного напоминаетъ ѣзду по Адріатическому морю,—такое же воздушно-синее море, такіе же скалистые сѣрые острова, также спятъ они въ прозрачномъ золотистомъ воздухѣ, также нѣжны краски и моря, и неба, и дали. А, можетъ быть, здѣсь еще нѣжнѣе въ какой то точно дѣйствительно розоватой дымкѣ здѣшняго воздуха. Только пароходъ мѣрно шумитъ, все же остальное: и тѣ паруса лодокъ, и тѣ далекія жилища на берегахъ,—все точно сковано дремой и нѣгой прекраснаго дня и, кажется, спишь и самъ видишь во снѣ эту прекрасную идиллію. Синей нѣжной пеленой стелется предъ глазами море, горы Японіи поднялись до неба и застыли тамъ въ неподвижной красѣ. Мягкій теплый вѣтерокъ ласкаетъ лицо, трогаетъ волосы и опять тихо и солнце опять заливаетъ своими горячими лучами палубу.

Б. сегодня плохо настроенъ, жалуется, что нѣтъ интересныхъ дамъ и даже про нашу говоритъ, что въ ней ничего, въ сущности, интереснаго нѣтъ. Можетъ быть, онъ немного сердится на нее, что она не кивнула ему головой за завтракомъ, какъ киваетъ она намъ, всѣмъ остальнымъ, послѣ чего мы приподнимаемся и почтительно кланяемся ей: таковъ обычай и здѣсь, и въ Америкѣ и только послѣ такого кивка дамы, мужчина имѣетъ право снять свою шляпу и поклониться ей.

В. И. утѣшаетъ Б.

— Ну, ничего, завтра она вамъ тоже поклонится.

Но Б. обиженъ въ конецъ.

14—18-го ноября.

Сегодня утромъ мы проснулись въ Іокагамѣ. Большая бухта съ не запертымъ горами горизонтомъ. Горы тамъ гдѣ-то далеко и выше ихъ всѣхъ вулканъ Фузи-яма, рельефный и неподвижный въ своемъ бѣломъ одѣяніи на фонѣ голубаго неба.

Городъ весь въ долинѣ и передовыя зданія закрываютъ остальныя.

Уже толпятся лодки, катера вокругъ нашего парохода. Мы переѣзжаемъ на эти три дня въ городъ.

Такъ какъ въ Іокагамѣ таможня, то, приставъ къ берегу, ведутъ и насъ и несутъ наши чемоданы въ красивое остроконечное зданіе таможни.

Очень вѣжливо, конфузясь, маленькій ростомъ японецъ, въ евро-

пейскомъ платьѣ задаетъ намъ нѣсколько вопросовъ и, не осматривая чемодановъ, пропускаетъ насъ. Довольны мы, довольны наши дженерики, доволенъ и самъ японецъ-чиновникъ.

Мы ѣдемъ по красивой набережной, встрѣчая много экипажей въ такихъ же, какъ въ Шанхаѣ, запряжкахъ, только, вмѣсто китайцевъ, кучера здѣсь японцы. А вотъ и наша гостинница—свѣтло-сѣрое двухъ-этажное легкое зданіе съ зелеными жалюзи.

Японская прислуга дѣловито, привѣтливо и быстро беретъ наши вещи, на ходу сообщаетъ цѣны номеровъ и вотъ мы во второмъ этажѣ, въ красивой комфортабельной компатѣ, съ каминомъ, по два доллара въ сутки.

Б., уже опять раздумавшій слѣдовать за В. И. въ его похожденіяхъ, поселяется въ моемъ номерѣ, а В. И. устраивается совершенно отдѣльно отъ насъ.

18-го ноября.

По новому стилю, декабрь самое бурное время въ Тихомъ океанѣ, но пока въ большой Іокагамской бухтѣ, защищенной къ тому же и брекваторомъ, тихо и спокойно. Нашъ громадный пароходъ неподвижно высилъ въ небо свои мачты и трубы. Также неподвижно стоитъ множество другихъ пароходовъ, наполняющихъ бухту. Тутъ англійскіе, американскіе пароходы, а больше японскіе—военные и торговые. Нарушаютъ покой бухты только лодки, да катера, безпрерывно снующіе отъ пароходовъ къ пристани.

Ясное утро отражается въ голубой глади залива, отражается въ ней городъ, горы, все еще зеленыя, несмотря на декабрь; только тамъ, дальше, на самомъ горизонтѣ въ опаловомъ туманѣ нѣжно вырисовывается гигантскій усѣченный конусъ вулкана, весь покрытый молочнымъ снѣгомъ.

Быстро промчались три дня, проведенныхъ въ Іокагамѣ и Токіо и опять сижу на палубѣ, разбираясь въ сложныхъ впечатлѣніяхъ.

Я видѣлъ Японію, страну кризантемъ, страну черепаховыхъ издѣлій, статуэтокъ изъ слоновой кости, вазъ клуазонне, цвѣтныхъ фотографій, страну игрушечныхъ деревянныхъ домиковъ.

Я ѣздилъ по ихъ желѣзной дорогѣ, такой же игрушечной (узкоколейной, дешевой), съ которой, однако, они дѣлаютъ прекрасныя дѣла.

Изъ окна вагона я видѣлъ ихъ поля съ игрушечными участками, съ поразительной обработкой этихъ участковъ. Ни одной четверти земли, за исключеніемъ откосовъ скалъ, не осталось невоздѣланной. И на всемъ протяженіи, куда ни кинешь взглядъ, вездѣ изъ-за густой зелени апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, изъ-за пальмъ кокетливо выглядываютъ маленькіе двухъ-этажные съ крышами причудливой китайской архитектуры домики. Хотя вблизи иллюзія пропадаетъ: вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній, домики выстроены очень легко, чуть не изъ апельсинныхъ ящиковъ, но издали это красиво.

И надо отдать справедливость японцамъ, они, не хуже французовъ, умѣютъ бить на эффектъ. Посмотрите на ихъ раскрашенныя фотографіи, которыя снимаютъ они въ моментъ цвѣтенія персиковаго дерева, самый воздухъ кажется розовымъ. Или всѣ эти красивыя, эффектныя бездѣлушки: разные вѣера, черепаховыя и слоновыя вещи, шелковыя матеріи и шитье по шелку. Электрическое освѣщеніе, прекрасно шоссированныя дороги, прекрасный коммерческій и военный портъ, множество фабричныхъ трубъ, торчащихъ на горизонтѣ.

Въ сравненіи съ безнадежно замотаннымъ опекой своего правительства, всей своей старины корейцемъ; въ сравненіи съ хотя и жизнеспособнымъ, но пока въ такихъ же тискахъ китайцемъ, японецъ—вырвавшаяся на свободу сила, поражающая васъ своей стремительностью, энергіей, размахомъ.

Но въ то же время въ немъ что-то, если не отталкивающее, то во всякомъ случаѣ съ чѣмъ надо свыкнуться, сжиться. Худая, изможденная, темно-желтая фигурка, открытый ротъ, торчащіе зубы, кожа лица, какъ будто ее стягиваютъ на затылокъ, отчего выше поднимаются углы глазъ и сильнѣе торчатъ скулы плоскаго лица,—все вмѣстѣ дѣлающее это лицо поразительно похожимъ на великолѣпный экземпляръ орангутанга, который я видѣлъ въ зоологическомъ саду въ Токіо: такой же маленькій лобъ, весь въ складкахъ, и движущаяся, изъ жесткихъ густыхъ волосъ, растительность на головѣ.

Въ сравненіи съ иконописной смуглой фигурой корейца, въ сравненіи съ богатыми и разнообразными красивыми типами китайцевъ, японецъ жалкій поскребокъ, выродокъ по тѣлу между своими братьями что-то въ то же время холодное, если не злобное въ этомъ некрасивомъ лицѣ. Что-то таинственное и даже страшное. Хочешь вѣрить, когда говорятъ:

— Бойтесь японца, не вѣрьте его низкимъ поклонамъ, улыбкѣ, сюсюканью съ захватываньемъ воздуха, съ потираньемъ рукъ; такъ же улыбаясь, онъ всадитъ вамъ кинжалъ и будетъ сюсюкать и улыбаться.

Я закрываю глаза и вижу такую же, какъ въ Шанхаѣ, улицу ночи въ Іокагамѣ, такая же голубая, прозрачная отъ свѣта огней ночь. Но тихо, неподвижно, безмолвно все въ Японской улицѣ. По обѣимъ сторонамъ тянутся ряды деревянныхъ клѣтокъ, ярко освѣщенныхъ: въ этихъ клѣткахъ, вдоль столовъ сидятъ безмолвными неподвижными рядами набѣленныя японки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Разница только въ цвѣтахъ—въ этой клѣткѣ цвѣтъ красный, дальше голубой, тамъ черный. Онѣ неподвижны, какъ статуи.

Для кого же выставлены всѣ эти тѣла, въ этихъ нероновскихъ клѣткахъ? Кого ждутъ всѣ онѣ въ этой мертвой тишинѣ пустой улицы?

И съ жуткимъ чувствомъ тоски торопишься пройти эту безконечную, страшную, какъ входъ въ адъ, улицу. Да, это адъ и какой-то холодный мефистофелевскій разсчетъ въ немъ.

Тамъ, въ Шанхаѣ, отвратителенъ его открытый цинизмъ, но въ немъ и безшабашный размахъ, и удаль, и главное, жизнь. Добродушное толстое лицо китайца смотритъ на васъ задорно и безпечно, какъ ребенокъ, который самъ не знаетъ, что творитъ. Здѣсь, въ Іокагамѣ нѣтъ жизни, нѣтъ японскаго лица въ складкахъ, этого стриженаго, гладко обритаго старика-сатира въ этой улицѣ: разставивъ для кого-то сѣти, онъ самъ ушелъ, Мефистофель, одинаково холодный и къ ядовитой приманкѣ, выставленной имъ, и къ жертвамъ ея.

И страшная мысль забирается въ голову: можетъ быть, этотъ орангутангъ-старикъ, который тридцать шесть лѣтъ тому назадъ толкалъ съ своей тарпейской скалы европейцевъ въ воду, а теперь въ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, и въ шляпѣ котелкомъ являющійся во всеоружіи техническаго прогресса, все тотъ же, смѣющійся надъ всѣмъ и вся, какъ тогда, такъ и теперь торговавшій своими женщинами, дикарь-сатиръ.

И невольно я вспоминаю опять всѣ эти неблагопріятные отзывы объ японцахъ: японецъ скрытенъ, холоденъ, фальшивъ, разсчетливъ.

И такъ трудно мнѣ, мелькомъ видѣвшему эту страну, оспорить всѣ эти «говорятъ». Я могъ только почувствовать, но то, что я почувствовалъ, не смотря на эту страшную улицу ночи, — въ нѣсколько иномъ видѣ, но гдѣ ея нѣтъ,—какъ то не мирится съ тѣмъ, что говорятъ.

Вотъ толпа, въ своемъ одѣяніи, дѣйствительно, странная толпа, торопливая, судорожная. Лицо какого-нибудь старика холодное, въ складкахъ, съ непріятнымъ выраженіемъ хорошо запечатлѣвается, но продолжайте всматриваться и рядомъ съ такимъ лицомъ вы увидите удовлетворенное спокойное лицо рабочаго человѣка.

Этотъ дженерикъ, который такъ усердно везъ меня и теперь вытираетъ потъ съ своего лица,—пять, черезъ силу десять лѣтъ и самый сильный изъ людей этого ремесла умираетъ отъ чахотки,—въ лицѣ этого человѣка нѣтъ злобы, кусочками своей жизни онъ заплатилъ за сегодняшій свой тяжелый кусокъ хлѣба, и лицо его дышитъ спокойствіемъ и благородствомъ сознательно обреченнаго.

Вотъ изъ телеграфнаго окошечка смотритъ на васъ маленькая козявка—японскій чиновникъ и педантично считаетъ слова моей телеграммы, внимательно нѣсколько разъ перечитываетъ каждое слово, исправляетъ, записываетъ вашъ адресъ на случай телеграммъ и здѣшній и тотъ, куда вы ѣдете. Я благодарю его, говорю, что въ этомъ нѣтъ надобности, онъ настаиваетъ, говоритъ: на всякій случай. И, благодаря только этому, я успѣваю получить одну запоздавшую, но очень важную для меня телеграмму. Любезность, за которую я даже не успѣлъ поблагодарить разсыльнаго, такъ какъ телеграмму получилъ уже на пароходѣ.

Поступили ли бы такъ же вѣжливо и дѣловито съ вами на нашемъ русскомъ телеграфѣ? Принялъ ли бы русскій телеграфистъ ваши интересы ближе къ сердцу, чѣмъ вы сами?

Я вспоминаю любезную администрацію зоологическаго сада, куда попали мы въ неурочное время и достаточно было заявить, что мы туристы, какъ одинъ изъ распорядителей сада самъ повелъ насъ. И при этомъ туристы—русскіе, туристы той націи, къ которой японцы не могутъ питать добрыхъ чувствъ.

Вотъ еще фактъ. Въ книжномъ японскомъ магазинѣ меня заинтересовали англійскія изданія на оригинальной японской бумагѣ съ прекрасными японскими рисунками. Я пожелалъ узнать стоимость ихъ, гдѣ они издаются, можно ли издавать и русскія произведенія такимъ образомъ. Объясненія мнѣ давала одна изъ кризантемъ,-по внѣшнему, по крайней мѣрѣ, облику своему. На прекрасномъ англійскомъ языкѣ эта маленькая козявка-кризантема въ своемъ національномъ костюмѣ и прическѣ, водя миніатюрнымъ пальчикомъ по книгѣ, давала мнѣ такіе толковые и обстоятельные отвѣты, какихъ въ русскомъ книжномъ магазинѣ я не получилъ бы.

Я слушалъ ее и думалъ: увѣряютъ, что японскія женщины продажны. Но зачѣмъ такой, напримѣръ, дѣвушкѣ торговать своимъ тѣломъ, когда у нея и безъ того есть ремесло, которое кормитъ ее. И, конечно, ея положеніе болѣе гарантируетъ ее отъ торговли тѣломъ, чѣмъ гарантирована любая изъ нашихъ барышенъ изъ тѣхъ, ремесло которыхъ только и заключается въ томъ, чтобы продажей себя путемъ законнаго брака обезпечить за собою и впредь сытое прозябаніе. И неизмѣримо меньше основаній по такому примѣру, какой передо мной въ этой книжной лавкѣ, распространяться о продажности японскихъ женщинъ, чѣмъ утверждать по образцу вышеприведенныхъ русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, что продажны онѣ всѣ на моей родинѣ.

Дѣвушка въ книжной лавкѣ говоритъ, и чѣмъ больше я ее слушаю, чѣмъ больше всматриваюсь въ нее, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на меня ея полная достоинства манера, ея увлеченіе возможностью задуманнаго мною изданія, имевно въ Японіи: говоритъ въ ней только ея патріотическое чувство, и какъ всякое альтруистическое чувство высшее во всякомъ случаѣ, чѣмъ личное, оно еще болѣе облагораживаетъ дѣвушку и далеко не даетъ впечатлѣнія кризантемы.

Я видѣлъ молодыхъ японокъ и въ европейскомъ костюмѣ, скромныхъ, интиллигентныхъ, въ обществѣ такихъ же молодыхъ людей,—такихъ же, какъ наши студенты, студентки.

Я былъ наконецъ на заводахъ и въ мастерскихъ желѣзныхъ дорогъ и уже, какъ спеціалистъ, могъ убѣдиться въ поразительной настойчивости и самобытной талантливости японскихъ техниковъ, мастеровыхъ. Какъ раціонально приспособились они ко всему своему желѣзнодорожному дѣлу, на какую коммерческую ногу поставили его: безъ обиды для всѣхъ нашихъ техниковъ-инженеровъ, съ чистой совѣстью скажу, что, въ сравненіи съ японскими техниками, мы плохо обученные техники и при томъ безъ всякой самобытной инициативы. И не техники

даже, а до сихъ поръ еще все тѣ же трусливые и забитые ученики, которые все свое спасеніе видятъ въ томъ, чтобы ни на шагъ не отступать отъ всякаго хлама рутины, осложняющаго и удорожающаго простое коммерческое дѣло.

Въ этомъ частномъ дѣлѣ особенно виденъ и прогрессъ японцевъ, и геніальная нерутинность ихъ и хотя я завидую имъ отъ всей души въ этомъ, но и признаю ихъ полное превосходство надъ нами, утѣшаясь при этомъ тѣмъ, что хоть этимъ не хочу походить на тѣхъ изъ нашихъ, съ противнымъ апломбомъ невѣжества высокомѣрно третирующихъ тѣхъ, до которыхъ имъ очень далеко.

Мы уже снимаемся съ якоря, лодки, катера и провожающіе уже тамъ внизу, мы, пассажиры, сбившись у борта смотримъ туда внизъ. Нашъ гигантъ среди цѣлаго ряда такихъ-же гигантовъ медленно поворачивается и пробирается къ выходу.

Вотъ мы проходимъ мимо нашего четырехъ-трубнаго гиганта броненосца «Россія»; страшныя пушки его скрыты, какъ скрыты въ таинственныхъ нѣдрахъ его и всѣ остальные ужасы разрушенія: ядра, порохъ, динамитъ.

Одного такого страшилища довольно, чтобы весь этотъ цвѣтущій мирный уголокъ земли превратить въ развалины. Но и одной маленькой вертлявой миноноски больше, чѣмъ достаточно, чтобы уничтожить такое чудовище. И какъ бы въ отвѣтъ на эту мою мысль, четыре японскихъ миноноски несутся къ нашему крейсеру, на мгновеніе останавливаются у самаго его борта и снова скрываются въ бухтѣ.

Не дай Богъ ни того, ни другого.

Мы уже идемъ полнымъ ходомъ. Вся даль лазурнаго моря покрыта бѣлыми парусами; это лодки рыбаковъ. Голые они ловятъ свою рыбу, тамъ на берегу у каждаго изъ нихъ посѣяна полоска рису и всѣ несложныя потребности жизни удовлетворены этимъ. Всю жизнь будутъ они такъ работать, а когда умрутъ, ихъ сожгутъ въ этой странѣ панорамъ туманныхъ горъ, синяго безмятежнаго моря, дремлющихъ на немъ бѣлыхъ парусовъ. Нѣгой, грезой, лаской дышитъ все здѣсь и беретъ окончательно верхъ доброе чувство и отъ всего сердца шлешь этимъ людямъ труда, этимъ чуднымъ берегамъ свое послѣднее прости.

Прости, Японія, скоро опять станешь для меня ты далекой и чужой стороной, но память о тебѣ, прекрасной, о твоемъ мощномъ, какъ въ сказкѣ, пробужденіи и возрожденіи будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, будетъ большимъ, будетъ вновь забившимъ источникомъ вѣры въ чудеса на землѣ.

Н. Гаринъ.

Конецъ.

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.

(Историческій этюдъ).

(*Окончаніе* *).

VI.

Успѣхи крѣпостной агрономіи.—Два ея направленія.—Развитіе сельскохозяйственныхъ обществъ.—Литературная иллюстрація.

«Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
И рабъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ».

Сосѣди Онѣгина были, какъ мы видѣли, правы: для помѣщичьяго хозяйства отпускъ земледѣльческихъ крестьянъ на оброкъ грозилъ крупнымъ ущербомъ, и менѣе мрачный сосѣдъ Евгенія, отозвавшійся на его нововведеніе лукавой улыбкой, хорошо зналъ, что новаторъ поплатится своими же доходами за ту дань, которую онъ отдавалъ либеральнымъ идеямъ вѣка. И дѣйствительно, помѣщичій классъ въ его цѣломъ поступалъ—поскольку рѣчь шла о земледѣльческомъ хозяйствѣ—въ смыслѣ прямо противоположномъ образу дѣйствій Онѣгина: оброчные крестьяне сажались на барщину.

Постепенное превращеніе русскаго дворянина въ сельскохозяйственнаго предпринимателя, стремящагося къ извлеченію наивысшаго денежнаго дохода, выразилось въ широкомъ развитіи русской агрономіи и сельскохозяйственной экономіи. Создалась русская агрономическая школа, школа крѣпостной агрономіи, пожалуй, даже цѣлыхъ двѣ школы

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

или, вѣрнѣе, два направленія. Одно изъ нихъ главными выразителями своими имѣло Д. М. Полторацкаго, калужскаго помѣщика, начало дѣятельности котораго относится еще къ XVIII вѣку, и Д. П. Шелехова, тверского помѣщика и автора многихъ сельскохозяйственныхъ книгъ и статей. Ихъ взоры были направлены главнымъ образомъ въ сторону *технической* раціональности: названные два дѣятеля были главнѣйшими агитаторами въ пользу плодопеременнаго хозяйства. Такой характеръ ихъ агрономической агитаціи не былъ, впрочемъ, вовсе случаенъ: введеніе «плодопеременнаго хозяйства» въ той или другой формѣ несомнѣнно ставилось на очередь самой жизнью въ нечерноземной Россіи, и въ дореформенное время. Для извѣстныхъ мѣстностей, такимъ образомъ, шелеховская проповѣдь технической раціональности не противорѣчила и раціональности экономической *).

Наиболѣе яркими выразителями другого направленія, подчеркивавшаго экономическую нераціональность радикальныхъ техническихъ реформъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, были два душевладѣльца центральной Россіи: «болховскій помѣщикъ» И. В. Лавровъ **) и «пензенскій земледѣлецъ» И. В. Сабуровъ ***). Ихъ предшественникомъ можно считать графа Ростопчина, автора остроумной анонимной брошюры «Плугъ и соха» ****).

Среднее положеніе между «техническимъ» и «экономическимъ» направленіемъ въ русской крѣпостной агрономіи занималъ знаменитый, уже цитированный нами, авторъ примѣчаній къ Тэру Н. Н. Муравьевъ.

Если такой замѣчательный агрономическій дѣятель, какъ Полторацкій, увлекаясь технической раціональностью, «терпѣлъ большіе убытки», т. е. велъ экономически нераціональное хозяйство, то у дюжинныхъ и малосвѣдущихъ людей это стремленіе къ «улучшенному» хозяйству принимало смѣшныя, прямо каррикатурныя формы. Но это была пѣна на поверхности прогрессивнаго агрономическаго движенія, захватившаго русскій помѣщичій классъ и въ ширь, и въ глубь. Пѣна эта бросалась въ глаза, и мы встрѣчаемъ въ дореформенной литературѣ XIX в. не мало описаній смѣшныхъ сторонъ занимающаго насъ движенія. Приведемъ на выдержку одно, довольно колоритное:

«Проходили годы за годами, а молодые наши—иноземные политико-экономы и агрономы, все мечтали, строили воздушные замки и дожи-

*) Я не называю знаменитаго шеллингіанца профессора Московскаго Университета *М. Г. Павлова* († 1840), потому что его агрономическая дѣятельность и проповѣдь носила отвлеченно-теоретическій характеръ и во всякомъ случаѣ гораздо дальше отстояла отъ жизни, чѣмъ дѣятельность и проповѣдь Полторацкаго и Шелехова.

**) Авторъ напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 40-хъ гг. «Отчета, за одиннадцать лѣтъ, о ходѣ и произведеніяхъ болховскаго хозяйства» и другихъ сельскохозяйственныхъ сочиненій.

***) Авторъ «Записокъ Пензенскаго Земледѣльца», напечатанныхъ въ 40-хъ гг. въ «Отечественныхъ Запискахъ», и другихъ агрономическихъ сочиненій.

****) Москва, 1806. Съ эпиграфомъ «Отцы наши не глупѣй насъ были».

дали времени счастливой независимости и полной свободы. А вотъ и это времячко наступило. Старички захирѣли, слегли въ постель, и отдали душу Богу. Сынки честно ихъ похоронили и выпили за упокой ихъ душъ по бокальчику шампанскаго, во-первыхъ, потому, что они заграницею другого вина не пили; во-вторыхъ, потому, что это вино въ модѣ и безъ него не обходится ни одна честная компанія; въ-третьихъ, потому, что это вино прогоняетъ грусть и скуку, а плакать и грустить нынѣ тоже не въ модѣ, и нейдетъ къ лицу благороднымъ людямъ.

«Теперь молодымъ баринамъ своя воля; время не терпитъ, надо поспѣшать, торопиться, и вотъ прямо приступаютъ къ выполненію заблаговременно обдуманнаго плана преобразованія въ хозяйствѣ.

«Кабинеты становятся тѣсны, въ залахъ раскидываются огромные столы и на нихъ раскладываются по порядку иностранные книги и чертежи. Сами экономопреобразователи въ турецкихъ, шитыхъ золотомъ туфляхъ, въ подбитыхъ и опушенныхъ чернымъ соболемъ халатахъ, съ небрежно вокругъ шеи обмотанною шалью, съ унизанною жемчугомъ и украшенною дорогими каменьями ермолкою на головѣ, съ французскою папироскою въ зубахъ; съ серебрянымъ циркулемъ въ рукахъ, то медленнымъ шагомъ прохаживаются по залamъ, приложивши указательный палецъ ко лбу, то стремглавъ подбѣгаютъ къ столу, заглядываютъ въ книги, и циркулемъ размѣриваютъ чертежи, записывая что-то карандашемъ въ памятной книжкѣ. Но геніи долго не думаютъ; у нихъ въ одинъ моментъ рѣшается: съ чего начать, какъ продолжать и чѣмъ кончить. Вотъ и пошла катавасія; дѣятельность необыкновенная; одно ломается, другое строится; фруктовые сады и огороды исчезаютъ и на мѣстѣ ихъ являются пруды, цвѣтники, бесѣдки, портики и великолѣпныя аллеи; вновь размежевываются поля, на 7, на 9, а гдѣ и на 12 полосъ; начинается травосѣяніе, выписываются лучшія лошади и лучшій скотъ; словомъ, ничего не опущается изъ виду и все, кажется, на первый разъ идетъ скоро и въ порядкѣ. Старички, благодаря Бога, экономили исправно; денегъ пока хватаетъ на все, но еслибъ и не хватило, то бѣда еще не велика. Банки открыты, на случай можно заложить и имѣніе. Разсчеты сдѣланы вѣрно; барыши будутъ огромные и отъ того, и отъ другого, и отъ третьяго; надобно только немножко подождать, повременить. Но вотъ проходитъ годъ за годомъ, посмотришь, съ полдюжины лѣтъ какъ не бывало; крестьяне охаютъ, ахаютъ; бѣднѣютъ, просятъ ужъ хлѣба, имѣнія закладываются и перезакладываются, а толку въ преобразованіяхъ не видно, и о барышахъ нѣтъ и помина.

«Что за чудо, думаютъ наши преобразователи. Кажется, все дѣлается по правиламъ и по руководствамъ лучшихъ иностранныхъ экономовъ; вѣрно, мужики стакнулись съ управителями и насъ обманываютъ. Но стачки никакой не было, всѣ приказанія господъ исполнялись исправно, и мужики работали, сколько есть мочи. Отчего же происходятъ во всемъ и вездѣ неудачи?

«Благоразумные сосѣди тотчасъ рѣшили задачу; они даже напередъ предсказывали, что успѣха не будетъ, потому что все дѣлалось на манеръ иностраннаго» *).

Но эти увлеченія, повторяемъ, были лишь каррикатурнымъ выраженіемъ глубокаго движенія въ помѣщичьей средѣ. Цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ обществъ открылся въ эту эпоху: въ 1808 г. «Эстляндское экономическое общество», въ 1819 г. «Московское общество сельскаго хозяйства», въ 1824 г. «Бѣлорусское вольное экономическое общество», въ 1828 г. «Общество сельскаго хозяйства Южной Россіи», въ 1832 г. «Главное московское общество улучшеннаго овцеводства», въ 1833 г. «Закавказское общество поощренія сельской и мануфактурной промышленности», въ 1839 г. Казанское, Курляндское и Гольдингенское экономическія общества; въ 1842 г. Ярославское общество с. х., въ 1844 г. Лифляндское общество поощренія сельскаго хозяйства и промышленности; въ 1845 и 1846 гг., по ходатайству Лифляндскаго экономическаго общества, вспомогательныя для него общества: Перновo-Феллинское и Аренсбургское; въ 1847 г. Лебедянское общество с. х.; въ 1848 г. Общество с. х. Юговосточной Россіи въ Пензѣ и третье вспомогательное для Лифляндскаго Венденъ-Вольмаръ-Валкское; въ 1850 г. Кавказское общество с. х.; въ 1854 г. Юрьевское общество с. х., въ Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірской губ. **). Въ этихъ обществахъ и ихъ изданіяхъ обсуждались и выяснялись крупные и мелкіе вопросы техники и экономіи крѣпостного хозяйства. И—въ противоположность поверхностнымъ, выше колоритно охарактеризованнымъ, увлеченіямъ западно-европейской агрономіей,—доминирующей, задающей тонъ, нотою этого движенія было подчеркиванье не технической, *и экономической* раціональности: прогрессивный въ сельскохозяйственномъ отношеніи русскій помѣщикъ дореформенной эпохи—по общему правилу, послѣдовательный крѣпостникъ—хорошо понималъ разъясненную графомъ Ростопчинымъ истину, что въ Россіи англійское сельское хозяйство «украшаетъ пейзажъ», а русское немудрствующее, но основанное на правильномъ экономическомъ разсчетѣ крѣпостное хозяйство «обогащаетъ». И онъ желалъ обогащаться.

Классическое, хотя и каррикатурное для одной фигуры, слащавое для другой, изображеніе нелѣпаго реформатора и разумнаго хозяина крѣпостной эпохи даетъ намъ вторая часть «Мертвыхъ душъ». Кто не помнитъ фигуръ полковника Кошкарева, въ которомъ «отражаются каррикатурно и видній глупости всѣхъ нашихъ умниковъ», и Константина Ѳедоровича Костанжогло, у котораго Чичиковъ хотѣлъ научиться

*) *С. Николаевъ.* «Принесутъ ли ожидаемую пользу хорошія заводскія лошади въ теперешнемъ крестьянскомъ быту, и въ состояніи ли наши крестьяне содержать такихъ лошадей?» «Москвитянинъ», 1848 г., ч. II, стр. 48—50.

**) *С. Пахманъ.* «О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельскохозяйственныхъ обществъ въ Россіи». Казань. 1855 г.

«мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное»? Любопытно, что Гоголь рисуетъ Костанжогло противникомъ фабричнаго предпринимательства помѣщиковъ и фабрикъ вообще. Для помѣщиковъ этотъ идеальный крѣпостной хозяинъ признаетъ желательнымъ заведеніе только такихъ фабрикъ, которыя примыкаютъ къ основному земледѣльческому хозяйству и не отрываютъ крестьянъ отъ земли. Подобно кн. Щербатову, онъ сторонникъ соединенія земледѣлія съ промышленностью. «Вотъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и коммиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники,—говоритъ Костанжогло.—Помѣщикъ—этакое званіе почтенное—въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ дѣвкамъ».—«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣчаетъ ему зять.—«А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда—я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіи шести лѣтъ сряду промышленники; ну, куда ее дѣвать! Я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня и все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!..»

Но Костанжогло былъ не только хорошимъ хозяиномъ, устами этого «положительнаго» гоголевскаго типа говоритъ самъ Гоголь, въ то время несомнѣнный романтическій реакціонеръ.

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣе заниматься?»—спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай почву въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣе, чище, благороднѣй, выше. Не говорю—не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество — вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики,—того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ искусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки. Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія».

Подобно кн. Щербатову въ XVIII в., Костанжогло-Гоголь въ

XIX в. не видѣлъ, что для процвѣтанія экономически прочнаго земледѣльческаго хозяйства помѣщиковъ необходимо широкое развитіе промышленности вообще и въ частности фабрикъ, «которыя развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ». Какъ всѣ романтики, онъ смотрѣлъ больше назадъ, чѣмъ впередъ. Не даромъ онъ обличалъ «Донъ-Кишотовъ» «просвѣщенія», заводящихъ такія школы, изъ которыхъ выходятъ люди, никуда не годящіеся, «ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница да чувствуетъ свое достоинство».

VII.

Прогрессъ сельскаго хозяйства въ первую половину XIX в.—Развитіе машиностроенія.—Свеклосахарное производство.—Тонкорунное овцеводство.—На чемъ основывались успѣхи сельскаго хозяйства?

Прогрессъ русскаго сельскаго хозяйства въ первую половину XIX в. отмѣчался многими внимательными наблюдателями. «Стремленіе къ улучшенію нашего хозяйства»,—писалъ извѣстный ученый, впослѣдствіи академикъ К. С. Веселовскій,—есть событіе, не подлежащее сомнѣнію» *). Львиная доля этихъ успѣховъ, по словамъ этого автора, приходилась на помѣщичье крѣпостное хозяйство. Это указаніе тѣмъ знаменательнѣе, что оно было сдѣлано рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права въ органѣ, который не уставалъ указывать на сельскохозяйственную несостоятельность барщины. Другіе авторы еще рѣзче указывали, что земледѣліе прогрессируетъ только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Дѣйствительно, крѣпостное хозяйство дѣлало успѣхи, развиваясь въ разныхъ направленіяхъ и замѣтно усложняясь. Прежде всего расширеніе и укрѣпленіе барщиннаго режима означало прогрессъ въ организаціи хозяйства и въ самой обработкѣ, безразлично, какова бы ни была ея техника. Кромѣ того, обработка улучшалась, благодаря введенію усовершенствованныхъ орудій: подъ эгидой московскаго общества сельскаго хозяйства возникло въ 1831 г. машиностроительное заведеніе бр. Бутеноповъ, которое съ 1833 года по 1846 г., изготовило различныхъ машинъ, земледѣльческихъ орудій и снарядовъ на 3½ милл. рублей ассигн. или на 1 милл. руб. серебромъ, въ томъ числѣ 1.100 молотилокъ, 6.060 вѣялокъ, 1.600 плуговъ, 125 экстирпаторовъ, 1.200 боронъ, 550 соломорѣзокъ и т. д. Позже основались другія машиностроительныя заведенія (Кандибы въ Конотопскомъ уѣздѣ, Потемкина близъ Кременчуга, Шумана въ Лугани) и возникъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ рядъ т. н. «домашнихъ заведеній», изготовлявшихъ сельскохозяйственныя орудія и машины для сосѣдей. Въ 1853 г. Департаменту сельскаго хозяйства извѣстны были 19 заведеній, занимавшихся сельскохозяйственнымъ машиностроеніемъ. «Несмотря на столь значи-

*) «Обозрѣніе успѣховъ науки сельскаго хозяйства въ Россіи въ ...трехлѣтіе 1838—1840» Журналъ М-ва Госуд. Имущ. за 1842 г., стр. 44.

тельное число механическихъ заведеній, они съ трудомъ успѣваютъ удовлетворять заказы, что служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сильнаго требованія на улучшенныя орудія и машины» *). Въ изобрѣтеніи машинъ и орудій выдающуюся роль играли сами сельскіе хозяева. Особенное значеніе для помѣщичьяго хозяйства черноземной Россіи имѣло распространеніе машинной молотьбы: ручная молотьба занимала очень много рабочихъ рукъ въ то время, когда онѣ были нужны для вывоза хлѣба на рынокъ, и замедляла самую операцію вывоза.

Къ характеризуемой нами эпохѣ относится далѣе другой крупный успѣхъ помѣщичьяго хозяйства въ нѣкоторой части черноземной Россіи. Мы имѣемъ въ виду разведеніе свекловицы и основанное на немъ свеклосахарное производство. Органомъ этой промышленности явился учрежденный въ 1831 г. при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, комитетъ сахароваровъ. Съ этого, приблизительно, времени началось поступательное движеніе русскаго свеклосахарнаго производства, причемъ оно постепенно изъ центра Россіи (губ. Московская, Тульская и др.) перемѣстилось въ наиболѣе благопріятный для него въ климатическомъ отношеніи районъ—въ югозападный край «Сельское хозяйство наше подвинулось впередъ съ успѣхами свеклосахарнаго производства. Воздѣлываніе свекловицы было причиною введенія разныхъ орудій, о которыхъ прежде и не думали и которыя нынѣ употребляются при разведеніи зерновыхъ хлѣбовъ, не только въ помѣщичьихъ, но и во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Лучшая обработка земли позволила ввести плодоперемѣненіе въ различныхъ видахъ, сообразное съ мѣстностью» **).

Если сахарная свекла являлась символомъ успѣховъ интенсивнаго хозяйства, то прогрессъ экстензивнаго хозяйства символизировался... мериносами.

Въ 1803 г., по мысли министра внутреннихъ дѣлъ князя В. П. Кочубея, правительство выписало изъ Испаніи стадо во сто барановъ лучшей породы. Затѣмъ, въ это дѣло были вложены крупные капиталы разныхъ предпріимчивыхъ знатныхъ и незнатныхъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ. Въ результатѣ, въ 1853 г., вмѣсто ста головъ мериносовъ въ Россіи было уже 8.700.000. Усиленное развитіе тонкорунаго овцеводства въ Россіи—въ связи съ австралійской конкурренціей—привело къ длительному кризису въ этой отрасли: въ 1825 г. тонкая шерсть продавалась отъ 26 до 60 р. асс. немытой, съ 1830 до 1840 г. цѣны держались отъ 18 до 35 р.; въ 1843 г.—отъ 12 до 20 р.; до 1850 г. онѣ продолжали падать, но съ этого времени началось

*) «Обзоръ дѣйствій Департамента сельскаго хозяйства и очеркъ состоянія главныхъ отраслей сельской промышленности въ Россіи... съ 1844 по 1854 годъ». Спб 1855, стр. 252—253.

**) «Обзоръ и т. д. сельской промышленности съ 1844 по 1854 годъ». Спб., 1855 г., стр. 121.

обратное движеніе. Несмотря на низкія цѣны на шерсть, тонко-рунное овцеводство составляло во второй четверти нашего вѣка «главную статью дохода для новороссійскихъ помѣщиковъ».

Но самую важную роль въ прогрессѣ сельскохозяйственнаго производства въ первой половинѣ XIX в. сыграло его расширеніе на существующемъ техническомъ базисѣ, главнымъ образомъ, увеличеніе площади запашекъ и повышеніе эксплуатаціи крестьянскаго труда путемъ организаціи и интенсификаціи барщиннаго труда. Одинъ изъ самыхъ выдающихся практическихъ агрономовъ николаевскаго времени, уже упомянутый выше Сабуровъ далъ слѣдующую восторженную характеристику успѣховъ крѣпостного хозяйства:

«Нельзя исчислить всего, что сдѣлали и усовершенствовали помѣщики—дворяне русскіе въ народномъ хозяйствѣ. Довольно сказать, что по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства въ послѣднія 20 лѣтъ, капиталы помѣщиковъ сильно увеличивались, и безъ всякаго противорѣчія, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи въ это же время, чему служитъ фактомъ возвышеніе доходовъ. Чѣмъ же эти небывалые доходы, слѣдовательно, и капиталы сотворились, какъ не искусствомъ, т. е. тѣмъ невещественнымъ капиталомъ, которымъ Провидѣніе надѣляетъ человѣка, твердо и разумно стремящагося къ цѣли, указанной ему желаніемъ, прихотью, надобностью или пристрастіемъ?» *).

При всемъ своемъ дифирамбическомъ характерѣ, эти слова выражали несомнѣнный и очень крупный по своему значенію жизненный фактъ.

Въ основѣ этихъ успѣховъ сельскаго хозяйства лежало расширеніе внутренняго и внѣшняго рынка для его продуктовъ. Первая половина XIX в. была періодомъ энергичнаго развитія русской промышленности во всѣхъ ея формахъ, за исключеніемъ помѣщичьей фабрики. Въ области фабричной промышленности помѣщики съ крѣпостнымъ трудомъ потерпѣли фіаско, хотя именно въ первой трети XIX столѣтія они съ особенною ретивостью бросились на этотъ способъ извлеченія доходовъ. Обрабатывающая промышленность уже выросла изъ крѣпостныхъ рамокъ и ускользала изъ рукъ помѣщиковъ. Какъ бы то ни было, національная промышленность въ фабрично-капиталистической и кустарно-капиталистической формѣ росла энергично за это время, и это развитіе означало именно расширеніе рынка для продуктовъ сельскаго хозяйства. Старинное національное раздѣленіе труда между промышленной (сѣверной и сѣверно-центральной) и земледѣльческой (южной, юго-восточной и южно-центральной) Россіей развивалось все болѣе и болѣе и обрисовывалось все рѣзче и рѣзче. Русскій капиталистъ-промышленникъ являлся въ то время любезнымъ для центрально-черноземнаго помѣщика-хозяина воплощеніемъ его рынка. И въ то же

*) *Ив. Сабуровъ.* «Записки пензенскаго земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства». «Отеч. Зап.» 1843 г. Т. XXVI, стр. 30.

время—характерное отличіе отъ позднѣйшей эпохи: сѣверно-центральная промышленность въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ позже, являлась рынкомъ для сѣвернаго земледѣлія. Отсюда замѣчательное явленіе: барщинное хозяйство развивалось не только на центральномъ юго-восточномъ и южномъ черноземѣ, но и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, и развивалось оно тамъ именно потому, что—при данныхъ условіяхъ транспорта—конкуренція черноземной Россіи не имѣла еще тогда того уничтожающаго для сѣвернаго зернового хозяйства характера, какое она получила впослѣдствіи. Поэтому-то мы видимъ, что сравненіе данныхъ В. И. Семевскаго о XVIII в. съ данными редакціонныхъ коммиссій, относящимися къ концу 50-хъ гг., показываетъ увеличеніе числа барщинныхъ крестьянъ въ губерніяхъ Новгородской и Тверской, и это объясняется выгодными для нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностей условіями почвы и—*рынка*. Правда, хлѣбородный центръ очень чувствительно напоминалъ подмосковному помѣщику о своей конкуренціи, и въ то же время самъ страдалъ отъ конкуренціи юга. Недаромъ, помѣщики хлѣбороднаго центра и подмосковные убѣждали одни другихъ въ необходимости заняться сахароваренiемъ. И той, и другой сторонѣ хотѣлось, чтобы конкурентъ по производству зерновыхъ хлѣбовъ былъ отвлеченъ въ сторону сахароваренія и очистилъ мѣсто на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ. Естественныя условія рѣшили иначе: сахароваренiе не досталось ни подмосковнымъ губерніямъ, ни хлѣбородному центру, а процвѣло на юго-западѣ. Недаромъ далѣе «пензенскій земледѣлецъ», который навѣрное обрушился бы теперь на «вредную книгу» о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, потому что онъ былъ фанатикомъ цѣнъ высокихъ, недаромъ онъ мечталъ о наложеніи на южный хлѣбъ пошлины въ интересахъ земледѣльческаго центра. Vivat московскій ситецъ; дай Богъ здоровье московскимъ фабрикантамъ, но pereat нашъ конкурентъ—южный хлѣбъ! Положенія сельскохозяйственнаго рынка въ XIX в. передъ освобожденіемъ крестьянъ мы коснемся ниже, а теперь займемся вопросомъ объ организаціи крѣпостного хозяйства, т. е. о причинахъ успѣховъ барщиннаго режима.

VIII.

Почему барщина была выгоднѣе оброка?—Несостоятельность оброка въ земледѣліи.

Поскольку крѣпостное хозяйство, какъ мы это показали выше, все явственнѣе и явственнѣе выливалось въ форму предпріятія, становилось, по выраженію Муравьева, «фабрикой», постольку оно развивалось въ унисонъ съ промышленностью. Но промышленность въ это время все болѣе и болѣе переходила отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному, тогда какъ помѣщичье земледѣліе все крѣпче и крѣпче затягивало узелъ барщиннаго труда.

Эта противоположность въ развитіи промышленности съ одной сто-

роны, земледѣлія—съ другой, представляетъ въ высшей степени интересную экономическую проблему, затрагивающую основныя условія существованія и организаціи земледѣльческаго производства. Для того, чтобы объяснить фактъ развитія барщины въ крѣпостномъ хозяйствѣ, какъ организаціи земледѣльческаго производства необходимо прежде всего правильно поставить и разъяснить вопросъ. Какія хозяйственныя системы могли конкурировать съ барщиной? Очевидно, рѣчь могла итти только о двухъ формахъ эксплуатаціи господской земли: о сдачѣ ея крестьянамъ за оброкъ и обработкѣ ея вольнонаемнымъ трудомъ.

Отдача господской земли за оброкъ крестьянамъ предполагала крестьянъ въ роли арендаторовъ. Если эта аренда была бы арендой натуральной, то наличность и размѣры арендной платы стояли бы въ зависимости отъ урожая. Не имѣя никакого реальнаго вліянія на техническую и экономическую организацію производства, помѣщикъ въ то же время въ качествѣ получателя дохода находился бы отъ нея въ полной зависимости. Очевидно, что при такихъ условіяхъ его доходъ не могъ бы не оставаться низкимъ и по абсолютной своей величинѣ и какъ доля всего продукта. Кромѣ того, такъ какъ помѣщикъ нуждался если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, преимущественно въ *денежномъ* доходѣ, то съ большимъ количествомъ продукта въ натурѣ ему непосредственно нечего было дѣлать. «Натуру» необходимо было вынести на рынокъ и превратить въ деньги. Но если такъ, то почему же не взять въ свои руки самое производство, организуя и направляя рабочія силы въ цѣляхъ полученія наивысшаго дохода? Ясно, что натуральный оброкъ не только не представлялъ бы никакихъ преимуществъ, но, наоборотъ, заключалъ бы въ себѣ очень крупныя неудобства—съ точки зрѣнія извлеченія денежнаго дохода. Поэтому-то онъ и былъ вытѣсненъ или, по крайней мѣрѣ, оттѣсненъ на задній планъ, лишь только денежный доходъ сталъ опредѣляющей цѣлью и движущимъ мотивомъ крѣпостного хозяйства, и въ XIX в. имѣетъ уже совершенно ничтожное значеніе.

Если натуральный оброкъ предполагаетъ крестьянъ въ роли не только рабочихъ силъ, но и отвѣтственныхъ въ извѣстномъ смыслѣ производителей всего продукта, опредѣленная доля котораго отдается владѣльцамъ крѣпостныхъ крестьянъ и обрабатываемой ими земли, то оброкъ денежный ставитъ этихъ крестьянъ въ положеніе не только производителей, но и продавцевъ прибавочнаго продукта. Оброчные крестьяне, уплачивающіе денежный оброкъ, должны имѣть дѣло съ рынкомъ, въ качествѣ продавцевъ того или другого товара.

Тутъ передъ нами снова выступаетъ та же самая противоположность между промышленностью и земледѣліемъ. Поскольку рѣчь идетъ о продажѣ продуктовъ промышленности и о продажѣ рабочей силы, постольку денежный оброкъ оказывается не только состоятельной, но и несомнѣнно лучшей системой полученія прибавочнаго продукта, лучшей

въ томъ смыслѣ, что онъ обезпечиваетъ наивысшій денежный доходъ. Но поскольку дѣло идетъ о производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ, денежнооброчная система оказывается никуда негодной.

Причины ея несостоятельности, при всемъ своемъ видимомъ разнообразіи, могутъ быть сведены къ одному кардинальному моменту: русскій крестьянинъ-земледѣлецъ—плохой сельскохозяйственный предприниматель *). Онъ производитъ мало продукта, и это малое количество онъ не въ силахъ реализовать на рынкѣ по высшимъ возможнымъ цѣнамъ. Поэтому, онъ не годится въ денежные арендаторы для помѣщика хлѣбородныхъ губерній, и помѣщикъ, стремясь къ наивысшему доходу, долженъ организовать свое хозяйство на началахъ барщины.

Необходимо анализировать болѣе детально, что же дѣлало русскаго крѣпостного земледѣльца плохимъ предпринимателемъ.

Прежде всего, онъ какъ представитель натурально-хозяйственнаго режима, лишенъ—по общему правилу—того стремленія къ наивысшей прибыли, которое одушевляетъ всякаго предпринимателя. Потребности его низки и удовлетворяются почти исключительно натуральнымъ трудомъ. Деньги онъ добываетъ только для государства и для помѣщика, самъ онъ къ нимъ равнодушенъ *). Техника земледѣлія, вообще довольно косная, въ его хозяйствѣ вдвойнѣ косна. Такъ какъ прибавочнаго продукта получается столь мало, что его приходится цѣликомъ или почти цѣликомъ отдавать государству и помѣщику, то не происходитъ никакого накопленія въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому, капиталъ въ хозяйствѣ почти отсутствуетъ. Являясь на рынокъ, производитель-земледѣлецъ оказывается на немъ совершенно безсильнымъ передъ торговымъ капиталомъ, который самовластно строитъ цѣны. Хотя въ производство затрачивается очень мало капиталовъ, или, скорѣе, именно по этой причинѣ, капиталъ ростовщическій пользуется

---

*) «Мы слишкомъ рѣдко видимъ крестьянъ, разбогатѣвшихъ отъ одного хлѣбопашества. Вообще нашъ крестьянинъ не совсѣмъ склоненъ къ земледѣлію; если онъ мало-мальски имѣетъ средства, то обращаетъ ихъ въ торгъ, а не на усиленіе своего земледѣлія потому именно, что трудъ воздѣлыванія земли тяжелѣе и мало, а иногда и совсѣмъ не оплачивается. По этой причинѣ видимъ мы, что слишкомъ мало поступаетъ въ продажу хлѣба отъ крестьянъ, а все почти количество хлѣба, потребнаго на продовольствіе городовъ, войскъ и винокуреніе, производится въ имѣніяхъ владѣльческихъ... Крестьянинъ нашъ неприхотливъ, и потому, когда у него родится достаточно хлѣба на его годовое продовольствіе, подать и нѣсколько въ запасъ, онъ ни за что не приметъ за работу. Казалось бы, въ урожайные годы, когда хлѣбъ дешевъ, работники также должны бы быть дешевы; но напротивъ того, нетолько они дороже, и даже трудно ихъ имѣть. Это испытываютъ всѣ заводчики и купцы, имѣющіе свои земли. (Н. П. Шишковъ, «Оброкъ и барщина». «Записки Лебединскаго Общества Сельск. Хоз. за 1857 г.». Ч. I, стр. 263—265).

**) «Крестьянская природа хладнокровнѣе къ деньгамъ, чѣмъ другіе промышленники»—справедливо отмѣчалъ въ началѣ XIX в. Михайло Швитковъ въ «Трудахъ Вольн. Экон. Общества» за 1810 г. (т. 62, стр. 118—119).

широчайшимъ просторомъ. Соотвѣтственно этому, денежнооброчная система въ примѣненіи къ земледѣльческому труду не создаетъ широкаго слоя деревенской буржуазіи, но, выдвигая немногихъ богатѣевъ, въ качествѣ ростовщиковъ, нивеллируетъ крестьянскую массу до крайне низкаго имущественнаго уровня. При этихъ условіяхъ, та дифференціація, которую развивалъ земледѣльческій оброкъ не представляла для помѣщиковъ никакихъ выгодъ, и они очень хорошо знали ей цѣну. Дореформенные агрономы изъ помѣщиковъ гораздо раньше земскихъ статистиковъ и гораздо раньше «марксистовъ» открыли крестьянскую дифференціацію. Они знали, что ея гнѣздилищами были селенія *свободныхъ* государственныхъ и оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Одинъ изъ современниковъ картинно сравнивалъ оброчное селеніе съ мелкой порослью, надъ которой высится большой густолиственный дубъ—богатый крестьянинъ, эксплуатирующій своихъ бѣдныхъ собратьевъ—мелкую сошку. Правда, и государственные и оброчные крестьяне—по собственной иниціативѣ, а чаще по приказанію свыше производили у себя равненіе, но земельное равненіе было, конечно, слабымъ средствомъ противъ дифференціаціи, выросшей на почвѣ торговой и ростовщической эксплуатаціи.

Такимъ образомъ, денежнооброчная система въ примѣненіи къ земледѣлію была явно несостоятельна. Это было однимъ изъ самыхъ безспорныхъ положеній крѣпостной экономіи. «Я полагаю,—писалъ Акиневъ Жуковъ, что самое худшее положеніе имѣнія—*оброчное*. Никогда не обезпечиваетъ доходовъ владѣльца; всегда болѣе или менѣе накопляются недоимки. Крестьяне вообще безпечны, частью есть изъ нихъ хорошіе хозяева, которые запасаются на случай неурожая; но если неурожай постигаетъ все имѣніе, то бѣднѣйшіе не въ состояніи бываютъ заплатить всего оброка, а за ними и исправные не желаютъ противъ нихъ лишняго переплатить; въ самые счастливые годы сверхъ оклада никто не внесетъ. А пожаръ или скотный падежъ бываетъ причиною, что крестьяне не только не платятъ оброка, но и просятъ отъ помѣщика значительнаго вспомоществованія. Основная цѣнность имѣнія безрасудно уничтожена: нови распаханы, земли кое-какъ удобрены, луга въ безпорядкѣ и частью распаханы, лѣса сколь возможно истреблены; самое состояніе крестьянъ разстроено. Почти всегда и для владѣльца оброкъ невыгоденъ и для крестьянъ вообще отяготителенъ» *). «Оброчные крестьяне неисправно платятъ оброкъ; доходы помѣщика отъ оброчныхъ крестьянъ менѣе доходовъ, получаемыхъ съ издѣльныхъ... Земли помѣщика, обыкновенно при оброчныхъ крестьянахъ предоставленныя ихъ произволу, естественно не доставляютъ имъ самимъ тѣхъ выгодъ, которыхъ бы ожидать было возможно при пра-

*) *А. Жуковъ.* «Руководство отчетливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ». 1848 г., стр. 141.

вильномъ употребленіи тѣхъ земель, и отъ того требованія помѣщиковъ во взиманіи съ крестьянъ оброка должны быть ограничены. Въ оброчныхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ обыкновенно нѣтъ помѣщичьяго земледѣлія и нѣтъ самихъ владѣльцевъ, земли сами по себѣ получаютъ уже, такъ сказать, укоризненный видъ: лѣсъ находится обезглавленнымъ, луга заросшими и изрыты свиньями, пахатная земля изковырена: въ ней нѣтъ слѣдовъ пріятной правильной формы десятинъ; клочковатая смѣсь заросшей таковой же обработанной землей дѣлаетъ поля угрюмыми и вся дача уподобляется мужику съ нечесаной головой, въ волосахъ котораго репье, пелева, и проч. и проч. и проч. безобразятъ его высокое природное назначеніе и заставляютъ невольно отъ него отворачиваться» *)... Это писалъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ противниковъ традиціонной барщины, весьма выразительно рисовавшій непроизводительность барщиннаго труда. Подобно многимъ другимъ крѣпостнымъ хозяевамъ, Поздюнинъ прямо указываетъ, что денежно-оброчная система приводитъ къ сельскохозяйственному хищничеству и запустѣнію. Поэтому денежнооброчная система встрѣчается при слѣдующихъ условіяхъ въ крѣпостномъ земледѣліи. Во первыхъ, мы ее видимъ тамъ, гдѣ абсолютная величина дохода дѣлала практически нечувствительнымъ его относительно низкій уровень: во владѣніяхъ очень крупныхъ помѣщиковъ. Въ этихъ владѣніяхъ, къ тому же, организація барщины встрѣчала очень крупныя препятствія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе затруднительности того неусыпнаго контроля надъ крестьянами и вмѣшательства въ ихъ жизнь, который требовался барщиннымъ режимомъ и составлялъ его существо. Во-вторыхъ, денежнооброчная система была абсолютно необходима въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщичьей земли хватало только на крестьянскую запашку—обезземеленіе крестьянъ и превращеніе ихъ въ мѣсячниковъ было характернымъ симптомомъ, но въ то же время и исключительнымъ явленіемъ. Проводить его возможно было только мелкопомѣстнымъ владѣльцемъ. Съ малоземельемъ помѣщики центральной земледѣльческой Россіи боролись, прежде всего оставляя извѣстное число рабочихъ силъ «за тягломъ», т. е. не надѣляя ихъ землею и не привлекая ихъ къ барщинѣ. Но эта мѣра, такъ же какъ и превращеніе крестьянъ въ мѣсячниковъ, была примѣнима только къ незначительному меньшинству. Тамъ, гдѣ малоземелье было очень велико, приходилось отказываться отъ господской запашки и отпускать крестьянъ на оброкъ. Такія малоземельныя земледѣльческія имѣнія составляли переходъ отъ типа земледѣльческаго къ промысловому. Поскольку въ нихъ было уже избыточное для данной земледѣльческой площади населеніе,

*) *П. Поздюнинъ.* Объ оброчныхъ работникахъ или совершенно новомъ способѣ взиманія помѣщичьихъ повинностей съ крестьянъ. Москва 1845. Авторъ самъ подъ именемъ оброка рекомендовалъ усовершенствованную барщину.

оно должно было искать себѣ сторонних заработковъ. Отчасти оно обращалось къ мѣстнымъ неземледѣльческимъ промысламъ, главнымъ же образомъ поставляло контингентъ для отхожихъ промысловъ, и притомъ земледѣльческихъ. Эти промыслы существовали уже въ довольно широкихъ размѣрахъ въ дореформенной Россіи: благодаря имъ, въ значительной мѣрѣ становилась возможной сельскохозяйственная эксплуатація рѣдко населенной южной и юговосточной Россіи.

Болѣе желательнымъ и болѣе выгоднымъ для помѣщиковъ способомъ борьбы съ малоземельемъ были переселеніе крестьянъ на свободныя земли въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ. Помѣщичья колонизація была въ XVIII и въ XIX вв. крупнымъ явленіемъ нашей хозяйственной жизни.

Все вышесказанное неприложимо къ денежнооброчной системѣ, какъ формѣ извлеченія дохода съ того крѣпостного населенія, въ экономіи котораго крупную роль играли неземледѣльческія занятія. Поскольку эти занятія развивались, развивался и распространялся и оброкъ, вытѣсняя собой барщину.

Для того, чтобы денежнооброчная система была наиболѣе выгодной системой извлеченія дохода изъ земле-и душевладѣнія, необходима была наличность слѣдующихъ условій: прибыльные промысловые заработки крестьянъ и, въ связи съ этимъ, значительное накопленіе капиталовъ и далеко ушедшая имущественная дифференціація среди крестьянъ. Наиболѣе выгоденъ былъ оброкъ тамъ, гдѣ онъ по существу представлялъ изъ себя поголовную подать, сочетающуюся съ подоходнымъ или имущественнымъ налогать. Поголовную подать въ такихъ случаяхъ платила крѣпостная бѣднота; подоходный или имущественный налогъ падалъ на крѣпостную буржуазію. Такъ, въ знаменитомъ своимъ кожевеннымъ производствомъ селѣ Богородскомъ (Нижегородской губ.) «всѣ крестьяне состояли на оброкѣ. Минимумъ оброчнаго оклада было 25 руб. серебромъ съ души: меньше этой суммы никто не платилъ въ селѣ, большинство же платило гораздо больше, а съ нѣкоторыхъ Шереметевымъ собирались такіе оброки, какихъ не собиралъ средней руки помѣщикъ со всего своего помѣстья. Вотъ общія цифры окладовъ, взятыя изъ окладной книги села Богородскаго за 1858 годъ: 9 человѣкъ платили въ годъ оброка отъ 500 до 1.530 руб., всего 7.550 рублей, 24 человѣка отъ 200 до 375 руб., всего 5.707 руб., 53 человѣка отъ 100 до 195 руб., всего 6.971 руб., 75 человѣкъ—отъ 50 до 95 руб., всего 5.126 рублей и т. д. Оброкъ собирался съ крестьянъ по третямъ, и недоимщики платили за каждый мѣсяцъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ рубля» *).

*) «Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ», томъ III. Нижній-Новгородъ. 1898. Статья *В. И. Снѣжневскаго*: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея», стр. 69.

Другой примѣръ такой организаціи оброка представляетъ село Мстера, Владимірской губ. «Общая сумма оброка раскладывается не по душамъ и не по тягламъ, а по состоянію каждаго домохозяина, не смотря на составъ его семейства. Для опредѣленія состояніи приняты, въ видѣ балловъ, рубли и доходъ. Съ каждаго рубля положено платить 60 руб.; слѣдовательно, съ 10 копѣекъ 6 рублей, съ копѣйки 60 коп. Баллотировка посредствомъ этихъ рублей предоставляется выбираемымъ самими крестьянами 8-ми повѣреннымъ или добросовѣстнымъ» *).

Здѣсь мы тоже видимъ подоходное обложеніе въ формѣ имущественнаго налога. Мы еще вернемся къ денежнооброчной системѣ въ другомъ контекстѣ и въ другихъ статьяхъ.

Еще въ началѣ этого столѣтія (1809 г.) Вольное Экономическое Общество предложило «задачу» о сравнительной выгодности оброчнаго и барщиннаго хозяйства. Изъ поступившихъ на эту тему сочиненій три были удостоены награды, и всѣ они высказались безоговорочно въ томъ смыслѣ, что въ области сельскохозяйственной эксплуатаціи барщина выгоднѣе оброка. Указанные отвѣты на задачи Вольнаго Экономическаго Общества представляются для экономиста не «плохими измышленіями» **), а цѣнными показаніями компетентныхъ современниковъ. Такія показанія на пространствѣ 60—80 лѣтъ представляютъ наилучшій матеріалъ для сужденія объ основномъ характерѣ и типическихъ чертахъ русскаго крѣпостного хозяйства.

Одинъ изъ премированныхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ авторовъ вычислилъ для Орловской губерніи, что издѣльное или барщинное тягло давало 106 рублей дохода, а оброчное въ той же мѣстности не могло бы дать больше 30 рублей, т. е. барщина была выгоднѣе оброка въ $3^1/_2$ раза ***). Въ 1856 году Лебедянское общество сельскаго хотяйства поставило опять вопросъ о сравнительной выгодности барщиннаго и оброчнаго хозяйства, и голосъ хозяевъ снова высказался въ пользу барщины. «Доходы барщиннаго имѣнія,—писалъ членъ этого общества Е. П. Мочалкинъ,—всегда гораздо выше дохода оброчнаго. У меня 57 рабочихъ тяголъ и я получаю 3.000 рублей серебромъ однѣми деньгами, кромѣ провольствія и содержанія себя, лошадей, прислуги и многочисленной дворни, что̀ составитъ болѣе 80 рублей серебромъ на тягло. Такого огромнаго оброка никакое тягло не въ состояніи выплатить. У меня одно имѣніе было на оброкѣ, другое на барщинѣ; оброчные не выплачивали по 40 руб. ассигнац. на тягло, находя въ невозможности уплаты какія-либо оговорки, которыя у нихъ всегда имѣются въ запасѣ. Этого мало. Пришла весна, просятъ хлѣба и сѣ-

*) *Я. Соловьевъ.* «Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губ.» «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ». 1854, ч. LI, стр. 27—28.

**) Выраженіе г. Семевскаго. «Крестьянскій вопросъ», т. I, стр. 318.

***) *Погодинъ.* Второй отвѣтъ на задачу 1809 года о способѣ владѣть деревнями. «Труды В. Эк. Общ.» за 1810 г. Т. 62, стр. 170 и 176.

мянъ: отсрочилъ оброкъ, далъ хлѣба и сѣмянъ. На другой годъ повторилось то же. Но я уже не сдѣлалъ снисхожденія, снялъ съ оброка, посадилъ на пашню, получилъ противъ оброка вдвое болѣе дохода, а крестьяне не приходили ко мнѣ уже за хлѣбомъ и сѣменами, ибо за присмотромъ хлѣба для ихъ продовольствія и овса на обсѣменѣніе было у нихъ достаточно» *).

Для Костромской губерніи мы имѣемъ аналогичный разсчетъ, тоже относящійся ко времени, близкому къ освобожденію: имъ констатируется, что издѣльное тягло доставляетъ въ среднемъ 150 рублей денежнаго дохода, а оброчное лишь 50—60 рублей, т. е. и тутъ барщина выгоднѣе оброка, приблизительно, въ три раза **). Такимъ образомъ, и въ нечерноземной Россіи были мѣстности, въ которыхъ помѣщикамъ было—въ силу условій почвы и рынка—еще выгодно заниматься земледѣліемъ. Для общаго строя крѣпостного хозяйства весьма характеренъ относящійся къ 1834 г. приказъ одного костромского хозяина, рисующій отношенія между помѣщикомъ и крѣпостнымъ и точно также бросающій свѣтъ на значеніе барщины.

Приказъ ***) обращенъ къ заглазно управляемымъ оброчнымъ крестьянамъ. «Вы всѣ для меня, крестьяне, равны. За что же другіе платятъ болѣе (т. е. болѣе тѣхъ крестьянъ, къ которымъ обращенъ приказъ), гдѣ я живу, по 70 рублей ассигнаціями... У насъ,—говоритъ далѣе помѣщикъ о своей мѣстности,—если два тягла на оброкѣ—одинъ отходитъ въ Петербургъ, или въ работники, другой остается дома и всѣ исправляетъ работы свои и барскія, и во время убирается, не имѣя лишняго въ домѣ. А вы лѣтнее все время все семейство остаетесь дома, отзываетесь вы, что во время лѣта валяете валенки—вздоръ, я какъ въ пріѣздъ мой узналъ, немногіе домы въ запасѣ имѣютъ шерсти. Итакъ, за лучшее вамъ скажу, чѣмъ лѣто лежать всѣмъ дома, да и самая выгода ничтожная отъ продажи лѣса и слишкомъ трудна, не лучше ли вамъ, хотя и кажется (трудно) по глупости вашей, медвѣдямъ, отойтить, гдѣ есть семенны, въ дальнюю работу; на первый годъ, точно, можетъ вы не получите большихъ денегъ, зато сыскавши работу и привыкнувши, тогда хорошій человѣкъ, а не лѣнтяй, можетъ получать деньги большія, изъ которыхъ не только заплатитъ барину оброкъ бездоимочно, и себѣ останется довольно; остальной же въ домѣ съ бабами можетъ легко управиться... Если вы ручаетесь платить оброкъ, лежавши на печи по привычкѣ, исправно, то не перемѣняю вашего обычая, но ежели запущеніе будетъ оброка, то я обязанъ взять свои

*) «Записки Лебедянск. общ. сельск. хоз.» за 1857 г., I, стр. 242—243.

**) *С. Дмитріевъ*, членъ В. Эк. Общ. Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губ. Часть IV. Прибавленія. Изд. 2-е. Москва 1855 г., стр. 23—24.

***) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній *Н. Калачева*, кн. III. Спб. 1862.

мѣры и поступить съ вами, какъ съ тунеядцами—на которыхъ много останется оброку не доплачено, будутъ переведены на издѣлье ко мнѣ, потому что у меня есть въ деревнѣ Ѳедорковѣ, въ Ивашинцевѣ и въ Сорокинѣ впустѣ на 14 тяголъ земли, еще отъ меня въ 30 верстахъ въ сельцѣ Ногахъ на 6 тяголъ; а когда расчистить тамъ, то и болѣе найдется, то я и не потеряю ничего: всякое тягло, переведенное сюда на издѣлье, дастъ 250 руб. доходу въ годъ мнѣ... Вы не работаете на барское, какъ мои тамъ... Я отъ того вамъ предписываю, чтобы вы другъ за дружкой смотрѣли за нерадивыми; если который отобьется отъ рукъ—доносили всѣмъ міромъ мнѣ» (стр. 21—22).

Въ этомъ приказѣ характерна роль помѣщика, ради своихъ интересовъ наталкивающаго крестьянъ на отхожіе промыслы. Угроза барщиной, какъ наказаніемъ, типична для крѣпостной Россіи. Барщина была, несомнѣнно, столь тягостна и, главное, морально тягостна для крестьянъ, что ее считали напастью, и всячески стремились отъ нея избавиться. Расширеніе и упроченіе барщиннаго режима, такимъ образомъ, означало не только повышеніе степени *эксплуатаціи* крестьянскаго *труда*, но и увеличеніе крѣпостного *гнета*.

«При полномъ произволѣ въ опредѣленіи своихъ отношеній къ крѣпостнымъ, — говоритъ князь Волконскій, — хозяину невозможно было удержаться отъ нарушенія ихъ интересовъ то въ томъ, то въ другомъ случаѣ, какъ скоро экономическій ихъ антагонизмъ достаточно выразился, какъ это теперь (т. е. передъ освобожденіемъ. *П. С.*) случилось. Въ общемъ, крѣпостному населенію должно было житься хуже прежняго. Можетъ быть, поэтому крестьяне инстинктивно бывали недовольны всякими перемѣнами стараго хозяйственнаго строя на болѣе новый.

«Новое направленіе и обусловленныя имъ отношенія къ крѣпостнымъ не могли не вызывать и неудовольствій въ средѣ послѣднихъ. Мнѣ кажется, что случаи появленія такого неудовольствія должны были сдѣлаться много чаще въ послѣднее время передъ реформой, чѣмъ въ прежнее время, какъ со стороны крестьянъ, такъ и со стороны дворовыхъ, не говоря уже о томъ времени, когда слухъ о волѣ прошелъ и мысль о возможности быть вольными должна была заставить крѣпостныхъ еще сильнѣе почувствовать тягость своего положенія. Нападенія крѣпостныхъ на своихъ помѣщиковъ, доходившія до суда лишь въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣйствительно происходило замышлявшееся преступленіе, всего же чаще оставшіяся скрытыми, безъ огласки, стали за эти годы явленіями довольно заурядными. Когда по поводу одного изъ такихъ нападеній моимъ отцомъ, княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Волконскимъ, были однажды приглашены для обсужденія этого вопроса нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ во второй уже половинѣ 50-хъ годовъ, то изъ объясненій съѣхавшихся оказалось, что изъ собравшихся рѣдко кто избѣжалъ нападенія со сто-

роны крестьянъ или дворовыхъ, а на нѣкоторыхъ тажія покушенія прямо на жизнь были произведены даже не одинъ разъ, но большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только что-то позорящее для того, на кого оно было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета. Зная такой взглядъ помѣщиковъ, крѣпостные, въ особенности дворовые, иногда нападали даже безъ цѣли убить, а просто, чтобы путемъ побоевъ вынудить себѣ вольную, въ увѣренности, что ихъ дѣйствія огласки не получатъ. Разумѣется, такой способъ добычи вольной былъ сопряженъ съ рискомъ» *).

Самаринъ въ цитированной запискѣ (l. c., стр. 66) тоже указалъ на такой ходъ развитія отношеній между помѣщиками и крестьянами: «По частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ *тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ*, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти» (курсивъ автора).

Но это не значило вовсе, *что крѣпостное право, какъ таковое*, обострялось. Ничуть не бывало. «Въ развитіи взаимныхъ отношеній крѣпостного сословія къ помѣщикамъ усматриваются единовременно два противоположныя стремленія, какъ бы двѣ струи. Съ одной стороны, *крѣпостное право, какъ право лица на другое лицо, подрывается* смягченіемъ нравовъ, и еще болѣе—безсвязнымъ, но тѣмъ не менѣе многозначительнымъ ропотомъ крестьянъ; съ другой—систематически *исчерпываются примѣненія крѣпостного права къ хозяйственнымъ цѣлямъ*. Личный, безцѣльный произволъ убываетъ; постоянное отчетливое давленіе на народъ усиливается». (Самаринъ, l. c., курсивъ автора).

Развивалось и ширилось не крѣпостное право, а крѣпостное хозяйство. Суть дѣла была въ томъ, что «рабочія силы, состоящія въ распоряженіи помѣщиковъ, напрягаются до нельзя, повинности крестьянъ, особенно подводная, въ имѣніяхъ надѣльныхъ, увеличиваются и взыскиваются, хотя правильнѣе прежняго, но зато строже; крестьянскія поля уменьшаются до послѣдней возможности и лучшія земли отходятъ отъ нихъ подъ господскую пашню». (Самаринъ, l. c., стр. 60).

Итакъ, оброкъ въ сферѣ земледѣлія, безспорно, пасовалъ передъ барщиной **). При этомъ несомнѣнно также, что *барщинный трудъ самъ по себѣ былъ весьма непроизводителенъ*. Барщина, такимъ образомъ, побѣждала оброкъ, благодаря тому, что она представляла собой экономически

*) *Кн. Н. Волконскій*, «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Рязань. 1898 г., стр. 41—42.

**) Этотъ фактъ признавали такіе рѣшительные противники крѣпостнаго права, какъ Шторхъ и Заблоцкій. Первый далъ по-истинѣ классическую сравнительно-экономическую оцѣнку оброка и барщины. (Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reiches am Ende des XVIII Jahrh. Zweiter Theil. Riga 1797, S. 361—391).

болѣе стройную и потому болѣе выгодную организацію хозяйства. Выражаясь точнѣе: барщинное хозяйство было выше оброчнаго въ силу общихъ и извѣстныхъ преимуществъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ въ сферѣ производства и сбыта продуктовъ, и, кромѣ того, въ силу исторической неподготовленности русскаго крестьянина-земледѣльца къ товарному производству.

Я остановлюсь еще на одномъ любопытномъ соціальномъ различіи между барщиной и оброкомъ. Барщина нивеллировала крестьянъ *), но не дифференцировала ихъ. Она нуждалась въ кооперація равносильныхъ хозяйственныхъ единицъ: очень богатые крестьяне были ей ненужны, очень бѣдные были прямо въ ущербъ; ихъ нужно было содержать, а что было взять съ безлошаднаго крестьянина-земледѣльца? Оброчная система въ земледѣліи, при которой крестьяне были предоставлены самимъ себѣ и конкуренціи между собой, какъ мы уже указывали выше, не только нивеллировала крестьянъ, но и *дифференцировала* ихъ.

X.

Сравненіе статистическихъ данныхъ о барщинѣ и оброкѣ въ XVIII и XIX вв.

Мы уже упоминали о статистикѣ барщиннаго и оброчнаго режима въ XVIII вѣкѣ, которой наука обязана г. Семевскому, разработавшему «экономическія примѣчанія» генеральнаго межеванія. Къ сожалѣнію данныя послѣднихъ въ разработкѣ г. Семевскаго пріурочены къ слишкомъ крупной единицѣ—губерніи, въ которой сливаются и скрадываются многія важныя мѣстныя различія. Съ другой стороны, у насъ имѣются данныя, собранныя губернскими комитетами для редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу и относящіеся къ концу 50-хъ г. Данныя эти имѣются собственно въ двухъ видахъ: въ погубернскихъ и поуѣздныхъ сводкахъ и въ видѣ совершенно несведеннаго матеріала «извлеченій изъ описаній» помѣщичьихъ имѣній свыше 100 душъ (6 томовъ). Погубернскія и поуѣздныя сводки неполны и не вполнѣ достовѣрны; описанія же помѣщичьихъ имѣній представляютъ сырой матеріалъ, почти совсѣмъ еще не подвергшійся разработкѣ **) и всероссійской сводкѣ ***). Поэтому, пока мы располагаемъ только данными сводокъ редакціонныхъ коммиссій; изъ этихъ сводокъ въ погубернскія вкрались грубыя ошибки, получившіяся вслѣдствіе неправильнаго суммированія поуѣздныхъ данныхъ, и потому поуѣзднымъ должно быть отдано предпочтеніе.

---

*) См. мою статью «Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ» въ журналѣ «Начало» (кн. 1—2).

**) Для Рязанской губерніи онъ получилъ частичную обработку въ изслѣдованіи кн. Волконскаго.

***) Этотъ матеріалъ тоже отнюдь не отличается полнотой. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ виду подвергнуть его, по возможности, исчерпывающей обработкѣ.

Сравненіе данныхъ для послѣдней четверти XVIII в. съ данными редакціонныхъ коммиссій можетъ быть, согласно г. Семевскому, распространено на 8 нечерноземныхъ и 5 черноземныхъ губерній *). Въ нечерноземномъ пространствѣ число оброчныхъ уменьшилось, какъ мы упоминали выше, въ двухъ губерніяхъ: въ Тверской съ 46 до 41,11%, въ Новгородской съ 49 до 45,67%; въ Вологодской оно увеличилось съ 83 до 84%, въ Костромской съ 85 до 87,6%, въ Ярославской съ 78 до 89,44%, въ Псковской съ 21 до 23%, въ Владимірской съ 50 до 69,88 и въ Московской съ 36 до 67,89%. Такимъ образомъ, мы видимъ въ чисто промышленныхъ губерніяхъ рѣзкое увеличеніе процента оброчныхъ крестьянъ, что и соотвѣтствуетъ прогрессивному вытѣсненію земледѣлія промысловыми занятіями. Для черноземной полосы у насъ получается такая картина: въ двухъ изъ губерній этой полосы число оброчныхъ увеличилось: въ Тульской съ 8 до 25,39%, въ Курской съ 8 до 24,53%; въ остальныхъ трехъ губерніяхъ число оброчныхъ уменьшилось: въ Воронежской съ 64 до 44,82%, въ Орловской съ 34 до 26,63, въ Пензенской съ 52 до 24,75%. Для всей черноземной полосы отношеніе числа оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ съ конца XVIII в. до 50-хъ г. XIX в. не измѣнилось (29% оброчныхъ и 71% барщинныхъ).

Этотъ статистическій фактъ, повидимому, противорѣчитъ основному поддерживаемому нами о положенію прогрессѣ барщиннаго режима въ земледѣльческой Россіи въ теченіе XIX в. Но противорѣчіе это только видимое.

Мы уже указывали, что тенденція къ развитію барщины наталкивалась на развивавшееся малоземеліе, и это, конечно, вполнѣ приложимо именно къ такимъ губерніямъ, какъ Курская и Тульская. Съ другой стороны, данныя г. Семевскаго о XVIII в., относящіяся къ черноземной полосѣ, гораздо ниже по своему статистическому достоинству тѣхъ же данныхъ о нечерноземной полосѣ: для первой данныя объемлютъ собой 79%, для второй только 62% общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ по ближайшей ревизіи. Цифра эта для отдѣльныхъ губерній значительно ниже средней: для Пензенской она составляетъ 55%, а для Курской только 39,8% **). Кто можетъ поручиться, что эти 39,8%

*) Мои цифры для XIX в. нѣсколько отличаются отъ цифръ г. Семевскаго, такъ какъ въ основу моего вычисленія положены поуѣздныя сводки.

**) Мы ограничились въ текстѣ тѣми нечерноземными и черноземными губерніями, которыми ограничился г. Семевскій, повидимому, не знавшій, что въ «Трудахъ редакціонныхъ коммиссій» есть данныя о числѣ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ для гораздо бо́льшаго числа губерній. (Данныя эти находятся въ III и VI томахъ «Трудовъ редакціонныхъ коммиссій»). Не ручаясь даже за чисто-топографическую сравнимость этихъ данныхъ съ данными г. Семевскаго, мы приводимъ ихъ здѣсь въ дополненіе къ сдѣланному имъ сравненію.

въ своемъ распаденіи на оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ воспроизводили составъ всего крѣпостного крестьянства губерніи? Статистическая недостаточность данныхъ г. Семевскаго относительно черноземныхъ губерній, данныхъ, значительно уступающихъ въ этомъ отношеніи цыфрамъ XIX в., не позволяетъ считать ихъ сколько-нибудь прочнымъ фундаментомъ для выводовъ. Вопреки этимъ неполнымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе думать, что относительное число барщинныхъ крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ съ конца XVIII в. до освобожденія крестьянъ не упало, а возросло.

Правда, съ одной стороны, земельное утѣсненіе благопріятствовало оброку, но зато, съ другой стороны, барщинѣ благопріятствовала разрѣжавшая населеніе помѣщичья колонизація и постепенное дробленіе крупныхъ имѣній вслѣдствіе перехода ихъ по наслѣдству. Наконецъ, г. Семевскій справедливо указываетъ, что въ XIX в. было широко распространено почти неизвѣстное, повидимому, XVIII в. соединеніе оброка съ барщиной: часть крестьянъ имѣнія платила оброкъ, другая—отбывала барщину *).

XI.

Былъ ли вольнонаемный трудъ выгоднѣе барщиннаго?

Положеніе объ экономическомъ превосходствѣ барщиннаго хозяйства надъ оброчнымъ не устраняетъ другого вопроса: не было ли хозяйство, которое основывалось бы на вольнонаемномъ трудѣ, выгоднѣе хозяйства барщиннаго?

Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что этотъ вопросъ для многихъ представляется и весьма простымъ, и давно уже окончательно рѣшеннымъ. На самомъ же дѣлѣ вопросъ вовсе не простъ и вовсе не рѣшенъ.

ГУБЕРНІИ.	XVIII в.		Время освобожд.	
	% барщ.	% оброчн.	% барщ.	% оброчн.
Калужская	42	58	45	55
Нижегородская	18	82	32	68
Рязанская (для XIX в. по вычисленію кн. Волконскаго) . . .	81	19	52	48
Тамбовская	78	22	78	22

За исключеніемъ Рязанской губ., эти данныя говорятъ скорѣе о расширеніи барщины, чѣмъ о ея умаленіи. Слѣдуетъ замѣтить, что данныя XVIII в. для Рязанской губ. объемлютъ собою только 68,8% общаго числа крѣпостныхъ по ближайшей ревизіи. Съ другой стороны, число оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, которое по извлеченіямъ изъ описанія имѣній свыше 100 вычислилъ кн. Волконскій, для разныхъ уѣздовъ губерніи на 10—30% меньше общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ, причемъ вслѣдствіе того, что мелкія имѣнія не вошли въ счетъ, число барщинныхъ крестьянъ не могло не понизиться.

*) «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», стр. 33—34.

Спрашивая: былъ ли вольнонаемный трудъ выгоднѣе для помѣщиковъ барщиннаго? — мы ставимъ не просто вопросъ о сравнительной выгодности свободнаго и несвободнаго труда, односторонне назначаемой повинности и свободно-договорныхъ отношеній, но и вопросъ о томъ, созрѣлъ ли крѣпостной строй въ силу внутреннихъ причинъ къ ликвидаціи связи крестьянъ съ землей. Только въ этомъ случаѣ можно было бы говорить о большей выгодности для помѣщичьяго класса вольнонаемнаго труда сравнительно съ принудительнымъ, барщиннымъ. Для помѣщиковъ выгоднѣе было бы работать вольнонаемнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если бы для нихъ было бы выгодно замѣнить крѣпкихъ землѣ крестьянъ болѣе или менѣе вольными рабочими. Этого на самомъ дѣлѣ нигдѣ въ Россіи, кромѣ Западнаго края съ его своеобразными экономическими и юридическими отношеніями, да пожалуй еще нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностей, не наблюдалось. Въ относительно густо населенномъ черноземномъ центрѣ Россіи мы не видимъ у помѣщика стремленія отвязаться отъ своихъ крѣпостныхъ работниковъ. На слабо населенныхъ южныхъ и юговосточныхъ степныхъ окраинахъ помѣщики стремятся путемъ колонизаціи создать крѣпостное земледѣльческое населеніе, такъ какъ тамъ вольнонаемный трудъ былъ дорогъ и, кромѣ того, нерѣдко нельзя было его достать и за высокую цѣну. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что для крупнаго сельскохозяйственнаго производства—даже при самомъ высокомъ развитіи денежнаго хозяйства—извѣстная прикрѣпленность рабочаго населенія къ землѣ представляется желательной и выгодной, а крѣпостной строй и означалъ собой полное прикрѣпленіе рабочихъ къ землѣ, въ ту эпоху скорѣе недостатка, чѣмъ избытка рабочихъ рукъ не только удобное, но даже прямо необходимое для помѣщиковъ.

Существуетъ въ дореформенной агрономической и экономической литературѣ цѣлый рядъ расчетовъ сравнительной выгодности барщиннаго и вольнонаемнаго труда для разныхъ мѣстностей Россіи. Однако, эти разсчеты вовсе не могутъ дать основу для рѣшенія вопроса. Тамъ, гдѣ вольнонаемный трудъ игралъ малую роль въ хозяйствѣ, на него былъ незначительный спросъ, и онъ былъ дешевъ: при этихъ условіяхъ онъ казался соблазнительно выгоднымъ сравнительно съ оплачиваемой дорогимъ земельнымъ надѣломъ барщиной. Дѣло въ томъ, что вольнонаемный трудъ былъ дешевъ именно тамъ, гдѣ земля была дорога: въ густо населенныхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Онъ былъ дешевъ, между прочимъ, потому, что абсолютный спросъ на него при господствѣ крѣпостного труда былъ слабъ и тамъ, гдѣ было много оброчныхъ и государственныхъ крестьянъ, оставался значительно позади предложенія. Но полная отмѣна барщины и переходъ къ свободному труду въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнили бы положеніе вещей на рабочемъ рынкѣ, они создали бы абсолютно громадный спросъ на воль-

нонаемный трудъ и—что весьма возможно—подняли бы его цѣну. Кромѣ того, нельзя забывать, что взять у барщинныхъ крестьянъ ту землю, которою они пользовались, значило бы выбросить на рынокъ еще новое количество хлѣбнаго товара, т. е. увеличить предложеніе его, и это не могло бы не понизить—при данныхъ условіяхъ рынка—цѣны хлѣба.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ земли было много, а населенія мало, вольнонаемный трудъ былъ дорогъ и представлялъ лишь неизбѣжное зло. Здѣсь и теоретически и практически было выгоднѣе отдавать часть земли крѣпостнымъ и руками этихъ прикрѣпленныхъ и несвободныхъ работниковъ обработывать остальную часть *). Поэтому мы находимъ въ дореформенной литературѣ вполнѣ, повидимому, убѣдительные разсчеты, доказывающіе, что въ Тамбовской губ. хозяйство, основанное на вольнонаемномъ трудѣ, было бы выгоднѣе барщиннаго, и не менѣе убѣдительные разсчеты, доказывающіе противоположное—для Херсонской губ. Это не значитъ, чтобы вольнонаемное хозяйство въ Тамбовской губ. было дѣйствительно выгоднѣе барщина. Ибо вольнонаемный трудъ въ Тамбовской губ. былъ спорадическимъ явленіемъ, и превращеніе его въ общее правило кореннымъ образомъ измѣнило бы хозяйственныя условія этой мѣстности и, между прочимъ, измѣнило бы и хозяйственное значеніе самого свободнаго труда.

Вопросъ, очевидно, не можетъ быть рѣшенъ ни отдѣльными расчетами, въ основѣ которыхъ лежатъ условія отдѣльныхъ мѣстностей и притомъ условія, не могущія считаться величинами постоянными, а наоборотъ, по существу своему весьма измѣнчивыя, ни общими соображеніями о свойствахъ свободнаго и подневольнаго труда. Рѣшеніе вопроса лежитъ въ общемъ анализѣ условій существованія русскаго крѣпостнаго сельскаго хозяйства въ разсматриваемую эпоху. Вездѣ, гдѣ юридически происходило обезземеленіе или экспропріація земледѣльцевъ, въ основѣ его лежалъ приближавшійся къ своему завершенію экономическій процесъ *открѣпленія* крестьянъ отъ земли.

Такого процесса, какъ массоваго явленія, въ дореформенной Россіи не замѣчалось. «Освободить» же крестьянъ отъ земли простымъ велѣніемъ закона было невозможно и во всякомъ случаѣ измѣнило бы экономическія отношенія между крестьянами и помѣщиками только по формѣ, а не по существу. Это значило бы на мѣсто надѣленія землей крѣпостныхъ рабочихъ силъ поставить отработочную аренду: бывшіе крѣпостные стали бы у прежнихъ господъ брать свои прежніе надѣлы и платить за нихъ по прежнему своимъ трудомъ, отнынѣ, по формѣ, «свободнымъ».

---

*) Отсюда,—какъ мы уже указали,—помѣщичья колонизація... «Заволжскій и Новороссійскій край... населены въ недавнее время переводомъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Самое ихъ населеніе было спекуляціею помѣщиковъ, и крестьяне съ минуты ихъ водворенія посажены на барщину. Оброчная система въ этихъ краяхъ существуетъ почти исключительно въ казенныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ». (Ю. Ѳ. Самаринъ, l. c. стр. 49—50).

Экономическое существо отношеній, несмотря на измѣненіе юридической формы, осталось бы прежнимъ. Вопросъ о томъ, выгоднѣе ли было бы пользоваться такимъ «вольнонаемнымъ» трудомъ, чѣмъ прежнимъ «крѣпостнымъ», сводился къ тому: выгодно ли было въ сельскохозяйственномъ производствѣ простую принудительную власть вотчинника замѣнить свободнымъ договоромъ землевладѣльца съ неимѣющимъ земли арендаторомъ-рабочимъ, выгоднѣе ли было прямое принужденіе замѣнить косвеннымъ, экономическимъ. Этотъ вопросъ, намъ кажется, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ для тої ступени хозяйственнаго развитія, на которой находилась землевладѣльческая Россія передъ освобожденіемъ крестьянъ. Мы думаемъ, что—при прочихъ равныхъ условіяхъ—отмѣна принудительнаго труда привела бы къ уменьшенію и прибавочнаго продукта и общаго количества сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи. Если этого не случилось, то потому, что одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ произошелъ не менѣе крупный переворотъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ: благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, денежное хозяйство получило огромный толчокъ, имѣвшій крупныя и для различныхъ областей Россіи самыя различныя послѣдствія, означая всюду нарушеніе прежняго хозяйственнаго равновѣсія.

Русскіе аболиціонисты, съ А. Заблоцкимъ-Десятовскимъ во главѣ, полагали, что крѣпостной трудъ, «обязательная рента», не давая возможности точно расчесть издержки производства, лишалъ крѣпостное хозяйство основы правильнаго экономическаго разсчета. Это было не вѣрно фактически. «Крѣпостной трудъ», съ экономической точки зрѣнія, точно такъ-же «оплачивался», какъ оплачивался бы и вольнонаемный, и крѣпостная экономія, какъ это доказываютъ безчисленные примѣры, умѣла очень хорошо вести счета ему и отдаваемому за него эквиваленту въ видѣ земельнаго надѣла. Въ основѣ знаменитой экономической критики крѣпостного права у Заблоцкаго-Десятовскаго лежало не констатированіе факта, а либеральная естественно-правовая идея, что единственно только свободно-договорныя отношенія экономически разумны и выгодны для обѣихъ сторонъ *). На этомъ правовомъ предразсудкѣ либеральной политической экономіи зиждилась критика «обязательной ренты» у Заблоцкаго и безъ него она совершенно падала. Мало того, безъ этого исходнаго предположенія она совершенно не понятна. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, въ которомъ Заблоцкій видѣлъ основную причину неустойчивости или, какъ онъ вы-

*) Мы имѣемъ въ виду статью: «Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи», помѣщенную въ №№ 5 и 6 «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Любопытно, что г. Семевскій, подробно остановившійся на этой статьѣ въ своей книгѣ «Крестьян. вопросъ», совсѣмъ не замѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ, что критика Заблоцкаго всецѣло строилась на естественномъ правѣ буржуазнаго экономическаго либерализма.

ражался, «колеблемости» хлѣбныхъ цѣнъ, натуральная оплата принудительнаго труда не только не являлся зломъ для помѣщичьяго хозяйства, но, наоборотъ при данныхъ общихъ условіяхъ народнаго хозяйства страны и въ особенности при данныхъ условія хлѣбнаго рынка былъ однимъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ преимуществъ крѣпостныхъ владѣльцевъ.

XII.

Взглядъ на русскій сельскохозяйственный рынокъ въ XIX в. до освобожденія крестьянъ.

Для того, чтобы понять это, намъ необходимо обратиться къ сельскохозяйственному рынку въ дореформенной Россіи XIX в. и бросить бѣглый взглядъ на его положеніе и развитіе въ первые пятьдесятъ лѣтъ истекающаго столѣтія.

XIX в. открывается эпохой высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, которыя держались въ первыя два десятилѣтія, и затѣмъ сильно упали, но потомъ опять стали повышаться. Въ общемъ въ періодъ съ 1824 по 1857 годъ цѣны на хлѣбъ двигались вверхъ, а не внизъ. Однако, эта общая благопріятная тенденція въ значительной мѣрѣ парализовалась основнымъ зломъ хлѣбной торговли и крѣпостного хозяйства дореформенной эпохи: рѣзкими колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ. Колебанія эти составляли прямое послѣдствіе того, что, благодаря слабому развитію обмѣна и средствъ сообщенія—процессъ *уравненія* цѣнъ во времени и пространствѣ встрѣчалъ сильнѣйшія препятствія. Хорошіе урожаи непомѣрно роняли цѣны, а худые давали мало продукта, который въ значительной мѣрѣ шелъ на обязательное прокормленіе крестьянъ. Въ сущности зло неустойчивости хлѣбныхъ цѣнъ сводилось къ тому, что рынокъ для продуктовъ хлѣбороднаго центра скоро оказался слишкомъ узкимъ.

Для иллюстраціи сказаннаго необходимо привести нѣкоторые расчеты и цифры. По разсчетамъ статистиковъ нашего дореформеннаго земледѣлія, обыкновенный ежегодный урожай разнаго хлѣба въ Россіи составлялъ въ 40 и 50-хъ гг. до 250 милл. четвертей. Изъ этого количества обращалось:

на продовольствіе	земледѣльческаго населенія . . .	132	милл.
»	» городского населенія и войска. .	18	»
»	» винокуреніе	10	»
»	» обсѣмененіе	60	»
	Итого. . . .	220	милл.

Значитъ, при среднемъ урожаѣ ежегодный остатокъ могъ простираться до 30 милл. четвертей. Между тѣмъ въ 1845—1853 г. заграницу среднимъ числомъ отпускалось около $5^1/_2$ милл. четв. или только $^1/_6$

всего средняго производимаго излишка*). Такимъ образомъ, производство обогнало рынокъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ также, что значеніе внутренняго рынка было во много разъ (по меньшей мѣрѣ въ $4^1/_2$—5 разъ) больше значенія внѣшняго рынка. И въ то же время внѣшній рынокъ расширялся быстрѣе внутренняго, а между тѣмъ для хлѣбороднаго центра первый былъ — при тогдашнихъ условіяхъ транспорта—очень мало доступенъ. Расширеніе внѣшняго рынка шло на пользу производившаго пшеницу юга. Соотвѣтственно этому экспортъ южныхъ портовъ развивался гораздо быстрѣе экспорта портовъ балтійскихъ.

Колебанія хлѣбныхъ цѣнъ иллюстрируются слѣдующими данными. Съ 1833 по 1841 г. среднія высшія цѣны относились къ среднимъ высшимъ:

Въ Москвѣ.	какъ	10	: 42
» Владимірѣ.	»	10	: 38
» Ярославлѣ.	»	10	: 26
» Костромѣ.	»	10	: 25
» Новгородѣ.	»	10	: 23
» С.-Петербургѣ.	»	10	: 22

Таковы были колебанія цѣнъ въ губерніяхъ, продовольствовавшихся привознымъ хлѣбомъ.

Въ губерніяхъ же, которыя производили хлѣбъ на сбытъ, эти колебанія были гораздо больше. Въ нихъ отношеніе цѣнъ представлялось въ такомъ видѣ:

въ Симбирскѣ	какъ	10 :	48
» Воронежѣ	»	10 :	50
» Пензѣ	»	10 :	57
» Екатеринославѣ	»	10 :	58
» Рязани	»	10 :	65
» Тамбовѣ	»	10 :	67
» Саратовѣ	»	10 :	67
» Курскѣ	»	10 :	82
» Тулѣ	»	10 :	100
» Ставрополѣ	»	10 :	111 **).

Такимъ образомъ хозяева тѣхъ губерній, которыя были заинтересованы въ продажѣ хлѣба, страдали всего болѣе отъ колебаній въ его цѣнѣ.

Колебанія цѣнъ въ пространствѣ иллюстрируются слѣдующими данными: весной 1845 г. на пространствѣ въ 600 или 700 верстъ, отдѣляющемъ Псковскую губернію отъ Курской, разность въ цѣнахъ на

*) «Обзоръ... главныхъ отраслей сельской промышленности въ Россіи... съ 1844 по 1854 годъ», стр. XXI—XXII.

**) Цифры эти заимствованы изъ статьи *Д. С. Протопопова* «О хлѣбной торговлѣ въ Россіи» журн. М-ва Госуд. Имущ. 1842 г.

рожь опредѣлялась отношеніемъ 10 : 1—въ Псковской губ. цѣна доходила до 14 и 15 руб. сер., въ Курскѣ же составляла 1 р. 50 к. Въ 1843 году (съ равномѣрнымъ урожаемъ) въ Петербургской губ. хлѣбъ былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ въ Курской.

Колебанія хлѣбныхъ цѣнъ представляли въ дореформенной Россіи настоящее общественное бѣдствіе, отъ котораго страдали и помѣщики, и еще болѣе крестьяне *). Вопросъ объ этихъ колебаніяхъ породилъ цѣлое движеніе въ помѣщичьей средѣ и цѣлую литературу. Наиболѣе смѣлые аграрные умы въ крѣпостной Россіи додумались тогда до идеи, легшей въ основу «крупнаго средства» современныхъ нѣмецкихъ аграріевъ, такъ-называемаго «предложенія Канитца», до идеи *монополизаціи хлѣбной торговли въ интересахъ сельскихъ хозяевъ*.

Въ то время на сельскохозяйственномъ рынкѣ въ качествѣ производителя господствовалъ помѣщикъ. Какъ въ пореформенной Россіи въ среднемъ только помѣщичья земля даетъ прибавочный продуктъ, такъ въ дореформенной Россіи прибавочный продуктъ давало только помѣщичье хозяйство. Конечно, даже и тогда *средній* крестьянинъ представлялъ абстракцію: были крестьяне съ хлѣбными избытками, были и съ постояннымъ дефицитомъ. Тогда только это раздвоеніе крестьянина на избыточную и дефицитную группу опредѣлялось больше географическими условіями національнаго раздѣленія труда, чѣмъ чисто соціальными условіями расщепленія крестьянской массы на бѣдныхъ и богатыхъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ помѣщичьему крестьянству проявлялъ свое полное дѣйствіе могущественный нивеляторъ: барщина. Барщинное хозяйство было положительно заинтересовано въ равенствѣ среди крестьянъ, потому что оно прежде всего нуждалось въ кооперації равносильныхъ хозяйственныхъ единицъ. Съ другой стороны, отнимая по общему правилу весь прибавочный продуктъ у крестьянъ, оно въ самомъ корнѣ подрѣзывало возможность образованія капитала, какъ соціальнаго отношенія, между подчиненными барщинному режиму «душами».

---

*) «Чрезмѣрныя колебанія, обнаруживающія неправильность въ ходѣ хлѣбной производительности, *оказываютъ бѣдственное вліяніе на народное благосостояніе.* Настаетъ дорогой годъ, хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ вчетверо и впятеро дороже того, по чемъ земледѣлецъ сбылъ свои излишки въ прошломъ году; не имѣя запасовъ, крестьянинъ не имѣетъ и средствъ купить себѣ хлѣба; бѣдствіе голода поражаетъ селенія и заставляетъ земледѣльца смотрѣть съ отчаяніемъ на свой промыселъ, который не доставляетъ ему насущнаго хлѣба. Онъ получаетъ пособіе хлѣбомъ на продовольствіе; но какъ уплатитъ онъ государственныя и другія повинности, откуда добудетъ денегъ на соль и на другія домашнія надобности? Непосредственно за такимъ годомъ наступаетъ годъ урожая, годъ дешеваго хлѣба. Хлѣба много, но онъ ни-по-чемъ, и часто продажа всего урожая недостаточна крестьянину для уплаты однѣхъ повинностей, тогда какъ онъ обремененъ еще долгами и недоимками, накопившимися отъ неурожайныхъ годовъ» (*Заблоцкій*, цитир. статья въ «Отеч. Зап.» 1847 г., май, отд. IV, стр. 13).

Въ 50-хъ гг. извѣстный издатель «Журнала Землевладѣльцевъ» *) Желтухинъ вычислилъ, что на покрытіе средняго недостатка въ продовольствіи государственныхъ крестьянъ и на продовольствіе неземледѣльческихъ классовъ нужно слишкомъ 35 милл. четв. помѣщичьяго хлѣба. Еще одна черточка: помѣщикъ какъ руководитель барщиннаго труда, доминировалъ на внутреннемъ рынкѣ, потому что барщиннымъ трудомъ производилась рожь; пшеница же была въ значительной мѣрѣ хлѣбомъ вольнымъ, производимымъ вольнонаемнымъ трудомъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ. Указаніе на роль помѣщичьяго хлѣба на хлѣбномъ рынкѣ служило у такихъ публицистовъ помѣщичьяго класса, какъ Желтухинъ, аргументомъ противъ слишкомъ либеральнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Смыслъ этого аргумента былъ таковъ: если вы освободите крестьянъ такъ, что сократятся помѣщичьи запашки, то вы этимъ уменьшите вообще хлѣбное производство страны. Это указаніе было экономически совершенно вѣрно, поскольку крестьянская реформа представлялась, какъ изолированный актъ. Какъ таковой, она несомнѣнно начала бы въ нашей исторіи періодъ натурально-хозяйственной реакціи. Но въ дѣйствительности крестьянская реформа сопровождалась другими важными хозяйственными преобразованіями, означавшими усиленный переходъ страны къ денежному хозяйству.

Отмѣченное выше развитіе помѣщичьяго хозяйства центра—уперлось, какъ мы видѣли, въ стѣну низкихъ цѣнъ. Въ общемъ крѣпостное хозяйство, конечно, имѣло дѣло съ «повышающимся», а не «падающимъ» рынкомъ, но повышеніе цѣнъ шло слишкомъ неправильно и слишкомъ медленно сравнительно съ развитіемъ хозяйства. Для интересующаго насъ вопроса объ экономическомъ значеніи свободнаго труда въ дореформенной Россіи изъ указанныхъ фактовъ вытекаютъ важные выводы, дающіе, на нашъ взглядъ, совершенно опредѣленное рѣшеніе этого вопроса. При узости рынка, выражавшейся въ низкихъ цѣнахъ въ годы хорошаго урожая, сельскіе хозяева нуждались въ томъ, чтобы денежныя издержки производства были *возможно ниже*. Этой потребности хозяйства въ возможно низкихъ денежныхъ издержкахъ производства соотвѣтствовала натуральная оплата принудительнаго труда. Принудительность труда гарантировала абсолютно низшій уровень вознагражденія за трудъ; натуральная оплата этого труда земельнымъ надѣломъ уменьшала сумму денежныхъ издержекъ производства и тѣмъ самымъ уменьшала общую массу продукта, которая должна была быть выброшена на и безъ того переполненный (въ годы обильныхъ урожаевъ) рынокъ. Вмѣстѣ съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ можно признать, что цѣны на русскомъ хлѣбномъ рынкѣ (какъ и вездѣ, впрочемъ) опредѣлялись отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ.

Но, благодаря развитію помѣщичьяго хозяйства, предложеніе хлѣба

*) «Журналъ Землевладѣлецъ» № 24 (1859 г.).

обогнало спросъ, и при этихъ условіяхъ послѣдній строилъ цѣны, вопреки мнѣнію Заблоцкаго, полагавшаго, что, наоборотъ, предложеніе, въ основѣ котораго лежало производство хлѣба крѣпостнымъ трудомъ, само роняло цѣны. Конечно, при узости рынка, хозяйство, не нуждавшееся въ денежномъ возмѣщеніи одной изъ самыхъ важныхъ статей издержекъ производства—оплаты рабочей силы, могло, не подрывая себя, итти дальше въ уступкахъ спросу, чѣмъ вполнѣ денежное хозяйство. И въ этомъ состояла экономическая сила, а не слабость русскаго дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства. При этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о большей выгодности вольнонаемнаго труда сравнительно съ принудительнымъ, поскольку дѣло шло о массѣ земледѣльческихъ рабочихъ силъ.

Въ сущности теорія хлѣбныхъ цѣнъ въ крѣпостномъ хозяйствѣ, изложенная Заблоцкимъ, если освободить ее отъ естественноправовыхъ, лишенныхъ научнаго значенія, придатковъ, можетъ быть сведена къ несообразному положенію, что низкія издержки производства неизбѣжно роняютъ цѣну товара ниже своего уровня. Такая теорія не требуетъ критики. Она была плохимъ и слабымъ аргументомъ въ пользу хорошаго и сильнаго дѣла: освобожденія крестьянъ.

XIII.

Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Внутреннее развитіе самого крѣпостного сельскаго хозяйства, такимъ образомъ, далеко еще не достигло того пункта, на которомъ его интересамъ соотвѣтствовала бы ликвидація хозяйственнаго содержанія крѣпостного права. Съ другой стороны, развитіе крѣпостного хозяйства несомнѣнно уперлось въ аграрный кризисъ, причины котораго лежали въ томъ, что рынокъ отставалъ отъ производства. Мы видѣли также, какъ развитіе крѣпостного хозяйства, прогрессъ барщины и ея интенсификація означали повышеніе эксплуатаціи крестьянскаго труда, и какъ это вызывало реакцію со стороны крѣпостныхъ крестьянъ.

Такъ, въ эпоху своего высшаго расцвѣта крѣпостное хозяйство въ своихъ нѣдрахъ развивало два крупныя противорѣчія, бросавшія тѣнь на его будущее. Но тутъ начинается уже другой вопросъ, о причинахъ паденія крѣпостного строя. Этотъ вопросъ мы разберемъ въ спеціальномъ очеркѣ, который по существу составитъ непосредственное продолженіе настоящаго этюда.

Прежде чѣмъ закончить наше изложеніе, намъ хотѣлось бы подчеркнуть нѣкоторые, какъ намъ кажется, существенные выводы, которые изъ него вытекаютъ.

Представленіе, согласно которому русское крѣпостное хозяйство по своему существу рѣзко отличается отъ типичнаго западно-европейскаго крѣпостного хозяйства, отъ восточно-германской Gutsherrschaft, оказывается невѣрнымъ.

Кнапповская формула: «Der Ritter wird Landwirt» (дворянинъ становится сельскимъ хозяиномъ) объемлетъ собою и развитіе русскаго сельскаго хозяйства. Развитіе это характеризуется возрастаніемъ общей массы сельскохозяйственнаго продукта и параллельнымъ увеличеніемъ продукта прибавочнаго, составляющаго не трудовой доходъ; другими словами: производственный прогрессъ сопровождается повышеніемъ степени эксплуатаціи труда.

Съ другой стороны, наше изложеніе указываетъ на историческую преемственную связь между русскимъ дореформеннымъ и пореформеннымъ хозяйствомъ. Крѣпостное помѣщичье хозяйство было денежно-хозяйственнымъ клиномъ, глубоко вбитымъ въ натурально-хозяйственное тѣло страны. «Производство хлѣба на продажу» вовсе не было чѣмъ-то противорѣчившимъ существу крѣпостного хозяйства, какъ думаетъ одинъ выдающійся изслѣдователь нашей новѣйшей экономической эволюціи *), а, наоборотъ, составляло его движущій мотивъ и опредѣляющую цѣль. Получивъ въ 1861 году тяжелый ударъ извнѣ, крѣпостное хозяйство всей послѣдующей аграрной эволюціей нашей страны, къ сожалѣнію, блистательно доказало свою живучесть. Этого не было бы, если бы оно пало въ силу своего внутренняго «распаденія».

Какъ бы то ни было, но, какъ денежно-хозяйственная организація, оно непрерсредственно примыкаетъ къ экономическому строю пореформенной. Факты показываютъ, что тутъ не было того экономическаго разрыва, который предполагался большинствомъ изслѣдователей пореформеннаго хозяйства. Это еще лишній разъ доказываетъ, какъ необходимо научное изученіе историческихъ прецедентовъ нашего пореформеннаго хозяйства.

Петръ Струве.

---

*) *Владиміръ Ильинъ.* «Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности». Спб. 1899, стр. 128—130.

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ

1.

Въ сердцѣ, скрытая какъ тайна,
Есть завѣтная струна,
И затронута случайно,
Откликается она.

—

Чѣмъ сильнѣй прикосновенье—
Тѣмъ болѣзненнѣе звукъ:
Прежней скорби дуновенье,
Отголосокъ давнихъ мукъ.

2.

Послѣдній лучъ зари исчезъ,
Подернулись туманомъ горы,
На синемъ бархатѣ небесъ
Блеснули звѣздные узоры.

—

Все разгораются свѣтлѣй
Созвѣздій ласковыя очи,
И въ мягкомъ сумракѣ аллей—
Сильнѣе чары южной ночи.

—

Во мракѣ бѣлые дома
Едва замѣтны надъ горою,
И цѣпь холмовъ одѣла тьма
Своей волнистою чадрою.

—

На каждый шорохъ, каждый звукъ,
Ночного вѣтра дуновенье—
Отвѣтомъ служитъ сердца стукъ,
Его тревожное біенье

—

Чему-то внемлешь чуть дыша
Въ мечтахъ восторженныхъ и чистыхъ,
И раскрывается душа,
Какъ лепестки цвѣтовъ душистыхъ.

О. Чюмина.

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Окончаніе* *).

Глава двадцать девятая.

I.

Ордынцева, давно уже озлобленная противъ мужа и изводившая его невозможными, умышленно унижающими сценами, которыя вызывали въ концѣ концовъ грубыя вспышки Ордынцева, считала себя, разумѣется, жертвой, погубившей свою жизнь съ такимъ безсовѣстнымъ человѣкомъ.

Еще бы! Красивая, блестящая, она могла бы сдѣлать отличную партію и занять видное положеніе, если бы не имѣла глупости влюбиться въ Ордынцева и выйти за него замужъ, разсчитывая, что онъ, ради любви, дѣйствительно будетъ заботиться о любимой женѣ и о семьѣ. Это вѣдь обязанность каждаго порядочнаго человѣка... Не урѣзать же ихъ въ грошахъ! Могъ бы онъ давно имѣть отличное мѣсто!..

И, упрекая его, она драпировалась въ тогу несчастной, брошенной жены,—жены, которая, не смотря на презрительное равнодушіе мужа, свято исполняетъ долгъ замужней женщины и молча страдаетъ, лишенная чувства.

Отъ частой лжи о собственной добродѣтели, Анна Павловна почти сама вѣрила въ свою безукоризненность, тѣмъ болѣе, что и боязнь общественнаго мнѣнія, и холодная разсудочность ея чувственной натуры научили Ордынцеву выбирать молчаливыхъ героевъ и вести свои любовныя авантюры съ таинственной осторожностью самаго опытнаго дипломата.

Это искусство высшей школы тайно пользоваться наслажденіями и даже, благодаря имъ, благоразумно пополнять домашній

*) См. «Міръ Божій», № 9 сентябрь, 1899 г.

бюджетъ, сохраняло въ глазахъ мужа, дѣтей и знакомыхъ ея неприступное положеніе безупречной женщины и въ то же время давало ей возможность подавлять Ордынцева, какъ незаботливаго отца и злого мужа, своимъ величественнымъ презрѣніемъ.

И вдругъ, какая-то нелѣпая случайность, почти ребяческая неосторожность—и все упорное лицемѣріе ея жизни сразу обращалось въ ничто. Дернуло же ее, такую предусмотрительную, выйти вмѣстѣ съ Козельскимъ изъ ихъ „пріюта“ на Выборгской, да еще соглашаться на свиданья вечеромъ, а не днемъ, когда мужья должны быть на службѣ. И какъ разъ теперь, когда она и безъ того, въ качествѣ брошенной жены, чувствовала свое матеріальное положеніе особенно шаткимъ.

Ордынцеву все болѣе и болѣе злобно тревожила мысль, что мужъ, узнавшій, что она скрывала отъ него свои авантюры, захочетъ отомстить ей. Какъ большая часть женщинъ, она была пристрастна къ человѣку, котораго ненавидѣла, и боялась, что Ордынцевъ объявитъ ей, что давать назначенныя деньги не станетъ, такъ какъ ея любовникъ, занимавшій хорошее положеніе, конечно, оплачиваетъ ея ласки.

Кромѣ того, Анну Павловну начинали уже охватывать сомнѣнія въ силѣ ея чаръ надъ Николаемъ Ивановичемъ. До сихъ поръ онъ не только что не нанялъ новой квартиры для свиданій, но и ни разу не былъ у нея и не писалъ ей. Она знала легкомысленный характеръ своего друга, и у нея уже мелькало подозрѣніе, что, несмотря на свою моложавость и умѣнье показывать себя привлекательной любовницей, она уже начинаетъ пріѣдаться этому превосходительному гурману.

Уже двѣ недѣли прошло съ ихъ послѣдняго свиданія, и она рѣшила сама вызвать его.

Тяжелыя мысли смущали Ордынцеву, ей даже казалось, что и сынъ могъ дагадываться объ ея связи, какъ догадывалась лукавая Ольга, подкупать которую она старалась подарками и ласковымъ вниманіемъ.

Въ этотъ день она обѣдала только съ сыновьями. Обѣдъ прошелъ въ полномъ молчаніи. Анна Павловна была не въ духѣ и ея обижало, что ни Алексѣй, ни гимназистъ словно бы не замѣчали этого.

Когда встали изъ-за стола Ордынцева не безъ мрачной торжественности сказала сыну:

— Зайди ко мнѣ, голубчикъ Алеша... Мнѣ надо съ тобой поговорить...

— Надѣюсь, не долго, мама? Я очень занятъ одной спѣшной работой...

— На минутку.

Она вошла въ свою комнату и, усѣвшись на свое обычное мѣсто въ глубокомъ креслѣ, спросила у своего любимца:

— Скажи, пожалуйста, Алеша, насъ вполнѣ обезпечиваетъ бумага, выданная отцомъ? Меня это время все безпокоютъ мысли о вашемъ будущемъ...

Алексѣй серьезно посмотрѣлъ на мать.

— Что, мама, за вопросъ? Повѣрь, что я имѣлъ ввиду интересы семьи, совѣтуясь съ адвокатами. Отецъ подписалъ все, что нужно, и, наконецъ, онъ, кажется, держалъ себя совсѣмъ корректно? Не забывай, что онъ могъ и не давать никакого обязательства. И, главное, на какомъ основаніи ты безпокоишься?— спросилъ онъ и едва замѣтная высокомѣрная насмѣшка скользнула въ его голубыхъ, ясныхъ глазахъ.

Ордынцева невольно покраснѣла и съ нѣкоторой раздражительностью проговорила:

— Какъ мнѣ, Алеша, не думать о нашемъ положеніи, когда, не далѣе, какъ надняхъ, я случайно узнала, что всѣ эти супружескія обязательства не имѣютъ юридической силы.

Алексѣй пожалъ плечами и докторально замѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ порядочные люди ихъ выполняютъ. И намъ надо чѣмъ-нибудь сильно раздражить отца, чтобы онъ, подъ вліяніемъ аффекта, отказался отъ своего обѣщанія. Да, ты, мама, съ твоимъ умомъ и сама должна это знать...

Онъ произнесъ эти слова своимъ обычнымъ внушительнымъ тономъ, но матери послышалось въ нихъ что-то подозрительное и ей стало неловко.

Всегда самоувѣренная передъ дѣтьми, она сразу потеряла эту самоувѣренность, словно бы вдругъ замѣтила, что въ глазахъ сына ея престижъ добродѣтельной женщины поколебленъ. Эта мысль подняла въ ней раздраженіе противъ любимца.

— Ты могъ бы понять, какія безсонныя ночи провожу я, когда мнѣ думается, что мы можемъ остаться нищими.

Алексѣй съ скрытымъ презрѣніемъ взглянулъ на выхоленное, здоровое, свѣжее лицо матери, ничѣмъ не говорившее о безсонницѣ, произнесъ:

— Вотъ это напрасно. Хорошій сонъ необходимъ для здоровья. А если, у тебя нервы пошаливаютъ—принимай бромъ и успокойся за свое содержаніе... Надѣюсь, что не должно быть серьезнаго основанія безпокоиться за него... Ты вѣдь не легкомысленная молодая женщина и, слѣдовательно... Ну, я иду... Не распусти своихъ нервовъ...

И не торопливо, съ обычнымъ спокойнымъ авторитетнымъ видомъ Алексѣй вышелъ изъ комнаты.

Слезы хлынули изъ глазъ Ордынцевой. Ей было обидно. Ея

любимецъ, которому она отдала столько чувства и заботъ, котораго она боготворила, гордясь его красотой, умомъ и выдержкой, отнесся къ ней жестко и безсердечно. И она невольно вспомнила, какъ возмущалъ онъ отца и какъ грубо тотъ обрывалъ Алексѣя, приводя этимъ въ негодованіе мать.

А теперь и она была оскорблена и возмущена сыномъ.

Онъ не любитъ ее, горячо любящую мать. Онъ словно не оцѣнилъ, сколько вынесла она изъ за него страданій, какъ защищала его передъ отцомъ, какъ заботилась и баловала...

„За что такая холодность къ матери?“—думала Ордынцева.

II.

Она всплакнула и собралась писать Козельскому, какъ въ комнату влетѣла Ольга.

Взволнованная, со слезами на глазахъ, она вызывающимъ тономъ бросила матери:

— Мама, что это за гадость у Козельскихъ? Я только что отъ нихъ и больше къ нимъ ходить не могу!

— Что такое? Ничего не понимаю... Говори толкомъ, въ чемъ дѣло?—раздраженно и нетерпѣливо спросила мать.

Чувство страха охватило ее при мысли, что у Козельскихъ что-то произошло изъ-за ея отношеній къ Николаю Ивановичу.

— Я, кажется, мама, ясно тебѣ говорю. Меня тамъ оскорбили.

— Оскорбили?!

— Да. Козельскія ни слова со мной не сказали...

— Такъ зачѣмъ же ты осталась тамъ обѣдать?—недовольно спросила мать.

— Меня оставила Тина, не Козельская. А Николай Ивановичъ, обыкновенно такой милый, за обѣдомъ и не замѣчалъ меня, а Тина еще хихикала. Каково это?

— Что ты за вздоръ несешь? За что Козельскимъ на тебя сердиться?

— То-то меня и удивляетъ...

— Быть можетъ, вы съ Тиной позволяете себѣ рѣзкія глупости и этимъ недовольна Антонина Петровна?

— Пожалуйста, меня-то не обвиняй! Я тутъ непричемъ. Если обращеніе со мной Козельской вдругъ измѣнилось, то не я виновата. И я не желаю ссориться съ людьми, изъ за другихъ...

Ордынцева, вспыхнула и со злобой взглянула на дочь.

— На что смѣешь ты намекать?

— На что? Точно ты не знаешь, что такая ревнивая дура, какъ Антонина Петровна, не могла не вообразить, что Николай Ивановичъ ухаживаетъ за тобой. Она на мнѣ только злобу срывала. Согласись, мама, что мнѣ это не особенно пріятно!

— Ольга! И тебѣ не стыдно думать, Богъ знаетъ что̀ о матери?!—съ видомъ оскорбленной и разжалованной богини проговорила Ордынцева и поднесла платокъ къ глазамъ.

Но Ольга, исключительно думавшая о себѣ, не повѣрила слезамъ матери и не обратила на нихъ особеннаго вниманія.

— Но надо же чѣмъ-нибудь объяснить такой пріемъ? Еще недавно Антонина Петровна была со мной ласкова, а сегодня...

— Я сама поѣду къ Козельской,—рѣшительно проговорила Ордынцева, въ душѣ увѣренная, что не сдѣлаетъ этого.

— Ты поѣдешь?

— Поѣду! И докажу, что вся эта исторія—твое воображеніе.

— Очень была бы рада. Ты должна это уладить, мама. Намъ совсѣмъ некстати рвать съ Козельскими. Это чуть ли не единственный домъ, гдѣ я могу видѣть порядочное общество. И, наконецъ, наше положеніе и безъ того не завидно...

— Безъ тебя знаю, что отецъ не такъ заботится о насъ, какъ бы слѣдовало. Мнѣ и безъ того тяжело, а тутъ еще ты меня разстраиваешь своими глупостями.

— Мнѣ развѣ такъ весело живется? А вѣдь я молода, мнѣ жить хочется! Ты какъ будто забываешь объ этомъ... Благодарю...

И съ этими словами, въ которыхъ слышалась раздраженная зависть молодой, жаждущей наслажденій, дѣвушки, къ пожилой матери, все еще пользующейся жизнью, она быстро выбѣжала изъ комнаты и, крѣпко хлопнувъ дверью проговорила вполголоса, но настолько громко, чтобы мать могла слышать:

— У самой любовникъ, а туда же притворяется...

— Господи, что за мука!—прошептала мать, искренно чувствуя себя страдалицей.

III.

Ольга прошла къ брату.

— Послушай, Алексѣй, я должна тебя предупредить...—начала она торопливо и захлебываясь.

— Ну что тамъ такое еще?

— У Козельскихъ цѣлый скандалъ...

— А тебѣ какое дѣло? Пусть ихъ скандалятъ!

— Тоже сказалъ! Да ты пойми, въ чемъ дѣло...

— Ну, говори скорѣй, сорока!

— Должно быть, мама влетѣла,—таинственно и понижая голосъ, сказала Ольга, и въ ея темныхъ глазахъ сверкнуло какое-то лукавое удовольствіе.

— Дура,—категорически произнесъ студентъ.—Неужели ты не понимаешь, что объ этомъ не говорятъ. А я и безъ тебя давно знаю, что слѣдуетъ знать.

— Ты одинъ умный!

— Выходи-ка ты лучше поскорѣе за своего Уздечкина...

— И выйду! А если не сдѣлаетъ предложенія, поступлю на сцену. Мнѣ давно говорили, что съ моей наружностью и голосомъ это не трудно. Все равно отъ васъ ничего путнаго не дождешься... Только однѣ дерзости и отъ мамы, и отъ тебя. Пойду поговорю съ отцомъ,—съ истерическими слезами въ голосѣ, почти взвизгнула Ольга.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ блѣдный вихрастый гимназистъ въ старой растегнутой блузѣ, съ запачканными чернилами пальцами и съ нѣсколько возбужденнымъ взглядомъ перваго ученика, долбившаго до умопомраченія. Онъ набросился на сестру:

— Да перестанешь ли ты кричать чепуху! Тебѣ-то хорошо, а мнѣ къ завтрому уроковъ много... Вы съ мамой только мѣшаете... Любовь да любовь, а дѣла не дѣлаете...

— Ты-то еще что, болванъ, дерзкій мальчишка! Пошелъ вонъ!

Старшій братъ высокомѣрно и презрительно оглядѣлъ сестру съ ногъ до головы.

— Довольно. Оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ надо заниматься.

Но вихрастый гимназистъ исчезъ такъ же быстро, какъ и появился, и уже сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ за учебникомъ. зажавъ уши пальцами и, какъ оглашенный, выкрикивалъ свой урокъ.

А Ольга со слезами раздраженія и обиды вышла отъ Алексѣя. Она усѣлась на низенькомъ диванчикѣ въ своемъ будуарѣ и, грустная, жалѣла о своей несчастной судьбѣ.

— Счастливыя тѣ, у кого деньги. У Тины жизнь не такая, какъ у меня... У Козельскаго средства хорошія... Такой милліонеръ, какъ Гобзинъ, дѣлалъ предложеніе, а она отказала... И что въ ней такъ привлекаетъ мужчинъ? Споетъ скверно цыганскій романсъ, а они съума сходятъ или еще стрѣляются... Дураки! А Гобзинъ ухаживалъ за мной, пока Тина не запѣла; обѣщалъ пріѣхать къ намъ съ визитомъ, и не ѣдетъ!

Черезъ четверть часа она уже оживленно напѣвала и рѣшила идти сегодня въ театръ, увѣренная въ томъ, что мать должна дать деньги, послѣ того, что случилось.

Глава тридцатая.

На другой день, ровно въ два часа дня, Ордынцева входила съ Кирпичнаго переулка къ Кюба. На лѣстницѣ ее уже встрѣтилъ Козельскій и провелъ въ небольшой отдѣльный кабинетъ. Дрова ярко горѣли въ каминѣ. На маленькомъ столѣ, съ двумя

приборами, стояла разнообразная, изысканная закуска, при видѣ которой у Николая Ивановича заблестѣли глаза.

— Какъ я радъ тебя видѣть, Нюта,—сказалъ онъ цѣлуя ее и въ то же время подводя ее къ столу.—Я велѣлъ подать то, что ты любишь, и заказалъ отличный завтракъ. Давно мы съ тобой не видались, голубка?.. Я рвался повидать тебя, но если бы ты знала, что за дьявольскія у меня теперь дѣла... Кушай свѣжую икру.

И, торопливо наложивши ей маленькую тарелочку и наливъ рюмочку рябиновки, онъ разрѣшилъ себѣ немного аллашу и съ наслажденіемъ принялся закусывать, бросая по временамъ ласковые взгляды на Ордынцеву.

— А ты все также цвѣтешь! Ты прости меня, деньги я не прислалъ. Надняхъ получишь... Ахъ, эти дѣла!—досадливо морщась, проговорилъ онъ, осторожно беря ложечкой крупную, холодную икру.

Анна Павловна, красивая, свѣжая, во всѣхъ боевыхъ доспѣхахъ, одѣтая съ особенной разсчитанной изысканностью для свиданья съ Николаемъ Ивановичемъ, отодвинула тарелку и, останавливая на Козельскомъ ласковый и въ то же время пристальный взглядъ своихъ волоокихъ, слегка подведенныхъ, глазъ, проговорила:

— Положи мнѣ pâté... Какъ же мы съ тобой давно не видались, Ника. И какъ же мнѣ необходимо съ тобой переговорить... Что у тебя дома?

— Дома? Особеннаго ничего. Правда, была маленькая непріятность, но, кажется, это обошлось...—онъ самъ положилъ ей pâté и нѣсколько заискивающе вздохнувъ, прибавилъ:

— Какъ жаль, что оба мы не свободны и связаны обязанностями...

И онъ заглянулъ ей въ глаза своимъ обычнымъ мягкимъ взглядомъ и въ то же время подумалъ:

„Однако моя Нюта начинаетъ портиться... Да и фонъ слишкомъ много растушеванъ... Пора мнѣ сбѣгать... А она и не знаетъ, какъ мои дѣла плохи".

И Козельскій крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку.

— Но какія же у тебя были непріятности?

— Я тебѣ сейчасъ все разскажу. Недавно у меня былъ щекотливый разговоръ съ женой. Ты, вѣдь знаешь, она очень ревнива... Подавайте завтракъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшему лакею-татарину.

— Дѣло касалось меня?—испуганно спросила Анна Павловна.—И какъ она могла узнать о нашихъ отношеніяхъ. Не изъ-за той-ли встрѣчи все вышло? Благодарю тебя. Ты тогда поступилъ, какъ мальчишка! Компрометировать женщину...

*

— Пожалуйста, не принимай слишкомъ близко къ сердцу. Никто ничего не разсказывалъ... Вышло все очень глупо...

Въ это время лакей внесъ борщокъ въ большихъ бѣлыхъ чашкахъ и Козельскій принялся ѣсть, придумывая какъ бы удобнѣе успокоить свою даму, чтобы самому избавиться отъ сцены. Довольно ихъ и дома. А Нюта сегодня навѣрное расположена къ драмѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько дней опоздалъ съ присылкой обычныхъ денегъ.

— Ну такъ въ чемъ же твоя глупость?

— Нюта, Нюта, ну зачѣмъ ты, родная, сердишься?—своимъ бархатнымъ голосомъ, вкрадчиво, сказалъ Козельскій.—Такой обворожительной женщинѣ сердиться не хорошо, и ты никогда не отравляла прелести нашихъ свиданій...

— Но Ольга мнѣ говорила, что твоя жена была съ ней вчера неприлично холодна. Откровенно скажи мнѣ, что это значитъ?

„Экая баба іезуитъ", подумалъ Козельскій и, окончивъ свой борщокъ, проговорилъ:

— Ну, Ольга преувеличила. Жена дѣйствительно думаетъ, что мы съ тобой близки. Все дѣло вышло изъ-за какого-то анонимнаго письма. Это чье-то литературное произведеніе вызвало въ подозрительной супругѣ цѣлую ревнивую бурю. И понимаешь ли, Нюта, ты ужъ не сердись, а благоразуміе заставляетъ тебя на нѣкоторое время прекратить бывать у насъ. Это скорѣе всего успокоитъ жену.

Анну Павловну сразу охватило злобное чувство и на жену, и на любовника, который предалъ ее и изъ трусливаго желанія сохранить миръ у своего семейнаго очага, ставилъ ее въ оскорбительное положеніе женщины, передъ которой закрываютъ двери. И въ то же время ей стало страшно. Она поняла, что разъ ихъ связь будетъ доставлять ему много хлопотъ, ему ничего не стоитъ бросить ее. А эта перспектива еще усилила ея раздраженіе, такъ какъ средствъ, выдаваемыхъ Ордынцевымъ, никакъ не могло хватить на то, что она считала приличнымъ существованіемъ. Она почти съ ненавистью взглянула на красивое, холеное лицо своего друга.

— Что же вы, Анна Павловна не берете?—заботливо спросилъ Николай Ивановичъ, когда она сдѣлала отрицательный жестъ татарину, державшему передъ ней серебряное блюдо.—Здѣсь отлично дѣлаютъ марешаль...

— Благодарю. У меня всѣ эти дни нѣтъ аппетита,—сухо отвѣтила она, укоризненно глядя, какъ онъ не спѣша и внимательно накладываетъ себѣ зелень.

Какъ только татаринъ вышелъ, Анна Павловна произнесла, не скрывая своего раздраженія:

— И неужели тебѣ, Ника, не стыдно ставить меня въ такое положеніе? Я знаю, что если бы ты захотѣлъ, ты съумѣлъ бы меня выгородить... Но теперь я вижу, какъ ты дорожишь нашей дружбой...

— Полно, Нюта. Развѣ ты, за эти два года, не успѣла убѣдиться въ силѣ моей привязанности? Я именно, оберегая твою репутацію, не хочу доводить Антонину Петровну до крайности. Ты не можешь себѣ представить, на что способны эти ревнивыя женщины. А вѣдь ты сама знаешь, что къ тебѣ трудно не ревновать,—и онъ приласкалъ Ордынцеву взглядомъ.

Она замѣтила въ его глазахъ знакомый плотоядный огонекъ, и это успокоило ее больше словъ, хотя она далеко не была убѣждена, что этотъ огонекъ вызванъ ея присутствіемъ, а не хорошимъ завтракомъ.

— Я, конечно, самъ отчасти виноватъ, что не съумѣлъ хорошенько скрыть передъ женой свое восхищеніе передъ тобой, моя дорогая. Но вѣдь за то я же и наказанъ. Ты знаешь, какъ я ненавижу сцены... А за эти дни... Эхъ, даже вспоминать не хочется!..—болталъ Козельскій, стараясь заговорить свою разгнѣванную подругу.—Можете убрать и подайте кофе и ликеры,—приказалъ онъ татарину.

Анна Павловна встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и мелькомъ, не безъ тревоги заглянула въ зеркало. Ей надо было сейчасъ провѣрить силу своего обаянія надъ Козельскимъ, и она постаралась согнать съ своего лица слѣды раздраженія.

— Не будемъ, Ника, ссориться. Мы такъ давно не были вмѣстѣ. Тебѣ, какъ всегда, три куска сахару,—ласково улыбаясь, спросила она, усаживаясь на широкій диванъ и придвигая къ себѣ подносъ съ кофе.

Николай Ивановичъ нагнулся, поцѣловалъ ея бѣлую полную руку, украшенную кольцами, и опустился рядомъ съ ней на диванъ.

— Вотъ такой, Нюта, я тебя люблю.

— Если бы ты зналъ, какъ ты эти дни былъ мнѣ нуженъ, Ника. Эта встрѣча съ Василеімъ Николаевичемъ такъ тревожитъ меня. Ты поймешь, какъ было бы ужасно для меня, если бы наши отношенія получили огласку. Кромѣ того, здѣсь могутъ быть затронуты матеріальные интересы моей семьи...

— Ну, кажется, твои дѣти-то тутъ не при чемъ?

— Но, милый, вдругъ этотъ человѣкъ осмѣлится заявить, что, разъ я близка съ человѣкомъ, занимающимъ такое положеніе, и онъ считаетъ себя въ правѣ прекратить свои заботы о семьѣ?..

— Откуда такія мысли, Нюта? Твой мужъ такой порядочный человѣкъ, что ничего подобнаго не сдѣлаетъ. И, наконецъ, развѣ ты не свободна? Не онъ ли первый оставилъ тебя? Нѣтъ, милая, не мучь себя напрасно!

Съ этими словами онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Она, растроганная, приильнула къ его плечу и на глазахъ ея показались слезы, частью вызванныя страхомъ потерять такого, во всѣхъ отношеніяхъ удобнаго для нея, человѣка, частью умышленныя, разсчитанныя на его трусость эгоиста, любящаго спокойствіе, передъ женскими слезами.

— Нюта, о чемъ ты?

— Пойми, какъ меня пугаетъ скандалъ... Ты знаешь, что я дорожу своей репутаціей, а вѣдь изъ-за тебя я ставила ее на карту. А положеніе мое передъ дѣтьми?..

Его превосходительство отлично зналъ какъ успокоивать женщинъ и, желая поскорѣе избавиться отъ дальнѣйшей чувствительной сцены, онъ взглянулъ на двери и съ тѣми же заблестѣвшими глазами, которыя были у него, когда онъ ѣлъ свѣжую икру, сталъ горячо цѣловать Анну Павловну. Она отвѣчала на его ласки съ умѣлой страстностью женщины, понимающей, чѣмъ можно приворожить такого поклонника женщинъ.

Черезъ нѣсколько времени его превосходительство про себя усмѣхнулся, какъ будто смѣясь надъ своимъ пристрастіемъ къ слишкомъ зрѣлымъ дюшессамъ, и, добродушно цѣлуя ее въ лобъ, проговорилъ:

— Знаешь, Нюта, будетъ осторожнѣе, если мы станемъ встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ. И относительно твоего мужа удобнѣе... А ты, пожалуйста, не безпокойся, родная, все уладится.—И взглянувъ на часы, прибавилъ:

— Однако пора разставаться къ сожалѣнію... У меня еще дѣловое свиданіе... Надо торопиться... Но, я надѣюсь, мы скоро опять увидимся?

— Можетъ быть, ты самъ зайдешь ко мнѣ, кстати и деньги принесешь...

— Непремѣнно, непремѣнно... Ахъ, если бы ты знала, Нюта, какая у меня каторга... Дѣла въ отчаянномъ положеніи... На-дняхъ, я съ тобой поговорю...

Они спустились съ лѣстницы, кивнули другъ другу и, пока Николай Ивановичъ надѣвалъ пальто, Ордынцева вышла на улицу и пошла по Морской, уже болѣе бодрая и веселая.

Глава тридцать первая.

Никодимцевъ прожилъ нѣсколько недѣль въ лихорадочной дѣятельности, организуя помощь голодающему населенію Волжскихъ губерній. Онъ собиралъ свѣдѣнія о размѣрахъ охватившаго большую часть уѣздовъ бѣдствія, совѣщался съ земцами, подсчитывалъ наличные запасы хлѣба, велъ переговоры съ мѣстными

хлѣботорговцами, торопилъ подвозкой хлѣба съ той хлѣбной пристани сосѣдней губерніи, гдѣ онъ купилъ большую партію зерна и муки. И въ первомъ же донесеніи въ Петербургъ онъ писалъ о необходимости новыхъ крупныхъ ассигновокъ, о большомъ районѣ, захваченномъ неурожаемъ, о томъ, что былъ голодъ, настоящій голодъ.

Первое время Никодимцевъ постоянно былъ въ возбужденномъ, приподнятомъ настроеніи, въ какомъ бываетъ дѣловой, энергичный человѣкъ, принимаясь за организацію распущеннаго, безпорядочнаго дѣла. И именно этотъ безпорядокъ, господствовавшій въ продовольственномъ дѣлѣ губерніи и вытекавшій изъ замалчиванія размѣровъ неурожая и голода, изъ-за подозрѣванія земства въ преувеличеніи просимыхъ имъ ссудъ, изъ всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя ставились попыткамъ частной благотворительности, — вся эта лживая, ненужная и вредная безтолочь и держала Никодимцева въ возбужденномъ, приподнятомъ настроеніи. Онъ видѣлъ, что все это можно было устроить гораздо легче и проще, если бы относились правдивѣе къ фактамъ, что во всемъ этомъ была и преднамѣренная злостность, а главное, никому не нужная ложь и цѣлое море пустомыслія и пустословія. Онъ быстро сговорился съ земцами, нашелъ и хлѣбъ, но въ особенности его радовало открытіе на мѣстѣ людей, которые живо откликнулись на его призывъ къ дѣятельности, которыхъ не нужно было звать и просить, и которые, очевидно, только и ждали, чтобы имъ позволили помогать людямъ, позволили накормить голоднаго, одѣть нагого. Организовывалась раздача хлѣба, устраивались столовыя, на очередь ставился вопросъ о закупкѣ лошадей. Изъ центровъ посылались санитарные отряды, ѣхали студенты, фельдшерицы.

Осложнялось дѣло и въ деревняхъ. Кое гдѣ появилась цынга, спорадическіе случаи тифозныхъ заболѣваній, о которыхъ Никодимцевъ слышалъ тотчасъ же по пріѣздѣ, становились все чаще, начиналась эпидемія; земскіе врачи заговорили о голодномъ тифѣ. Никодимцевъ почти не выходилъ изъ саней. Осмотръ столовыхъ, засѣданія мѣстныхъ комитетовъ, посѣщеніе цынготныхъ и тифозныхъ деревень занимало цѣлые дни и постепенно онъ привыкъ засыпать въ широкихъ, обитыхъ рогожей деревенскихъ саняхъ и употреблять ночи на далекія поѣздки. Онъ даже полюбилъ эти ночныя поѣздки, когда все засыпало кругомъ и молчаливыя деревни не бились въ душу съ своими горями, съ своими мучительными вопросами.

Былъ февраль, частыя вьюги заносили дороги и сплошь и рядомъ приходилось ѣхать шагомъ по мало проѣзженнымъ деревенскимъ дорогамъ. Туманной, сѣрой пеленой мерцала снѣжная ночь, однообразно и жалостно вызванивалъ унылый колокольчикъ, уны-

лыя и жалостныя слова доносились отъ скорчившейся на облучкѣ, полузасыпанной снѣгомъ фигуры. О мужицкой нехваткѣ, нехваткѣ въ землѣ, въ хлѣбѣ, въ лошадяхъ, и о Божьемъ изволеніи, и о планидѣ, и „какъ Богъ, такъ и вы“. И такъ все это гармонировало и эти иззяблыя, медленныя, унылыя слова, и эта тусклая, сѣрая даль, занесенныя снѣгомъ, словно копны въ полѣ, деревенскія избы, и печальныя голыя ивы, и все это, какое-то озябшее, сѣрое, унылое и печальное.

Такъ хорошо думалось подъ звонъ колокольчиковъ и такъ много думалъ Никодимцевъ въ обшитыхъ рогожей саняхъ, и все одно и то же настроеніе, еще смутное и неопредѣленное, все глубже и глубже захватывало его.

То старое, чѣмъ онъ жилъ въ Петербургѣ, уходило все дальше и дальше, и все ярче вставало предъ нимъ новое и неизвѣстное. Казалось, онъ все дальше и дальше уѣзжалъ въ новую страну, не имѣвшую ничего общаго съ той петербургской страной, которую онъ одну только и зналъ. Тамъ, въ Петербургѣ, все казалось такъ просто и такъ ясно, а главное, тамъ было то сознаніе личнаго значенія своего „я“, которое могло наполнять жизнь и удовлетворять душу. Тутъ, въ этой новой странѣ, все такъ смутно, неясно, такъ полно вопросовъ и загадокъ. И Никодимцевъ, почти никогда не выѣзжавшій изъ Петербурга и подгородныхъ дачъ, только теперь, войдя въ мѣстныя дѣла и нужды, познакомившись съ мѣстными людьми и присмотрѣвшись къ деревнѣ, понялъ, какъ онъ, петербургскій человѣкъ, мало понималъ Россію и какая особенная жизнь, идущая въ сторонѣ отъ Петербурга и не имѣющая съ нимъ ничего общаго, тихо и незамѣтно совершается здѣсь, въ этихъ глухихъ городишкахъ, занесенныхъ снѣгомъ деревняхъ.

То возбужденное и приподнятое настроеніе прошло, и какое-то новое, незнакомое ему прежде, чувство одиночества, отчужденности и безсилія все яснѣе вставало въ немъ.

— Это, ваше превосходительство,—сухо и холодно говорилъ Никодимцеву земскій врачъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ большомъ, пораженномъ тифомъ, селѣ,—хорошія слова у васъ въ Петербургѣ придумали: „недородъ“ и „недоѣданіе“. И не потому, ваше превосходительство, что неурожай и голодъ грубыя слова, безпокойныя слова, а потому что ваши слова справедливыя. Я вотъ здѣсь двадцать лѣтъ въ селѣ-то живу и знаю, что это ужъ въ хорошій годъ у исправнаго мужика хлѣба до масляницы либо до Крещенья хватитъ, а то все съ Николы покупаютъ, а весной изъ пятидесяти-то дворовъ, можетъ быть, въ десяткѣ избы топятся, есть что варить,—развѣ это голодъ былъ, двадцать-то лѣтъ? Простое недоѣданіе... Также и недородъ-то, скота-то все меньше, земля-то на моихъ глазахъ тощаетъ... Только что въ нынѣшнемъ

году недородъ побольше, а ѣды еще поменьше, вотъ и все,—было четверть лошади, а теперь будетъ восьмая, вотъ и все. Вотъ я и говорю, справедливыя петербургскія слова, ваше превосходительство, именно недородъ, именно недоѣданіе.

Докторъ смѣялся злымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Только вотъ въ чемъ Петербургъ ошибается, думаетъ, что деревня, какъ случается, улей въ долгую зиму къ веснѣ ослабѣетъ, подкормишь сытой и опять пойдетъ медъ таскать да роиться. Плохо сталъ роиться мужикъ-то, ваше превосходительство, и на счетъ меду какъ бы не лишиться. Бываетъ, гнилецъ въ ульяхъ-то заводится. Двадцать лѣтъ мужика-то наблюдаю,—на нѣтъ сходитъ.

Слова доктора неотступно стояли въ головѣ Никодимцева. Поражала его въ деревнѣ не нищета населенія и некультурность его—раскрытые дворы, низкія, нерѣдко и курныя избы, скотъ въ избахъ, рубища вмѣсто одежды—поражала его та апатія, то сѣрое, скучное выраженіе лицъ, которое онъ наблюдалъ въ голодающихъ деревняхъ и съ которыми говорили ему въ избахъ: „не родила землица, Божье изволенье“, „кончается, батюшка, дочка, кончается,—не ѣмши все“...

Колокольчикъ все звенитъ, все развертывается сѣрая даль; тѣ же ветлы, молчаливые лѣса, молчаливыя деревни.

Никодимцеву хочется вырваться изъ-подъ гнета сѣрыхъ сумерекъ, и онъ начинаетъ думать о Петербургѣ, ему вспоминается блестящій и яркій Невскій проспектъ, пышная и шумная петербургская жизнь, послѣдняя дипломатическая побѣда Россіи надъ Англіей и ореолъ могущества, который окружаетъ въ послѣднее время Россію и вспоминаются язвительныя слова доктора. „Гнилецъ, гнилецъ... на нѣтъ сходитъ мужикъ“.

То сознаніе совершеннаго хорошаго дѣла все рѣже является у Никодимцева и все чаще охватываетъ его чувство одиночества, безсилія и ненужности.

Глава тридцать вторая.

I.

Инна Николаевна почти каждый день получала отъ жениха короткія, наскоро набросанныя записочки. Съ отзывчивостью любящаго человѣка, она волновалась его волненіями и отвѣчала ему длинными, горячими письмами, зная, какъ они бодрятъ и грѣютъ его среди окружающаго ужаса и безпросвѣтнаго мрака. Она понимала, что въ ея женихѣ происходитъ какой-то переломъ и что въ эту минуту ея привязанность особенно нужна ему и это сознаніе наполняло ее немного горделивой радостью.

Козельскій нерѣдко спрашивалъ у дочери о томъ, что пишетъ ей женихъ о голодѣ, и не безъ насмѣшливости говорилъ о едва-ли предусмотрительномъ задорѣ его превосходительства, благодаря которому онъ, чего добраго, сломаетъ себѣ шею. Онъ совѣтовалъ Иннѣ удержать его отъ этой откровенной рѣзкости, которая дѣлу не поможетъ, а министровъ противъ него возстановитъ. Уже и теперь въ городѣ ходятъ слухи, что Никодимцевъ закусилъ удила и въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ можетъ, возвратившись въ Петербургъ, разыграть роль маркиза Позы.

— А у насъ такія роли довольно рискованы, особенно для человѣка безъ состоянія,—говорилъ Козельскій, и въ его голосѣ чувствовалось нѣкоторое раздраженіе противъ человѣка, надежды на котораго относительно устройства мѣста въ будущемъ являются проблематическими.

„Рѣшительно Григорій Александровичъ слишкомъ легкомысленъ для своего положенья“, думалъ Николай Ивановичъ, разсчитывавшій на нѣчто большее. Между тѣмъ его будущій зять уже отказался отъ мѣста товарища и, повидимому, не думаетъ о высшемъ постѣ.

Такимъ образомъ, Козельскому, кажется, не придется воспользоваться его услугами. Пока онъ урвалъ только бланкъ на векселъ въ пять тысячъ руб., учелъ его и возвратилъ взятку, полученную отъ Бенштейна. И все-таки его дѣла отъ этого не поправились. Онъ долженъ былъ оставить мѣсто въ правленіи одного общества, не былъ выбранъ въ совѣтъ другого,—все это благодаря разнесшимся слухамъ о взяткѣ. Если теперь векселя поступятъ къ протесту, то скандалъ несостоятельности неминуемъ.

— Такъ, голубушка Инна, ты непремѣнно напиши Григорію Александровичу о томъ, что я тебѣ говорилъ. Онъ тебя любитъ и послушаетъ. А если послушаетъ, то вы займете блестящее положеніе. Такъ ты напишешь?

— Зачѣмъ я буду писать? Григорій Александровичъ самъ знаетъ, какъ ему поступить.

— Но отчего же хорошенькой женщинѣ не подать добрый совѣтъ?—настаивалъ Козельскій, заботливость котораго о карьерѣ будущаго зятя вытекала единственно изъ страха за свое шаткое положеніе и нѣсколько тронутую репутацію.

— Не говори такъ, папа... Я этого не буду писать. Довольно того, что я уже разъ написала Григорію Александровичу крайне непріятное для меня письмо.

Николай Ивановичъ чуть-чуть пожалъ плечами.

— Странное отношеніе у васъ, молодыхъ женщинъ, къ серьезнымъ вопросамъ жизни,—замѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Онъ чувствовалъ себя искренно обиженнымъ тѣмъ, что дочь,

которую онъ всегда любилъ и баловалъ, какъ ему казалось, изъ пустой щепетильности отказываетъ ему въ такой важной услугѣ. И, не желая слишкомъ рѣзко высказать ей свою досаду, онъ предпочелъ прекратить разговоръ.

Но его красивое, обыкновенно привѣтливое лицо стало пасмурно и озабочено, и Тина, встрѣтившая отца въ гостиной, не безъ удивленія спросила сестру, входя въ ея небольшой будуаръ:

— Что это съ папой? Опять попался мамѣ въ чемъ-нибудь? Или безъ денегъ сидитъ?

Проговоривъ это, какъ всегда, насмѣшливо и равнодушно, она подошла къ большому зеркалу и внимательно оглядѣла себя съ ногъ до головы. Барашковая кофточка сидѣла безукоризненно, бархатистый мѣхъ небольшой котиковой шапочки красиво оттѣнялъ и пышные золотые волосы, и бѣлое, разрумянившееся на морозѣ, нѣжное личико.

Тина осталась довольна результатомъ своего осмотра и ласково улыбнулась своему отраженью.

— Нѣтъ, мама тутъ, кажется, не причемъ... У отца, вѣрно, дѣла очень плохи... И онъ недоволенъ Григоріемъ Александровичемъ,—говоритъ, что онъ портитъ себѣ карьеру,—нехотя отвѣчала Инна, не поднимая глазъ отъ вышиванья.

Разговоръ съ отцомъ оставилъ въ ней тяжелое впечатлѣніе. Она знала всѣ его ошибки и слабости, но это не мѣшало ей любить его. Ей было одинаково непріятно и отказывать отцу въ просьбѣ, и слушать, какъ онъ осуждаетъ Никодимцева. Она защищала образъ дѣйствія своего жениха не столько потому, что была согласна съ его взглядами, сколько въ силу своего слѣпого довѣрія ко всему, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Намучившаяся изъ-за безволія и безпринципности окружающихъ, она встрѣтила въ немъ чуть не перваго безукоризненнаго порядочнаго человѣка и не только любила его, но и чувствовала къ нему особенное безграничное приподнятое уваженіе.

— Да, вѣдь онъ совсѣмъ—комикъ, твой Григорій Александровичъ,—круто повернувшись отъ зеркала, сказала Тина.—Я и забыла тебѣ сказать, что вчера у Курскихъ говорили о немъ. Повидимому, его положеніе ненадежно. Онъ, кажется, донкихотствуетъ тамъ... Кого-то спасаетъ, кого-то поучаетъ... Что-то нелѣпое, ребяческое...

— Пожалуйста, не говори такъ, Тина... Съ меня довольно разговора съ папой. Вы совсѣмъ не понимаете Григорія Александровича и только мучаете меня...

Въ голосѣ Инны послышались слезы. Младшая сестра, быстро сбросивъ на кресло мѣховую жакетку, мягкимъ движеніемъ опустилась на коверъ и, взявъ ея руки, ласково заговорила:

— Полно, милка... Вѣдь я же не хотѣла тебя обидѣть. И ты знаешь, что меня вообще твой директоръ департамента мало интересуетъ. Пусть себѣ тамъ на Волгѣ хоть Пугачева разыгрываетъ! Но я нахожу, что это прямо глупо портить свою будущность изъ-за какихъ-то полупьяныхъ мужиковъ. И какое ему до нихъ дѣло, особенно теперь, когда онъ собирается жениться на такой хорошенькой женщинѣ, какъ ты? Неужели онъ не понимаетъ, что красота нуждается въ рамкѣ, что, любя тебя, онъ обязанъ добиваться и средствъ, и положенія, а не писать какія-то глупыя донесенія, надъ которыми смѣется свѣтъ!

— Ради Бога, Тина, перестань, а то мы будемъ ссориться. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что думаетъ свѣтъ. И вопросъ о карьерѣ касается только его самого, а не меня.

Молодая дѣвушка почти съ состраданіемъ взглянула на сестру:

— Я вижу, ты глупишь, Инна, но Богъ съ тобой, каждый имѣетъ право портить себѣ жизнь по своему. Не бойся, я больше ни слова не скажу тебѣ о твоемъ рыцарѣ безъ страха и упрека. Мнѣ тоже не хочется ссориться съ тобой.

Она съ сознаніемъ своего превосходства и легкимъ оттѣнкомъ покровительства поцѣловала сестру въ голову и ушла.

Инна почувствовала тотъ холодъ одиночества, который за послѣднее время все чаще охватывалъ ее въ родной семьѣ. Отецъ и сестра, исключительно полные жажды возможно большихъ житейскихъ удобствъ и наслажденій, становились для нея почти чужими. Если бы Инна Николаевна сейчасъ пошла къ матери и стала бы говорить о своихъ волненіяхъ и тревогахъ, Антонина Петровна отъ всего сердца пожалѣла бы свою бѣдную дѣвочку, поплакала бы надъ ней, но въ душѣ пожурила бы Никодимцева за то, что онъ не съумѣлъ поставить себя такъ, чтобы всѣ были довольны, и доставлялъ своей невѣстѣ совсѣмъ ненужныя огорченія.

Зная это, Инна осталась одна съ своими невеселыми мыслями и была рада, когда ея дочка, вернувшись съ прогулки веселая и свѣженькая, вбѣжала къ ней и своей дѣтской болтовней и ласками разогнала ея тоску.

II.

За послѣднее время то озабоченное выраженіе, которое удивило Тину, все чаще и чаще омрачало лицо Козельскаго. Его дѣла были такъ плохи, что, не смотря на врожденное легкомысліе и жизнерадостность, онъ начиналъ чувствовать себя подавленнымъ и растерянным. Потеря двухъ мѣстъ, пошатнувшееся служебное положеніе, таинственные слухи о какой-то некрасивой, не удавшейся въ концѣ-концовъ, сдѣлкѣ, пересуды о которой злорадно

повторялись въ самыхъ различныхъ кружкахъ Петербурга, всегда жадно набрасывающагося на всякую административную сплетню,— все это сразу пошатнуло и безъ того не важный кредитъ Козельскаго.

Его положеніе во всѣхъ отношеніяхъ дѣлалось невыносимымъ. Знакомые при встрѣчѣ уже не привѣтствовали его съ той любезностью, которую обыкновенно оказываютъ людямъ, пользующимся всѣми благами земными и разсчитывающими захватить впредь еще большую порцію этихъ благъ. Напротивъ, его превосходительство видѣлъ почти на всѣхъ лицахъ нѣкоторое недоброжелательное удивленіе.

— Экая ловкая бестія, все еще держится?—какъ будто говорили они, и ему казалось, что они заживо хоронятъ его.

И многочисленные кредиторы, конечно, слѣдящіе за всѣми его дѣлами съ особенно жгучимъ интересомъ, стали настойчиво требовать уплаты по векселямъ, не соглашаясь болѣе переписывать ихъ, не смотря на упорныя, почти униженныя просьбы Козельскаго, который начиналъ все яснѣе сознавать, что гибель неизбѣжна.

Расходы по дому шли своимъ обычнымъ чередомъ, но они становились непосильнымъ бременемъ для Николая Ивановича и ему уже пришлось нѣсколько разъ отказать женѣ въ деньгахъ, что, при его корректно-джентльменскомъ отношеніи къ Антонинѣ Петровнѣ, было почти небывалою рѣдкостью. Со дня на день откладывалъ онъ неизбѣжное объясненіе съ женой. А между тѣмъ надо было во что бы то ни стало сократить расходы, измѣнивъ весь образъ жизни. И эта необходимость казалась ему ужасной и оскорбительной.

Кромѣ того, надо было кончать съ Ордынцевой, и Козельскій впередъ со скукой, почти съ отвращеніемъ думалъ о прощальномъ свиданіи съ практичной и разсудительной Анной Павловной. Послѣдній мѣсяцъ она была довольна суха съ нимъ, дуясь за то, что онъ заплатилъ ей не полное содержаніе.

И, получивъ отъ нея лаконическую записку, что она проситъ его придти къ ней на слѣдующій день въ два часа, Козельскій недовольно поморщился. Но потомъ рѣшилъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и пересталъ о ней думать, всецѣло поглощенный мыслью о своемъ безденежьи.

На слѣдующее утро случилось то, чего онъ давно съ такимъ страхомъ ожидалъ и что все-таки считалъ невозможнымъ. Явился судебный приставъ съ повѣсткой, на которой значилось, что въ виду неплатежа имъ 500 р. по векселю Никодиму Мировольскому будетъ на-дняхъ приступлено къ описи его имущества.

Это уже было начало конца. Эти жалкіе пятьсотъ рублей,

которыхъ Козельскій нигдѣ не могъ достать, меньше всего безпокоили его. Онъ платилъ Мировольскому огромные проценты и былъ увѣренъ, что тотъ не станетъ подавать въ судъ. Но развязный комиссіонеръ, франтоватый, съ претензіей на благовоспитанность и даже интеллигентность, былъ оскорбленъ непривычной рѣзкостью, съ которой Козельскій, окончательно взвинченный и разнервничавшійся, отвѣтилъ на его упорныя просьбы поторопиться уплатой.

— А вы, г. Мировольскій, вѣроятно, изъ духовнаго званія? Удивительно, какъ въ нашемъ духовенствѣ сильна страсть къ наживѣ.

Этого Мировольскій, выдававшій себя за разорившагося помѣщика и тщательно скрывавшій, что онъ „дьячковъ сынъ“, не могъ вынести. Онъ рѣшилъ отомстить и Козельскій очень скоро раскаялся въ своей невыдержанности.

Николай Ивановичъ вышелъ изъ дому, рѣшивъ побывать у нѣсколькихъ клубныхъ пріятелей и попытаться достать у нихъ эти проклятые 500 рублей. Но изъ этого ничего не вышло. Однихъ онъ не засталъ, другіе извинялись, что не могутъ дать, потому что держатъ деньги не дома, а въ банкѣ, третьи, скосивъ глаза куда-то въ уголъ, увѣряли его, что сами сидятъ безъ гроша. Козельскій, конечно, не вѣрилъ имъ, но по привычкѣ любезно улыбался, слушая ихъ ложь.

Когда онъ въ два часа звонилъ въ квартиру Ордынцевой, на душѣ у него было скверно. Онъ чувствовалъ, что все скорѣе и скорѣе катится съ горы и что никто не шевельнетъ пальцемъ, чтобы удержать его. И вдругъ ему пришла въ голову шальная мысль:

— А не попросить ли у Нюты? У нея, навѣрное, прикоплены деньги на черный день. Она вѣдь предусмотрительная.

Возможность такого исхода подбодрила его, и онъ уже не съ такимъ сумрачнымъ видомъ вошелъ въ гостиную. Взглянувъ на лицо хозяйки, онъ, по ея дѣловому, далеко не любезному, выраженію, сразу рѣшилъ, что его вызвали изъ-за денегъ и, какъ ловкій дипломатъ, рѣшилъ предупредить ее.

— Ахъ, Анна Павловна, если бы вы знали, что со мной творится, — сразу началъ онъ, цѣлуя ей руку и идя вслѣдъ за ней въ ея комнату, гдѣ прислугѣ было трудно подслушать ихъ разговоръ. — Сегодня на меня обрушилась такая непріятность, что я до сихъ поръ не могу придти въ себя.

— Что такое? — довольно сухо спросила Ордынцева, очевидно желая поскорѣе заговорить о своихъ дѣлахъ.

— Въ сущности вздоръ... Но это можетъ очень скверно кончиться... Представьте себѣ, что одинъ ростовщикъ, которому я

долженъ небольшую сумму, грозитъ завтра же подать на меня въ судъ. Вы понимаете, что съ моимъ положеніемъ это крайне неудобно. А между тѣмъ я никакъ не могу достать денегъ. Какая-то упорная незадача.

— А много ли?—еще суше спросила Анна Павловна, внимательно глядя въ его лицо своими холодными глазами.

— Пустяки! Всего пятьсотъ рублей... И знаешь что, Нюта,—ласково и вкрадчиво продолжалъ Козельскій, садясь рядомъ съ ней и взявъ ея бѣлую, полную руку,—мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, ты выручишь меня. Если у тебя нѣтъ своихъ денегъ, то, можетъ быть, гдѣ-нибудь достанешь?

— Я? Да вы съ ума сошли!—почти злобно сказала Ордынцева, отнимая отъ него руку и отодвигаясь.—Я и сама поставлена въ очень затруднительное положеніе. Вы были такъ неаккуратны въ послѣднее время. А расходовъ не мало. Вѣдь у меня дѣти!

Она была взбѣшена. Что за дерзость! Не платитъ, да еще денегъ въ долгъ проситъ. Этого она никакъ не ожидала. Значитъ, дѣйствительно дѣла Козельскаго такъ плохи, какъ говорилъ Алексѣй, сообщившій объ этомъ вскользь, за обѣдомъ.

— Простите, вы правы. Я говорю вздоръ. Эти проклятыя дѣла свели меня съ ума.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Ему было почти смѣшно, что онъ вздумалъ обратиться къ ней. Ея отношеніе не удивило и не оскорбило его. Онъ отлично понималъ, что въ ихъ связи никогда не было мѣста привязанности. Это былъ договоръ, основанный на взаимныхъ выгодахъ и удобствахъ. Чувственность играла у нихъ роль чувства

Анна Павловна съ величественнымъ презрѣніемъ смотрѣла на Козельскаго. Съ той минуты, какъ она поняла, что ея любовникъ окончательно запутался, онъ сталъ казаться ей и менѣе представительнымъ, и постарѣвшимъ, и даже какъ будто ниже ростомъ.

„Надо же быть дуракомъ, чтобы до пятидесяти лѣтъ не нажить ничего, кромѣ долговъ“,—подумала она, а вслухъ сказала:

— Но васъ, конечно, выручитъ кто-нибудь изъ пріятелей?

— Навѣрное. Я даже прямо отъ васъ проѣду къ одному господину. Его до трехъ можно застать дома. Прощайте, Анна Павловна.

Онъ поцѣловалъ ей руку и ушелъ. Оба отлично сознавали, что этимъ свиданіемъ кончалась ихъ двухлѣтняя близость. Это сознаніе оставило ихъ обоихъ холодными.

III.

Послѣ обѣда, который прошелъ молчаливо и не весело, Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Тоня, не зайдешь ли ты ко мнѣ поговорить?

Антонина Петровна молча прошла за нимъ въ кабинетъ. Сердце ея забилось отъ какого-то смутнаго страха. Она чувствовала, что съ ея Никой что-то случилось, но съ наивнымъ непониманіемъ женщины, прожившей всю жизнь за спиной мужа, не могла себѣ даже представить, какое это было „что то".

— Садись сюда, Тоня, здѣсь тебѣ будетъ удобнѣе,—ласково говорилъ Николай Ивановичъ, усаживая жену въ низкое, покойное кресло.—Видишь ли, дорогая, мнѣ ужасно тяжело, что приходится тревожить тебя... Но я долженъ сказать, что мои дѣла очень плохи, и намъ придется немного измѣнить образъ жизни...

— Плохи?..—повторила Козельская, очевидно, еще не отдавая себѣ отчета въ практическомъ значеніи этихъ словъ. — Бѣдный Ника, опять тебѣ новыя заботы... Но отчего же это: кажется, ничего новаго не случилось?

— Право, трудно разсказать, какъ это все вышло. Вѣдь ты знаешь, я ушелъ изъ двухъ правленій. А одного жалованья не можетъ хватить на нашъ train...

— Ахъ, Ника, я, вѣдь, давно говорила, что наши пріемы, фиксы, все это лишнее. Ты знаешь, что я хорошо себя чувствую только въ тѣсномъ семейномъ кругу. Наши дѣвочки тоже не гонятся за выѣздами. Старшая невѣста, Тина совсѣмъ не собирается замужъ...

Николай Ивановичъ сдержалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ты меня плохо поняла, Тоня. Тутъ дѣло не въ однихъ пріемахъ. Намъ придется переѣхать въ другую, болѣе дешевую, квартиру, отпустить лишнюю прислугу, словомъ, совершенно измѣнить жизнь. Можетъ быть, даже продать кое-что изъ обстановки... У меня есть непріятные долги...

— Да какъ же, Ника... Что же это... Неужели мы совсѣмъ разорены!—медленно произнесла Антонина Петровна и растерянно обвела взглядомъ солидный комфортабельный кабинетъ мужа, какъ будто уже прощаясь съ этой темной тяжелой мебелью.

— Нѣтъ, дорогая, пожалуйста, не тревожься такъ. Это далеко не разоренье. Просто приходится временно постѣсниться. Видишь, я прямо говорю тебѣ въ чемъ дѣло, потому что знаю, что ты всегда была моей помощницей.

При этой ласковой лести, Антонина Петровна сразу пришла въ себя и любовно посмотрѣла на своего красиваго, моложаваго мужа:

— Ты не ошибся, Ника. Помнишь, какъ мы жили съ тобой, когда поженились? Ни безденежье, ни недохватки никогда не пугали меня. Только бы ты былъ со мной. И я надѣюсь, что теперь, въ минуту ненастья, ты лучше поймешь, кто дѣйствительно и искренно привязанъ къ тебѣ,—слегка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ сказала Козельская.

Къ ея тревогѣ примѣшалось радостное чувство. Теперь эта размалеванная Ордынцева навѣрное не захочетъ продолжать связи съ разорившимся человѣкомъ, ея Ника волей-неволей будетъ больше сидѣть дома, и, можетъ быть онъ оцѣнитъ наконецъ всю безпредѣльную глубину ея чувства. И эта сорокапятилѣтняя женщина, съ наивной сантиментальностью молоденькой институтки почти радовалась предстоящему краху, точно она все еще не представляла себѣ съ должною реальностью его неизбѣжныхъ послѣдствій.

Николай Ивановичъ отлично понялъ ревнивый намекъ, скрывавшійся въ ея послѣднихъ словахъ. Онъ нѣжно поцѣловалъ ея длинную породистую руку.

— Я такъ и зналъ, Тоня, что ты пожалѣешь своего Нику. Если бы ты знала, какъ я измучился за эти дни. Мнѣ было такъ тяжело, что я не съумѣлъ оградить тебя отъ этихъ непріятностей. Вѣроятно, я бы и сегодня ничего не сказалъ, но утромъ принесли повѣстку.

— Повѣстку? Что же, тебя въ судъ требуютъ, — испуганно хватая его за руку, спросила жена. Ей показалось, что съ ея Никой хотятъ сдѣлать что-то страшное.

— Нѣтъ,—съ легкой досадой возразилъ Козельскій,—какой тамъ судъ, просто 500 рублей взыскиваютъ.

— Ахъ это о деньгахъ! — уже гораздо спокойнѣе сказала Антонина Петровна.—Ну что жъ ты, конечно, сказалъ имъ, чтобы подождали?

— Но, дорогая, тутъ ничего не скажешь... Тутъ платить надо, или явится приставъ и опишетъ мебель.

— Какъ опишетъ? Неужели они не могутъ немного отсрочить? Откуда же тебѣ взять деньги, если у тебя нѣтъ?

Козельскаго начинало раздражать дѣтское непониманіе этой „святой женщины“. Но онъ сдержался.

— Нѣтъ, милая, ты совсѣмъ не понимаешь практической жизни. Ни о какой отсрочкѣ не можетъ быть и рѣчи. Надо во что бы то ни стало добыть къ завтрему эти деньги. А что, если бы ты съѣздила къ дядѣ Александру и попросила у него взаймы?

Антонина Петровна съ удивленіемъ взглянула на мужа. Этотъ дядя, родной братъ ея матери, очень богатый старый оригиналъ, славился своей баснословной скупостью и со страхомъ маньяка

смотрѣлъ на родныхъ, всегда подозрѣвая ихъ въ желаніи выманить у него деньги.

— Но, Ника, развѣ ты не знаешь, что онъ не дастъ и 5 рублей. И не поставитъ ли тебя въ неловкое положеніе, что твоя жена ѣздитъ занимать деньги?

— Ты права, Тоня. Я говорю вздоръ.

Козельскій вспомнилъ, что утромъ говорилъ ту же фразу Ордынцевой и про себя усмѣхнулся.

— Лучше заложи мои брилліанты. Они старинные и цѣнные. А относительно перемѣны въ нашей жизни дѣлай какъ знаешь. Я впередъ на все согласна. Да, я и забыла тебѣ сказать. Тина говорила мнѣ сегодня, что ей хочется уѣхать на годъ за границу прослушать въ Парижѣ лекціи по литературѣ. Пожалуй, придется намъ отказать нашей дѣвочкѣ?

Николая Ивановича непріятно поразили эти слова. Ему сразу показался подозрительнымъ столь внезапный интересъ Тины къ литературѣ.

— Нѣтъ, отчего же. Можетъ быть, это и будетъ возможно. Ты, пожалуйста, пошли ее ко мнѣ поговорить.

IV.

Тина вошла въ кабинетъ отца, спокойная и самоувѣренная.

— Ты звалъ меня, папа?

— Мама говоритъ, что тебѣ хочется ѣхать заграницу учиться. Ты дѣйствительно интересуешься курсами литературы?

— Ну, по правдѣ сказать, я еще не знаю буду ли я учиться литературѣ или декламаціи,—небрежно проговорила молодая дѣвушка.—Но маму не къ чему пугать неопредѣленностью моихъ плановъ. Съ тобой я могу говорить прямѣе, ты не такъ пугливъ.

Ея каріе глаза съ насмѣшливой дерзостью смотрѣли на отца. Она какъ будто хотѣла ему сказать, что онъ-то не смѣетъ ни судить, ни порицать ее, чтобы она ни сдѣлала.

— Твоя фантазія является довольно некстати. Мои дѣла очень разстроены,—произнесъ Козельскій. Онъ испытывалъ смѣшанное чувство недовольства и какого-то смущенья передъ дочкой. Онъ точно видѣлъ въ ней повтореніе своихъ недостатковъ и пороковъ, облеченныхъ въ болѣе рѣзкую форму.

— Это дѣйствительно некстати. Такъ какъ я, во чтобы то ни стало уѣду,—тихо и рѣшительно отвѣтила молодая дѣвушка.

Отецъ пристально посмотрѣлъ на нее. Она храбро выдержала его взглядъ. Только румянецъ чуть-чуть ярче заигралъ на ея красивомъ лицѣ и въ глубинѣ ея смѣлыхъ глазъ вспыхнулъ не то вызовъ, не...

Николай Ивановичъ первый опустилъ глаза. Теперь онъ не сомнѣвался, что первое мелькнувшее подозрѣніе было вѣрно.

— Хорошо. Я устрою твою поѣздку. Когда ты хочешь ѣхать,— вполголоса произнесъ онъ, какъ будто боясь, что мать можетъ услышать не только его слова, но и мысли.

— Въ началѣ будущаго мѣсяца.

— Хорошо. А теперь, уйди, пожалуйста, — все также тихо попросилъ онъ.

Молодая дѣвушка вздрогнула. Въ этой короткой, мягко произнесенной фразѣ было для нея что-то болѣе оскорбительное, чѣмъ въ самой рѣзкой брани. Но она не сказала ни слова и вышла изъ комнаты.

Козельскій остался одинъ. Разговоръ съ дочерью ошеломилъ его. Его самолюбіе было уязвлено. И въ то же время гдѣ-то глубоко въ немъ копошилось и чувство виноватости и какая-то брезгливость. Точно онъ самъ сдѣлалъ что-то очень дурное, очень низкое, что необходимо какъ можно лучше скрыть отъ людей.

Въ кабинетѣ было тихо. Лампа подъ темнымъ абажуромъ освѣщала только письменный столъ. Углы комнаты тонули въ полумракѣ. Николай Ивановичъ вдругъ понялъ, что его жизнь кончена. И холодная жуткость одиночества охватила его.

Глава тридцать третья.

I.

За послѣдній мѣсяцъ старикъ Ордынцевъ часто прихварывалъ и это не мало озабочивало его семью, боявшуюся очутиться вдругъ безъ всякихъ средствъ. Но съ нѣкотораго времени они всѣ опять повеселѣли и подбодрились. Вызвано это было однимъ, повидимому, незначительнымъ событіемъ, отъ котораго, однако, всѣ они ожидали великихъ благополучій.

Какъ-то разъ нѣкій г. Уздечкинъ привезъ Ольгѣ билетъ на благотворительный балъ въ дворянскомъ собраніи. Молодая дѣвушка всегда охотно выѣзжала, а на этотъ разъ съ особеннымъ удовольствіемъ поѣхала съ Уздечкинымъ. Она твердо рѣшила, такъ или иначе, женить на себѣ этого плюгаваго, но состоятельнаго господина и за послѣдній мѣсяцъ отчаянно кокетничала съ нимъ. Но на вечерѣ она встрѣтила молодого Гобзина, и дѣло приняло другой оборотъ.

Съ спокойною наглостью милліонера, увѣреннаго въ томъ, что его ухаживанье, въ какой бы формѣ оно ни было, можетъ доставить одно удовольствіе, этотъ развязный „англоманъ“ безцеремонно разглядывалъ обнаженныя, круглыя плечи Ольги и видимо любовался ея юною свѣжестью.

*

Она ничуть не оскорблялась плотояднымъ огонькомъ, загорѣвшимся въ его глазахъ. а, напротивъ, чувствовала себя польщенной и, въ отвѣтъ на его двусмысленныя любезности, весело смѣялась, показывая мелкіе, бѣлые зубки.

Съ этого вечера Гобзинъ сталъ ѣздить къ Ордынцевымъ. Онъ возилъ Ольгѣ цвѣты, конфекты въ роскошныхъ бонбоньеркахъ, билеты въ театръ, дарилъ ей маленькіе, но дорогіе пустячки, при видѣ которыхъ въ ея темныхъ глазахъ вспыхивало что-то алчное. А онъ долго и жадно цѣловалъ ея бѣленькія руки и смѣялся нехорошимъ, циничнымъ смѣхомъ.

Анна Павловна принимала Гобзина съ простодушной привѣтливостью, какъ будто не замѣчая его откровеннаго ухаживанья. Только иногда, взглядывая на его постоянные подарки, съ мягкой укоризной любящей, но разумной матери, говорила ему:

— Вы совсѣмъ избалуете мою дѣвочку!

— Кого же и баловать, какъ не хорошенькихъ барышенъ,— не безъ наглости отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Гобзинъ.

Даже Алексѣй былъ особенно любезенъ съ этимъ сыномъ милліонера. И всѣ трое они охаживали Гобзина, словно бы краснаго звѣря; въ ихъ манерахъ была какая-то особая вкрадчивость сдержанныхъ хищниковъ.

Гобзинъ, отлично видѣлъ все это и посмѣивался про себя, увѣренный, что его не такъ-то легко обойти на женитьбѣ. Онъ каждый день бывалъ у Ордынцевыхъ и часто каталъ Ольгу на своихъ орловскихъ рысакахъ.

И Анна Павловна не говорила ни слова объ этихъ катаньяхъ. Она стала внимательнѣе и нѣжнѣе къ дочери, какъ будто она значительно поднялась въ ея глазахъ съ тѣхъ поръ, какъ Гобзинъ сталъ за ней ухаживать.

Только разъ, когда Ольга вернулась съ катанья часу въ первомъ ночи, мать поцѣловала ее въ похолодѣвшую на морозѣ щеку и словно бы вскользь сказала:

— Хорошо прокатилась, Оля? Ну я рада за тебя... Но ты умница, конечно, понимаешь обычную вещь: чѣмъ сдержаннѣе съ влюбленнымъ, тѣмъ очаровательнѣй и побѣдоноснѣй.

— Будь спокойна, мама, я знаю, какъ надо держать мужчинъ въ рукахъ,—не безъ высокомѣрнаго задора отвѣтила молодая дѣвушка, съ самоувѣренностью юнаго и недалекаго созданья, убѣжденная, что не сегодня—завтра Гобзинъ сдѣлаетъ ей предложеніе.

II.

А Ордынцеву сильно нездоровилось. Онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, набралъ такъ много работы и теперь съ трудомъ

справлялся съ ней. Иногда на него нападала слабость: онъ чувствовалъ себя разбитымъ, и ему надо было дѣлать надъ собой громадное усиліе, чтобы заставить себя пойти на службу. Иногда онъ даже требовалъ работу на домъ, чтобы только не выходить на улицу.

Его почти до слезъ умиляла нѣжная заботливость и тревога Шурочки, тоскливо наблюдающей недомоганье отца. Онъ старался успокоить ее, бодрился и шутилъ въ ея присутствіи, но сердце его болѣзненно ныло при мысли о томъ, что онъ, слабый и хворый, ненадежный кормилецъ своей дѣвочки.

Съ этими невеселыми думами шелъ онъ разъ вечеромъ по Невскому. Ему съ утра особенно хандрилось. Чтобы хоть немного развлечься, онъ рѣшилъ сходить къ своему старому пріятелю, литератору Верховцеву, имѣвшему способность бодрить его.

Онъ поравнялся съ большимъ, зеркальнымъ, ярко освѣщеннымъ окномъ ювелира. Крупные брилліанты, пунцовые, похожіе на кровь рубины, синія, какъ море сапфиры, ярко зеленые изумруды, блестѣли и переливались на темномъ бархатѣ витрины. Что-то вызывающее было въ ихъ роскоши. Ордынцевъ вспомнилъ стихи Надсона, „сіять такою дерзкой красотою“, и невольно остановился.

Въ это время дверь магазина распахнулась и изъ него вышли, весело смѣясь и болтая, невысокій господинъ и молодая, стройная женщина. Она быстро перешла тротуаръ и сѣла въ узенькія санки. Ея спутникъ усѣлся рядомъ, застегнулъ полость и горячая рыжая лошадь, которую съ трудомъ сдерживалъ толстый кучеръ, быстро помчала санки по направленію къ адмиралтейству.

Ордынцевъ все еще стоялъ на мѣстѣ, и злоба и ужасъ охватили его сердце. Онъ узналъ и Ольгу, и Гобзина. Эта фамильярность, этотъ магазинъ, эта увѣренно-наглая манера, съ которой Гобзинъ обнялъ Ольгу,—все это доказывало существованіе, между ними особой интимности.

Ордынцевъ сразу понялъ это. Ознобъ, который онъ чувствовалъ еще съ утра, вдругъ усилился. Ему захотѣлось домой, захотѣлось поскорѣе согрѣться около Шуры, въ ласкѣ ея любви.

Ночью ему стало нехорошо. Докторъ, за которымъ послала встревоженная Шура, не сказалъ ничего опредѣленнаго.

— Много вѣрно поработалъ вашъ отецъ, а беречъ себя мало... Очень истощенный организмъ,—серьезно произнесъ онъ. И, желая успокоить Шуру, прибавилъ:—Да вы не тревожьтесь, милая барышня, пока ничего страшнаго нѣтъ.

Но Шура не могла не тревожиться и провела остатокъ ночи въ комнатѣ отца. Онъ впадалъ временами въ забытье, и вѣрно ему снились тяжелые сны; онъ невнятно бредилъ, сердился на кого-то и безпокойно ворочался на постели.

Проснулся онъ утромъ осунувшійся, какъ будто еще похудѣвшій.

— А ты не спишь, Шура?—съ безконечной нѣжностью глядя на свою любимицу, сказалъ онъ.

— Я ужъ выспалась, папочка. Какъ ты себя чувствуешь.

Она подошла къ постели и поцѣловала сухую и горячую руку отца.

— Лучше, гораздо лучше... Но я все-таки побалую себя, пролежу денекъ въ постели. А ты, дѣтка, напой меня чаемъ, а потомъ зайди утромъ, до гимназіи, къ матери, и скажи Ольгѣ, что я боленъ и прошу ее зайти.

— Хорошо. А можно мнѣ тоже не ходить сегодня въ гимназію? Мнѣ такъ хочется остаться съ тобой,— она съ мольбой взглянула на отца.

— Конечно, можно. У насъ съ тобой сегодня будетъ отдыхъ.

III.

Шура прибѣжала къ матери и со слезами на глазахъ начала разсказывать о томъ, что папочка очень боленъ. Она была увѣрена, что если не мать, то, по крайней мѣрѣ, братья и Ольга поймутъ ея тревогу и поторопятся навѣстить отца. Но всѣ они спокойно продолжали пить кофе съ аппетитомъ и ѣли свѣжій хлѣбъ съ масломъ и только отрывисто спрашивали взволнованную дѣвочку, что сказалъ докторъ.

— Такъ значитъ опасности нѣтъ?—спросила мать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Только онъ очень плохо себя чувствуетъ!— отвѣтила Шура.

Ей стало еще тоскливѣе среди нихъ. Она торопливо вскочила и стала прощаться.

— Такъ, пожалуйста, Ольга, приходи скорѣе. Папочка очень хочетъ тебя видѣть.

Полная розовыхъ надеждъ, предчувствуя уже счастье быть женой милліонера, Ольга неохотно шла къ больному, всегда раздражительному и рѣзкому съ ней старику. Но не пойти, было, конечно, не ловко.

Стараясь быть какъ можно привѣтливѣе, она неслышно вошла въ комнату отца. При появленіи Ольги выраженіе его худого лица стало суровымъ.

— Здравствуй! Садись сюда. А ты, Шурочка, выйди пока. Мнѣ надо поговорить съ Ольгой.

Хорошенькое лицо старшей сестры сразу вытянулось. Это начало не предвѣщало ничего хорошаго. Она поняла, что отецъ будетъ бранить ее и приготовилась къ отпору.

— Что это у тебя за новая дружба съ Иваномъ Гобзинымъ?— спросилъ Ордынцевъ, глядя на дочь своими острыми, лихорадочно блестѣвшими глазами.

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь? Какая дружба? Иванъ Прокофьевичъ, правда, довольно часто бываетъ у насъ...

Привѣтливая улыбка уже сбѣжала съ ея хорошенькаго личика и смѣнилась выраженіемъ тупого упрямства. Василій Николаевичъ хорошо зналъ это выраженіе. Онъ часто видѣлъ его прежде на лицѣ жены. И эта увертливая, чисто бабья, манера отвѣчать на вопросъ тоже была ему знакома.

— Часто бываетъ? А по ювелирнымъ магазинамъ онъ тебя тоже часто возитъ? — еще сдерживаясь, сквозь зубы проговорилъ онъ.

Ольга выпрямилась. „Откуда онъ знаетъ? Вѣрно кто-нибудь насплетничалъ?“ —мелькнуло въ ея легкомысленной головкѣ.

— Никуда онъ меня не возитъ! — обиженно, но осторожно отвѣтила она, желая сначала выпытать, что извѣстно отцу.

— А вчера у Иванова зачѣмъ ты была съ нимъ? Неужели ты не понимаешь, что это неприлично!

— Я не вижу ничего неприличнаго. Мнѣ надо было отдать въ починку мамины серьги,—вотъ и все.

Въ ея словахъ не было ничего невѣроятнаго, но въ глазахъ мелькнуло что-то лживое и трусливое.

Отецъ поймалъ это выраженіе и не выдержалъ.

— Ты лжешь! —крикнулъ онъ, приподнимаясь на подушкѣ и почти съ ненавистью глядя на дочь. — На что ты идешь? Чего ты добиваешься? Неужели и ты будешь такая же лживая, какъ мать?..

Онъ выкрикнулъ послѣднія слова съ какимъ-то злобнымъ отчаяніемъ и опять опустился на подушки, уже утомленный этой вспышкой.

Оля вскочила. Въ первую минуту ее охватилъ тупой страхъ животнаго, которое могутъ прибить. Но отецъ уже смолкъ, безсильный и усталый, и страхъ ея прошелъ.

— Я не понимаю, что ты кричишь на меня. Ничего худого я не сдѣлала. А если Гобзинъ ухаживаетъ за мной, то я надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго?—вызывающе сказала Ольга. — И я не знаю, почему ты удивляешься, что я похожа на маму. На кого же мнѣ больше походить? Вѣдь тебя мы почти не видали. Когда ты бывалъ дома, ты или работалъ, или ссорился съ мамой. Тебѣ некогда было говорить съ нами. И ты удивляешься, что мы теперь чужіе?

Ея голосъ звучалъ рѣзко. Ордынцевъ лежалъ съ закрытыми глазами. Безпощадныя слова дочери, правдивости которыхъ онъ не могъ, не смѣлъ отрицать, раздавались въ его больной головѣ, какъ тяжелые удары молота. Его злоба утихла, ему, какъ ребенку, хотѣлось молить о пощадѣ.

— Пусть ты права, Ольга, но неужели тебѣ самой не противно ухаживаніе этого наглаго, откормленнаго животнаго? — устало спросилъ онъ ее.

— Противно? Чѣмъ онъ хуже другихъ? По крайней мѣрѣ богатъ. Мнѣ не придется вѣчно перебиваться. Слава Богу, надоѣли ужъ эти грошевые разсчеты! — съ безсознательной жестокостью ограниченной эгоистки продолжала добивать отца Ольга.

— Да вѣдь пойми ты, что онъ не женится на тебѣ, что его назойливость только поставитъ тебя въ ложное и унизительное положеніе!

Ордынцевъ опять заволновался. Ему хотѣлось во что бы то ни стало убѣдить дочь, удержать ее отъ непоправимаго и позорнаго паденія.

— Отчего ты такъ думаешь?—обиженно сказала она.—Мама совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло...

— Твоя мама...—началъ Василій Николаевичъ, но во-время удержался.—Мы съ Анной Павловной различно смотримъ на вещи. То, что она считаетъ возможнымъ, для меня ужасно...

Ольга разсердилась за недовѣріе отца къ сватовству Гобзина. Ей захотѣлось сорвать на немъ свою злобу и бросить ему въ лицо, что она считаетъ болѣе разумнымъ и пріятнымъ быть хотя бы содержанкой Гобзина, чѣмъ вѣчно бѣдствующей женой какого-нибудь несчастнаго чиновника. Но она взглянула на отца и при видѣ его страдальческаго, осунувшагося и больного лица, въ ея сердцѣ шевельнулась жалость. Она нагнулась къ отцу и коснулась его лба своими розовыми губами.

— Полно, папочка, не волнуйся. Ты боленъ и слишкомъ раздражаешься...

Они замолчали. Ордынцевъ съ ужасомъ чувствовалъ, что всѣ его слова, всѣ просьбы и укоризны разобьются о глухую стѣну непониманія и онъ опять, Богъ знаетъ въ который разъ, съ болью и раскаяніемъ почувствовалъ, что онъ и старшіе дѣти говорятъ на совершенно разныхъ языкахъ.

Ольга скоро ушла. Василій Николаевичъ долго лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами. Шура, какъ мышенокъ, притаилась у окна, боясь потревожить отца. Она думала, что онъ спитъ и была довольна. Ее пугала мысль, что споръ съ Ольгой, къ которому она съ тоской и страхомъ прислушивалась изъ сосѣдней комнаты, можетъ дурно отозваться на здоровьѣ отца.

Но Ордынцевъ не спалъ. Онъ чувствовалъ себя очень скверно и подумалъ о возможности близкой смерти. Безъ особаго сожалѣнія разстался бы онъ съ жизнью, если бы не Шура. И мысль о судьбѣ этой дѣвочки заставляла лихорадочно работать его возбужденный мозгъ. Его ненависть къ женѣ перешла въ брезгливое

отвращеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что она была содержанкой Козельскаго. Онъ отлично понималъ, что это именно содержаніе, а не связь, основанная на увлеченіи, которую онъ, конечно, не ставилъ бы въ упрекъ Аннѣ Павловнѣ.

Теперь онъ былъ увѣренъ, что она покровительствуетъ ухаживаньямъ Гобзина. Онъ зналъ, что если дочь тоже захочетъ пойти на содержаніе, мать не удержитъ ее, если условія покажутся ей выгодными.

И между этими двумя женщинами должна будетъ, въ случаѣ его смерти, расти его Шура. Одна мысль объ этомъ приводила Ордынцева въ содроганье и онъ съ мучительнымъ упорствомъ искалъ выхода, съ ужасомъ чувствуя по временамъ, что его мысли теряютъ ясность и по временамъ начинаютъ застилаться туманомъ бреда.

Въ такія минуты онъ безпокойно начиналъ метаться на постели. Но Шура клала свою маленькую, холодную отъ волненія, руку на его горячую голову, и ему становилось какъ будто легче.

Днемъ былъ докторъ. Онъ нашелъ у больного воспаленіе легкихъ, прописалъ лѣкарство и очень скоро ушелъ, какъ-то избѣгая встрѣчаться съ пугливо-вопросительнымъ взглядомъ дѣвочки.

Къ вечеру Ордынцевъ немного успокоился. Онъ нашелъ исходъ. Вызвавъ Леонтьева, онъ продиктовалъ ему письмо къ старику Гобзину. Онъ напоминалъ ему, что по условію онъ имѣетъ право 6 мѣсяцевъ болѣть, съ сохраненіемъ содержанія, и просилъ, въ случаѣ его смерти, выдать эти деньги Леонтьеву, съ тѣмъ, что тотъ, какъ опекунъ Шуры, обязанъ употребить ихъ на ея воспитаніе.

— Старикъ Гобзинъ выдастъ деньги... Онъ хоть и кулакъ, но честность есть...—слабымъ, прерывающимся голосомъ говорилъ Василій Николаевичъ, утомленный диктовкой.—Я хочу просить Вѣру Александровну взять мою дѣвочку къ себѣ... Я знаю, что умру...

— Зачѣмъ говорить такъ. Конечно, поправитесь. А Вѣра завтра же будетъ у васъ,—успокоивалъ больного Леонтьевъ, отлично понимавшій, что это дѣйствительно конецъ.

Когда Леонтьева на слѣдующій день вошла къ Ордынцеву, она сразу почувствовала, что передъ ней умирающій. Надвигающаяся смерть уже наложила свои тѣни на заострившееся, ставшее почти неузнаваемымъ лицо.

— Вы не оставите мою Шуру? Она не попадетъ туда? - тихо и съ разстановкой сказалъ онъ Леонтьевой, взявъ ея руку своей костлявой, похолодѣвшей рукой.

Въ его потухающихъ глазахъ вспыхнула мольба.

— Конечно, голубчикъ, вы знаете, что я всегда ее любила,— торопливо отвѣтила Вѣра Александровна, съ трудомъ сдерживая подступающія слезы.

Ей хотѣлось сказать ему, что онъ еще поправится, что не надо такъ унывать, но слова не шли съ языка. Она молча, сидѣла у его постели, держа его руку въ своихъ рукахъ. Онъ понемногу впадалъ въ забытье.

На слѣдующій день Ордынцевъ умеръ.

Глава тридцать четвертая.

Въ отвѣтъ на одно изъ донесеній Никодимцева, онъ былъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ.

Наскоро сдавъ свое сложное, большое дѣло помощнику, Григорій Александровичъ немедленно выѣхалъ, извѣстивъ телеграммой невѣсту.

Инна, счастливая неожиданнымъ возвращеніемъ жениха, радостно встрѣтила его на вокзалѣ и была поражена тѣмъ, какъ онъ похудѣлъ и измѣнился.

А онъ, несмотря на счастье свиданья, былъ огорченъ и угнетенъ тѣмъ, что пришлось такъ быстро бросить хотя и налаженное, но все-таки требующее его присутствія, дѣло. И онъ не скрылъ этого отъ невѣсты, наскоро сообщая ей и о полученной телеграммѣ, и о томъ, что имъ, очевидно, недовольны и навѣрное не пошлютъ больше въ голодающія мѣстности.

Пріѣхавъ домой, онъ переодѣлся и въ тотъ же день явился къ графу.

Его приняли любезно.

— Васъ вызвали для того, чтобы лично переговорить съ вами, Григорій Александровичъ,— съ снисходительной привѣтливостью пожимая своей породистой рукой руку Никодимцева, проговорилъ графъ.—Вы писали такія страшныя донесенія, какъ будто Россія находится на краю гибели, и здѣсь мы ничего не понимаемъ. Мы писали, что вы очень увлекаетесь и просили васъ не пугать общество и населеніе преувеличенно мрачными картинами, но вы не изволили обратить вниманія на совѣты государственной мудрости... Провинція, повидимому, произвела на васъ, впечатлительнаго человѣка, слишкомъ сильное впечатлѣніе...

Онъ опустился на кресло и жестомъ пригласилъ сѣсть Никодимцева.

— Вы правы, графъ. Впечатлѣніе очень сильное,— сухо отвѣтилъ Никодимцевъ.

— И, вѣроятно, еще усилилась, благодаря вашимъ разстроеннымъ нервамъ. Вы просто устали, Григорій Александровичъ. Я

слышалъ, что вы считали нужнымъ все время быть въ разъѣздахъ. А воображеніе утомленнаго человѣка всегда слишкомъ сильно работаетъ. Я только этимъ и могу объяснить ваши короткія и,—извѣните меня,—неумѣренно горячія записки, которыми вы здѣсь всѣхъ напугали.

Его сіятельство говорилъ эти слова обычнымъ любезнымъ тономъ, но въ его маленькихъ глазахъ блестѣла насмѣшка. Это не смутило Никодимцева. Онъ и не ожидалъ другого пріема.

— Вѣдь я такъ и предупреждалъ, графъ, когда мнѣ сдѣлали честь послать меня въ голодающія губерніи, что я буду говорить то, что̀ думаю, и описывать то, что̀ вижу. Къ сожалѣнію, занятый спѣшной работой я могъ только вкратцѣ отмѣчать печальные факты вопіющаго бѣдствія. Я надѣюсь теперь представить болѣе подробный докладъ.

— Не знаю, къ чему это вамъ нужно?—чуть-чуть пожимая слегка плечами и внимательно разсматривая свои отточенные ногти произнесъ графъ.—Вы, кажется, уже и такъ достаточно били тревогу. И изъ за чего? Право, можно подумать, что Россія пропадаетъ. Повѣрьте, милѣйшій Григорій Александровичъ, ничего съ нами не будетъ оттого, что въ двухъ, трехъ губерніяхъ ощущается нѣкоторый недостатокъ въ продовольствіи. И ваше отношеніе къ тому, что вы называете громкимъ именемъ народнаго бѣдствія, положительно преувеличено. Право, я ожидалъ отъ васъ болѣе трезваго отношенія къ дѣлу.

Никодимцевъ слегка улыбнулся.

— Мнѣ очень грустно, что я не оправдалъ вашихъ ожиданій, графъ, но, къ сожалѣнію, я правъ. Положеніе осмотрѣнныхъ мною губерній дѣйствительно ужасно. И хуже всего то, что надвинувшаяся бѣда не есть временное, случайное явленіе, а нѣчто хроническое и упорное. И никакая, самая широкая филантропія не можетъ ничего сдѣлать. Нужны другія, болѣе радикальныя и общія мѣры. О нихъ-то я и хотѣлъ говорить въ своей докладной запискѣ. Я считаю это необходимымъ, такъ какъ въ петербургскихъ чиновничьихъ сферахъ не имѣютъ понятія о томъ, что̀ творится въ глубинѣ Россіи.

— Это, конечно, ваше дѣло. Но, во всякомъ случаѣ, я вижу, что вы совсѣмъ измучены вашей командировкой, и я предлагаю отдохнуть нѣсколько времени. Не возвращаться туда, откуда вы вынесли такія мрачныя мысли, и не принимать департамента,—сухо сказалъ графъ, вставая и давая этимъ понять, что пріемъ оконченъ.

Никодимцевъ вышелъ отъ графа съ полнымъ сознаніемъ, что въ Петербургѣ хотятъ быть глухими и что онъ, безпокойный чиновникъ, не ко двору. Онъ мало сожалѣлъ объ этомъ и его не ма-

нила снова бумажная дѣятельность. Но ему было обидно и тяжело, что его сейчасъ оторвали отъ работы, которою онъ былъ такъ сильно поглощенъ.

Инна, какъ будто еще сильнѣе привязавшаяся къ жениху за время его отсутствія, не жалѣла объ его служебныхъ неудачахъ. Скоро долженъ былъ окончиться ея процессъ о разводѣ. Они оба съ нетерпѣньемъ ожидали этого, чтобы тотчасъ же съиграть свадьбу.

Дѣла Козельскаго шли все хуже и хуже. Въ началѣ апрѣля они перебрались въ Царское, чтобы имѣть предлогъ, безъ особеннаго скандала, сдать квартиру и продать все болѣе цѣнное въ обстановкѣ. Но и это не могло ихъ спасти, а Николай Ивановичъ зналъ, что это только временная отсрочка полной несостоятельности.

Тина уѣхала заграницу. Мать со слезами проводила ее, такъ и не догадываясь объ истинной причинѣ ея отъѣзда. Вообще Антонина Петровна, несмотря ни на что, продолжала жить въ какомъ-то пріятномъ невѣдѣніи, все еще строя идиллическіе планы ихъ новой, болѣе скромной и семейной жизни.

Передъ Пасхой Никодимцевъ получилъ назначеніе въ члены совѣта. Это было большимъ и обиднымъ пониженіемъ, но онъ отнесся къ нему довольно безразлично.

Онъ былъ всецѣло поглощенъ одной большой работой, задуманной имъ еще на голодѣ. Да и свадьба была уже близка.

Въ первыхъ числахъ мая Григорій Александровичъ съ невѣстой встрѣтили на музыкѣ въ Павловскѣ всю семью Ордынцевыхъ.

Ольга, нарядно и крикливо одѣтая, окруженная толпой молодежи, громко и весело болтала, очень довольная, что обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Рядомъ съ ней шелъ Алексѣй, съ своимъ обычнымъ самоувѣреннымъ видомъ разглядывая публику. Немного поодаль подъ руку съ какимъ-то господиномъ выступала Ордынцева, тоже нарядная и все еще красивая.

Они прошли мимо Инны Николаевны, какъ будто не замѣчая ея. Дочь разорившагося человѣка, невѣста Никодимцева, опала котораго была всѣмъ извѣстна, она больше не могла интересовать ихъ. Но Ольга все-таки довольно дерзко оглядѣла ея съ ногъ до головы и презрительно улыбнулась.

— А знаешь, мнѣ жаль ее,—сказала Инна Никодимцеву.

— Равнодушная къ позору... Да и мало ли у насъ равнодушныхъ даже среди неглупыхъ людей ко всему, кромѣ карьеры и наживы... И я былъ чиновникомъ, пока не прозрѣлъ.

К. Станюковичъ.

Конецъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Воспоминанія о студенческой жизни», Буслаева, Обнинскаго и др.—Студенческіе кружки.—Ихъ значеніе въ прежней университетской жизни.—Свободное ихъ возникновеніе и оффиціальная регламентація.—Статья Я. Г. Гуревича въ «Русской Школѣ» о средней школѣ.—Взгляды г. Герда на реформу средней школы.—Г-жа З. Венгерова о «юной Россіи».—Характеристика «юной Россіи» и ея представителей.—Пушкинскій номеръ «Міра Искусства».—Пушкинъ, какъ членъ «юной Россіи» г-жи Венгеровой.

«Человѣкъ бываетъ хорошъ только разъ въ жизни—въ юности. Потомъ онъ становится все хуже, портится, и если его не просолить всего насквозь до костей высшими вѣрованіями, идеями, то онъ еще задолго до смерти станетъ разлагаться».

Эти слова Никитенки, одного изъ умнѣйшихъ наблюдателей русской жизни, правдивыя по существу, имѣютъ особый смыслъ для русскаго человѣка. Больше чѣмъ кому-либо другому, необходимо ему «просолиться» въ юности идеями, чтобы сохранить до старости хоть капельку человѣчности, хотя искорку духа живого. Въ другихъ странахъ условія жизни слагаются много удачнѣе, счастливѣе, высшія вѣрованія и идеи призваны играть въ жизни бо́льшую роль, имъ отводится въ житейской борьбѣ болѣе или менѣе видное мѣсто, и для европейца они—не только отвлеченныя понятія, а могущественные символы, облеченные плотью и кровью, которые онъ получаетъ по наслѣдству, отстаиваетъ при жизни и передаетъ потомству, какъ драгоцѣннѣйшій завѣтъ прошлаго и обѣтованіе лучшаго будущаго.

У насъ не то. Для высшихъ вѣрованій и идей есть только два прибѣжища—университетъ и литература, за предѣлами которыхъ идеалы не только ненужное, но и опасное бремя. Носителю его приходится не выставлять въ борьбѣ свои идеалы, какъ знамя, подъ которое собирались бы единомышленники, а хранить ихъ про себя и считать себя счастливымъ, если онъ не замараетъ своего идеала постоянными уступками и незамѣтно не растеряетъ ихъ въ жизни подъ давленіемъ тысячи мелкихъ столкновеній. Это противорѣчіе между жизнью и высшими стремленіями, которыми каждый изъ насъ жилъ въ дни юности, въ стѣнахъ университета, которыя черпалъ изъ литературы, дѣлаетъ воспоминанія объ этомъ невозвратномъ времени такими жгучими и для многихъ болѣзненно-острыми. Кажется, именно тогда и была жизнь, а потомъ наступило одно длительное полусонное прозябанье, и въ этомъ, пожалуй, больше правды, чѣмъ думаютъ иные. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это—жизнь, исполненіе всякихъ входящихъ и исходящихъ бумагъ или работа, въ которую не вѣришь, которой тяготишься, а подчасъ и прямо ее ненавидишь? А вѣдь такова участь огромнаго большинства русскихъ обывателей, которые, побывавъ въ университетѣ, потомъ на каждомъ шагу убѣждаются, что весь этотъ университетъ въ ихъ обывательской обстановкѣ—ни къ чему. Все, что казалось тогда такимъ дорогимъ, существенно-важнымъ и близкимъ, всѣ интересы науки,

искусства, политики, — все это не имѣетъ ни малѣйшаго приложенія къ обыденной жизни, и, постепенно тускнѣя подъ ежедневнымъ налетомъ житейской пыли, мало-по-малу отодвигается вдаль прошлаго.

Особенно дороги становятся эти незабвенные дни юныхъ порывовъ для тѣхъ, кому довелось переживать свое университетское время въ лучшіе дни университетской жизни, какими было время конца 50-ыхъ и начала 60-ыхъ годовъ. Въ вышедшей недавно книгѣ «Воспоминанія о студенческой жизни» помѣщены воспоминанія объ университетѣ въ разныя эпохи, начиная съ начала текущаго вѣка и до 70-ыхъ годовъ. Каждое время, конечно, клало на университетъ свой отпечатокъ. Въ двадцатые годы предъ нами еще не «храмъ науки», а что-то еще неоформившееся, незрѣлое и смутное, но уже и тогда рѣдкіе представители истиннаго научнаго духа начинаютъ объединять неясныя еще стремленія молодежи, направляя ее къ чистому служенію наукѣ и идеализму. Объ этомъ говоритъ Свербѣевъ, упоминая о начинавшихся уже въ то время кружкахъ, въ которыхъ собиралась лучшая и серьезнѣйшая часть молодежи для совмѣстнаго чтенія и дебатированія по отвлеченнымъ вопросамъ. Такое незамѣтное вначалѣ движеніе къ корпоративной жизни постепенно крѣпнетъ, и даже въ злѣйшее время 40-ыхъ годовъ, когда университетская жизнь свелась чуть не къ шагистикѣ, которой, между прочимъ, учили тогда и студентовъ, оно не исчезаетъ, какъ объ этомъ разсказываетъ Буслаевъ о жизни казеннокоштныхъ студентовъ. Но полнаго расцвѣта кружковая жизнь достигаетъ въ періодъ общаго подъема русской жизни, и записки Обнинскаго, посвященныя именно этой эпохѣ, даютъ яркое представленіе, чѣмъ могъ быть и долженъ быть университетъ для молодежи.

Еще на школьной скамьѣ, по словамъ Обнинскаго, университетъ возбуждалъ особый восторгъ, все, касавшееся его хотя бы и отдаленно, окружалось особымъ культомъ. «Я помню,—говоритъ онъ,—съ какимъ почтительнымъ трепетомъ входилъ я въ первый разъ на университетскій дворъ, хотя тогда еще не красовался на немъ памятникъ Ломоносову. Въ то золотое время университету не нужно было ставить передъ собою памятниковъ для возбужденія почтительныхъ чувствъ молодежи: живое могучее слово блестящей плеяды профессоровъ, нашихъ незабвенныхъ наставниковъ и руководителей, неудержимо влекло къ себѣ молодые умы и наполняло святымъ восторгомъ молодыя сердца». Этотъ культъ университета раздѣляло съ молодежью и общество, и Обнинскій разсказываетъ, съ какой радостью и даже почтеніемъ всѣ его домашніе и знакомые поздравляли его съ поступленіемъ въ университетъ. Для всѣхъ университетъ казался единственно *чистымъ* мѣстомъ, куда нѣтъ доступа царящимъ вокругъ неправдѣ, произволу и насилію. На него смотрѣли съ упованіемъ и надеждой и ждали, что оттуда только могутъ явиться силы, необходимыя для обновленія Россіи, — и университетъ не обманулъ этихъ упованій.

Вступая въ тогдашній университетъ, молодежь на первыхъ же шагахъ натыкалась на странную военную формалистику до ученія маршировкѣ включительно, чѣмъ увлекался особенно самъ попечитель. Мелочныя и строжайшія предписанія относительно формы, числа пуговицъ, ношенія треуголки были еще въ полной силѣ. Но всѣ эти мѣропріятія вызывали въ слушателяхъ Грановскаго совершенно обратное впечатлѣніе, полукомическое, полудосадливое, какъ жалкая необходимость, безъ которой нельзя было подойти къ источнику свѣта. Они забывались за лекціями и въ умственной работѣ, кипѣвшей въ тѣсной кружковой жизни. Не смотря на видимыя стѣсненія, царила широкая умственная свобода. «Молодые, пытливые умы продолжали работу, и если каѳедра не отвѣчала невольно возникавшимъ при этомъ запросамъ, искали отвѣтовъ на сторонѣ. Находили ихъ въ литографированныхъ брошюрахъ, ходившихъ по рукамъ; читались эти брошюры и велись дебаты по трактуемымъ ими сюжетамъ

въ отдѣльныхъ кружкàхъ, по вечерамъ собиравшихся то у одного, то у другого... Эти кружковыя чтенія и дебаты, длившіеся зачастую до разсвѣта, за самоваромъ и въ клубахъ табачнаго дыма, много способствовали усвоенію сути университетскихъ лекцій; они превосходно дрессировали неопытную мысль, то и дѣло заставляя ее схватываться съ самыми противоположными доводами и комбинировать самыя непримиримыя противорѣчія. Правда, подчасъ мысль изнемогала въ несносной борьбѣ съ собственными сомнѣніями, но, быть можетъ, благодаря этому сильно дѣйствующему средству, мы выучились думать самостоятельно, сознательно и критически относиться къ тому, что получалось извнѣ». Въ то же время эта кружковая жизнь, полная чисто умственныхъ интересовъ, служила благодѣтельнымъ отвлеченіемъ для молодежи отъ разныхъ соблазновъ жизни. «Кружковые вечера замѣняли намъ карты, биллiарды, трактиры; о попойкахъ и кутежахъ, помимо всякихъ принципіальныхъ соображеній, просто некогда было и подумать». Здѣсь же, въ кружкàхъ, завязывались и дружескія отношенія, сохранявшіяся на всю жизнь, вырабатывались альтруистическіе взгляды и высшія потребности, которыя бывшіе студенты и вносили впослѣдствіи въ жизнь. Участники этой кружковой жизни наполнили потомъ ряды дѣятелей, вынесшихъ на своихъ плечахъ реформы 60-хъ годовъ, о чемъ съ справедливой гордостью замѣчаетъ Обнинскій.

Чѣмъ же обусловливался этотъ высокій духъ университетской жизни того времени? Съ одной стороны, его поддерживалъ прекрасный составъ профессоровъ, поддерживавшихъ и словомъ, и примѣромъ идеальное настроеніе студенчества. Съ другой—единеніе и корпоративный духъ самого студенчества, которое ставило себѣ задачу—«совершенствоваться, чтобы потомъ воздѣйствовать въ этомъ направленіи на среду своей будущей дѣятельности». «Усваивать начала науки, — замѣчаетъ Обнинскій,—юноша можетъ только въ уединеніи отъ жизни, мѣшающей этому дѣлу, въ *корпоративномъ* сообществѣ, облегчающемъ и развивающемъ его; а для того, чтобы усвоенныя такимъ путемъ начала претворялись въ жизнь въ качествѣ руководящаго и общедоступнаго свѣточа, необходимо, чтобы носитель его, съ одной стороны, непререкаемо сознавалъ главенствующее надъ нею значеніе науки, а съ другой—былъ въ юности своей, всегда податливой къ воспріятіямъ извнѣ, увлеченіямъ и самомнѣніямъ, хорошо защищенъ на это опасное время отъ того рекомендуемаго знакомства съ жизнью, которое, вмѣсто ожидаемаго знанія ея, даетъ въ итогѣ лишь самые антисоціальные результаты—своекорыстіе, карьеризмъ, уживчивость и повладливость къ тому, что требуетъ самаго энергичнаго протеста, способность «ходить по вѣтру» и «плавать по теченію»,—однимъ словомъ, то *предательство*, которое прикрывается скромнымъ названіемъ «практичности» и которое, какъ ржа, выѣдаетъ, все что даетъ лучшаго университетъ».

Развернулась университетская жизнь въ особенности съ отмѣной регламентацій и внѣшнихъ стѣсненій, что наступило въ концѣ 50-хъ годовъ, когда пуговицы, треуголки, мундирчики, фалдочки и шагистика разомъ исчезли, и на поверхность выступила наука въ ея чистомъ видѣ, сознательный интересъ къ готовившимся тогда реформамъ и сознательная подготовка себя къ нимъ. Это было самое бодрое и оживленное настроеніе въ жизни университетовъ, которое потомъ уже не только не повторялось, но постепенно и незамѣтно стало замѣняться индифферентизмомъ къ высшимъ стремленіямъ, пока наконецъ, говоритъ авторъ, и въ университетѣ не началъ создаваться «дѣлецъ». Современный университетъ выпускаетъ уже людей «умѣренности и аккуратности», «борцевъ—не за идею, а просто за собственное существованіе». «Все измѣнилось—и современный *дѣлецъ* смѣнилъ былого *дѣятеля*. Въ обиліи поставляемый университетами позднѣйшихъ лѣтъ, дѣлецъ этотъ крайне ограниченъ въ своемъ умственномъ кругозорѣ; всякая мало-мальски серьезная бесѣда видимо тяготитъ его. Такъ же

относится онъ и къ серьезной работѣ: въ ней онъ тупъ и неповоротливъ и можетъ двигаться лишь въ рамкахъ усвоеннаго шаблона. Сознательно критическое отношеніе къ исполняемому закону ему совсѣмъ уже чуждо, да это нисколько и не интересуетъ его, разъ дѣло переходитъ за предѣлы личной его выгоды или разсчета. Руководится онъ, главнымъ образомъ, при помощи того нехитраго механизма, который зовется «житейской смѣткой», и здѣсь, разумѣется, ошибокъ не дѣлаетъ. Книгъ не выноситъ, чтеніе ненавидитъ,—оно опротивѣло ему съ гимназіи. Узнавъ его поближе, вы непремѣнно воскликнете: «Боже мой! Да неужели же этотъ человѣкъ четыре года пробылъ въ университетѣ и вышелъ кандидатомъ?» О направленіи и говорить нечего. Его зачастую и не распознаешь: это и излишне, и стѣснительно. Явственнѣе прочаго сказываются принципы ретроградnаго оттѣнка, ими даже любятъ нерѣдко и бравировать... Понятное дѣло, подобные питомцы «высшаго образованія», хотя бы оно ставилось обязательнымъ цензомъ, не будутъ желательными дѣятелями на поприщѣ государственнаго или общественнаго служенія».

Этотъ мастерски нарисованный портретъ современнаго «дѣльца» невольно вызываетъ вопросъ: одинъ ли университетъ тутъ виноватъ? Авторъ совершенно правильно указываетъ, что университетъ началъ терять свое высокое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ сталъ игрушкой различныхъ «вѣяній», которыя всячески начали приспособлять его къ различнымъ скоропреходящимъ требованіямъ минуты. Результатомъ этого натиска «вѣяній» явилась печальная эволюція: «измѣнились и профессора, и студенты, и программы преподованія. Профессорамъ приходилось уходить на заграничныя каѳедры, въ адвокатскую корпорацію или въ литературу. Увеличеніе платы за слушаніе лекцій наполнило университеты переутомленными сыновьями зажиточныхъ классовъ людей. Ихъ традиціи проникли въ стѣны университета, разобщили студентовъ и, не встрѣчая уже отпора отъ аборигеновъ деревни и причта, дали преобладающій тонъ остальному студенчеству».

Можно ли ожидать въ настоящее время возрожденія былой университетской жизни? Врядъ ли, потому что университетъ нельзя уже выдѣлить изъ общаго теченія нашего времени. Теперь много говорятъ опять о необходимости созданія студенческихъ кружковъ, но подъ руководствомъ профессоровъ, съ цѣлью «упорядочить» самостоятельныя научныя занятія студентовъ. Какъ мы видимъ, прежніе кружки, описанные Обнинскимъ, не нуждались въ такомъ непосредственномъ руководительствѣ. Въ нихъ лишь развивался тотъ духъ и направленіе, которое студенты выносили съ лекцій, и въ своей свободной кружковой общинѣ студенты только учились самостоятельно идти по пути, указанномъ профессоромъ. Регламентація кружковой жизни, если только она осуществится, чему, признаться, мы не особенно вѣримъ,—явится лишь дополненіемъ программы университетскаго преподаванія и стѣснитъ еще болѣе духъ свободнаго изслѣдованія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинной науки и научнаго развитія. Да и нельзя предписаніями, хотя бы проникнутыми наилучшими намѣреніями, создать что-либо, если нѣтъ для этого почвы въ самой жизни. А въ современной университетской обстановкѣ мы не видимъ такой почвы для дружнаго, тѣснаго и, главное, искренняго единенія между студентами и профессорами. Лучшіе изъ послѣднихъ, обладающіе высокимъ даромъ привлекать къ себѣ сердца своихъ учениковъ, всегда, даже помимо воли, являлись и являются центромъ, около котораго группируется кружокъ слушателей, ищущихъ у нихъ руководства и указанія, какъ въ научномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ. Если же вокругъ большинства профессоровъ замѣчается пустота и въ аудиторіи, и дома, тутъ никакая регламентація не поможетъ, а скорѣе ухудшитъ положеніе, присоединивъ къ холоду равнодушія тѣнь взаимной враждебности и опасливой подозрительности.

Не малую роль въ пониженіи умственныхъ и нравственныхъ интересовъ университета съиграла и средняя школа, готовящая ему будущихъ питомцевъ. Теперь, когда объ этой школѣ заговорили всѣ, ея недостатки достаточно уяснились, и печальное вліяніе средней школы на развитіе современнаго поколѣнія не вызываетъ больше споровъ. Формулировку этихъ недостатковъ мы нашли очень удачно составленной въ статьѣ Я. Г. Гуревича въ его журналѣ «Русская Школа» (октябрь), «Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія, въ особенности же классической гимназіи».

Авторъ вполнѣ справедливо нападаетъ на всю систему средняго образованія, находя, что не однѣ только классическія гимназіи неудовлетворительны, а всѣ среднеучебныя заведенія, всѣхъ родовъ и видовъ, въ одинаковой степени даютъ жалкіе результаты. Такое рѣзкое мнѣніе лица, столь свѣдущаго и опытнаго, какимъ является почтенный авторъ, самъ педагогъ по призванію и директоръ гимназіи, заслуживаетъ полнаго вниманія, и крайне поучительны приводимыя имъ данныя, подтверждающія справедливость его взгляда.

Отрицательныя стороны нашей средней школы г. Гуревичъ формулируетъ въ рядѣ положеній, которыя, по нашему мнѣнію, можно свести къ двумъ основнымъ причинамъ упадка средней школы. Съ одной стороны, нѣтъ опытныхъ и хорошо подготовленныхъ учителей и воспитателей, которые бы по призванію занимались труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ ученія и воспитанія. Съ другой —безграничная власть бумаги, или программы, которая замѣняетъ живыхъ людей и все подчиняетъ себѣ—и учителей, и учениковъ. Программа, или, лучше сказать, канцелярія, ее составляющая, ни съ чѣмъ не считается, кромѣ начальственнаго усмотрѣнія, и ничего не требуетъ, кромѣ безпрекословнаго, неукоснительнаго подчиненія этому усмотрѣнію.

Которая изъ этихъ причинъ существеннѣе вліяетъ на школу, ясно само собой. Можно ли представить себѣ живого, одареннаго иниціативой и любовію къ дѣлу учителя и воспитателя, связаннаго по рукамъ и ногамъ все мертвящей программой? Если и встрѣчаются люди, по призванію отдающіеся дѣлу ученія и воспитанія, то ихъ дѣятельность всегда и вездѣ кратковременна, а участь обычна: послѣ цѣлаго ряда столкновеній съ программой, они устраняются добровольно или помимо воли, что для дѣла не важно. Программа въ лицѣ начальства и товарищей вступаетъ съ ними съ открытый бой. «Вы выходите изъ программы», «не по программѣ учитъ», «духъ не тотъ»,—и педагогъ по призванію выкидывается за бортъ. Неудивительно, что такихъ учителей и воспитателей становилось все меньше и меньше, по мѣрѣ того, какъ строже проводилась программа и средняя школа «совершенствовалась». Въ концѣ-концовъ они и совсѣмъ вывелись въ правительственныхъ заведеніяхъ, и если еще существуетъ у насъ учитель по призванію, то его надо искать въ частныхъ заведеніяхъ.

Его замѣнилъ учитель-машина, учитель-чиновникъ, методически, безъ размышленій выполняющій любой экспериментъ, который ему предпишетъ программа. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени выработался вполнѣ законченный типъ казеннаго педагога. Обыкновенно, это человѣкъ по виду какой-то безцвѣтный, безъ рѣзкихъ чертъ лица, съ неподвижнымъ выраженіемъ, съ нездоровой окраской кожи, что называется худосочный. Онъ суховатъ, молчаливъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ и очень трусоватъ не только въ гимназіи, но и вообще въ жизни. Вспомните типичную фигуру учителя въ превосходномъ разсказѣ г. Чехова «Человѣкъ въ футлярѣ», съ его вѣчнымъ боязливымъ припѣвомъ, «какъ бы чего не вышло», которымъ онъ наводитъ такой гипнотизирующій страхъ на окружающихъ. Своимъ дѣломъ онъ интересуется меньше всего и по большей части знаетъ его плохо. Поразительное явленіе, всегда изумляющее учениковъ, до чего быстро учителя забываютъ

все, чему ихъ учили въ университетѣ. Послѣ пяти - шести лѣтъ практики, рѣдкій учитель не забудетъ университетскихъ лекцій, и весь его научный багажъ сводится въ концѣ концовъ къ учебнику. Живутъ учителя крайне замкнуто, исключительно почти своимъ кружкомъ, да и то собираются рѣдко, развѣ по случаю именинъ кого-либо изъ нихъ, при чемъ, обыкновенно трезвые и воздержные, сильно «закладываютъ за галстухъ» и тогда любятъ горько жаловаться постороннему, буде такой случится, на свою судьбу. И жалобы ихъ всегда справедливы, такъ что и судить ихъ строго нельзя. Получаютъ они вознагражденіе ничтожное, а работы на нихъ навалена цѣлая уйма. Не менѣе 6—7 часовъ въ день въ гимназіи, да еще масса домашней работы по просмотру ученическихъ работъ, отъ чего избавлены рѣдкіе изъ нихъ.

Такое жалкое существованіе безъ радости, доставляемой любимой работой, и безъ надежды на лучшее будущее дѣлаетъ человѣка черствымъ, что и отражается на отношеніяхъ къ ученикамъ. Ученикъ—это вѣчный врагъ, котораго надо пастичь, донять, прижать, уничтожить, если онъ благоразумно не сдастся во-время и смиренно не позволитъ втиснуть себя въ заранѣе для него припасенную клѣточку, въ которой «ни встать, ни сѣсть». Огромное большинство учениковъ сопротивляется слабо и постепенно укладываются по клѣточкамъ. Исправно зудятъ они учебникъ, исправно выполняютъ весь ритуалъ жизни заведенія, исправно держатъ экзаменъ и кончаютъ курсъ, унося въ душѣ тупое недовольство заведеніемъ, наукой, жизнью. «Вялое физически и умственно, лишенное духа иниціативы и самостоятельности, мало подготовленное къ сознательной общественной дѣятельности, мало чуткое къ воспріятію разнообразныхъ культурныхъ и эстетическихъ воздѣйствій»,—по характеристикѣ г. Гуревича,—молодое поколѣніе поступаетъ въ университеты и другія высшія спеціальныя заведенія, гдѣ тоже не встрѣчаетъ особыхъ стимуловъ къ возрожденію и превращается въ «дѣльцовъ», о которыхъ съ такою горечью говоритъ Обнинскій.

Получается, такимъ образомъ, очень стройная система. Средняя школа кромсаетъ живой матеріалъ, поставляемый жизнью, и выкраиваетъ изъ него человѣчковъ по строго опредѣленному трафарету. Высшая школа даетъ имъ окончательную отдѣлку и выпускаетъ въ жизнь машинныхъ людей, которые затѣмъ и къ жизни относятся такъ же, какъ относились къ нимъ. Каждое явленіе они пытаются втиснуть въ строго указанныя рамки, а если оно не втискивается, то искоренить его, какъ нѣчто вредное и опасное.

Время, однако, теперь именно такое, что этихъ явленій, не укладывавшихся въ стереотипныя формы, заготовленныя въ канцеляріяхъ, всплываетъ на поверхности жизни все больше и больше, и машинному человѣку все труднѣе и труднѣе справляться съ ними. На каждомъ шагу ему приходится пасовать передъ жизнью, которая требуетъ человѣка - дѣятеля, умѣлаго, богатаго иниціативой, энергичнаго, воодушевленнаго идеей и готоваго поработать для идеи. Отсюда этотъ общій вопль противъ современной школы и мечты объ ея улучшеніяхъ.

Любопытную мечту такого рода мы нашли въ интересной статьѣ другого, тоже опытнаго педагога, г. Герда, который изложилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» свой планъ образцовой школы, устроенной по типу англійскихъ школъ. «Никакими уставами,—говоритъ онъ,—программами и приказами установить хорошій духъ въ школѣ невозможно. Для этого прежде всего необходимы люди, ближайшіе руководители школъ. Говорилось о необходимости спеціальной подготовки учителей для средней школы прикомандированіемъ на извѣстный срокъ молодыхъ людей, прошедшихъ курсъ университета, къ гимназіямъ или объ учрежденіи при университетахъ школъ, гдѣ бы они практиковались подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Какъ мнѣ кажется, ни тотъ, ни другой спо-

собъ не принесли бы ожидаемой пользы. Этой мѣрой мы вводили бы молодыхъ людей опять въ прежнюю колею, чтобы и они продолжали вести дѣло такъ, какъ оно ведется теперь, или, лучше сказать, какъ его вести не слѣдуетъ. Эта мѣра дала бы практикантамъ только извѣстную и совсѣмъ нежелательную ремесленную сноровку. По моему мнѣнію, ужъ лучше оставить дѣло такъ, какъ оно стоитъ теперь, по крайней мѣрѣ, хотя и очень рѣдко, но то въ одномъ, то въ другомъ заведеніи мелькнетъ молодой преподаватель съ огонькомъ, который успѣваетъ привязать къ себѣ учениковъ и увлекаетъ ихъ своимъ предметомъ, а тогда и эти рѣдкіе преподаватели исчезнутъ, заразившись отъ опытныхъ преподавателей формальной рутиной».

Высказавъ эти болѣе, чѣмъ здравыя мысли, г. Гердъ пускается фантазировать и излагаетъ свою мечту объ образцовой школѣ, которая должна замѣнить современную. Мечта эта такъ соблазнительна, что мы не можемъ не познакомить съ нею читателей.

«Слѣдуетъ, — говоритъ онъ, — учредить двѣ-три образцовыя школы, давъ имъ въ руководство только самыя общія постановленія, предоставляя учебному персоналу этихъ школъ полную свободу въ выработкѣ подробностей. Школы эти періодически должны обмѣниваться самыми подробными свѣдѣніями о всемъ, что въ нихъ совершается, чтобы такимъ образомъ одна школа могла воспользоваться опытомъ другой. Школы должны быть учреждены не въ городѣ, а въ сельской, здоровой, красивой мѣстности на рѣкѣ, что значительно облегчитъ раціональное веденіе дѣла. Представлять изъ себя онѣ должны семейный интернатъ, т. е. состоять изъ собственно школьнаго зданія и небольшихъ домиковъ для преподавателей, у которыхъ жили бы ученики въ чисто семейной обстановкѣ. Отношенія преподавателей къ ученикамъ должны быть разумно родительскія. До 14—15-ти-лѣтняго возраста школа должна быть общеобразовательною безъ всякихъ спеціализацій. Она должна не столько заботиться о количествѣ познаній своихъ учениковъ, сколько стремиться къ гармоническому развитію всѣхъ человѣческихъ способностей, развить въ ученикахъ охоту и умѣнье взяться за дѣло и выполнять его основательно; развить въ ученикахъ наблюдательность, самодѣятельность, энергію, волю, отвращеніе ко лжи и увертливости; развить тѣло физически, развить ловкость, умѣлость во всѣхъ работахъ; выработать въ ученикахъ трезвый взглядъ на жизнь, чтобы они всегда видѣли, что̀ надлежитъ сдѣлать, и не разсуждали бы объ этомъ только теоретически, а выполняли на дѣлѣ; чтобы ученики заботились о своемъ совершенствованіи не по зависти къ таварищамъ, не изъ соревнованія, а просто по чувству долга. Для достиженія этого должно совершенно измѣнить способъ преподаванія, программы должны быть составлены иначе, безъ всякаго стремленія напичкать своихъ учениковъ ненужнымъ балластомъ. Три часа учебныхъ занятій и два на самостоятельныя учебныя работы учениковъ въ день совершенно достаточно. Остальное свободное время должно быть пополнено образовательными прогулками, играми, плаваніемъ, греблей, катаньемъ на конькахъ, верхомъ и на велосипедѣ, различными работами, но не по казенной системѣ, а работами, вызванными потребностями самой жизни учениковъ, музыкой, пѣніемъ, литературно-музыкальными вечерами, чтеніемъ».

Въ такой образцовой школѣ подготовятся будущіе педагоги и явятся затѣмъ насаждать истинную воспитательную систему въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ. Мечта упоительная, спору нѣтъ. Только кто же ее возьмется осуществлять? И гдѣ? Это у насъ-то, при современныхъ порядкахъ, подъ эгидой бюрократіи, подчинившей все живое власти бездушной бумаги? Для осуществленія этого идеала образцовой школы, заимствованнаго г. Гердомъ изъ Англіи, прежде всего было бы необходимо пересадить къ намъ и условія англійской жизни, безъ чего такая образцовая школа захирѣла бы въ первые же дни, отцвѣла бы, не

успѣвъ расцвѣсть. Положимъ, и наша современная средняя школа—овощь не доморощенный, а тоже привозный. Мы ее позаимствовали цѣликомъ изъ Германіи, какъ и многое другое,—между прочимъ, и бюрократію. Но дѣйствовали мы въ этомъ случаѣ послѣдовательно и вполнѣ цѣлесообразно. Сначала насадили бюрократію, и когда она превосходно привилась и расцвѣла, пересадили на готовую почву и германскую школу, явившуюся дополненіемъ и укрѣпленіемъ бюрократіи, фабрикой, подготовляющей для послѣдней будущихъ чиновниковъ.

Школу нельзя выдѣлить изъ жизни, обособить въ нѣчто самостоятельное и самодовлѣющее, и пока коренныя основы жизни остаются прежними, приходится довольствоваться, самое большее, частичными улучшеніями, устраняя особенно наболѣвшія отрицательныя стороны. Но даже и такая частичная ломка невозможна безъ участія тѣхъ, кто болѣе всего заинтересованъ въ данномъ вопросѣ, именно родителей, т. е. общества. Въ противномъ случаѣ, реформа, проведенная чисто бюрократическимъ путемъ, сведется опять къ этой же казенщинѣ, отъ которой такъ пострадала средняя школа и которая составляетъ ея главный недостатокъ. Что изъ того, если въ одномъ мѣстѣ урѣжутъ программу, въ другомъ расширятъ, тутъ приставятъ кусочекъ, тамъ отнимутъ? Если духъ школы останется прежнимъ, будетъ намъ эта урѣзка и перетасовка «горше перваго». Замѣна древнихъ языковъ болѣе полезными знаніями, безспорно, дѣло хорошее, но если педагоги и ихъ система останутся не измѣненными, то мы не видимъ въ этомъ особаго шага впередъ. А откуда взять новыхъ педагоговъ и новую систему,—это неразрѣшимый вопросъ, пока мы вращаемся въ замкнутомъ кругу только реформы средней школы.

Между тѣмъ, вопросъ этотъ все назойливѣе, все настойчивѣе встаетъ въ жизни. Жизнь осложнилась, а съ человѣкомъ «тихо». Гдѣ таланты въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ? Гдѣ выдающіеся дѣятели на общественной аренѣ? Одно несомнѣнно, что не изъ современной школы они могутъ явиться.

Во всякомъ случаѣ, явятся они и не изъ рядовъ «юной Россіи», о нарожденіи которой возвѣстила міру г-жа З. Венгерова, въ статьѣ своей «Das jüngste Russland» въ нѣмецкомъ журналѣ «Das Magazin für Litteratur».

Декадентско-символистическое направленіе въ искусствѣ не привилось и не прививается въ нашей родной атмосферѣ. Читатели, быть можетъ, помнятъ еще шумное выступленіе нашихъ доморощенныхъ декадентовъ и символистовъ, которые одно время заставили говорить о себѣ появленіемъ цѣлаго ряда сборниковъ гг. Добролюбовыхъ, Соллогубовъ, Емельяновыхъ-Коханскихъ и Брюсовыхъ, подъ начальствомъ и просвѣщеннымъ покровительствомъ г. Волынскаго въ «Сѣв. Вѣстникѣ». Затѣмъ, къ нимъ присоединились старшіе братья, гг. Минскій, Бальмонтъ, г-жа Гиппіусъ, и наконецъ, «сама» З. Венгерова. Направленіе не встрѣтило поддержки, и органъ, въ которомъ оно пріютилось, быстро увялъ. Пробовалъ продолжать проповѣдь декадентства г. Минскій на страницахъ «Новостей», но, договорившись до «чумнаго пятна русской поэзіи», усмотрѣннаго имъ въ байронизмѣ Пушкина и Лермонтова,—умолкъ. Возникъ затѣмъ декадентско-юмористическій органъ «Міръ Искусства», руководимый никому невѣдомымъ критикомъ г. Дягилевымъ и издаваемый С. И. Мамонтовымъ и кн. Тенишевой. Но и его постигла не лучшая судьба. Злополучный г. Мамонтовъ оказался, дѣйствительно, декадентомъ въ промышленности, но журналъ отъ этого ни мало не расцвѣлъ.

Не видя признанія на родинѣ, наши декаденты обратили взоры на Западъ и стали тамъ искать успѣха, помня, что «никто не бываетъ пророкомъ въ отечествѣ своемъ». Первымъ трубадуромъ русскаго декадентства выступилъ г. Бальмонтъ, который на страницахъ англійскаго «Атенеума» повѣдалъ англичанамъ великую радость, что въ Россіи есть одинъ только хорошій журналъ—

«Сѣверный Вѣстникъ» (какъ разъ въ это время закрывшійся), одинъ только истинный философъ и критикъ—«знаменитый писатель Волынскій», и одно только истинное художественное направленіе—декадентство. Теперь въ роли такого же трубадура выступаетъ г-жа З. Венгерова, воспѣвшая въ упомянутой статьѣ новое направленіе и его органъ «Міръ Искусства».

Статейка ея небольшая, но заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразились характерныя черты нашихъ декадентовъ—ихъ чудовищное, до болѣзненности развитое самомнѣніе и грубое невѣжество, которымъ они почему-то какъ бы особенно кичатся.

Въ настоящее время, заявляетъ г-жа Венгерова, можно говорить о «юной Россіи», какъ говорятъ о «юной Франціи или юной Германіи». Разница лишь та, что представители этого русскаго направленія, въ противоположность своимъ собратіямъ на Западѣ, являются не юными талантами, ищущими новыхъ путей въ области духовной жизни, но зрѣлыми поэтами и писателями, которые, пройдя черезъ старую культуру, пролагаютъ дорогу къ новымъ цѣлямъ. Лѣтъ 15—20 назадъ, они всѣ имѣли политическую и соціальную окраску. Теперь у нихъ выработалось міровоззрѣніе съ яснымъ художественно-философскимъ отпечаткомъ. Къ нимъ присоединились нѣкоторыя болѣе юныя силы, и вмѣстѣ они составляютъ небольшую, но избранную, богатую оттѣнками, съ утонченными чувствами группу, которая, вдали отъ злободневныхъ интересовъ русской жизни, работаетъ надъ міровыми задачами и оригинальностью своихъ стремленій составляетъ важное дополненіе къ современному духу всей европейской умственной культуры.

Чтобы яснѣе оттѣнить значеніе и духъ этой группы, г-жа Венгерова даетъ коротенькую характеристику всѣхъ остальныхъ направленій русской интеллигенціи. «Большая часть русской свободомыслящей литературы и печати,—говоритъ она,—распадается на нѣсколько подраздѣленій. Тутъ есть марксисты и народники, болѣе враждебные другъ другу, чѣмъ соціалисты и буржуа, и каждая группа имѣетъ и своихъ художниковъ. Марксисты—Максима Горькаго, который изображаетъ демоническіе характеры среди фабричныхъ работниковъ. Народники—Вересаева, который описываетъ страданія крестьянъ и воспѣваетъ благодѣянія «міра» (общины). Одна партія считаетъ своимъ представителемъ почтеннаго, старшаго по возрасту критика и публициста Михайловскаго, который десятки лѣтъ проповѣдуетъ одни и тѣ же соціальные идеалы и добродѣтели и не придаетъ никакого значенія личности (an dem Individuum achtlos vorbeigeht). Другая обожаетъ болѣе юныхъ годами боговъ—марксистовъ Струве и Туганъ-Барановскаго, и идеаломъ искусства готова считать поэму, воспѣвающую восьмичасовой рабочій день. А въ общемъ и тѣ, и другіе представители различныхъ свободомыслящихъ русскихъ группъ вполнѣ сходны, олицетворяя потребности и идеалы типичнаго интеллигентнаго общества въ Россіи».

Въ этой характеристикѣ все типично для г-жи З. Венгеровой, какъ представительницы декадентства,—и ея тонъ, презрительно-насмѣшливый, съ высоты недосягаемаго величія переводчицы и компиляторши, и рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, непростительныхъ для всякаго, кто изо дня въ день работаетъ въ текущей печати. Какой такой демонизмъ открыла она у г. Горькаго, который никогда не выводилъ въ своихъ произведеніяхъ фабричныхъ рабочихъ? Не очевидно ли, что она его никогда не читала, даже такихъ его произведеній, какъ «Мальва» или «Варенька Олёсова», которыя печатались въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и потому уже должны бы быть ей знакомы. Еще комичнѣе ошибка относительно г. Вересаева, который зачисленъ ею въ народники, хотя ни одной строчки не написалъ о страданіяхъ крестьянъ и никогда не воспѣвалъ благодѣяній общины, и скорѣе наоборотъ, долженъ быть разсматриваемъ именно какъ марксистъ, чего никакъ нельзя сказать про-

г. Горькаго, котораго никоимъ образомъ нельзя считать ни марксистомъ, ни народникомъ. Но грубѣе всего ошибка относительно г. Михайловскаго. Онъ—представитель именно личнаго начала въ соціологіи, авторъ извѣстной статьи «Борьба за индивидуальность», по увѣренію г-жи Венгеровой, никогда не придавалъ значенія личности! Это ужъ не ошибка, а грубѣйшее невѣжество, непростительное даже г-жѣ Венгеровой. Наконецъ, до крайности невѣрно утвержденіе г-жи Венгеровой, будто марксисты идеаломъ художественности готовы считать поэму о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Во-первыхъ, г-жа Венгерова не благодарна, ибо въ первомъ же № «Начала» была помѣщена ея компиляція о драмахъ Мориса Метерлинка. Во-вторыхъ, именно однимъ изъ упрековъ по адресу марксистовъ со стороны правовѣрной русской критики выставляется обыкновенно ихъ склонность къ ницшеанству и символизму. Правиленъ или нѣтъ этотъ упрекъ, разбирать не станемъ, но г-жа Венгерова ужъ во всякомъ случаѣ не могла не знать этого, работая въ журналахъ этого направленія.

Напутавъ столь беззастѣнчиво, что можно это объяснить только тайной увѣренностью, что нѣмцамъ, все равно, не разобраться въ этой путаницѣ, г-жа Венгерова приступаетъ къ характеристикѣ «юной Россіи». Насколько всѣ марксисты, народники и прочія группы русской интеллигенціи—на одно лицо, настолько же оригинальны всѣ представители «юной Россіи». Здѣсь каждый поэтъ, прозаикъ, критикъ или публицистъ представляетъ самостоятельную личность, обладаетъ рѣзко выраженной, «типичной» литературной физіономіей, такъ что каждаго надо разсматривать въ отдѣльности, и какъ группу, ихъ объединяетъ только занимаемое ими положеніе противъ «правовѣрной, свободномыслящей, заурядной литературы». Личность стоитъ въ ихъ глазахъ превыше всего, вся суть для нихъ сводится къ ихъ «я». Исканіе Бога и религіозное настроеніе—вотъ что противопоставляютъ они утилитаризму, идеализмъ—матеріализму. Къ единенію съ народной душой «юная Россія» стремится еще сильнѣе, чѣмъ предшествующія поколѣнія, но ищетъ этого единенія не на почвѣ матеріальныхъ интересовъ, видитъ его не въ томъ, чтобы помогать народу въ его матеріальныхъ нуждахъ, а въ основѣ мистическихъ первоисточниковъ народной жизни. Таковы главныя черты, характеризующія новое направленіе въ цѣломъ. Все остальное у каждаго изъ его представителей своеобразно, единолично и самостоятельно.

И въ этой характеристикѣ все вздорно и ничѣмъ не обосновано. Прежде всего невѣрно, что каждый изъ упомянутыхъ ею декадентовъ оригиналенъ. Они менѣе всего оригинальны, если подъ этимъ понимать новизну мысли и своеобразность формы. Критическіе подвиги г. Минскаго, въ родѣ упомянутаго «чумнаго пятна», ничѣмъ не уступаютъ «мозговымъ линіямъ» г. Волынскаго. Знаменитый стихъ г-жи Гиппіусъ—«Я люблю себя какъ Бога» вполнѣ подъ стать не менѣе знаменитому стиху г. Брюсова—«О, закрой свои блѣдныя ноги». А всѣ вмѣстѣ они подражаютъ своимъ западно-европейскимъ образцамъ, у которыхъ потаскиваютъ помаленьку мысли, выраженія, стихи и поддѣлываются подъ настроеніе Малларме, Верлена или Оскара Уайльда. Всѣмъ имъ обща одна черта—изломанность и вычурность, которая у нихъ замѣняетъ оригинальность. Г-жа Венгерова сѣтуетъ на «большую публику», которая не съумѣла до сихъ поръ оцѣнить эту своеобразность и оказалась «недостаточно умной, чтобы понять и поддержать «Сѣверный Вѣстникъ». Намъ кажутся эти сѣтованія несправедливыми. Если даже у себя на родинѣ и Метерлинкъ, и Верленъ, и Малларме пользуются успѣхомъ только у «избранныхъ», что же удивительнаго, если ихъ плохія копіи встрѣчаютъ еще меньшее признаніе у насъ? Большая публика, что бы про нее ни говорили, умѣетъ инстинктивно понять и оцѣнить все сильное и своеобразное въ лучшемъ смыслѣ слова. Стоитъ только вспомнить успѣхъ, какимъ пользуются Гауптманъ или Ибсенъ.

Но претенціознѣе всего это болѣе, чѣмъ неосновательное увѣреніе, будто «юная Россія», въ лицѣ гг. Волынскаго, Бальмонта, Минскаго, или г-жъ Венгеровой и Гиппіусъ, стремится къ единенію съ народной душой на почвѣ какихъ-то «мистическихъ первоисточниковъ народной жизни». Эти мистическіе первоисточники напоминаютъ развѣ «баню пакибытія» и столь же мало понятны. Если оставить ихъ въ сторонѣ, то не мѣшало бы г-жѣ Венгеровой указать хотя одно произведеніе, въ которомъ у русскихъ декадентовъ проявилось бы что-либо дѣйствительно народное. Экзотизмъ, проповѣдуемый и проводимый ими, есть полное отрицаніе именно народнаго. Мы при всемъ желаніи не могли бы найти ни малѣйшаго слѣда русской народной жизни въ ихъ произведеніяхъ.

Желая на примѣрѣ показать всю оригинальность «юной Россіи», г-жа Венгерова избираетъ «пушкинскій» номеръ «Міра Искусства», который и превозноситъ до небесъ. Признаемся, раньше мы проглядѣли эту диковинку, и только узнавъ изъ статьи г-жи Венгеровой, какимъ сокровищемъ искусства обогатилась русская литература, мы познакомились съ нимъ поближе. Содержаніе его показалось намъ изумительнымъ, и мы увѣрены, что если бы его перевести на нѣмецкій языкъ и послать въ тотъ же «Магазинъ», столь любезно пріютившій г-жу Венгерову, почтенная редакція этого «Магазина» не помянула бы добромъ свою сотрудницу.

Всѣ пушкинскія празднества г-жа Венгерова называетъ «оскорбленіемъ памяти поэта». Мы тоже не высокаго мнѣнія о большей части этихъ празднествъ, но съ совершенно иной точки зрѣнія. З. Венгерову возмущаетъ то, что «изъ таинственнаго и сложнаго существа геніальнаго поэта сдѣлали глашатая русской мощи въ царствѣ духа». Въ чемъ тутъ оскорбленіе, если это даже и такъ, непонятно. Оскорбленіемъ для пушкинскаго духа было многое другое, вытекающее изъ особенностей русской общественной жизни, и ужъ никакъ не подобное возвеличеніе. И вотъ, малая, но избранная группа «юной Россіи», до глубины души задѣтая такимъ святотатственнымъ отношеніемъ къ Пушкину, рѣшила по своему отпраздновать память «своего великаго учителя» (!), уже послѣ того, какъ прошелъ «чадъ и дымъ шумнаго торжества». Маленькая поправка,—какъ видно изъ цензурной помѣтки—«28 мая», пушкинскій номеръ «Міра Искусства» появился какъ разъ во время самыхъ празднествъ, длившихся съ 26-го по 31-е мая, слѣдовательно, заготовлялся до празднествъ, и потому подчеркиваемое г-жей Венгеровой «возмущеніе» должно было упредить событія. Но пусть такъ, возмущенные такъ возмущенные, гг. Бальмонтъ, Минскій, Мережковскій, Соллогубъ, Гиппіусъ и «одинъ критикъ» Розановъ рѣшили справить поминки Пушкину по своему. «Тихо, достойно и прекрасно было ихъ торжество», съ благоговѣйнымъ чувствомъ умиленія повѣствуетъ г-жа Венгерова. «Художественно украшенная тетрадь «Міра Искусства», полныя вкуса, тонко продуманныя, съ любовью выбранныя и выполненныя картины прошлаго столѣтія—таково было приношеніе. Текстъ состоитъ изъ четырехъ статей, вылившихся изъ-подъ пера троихъ поэтовъ—Мережковскаго, Минскаго и Соллогуба—и критика Розанова. Эти четыре имени,—поясняетъ г. Венгерова,—суть самыя значительныя между представителями новаго направленія. Если,—замѣчаетъ она не безъ горделивой скорби, выражаясь на декадентскомъ жаргонѣ,—присоединить къ нимъ еще не многихъ, менѣе значительныхъ авторовъ, то вотъ и весь наличный составъ юной Россіи».

Картинки,—кстати, еще поправка, не «прошлаго столѣтія», а всѣ первой половины текущаго,—очень недурны и выполнены хорошо. Но текстъ!.. Четыре, не статьи, а малюсенькія статейки, скорѣе рядъ возгласовъ и выкликаній самаго банальнаго свойства. Для образчика приводимъ цѣликомъ самую внушительную статью г. Соллогуба «Къ всероссійскому торжеству».

«Судьбы перемѣнчивы: претерпѣвши многія гоненія при жизни и по смерти,

Пушкинъ воспоминается торжественно, оффиціально-установленнымъ порядкомъ, и, однако, «будутъ послѣдняя горше первыхъ». Не обидно ли, что великое имя становится достояніемъ толпы, у которой попрежнему нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, кто носилъ это имя? Непониманіе «тупой черни» столь же грубо, какъ и въ старину, и ея низменныя помышленія столь же, какъ и въ прежніе дни, далеки отъ чистыхъ думъ поэта. Что ей до него? Что ей Пушкинъ?—Поэтъ и человѣкъ ровно необыкновенный, человѣкъ пламенныхъ страстей и холоднаго ума, въ себѣ нашедшій вѣрную мѣру для каждаго душевнаго движенія, на точнѣйшихъ вѣсахъ взвѣсившій добро и зло, правду и ложь, ни на одну чашу вѣсовъ не положившій своего пристрастія,—и въ дивномъ и страшномъ равновѣсіи остановились онѣ,—человѣкъ великаго созерцанія и глубочайшихъ проникновеній, подъ всепобѣждающей ясностью творческихъ изображеній скрывшій мрачныя бездны,—кому онъ сроденъ? Какъ и при жизни, онъ кажется равенъ со всѣми, всякому по плечу,—но кому же онъ сроденъ? Изъ позднѣйшихъ одинъ Достоевскій мрачно и неуравновѣшенно подобенъ ему, всѣ же прочіе иного духа. Духъ вѣка настолько далекъ отъ того, чѣмъ жилъ Пушкинъ, что почти радостно думать о недоступности его для толпы, которой съ нимъ нечего дѣлать. Въ этой толпѣ, которая, медлительно раскошеливаясь, тупо соображаетъ, куда ей лучше нести свои гроши, на его ли мѣдное изображеніе, на своихъ ли голодающихъ, въ этой толпѣ, которой священное его воспоминаніе не стыдно дѣлать предметомъ газетной полемики, въ этой толпѣ все ему чуждо. До такой степени чуждо, что иногда какія-то вирши выдаются за вновь открытые Пушкинскіе стихи, и признаются, и нравятся. Съ недоумѣніемъ смотришь на приготовленія къ «всероссійскому» яко бы торжеству; и начинаешь иногда думать съ тревогой: неужели есть и у Пушкина что-нибудь для сегодняшней толпы? Или и въ самомъ дѣлѣ есть въ немъ нѣчто банальное, общедоступное? И такъ ли онъ великъ, какъ мы думали?—Напрасныя опасенія,—какъ бѣлизна небесныхъ облаковъ, чиста стихія Пушкинской поэзіи.—Зачѣмъ же этотъ праздникъ, всѣ эти жалкія торжества, эти спектакли, гулянья, чтенія и пѣнія, флаги, фейерверки, колокола, пушки (?), и что еще тамъ будетъ?—вся эта бутафорская рухлядь, обязательно хранимая на складѣ для обязательно-справляемыхъ годовщинъ? Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманныя поминки, вызванныя не свободнымъ и неудержимымъ подъемомъ общенароднаго духа, а простою календарною справкою литературныхъ гробохранителей».

Затѣмъ г. Соллогубъ приводитъ стихотвореніе нѣкоего Корина, заканчивающееся знаменитыми стихами Пушкина: «Подите прочь! какое дѣло поэту мирному до васъ!» и завершаетъ свою «статью» возгласомъ: «Вотъ, ужъ сказано это было имъ, ужъ недвусмысленно выразилъ поэтъ свое къ нимъ презрѣніе,—чего же имъ еще?»

Тутъ и вся «статья». На всѣ напыщенныя тирады г. Соллогуба можно было бы замѣтить, что самъ Пушкинъ провидѣлъ время, когда—

> Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
> И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
> И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
> Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И если его предсказаніе еще не исполнилось во всемъ объемѣ, то въ значительной степени оно оправдалось, и неужели это обидно для памяти поэта?

Но, памятуя заключительный стихъ того же стихотворенія, оставимъ г. Соллогуба и обратимся къ г-жѣ Венгеровой. По ея словамъ, въ статьяхъ гг. Мережковскаго, Минскаго и Розанова дано очень многое для пониманія Пушкина, даны «оригинальныя идеи». Начнемъ съ г. Розанова, который открываетъ собою пушкинскій номеръ «Міра Искусства». Въ своей статьѣ г-жа Венгерова

только упоминаетъ о г. Розановѣ, но не приводитъ ни одной его «оригинальной» идеи, и не безъ основанія, какъ увидятъ читатели. Сильно изумилась бы редакція «Магазина», прочтя эту «юбилейную» статейку, которая начинается такъ:

«Гоголь, пріѣхавъ въ Петербургъ, поспѣшилъ къ свѣтилу русской поэзіи, былъ часъ дня уже поздній.—«Баринъ еще спитъ», равнодушно сказалъ ему лакей.—«Вѣрно всю ночь писалъ?» спросилъ авторъ «Ганса Кюхельгартена»,—«Нѣтъ, всю ночь игралъ въ карты».

«Діалогъ этотъ многозначителенъ, т. е. въ вопросѣ Гоголя»,—глубокомысленно замѣчаетъ г. Розановъ, и затѣмъ все время слова «нѣтъ, всю ночь игралъ въ карты» служатъ рефреномъ къ основной мысли статьи, что Пушкинъ былъ «гуляка праздный», тогда какъ Гоголь, Лермонтовъ, Достоевскій и Толстой — вотъ дѣйствительно вдохновенные поэты, которые творили «въ пиѳизмѣ», «подъ одуряющими внѣшними парами». Послѣ этихъ «опьяненныхъ» писателей Пушкинъ намъ болѣе не нуженъ. Гомера затмили Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, такъ «эти три» (хотя ихъ и указано четыре) сдѣлали Пушкина для насъ *излишнимъ*. «Послѣ Пушкина міръ не сталъ богаче, *обильнѣе* (курсивъ г. Розанова). Вотъ почему въ звѣздную ночь: «баринъ всю ночь игралъ въ карты»... Душа не нудила Пушкина сѣсть, пусть въ самую лучшую погоду и звѣздную ночь, за столъ, передъ листомъ бумаги; тѣхъ трехъ (хотя ихъ было четыре) она нудила... Да, они всѣ, т. е. эти три—были пьяны, т. е. *опьянены* (курсивъ г. Розанова), когда Пушкинъ былъ существенно *трезвъ*. Три новыхъ писателя, существенно новыхъ, суть оргіасты въ томъ значеніи, и, кажется, съ тѣмъ же родникомъ, какъ и Пиѳія, когда она садилась на треножникъ»... Пушкинъ—«всю ночь игралъ въ карты»,—«и кто знаетъ, не въ эту ли ночь и не объ этой ли самой ночи Лермонтовъ написалъ:—Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу, и звѣзда съ звѣздою говоритъ»...

Итакъ, Пушкинъ отверженъ, яко «ненужный». Что г. Розанову Пушкинъ дѣйствительно не нуженъ, это понятно. Въ безконечныхъ метаморфозахъ, переживаемыхъ г. Розановымъ, для Пушкина нѣтъ мѣста. Но какимъ образомъ связать это попираніе ногами «священнаго воспоминанія поэта» съ восторженными всхлипываніями гг. Мережковскаго, Минскаго и Соллогуба? Объяснить это можно лишь тѣмъ, что говорила выше г-жа Венгерова о «самостоятельности» каждаго изъ членовъ «юной Россіи», изъ которыхъ каждый дудитъ въ свою дудку, не обращая вниманія на сосѣда. Одинъ разнесъ Пушкина, другіе столь же сильно разнесутъ тѣхъ, кто недостаточно проникнутъ благоговѣніемъ къ Пушкину. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ статьяхъ гг. Мережковскаго и Минскаго о Пушкинѣ говорится мало, у перваго даже и совсѣмъ нѣтъ ничего. Г. Мережковскій воспользовался случаемъ напасть на гг. Суворина, Вл. Соловьева, Спасовича и Толстого, которые оказали неполное вниманіе Пушкину. И послѣ этого, восклицаетъ онъ, какъ смѣете вы праздновать память Пушкина? Какъ будто вся Россія исчерпывается названными четырьмя писателями. Г. Минскій поступилъ еще упрощеннѣе: чтобы сдѣлать Пушкина «своимъ», т. е. членомъ «юной Россіи», онъ просто приписалъ ему свои собственныя мысли. У Пушкина г. Минскій открылъ три завѣта. Первый — «противоположеніе поэзіи разсудку». «Второй завѣтъ гласитъ, что художникъ призванъ не съ тѣмъ, ятобы баюкать и согрѣвать души людей, а чтобы вѣчно ихъ мучить и жечь». Третій завѣтъ самый великій — поэтъ долженъ быть равнодушенъ къ добру и злу. А г-жа Венгерова по этому случаю восторженно восклицаетъ въ своей статьѣ: «Такъ-то проведена нить, связующая Пушкина съ «юной Россіей». даже, быть можетъ, со всей юной Европой».

И пусть ее торжествуетъ, разъ всѣ эти дѣтскія наивности доставляютъ ей такую невинную радость. Мы привели ея статью, стараясь не опустить ни одного характернаго заявленія этого «манифеста юной Россіи», какъ образчикъ

воинствующаго декадентства, образчикъ, по характерности не оставляющій желать ничего лучшаго.

При всемъ величіи и самохвальствѣ, чѣмъ проникнута вся ея статья, г-жа Венгерова не нашла возможнымъ скрыть незначительность всей группы «юной Россіи», но умолчала о ничтожномъ багажѣ ея представителей. А это и для нѣмецкихъ собратій было бы небезъинтересно. Дѣло въ томъ, что проявленій творчества «юной Россіи» мы рѣшительно не видимъ. Сама г-жа Венгерова занимается исключительно переводами и компиляціями, ничего общаго не имѣющими съ «юной Россіей». Гг. Бальмонтъ и Минскій переводятъ Шелли и Гомера, лишь изрѣдка выдумывая на досугѣ какую-нибудь декадентскую побрякушку. Про г. Соллогуба рѣшительно ничего не слышно. Г. Мережковскій пишетъ интересные историческіе романы, имѣющіе весьма далекое отношеніе къ «юной Россіи», какъ ее понимаетъ г-жа Венгерова. Одинъ только г. Розановъ широко растекается въ «Гражданинѣ», въ «Торгово-промышленной газетѣ» и покойномъ «Русскомъ Трудѣ», но на темы, въ родѣ числа звѣринаго 666, которыя едва ли по вкусу «Міру Искусства». А вѣдь по плодамъ судятъ о деревѣ, и если плодовъ этихъ почти нѣтъ, то не свидѣтельствуетъ ли это о худосочіи дерева и преждевременномъ старческомъ маразмѣ?

Впрочемъ, странно звучитъ и самое названіе «юная Россія» примѣняемое къ группѣ, о которой сама г-жа Венгерова говоритъ, что большая часть ея членовъ «зрѣлые». И дѣйствительно, гг. Минскій или г. Розановъ—и юность какъ-то плохо сочетаются въ умѣ читателей. Не есть ли это еще одна черта оригинальности новой группы—юная зрѣлость?

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

На родинѣ.

Крестьяне въ земствѣ. Въ газетахъ сообщалось, что въ послѣднюю сессію новоторжскаго земскаго собранія (Тверской губ.) гласный крестьянинъ Скурловъ просилъ собраніе ходатайствовать:

1) Объ уравненіи правъ крестьянскаго сословія съ прочими въ томъ смыслѣ, чтобы для гласныхъ крестьянъ не требовалось утвержденія губернатора; 2) объ увеличеніи крестьянскаго представительства въ земствѣ путемъ избранія гласныхъ-крестьянъ по 1 отъ каждой волости и по 1 кандидату; 3) о допущеніи непосредственнаго участія въ земскихъ владѣльческихъ избирательныхъ собраніяхъ крестьянъ, владѣющихъ земскимъ цензомъ въ 225 дес. Собраніе постановило возбудить эти ходатайства, а также приняло предложеніе Скурлова о новомъ возбужденіи ходатайства объ освобожденіи крестьянскаго населенія уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія, такъ какъ прежнее ходатайство о томъ же не было допущено до обсужденія въ тверскомъ губернскомъ собраніи, вопреки желаніямъ большинства губернскихъ гласныхъ, обжаловавшихъ такое распоряженіе предсѣдателя.

По вопросу о крестьянскомъ представительствѣ въ земствѣ, «Сынъ Отечества» приводитъ интересную историческую справку. По словамъ газеты, особенно важно было бы предоставить самимъ крестьянамъ право избирать въ уѣздныя земскія собранія не кандидатовъ, а гласныхъ, какъ это было до изданія новаго земскаго положенія.

«Вопросъ объ измѣненіи самой системы выборовъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Это представительство и при дѣйствіи стараго положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. вызывало справедливыя нареканія, главнымъ образомъ, по своей сложности. Это была трехъ-степенная система выборовъ. Сельскіе сходы изъ крестьянъ-домохозяевъ избирали выборныхъ въ волостной сходъ, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ, волостные сходы, въ свою очередь, избирали изъ своей среды такъ-называемыхъ выборщиковъ не свыше трети общаго числа всѣхъ участниковъ волостного схода. Эти выборщики и составляли, наконецъ, избирательный сходъ, который, по своему самостоятельному выбору, посылалъ гласныхъ въ уѣздное земское собраніе. Такой порядокъ, имѣя преимущество предъ дѣйствующимъ въ настоящее время въ отношеніи самостоятельности выбора, не могъ, однако, считаться раціональнымъ: избранные гласные едва ли могли являться выразителями воли и желаній перваго избирательнаго собранія—сельскаго схода. Принятый положеніемъ 1864 года порядокъ представлялся особенно невыгоднымъ по сравненію съ избирательною системою, установленною при выборахъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ, избиравшихъ непосредственно гласныхъ въ земское собраніе. Образовалась отдаленность и отсутствіе непосредственныхъ отношеній сельскихъ сходовъ и уѣзднаго земскаго собранія, незнаніе этими сходами, кто именно окажется ихъ представителемъ въ этомъ земствѣ. На такое ненормальное положеніе вещей указывалось тогда земствами и печатью. Кахановская коммиссія, работавшая въ 80 годахъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій, также обратила на это свое вниманіе. Особымъ совѣщаніемъ этой коммиссіи предлагалось дѣйствующій тогда порядокъ измѣнить въ смыслѣ установленія непосредственной избирательной системы. По этому проекту уѣздъ разбивался, по возможности, безъ нарушенія волостныхъ границъ, на столько избирательныхъ участковъ, сколько причтется гласныхъ на долю сельскихъ обществъ, и въ каждомъ такомъ участкѣ изъ всѣхъ сельскихъ сходовъ (кстати сказать, по проекту, скорѣе всесословныхъ) составлялся соединенный избирательный съѣздъ, который и долженъ былъ выбирать непосредственно гласнаго въ уѣздное земское собраніе.

По мнѣнію «Сына Отеч.», этотъ проектъ, не принятый Кахановской коммиссіей, ближе подходитъ къ правильному рѣшенію вопроса, чѣмъ существующая въ настоящее время система выборовъ: «Успѣшная дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія,—говоритъ онъ,—находится въ прямой зависимости отъ того, насколько среди избирателей великъ интересъ къ тому дѣлу, которое вѣдаетъ тотъ или другой органъ этого самоуправленія. Такой интересъ возможенъ только при сознаніи избирателей, что они посылаютъ своими представителями извѣстныхъ имъ и излюбленныхъ ими людей; при двухстепенныхъ же выборахъ и тѣмъ болѣе при еще болѣе сложныхъ и менѣе самостоятельныхъ выборахъ—такого сознанія не можетъ быть, а при такомъ условіи едва ли можно ждать отъ мѣстнаго самоуправленія особенно плодотворной дѣятельности; напротивъ, можно опасаться инертности и чисто формальнаго и индифферентнаго отношенія къ своимъ правамъ и обязанностямъ».

Интеллигентный предсѣдатель волостного суда. Г. Щербина разсказываетъ въ «Русск. Вѣдом.» про злоключенія одного учителя приписавшагося къ крестьянскому обществу и въ теченіе 9 лѣтъ занимавшаго мѣсто предсѣдателя волостного суда.

Первое, съ чѣмъ онъ столкнулся, было вмѣшательство со стороны волостного старшины и писаря. Старшина, привыкшій раньше являться въ судъ въ качествѣ полноправнаго хозяина и приказывать судьямъ, попробовалъ играть ту же роль и при новомъ составѣ суда, но сразу же встрѣтилъ сильный от-

поръ. Предсѣдатель вѣжливо разъяснилъ старшинѣ, что его участіе въ судѣ допустимо лишь тогда, когда потребуетъ того самъ судъ для возстановленія порядка, но что по закону старшина не имѣетъ права ни вмѣшиваться въ отправленіе суда, ни совѣтовать судьямъ, ни вообще нарушать какимъ бы то ни было способомъ веденіе судомъ дѣлъ. Завязалась борьба, впрочемъ, кратковременная, такъ какъ на сторонѣ предсѣдателя оказался земскій начальникъ. Старшина такимъ образомъ очень скоро введенъ былъ въ должныя границы, но писарь не сразу сдался. Имѣя непосредственное отношеніе къ волостному суду, дѣлопроизводствомъ котораго онъ обязанъ заниматься, писарь началъ дѣйствовать противъ предсѣдателя не прямыми, а окольными путями. Онъ написалъ доносъ, указывая на незаконность совмѣщенія въ одномъ лицѣ обязанностей предсѣдателя суда и народнаго учителя и на вредъ такого совмѣстительства и для суда, и для школы. Доносъ, однако, не имѣлъ послѣдствій, учитель остался предсѣдателемъ суда. Пока въ составъ суда не входилъ учитель, волостной писарь, какъ и всѣ другіе писаря, вершилъ всѣ дѣла въ судѣ. Къ нему обыкновенно заранѣе обращались истцы и отвѣтчики, и онъ напередъ обѣщалъ имъ извѣстный исходъ дѣла, смотря по тому, кто больше дастъ, или, выражаясь установившеюся на этотъ счетъ терминологіею, кто «лучше поблагодаритъ». Понятно поэтому, что волостной писарь менѣе всѣхъ заинтересованъ въ самостоятельномъ судѣ и правильномъ отправленіи правосудія, что предсѣдатель, стойко отстаивавшій независимость суда, былъ, по меньшей мѣрѣ, его личнымъ врагомъ.

Вслѣдъ за сельскою властью захотѣлъ показать себя становой приставъ.

Однажды, когда учитель занимался въ школѣ, явился десятскій и заявилъ учителю, что его, какъ предсѣдателя суда, «требуетъ» къ себѣ становой. Учитель отказался исполнить это требованіе, заявивъ, что придетъ по окончаніи урока. Послѣ урока онъ отправился въ волостное правленіе. Оказалось, что приставу нужны правила волостного суда. «Это вѣдь проще можно было сдѣлать,—замѣчаетъ учитель,—вы прислали бы мнѣ записку, и я, не отрываясь отъ занятій, немедленно удовлетворилъ бы ваше требованіе». Учитель приноситъ затѣмъ узаконеніе о волостномъ судѣ и, вручая его приставу, проситъ въ другой разъ не отрывать его отъ дѣла изъ-за пустяковъ, такъ какъ и у него есть свои обязанности и начальство—предводитель дворянства съ земскимъ начальникомъ по суду и училищный совѣтъ съ инспекторомъ по школѣ. Всѣ они требуютъ, чтобы занятія въ судѣ и школѣ шли успѣшно и гладко. Становой приставъ ни разу не пытался потомъ проявить свою власть и сдѣлалъ это потому, что боялся предводителя и земскаго начальника, благоволившихъ учителю. Но впослѣдствіи, когда у учителя произошли «непріятности» съ мѣстнымъ духовенствомъ изъ-за общества, къ составу котораго принадлежалъ учитель, становой приставъ принялъ дѣятельное участіе въ собраніи разнаго рода сплетенъ на счетъ учителя. Былъ даже моментъ, когда послѣднему серьезно грозили лишеніемъ мѣста, если бы его не поддержали тотъ же предводитель дворянства, училищный совѣтъ, инспекторъ и разныя вліятельныя лица губерніи.

За становымъ послѣдовалъ исправникъ. Онъ явился въ село въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда происходили засѣданія суда, и отправился въ волостной судъ.

Судьи-крестьяне вскочили съ своихъ мѣстъ при появленіи начальства. Предсѣдатель, въ свою очередь, привсталъ и поклонился исправнику. «Садитесь,—приглашаетъ своихъ товарищей по суду предсѣдатель,—будемъ продолжать». Но судьи вытянулись въ струнку. «Садитесь же», строго повторяетъ предсѣдатель. Судьи неловко опускаются на свои сидѣнья. Исправникъ уходитъ въ смежную комнату. Судъ приступаетъ къ разбору дѣла. Въ то же время исправникъ начинаетъ пальцемъ приглашать въ смежную комнату предсѣдателя. Такъ

какъ по закону никто не имѣетъ права прерывать суда, то предсѣдатель сначала было рѣшилъ не обращать на это вниманія, но потомъ отправился въ смежную комнату, желая избѣжать вообще недоразумѣній и опасаясь нажить въ лицѣ исправника врага. «Сейчасъ, проѣзжая мимо кабака, я замѣтилъ четырехъ пьянствующихъ мужиковъ, которыхъ надо примѣрно наказать», заявляетъ исправникъ.—«Составьте протоколъ, передайте его намъ, и мы немедленно разберемъ его», изъявляетъ свою готовность предсѣдатель суда. Исправникъ настаиваетъ на наказаніи обвиняемыхъ и, не обращая вниманія на возраженія предсѣдателя, повышаетъ голосъ: «Я требую!». Учитель замѣчаетъ, что уже однимъ крикомъ исправникъ можетъ разомъ и разрушить его, какъ предсѣдателя суда, авторитетъ и свести къ нулю значеніе суда. Подъ вліяніемъ этого соображенія онъ также повышаетъ голосъ и рѣшительно заявляетъ: «Вы, г. исправникъ, не имѣете права предъявлять намъ такія требованія»... «Такъ я приказываю вамъ», кричитъ уже исправникъ.—«Какое право вы, г. исправникъ, имѣете здѣсь кричать и вмѣшиваться въ дѣла суда?—возражаетъ учитель.—На какомъ основаніи вы прервали наше засѣданіе?.. Судьи! Составимъ протоколъ о томъ, что исправникъ прервалъ засѣданіе суда, шумѣлъ, приказывалъ по его личному усмотрѣнію сѣчь крестьянъ»... Исправникъ повернулся и вышелъ изъ комнаты, однако, велѣлъ составить протоколъ и передалъ его суду въ то время, когда послѣдній закончилъ уже свои занятія, а виновныхъ приказалъ посадить въ кутузку.

Благодаря поддержкѣ предводителя дворянства и земскаго начальника, новый предсѣдатель волостного суда вышелъ побѣдителемъ изъ своихъ столкновеній съ мѣстнымъ начальствомъ, и ему удалось уже достигнуть довольно многаго въ смыслѣ поднятія авторитета суда. Онъ сразу повелъ открытую войну съ сельскими кулаками.

Росписки съ непомѣрными процентами, тяжелыя обязательства по натуральнымъ и денежнымъ займамъ, словесныя условія, граничившія съ кабалой—все это въ прежнее время въ громадномъ большинствѣ случаевъ рѣшалось въ пользу кулаковъ и ростовщиковъ. Новый предсѣдатель сразу же и рѣшительно придалъ всѣмъ такимъ жалобамъ совершенно иной оборотъ. Пригрозивъ ростовщикамъ карою закона за непомѣрные проценты, онъ, по возможности, смягчилъ подневольную участь бѣдняковъ-отвѣтчиковъ, пользуясь то обычаемъ, то закономъ, то просто началами справедливости. Кулаки попробовали-было дѣйствовать противъ суда прямыми и окольными путями, но, не имѣя твердой точки опоры для своихъ притязаній, принуждены были подчиниться новому порядку дѣлъ. Тяжбы, завѣдомо несправедливыя, стали все рѣже и рѣже появляться въ волостномъ судѣ, и въ настоящее время не возникаетъ даже и рѣчи о высокихъ процентахъ и кабальныхъ обязательствахъ. Все это творится внѣ волостного суда и помимо его, или, во всякомъ случаѣ, въ такой формѣ, которая исключаетъ компетенцію волостного суда. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи интеллигентный предсѣдатель достигъ удовлетворительныхъ результатовъ.

Гораздо труднѣе оказалось бороться со старинною язвою суда—со взяточничествомъ. Крестьяне, привыкшіе къ разнаго рода поборамъ, къ магарычамъ и задергиваніямъ, упорно преслѣдовали и судъ, и его предсѣдателя. Нечего и говорить, что распиваніе магарычей въ судѣ и внѣ его при новомъ предсѣдателѣ оказалось немыслимымъ. Сами сотоварищи предсѣдателя, судьи, хорошо это сознавали, да и крестьяне, имѣвшіе дѣло съ судомъ, стѣснялись угощать судей при непьющемъ предсѣдателѣ и къ тому же строго относившемся къ этого рода проступкамъ. Что угощеніе судей водкою было именно проступками, неблаговиднымъ дѣломъ—это какъ-то сразу вошло въ сознаніе и судей, и населенія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые истцы и отвѣтчики являлись тайкомъ къ судьямъ и предлагали взятки. Такъ какъ предсѣдатель игралъ главную, выдаю-

щуюся роль, и безъ него нельзя было повернуть вѣсы Ѳемиды въ извѣстную сторону, то попытка задобрить судъ взятками началась съ него. Предсѣдатель просилъ не дѣлать этого, урезонивалъ, стыдилъ, грозилъ лицамъ, предлагавшимъ взятки,—ничто, однако, не помогало: посулы и навязываніе взятокъ продолжались. Тогда предсѣдатель рѣшилъ воспользоваться судомъ общественнаго мнѣнія. Каждый разъ, когда обнаруживался случай предложенія взятокъ, онъ старался предать его возможно широкой гласности. Разбиралось, положимъ, въ судѣ какое-нибудь дѣло; предсѣдатель, объявляя рѣшеніе суда, тутъ же во всеуслышаніе при публикѣ говорилъ: «Твое дѣло, Иванъ Ивановичъ, правое, и мы рѣшили его въ твою пользу по совѣсти и по закону; а вотъ ты человѣкъ нехорошій, ты давалъ взятку, хотѣлъ совѣсть у судей купить, законъ деньгами погубить. Такъ мы, судьи, и будемъ теперь знать, что ты нехорошій, ненадежный человѣкъ, и что ни на тебя, ни на твою совѣсть нельзя положиться». Крестьянинъ, что называется, готовъ сквозь землю провалиться, выслушивая эту отповѣдь. Разсказы о фальшивомъ положеніи лица, предлагавшаго взятку за дѣло, оказавшееся и безъ того правымъ, становились достояніемъ села. Надъ опростоволосившимся крестьяниномъ смѣялись, острили, давали какую-либо кличку. Два-три года борьбы въ этомъ направленіи сдѣлали то, что теперь не только никто не пытается подкупить судей, но и мысли о взяточничествѣ не допускаетъ. Дать взятку—значитъ опозорить себя предъ цѣлымъ селомъ.

Въ заключеніе авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если для дальнѣйшаго развитія крестьянскаго суда существенно необходимо предоставить этому суду возможно большую самостоятельность, оградивши его отъ вліяній высшей и низшей администраціи, то на-ряду съ этимъ надо позаботиться о широкомъ умственномъ развитіи народной массы, какъ путемъ всеобщаго образованія ея, такъ и непосредственнаго участія интеллигенціи въ судьбахъ деревни».

Общества взаимопомощи ремесленниковъ и рабочихъ. Ярославская газета «Сѣверный Край» сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія о профессіональныхъ союзахъ въ Россіи, которые за послѣдніе годы начали привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Изъ статьи «Сѣв. Края» мы узнаемъ, что общества взаимопомощи среди ремесленниковъ въ Царствѣ Польскомъ и Привислянскомъ краѣ стали возникать еще въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ западныхъ губерніяхъ (по правую сторону Днѣпра) они нашли для себя благопріятную почву въ существовавшихъ тамъ издавна цеховыхъ организаціяхъ съ религіознымъ характеромъ среди ремесленниковъ-евреевъ. Въ 40-хъ годахъ основываются первыя общества взаимопомощи въ С.-Петербургѣ, сперва среди нѣмецкихъ ремесленниковъ, а затѣмъ и среди рабочихъ русской національности и, наконецъ, съ конца 60-хъ годовъ движеніе начинаетъ распространяться и на другіе города Европейской Россіи. Піонерами этого движенія явились типографщики, какъ наиболѣе развитой элементъ среди ремесленниковъ, дѣйствуя, конечно, во многихъ случаяхъ по иниціативѣ и подъ руководствомъ хозяевъ, управляющихъ, издателей. Въ 1851 г. возникаетъ «Вспомогательная касса при типографіи Императорской академіи наукъ», въ 1866 г. общая «Вспомогательная касса наборщиковъ въ С.-Петербургѣ», въ 1869 г. «Вспомогательная касса типографовъ въ Москвѣ», въ 1881 г. «Общество взаимнаго вспоможенія наборщиковъ г. Харькова», въ 1884 г. «Общество взаимнаго вспоможенія тружениковъ печатнаго дѣла г. Одессы», въ 1885 г. «Общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ г. Казани» и «Ѳедоровское общеество взаимнаго вспоможенія служащимъ въ типографіяхъ, литографіяхъ и т. п. заведеніяхъ города Одессы», въ 1890 г. «Общество взаимнаго вспоможенія наборщиковъ г. Кіева» и др. Еще на-дняхъ газеты сообщили о возникновеніи «Общества нижегородскихъ тружениковъ печатнаго дѣла». Изъ этихъ обществъ «С.-Петербургская

вспомогательная касса наборщиковъ» уже успѣла отпраздновать 25-ти-лѣтній юбилей своего существованія. По послѣднему отчету этой кассы число ея членовъ къ 1-му января 1899 г. было 709 чел., капиталъ равнялся 73.042 руб., расходъ за 1898 г. опредѣлился въ 10.720 руб. Касса имѣетъ своей задачей оказаніе пособій своимъ членамъ на случай болѣзни, потери способности къ труду вслѣдствіе увѣчья, выдачу пособій и пенсій престарѣлымъ членамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, выдачу ссудъ, содѣйствіе въ пріисканіи работы и др.

Общества взаимопомощи среди другихъ ремесленниковъ,—кромѣ типографщиковъ,—начинаютъ развиваться среди обученыхъ рабочихъ русской національности, главнымъ образомъ, съ 90-хъ годовъ. Характерной чертой многихъ изъ нихъ является то, что ихъ членами состоятъ лица разныхъ профессій. Такъ, дѣйствительными членами основаннаго въ 1892 г. «Общества взаимнаго вспоможенія ремесленниковъ г. Елисаветграда» могутъ быть всѣ ремесленники этого города, «какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, мастера, мастерицы, подмастерья и подмастерицы не моложе 16 л. и не старше 60 л., безъ различія вѣроисповѣданій». Въ дѣйствительные члены другого подобнаго же союза, возникшаго только въ прошломъ году, «Харьковскаго общества взаимнаго вспоможенія занимающихся ремесленнымъ трудомъ, принимаются: слесаря, токари, кузнецы, столяры, литейщики и всѣ постоянно работающіе на заводахъ.

О Харьковскомъ обществѣ болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаетъ харьковскій корреспондентъ «Сѣвернаго Курьера». Идея общества взаимопомощи возникла около трехъ лѣтъ тому назадъ среди рабочихъ харьковскаго машиностроительнаго завода Гельферихъ Саде. Уставъ общества былъ утвержденъ 11-го мая 1898 года. Основные пункты этого устава (онъ былъ напечатанъ въ іюльской книжкѣ «Жизни» за 1899 года въ статьѣ В. Б—аго «Русскія общества взаимопомощи трудящихся») сводится къ слѣдующему. Цѣль общества—выдача дѣйствительнымъ его членамъ возвратныхъ и безвозвратныхъ денежныхъ пособій. Размѣръ пособій находится въ зависимости отъ величины членскаго взноса, а именно: 1) члены общества, вносящіе ежемѣсячно по 1 р., на второй годъ своего участія въ обществѣ имѣютъ право на пособіе (въ случаѣ нужды) въ размѣрѣ 11 р. въ мѣсяцъ; 2) вносящіе ежемѣсячно по 75 коп, могутъ пользоваться ежемѣсячнымъ пособіемъ въ 8 руб. 50 коп.; 3) вносящіе ежемѣсячно по 58 коп. пользуются пособіемъ въ 5 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ смерти члена, пособіемъ пользуется его семейство. Члены общества раздѣляются на: а) соревнователей, куда относятся лица, сочувствующія цѣлямъ общества и вносящіе ежегодно не менѣе 10 рублей (или единовременно 250 рублей). Кромѣ того, членами-соревнователями общества могутъ быть медики и фармацевты, изъявившіе готовность оказывать безплатную медицинскую помощь дѣйствительнымъ членамъ общества; b) почетныхъ членовъ, оказавшихъ обществу значительныя услуги или сдѣлавшихъ крупныя пожертвованія; с) дѣйствительныхъ членовъ, каковыми могутъ быть: слесаря, токари, кузнецы, столяры, литейщики и всѣ постоянно работающіе при заводахъ (§ 12). По точному смыслу этого параграфа устава, членами общества могутъ быть не только харьковскіе, но и иногородніе рабочіе. Органами общества являются: 1) общее собраніе, созываемое ежегодно не позднѣе 1-го марта (очередное), а также по мѣрѣ надобности, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства и превышающихъ власть правленія, по заявленію $^1/_{10}$ части всѣхъ членовъ общества или по требованію ревизіонной комиссіи (экстренное). 2) Правленіе, въ составъ котораго могутъ входить лишь дѣйствительные члены, т. е. рабочіе. Таковъ, въ общихъ чертахъ, уставъ названнаго общества, кстати сказать, почти цѣликомъ списанный съ устава «Харьковскаго общества взаимнаго испоможенія занимающихся письменнымъ трудомъ», утвержденнаго въ 1894 году. При открытіи общество насчитывало 30 членовъ, теперь же число членовъ его равняется

*

160; нѣсколько раньше число членовъ доходило до 200, но вслѣдствіе выбытія членовъ, не уплачивающихъ своевременно членскихъ взносовъ, число это подверглось нѣкоторому уменьшенію. Наличность кассы общества въ моментъ его основанія равнялась 90 рублямъ: теперь же въ кассѣ общества имѣется 4.000 рублей. Возростаніе средствъ общества происходило, главнымъ образомъ, на счетъ пожертвованій и сборовъ со спектаклей. Наиболѣе крупныя пожертвованія поступили отъ г. Гельфериха, который внесъ въ кассу общества 1.100 рублей. Остальные жертвователи участвовали гораздо болѣе мелкими взносами. Спектакли въ пользу общества начались черезъ 2—3 мѣсяца послѣ его основанія. Всего было дано 6—7 спектаклей, изъ которыхъ каждый далъ по 200 рублей приблизительно; спектакль, данный въ пользу библіотеки, принесъ 600 руб. чистаго дохода. Главный контингентъ членовъ общества изъ рабочихъ паровозо-строительнаго завода и завода Гельферихъ-Саде. Преобладаютъ токари и слесаря. Возрастный составъ членовъ довольно однороденъ; преобладаютъ среднія возрастныя группы (около 30 лѣтъ). Семейное положеніе членовъ тоже довольно однообразно: большинство (около 75%)—женатые.

Кромѣ харьковскихъ рабочихъ, членами общества состоятъ рабочіе и другихъ городовъ. Такъ, въ г. Екатеринославѣ и Екатеринославской губерніи общество насчитываетъ около 15 членовъ, въ Конотопѣ (Черниговской губерніи)—6 членовъ, изъ Донецкаго бассейна, съ завода Любимовъ и Солвэ—около 6 членовъ. Даже въ Москвѣ общество имѣетъ 8 членовъ. Кромѣ того, изъ Москвы и Воронежа поступаютъ въ общество заявленія о желаніи имѣть въ этихъ городахъ филіальныя отдѣленія его. Въ виду того, что подобныя операціи не предусматриваются уставомъ общества, ходатайство о соотвѣтствующемъ дополненіи устава уже два мѣсяца тому назадъ черезъ мѣстнаго губернатора послано правленіемъ общества на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ и по примѣру Харьковскаго общества, образовалось подобное же общество въ г. Борисоглѣбскѣ, и правленіе Харьковскаго общества мечтаетъ о «союзѣ» съ Борисоглѣбскимъ обществомъ. Въ ближайшемъ будущемъ, общество предполагаетъ расширить свою дѣятельность устройствомъ библіотеки (согласно § 45 устава); библіотечный фондъ въ настоящее время уже составляетъ 700 р. и прошеніе объ открытіи библіотеки два мѣсяца тому назадъ подано харьковскому губернатору. Одинъ годъ существованія слишкомъ недостаточный промежутокъ времени для какихъ-либо болѣе или менѣе обоснованныхъ выводовъ относительно возможнаго будущаго общества, но во всякомъ случаѣ оно вполнѣ способно къ развитію.

Педагогическія совѣщанія о реформѣ средней школы. Вопросъ о реформѣ средней школы подлежитъ въ настоящее время обсужденію особыхъ коммиссій, созванныхъ попечителями учебныхъ округовъ, въ которыхъ должны принимать участіе профессіональные педагоги въ лицѣ «наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей и производителей средней школы».

На-ряду съ профессіональными педагогами въ Одесскомъ учебномъ округѣ къ участію въ коммиссіи были приглашены и родители, которымъ вмѣстѣ съ приглашеніемъ была разослана программа вопросовъ, обсуждающихся коммиссіею. Программа эта, напечатанная въ южныхъ газетахъ, является въ высшей степени отраднымъ фактомъ, потому что указывается на широкую постановку вопроса. Въ нее вошли, между прочимъ, слѣдующіе вопросные пункты:

Основательны ли жалобы общества на отчужденность школы отъ семьи, и если основательны, то отъ какихъ причинъ происходитъ послѣднее и какъ устранить это ненормальное явленіе? Не носитъ ли средняя школа бюрократическаго характера, ведущаго къ сухому формализму и ложнымъ отношеніямъ между учащими и учащимися; если это такъ, то въ зависимости отъ какихъ

причинъ (преподаватель, положеніе преподавателей или бюрократическій строй государства) и какими мѣрами этому противодѣйствовать? Справедливо ли обвиненіе въ невниманіи педагоговъ къ индивидуальности ученика, выражающемся въ пренебреженіи къ особенностямъ умственнаго склада, характера (нравственности) и къ особенностямъ въ физическомъ отношеніи? Не ведутъ-ли существующіе два типа школы къ спеціализаціи съ младшихъ классовъ; не лучше ли было бы уничтожить ее и какъ? Не представляется ли чрезмѣрной умственная работа учениковъ; есть ли несоотвѣтствіе между требованіями программъ по отдѣльнымъ предметамъ и числомъ уроковъ, на нихъ посвящаемыхъ, и какія измѣненія желательны въ этомъ смыслѣ? Какія реформы желательны при условіи сохраненія классическихъ основъ гимназіи? Возможно ли сократить количество времени, посвященное изученію древнихъ языковъ, подъ условіемъ сохраненія за ними преобладающаго (центральнаго) положенія, и если возможно, то въ какихъ предѣлахъ и въ пользу какихъ предметовъ. Желательно ли видоизмѣнить существующій типъ классической школы и какимъ образомъ? Не желательно ли созданіе новаго 4-го типа.

Совѣщаніе, собиравшееся въ Симферопольской мужской гимназіи, намѣтило слѣдующій планъ преобразованія средней школы: преподаваніе греческаго языка въ классической гимназіи ввести съ 5-го класса, латинскаго языка—съ 3-го класса(въ настоящее время греческій преподается съ 3-го класса, латинскій—съ 1-го класса); ввести въ классической гимназіи преподаваніе естественныхъ наукъ, начиная съ младшихъ классовъ (ботаника, зоологія, минералогія). Затѣмъ, если въ общемъ совѣщаніи при министерствѣ признано будетъ необходимымъ упразднить преподаваніе греческаго языка, то ходатайствовать о введеніи преподаванія англійскаго языка; преподаваніе новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго) ввести съ 1-го класса натуральнымъ методомъ, при этомъ сдѣлать ихъ обязательными; увеличить число уроковъ по словесности въ высшихъ классахъ и по русскому языку въ низшихъ классахъ; въ высшихъ классахъ ввести преподаваніе психологіи и химіи; затѣмъ, по вопросу о созданіи общаго типа средней школы рѣшено ввести одинаковую программу преподаванія въ первыхъ четырехъ классахъ гимназіи естественныхъ наукъ и реальнаго училища, въ 3-мъ и 4-мъ классахъ—латинскаго языка. Большую перемѣну продлить до 1 часа, перемѣны между уроками—отъ 10 до 15 минутъ; въ низшихъ двухъ классахъ число уроковъ должно быть не болѣе трехъ въ день, до 4-го класса не болѣе 4 уроковъ, въ остальныхъ же не болѣе пяти; гимнастику по возможности замѣнять играми и прогулками въ лѣтнее время на свѣжемъ воздухѣ. Въ видахъ привлеченія въ учебныя заведенія лучшихъ силъ рѣшено ходатайствовать объ увеличеніи оклада учителямъ средне-учебныхъ заведеній.

Къ подобнымъ же выводамъ приходятъ и совѣщанія другихъ южныхъ городовъ. Такъ, «Рус. Вѣд.» приводятъ со словъ «Южнаго Края» отчетъ о екатеринославскомъ совѣщаніи.

Какъ и другія совѣщанія, екатеринославское на первомъ планѣ отмѣтило въ качествѣ крупнѣйшаго недостатка современной средней школы «ту спеціализацію учебной системы, которая положена въ основу нашего учебнаго дѣла». По мнѣнію екатеринославскаго совѣщанія, первые четыре класса средней школы должны носить исключительно общеобразовательный характеръ, и лишь съ пятаго класса могла бы начинаться спеціализація учащихся. Затѣмъ совѣщаніе высказалось за «окончательное упраздненіе переводныхъ экзаменовъ», съ сохраненіемъ, однако, выпускныхъ и вступительныхъ, и за равноправность школъ обоихъ типовъ въ отношеніи поступленія въ высшія учебныя заведенія. Весьма любопытны мнѣнія екатеринославскаго засѣданія по вопросамъ объ обремененіи учащихся занятіями, о правахъ педагогическихъ совѣтовъ въ отношеніи устройства развлеченій для дѣтей и по вопросу объ общемъ характерѣ и строѣ адми-

нистративно-учебной части въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. По первому и второму вопросамъ совѣщаніе «высказалось въ томъ смыслѣ, чтобы первые четыре года пребыванія учащихся въ школѣ преподавались три предмета въ день, а одинъ или два урока должны посвящаться играмъ, пѣнію, музыкѣ и т. д. При этомъ совѣтъ находитъ желательнымъ предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ большей свободы дѣйствій по отношенію къ устройству литературно-музыкальныхъ вечеровъ, празднествъ, загородныхъ прогулокъ и тому подобныхъ удовольствій для учащихся, имѣющихъ воспитательный и образовательный характеръ».

Еще важнѣе мнѣніе совѣта того же екатеринославскаго учебнаго заведенія, о которомъ идетъ рѣчь, по третьему вопросу. Какъ передается въ «Южномъ Краѣ», въ совѣтѣ было найдено, что «вообще наше школьное дѣло, живое само по себѣ, страдаетъ излишнимъ формализмомъ и отзывается мертвечиной,—стѣсняющими свободу дѣйствій какъ учащихъ, такъ и учащихся. Причина этого находится въ бюрократическомъ строѣ учебнаго дѣла и въ тѣхъ строгихъ требованіяхъ, которыми обставлено каждое дѣйствіе, каждый шагъ преподавателя. Попечители округовъ и ревизоры держатъ себя недоступно и нерѣдко своимъ отношеніемъ ставятъ преподавателя предъ цѣлымъ классомъ въ неловкое положеніе и тѣмъ самымъ подрываютъ преподавательскій авторитетъ. Не лучше себя держатъ и начальники учебныхъ заведеній. Все это вмѣстѣ взятое, весь школьный режимъ вырабатываетъ изъ преподавателя чиновника-формалиста, а не педагога-руководителя. Всѣ стѣснительныя предписанія, которыя предъявляются къ школѣ и преподавателямъ со стороны центральныхъ органовъ управленія, почти изгоняютъ изъ школы воспитательныя начала, изгонаютъ самодѣятельность учащихся, которыя должны лечь въ основу школы и которыми должны руководиться преподаватели. Этимъ отчасти объясняются и существующія между школой и семьей антагонизмъ и отчужденность семьи отъ школы. Въ настоящее время школа только предписываетъ, а семья большею частью не исполняетъ требованій школы. Такого положенія быть не можетъ, если школа не будетъ излишне придирчива и не будетъ вторгаться въ права родителей».

Духоборы въ Америкѣ. Корреспондентъ «Сына Отечества» разсказываетъ о тѣхъ планахъ общиннаго устройства, которое духоборы думаютъ завести на «новыхъ мѣстахъ»—въ Канадѣ. Въ одной изъ общинъ, расположившихся въ провинціи Принцъ Альбертъ, духоборы рѣшили пока имѣть общій стотъ и вести общее хозяйство. Скотъ будетъ покупаться на деньги всей общины и по жребію распредѣляться между отдѣльными хозяевами. Когда всѣ домохозяева будутъ имѣть по парѣ лошадей, по одной коровѣ, по нѣсколько штукъ овецъ, тогда, если общество найдетъ нужнымъ, опять можетъ быть покупаема на общественныя деньги та или другая скотина, которой домохозяева надѣляются по тому же способу. Скотъ всегда будетъ считаться общественной, а не частной собственностью, хотя каждая отдѣльная штука скота будетъ находиться въ единичномъ завѣдываніи и пользованіи того или другого домохозяина. Скотъ не будетъ находиться въ общественной конюшнѣ, потому что, какъ говорятъ духоборы, скотина любитъ присмотръ, а для этого нуженъ хозяинъ, а если поставить на общественномъ дворѣ, то никто смотрѣть какъ слѣдуетъ не будетъ, и скотъ пропадетъ.

Если же, положимъ, лошади понадобятся обществу для тѣхъ или другихъ нуждъ (подвозъ хлѣба, лѣса и т. п.), то никто не имѣетъ права отказать обществу въ пользованіи лошадьми, причемъ, конечно, будетъ соблюдаться извѣстный чередъ. Если у кого-либо лошади заболѣютъ, то этому должны давать лошадей его однообщественники. Если лошадь или другая худоба умерла, пропала, «схарчилась»,—какъ говорятъ духоборы,—на ея мѣсто покупаютъ другую изъ общественныхъ суммъ.

Если корова безъ молока, то этому хозяину молоко выдается отъ общества, и т. д.

При надѣленіи скотиной будетъ приниматься во вниманіе каждый «дымъ», т. е. мужъ и жена съ холостыми дѣтьми. Каждый дымъ будетъ имѣть свою отдѣльную хату со всѣми надворными постройками; соединяться въ одну семью нѣсколько дымовъ могутъ только по общему согласію соединяющихся.

Земля подъ пашню, сѣнокосъ и лѣсъ, а можетъ быть, и подъ огородъ (это еще не рѣшено), дѣлиться не будетъ, а остается въ одной межѣ; обрабатываться будетъ сообща всѣмъ рабочимъ населеніемъ. Продуктъ съ этой земли будетъ дѣлиться подушно между *всѣми* общинниками; въ счетъ идутъ: рабочее населеніе, старики, старухи, дѣти,—вообще всѣ до одного человѣка, живущіе въ общинѣ.

Послѣ подушнаго дѣлежа урожая всѣ счеты прекращаются, и каждый воленъ дѣлать съ полученнымъ имъ продуктомъ, что онъ хочетъ: можетъ продать, можетъ накапливать у себя или расходовать. Въ случаѣ нехватки хлѣба или другого продукта въ одной изъ семей, никто изъ общинниковъ не обязанъ выдавать на подмогу, а если кто выдастъ, то это можетъ быть займомъ или жертвой. Точно также продукты отъ скота, имѣющагося на рукахъ даннаго хозяина, поступаютъ въ его полное распоряженіе, конечно, послѣ того времени, когда наступитъ полное равненіе худобы.

Орудія производства—плуги, бороны, фургоны, косы и пр.—покупаются на общественный счетъ и сохраняются у каждаго домохозяина отдѣльно, поступая вслѣдъ за лошадьми.

Наличный капиталъ, который былъ у общинниковъ въ личномъ распоряженіи до прибытія ихъ въ Канаду, теперь, какъ увѣряютъ они, весь сложенъ «до кучи», въ одну кассу, и врученъ одному выборному кассиру. Деньги вносились, по разсказамъ общинниковъ, безъ всякаго равненія; каждый давалъ столько, сколько имѣлъ. Всего внесено около 2.000 рублей. Кассиръ только сохраняетъ деньги, а расходы совершаются выборными отъ общины, послѣ утвержденія этихъ расходовъ всѣми домохозяевами на «съѣздкѣ» всей общины.

Каждый членъ общины можетъ въ свободное отъ общественныхъ работъ время заниматься какимъ угодно производствомъ, ремесломъ, и все получаемое имъ отъ этой его личной работы не касается общинниковъ, а идетъ въ его личное распоряженіе. Точно также каждый хозяинъ долженъ самъ заботиться о поддержаніи одежды и обуви,—своей и домашнихъ, упряжи, построекъ и всѣхъ прочихъ домашнихъ надобностей.

Вообще въ этой общинѣ намѣчается коллективизмъ производства главныхъ средствъ къ существованію, общность орудій производства и живого инвентаря, но объ удовлетвореніи *всѣхъ* потребностей отдѣльныхъ личностей, членовъ общины, заботится не община, а каждое отдѣльное хозяйство, семья.

При образованіи новаго «дыма», новой семьи, общество должно надѣлить новаго хозяина живымъ и мертвымъ инвентаремъ въ равномъ количествѣ со всѣми другими общинниками, а также выстроить домъ—(«комнатки», какъ говорятъ духоборы)—въ рядъ съ другими, по общей улицѣ и возвести всѣ надворныя и хозяйственныя постройки въ такомъ же размѣрѣ и по такому же плану, какъ и у другихъ хозяевъ.

Каждый домохозяинъ долженъ будетъ вносить опредѣленную сумму денегъ на общественныя нужды, какъ-то: исправленіе и устройство дорогъ, мостовъ, паромовъ и т. п., а также и участвовать, по назначенію общества, въ подобнаго рода общественныхъ работахъ. Въ случаѣ экстренныхъ расходовъ, какъ, напримѣръ, постройка мельницы, кузни, пріобрѣтеніе паровой молотилки, падежъ скота, пожаръ, покража и пр., могутъ быть производимы добавочные, равные сборы, по рѣшенію всѣхъ домохозяевъ общины. Вообще, всякое общественное нововведеніе должно быть прежде санкціонировано общиной.

Но все это въ будущемъ, а пока, по словамъ того же корреспондента, духо-

борамъ нужна крупная денежная помощь, хотя бы въ видѣ займа, для покупки скота, сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, безъ чего они не могутъ начать хозяйства.

Г-жа В., женщина-врачъ, сопровождавшая духоборовъ въ Америку, описываетъ въ «Русск. Вѣд.» ихъ поселенія у оз. Винипегъ. Настоящее положеніе переселенцевъ—очень трудное.

У духоборовъ скота очень мало, большею частью по парѣ на общину. У тѣхъ духоборовъ, которые поселились отдѣльными фермами, скотъ имѣется, но они не даютъ его общинамъ иначе, какъ за плату. На одной парѣ приходится и пахать, и муку на всю деревню возить. Во многихъ общинахъ женщины сами впрягались въ плугъ, сами и деревья изъ лѣса возили. Но все-таки какія онѣ прекрасные работники! Почти всѣ взрослые мужчины ушли на заработки, потому что иначе нечѣмъ кормиться, питаются хлѣбомъ да квасомъ,—больной и истощенный продолжительными лишеніями народъ. Но они все-таки уже успѣли оживить прерію, понастроили хатъ, напахали,—уже поднялся ячмень и овесъ,—стали разводить огороды. Больныхъ здѣсь, однако, масса, почти въ каждой хатѣ. Главное—малярія и послѣдствія ея и плохого питанія—страшная анемія, катарры желудка, туберкулезъ и т. п. Я писала квакерамъ, что нужно улучшить питаніе больныхъ, а у меня и въ лѣкарствахъ-то постоянный недостатокъ... Опасаюсь еще болѣе зимы, когда, говорятъ, здѣсь часты случаи замерзанія и отмораживанія: въ Монреалѣ есть даже отдѣльный для такихъ госпиталь.

Ревизія прилукскаго епископа. Въ «Сѣв. Кур.» помѣщена корреспонденція изъ Полтавы, въ которой приводятся выдержки изъ «Указа Полтавской духовной консисторіи», относящіяся къ обозрѣнію епископомъ прилукскимъ, преосвященнымъ Филиппомъ, шести уѣздовъ епархіи лѣтомъ этого года.

Отчетъ прежде всего отводитъ много мѣста внѣшнему благолѣпію храмовъ. Вотъ какія, между прочимъ, упущенія нашелъ преосвященный въ церкви села Калмыкъ-Горбы: 1) ковчегъ — грязенъ и внизу поломанъ; 2) въ его лѣвомъ отдѣленіи воткнуты грязныя, липнущія къ рукамъ шелковыя лохмотья: это—истиральникъ для устъ больныхъ причастниковъ. Когда о. Заблоцкому указаны были эти лохмотья, онъ въ замѣшательствѣ взялъ ихъ въ кулакъ и, со словами: «это—такъ, это—такъ», сталъ искать, куда бы ихъ выкинуть, но былъ удержанъ и, при напоминаніи, что это надо сжечь, спохватился, какъ бы вспомнивъ что: «ахъ, да-а!»

Почти нигдѣ епископъ не нашелъ библіотекъ при церквахъ. Хотя въ каталогахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и стояла цифра 400, означающая количество томовъ, но эти томы состояли почти исключительно изъ «Епархіальныхъ вѣдомостей». Въ церкви Никольской, что въ м. Старыхъ-Сентарахъ, преосвященный спросилъ псаломщика изъ Символа вѣры и заповѣдей блаженства, но «отвѣта ни на одинъ вопросъ не послѣдовало»; въ томъ же мѣстечкѣ, но въ другой церкви, псаломщикъ изъ Символа вѣры «отвѣчалъ слабо» и пр.

Большое мѣсто отводитъ отчетъ этической сторонѣ жизни духовенства. Такъ, особо отмѣченъ священникъ с. Столбиной-Долины, который, по отзыву «почетнаго» прихожанина, отличается безкорыстіемъ; «за требы никогда не договаривается впередъ, а лишь по исполненіи получаетъ добровольную жертву». Но съ другой стороны, прибавляетъ тутъ же преосвященный, «это обстоятельство можетъ возбуждать неудовольствіе его сослуживцевъ,—діакона и псаломщика». Въ другихъ мѣстахъ епископомъ отмѣчены противоположныя настроенія. Напр., вышеупомянутый о. Заблоцкій заявилъ преосвященному, что его сослуживецъ, священникъ Аврамовъ, «притѣсняетъ его доходами, не давая принадлежащей ему части, что недавно крупный доходъ обратилъ цѣликомъ въ свою пользу, а не отдалъ въ общій раздѣлъ». Далѣе идутъ объясненія Аврамова и заключенія преосвященнаго. «Первое Аврамовъ отрицалъ, а на второе далъ такое

объясненіе: та треба, доходъ съ которой о. Заблоцкій считаетъ неправильно удержаннымъ, заведена съ поступленіемъ на приходъ Аврамова и потому онъ считаетъ этотъ доходъ случайнымъ (ежегодно повторяющаяся въ теченіе болѣе десяти лѣтъ случайность!—прибавляетъ епископъ) и потому лично ему принадлежащимъ.... «Довольно характерное для аппетита къ доходности разсужденіе о. Аврамова», заключаетъ отчетъ.

О многихъ псаломщикахъ преосвященный не высокаго мнѣнія: псаломщикъ церкви Преображенской въ м. Старыхъ-Сенжарахъ «склоненъ выпивать», въ с. Броварахъ—«много безобразничаетъ», въ с. Буняковкѣ—псаломщикъ, «будучи вздорнаго характера, однако сдерживается и улучшается нравомъ», въ с. Николаевкѣ—65-лѣтній псаломщикъ «склоненъ къ выпивкѣ», въ с. Мойсинцахъ второй псаломщикъ—«неустойчивъ и не благоговѣетъ по молодости». Одинъ изъ псаломщиковъ Свято-Духовской церкви въ м. Богодуховкѣ аттестуется, какъ способный устроитель хора, но при этомъ дѣлается оговорка: «пусть Б—ій не уповаетъ на пословицу: «пей да дѣло разумѣй!»

Преосвященный не ограничивается характеристикой лицъ, стоящихъ на послѣднихъ и предпослѣднихъ ступеняхъ церковной лѣстницы. Такъ, излагая результаты ревизіи храма въ с. Антиповкѣ, преосвященный отмѣчаетъ «безкорыстіе» благочиннаго о. Д., противопоставляя ему «нѣкоего благочиннаго того же уѣзда, котораго округъ въ значительной части заполненъ его родственниками и который иногда употребляетъ давленіе на низшихъ членовъ клира своего округа подавать объ увольненіи за штатъ не столько въ видахъ пользы церкви, сколько для очистки мѣста его, благочиннаго, чадамъ». Преосвященный преподаетъ общее наставленіе о томъ, что фамусовскія правила о радѣніи родному человѣчку не годятся для церкви, а «для прекращенія поборовъ оо. благочинныхъ съ подвѣдомаго имъ духовенства»; рекомендуетъ назначить опредѣленное жалованье, которое явится для однихъ дѣломъ справедливости, а «для такихъ, какъ о. Ч—овъ, удерживающимъ противъ ихъ аппетита къ воспріятію».

Священнослужители, при встрѣчѣ епископа, произносили привѣтственныя рѣчи, въ искренность которыхъ преосвященный однако вѣритъ мало. Такъ, въ с. Мойсинцахъ была произнесена рѣчь, «преисполненная эфектностью и вредными по искренности и неправдивости ѳиміамамъ». Полагая, что ораторы заглаза говорятъ про своего архипастыря совсѣмъ противоположное тому, что говорится въ привѣтственной рѣчи, преосвященный совѣтуетъ сообщать въ рѣчахъ о нуждахъ прихода, объ «отрадныхъ явленіяхъ» въ жизни послѣдняго и т. п.

Останавливаясь на дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія паствы, епископъ отмѣчаетъ недостаточное количество «собесѣдованій» съ народомъ. Въ одномъ случаѣ онъ съ крайнимъ недовѣріемъ относится къ священнику, объявившему, что въ этомъ году имъ устроено 64 «собесѣдованія», тогда какъ, по разсчету епископа, ихъ можетъ быть устроено за 5 съ пол. мѣс., т. е. съ 1-го января и вплоть до ревизіи, не болѣе 54, предполагая наибольшее усердіе. «На предложеніе показать запись, батюшка отвѣтилъ, что дома позабылъ... Странно очень, заключаетъ отчетъ, а готовился къ пріѣзду епископа! Все это наводитъ на сомнѣніе, ведетъ ли священникъ собесѣдованія: онъ не разсчиталъ даже, какое наибольшее число ихъ можетъ быть произнесено въ 5 съ пол. мѣсяцевъ».

Далѣе, указывается еще обычный въ церковно-школьной практикѣ случай нежеланія священно и церковно-служителей устроить церковную школу (стр. 2), на полное незнаніе школьниками Закона Божія (с. 4), на несочувствіе населенія къ церковной школѣ (с. 1).

Томская психіатрическая больница. Профессоръ Н. Поповъ разсказываетъ въ «Сибирской Жизни» о порядкахъ царящихъ въ Томской городской больницѣ

для душевно-больныхъ. Оказывается, что въ одномъ изъ университетскихъ городовъ, наканунѣ XX столѣтія, душевно-больные помѣщаются слѣдующимъ образомъ:

Женскій баракъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: первая комната имѣетъ квадратную поверхность, равняющуюся 92 кв. м. Въ этой комнатѣ помѣщаются 17 кроватей и 22 человѣка больныхъ; 5 изъ нихъ не имѣютъ кроватей и валяются на полу, имѣя подъ собой какія-то грязныя постилки. Вторая комната имѣетъ 36,6 кв. метра. Въ ней помѣщается 16 человѣкъ больныхъ, изъ коихъ только 8 имѣютъ кровати, а остальные 8 помѣщаются на полу между и подъ кроватями. На человѣка приходится только 2,1 кв. метра!

Мужской баракъ состоитъ изъ 2-хъ комнатъ; ихъ раздѣляетъ небольшой корридоръ-передняя, въ которой помѣщается клозетъ, состоящій изъ простой выгребной ямы, кое-какъ заложенной досками. Этотъ клозетъ отдѣляется отъ комнатъ плохенькой досчатой дверью. Изъ этого клозета зловоніе разносится въ обѣ комнаты.

Въ этихъ двухъ комнатахъ помѣщаются 62 человѣка больныхъ и 7 человѣкъ прислуги—всего 69 человѣкъ. На человѣка приходится 3,7 кв. метра, т. е. около $^3/_4$ кв. сажени.

Какъ больные, такъ и прислуга свободно курятъ въ этихъ помѣщеніяхъ, отчего дымъ стоитъ, точно туманъ.

Смрадъ, зловоніе выгребной ямы, чадъ отъ плохо устроенныхъ печей, крайне испорченный воздухъ отъ отсутствія вентиляціи и крайней скученности людей производили у свѣжаго человѣка головную боль даже послѣ кратковременнаго пребыванія. Ко всему этому присоединяются еще крики и стоны больныхъ и ихъ безконечныя жалобы на то, что ихъ бьютъ.

Первое, что я слышалъ отъ больныхъ при входѣ въ баракъ, говоритъ проф. Поповъ, это то, что ихъ бьетъ прислуга и плохо кормитъ.

Но ужаснѣе всего была устроена изоляціонная комната для буйныхъ больныхъ. Она помѣщалась въ подвалѣ мужского барака и передѣлана была изъ кладовой. На мѣстномъ больничномъ языкѣ она носила характерное названіе «карцера». Окна были забиты простыми досками, отчего въ ней царилъ мракъ, было очень холодно, сыро, грязно до крайности, такъ какъ полъ представлялъ голую землю, и несло невыразимымъ зловоніемъ, такъ какъ въ трехъ шагахъ находилась простая выгребная яма клозета и имѣлось прямое сообщеніе съ дверью клозета».

Профессоръ поручилъ нѣсколькихъ больныхъ наблюденію студентовъ-медиковъ. Одинъ изъ больныхъ, Кудашевъ, особенно отличался своимъ веселымъ настроеніемъ духа. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, почти атлетическаго, и, объясняя студентамъ его болѣзнь, профессоръ сказалъ, что Кудашевъ проживетъ еще очень долго. Прошло недѣли полторы, и вдругъ студентъ-кураторъ заявляетъ, что Кудашевъ умеръ.

«Извѣстіе это,—пишетъ г. Поповъ,—поразило меня своей неожиданностью. За два дня до смерти,—разсказывалъ студентъ,—больной пришелъ въ себя, сдѣлался тихимъ, слабымъ, грустнымъ, на кожѣ его появились какія-то пятна, и, наконецъ, онъ тихо скончался, прося, чтобы хотя передъ смертью его перевели въ университетскую клинику, иначе ему: «пропадать придется тутъ».

Я до такой степени заинтересовался неожиданностью смерти, что въ тотъ же день, вечеромъ, отправился въ больницу осмотрѣть трупъ. При бѣгломъ осмотрѣ трупа я ничего особеннаго не замѣтилъ и спросилъ фельдшера, отчего, по его мнѣнію, умеръ больной.

Фельдшеръ, онъ же и смотритель, отвѣтилъ мнѣ, что объяснить причины смерти онъ не можетъ, но полагаетъ ее вполнѣ естественной. Того же мнѣнія былъ и врачъ.

Еще болѣе удивленный, я попросилъ отдать мнѣ трупъ для вскрытія.

Когда трупъ былъ привезенъ въ анатомическій покой университета, я обратился къ проф. патологической анатоміи Романову съ просьбой вскрыть трупъ, но при этомъ заявилъ, что истинная причина смерти Кудашева мнѣ неизвѣстна, кажется загадочной и непонятной. Здѣсь же былъ и проф. хирургіи А. А. Введенскій, который, осматривая трупъ съ наблюдательностью опытнаго хирурга, заявилъ, что у трупа имѣется поломанное ребро и переломлена грудная кость.

Основываясь на показаніяхъ проф. А. А. Введенскаго и послѣ болѣе подробнаго осмотра, я пришелъ къ заключенію, что душевно-больной Кудашевъ былъ жестоко избитъ и умеръ отъ этихъ побоевъ, что эти побои нанесены были въ больницѣ и, по всей вѣроятности, прислугой.

Объ этихъ предположеніяхъ я довелъ до свѣдѣнія г. ректора университета и г. томскаго губернатора.

Вскрытіе трупа было произведено судебно-медицинскимъ порядкомъ, причемъ оказалось вѣрнымъ, что дѣйствительно у больного былъ свѣжій и полный переломъ пятаго ребра и грудной кости. Кромѣ того, на тѣлѣ обнаружена цѣлая масса ссадинъ и синяковъ отъ ушибовъ (по моему мнѣнію, нанесенныхъ служителями).

Каждаго больного я обыкновенно поручалъ наблюденію не одного, а двухъ студентовъ, для того, чтобы наблюденія были полнѣе, а отчасти для личной безопасности студентовъ.

Кудашева я отдалъ также для курированія двумъ студентамъ и послѣ вскрытія его затребовалъ отъ нихъ исторію болѣзни.

Привожу здѣсь выдержки изъ собственноручно написанныхъ ими ежедневныхъ наблюденій:

«*9 марта.* Во время нашего посѣщенія Кудашевъ былъ сильно возбужденъ. Руки у него были связаны назадъ, голова завязана, на тѣлѣ одна рубашка безъ кальсонъ; больной въ слезахъ, кричитъ и плачетъ...

«*10 марта.* Больной связанъ, но болѣе покоенъ, чѣмъ наканунѣ, причемъ, по словамъ больныхъ, вообще не обнаруживаетъ наклонности къ дракѣ. Когда мы его попросили развязать, чтобы произвести изслѣдованіе, больной отнесся къ этому спокойно и во время изслѣдованія велъ себя очень хорошо, исполняя все, что отъ него требовалось. Во внутреннихъ органахъ никакихъ измѣненій не оказалось...

«*12 марта.* Руки у больного связаны назади. Онъ жалуется, что его часто здѣсь бьютъ. Во время этого разговора пріѣхалъ докторъ, сторожа стали развязывать больному руки сзади, чтобы снова завязать на груди. Больной сначала очень обрадовался, что его развязываютъ, но когда увидалъ, что его снова связываютъ, онъ заплакалъ...

«*13 марта.* Больной былъ развязанъ и довольно покоенъ...

«*17 и 18 марта.* Больной сильно возбужденъ, въ смирительной рубашкѣ, руки завязаны назади и полотенцемъ привязаны къ ручкѣ двери, находящейся въ углу палаты; двери были заперты. Больной былъ такъ привязанъ къ двери, что не могъ сѣсть, а долженъ былъ все время стоять, и стула около него тоже не было (да и вообще тамъ никакихъ приспособленій для сидѣнья нѣтъ)... Кудашевъ стоялъ, слегка раскачиваясь, но не могъ повернуться лицомъ къ двери, потому что руки его сзади были плотно прикрѣплены, и плакалъ. Когда мы спросили сторожей: за что его связали, намъ сказали, что больной переставлялъ кровати. Больной замѣтилъ при этомъ, что вѣдь и на самомъ дѣлѣ онѣ стоятъ неправильно... Наклонности къ дракѣ и въ это время не замѣчалось? По словамъ служителей, больного рѣшили (для успокоенія) посадить въ «карцеръ», въ которомъ онъ и пробылъ до 21 марта. 21 марта больной былъ переведенъ въ общую палату.

«*21 марта.* Больной развязанъ, лежитъ на койкѣ, не обнаруживаетъ ни малѣйшей наклонности къ движенію, дрожитъ, кутается, отвѣчаетъ тихо, вяло и неохотно...

«*23 марта.* Состояніе больного угнетенное. Больной вялъ, лежитъ покойно на койкѣ. Всѣ отвѣты больного стали разумнѣе. Онъ связно разсказывалъ о своей прежней жизни, причемъ просилъ, чтобы его перевели въ клинику, а здѣсь не лѣчатъ и онъ совсѣмъ пропадетъ...

«*25 марта.* Больной умеръ».

Профессоръ Поповъ заявилъ судебному слѣдователю, что въ убійствѣ больного онъ обвиняетъ служителей, и при этомъ прибавилъ, что «это убійство ни въ коемъ случаѣ не единственное, но что въ такой больницѣ, какъ томская, оно составляетъ самое заурядное, самое обыденное явленіе».

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ пришлось побывать на эпидеміи цынги въ одномъ изъ глухихъ угловъ Казанской губ. Нашъ отрядъ (одинъ изъ числа организованныхъ VII-мъ Пироговскимъ съѣздомъ врачей) работалъ въ Больше-Шемякинской волости, Тетюшскаго уѣзда, заселенной главнымъ образомъ инородцами: мордвой, татарами, чувашами. Помимо медицинско-продовольственной помощи населенію, въ задачи отряда входило подвижно-статистическое изслѣдованіе района его дѣятельности. Собранный отрядомъ статистическій матеріалъ послѣ надлежащей обработки, вѣроятно, дастъ не безъинтересные результаты. Не располагая пока этими выводами, я все-таки на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній могу отмѣтить одинъ интересный фактъ. Повидимому, только въ силу крайней некультурности инородцевъ больныхъ среди нихъ было гораздо больше, чѣмъ въ сосѣднихъ русскихъ селахъ, находящихся въ тѣхъ же экономическихъ и климатическихъ условіяхъ. Тяжелыхъ случаевъ цынги въ инородческихъ селахъ было множество, а глазныя и накожныя болѣзни распространены почти поголовно.

Голодъ и эпидемія цынги въ этомъ краю вызвали притокъ частныхъ пожертвованій на медицинскую и продовольственную помощь населенію. Теперь, когда острая продовольственная нужда и эпидемія цынги стихли, слѣдовало бы поддержать и мѣстныя скромныя культурныя начинанія. Для темныхъ полудикарей-инородцевъ школы нужны, конечно, не менѣе, чѣмъ врачебная помощь.

При посредствѣ вашего уважаемаго журнала я надѣюсь обратить вниманіе жертвователей, сочувствующихъ дѣлу просвѣщенія, на одинъ изъ мѣстныхъ культурныхъ оазисовъ, съ которымъ я имѣлъ возможность близко ознакомиться. Въ чувашскомъ селѣ Б. Шемякинѣ существуетъ земская школа, прекрасно поставленная въ педагогическомъ отношеніи, несмотря на особыя трудности дѣла (преподаваніе приходится начинать на чувашскомъ языкѣ). Своимъ процвѣтаніемъ школа вполнѣ обязана учительницѣ, много лѣтъ самоотверженно работающей среди чувашей и съумѣвшей побѣдить ихъ крайнюю замкнутость и недовѣрчивость. Къ сожалѣнію, многимъ желающимъ учиться приходится отказывать; убогая церковная сторожка, гдѣ кое-какъ ютится школа, и такъ уже переполнена. На постройку необходимаго школьнаго зданія нѣтъ средствъ ни у земства, ни у мѣстнаго крестьянскаго общества.

Всякое пожертвованіе на это благое дѣло будетъ съ благодарностью принято мѣстнымъ земствомъ; помимо своей непосредственной пользы оно явится и вполнѣ заслуженной нравственной поддержкой для скромной труженицы.

Пожертвованія (съ указаніемъ, что они назначаются *на постройку земскаго школьнаго зданія въ с. Большомъ Шемякинѣ*) слѣдуетъ адресовать такимъ образомъ: Г. Тетюши, Казанской губ., въ уѣздную земскую управу.

Врачъ Н. Шенъ.

Симпатичное общество.

(Письмо изъ Курска).

Въ апрѣлѣ прошлаго года, въ Курскѣ открылось «Общество содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи». Общество устраиваетъ и содѣйствуетъ устройству народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, повторительныхъ классовъ и вечернихъ занятій для взрослыхъ, классовъ хорового пѣнія, безплатныхъ народныхъ спектаклей, концертовъ, книжныхъ складовъ и т. д. и т. п., а также способствуетъ физическому развитію дѣтей. Распространяетъ оно свою дѣятельность по всей губерніи, гдѣ уже имѣетъ своихъ членовъ. Для болѣе прочнаго успѣха дѣла, оно образовало 5 отдѣловъ, изъ которыхъ 1-му поручено устройство народныхъ чтеній, 2-му—устройство книжныхъ складовъ и народныхъ библіотекъ, 3-му—устройство разумныхъ народныхъ развлеченій, 4-му—поручена разработка вопросовъ объ устройствѣ въ Курской губерніи воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ и, наконецъ, 5-му—содѣйствіе физическому воспитанію.

Народныя чтенія въ г. Курскѣ, благодаря продолжительной дѣятельности бывшей коммиссіи народныхъ чтеній, приняли уже характеръ совершенно окрѣпшаго учрежденія, что чрезвычайно облегчило первому отдѣлу трудъ по устройству народныхъ чтеній въ гор. Курскѣ. Получивъ по наслѣдству отъ коммиссіи составленный ею списокъ чтеній на цѣлый годъ, право занять для народныхъ чтеній помѣщенія, которыя раньше занимала коммиссія, первый отдѣлъ общества открылъ народныя чтенія въ гор. Курскѣ 8-го сентября 1898 г. сразу въ трехъ аудиторіяхъ: въ городскомъ театрѣ, въ приходскомъ училищѣ и въ Курскомъ арестантскомъ отдѣленіи. Посѣтителей бываетъ въ среднемъ: въ театрѣ—по 401, а на Садовой—по 163 на каждый день. Въ аудиторіи, что на Садовой, въ антрактахъ между двумя чтеніями, поетъ хоръ воспитанниковъ Курской учительской семинаріи, исполняя духовныя и свѣтскія пьесы. Чтенія во всѣхъ трехъ аудиторіяхъ ведутся по праздникамъ и воскресеньямъ. Что касается состава чтеній на текущій годъ, то списокъ этихъ чтеній составленъ довольно полно и разнообразно. Въ списокъ этотъ входятъ брошюры по естествовѣдѣнію, гигіенѣ, медицинѣ, исторіи, землеописанію и народовѣдѣнію, а также беллетристика, поэзія и біографіи знаменитыхъ людей. Обществомъ открыты также въ послѣднее время спеціальная дѣтская аудиторія и составленъ списокъ чтеній, соотвѣтствующій дѣтскому пониманію.

Продажу книгъ 2-ой отдѣлъ полагаетъ организовать на слѣдующихъ началахъ: въ Курскѣ долженъ быть устроенъ центральный книжный складъ. Главное назначеніе его—подборъ лучшихъ и наиболѣе дешевыхъ книгъ и картинъ для продажи въ губерніи, закупка ихъ, по возможности, изъ первыхъ рукъ, отъ крупныхъ издательскихъ фирмъ и разсылка для продажи на мѣстахъ. При такихъ закупкахъ складъ можетъ имѣть до 20 и болѣе % скидки, которые при продажѣ нынѣ по номинальнымъ цѣнамъ пойдутъ на покрытіе расходовъ по складу, а также по доставкѣ и разсылкѣ книгъ. Кромѣ того, центральный складъ можетъ принять на себя составленіе школьныхъ и народныхъ библіотекъ и доставку книгъ и картинъ въ аудиторіи народныхъ чтеній, что для всѣхъ этихъ учрежденій представитъ несомнѣнную выгоду и удобство. Книги и картины для продажи на первое время уже подобраны; списокъ ихъ составленъ. Такъ какъ широкимъ сбытомъ въ народѣ пользуются, главнымъ образомъ, дешевыя книги, цѣною отъ 1—5 коп., то болѣе дорогія выдѣлены въ особую группу, принимая за норму для такого дѣленія цѣну въ 20 коп. Списокъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ дешевыхъ книгъ; дорогія, цѣна на которыя превышаетъ 20 к., будутъ выписаны въ ограниченномъ количествѣ, до выяс-

ненія на нихъ спроса. Списокъ содержитъ въ себѣ книги по всѣмъ отраслямъ литературы; по сельскому хозяйству—55 названій, на 23 р. 76 к., по медицинѣ и гигіенѣ—28 названій на 2 р. 77 к., по юридическимъ знаніямъ на 5 р. 60 к. и т. д.. всего 517 названій на сумму 89 р. 73 к. Само собою разумѣется, что для сколько-нибудь широкаго распространенія продажи книгъ одного центральнаго склада въ губернскомъ городѣ недостаточно. Необходимо устроить какъ можно больше филіальныхъ отдѣленій, т. е. завести комиссіонеровъ какъ въ городахъ, такъ и въ болѣе населенныхъ пунктахъ уѣздовъ. Отдѣленія могутъ быть открыты при школахъ, больницахъ, амбулаторіяхъ, складахъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и друг. земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ только лица, завѣдующія ими, могли бы принять на себя и завѣдываніе складами. Кромѣ того, можно организовать продажу книгъ и картинъ на базарахъ и площадяхъ, со столовъ, ларей или будокъ, а также и въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ. Наконецъ, слѣдовало бы сдѣлать попытку завести своихъ книгоношъ. Объ организаціи продажи книгъ при посредствѣ книгоношъ, слѣдуетъ замѣтить, что опыты въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ земствъ и обществъ были удачны и дали хорошіе результаты. Изъ центральнаго склада книги будутъ разсылаться въ отдѣленія на коммиссію съ условіемъ уплаты за нихъ послѣ распродажи. Для отдѣленій, при самомъ основаніи ихъ, будутъ установлены правильные и опредѣленные сроки уплаты, книги они будутъ продавать по номинальнымъ цѣнамъ, всѣ же накладные расходы по пересылкѣ, упаковкѣ и пр. приметъ на себя центральный складъ. Учителя народныхъ школъ могутъ быть заинтересованы въ распространеніи книгъ извѣстнымъ процентомъ прибыли, поступающей въ ихъ пользу. Въ настоящее время отдѣлъ имѣетъ свѣдѣнія о возможности устроить отдѣленія книжнаго склада въ 10 мѣстахъ губерніи. Но надо надѣяться, что съ развитіемъ дѣятельности общества и съ распространеніемъ о ней свѣдѣній, число коммиссіонеровъ склада увеличится. Къ нѣкоторымъ лицамъ, по указаніямъ членовъ отдѣла, были уже разосланы письма съ просьбой оказать содѣйствіе обществу по распространенію продажи книгъ и отдѣлъ продолжаетъ получать самые благопріятные отвѣты. Вообще, при томъ сочувствіи, какое повсемѣстно встрѣчаетъ въ настоящее время идея необходимости и неотложности борьбы съ невѣжествомъ, дѣло продажи книгъ, не требующее постоянныхъ и значительныхъ затратъ и легко доступное для частной иниціативы, можетъ получить самое широкое развитіе. Отдѣлъ имѣетъ въ виду, при этомъ, еще и слѣдующее обстоятельство. Въ 1900 г. въ Курской губерніи вмѣстѣ съ казенной продажей питей будутъ введены по всѣмъ уѣздамъ попечительства о народной трезвости, дѣятельность которыхъ, судя по оффиціальнымъ отчетамъ, направлена, главнымъ образомъ, на устройство народныхъ чайныхъ и при нихъ безплатныхъ библіотекъ и читаленъ. Представится, такимъ образомъ, широкій просторъ для распространенія хорошей книги среди народа, и обществу слѣдовало бы поставить учрежденіе книжныхъ складовъ на болѣе или менѣе солидную почву, дабы впослѣдствіи имѣть основаніе ходатайствовать предъ губернскимъ комитетомъ о народной трезвости, во-1-хъ, о томъ, чтобы уѣзднымъ попечительствамъ рекомендовано было пріобрѣтать нужныя для ихъ просвѣтительныхъ цѣлей книги изъ склада общества, а во-2-хъ, о разрѣшеніи устроить продажу книгъ при чайныхъ, которыя, по всей вѣроятности, будутъ открыты въ каждомъ большомъ селѣ. Кромѣ склада съ отдѣленіями, отдѣлъ считаетъ возможнымъ теперь же организовать, такъ называемую, уличную продажу книгъ въ Курскѣ, т. е. продажу съ лотковъ, ларей и другихъ переносныхъ и передвижныхъ помѣщеній на улицахъ и площадяхъ, и между прочимъ, при аудиторіяхъ народныхъ чтеній.

Устройство разумныхъ народныхъ развлеченій дѣло—огромной важности. Обсуждая этотъ вопросъ, 3-й отдѣлъ пришелъ къ единодушному рѣшенію орга-

низовать народный театръ, такъ какъ безспорно онъ лучше всего служитъ культурнымъ цѣлямъ, дѣйствуя непосредственно на умъ и чувство массы. Такъ какъ въ Курскѣ единственнымъ удобнымъ помѣщеніемъ для устройства спектаклей является городской зимній театръ, то правленіе обратилось съ ходатайствомъ въ думу, чтобы она отдала театръ въ распоряженіе общества безвозмездно во всѣ свободные вечера. Ходатайство это разрѣшено думою въ положительномъ смыслѣ, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Кромѣ спектаклей, признано желательнымъ устройство музыкально-литературныхъ вечеровъ и утръ. Вечера и утра предназначены какъ для народа, такъ и для интеллигентной публики. Утра и вечера для интеллигентной публики должны составляться по разнообразной и интересной программѣ, а потому желательно приглашать къ участію въ нихъ артистовъ, не стѣсняясь матеріальными затратами. Такъ какъ такіе вечера даются по повышеннымъ цѣнамъ и сборъ съ нихъ предназначается на усиленіе средствъ общества, то все, что можетъ поднять сборъ, не нарушая основныхъ принциповъ, выработанныхъ обществомъ — желательно. Общество г. Курска относится къ цѣлямъ общества съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Напримѣръ, съ одного такого вечера въ кассу общества поступило чистыхъ до 700 р. На ряду съ развлеченіями 3-й отдѣлъ рѣшилъ давать рядъ популярныхъ, научныхъ лекцій. Общественныя чествованія имѣютъ громадное воспитательное значеніе, и потому время отъ времени рѣшено устраивать литературные вечера и утра, посвященныя памяти того или другого извѣстнаго писателя. Поднятъ былъ также вопросъ объ устройствѣ танцовальныхъ вечеровъ для народа и распорядительному комитету, совмѣстно съ лицами, интересующимися этимъ вопросомъ, поручено выработать программу народныхъ баловъ и ёлокъ для бѣдныхъ дѣтей. Какъ балъ, такъ и ёлка требуютъ расходовъ, а потому отдѣлъ просилъ правленіе общества внести въ смѣту расходовъ на устройство бала и ёлки до 200 р. Кромѣ всего этого признано желательнымъ устройство народныхъ развлеченій и по всей Курской губерніи.

Весьма симпатична цѣль 4-го отдѣла, затрогивающаго одинъ изъ существенныхъ современныхъ вопросовъ. Въ принципѣ рѣшено уже открыть повторительные классы для взрослыхъ съ болѣе или менѣе широкой программой. Въ виду существованія въ г. Курскѣ женской воскресной школы, вся забота этого отдѣла должна первоначально ограничиться открытіемъ мужской воскресной школы, причемъ таковую слѣдуетъ обставить образцово, составить приличную библіотеку и, самое главное, образовать справочное бюро по вопросамъ отдѣла, выписавъ сюда возможно больше справочныхъ книгъ и изданій, а также отмѣтить руководящія статьи и такимъ образомъ составить перечень сочиненій, затрогивающихъ этотъ интересный вопросъ. Какъ извѣстно, наша литература богата такимъ матеріаломъ и, поэтому, отдѣлу придется серьезно поработать надъ составленіемъ каталога. При школѣ должны быть собраны въ большемъ, по возможности, количествѣ отчеты, составленные уже существующими въ Россіи школами, за дѣятельностью которыхъ отдѣлъ долженъ также слѣдить, и всякое новшество должно быть немедленно разсмотрѣно и при случаѣ введено.

Въ предполагаемую въ недалекомъ будущемъ школу отдѣлъ предлагаетъ принимать какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, но съ условіемъ, чтобы пріемъ послѣднихъ былъ производимъ съ осторожностью и не ранѣе, какъ по изслѣдованіи причинъ, почему отдано предпочтеніе воскресной, а не ежедневной школѣ. Желая отдѣлить взрослыхъ учениковъ отъ малолѣтнихъ, отдѣлъ наметилъ открыть два отдѣленія, а именно для взрослыхъ и дѣтей, но въ виду замѣтнаго стремленія въ школу лицъ, нѣкогда учившихся и утерявшихъ познанія, придется открыть еще 3-е отдѣленіе для лицъ, желающихъ возобновить и увеличить свои познанія. Со стороны фабричнаго инспектора было заявленіе о необходимости открыть школу при одной изъ фабрикъ г. Курска,

отдѣлъ на это предложеніе обратилъ особенное вниманіе, задавшись цѣлью, если будетъ возможно, устроить здѣсь школу по образцу школъ техническаго общества, для чего и снестись письменно съ отдѣленіемъ его въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, отдѣломъ были собраны свѣдѣнія о постановкѣ школьнаго дѣла въ курской тюрьмѣ. Оказалось, что въ женскомъ отдѣленіи школы совершенно нѣтъ. Что же касается мужского отдѣленіи, то здѣсь занятія ведутся неудовлетворительно, а потому отдѣлъ, основываясь на существованіи тюремныхъ школъ, открытыхъ по иниціативѣ частныхъ лицъ, рѣшилъ озаботиться устройствомъ школъ въ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ, для чего и поручилъ одному изъ членовъ отдѣла собрать по этому вопросу свѣдѣнія.

Содѣйствіе физическому воспитанію, которое взялъ на себя 5 й отдѣлъ общества,—задача сама по себѣ широкая и отдѣлу предстоитъ уяснить ее всесторонне. Программа этого отдѣла намѣчена такимъ образомъ: 1) Распространеніе свѣдѣній по физическому воспитанію теоретически—путемъ лекцій, собесѣдованій и распространеніемъ въ народѣ брошюръ по вопросамъ физическаго воспитанія. 2) Проведеніе свѣдѣній и содѣйствіе физическому воспитанію практически: а) распространеніемъ въ народѣ знаній о питаніи и уходѣ за дѣтьми; б) устройствомъ яслей и дѣтскихъ садовъ; в) организаціей общественныхъ игръ для дѣтей; г) прогулокъ за городъ; д) санитарнымъ наблюденіемъ надъ школами и е) снабженіемъ школьниковъ теплою одеждою, обувью и пищею. Въ интересахъ детальной разработки программы дѣятельности отдѣла и практическаго осуществленія ея, отдѣлъ выдѣлилъ изъ себя двѣ коммиссіи: 1) по разработкѣ вопроса содѣйствія физическому воспитанію дѣтей до школьнаго возраста и 2) по вопросамъ физическаго воспитанія дѣтей школьнаго возраста. Первая коммиссія намѣтила такой планъ работъ: устройство яслей, чтеніе лекцій и *устройство музея* воспитательныхъ пособій.

Зная, что никогда нельзя обособить физическое воспитаніе отъ общаго, умственнаго и нравственнаго, пришли къ необходимости устроить «дѣтскій садъ». Для осуществленія этой цѣли правленіе общества обратилось съ ходатайствомъ въ Курскую городскую думу о предоставленіи обществу для этой цѣли сада на такъ-называемой Навозной площади. Дума, принявъ сочувственно это предложеніе, предоставила обществу право устраивать въ этомъ мѣстѣ дѣтскія подвижныя игры, взявъ на себя насажденіе и расчистку сада, поддержаніе его и содержаніе сторожа, а общество взяло на себя надзоръ за играми и устройство бесѣдокъ и приспособленій для игръ. Открытіе этого сада послѣдовало 15-го августа. Ежедневно, съ 4-хъ дня до 7-ми ч. вечера, представляется въ безплатное пользованіе дѣтямъ и учащимся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ различные предметы для игръ и упражненій. Въ саду устроены всевозможныя гимнастики, лѣстницы, столбы для лазанья и т. п. предметы. Дѣти ежедневно собираются въ садъ большими партіями и проводятъ время весело, играя во всевозможныя игры. Садъ названъ «Пушкинскимъ», и въ немъ будетъ поставленъ городскимъ самоуправленіемъ бюстъ А. С. Пушкина.

С. К—въ.

За границей.

Голодныя дѣти и недостатокъ жилищъ для рабочихъ въ Англіи. Открытіе англійскаго парламента, рѣчи министровъ, трансваальская война—все это на время отвлекло вниманіе англійскаго общества отъ нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ современной англійской жизни. Но война затягивается, и въ ожиданіи будущихъ побѣдъ, англійская печать возвращается опять къ тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались ею въ самое послѣднее время. Къ числу такихъ

жгучихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о голодныхъ дѣтяхъ въ школахъ и о недостаткѣ жилищъ для рабочихъ. Послѣднему вопросу газета «Daily News», еще до объявленія войны, посвятила цѣлый рядъ изслѣдованій и статей, подъ заглавіемъ «No room to live» (Негдѣ жить).

Вопросъ о голодающихъ дѣтяхъ въ школахъ былъ выдвинутъ на сцену лондонскимъ школьнымъ совѣтомъ. За послѣдніе десять лѣтъ образовалось нѣсколько частныхъ благотворительныхъ обществъ въ Лондонѣ, поставившихъ себѣ цѣлью кормить голодающихъ школьниковъ, но въ настоящее время вопросъ этотъ признанъ настолько важнымъ, что разсмотрѣніе его было поручено спеціальному комитету, назначенному совѣтомъ, такъ какъ частныя усилія недостаточны для борьбы со зломъ. Комитетъ уже представилъ подробный докладъ, въ которомъ указываетъ, какое важное препятствіе воспитательному прогрессу заключается въ этомъ голоданіи дѣтей. Цифры, приведенныя въ докладѣ комитета, дѣйствительно, поразительны. Оказывается, что въ обыкновенный годъ, когда не существуетъ никакихъ спеціальныхъ причинъ, увеличивающихъ сумму лишеній, число голодающихъ дѣтей въ лондонскихъ школахъ достигаетъ 40.000! По мнѣнію комитета, въ большинствѣ случаевъ, это голоданіе дѣтей происходитъ не по волѣ родителей, хотя случаи полнаго отсутствія заботливости о дѣтяхъ встрѣчаются все-таки довольно часто. Частная благотворительность тратитъ на раздачу даровыхъ завтраковъ и обѣдовъ школьникамъ около шести тысячъ фунтовъ, но хотя эта помощь и сдѣлала много для пользы прогресса воспитанія, облегчивъ задачу воспитателей, тѣмъ не менѣе она страдаетъ существеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ организаціи, и поэтому носитъ какой-то случайный характеръ. Въ послѣднее время возбужденъ вопросъ, чтобы лондонскій школьный совѣтъ взялъ на себя это дѣло, въ виду приближенія зимы, и назначилъ бы комиссію, завѣдующую питаніемъ дѣтей, такъ называемую «Underfed Children Comittee» (Комитетъ недоѣдающихъ дѣтей). Назначеніе такой комиссіи однако, не можетъ состояться безъ санкціи парламента, и поэтому въ докладѣ комитета предлагается присоединить, покамѣстъ, къ школьному совѣту существующую въ Лондонѣ ассоціацію «London Schools Dinner Association» (Ассоціація лондонскихъ школьныхъ столовыхъ) и вмѣнить въ обязанность совѣту и школамъ имѣть своихъ представителей въ этой ассоціаціи.

Оказалось, однако, что комитетъ далеко не высказался единогласно. Меньшинство составило отдѣльный докладъ. Большинство считало необходимымъ обязать школьныя комиссіи изслѣдовать, являются ли дѣти въ школы въ такомъ состояніи, что они могутъ учиться, такъ какъ учить полуголодныхъ дѣтей было бы напрасною потерею времени. Если же окажется, что дѣти голодаютъ, то прежде ученія они должны были накормлены, и комиссіи въ такихъ случаяхъ предоставляется обращаться за помощью къ существующимъ уже ассоціаціямъ, а тамъ, гдѣ эти ассоціаціи окажутся недостаточными, то заботу о накормленіи дѣтей долженъ взять на себя школьный совѣтъ. Далѣе, комитетъ совѣтуетъ наводить справки, не зависитъ ли голоданіе дѣтей отъ преступной незаботливости родителей, и въ такомъ случаѣ родители должны быть подвергнуты отвѣтственности, какъ за жестокое обращеніе. Эти предложенія были формулированы однимъ изъ бывшихъ школьныхъ учителей, членомъ школьнаго совѣта.

Въ совѣтѣ возникли горячія пренія. Нашлись критики, которые саркастически замѣтили, почему же совѣтъ долженъ заботиться только о питаніи дѣтей; вѣдь они нуждаются также въ одеждѣ и жилищахъ? На это одинъ изъ членовъ совѣта замѣтилъ, что эти несчастныя дѣти, во всякомъ случаѣ, имѣютъ гдѣ-нибудь кровъ и носятъ кое-какую одежду на плечахъ, такъ какъ совсѣмъ безъ одежды они не могутъ явиться въ школу, но безъ пищи, къ сожалѣнію они могутъ приходить въ школу и приходятъ. Но какая же польза учить голодныхъ дѣтей, и что они могутъ усвоить себѣ! Представителемъ меньшинства,

возстающаго противъ вмѣшательства школьнаго совѣта въ это дѣло, былъ сэръ Чарльзъ Эллiотъ, завѣдующій финансами совѣта, и потому склонный къ разсчетливости. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами онъ доказывалъ, что дѣятельности частныхъ ассоціацій совершенно достаточно для удовлетворенія нужды. Но большинство комитета встрѣтило могущественную поддержку въ лицѣ вице-президента сэра Джона Горста, который посвятилъ горячую статью этому жгучему вопросу въ «Review of the week» и приводитъ въ ней данныя, указывающія, что не въ одномъ только Лондонѣ условія школьнаго обученія такъ неблагопріятны; онъ насчитываетъ во всей Англіи до полумилліона слишкомъ голодныхъ дѣтей, и въ чрезвычайно энергичныхъ выраженіяхъ указываетъ на обязанность государства бороться съ этимъ зломъ. Въ виду этого энергичнаго воззванія, школьный совѣтъ намѣренъ теперь посвятить нѣсколько засѣданій для окончательнаго обсужденія и рѣшенія этого вопроса.

Другой вопросъ, также вызывающій полемику въ англійскихъ газетахъ, это— вопросъ о жилищахъ для рабочихъ. Многія изъ газетъ утверждаютъ, что это спеціально «лондонскій вопросъ» и въ провинціи не ощущается недостатка въ жилищахъ. При этомъ, конечно, указывается на обезлюденіе деревень и на переполненіе городовъ сельскимъ населеніемъ. Но разслѣдованіе, произведенное газетою «Daily News», обнаружило, что «No room to live» въ одинаковой степени примѣняется къ сельскимъ округамъ, какъ и къ британской столицѣ. Трудно повѣрить, восклицаетъ корреспондентъ «Daily News», что очень и очень многимъ рабочимъ приходится искать убѣжища въ домахъ призрѣнія и въ рабочихъ домахъ, за невозможностью найти жилище для себя и семьи. Въ Лондонѣ, гдѣ трудно найти квадратный дюймъ свободной земли, подобные факты составляютъ обычное явленіе, но въ деревнѣ!.. Между тѣмъ, «Daily News» приводитъ цѣлый списокъ мѣстностей, гдѣ наблюдались подобные факты. Въ Норфолькѣ, въ мѣсячномъ отчетѣ одного изъ рабочихъ домовъ, оказалось увеличеніе числа призрѣваемыхъ съ 140 до 215 въ одинъ только мѣсяцъ, и это увеличеніе было вызвано тѣмъ, что многіе семейные рабочіе не въ состояніи были найти помѣщенія для себя и семьи въ этой мѣстности, и вынуждены были волей неволей искать пріюта въ рабочемъ домѣ. Характерный случай въ этомъ отношеніи произошелъ въ Эрпингамѣ. Одинъ весьма почтенный рабочій, имѣющій дѣтей, не могъ найти для нихъ даже угла въ той мѣстности, гдѣ онъ имѣлъ поденную работу, и тогда, не имѣя возможности продолжать поиски, онъ помѣстилъ ихъ въ рабочій домъ. Спустя нѣсколько времени управленіе дома, провѣдавъ о томъ, что онъ имѣетъ занятіе, поставило ему на видъ, что онъ не имѣетъ права оставлять своихъ дѣтей въ рабочемъ домѣ, и такъ какъ всѣ его поиски какого-нибудь свободнаго коттеджа остались безуспѣшны, то, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ бросить работу, а самъ поселиться въ рабочемъ домѣ, чтобы только обезпечить своимъ дѣтямъ кровъ. «Daily News» приводитъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ, указывающихъ, что въ восточныхъ провинціяхъ Англіи недостатокъ жилищъ даетъ себя чувствовать не меньше, чѣмъ въ городахъ, страдающихъ отъ скученности населенія: и это обстоятельство заставило оффиціально разрѣшить домамъ призрѣнія бѣдныхъ принимать подъ свой кровъ и такихъ людей, которые имѣютъ обезпеченный заработокъ, но не въ состояніи найти для себя помѣщеніе за неимѣніемъ такового.

Разслѣдованія, произведенныя въ сельскихъ округахъ восточной Англіи, доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что жилищъ не хватаетъ для населенія. «Cottage Question» становится такимъ же жгучимъ вопросомъ, какъ и другіе спеціальные вопросы,—говоритъ «Daily News» и на огромномъ пространствѣ сельской Англіи раздается крикъ «No room to live». Коттеджей слишкомъ мало, сравнительно съ количествомъ населенія и притомъ огромное большинство тѣхъ, которые существуютъ, пришло уже въ полную негодность и съ

каждымъ годомъ число такихъ приходящихъ въ разрушеніе жилищъ, все увеличивается. Но общественное мнѣніе Англіи, благодаря печати, которая всегда беретъ на себя иниціативу возбужденія вопроса въ такихъ случаяхъ, уже обратило вниманіе на это прискорбное положеніе вещей и въ предстоящую сессію парламента будутъ внесены законопроекты, направленные къ борьбѣ съ этимъ зломъ, вызываемымъ недостаткомъ жилищъ для рабочаго населенія въ современной Англіи.

Австрійская путаница. Внутреннія отношенія австро-венгерской монархіи становятся все больше и больше запутанными. Едва въ одномъ мѣстѣ утихаетъ агитація, какъ тотчасъ же она вспыхиваетъ въ другомъ, съ новою силой. Пресловутый вопросъ о языкахъ не даетъ покоя правительству и въ послѣднее время вызываетъ волненія не только въ Чехіи, но и въ Венгріи, гдѣ онъ возникъ довольно оригинальнымъ образомъ. Извѣстно, что послѣ очень бурныхъ дебатовъ, происходившихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣмецкій языкъ былъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ въ арміи обѣихъ частей австро-венгерской монархіи. Вотъ этотъ-то законъ и вызываетъ въ данный моментъ весьма серьезныя затрудненія по слѣдующему поводу. Въ концѣ прошлаго мѣсяца были созваны венгерскіе резервисты, причисленные къ войскамъ, стоящимъ въ Венгріи. Резервисты, какъ истые венгерскіе патріоты, во время переклички отвѣчали венгерскимъ словомъ «Jelen» (здѣсь)», вмѣсто нѣмецкаго слова «Hier». Резервисты, за такое преступленіе противъ дисциплины, были наказаны трехдневнымъ арестомъ. Можетъ быть, тѣмъ бы дѣло и кончилось, еслибъ военный министръ, баронъ Криггаммеръ, не счелъ нужнымъ издать циркуляръ, категорически воспрещающій употребленіе мадьярскаго языка въ арміи, какъ онъ это сдѣлалъ передъ тѣмъ относительно чешскаго языка. Этого было совершенно достаточно, чтобы вызвать бурные протесты. Въ Чехіи поднялись крестьяне противъ такого распоряженія, въ которомъ они видѣли оскорбленіе чешской національности. Муниципалитеты отказались повиноваться инструкціямъ военныхъ властей. Въ Венгріи университетская молодежь устроила цѣлый рядъ шумныхъ и бурныхъ манифестацій, въ особенности въ Будапештѣ. Несмотря на принятыя мѣры, волненіе не успокоивается; на улицахъ то и дѣло организуются демонстраціи, въ парламентѣ произносятся рѣзкія рѣчи по адресу военнаго министра и агитація грозитъ продлиться до самаго открытія делегацій.

Австро-венгерское правительство въ данный моментъ находится въ очень трудномъ положеніи и, повидимому, совершенно безсильно добиться нормальнаго порядка вещей въ странѣ. За послѣдніе годы число всевозможныхъ собраній, митинговъ протеста и разныхъ манифестацій замѣтно возрастаетъ въ Австріи. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, рѣдкая недѣля проходитъ безъ такихъ собраній. Но если нѣкоторые изъ митинговъ, по своимъ мотивамъ, и не всегда возбуждаютъ сочувствіе прогрессивныхъ элементовъ, какъ, напримѣръ, митинги проникнутые ярыми націоналистическими тенденціями или духомъ антисемитизма, то нельзя сказать того же о тѣхъ собраніяхъ, которыя устраиваются въ цѣляхъ борьбы съ реакціонными стремленіями христіанско соціальной партіи, захватившей въ свои руки вѣнскій муниципалитетъ. Эта партія учиняетъ настоящее гоненіе на народную школу, притѣсняетъ народныхъ учителей и уже успѣла провести цѣлый рядъ мѣропріятій, которыя должны затормозить дѣло народнаго просвѣщенія въ Австріи. Такъ, напримѣръ, она вычеркнула изъ городскаго бюджета субсидіи, выдаваемыя на покупку учебныхъ пособій для неимущихъ учениковъ городскихъ школъ, ограничила расходы на постройку зданій для школъ и потребовала раздѣленія школъ по вѣроисповѣданіямъ, а недавно добилась запрещенія городскимъ школамъ отдавать по воскреснымъ

*

и праздничнымъ днямъ свои помѣщенія подъ устройство публичныхъ чтеній, которыя организуются обществомъ народнаго просвѣщенія (Volksbildungsverein). Эта послѣдняя мѣра вызвала сильное негодованіе въ прогрессивныхъ кружкахъ Вѣны, выразившееся въ организаціи митинга протеста, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ и въ томъ числѣ почти всѣ депутаты прогрессивной партіи, профессора, писатели и т. д. Предсѣдательствовалъ на этомъ митингѣ докторъ Уль. Въ своей рѣчи, обращенной къ собранію, онъ разсказалъ, что когда въ засѣданіи совѣта онъ обратился къ вѣнскому бургомистру Люгеру съ просьбою употребить свое вліяніе, чтобы добиться отмѣны рѣшенія, которое непремѣнно должно взволновать населеніе Вѣны, то Люгеръ возразилъ ему, что населеніе относится совершенно равнодушно къ этому вопросу, а поднимаютъ шумъ только нѣсколько газетъ, да волнуются нѣсколько читателей. Приводя это заявленіе Люгера, докторъ Уль просилъ всѣхъ друзей просвѣщенія въ Вѣнѣ доказать бургомистру, что онъ жестоко ошибается.

Особенный успѣхъ въ собраніи имѣли рѣчи: рабочаго Эммерлинга и работницы г-жи Липпа. Эммерлингъ сказалъ, что вся рабочая партія будетъ поддерживать общество просвѣщенія въ его борьбѣ съ городскою общиной, такъ какъ это «величайшее позорное дѣяніе—отнимать у народа средства къ просвѣщенію». Рѣчь его была покрыта громкими апплодисментами также, какъ и рѣчь работницы Липпа, напомнившей о томъ, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда раздаются эти негодующія рѣчи противъ дѣяній муниципалитета, онъ пируетъ въ залахъ ратуши. Роскошный банкетъ, устроенный имъ, конечно, стоитъ большихъ денегъ, но муниципалитетъ не жалѣетъ на это городскихъ суммъ и урѣзываетъ свои расходы въ другомъ направленіи, отмѣняя пособія бѣднымъ школьникамъ, раздачу имъ теплой одежды и даровыхъ обѣдовъ. Ораторша заключила свою рѣчь приглашеніемъ протестовать не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но и на улицѣ, «разумѣется, не производя безпорядковъ»,—прибавила она,—но такимъ образомъ, чтобы протестъ этотъ дошелъ до ушей гг. членовъ муниципалитета и убѣдилъ бы ихъ, что все населеніе Вѣны негодуетъ.

Общество народнаго просвѣщенія, изъ за котораго загорѣлся сыръ-боръ въ данную минуту, основано недавно, но уже успѣло собрать около себя множество почтенныхъ дѣятелей, писателей, профессоровъ, учителей и журналистовъ. Члены этого общества устраивали систематическіе курсы, литературныя чтенія и концерты въ разныхъ кварталахъ Вѣны по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Тысячи слушателей являлись на эти чтенія и въ прошломъ году, напримѣръ, число этихъ слушателей достигло 70.000. Но общество, къ сожалѣнію, не располагаетъ большими средствами и не имѣетъ возможности нанимать помѣщенія для своихъ чтеній; а поэтому, когда муниципалитетъ запретилъ школамъ предоставлять свои помѣщенія въ распоряженіе общества по праздникамъ, этимъ нанесенъ былъ огромный подрывъ дѣятельности общества. Между тѣмъ общество уже успѣло зарекомендовать себя съ очень почтенной стороны, составило множество народныхъ библіотекъ (въ прошломъ году выдача книгъ изъ этихъ библіотекъ достигла двухъ милліоновъ), и привлекало на свои чтенія массы слушателей изъ среды рабочихъ, чиновниковъ, ремесленниковъ и учителей.

Прежній муниципалитетъ, находившій дѣятельность общества очень полезной, выдавалъ ему субсидію, но нынѣшній составъ муниципалитета, проникнутый реакціоннымъ духомъ нетерпимости и антисемитизма, не только отмѣнилъ субсидію, но и подвергъ, какъ мы видѣли, народное просвѣщеніе настоящему гоненію. Однако, въ Вѣнѣ нашлось не мало людей, сочувствующихъ общеполезной дѣятельности общества. Въ кассу общества стали стекаться пожертвованія, число членовъ его возросло и многіе ферейны, въ томъ числѣ купеческій клубъ, предложили ему свои помѣщенія для устройства публичныхъ чтеній.

Конечно такого рода протесты и манифестаціи, указывающіе на развитіе сознанія въ обществѣ, принадлежатъ къ числу отрадныхъ явленій современной жизни. Но отнюдь нельзя причислить къ таковымъ возмутительныя выходки и антисемитскія демонстраціи, происходившія въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, въ университетѣ, гдѣ профессоръ Масарикъ долженъ былъ даже прекратить чтеніе лекцій, такъ какъ студенты устроили ему грандіозный скандалъ за то, что онъ заклеймилъ антисемитскіе эксцессы и высказался печатно противъ обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ, по поводу знаменитаго Полненскаго процесса. Даже дочь профессора, сдавшая экзаменъ на атестатъ зрѣлости и записавшаяся уже на третій семестръ философскаго курса, подверглась оскорбленіямъ со стороны юдофобствующихъ студентовъ. Въ защиту чешской студенческой молодежи надо впрочемъ сказать, что среди нея нашлось не мало такихъ, которые сочли нужнымъ протестовать противъ поведенія своихъ товарищей и отправили депутацію профессору Масарику.

Общественная жизнь въ Германіи. Вопросъ объ увеличеніи флота, поѣздка императора Вильгельма въ Англію, трансваальская война и отношеніе, къ ней Германіи, а также судьба пресловутаго законопроекта «въ защиту желающихъ продолжать работать», получившаго названіе «Zuchthaus Vorlage» и проникнутаго духомъ Бисмарка—все это составляетъ въ настоящее время предметъ самыхъ оживленныхъ толковъ германской печати. Наибольшее впечатлѣніе произвели пренія Рейхстага и окончательный провалъ за конопроекта. Германское правительство, испытавшее за послѣднее время не одну парламентскую неудачу, давно уже не терпѣло болѣе тяжелаго пораженія. Рейхстагъ проявилъ рѣдкую энергію и послѣ преній, продолжавшихся не болѣе 3—4 часовъ, отвергнулъ законопроектъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, не оказавъ ему даже чести быть переданнымъ въ коммиссію. Такимъ образомъ, сразу рѣшилась судьба законопроекта, волновавшаго за послѣдніе мѣсяца общественное мнѣніе Германіи больше, чѣмъ всѣ другіе правительственные законопроекты. Прошлою осенью, къ концу маневровъ въ Вестфаліи, германскій императоръ произнесъ въ Энгаузенѣ одну изъ своихъ обычныхъ сенсаціонныхъ рѣчей, въ которой въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ отозвался о поведеніи «партій безпорядка», сказавъ, что оно требуетъ примѣненія строгихъ мѣръ и что Рейхстагъ, въ предстоящую сессію долженъ будетъ обсудить мѣропріятія, которыя, должны воспрепятствовать сѣянію, смуты и обезпечить рабочимъ, не желающимъ прекращать работу, свободу продолжать эту работу.

Самый тонъ рѣчи болѣе, нежели ея форма, отчасти нѣсколько туманная, заставили предположить, что будутъ предложены драконовскія мѣропріятія. Такъ и случилось. Дѣйствительно законопроектъ напомнилъ худшія времена Бисмарка съ его исключительными законами и вызвалъ въ печати горячую полемику. Газеты доказывали, что ни общественныя условія, ни потребности промышленности не вызываютъ необходимости въ новыхъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ труда, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежитъ «Zuchthaus-Vorlage». Заводчики и промышленники, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслись къ этому законопроекту очень сочувственно, и нѣкоторыя газеты, горячо возставшія противъ этой мѣры, обратились къ нимъ съ приглашеніемъ откровенно и честно заявить, что въ данномъ случаѣ они преслѣдуютъ лишь свои личные интересы, а вовсе не интересы тѣхъ, «кто желаетъ работать».

Въ виду такого сильнаго возбужденія, можно было ожидать, что законопроектъ вызоветъ въ Рейхстагѣ бурныя пренія, и такое быстрое рѣшеніе вопроса явилось полною неожиданностью. Послѣ перваго чтенія наступили парламентскія вакаціи, и такъ какъ отношеніе къ проекту Рейхстага, а также общества и печати уже успѣло выясниться, то можно было думать, что импе-

раторъ, у котораго теперь было на умѣ другое, не захочетъ вызвать столкновеніе съ Рейхстагомъ какъ разъ въ такой моментъ, когда должна будетъ рѣшаться судьба другого законопроекта—объ увеличеніи флота. Однако, надежды эти не оправдались и назначено было второе чтеніе законопроекта. Положеніе очень быстро настолько выяснилось, что относительно дальнѣйшей судьбы законопроекта не могло уже быть никакихъ сомнѣній. Центръ, подъ предводительствомъ Либера, рѣшилъ его судьбу. Министръ Посадовскій, который долженъ былъ говорить отъ имени правительства, произнесъ нѣсколько ѣдкихъ замѣчаній по адресу большинства. Онъ заявилъ, что не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ судьбы законопроекта, и объявилъ, что Рейхстагъ нарушаетъ всѣ традиціи вѣжливости, поступая такъ грубо съ законопроектомъ и даже не желая передать его въ коммиссію. «Это невѣжливо!» —сказалъ онъ и вызвалъ громкіе протесты и крики: къ порядку»! Министръ, однако, продолжалъ развивать свою мысль и доказывалъ, что въ Англіи, Соединенныхъ штатахъ, Голландіи и Швеціи бывали приняты еще болѣе репрессивныя мѣры. Но это не повліяло и законопроектъ провалился при громкихъ и продолжительныхъ аплодисментахъ, которыми депутаты привѣтствовали результаты голосованія.

Курьезнѣе всего, что на другой день послѣ этого памятнаго засѣданія офиціозныя германскія газеты заявили, что законопроектъ былъ подвергнутъ второму чтенію лишь «для очистки совѣсти» и что императоръ относится теперь къ этому законопроекту довольно равнодушно, такъ какъ его больше занимаютъ другіе вопросы. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что со временъ пресловутыхъ исключительныхъ законовъ 1878 года, проведенныхъ Бисмаркомъ, германскій Рейхстагъ сдѣлалъ большіе успѣхи и можетъ записать въ своемъ активѣ нѣсколько замѣчательныхъ побѣдъ, прибавивъ, къ погребеннымъ уже законопроектамъ: Цейдлицкому школьному законопроекту и «Umsturzvorlage», еще и новый законопроектъ—Zuchthaus-Vorlage.

Такую же горячую полемику въ печати вызываетъ и вопросъ объ изысканіи средствъ на увеличеніе германскаго флота. Изворотливый министръ финансовъ, Микель, предложилъ увеличить пошлину на хлѣбъ по истеченіи срока торговыхъ договоровъ и это предложеніе привело въ восторгъ крупныхъ промышленниковъ, боявшихся увеличенія подоходнаго налога. Одна изъ берлинскихъ либеральныхъ газетъ ехидно замѣчаетъ по поводу патріотическаго энтузіазма заводчиковъ, поставляющихъ пушки и строющихъ броненосцы, что имъ бы слѣдовало проявлять свой патріотизмъ нѣсколько въ иной формѣ. Отчего бы имъ, напримѣръ, не отказаться отъ барышей, которые они наживаютъ при постройкѣ броненосцевъ?

Среди германскихъ промышленниковъ, правда не изъ особенно крупныхъ, встрѣчаются теперь люди, проникнутые сознаніемъ своихъ соціальныхъ обязанностей. На это указываетъ масса добровольныхъ приношеній, дѣлаемыхъ ими въ пользу рабочихъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, существуетъ журналъ, называемый «Arbeiterwohl» который издается однимъ профессоромъ. Журналъ тщательно подводитъ итоги всѣмъ подобнымъ пожертвованіямъ. Оказывается, что за послѣдніе девять мѣсяцевъ сумма, израсходованная на пользу рабочихъ достигла 22-хъ милліоновъ марокъ, да около полутора милліона было пожертвовано фабрикантами на разныя научныя предпріятія. Особенно много жертвуется въ пользу пенсіонныхъ кассъ и кассъ взаимопомощи, санаторій, пріютовъ, а также на устройство различныхъ образовательныхъ учрежденій библіотекъ, театровъ и т. п.

Берлинскій муниципалитетъ, въ противуположность вѣнскому, выказываетъ особую заботливость о просвѣщеніи массъ, назначаетъ субсидіи и открываетъ новыя читальни и библіотеки, число которыхъ въ послѣднее время удвоилось. Недавно берлинскій муниципалитетъ навлекъ на себя неудовольствіе выс-

шихъ сферъ, отказавъ въ выдачѣ субсидіи на постройку одной церкви подъ тѣмъ предлогомъ, что средства города должны служить для удовлетворенія потребностей всѣхъ горожанъ вообще, а не какой-нибудь одной религіозной общины. Такое заявленіе показалось черезъ-чуръ смѣлымъ и оберъ-гофмейстеру двора, барону фонъ-Мирбахъ было поручено выразить неудовольствіе берлинскому муниципалитету. Заодно Мирбахъ долженъ былъ выразить также порицаніе одному изъ членовъ муниципалитета, приватъ-доценту берлинскаго университета доктору Прейссу, который въ своей рѣчи позволилъ себѣ перефразировать одну строфу изъ книги протестантскихъ церковныхъ гимновъ. Говорятъ, что противъ Прейсса будетъ возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе въ университетѣ, но, во всякомъ случаѣ, инцидентъ этотъ вызвалъ не мало толковъ въ германской печати и довольно энергичную отповѣдь Мирбаху, которому «Vossische Zeitung» считаетъ нужнымъ напомнить слова Фридриха Великаго, собственноручно написавшаго 18-го января 1781 года, по поводу однаго религіознаго спора: «Каждый изъ моихъ подданныхъ можетъ вѣрить, какъ онъ хочетъ, лишь бы онъ честно вѣрилъ!» Газета прибавляетъ, что Фридрихъ Великій считалъ устройство школъ во многихъ случаяхъ важнѣе постройки церквей, и такого же взгляда придерживается и берлинскій муниципалитетъ.

Въ Германіи вообще, не въ одномъ только Берлинѣ, замѣчается усиленное движеніе въ пользу народнаго просвѣщенія. Различныя общества,—общество распространенія народнаго образованія и общество этической культуры, усиленно содѣйствуютъ этому. Кромѣ того, многія частныя лица открываютъ на собственные средства читальни для народа. Въ Берлинѣ книгопродавецъ Гартманъ устроилъ образцовую библіотеку и читальню въ центрѣ рабочаго квартала. Въ читальнѣ получаются всѣ выходящія въ Берлинѣ газеты, безъ различія партій, и масса всевозможныхъ журналовъ, справочныхъ книгъ и разныхъ энциклопедическихъ и техническихъ словарей. Въ библіотекѣ же выдаются книги на домъ ежедневно срокомъ на двѣ недѣли и притомъ безплатно и безъ всякаго залога. Чтобы получить книгу, нужно только удостовѣреніе личности читателя какимъ-нибудь ферейномъ или корпораціей, къ которой онъ принадлежитъ, или кассой взаимопомощи.

Женщины также завоевываютъ себѣ все большее и большее мѣсто на поприщѣ народнаго образованія въ Германіи. Еще не такъ давно въ школахъ существовали только учительницы рукодѣлія, а научное преподаваніе находилось исключительно въ рукахъ мужчинъ; теперь же съ каждымъ годомъ число учительницъ возрастаетъ и недавно прусскій министръ просвѣщенія высказался въ пользу того, чтобы учительницы преподавали не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ такъ называемыхъ «höhere Töchterschulen», такъ какъ въ послѣдее время очень многія женщины получаютъ хорошую научную подготовку, вполнѣ удовлетворяющую требованіямъ преподаванія. Интересно, что на педагогическомъ поприщѣ германскія женщины далеко не встрѣчаютъ среди своихъ коллегъ мужчинъ такого враждебнаго отношенія къ себѣ, какъ на медицинскомъ, гдѣ мужчины—врачи всячески стараются тормозить ихъ дѣятельность. Учителя только требуютъ, чтобы трудъ учительницы оплачивался не дешевле. И хотя въ основѣ этого требованія лежитъ опасеніе замѣны ихъ труда болѣе дешевымъ женскимъ трудомъ, но во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія равноправія и справедливости, требованіе это заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія.

Во Франціи. Мы уже сообщали объ открытіи народнаго университета въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Въ настоящее время группа студентовъ предприняла трудъ организовать подобное же дѣло въ Бельвилѣ. Въ основу положена такая же высокая гуманная идея, но самое дѣло нѣсколько отличается

отъ своего образца въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ какъ по формѣ, такъ и по способамъ дѣйствія. Молодые люди устроили въ Бельвилѣ нѣчто вродѣ тѣхъ университетскихъ поселеній, какія въ большомъ числѣ существуютъ въ Англіи и Америкѣ и уже принесли благіе результаты. Цѣль этой молодежи, вдохновившейся примѣромъ парижскихъ дѣятелей,—вызвать сближеніе между рабочими и интеллигентною молодежью для взаимной пользы и обученія. Прежде всего, организаторы стремятся установить постоянныя сношенія между тѣми и другими и съ этою цѣлью члены новоорганизованнаго университетскаго общества наняли помѣщеніе—и нѣсколько молодыхъ людей уже рѣшили тамъ поселиться для того, чтобы ежедневно, по вечерамъ и въ дни отдыха, поддерживать сношенія съ обитателями рабочаго квартала. Эти резиденты составляютъ ядро, вокругъ котораго должна сконцентрироваться вся будущая дѣятельность молодого общества. Современемъ, оно предполагаетъ устраивать чтенія, бесѣды, общественныя увеселенія и организовать юридическія и медицинскія консультаціи для рабочихъ, но вначалѣ члены общества хотятъ только установить тѣсную взаимную связь между интеллигентною молодежью и народными классами, между представителями интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ націи и представителями ея физической и экономической силы. Лучшая часть французскаго общества привѣтствуетъ эти начинанія молодежи самыми благими пожеланіями.

Парижская печать много говоритъ о новой школѣ журнализма, только-что начавшей свою дѣятельность. Французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ, заинтересованный этимъ учрежденіемъ, посѣтилъ его и передаетъ свой разговоръ съ директрисой этой школы, m-elle Дикъ-Мей.

— Я былъ очень удивленъ, узнавъ, что во главѣ этого учрежденія стоитъ женщина,—говоритъ Бриссонъ.—Мнѣ сказали, «повидайтесь съ m-elle Дикъ-Мей. Это талантливая писательница и достойная женщина. Она кузина Карла Маркса и изучала соціологію. Она была сотрудницей графа Шамбреиъ при основаніи «Collège libre des Sciences Sociales». Школа журнализма возникла изъ этого послѣдняго учрежденія».

Я засталъ m elle Дикъ-Мей за работой, но она очень любезно согласилась сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія о новой школѣ. Идея этой школы не нова. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Пенсильваніи журнализмъ составляетъ науку; въ Лиллѣ такъ же, какъ и въ Гейдельбергѣ существуютъ курсы журнализма. Идея же учрежденія такой школы въ Парижѣ принадлежала покойному журналисту Альфреду Базайль. Смерть помѣшала ему осуществить ее и m-elle Дикъ-Мей взялась за это дѣло. Она окружила себя цѣлымъ легіономъ ученыхъ и литераторовъ; Тардъ, Сеньобосъ, Крюппи, Корнели и др. помогали ей.

— Каждое ремесло требуетъ извѣстной подготовки,—сказала она Бриссону,—а журнализмъ вѣдь это ремесло, и только этому ремеслу не считаютъ нужнымъ обучаться! Тѣ, кто посвящаетъ себя этой профессіи, обыкновенно совсѣмъ не знаютъ ни исторіи печати, ни ея эволюціи, ни ея традиціонныхъ обычаевъ и законодательства. Они совершенно не знакомы съ тѣмъ, что дѣлается за границей, съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ и научнымъ, художественнымъ и литературнымъ развитіемъ цивилизованныхъ странъ. Сколько надо пополнить пробѣловъ, сколько надо уничтожить предразсудковъ и ложныхъ взглядовъ и понятій и сколько, въ то же время, надо распространить здравыхъ воззрѣній!

Бриссонъ замѣтилъ, что журнализмъ не только ремесло, но что это—искусство и что если у человѣка есть природный даръ, то онъ легко пріобрѣтетъ тѣ свѣдѣнія, которыя ему нужны, и усовершенствуется въ своемъ искусствѣ. «Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ Бриссонъ,—школа не дастъ ему таланта, если у него его нѣтъ»!

— Мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга,—возразила ему m-elle Дикъ-Мей.—Вы говорите о виртуозахъ журнализма, а я имѣю въ виду скромныхъ сотрудниковъ, такъ какъ во всякой пьесѣ есть, кромѣ первыхъ ролей, еще и второстепенныя, которыя также надо исполнять, какъ слѣдуетъ.

— Кто же ваши слушатели?—спросилъ Бриссонъ.

— Студенты факультетовъ юридическаго и филологическаго, бакалавры, только-что получившіе ученую степень. Есть и женщины, ученыя и романистки и даже просто свѣтскія женщины. Недавно редакція одного феминистскаго органа, въ полномъ своемъ составѣ, выразила желаніе посѣщать лекціи. Условія поступленія въ школу журнализма не затруднительны: тридцать франковъ въ годъ. По окончаніи курса выдается свидѣтельство. Впрочемъ, многіе изъ неофитовъ журнализма все-таки не совсѣмъ довольны и желали бы, чтобы школа обезпечивала имъ кромѣ того мѣсто въ журналистикѣ, по окончаніи курса. Избѣжать разочарованій и ошибокъ мы не можемъ, но нужно, чтобы въ борьбѣ за существованіе каждый запасался оружіемъ, которое ему необходимо для собственной защиты. Не все ли равно, на какой дорогѣ упасть, если паденія избѣжать нельзя...

«Разставшись съ m-elle Дикъ-Мей—говоритъ Бриссонъ,—я невольно подумалъ о томъ, какую трудную задачу берутъ на себя организаторы новыхъ школъ, превосходные профессора, искренно увлеченные своею идеей. Въ состояніи ли они будутъ погасить то пламя честолюбивыхъ стремленій, которое они невольно зажгутъ въ душѣ своихъ слушателей, ту жажду славы и погоню за обманчивыми химерами, которую они вызовутъ. Они создадутъ вокругъ себя цѣлый классъ кліентовъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимали древніе римляне, и эти кліенты, пристегнутые къ ихъ судьбѣ, будутъ собирать крохи съ ихъ стола. Чтобы избѣжать этого, они должны безжалостно относиться къ ложнымъ призваніямъ и не щадить самолюбій, отсылая часть своихъ учениковъ на ихъ прежнія мѣста, въ конторы нотаріуса или за прилавокъ... Мнѣ страшно стало при мысли, сколько несчастныхъ бросится теперь въ погоню за золотымъ руномъ и никогда его не добудетъ!»

Мнѣніе Адольфа Бриссона раздѣляется многими старыми опытными журналистами, но тѣмъ не менѣе большинство молодыхъ увлекается идеей школы журналистики и пророчитъ ей славную будущность. Занятія въ школѣ уже начались, но еще такъ недавно, что о системѣ преподаванія этой новой науки ничего нельзя сказать; результаты же, вѣроятно, не заставятъ себя ждать.

Въ этомъ же году открываетъ свою дѣятельность еще одна новая школа—«школа нравственности» (Ecole de morale), также устроенная при коллегіи. M-elle Дикъ-Мей сообщаетъ въ «Revue des Revues» краткія свѣдѣнія, касающіяся программы этой школы и дѣятелей, принявшихъ участіе въ ея устройствѣ. Въ совѣтѣ администраціи этой школы, предсѣдателемъ котораго состоитъ Бутру, мы встрѣчаемъ массу громкихъ и почтенныхъ именъ современной Франціи: Тардъ, Сеайль, Фулье, Жидъ, Шарль Рише, Дюкло, Бертело, Круазе и мн. др. Программа еще не велика. Курсъ этого года заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы: Нравственность по Огюсту Конту (проф. Д-ръ Дельбе); первобытныя формы нравственности (проф. Мариллье); права человѣка (проф. Момюсъ); наука и интернаціонализмъ (Шарль Рише); проблема обученія нравственности (Таменъ); добро и его карикатуры (пасторъ Вагнеръ).

Кромѣ курса, въ школѣ будутъ устроены такъ называемыя «Conférences» по слѣдующимъ предметамъ: роскошь (Бело); условія дѣйствія (Бернесъ); наука и нравственность (Бутру); отношенія нравственнаго воспитанія къ религіозному воспитанію (Бюиссонъ); общій взглядъ на нравственность древне-греческаго міра (Круазе); христіанская нравственность и современное сознаніе (Дарлю); Этика Гюйо (Фурньеръ); милосердіе по отношенію къ животнымъ

(Жидъ); Эволюція мира (Мотъ, Маланеръ и Сеайлль); Фридрихъ Ницше и его реформа нравственности (Е. де Роберти); идея правосудія и наука (Сорель).

Учредители этой новой школы говорятъ, что дѣятельность ея только намѣчена въ общихъ чертахъ и что ей предстоитъ дальнѣйшее развитіе. Но въ основу своей дѣятельности школа ставитъ отсутствіе предвзятыхъ понятій и полную свободу изслѣдованія, и въ соединеніи чистой теоріи съ практическимъ примѣненіемъ она видитъ главный залогъ успѣха въ будущемъ. Такимъ образомъ, прежняя коллегія, существующая уже пятый годъ, теперь распалась на три школы: собственно Collège des sciences sociales; Ecole de journalisme и Ecole de Morale, а въ будущемъ, какъ говоритъ M-elle Дикъ-Мей, къ нимъ должна будетъ присоединиться еще четвертая—«Ecole d'art social».

Скандинавскія женщины. Женское движеніе въ Скандинавскихъ странахъ въ общихъ чертахъ чрезвычайно напоминаетъ такое же движеніе въ Англіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь піонеры перваго движенія прежде всего позаботились о томъ, чтобы повысить уровень образованія женщинъ, такъ какъ только такимъ путемъ можно было вывести женщину изъ ея зависимаго положенія. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Швеціи почти не существовало школъ для дѣвочекъ и государство заботилось только о воспитаніи мальчиковъ. Поэтому тѣ, кто хотѣлъ помочь женщинамъ выйти изъ ихъ подчиненнаго состоянія, должны были изыскивать средства для открытія женскихъ школъ, а впослѣдствіи добиться, законодательнымъ путемъ, разрѣшенія женщинамъ преподавать въ школахъ. Законопроектъ, утверждающій права женщинъ въ этомъ отношеніи, былъ вотированъ въ 1859 году и вскорѣ за нимъ послѣдовали другіе, расширяющіе права женщинъ на образованіе. Въ 1861 году былъ вотированъ законопроектъ объ учрежденіи высшей женской школы и семинарій для образованія женщинъ учительницъ, а въ 1870 году послѣдовало разрѣшеніе женщинамъ слушать университетскіе курсы и добиваться ученыхъ степеней наравнѣ съ мужчинами, изучать медицину въ тѣхъ же самыхъ университетахъ и заниматься потомъ практикой.

Идея совмѣстнаго воспитанія также пустила глубокіе корни въ Скандинавскихъ странахъ. Впервые опытъ былъ сдѣланъ въ національныхъ школахъ, и такъ какъ результаты оказались вполнѣ удовлетворительными въ низшихъ школахъ, то и въ системѣ высшаго обученія женщинъ былъ введенъ тотъ же принципъ. Самая старинная изъ школъ, гдѣ практикуется совмѣстное обученіе, находится въ Стокгольмѣ; она получаетъ субсидію отъ государства и послужила образцомъ для финляндскихъ школъ. Съ 1875 г. женщины допущены въ Копенгагенскій университетъ и могутъ получать ученыя степени на всѣхъ факультетахъ, за исключеніемъ богословскаго. Въ Норвегіи женщины допущены въ университеты въ 1828 году.

Послѣ уравненія воспитанія, другимъ важнымъ вопросомъ явилось обезпеченіе экономической независимости женщинъ. Съ этою цѣлью былъ вотированъ шведскимъ Риксдагомъ цѣлый рядъ законопроектовъ, открывающій имъ доступъ въ различныя учрежденія и обезпечивающій права собственности замужней женщины. Множество профессій было открыты для женщинъ и движеніе стало быстро распространяться во всѣхъ скандинавскихъ странахъ. Слѣдующій примѣръ указываетъ, до какой степени, еще сравнительно недавно, женщинамъ въ Даніи былъ закрытъ доступъ ко многимъ профессіямъ. Когда во время войны 1863 г. датчанки обратились съ просьбой разрѣшить имъ ухаживать за больными и ранеными въ госпиталяхъ, то имъ было отказано на томъ основаніи, что въ то время эта профессія была закрыта для женщинъ.

Женскій трудъ получаетъ въ настоящее время очень широкое примѣненіе въ Скандинавскихъ странахъ, но единственнымъ темнымъ пятномъ въ этой кар-

тинѣ служитъ то, что женскій заработокъ все-таки стоитъ ниже мужскаго. Этотъ вопросъ неравенства заработной платы, при одинаковомъ трудѣ, является, по мнѣнію сторонниковъ женскаго движенія, однимъ изъ жгучихъ вопросовъ современной жизни во всѣхъ странахъ и настоятельно требуетъ своего правильнаго разрѣшенія.

Что касается муниципальныхъ правъ и привилегій, то скандинавскія женщины пользуются ими въ одинаковыхъ размѣрахъ, какъ и англичанки. Въ Финляндіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи женщины имѣютъ право участвовать въ муниципальныхи выборахъ и сами могутъ быть выбраны въ школьные совѣты. Въ Швеціи женщины уже въ 1862 году могли участвовать въ выборахъ въ муниципальные совѣты и въ выборахъ делегатовъ отъ провинцій и, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ они уже участвовали въ выборахъ въ первую палату.

Что касается политическихъ правъ женщины, то въ этомъ отношеніи Норвегія опередила всѣхъ. Въ норвежскій стортингъ уже внесенъ законопроектъ о дарованіи женщинамъ политическихъ правъ и сторонники этой реформы рѣшили поддерживать въ странѣ агитацію до тѣхъ поръ, пока ихъ усилія не увѣнчаются успѣхомъ. Въ Швеціи такой же законопроектъ былъ внесенъ въ 1884 году въ первую палату, но его отвергли, даже безъ всякаго голосованія, а во второй палатѣ онъ былъ подвергнутъ голосованію и отвергнутъ 53-мя голосами противъ 44—большинство, во всякомъ случаѣ, не очень внушительное. Успѣхи, достигнутые скандинавскими женщинами въ такое сравнительно короткое время, служатъ ручательствомъ, что въ области женскаго движенія скандинавскія страны будутъ идти впереди другихъ европейскихъ государствъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Fornightly Review».—«Revue des Deux Mondes».—«The Chautauquan».

За послѣдніе двадцать лѣтъ въ мусульманскомъ мірѣ обнаруживаются признаки серьезнаго движенія, которое организуется для борьбы съ христіанскимъ міромъ. «Европейскія державы,—говоритъ «Revue de Paris» въ статьѣ, посвященной вопросу объ успѣхахъ распространенія мусульманской пропаганды—знаютъ, что среди ихъ мусульманской подданныхъ духъ возмущенія никогда не исчезалъ совершенно. Державамъ этимъ не разъ приходилось подавлять возстанія, въ основѣ которыхъ лежала религіозная экзальтація и поэтому новые признаки, пробудившагося мусульманскаго фанатизма, не должны были бы удивлять никого, еслибъ не то, что они одновременно появляются на различныхъ пунктахъ земного шара и обусловливаются такими обстоятельствами, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія европейскихъ государствъ. Побѣды турокъ въ Ѳессаліи вызвали ликованіе мусульманъ рѣшительно во всѣхъ уголкахъ міра, гдѣ увидѣли въ этой побѣдѣ торжество ислама. Во всѣхъ мечетяхъ совершались молебствія; въ Каирѣ и Александріи, также какъ и въ Пэнджабѣ, въ Марокко и Тунисѣ и разныхъ другихъ странахъ праздновали побѣду турецкаго оружія. Въ тайныхъ собраніяхъ фанатическихъ «хуановъ» (членовъ одного мусульманскаго братства), происходившихъ по ночамъ, взывали къ Аллаху и его пророку о сотвореніи чуда и изгнаніи «Руми» (невѣрныхъ) изъ священныхъ земель Ислама... Арабская газета «El Monayed», издающаяся въ Танжерѣ, напечатала статью подъ весьма знаменательнымъ заглавіемъ: «Возможно ли вернуть востоку его прежнія славу и значеніе, при помощи Ислама?» Мусульмане на крайнемъ востокѣ также зашевелились. Въ голландской Индіи, на Филип-

пинахъ, въ центральной Азіи, всюду замѣчаются тревожные признаки броженія и весь міръ ислама словно охваченъ лихорадочнымъ духомъ»...

Такіе признаки пробужденія мусульманскаго фанатизма не могли не обратить на себя вниманія европейскихъ правительствъ и общественнаго мнѣнія, еще не вполнѣ успокоившагося послѣ ужасныхъ армянскихъ побоищъ. Европейская печать заговорила о возрожденіи «панисламизма», въ pendant къ «панславизму, пангерманизму, папэлленизму» и т. п. проявленіямъ національностскихъ тенденціи въ Европѣ.

Панисламистская агиація возникла въ Средней Азіи въ эпоху завоеванія Туркестана и Хивинскаго ханства. Одинъ изъ Коканскихъ вождей началъ тогда проповѣдывать крестовый походъ противъ завоевателей мусульманской земли, русскихъ и англичанъ, но Англія, зорко слѣдившая за всѣмъ этимъ, постаралась отвратить отъ себя эту опасность и отвлечь ее въ сторону Россіи. Когда вспыхнула русско-турецкая война, Англія хотѣла защищать Турцію, но такъ какъ ни одна держава не присоединилась къ ней, то лордъ Биконсфильдъ задумалъ привлечь Персію и Афганистанъ и соединить ихъ вмѣстѣ съ Турціей противъ Россіи. Шахъ обѣщалъ выслать на помощь 90,000 курдовъ. Но нужно было еще заручиться содѣйствіемъ афганскаго эмира Ширъ-Али.—Абдулъ Гамидъ попробовалъ было пустить въ ходъ свой авторитетъ какъ повелителя правовѣрныхъ, но Ширъ-Али отвѣчалъ, что дружба англичанъ—это «слова, написанныя на льду», и выразилъ удивленіе султану, что англичане, соединенные съ нимъ узами старинной дружбы, не поддерживаютъ его въ тотъ моментъ, когда русскіе приближаются къ его резиденціи. Такимъ образомъ, планъ этотъ рушился, благодаря сопротивленію эмира, и русско-турецкая война окончилась безъ вмѣшательства Англіи. Но событія 1878 г. нанесли огромный ущербъ нравственному авторитету султана Абдуль-Гамида. Турокъ сдѣлали отвѣтственными за новыя потери Ислама и Исламистскій союзъ обратился противъ нихъ, принявъ наименованіе «панаравійской лиги», и такимъ образомъ стремленія арабской расы, притѣсняемой турками, всѣ ея мечты о независимости сосредоточились теперь вокругъ Мекки.

Въ первые мѣсяцы царствованія Абдуль-Гамида, политическая партія «Молодая Турція» вообразила, что ей удастся спасти государство отъ гибели отдѣленіемъ религіозной власти отъ свѣтской. Мидхатъ Паша, предоставивъ султану религіозный престижъ Калифата, политическую власть передалъ въ руки министерства отвѣтственнаго передъ парламентомъ, въ которомъ мусульманскій элементъ былъ смѣшанъ съ христіанскимъ. Но Абдуль-Гамидъ остановилъ эту реформу въ самомъ ея зародышѣ и постарался избавится отъ реформаторовъ, отправивъ ихъ въ изгнаніе. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ чисто номинальнаго существованія, парламентъ былъ распущенъ и теократическій режимъ возобновленъ.

Политическое могущество Ислама, безъ сомнѣнія очень, упало, но религіозное продолжаетъ и теперь расширяться; съ каждымъ днемъ Исламъ пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, не прибѣгая для этого къ оружію. Когда умеръ пророкъ въ 632 году, то послѣдователи его едва могли набрать войско въ 8,000 человѣкъ; теперь же насчитывается 260 милліоновъ мусульманъ во всемъ мірѣ. За послѣдніе 10 лѣтъ мусульманское населеніе Индіи увеличилось на три милліона и число ежегодныхъ обращеній въ мусульманство достигаетъ 50,000. Комерсанты, ремесленники, паломники и факиры—все это тайные апостолы Ислама. Одинъ факиръ, напримѣръ, обратилъ въ Исламъ цѣлую деревню, въ которой нѣсколько лѣтъ тщетно трудились пресвитеріанскіе миссіонеры. Все увеличивающееся число мусульманскихъ газетъ и журналовъ въ Индіи, Африкѣ и Турціи помогаетъ развитію духа солидарности, враждѣ мусульманъ всѣхъ странъ и распространенію уніонистской идеи. Въ Китаѣ исламизмъ пустилъ глубокіе корни съ давнихъ временъ и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ тѣхъ

переворотахъ, которые подготовляются на крайнемъ востокѣ, исламъ будетъ играть не послѣднюю роль. Распространеніе мусульманскихъ религіозныхъ общинъ подобно гигантской паутинѣ, центръ которой находится въ Меккѣ и которая на юго востокѣ захватываетъ Малайскій архипелагъ и австралійскіе острова. Малайскіе мусульмане поддерживаютъ постоянныя сношенія съ Меккой и способствуютъ распространенію ислама въ Австраліи и Океаніи среди языческаго населенія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что религія Магомета содѣйствуетъ нравственному и соціальному возвышенію фетишистскихъ народовъ Малайскаго архипелага и Чернаго континента.

По мнѣнію автора статьи въ «Revue de Paris», панисламистское движеніе несомнѣнно угрожаетъ Европѣ опасностями, такъ какъ міръ ислама хотя и состоитъ изъ разныхъ элементовъ, но воодушевленъ однимъ общимъ пылкимъ и фанатическимъ стремленіемъ. Разумѣется, трудно ожидать, чтобы всѣ мусульманскіе народы соединились въ одномъ общемъ усиліи, но тѣмъ не менѣе вездѣ, гдѣ только существуетъ пропаганда ислама, замѣчается сильное броженіе и, во всякомъ случаѣ, панисламизмъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова.

Въ «Fortnightly Review» напечатаны двѣ статьи, посвященныя трансваальскому вопросу, но высказывающія діаметрально противоположныя точки зрѣнія. Въ одной статьѣ авторъ доказываетъ, что республика буровъ въ дѣйствительности находится въ зависимости отъ Англіи. Республика не имѣетъ права заключать какіе бы то ни было договоры безъ согласія Англіи, и, слѣдовательно, послѣдняя имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла Трансвааля. Англія, по мнѣнію автора, должна воспользоваться этимъ правомъ, не взирая ни на что.

Совершенно иная точка зрѣнія высказывается въ другой статьѣ, авторъ которой ставитъ на видъ, что Трансваальская республика оказалась далеко не такою слабой, какъ это думали въ началѣ, и на самомъ дѣлѣ права Англіи — скорѣе призрачнаго свойства. Буры могутъ выставить, по вычисленію автора, не менѣе 92.300 солдатъ. Но даже если предположить, что они будутъ побѣждены, то что же выиграетъ отъ этого Англія? «Мы англичане, — говоритъ авторъ, — не можемъ быть ни земледѣльцами, ни пастухами. Какъ только золото въ Трансваалѣ изсякнетъ, то англичане, представляющіе изъ себя кочевое населеніе Трансвааля, уйдутъ, а буры останутся. Спустя пятьдесятъ лѣтъ англичанъ можно будетъ встрѣтить только въ нѣкоторыхъ городахъ, внутренность же страны будетъ занята бурами. Обѣ расы, буры и англичане, окружены многочисленнымъ туземнымъ населеніемъ, далеко превышающимъ ихъ своею численностью. Это обстоятельство должно бы заставить ихъ теперь же призадуматься надъ вопросомъ: зачѣмъ сѣять ненависть и вражду между двумя европейскими расами, затерянными среди варварскихъ народовъ Африки и имѣющими столько общихъ интересовъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ?» Въ заключеніе авторъ взываетъ къ великодушію своей націи и совѣтуетъ англичанамъ прекратить кровопролитную братскую войну и соединиться вмѣстѣ для общаго дѣла цивилизаціи и прогресса.

Въ «Revue des Deux Mondes» помѣщена статья Шарля Бенуа «Europe sans Autriche», въ которой подробно изслѣдуется современное положеніе австрійской монархіи, раздираемой націоналистскими тенденціями, и выдвигается на сцену гипотеза о возможности распаденія Австріи. Авторъ разсматриваетъ эту гипотезу съ точки зрѣнія ея вѣроятности. Связь между различными народностями Австро-Венгріи поддерживается въ настоящее время только личностью императора Франца-Іосифа и при его преемникѣ легко можетъ произойти распаденіе. Очень естественно, что такая гипотеза заставляетъ всѣ европейскія державы слѣдить съ особеннымъ интересомъ за развитіемъ событій въ Австро-Венгріи.

Не отрицая возможности такого исхода, авторъ статьи все-таки не считаетъ его абсолютно неизбѣжнымъ, такъ какъ вражда расъ и національностей не настолько велика, чтобы не допускать никакого другого рѣшенія. Отдѣльныя національности Австріи скорѣе тяготѣютъ къ федерализму, нежели къ дизлокаціи. Что же касается сосѣднихъ державъ, то, по мнѣнію автора, онѣ только проиграютъ отъ распаденія австрійской монархіи, хотя и явятся ея наслѣдницами. Германія значительно увеличитъ свою территорію присоединеніемъ нѣмецкихъ провинцій, но за то она очутится именно въ томъ положеніи, которое Бисмаркъ всегда желалъ избѣжать, т. е. мѣсто «прусской и протестанской» Германіи займетъ «католическая и австрійская Германія». Старинный антагонизмъ между Вѣной и Берлиномъ вспыхнетъ съ новою силой. Что же касается Россіи, то врядъ ли она что-нибудь выиграетъ отъ присоединенія столь разнообразныхъ славянскихъ національностей, которыя ей будетъ очень трудно ассимилировать. Италія же останется въ накладѣ, потому что она, конечно, будетъ принесена въ жертву при дѣлежѣ Австріи и не получитъ Тріеста, который возьметъ себѣ Германія, чтобы имѣть выходъ къ Адріатическому морю. Такое измѣненіе карты Европы должно явиться источникомъ очень большихъ опасностей, и въ интересахъ всѣхъ европейскихъ государствъ поддерживать существованіе Австрійской монархіи. Подробно разобравъ всѣ условія, дѣлающія существованіе Австріи необходимымъ для спокойствія Европы, авторъ приходитъ къ заключенію, что «еслибъ не было Австріи, то ее пришлось бы выдумать!»

Сѣверо-американскіе негры съ гордостью произносятъ имя Веньямина Баннекера, астронома и математика, о работахъ котораго Кондорсе отзывался съ большою похвалой. Въ біографическомъ очеркѣ, напечатанномъ въ американскомъ журналѣ «The Chantauquan» разсказывается, что Веньяминъ Баннекеръ былъ внукомъ одного африканскаго царька. Отецъ его, сынъ этого царька, былъ вывезенъ въ Америку и проданъ въ рабство. Его купила одна ссыльная англичанка, Молли Уэльтъ, вмѣстѣ съ другимъ негромъ, а затѣмъ, по истеченіи пяти лѣтъ, она освободила обоихъ и вышла замужъ за Баннекера. Отъ этого брака родилась дочь, которая вышла замужъ также за африканца, но уже свободнаго, и принявшаго фамилію своей жены. Сынъ ихъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи гордостью своей расы, родился слѣдовательно не рабомъ, такъ какъ родители его были свободные граждане. Его бабушка англичанка научила его читать и въ дѣтствѣ онъ посѣщалъ элементарную школу, но этимъ и ограничилось все его образованіе. Любознательный негръ находилъ, однако, время урывками между полевыми работами читать книги, которыя онъ доставалъ у сосѣдей и такимъ образомъ пополнять свое образованіе.

Первою его работой, снискавшей ему уваженіе всѣхъ его соотечественниковъ, было сооруженіе башенныхъ часовъ въ Патапако. Онъ никогда раньше не видалъ башенныхъ часовъ и воспользовался своими карманными часами, какъ моделью. Это были первые часы, каждая частица которыхъ была сдѣлана въ Америкѣ, и они составили славу Баннекера. На него обратили вниманіе два брата Илликотъ, чрезвычайно образованные англійскіе квакеры. Баннекеру было 45 лѣтъ, когда одинъ изъ братьевъ Илликотъ ссудилъ его различными книгами по астрономіи и математикѣ и астрономическими инструментами, употребленіе которыхъ онъ однако забылъ объяснить своему другу негру. Тѣмъ не менѣе эти книги и инструменты открыли Баннекеру цѣлый новый міръ и съ этого момента астрономія сдѣлалась главною страстью его жизни. Ограничивъ свои матеріальныя потребности до наивозможнаго минимума, онъ проводилъ ночи за наблюденіями звѣздъ, а дни за математическими вычисленіями, а въ часы отдыха, въ сумерки, онъ усаживался обыкновенно въ своемъ огородѣ, подъ ивой и игралъ

на фрейтѣ или на скрипкѣ. Надо еще прибавить, что онъ сочинялъ стихи и самъ перекладывалъ ихъ на музыку.

Благодаря тому, что онъ все свое время отдавалъ математикѣ и астрономіи, его хозяйство пришло въ упадокъ и ему пришлось бы терпѣть сальную нужду, если бы не его друзья квакеры, которые пришли къ нему на помощь. Они купили у него ферму, обязавшись выплачивать ему годичную пенсію. Такимъ образомъ онъ былъ освобожденъ отъ матеріальныхъ работъ и ничто уже не могло мѣшать ему заниматься его любимою наукой.

Ему было 61 годъ, когда онъ составилъ научный астрономическій календарь, вызвавшій горячее одобреніе всѣхъ выдающихся астрономовъ Америки. Многіе изъ нихъ высказали по поводу этого труда что онъ долженъ разрушить «укоренившійся съ давнихъ поръ и несправедливый взглядъ на чернокожихъ». Это было вѣнцомъ всей жизни Баннекера. Съ этого времени онъ ежегодно составлялъ новый календарь, пока старость и болѣзни не лишили его возможности работать. Но слава, пришедшая къ нему подъ конецъ его жизни, не сдѣлала его тщеславнымъ; онъ остался такимъ же скромнымъ человѣкомъ, какъ былъ всю свою жизнь, и гордился не своими научными, работами, а тѣмъ, что побѣдилъ въ себѣ страсть къ спиртнымъ напиткамъ которая существовала у него въ молодости и грозила погубить его.

Баннекеръ умеръ въ 1809 году. Ни мѣсто его рожденія, ни его могила неизвѣстны и единственнымъ памятникомъ этого геніальнаго негра служитъ школа для негровъ въ Вашингтонѣ, носящая его имя.

Южно-африканская драма.

Первый періодъ южно-африканской войны закончился. Все, что могли буры извлечь изъ своей смѣлой рѣшимости—начать войну первыми, не дожидаясь окончанія англійскихъ военныхъ приготовленій,—все это уже достигнуто ими. Тѣмъ временемъ англійскія подкрѣпленія доставлены на материкъ Африки и подведены къ театру войны: война вступаетъ во второй періодъ.

Прилагаемая карта даетъ возможность читателямъ «Міра Божія» ориентироваться въ общемъ ходѣ войны (до средины ноября стараго стиля» *). Для поясненія ея напомнимъ общую связь событій.

Формальной причиной войны былъ, какъ извѣстно, споръ о правахъ англійскихъ подданныхъ, поселившихся въ Трансваалѣ, и объ облегченіи имъ вступленія въ число полноправныхъ гражданъ послѣдняго. Но реальная причина другая: это—давнишнее желаніе англичанъ расширить свои верховныя права надъ Трансваалемъ и Оранжевой республикой. Недовольство трансваальскихъ «уитлендеровъ» служитъ только поводомъ для вмѣшательства и для достиженія главной цѣли англичанъ. Уже въ 1895 году Чамберленъ принялъ подъ свое покровительство революціонное движеніе уитлендеровъ въ Іоганнесбургѣ и подмѣнилъ его первоначальную цѣль—сверженіе президента Крюгера—своей собственной, присоединеніемъ Трансвааля къ британской имперіи. Едва успѣлъ затихнуть скандалъ, вызванный неудачнымъ набѣгомъ Джемсона, какъ Чамберленъ принялся за дѣло съ другого конца. Губернаторъ Капской колоніи, сэръ Альфредъ

*) Карта составлена И. П. Поддубнымъ. Западный и южный районы военныхъ дѣйствій представлены въ уменьшенномъ масштабѣ; восточный районъ—главный въ первомъ періодѣ войны—составляетъ главное содержаніе карты. Зеленыя черты указываютъ направленіе различныхъ отрядовъ, сошедшихся изъ разныхъ пунктовъ Трансвааля и Оранжевой республики. Интересующіеся спеціально ходомъ военныхъ дѣйствій, могутъ обратиться къ подробному изданію И. П. Поддубнаго: «10 картъ войны Англіи съ бурами».

Мильнеръ, предъявилъ Крюгеру требованіе, чтобы срокъ пребыванія въ Трансваалѣ лицъ, имѣющихъ право получить гражданство, былъ сокращенъ до пяти лѣтъ. Что требованіе это было только предлогомъ для разрыва, видно изъ того, что когда Крюгеръ по существу на него согласился, Чамберленъ рѣзко объявилъ неудобопріемлемыми тѣ второстепенныя оговорки, которыми президентъ Трансвааля обставилъ свою уступку. Англійское правительство не отказывалось продолжать переговоры, но предлагало Трансваалю обождать, пока оно формулируетъ новыя предложенія,—съ очевидной цѣлью затянуть разрывъ до окончанія своихъ приготовленій. «Это похоже на то,—сказалъ по этому поводу въ парламентѣ Кортней,— какъ если бы двое людей спорили, и одинъ изъ нихъ сказалъ бы: «скажите же мнѣ, чего вамъ надо», а другой бы отвѣтилъ: «подождите минутъ пять, я вернусь съ заряженнымъ револьверомъ и тогда скажу вамъ, чего мнѣ надо». Трансваальское правительство, естественно, не захотѣло быть предметомъ этой кровавой иронiи, и предпочло само поставить англичанамъ ультиматумъ. Оно требовало, чтобы всѣ англійскія войска были удалены съ границъ и всѣ подкрѣпленія, присланныя въ Африку съ мая,—вызваны назадъ. Крюгеръ зналъ, на что онъ идетъ, дѣлая эти предложенія. Уже съ 1895 года онъ втихомолку готовился къ войнѣ, плохо вѣря въ лояльность Англіи; теперь наступило время воспользоваться приготовленіями и удивить ничего не подозрѣвавшихъ о нихъ англичанъ. Вооружившись съ мала до велика, буры уже стояли на границѣ; въ своемъ лагерѣ, въ Фолькрустѣ, эти полумужики-полусолдаты «распѣвали тѣ же псалмы, которые когда-то воспламеняли и закаляли армію Кромвеля». По истеченіи срока ультиматума, они тремя колоннами вторгнулись въ Наталь (см. нашу карту). На сѣверѣ былъ быстро занятъ Лэнгсъ-некъ и первый значительный городъ на пути, Ньюкестль, безъ выстрѣла очищенъ англичанами. Армія Оранжевой республики проникла въ Наталь южнѣе, черезъ проходъ Тинтва. Наконецъ, третій отрядъ, состоявшій изъ іоганнесбургскихъ добровольцевъ, въ томъ числѣ и уитлендеровъ, двинулся черезъ Биггарсбергъ. Въ ближайшіе же дни въ англійскихъ газетахъ стали появляться телеграммы, одна другой утѣшительнѣе. При Гленко—буры были отброшены; потомъ при Эландсъ-лагте совершенно раздавлены; наконецъ, у Ритфонтейна—блестящимъ образомъ побѣждены. Можно себѣ представить изумленіе и негодованіе англійскихъ читателей, когда, въ результатѣ этихъ мнимыхъ побѣдъ, англійскія войска стали быстро очищать позиціи и уходить назадъ, оставляя въ рукахъ буровъ своихъ плѣнныхъ. Генералъ Саймонсъ, раненый подъ Гленко, умеръ въ Денди на рукахъ враговъ, генералъ Уайтъ «счастливо ретировался» къ Ледисмиту, куда и буры стали стягивать свои войска. Одна изъ рекогносцировокъ ген. Уайта кончилась инцидентомъ, которому суждено стать знаменитымъ въ лѣтописяхъ военныхъ анекдотовъ. Мулы, испуганные паденіемъ камней съ горы, бѣжали и увезли съ собой всю артиллерію и большую часть ружейныхъ запасовъ. Въ результатѣ, горная батарея и значительная часть двухъ полковъ, въ составѣ болѣе тысячи человѣкъ, сдалась въ плѣнъ бурамъ. Въ слѣдующія недѣли трансваальскія войска обошли Ледисмитъ съ юго-востока, заняли станцію Колензо, отрѣзавъ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Питермарицбургомъ, направились противъ послѣдняго и успѣли на короткое время отрѣзать англійскія войска генерала Гильярда въ Эсткортѣ.

Одновременно съ этими дѣйствіями на главномъ театрѣ войны, въ Наталѣ, буры дѣйствовали также на западѣ и на югѣ. На западѣ они овладѣли линіей желѣзной дороги, идущей вдоль границы и соединяющей Родезію съ Капландомъ. Два болѣе значительные города на этой линіи, Мефкингъ и Кимберлей, были окружены войсками буровъ; въ послѣднемъ былъ осажденъ и знаменитый иниціаторъ Южно-африканской компаніи, авторъ грандіозныхъ плановъ и

29
28
Вилдсалспортъ
Аландварне
Колдстреамъ
Вреде
Г. Бота
Г. Тсмсб-
окхокъ
Г. Амаюба
Ньюкэстль
Одендаль
Вите Коппонъ
Кенигсбергъ
Г. Меланье
Тантьесъ
деБьеръ
Харисмитъ
Реененъ пр.
Бецундехаоутъ пр.
Сундей
Н
Клипъ
Ландслаагте
Лэдисмитъ
ЗАПАДНЫЙ РАЙОНЪ
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
Пелла
Цееруст
Раматлабама
Рустенбургъ
Хебронъ
Вальманcталь
Преторія
Мэфекингъ
Г. Уэйтъ Уэтеръ
Марибогo
Сетлагоги
Лихтенбургъ
Вентерсдорпъ
Іоганесбургъ
Хейдельб.
Стелалэндъ
Врибургъ
Почефстроомъ
Клерксдорпъ
Францфортъ
Вальмаранштадъ
Гейльбронъ
Блоемгофъ
Кронштадтъ
Христіанія
Хопештадтъ
Линдлей
Зап.
Грикалэндъ
Кимберлей
Босховъ
Брандфордъ
Винбургъ
Харисмитъ
Фиксбургъ
Блоем-
фаунтенъ
Якобсдалъ
ОРАНЖЕВАЯ РЕСП.
БАЗУТО
ЛЭНДЪ
Питерм
Драконовы г.
Рама
Эденбургъ
Филиппполисъ
Смиффильдъ
Руксвиль
Бетули
Хановеръ
Колесбергъ
Бурферсдорпъ
Барклы
Ричмондъ
Мидделбургъ
Таркаштадтъ
Муррейсбургъ
Квинстоунъ
Крадокъ
Тсомо
Абердинъ
Редфордъ
Комга
Янсенвилль
Виламстоунъ
Грахамстоунъ
Педди
Естъ Лондонъ
Уитенхаджъ
Батурсъ
П. Альфредъ
М. Падронъ
Александрія
М. Решифъ
П. Елисаветы
Юмансдорпъ
М. Силь
Пи
движ
НА
Масш
1:150

виновникъ всѣхъ англійскихъ успѣховъ послѣдняго времени въ южной Африкѣ, Сесиль Родсъ, именемъ котораго названа Родезія. Всѣ усилія буровъ были съ этихъ поръ сосредоточены на томъ, чтобы взять оба города раньше прибытія англійскихъ подкрѣпленій. Въ Наталѣ же, послѣ настойчивыхъ, хотя и безуспѣшныхъ попытокъ овладѣть Ледисмитомъ, сдача котораго ожидалась со дня на день, главнокомандующій буровъ, Жуберъ, предпринялъ рѣшительное движеніе на югъ, къ Питермарицбургу.

Прибытіе на мѣсто дѣйствій свѣжихъ англійскихъ войскъ остановило успѣхи буровъ. На западномъ театрѣ генералъ Метуэнъ въ трехъ упорныхъ сраженіяхъ заставилъ буровъ отступить къ сѣверу, а потомъ къ востоку, и пытался пробиться до Кимберлея. На восточномъ театрѣ генералъ Клери возстановилъ сношенія съ Эсткортомъ и заставилъ Жубера отойти назадъ на сѣверъ, къ Колензо. Но этимъ пока и ограничились успѣхи англичанъ. «Блестящія побѣды» Метуэна оказались болѣе чѣмъ сомнительными; онѣ сопровождались такой страшной потерей людей и тратой военныхъ запасовъ, что Метуэну пришлось остановиться и ждать подкрѣпленій, прежде чѣмъ онъ попытается перейти рѣку Моддеръ, отдѣляющую его отъ Кимберлея. Пріостановилось и движеніе ген. Клери къ Колензо. Ген. Жуберъ стянулъ до 20 тысячъ войскъ, чтобы помѣшать англичанамъ перейти черезъ р. Тугелу. Даже въ томъ случаѣ, если, по полученіи новыхъ подкрѣпленій, наступленіе возобновится на обоихъ театрахъ войны, и если англичане успѣютъ освободить окруженныя въ Ледисмитѣ, Кимберлеѣ и Мефкингѣ войска раньше, чѣмъ они сдадутся бурамъ на капитуляцію,—и въ этомъ случаѣ имъ предстоитъ еще много усилій, прежде чѣмъ удастся перенести военныя дѣйствія съ территоріи, нынѣ занятой бурами, въ собственную страну буровъ. Надо прибавить, что и въ послѣднемъ случаѣ, по мѣрѣ движенія внутри страны, выгоды англичанъ будутъ уменьшаться, а выгоды буровъ увеличиваться, какъ это уже предусмотрѣлъ генералъ Жуберъ. Ослабляемое необходимостью оставлять позади себя значительные отряды для поддержанія сообщеній, англійское войско должно будетъ уменьшаться въ числѣ и, при нормальномъ составѣ въ 80 тысячъ, едва ли сможетъ противопоставить бурамъ, въ день рѣшительнаго боя, болѣе половины этого числа. Затѣмъ, партизанская война будетъ играть все болѣе и болѣе значительную роль, по мѣрѣ углубленія англійскихъ войскъ въ предѣлы Трансвааля. Вотъ почему, — помимо даже возможности вмѣшательства иностранныхъ державъ, которая теперь, послѣ соглашенія Англіи съ Германіей, превращается въ полную невозможность,—нѣтъ ничего невѣроятнаго, что англичане остановятся передъ перспективой продолженія войны при такихъ условіяхъ, и воспользуются первыми значительными успѣхами, чтобы, безъ ущерба національному самолюбію, пойти на компромиссъ съ своимъ—неожиданно-сильнымъ—противникомъ. —инъ.

Новый типъ профессіональныхъ союзовъ въ Англіи.

Внимательный наблюдатель англійской жизни, Эдуардъ Бернштейнъ, въ одной изъ своихъ корреспонденцій *) отмѣчаетъ очень любопытное новое явленіе въ экономической жизни Англіи. Какъ извѣстно, именно эта страна явила собою классическій образецъ капиталистическаго развитія. Но борьба классовъ, коренившаяся въ этомъ развитіи, представила своеобразныя особенности, давно уже

*) Пользуемся случаемъ указать, что источникомъ для нашего реферата въ «Мірѣ Божьемъ», № 5. «Аграрный вопросъ въ Голландіи» была корреспонденція извѣстнаго голландскаго общественнаго дѣятеля Ванъ-Флигена.

останавливающія на себѣ вниманіе соціологовъ. Вліяніе исторической традиціи, рѣзкія отличія національнаго характера, широкая политическая свобода, все это замѣтнымъ образомъ вліяло на столкновенія различныхъ общественныхъ элементовъ, задерживая обостроеніе классовой борьбы, вырабатывая своеобразныя формы для нея. Такимъ образомъ, служа прототипомъ для капиталистическаго развитія странъ континента, Англія далеко не является образцомъ для общественнаго ихъ развитія. Недостаточно внимательное отношеніе къ этимъ особенностямъ Англіи въ значительной степени объясняетъ оптимистическія воззрѣнія хотя бы того же Бернштейна, въ его извѣстной книгѣ «Die Voraussetzungen etc». Новый типъ профессіональныхъ союзовъ, обрисовывающійся въ корреспонденціи, съ которою мы хотимъ познакомить читателя, представляетъ собою, можетъ быть, самый характерный плодъ спеціально-англійскихъ особенностей, рѣзко противорѣчащій всему ходу развитія общественныхъ отношеній на континентѣ.

Если преимущества, говоритъ Бернштейнъ, которыя Англія до сихъ поръ имѣла передъ другими странами въ техникѣ производства, съ каждымъ годомъ сокращаются, такъ что уже теперь она уступила первое мѣсто въ производствѣ нѣкоторыхъ продуктовъ крупной промышленности, то нельзя того же сказать о ея профессіональныхъ союзахъ. Поскольку эти союзы не обладаютъ хищническимъ характеромъ, Англія остается классической страной кооперація. Хищническіе капиталистическіе союзы процвѣтаютъ, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ охранительныя пошлины защищаютъ мѣстную промышленность отъ иностранной конкурренціи. Хотя въ Англіи мы раньше всего встрѣчаемъ коалицію фабрикантовъ, но въ настоящее время ее значительно опередили въ этомъ отношеніи другія страны, напр., Соединенные Штаты. Мало того, всѣ англійскія картели, направленные противъ интересовъ массы потребителей или явившіяся орудіемъ борьбы съ организованными рабочими, оказались очень непрочными, недолговѣчными и чаще всего не шли дальше временныхъ случайныхъ коалицій. Рѣдкими исключеніями являются союзы капиталистовъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обработки сырья въ полуфабрикаты или тамъ, гдѣ крупные союзы, какъ въ прядильняхъ Ланкашира, смогли совершенно поглотить предпріятія всѣхъ отдѣльныхъ капиталистовъ. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ капиталистическія картели не нашли въ Англіи подходящей почвы. Здѣсь нѣтъ такихъ могущественныхъ факторовъ, какъ высокія пошлины, вмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, покровительственное законодательство, какъ мы встрѣчаемъ это въ Соединенныхъ Штатахъ или въ различныхъ странахъ континента. Свобода торговли, еще усугубленная географическимъ положеніемъ Англіи, помѣшала развитію картелей даже въ такихъ отрасляхъ производства, которыя наиболѣе благопріятны для коалиціи фабрикантовъ, какъ напр., каменноугольная. *) Гораздо неблагопріятнѣе для картелей обстоитъ дѣло въ промышленности, обработывающею полуфабрикаты, гдѣ еще очень сильны и устойчивы среднія предпріятія. Въ Англіи невозможно для синдикатовъ повышать по произволу цѣны на внутреннемъ рынкѣ, чтобъ имѣть возможность вы-

*) Уже давно стремятся къ этому крупные углепромышленники, но до сихъ поръ безуспѣшно. Послѣдняя стачка углекоповъ въ Южномъ Валлисѣ въ значительной степени обязана своимъ возникновеніемъ агитаціи одного сторонника синдикатовъ, угольнаго магната и либеральнаго депутата Томаса, который всюду разъѣзжалъ и проповѣдывалъ необходимость синдиката. Не найдя поддержки у капиталистовъ, онъ старался заинтересовать въ этомъ дѣлѣ рабочихъ. Онъ добился лишь того, что рабочіе объявили войну господствующей системѣ подвижного тарифа заработной платы (sliding skale). дававшаго возможность фабрикантамъ не особенно заботиться о колебаніяхъ въ цѣнахъ продукта. Во время стачки Томасъ и его друзья были на сторонѣ рабочихъ, продолжали свое производство и воспользовались крупнымъ вздорожаніемъ угля.

брасывать на заграничный рынокъ товаръ по неимовѣрно низкой цѣнѣ. Повышенію цѣнъ ставятся опредѣленныя границы возможностью свободнаго иностраннаго ввоза. Для синдикатовъ имѣются только два пути борьбы: подавленіе внутренней «грязной конкуренціи» тѣхъ капиталистовъ, которые, при продажѣ ниже нормальной цѣны—разсчитываютъ на посторонніе источники возмѣщенія убытковъ (путемъ ли пониженія заработной платы, продажи низкопробныхъ продуктовъ или даже фальсификаціи) или же техническія улучшенія въ условіяхъ производства. Но для борьбы съ «грязною конкурренціею» у англійскихъ синдикатовъ тамъ, гдѣ нельзя скупить въ однѣ руки всѣхъ предпріятій, нѣтъ такихъ средствъ, какъ у американцевъ, которые прибѣгаютъ и къ бойкоту и къ прекращенію снабженія сырьемъ и проч. Поэтому-то англійскимъ капиталистамъ приходится довольствоваться случайными временными союзами. Такіе союзы оказались очень ненадежнымъ средствомъ борьбы въ рукахъ рабочихъ, но капиталистовъ они пока вполнѣ удовлетворяютъ, когда имъ приходится организовать сопротивленіе требованіямъ рабочихъ. Общей постоянной борьбы съ трэдъ-юніонами англійскіе капиталисты давно уже не чувствуютъ желанія поднимать. Слишкомъ вкоренилась въ общественную жизнь свобода трэдъ-юніоновъ, чтобъ возможны были серьезныя стремленія нарушить ее. Фабриканты нашли, что гораздо удобнѣе мирно уживаться съ этими союзами. Когда же какія-либо новыя столкновенія вновь обостряютъ этотъ вопросъ, временные союзы капиталистовъ, имѣющихъ возможность быстро съорганизоваться, вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ борьбы. Кончилась борьба, найденъ тотъ или другой выходъ изъ новыхъ затрудненій, выходъ, обѣщающій быть достаточно прочнымъ, союзъ предпринимателей распадается и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе боевымъ характеромъ онъ обладалъ. Большею жизнеспособностью обладали до сихъ поръ тѣ союзы предпринимателей, которые организовались для выбора делегатовъ въ третейскія, посредническія камеры (Wages Boards etc). Но организація этихъ союзовъ очень слабая, почти номинальная.

Въ самое послѣднее время стали образовываться новыя формы предпринимательскихъ союзовъ, обладающихъ болѣе прочной организаціей. Они соединяютъ всѣ характерныя черты промышленныхъ картелей, какъ мы знаемъ ихъ на континентѣ, съ существенными свойствами англійскихъ смѣшанныхъ посредническихъ камеръ. Главная цѣль ихъ заключается не въ оборонѣ отъ непріятныхъ претензій рабочихъ, а въ защитѣ продуктовъ отъ чрезмѣрной конкурренціи. Такъ какъ къ услугамъ англійскихъ предпринимателей не оказывалось покорной административной машины, такъ какъ самостоятельныя попытки ихъ организаціи оказывались не достаточно прочными, они рѣшили искать помощи въ *рабочихъ союзахъ*, рѣшили дѣйствовать сообща съ ними, не только не препятствовать ихъ развитію, но, напротивъ, оказывать имъ всяческую поддержку. Поэтому они называютъ себя общими профессіональными союзами (Trade Alliances), т. е. союзами *всѣхъ* участниковъ данной профессіи какъ капиталистовъ, такъ и работниковъ. Попытки такихъ организацій уже давно намѣчались, но еще нигдѣ онѣ не получили такой совершенной и прочной формы, нигдѣ такъ не укоренились, какъ въ Бирмингамѣ и его окрестностяхъ.

Бирмингамъ является самымъ крупнымъ центромъ металлическихъ издѣлій. Нѣтъ такой отрасли въ этомъ производствѣ, которая не имѣла бы здѣсь своихъ представителей. Наряду съ крупными фабриками, занимающими тысячи рабочихъ рукъ, сохранилась еще старинная домашняя промышленность и мелкое производство. Между прочимъ, въ Бирмингамѣ очень развита фабрикація металлическихъ кроватей. Какъ разъ въ этой отрасли индустріи былъ впервые, девять лѣтъ назадъ (1890 г.), примѣненъ новый способъ промышленной организаціи. Иниціаторомъ этого дѣла явился фабрикантъ Эд. Смитъ, еще и донынѣ состоящій предсѣдателемъ «союза» въ производствѣ металлическихъ кроватей.

*

Въ письмѣ въ редакцію Frimes Daily Chronicle отъ 6-го января 1898 г., Смитъ такъ разъясняетъ цѣль союза: «союзъ безъ всякихъ предубѣжденій относится къ вопросу о рабочихъ союзахъ. Онъ признаетъ за рабочими право профессіональной организаціи и проповѣдуетъ предпринимателямъ необходимость такой же организаціи. Онъ стремится къ *объединенію* этихъ обѣихъ, *независимо другъ отъ друга управляемыхъ силъ*, и достигаетъ этимъ путемъ результатовъ, которые иначе достигнуты быть не могутъ». Въ доказательство Смитъ приводитъ слѣдующія соображенія:

1) Всякая «чрезмѣрная конкуренція въ промышленности» одинаково вредитъ какъ капиталистамъ, такъ и рабочимъ.

2) Связанное съ нею обезцѣниваніе продукта совершенно излишне, такъ какъ англійскій потребитель не требуетъ этого (?), и опасность иностранной конкуренціи не побуждаетъ такъ поступать.

3) Даже тамъ, гдѣ угрожаетъ иностранная конкуренція, ее гораздо легче побороть соединенными усиліями, чѣмъ борьбой въ одиночку, которой мѣшаетъ ограниченность средствъ и внутренняя конкурренція.

4) Этой неестественной конкуренціи могутъ положить предѣлъ лишь объединенныя усилія фабрикантовъ.

5) Этому объединенію невозможно осуществиться безъ контроля надъ тѣми которые, несмотря на всѣ свои обѣщанія, лишь тогда поступаютъ честно, когда бываютъ вынуждены къ тому.

6) Какъ раньше рабочіе должны были страдать отъ бездоходности предпріятій, такъ теперь они имѣютъ право на справедливую долю отъ увеличенія доходности предпріятія.

7) Эти справедливыя прибыль и заработная плата могутъ быть достигнуты лишь объединеніемъ предпринимателей и работниковъ. Основой единенія должно быть признаніе принципа профессіональныхъ союзовъ, причемъ взаимная помощь фабрикантовъ и рабочихъ выражается въ томъ, что фабриканты даютъ работу лишь членамъ трэдъ-юніоновъ, а рабочіе работаютъ лишь у членовъ союза предпринимателей.

8) Союзы на той и другой сторонѣ полезны, когда они руководятся здравымъ разсудкомъ, разумными побужденіями и знаніемъ дѣйствительнаго положенія вещей. Безъ этихъ условій они часто вредны и опасны. Дѣйствительную пользу они могутъ принести лишь тогда, когда господствуетъ взаимное довѣріе и единеніе предпринимателей и работниковъ».

Исходя изъ такихъ соображеній, Смитъ уже давно началъ среди своихъ сотоварищей въ предпринимательскомъ мірѣ агитацію въ пользу основанія объединенныхъ профессіональныдъ союзовъ. Какъ онъ разсказываетъ въ своей интересной брошюрѣ *), фабриканты соглашались съ нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло шло объ организаціи капиталистовъ. О привлеченіи же рабочихъ они и слышать не хотѣли. Видя, что одними аргументами онъ ничего добиться не можетъ, онъ уступилъ въ надеждѣ, что практика докажетъ его сотоварищамъ необходимость искать единенія съ рабочими. И онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Ни одна изъ основанныхъ тогда организацій фабрикантовъ не могла достигнуть сколько-нибудь прочныхъ результатовъ, ни одна не смогла удержать цѣны продуктовъ на извѣстной высотѣ. Тогда Смитъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего участія въ дѣлѣ—привлеченіе организованныхъ рабочихъ и до сихъ поръ всѣ основанные на этомъ принципѣ союзы оказались достаточно прочными и цѣлесообразными.

Первымъ былъ основанъ союзъ для изготовленія металлическихъ кроватей, который существуетъ и понынѣ съ 1890 г. Его успѣхъ вызвалъ цѣлый рядъ

*) The workman's share in the New Trades-Combination Movement. London.

подражаній въ самыхъ различныхъ отрасляхъ промышленности. Смитъ говоритъ, что всѣ отрасли оказались вполнѣ подходящими для примѣненія новаго принципа организаціи. На возраженіе, что лишь въ тѣхъ отрасляхъ союзы прививаются, гдѣ работаютъ такъ называемые «искусные рабочіе» (skilled labour), Смитъ отвѣчаетъ, что на рабочемъ рынкѣ нѣтъ «неискусныхъ рабочихъ», а лишь разныя степени квалифицированности труда. Всякая-де работа требуетъ особаго рода умѣлости и силы *).

Основнымъ условіемъ образованія новыхъ союзовъ является наличность профессіональной организаціи какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей. Тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, онѣ должны быть созданы. Второй насущной задачей является тщательное опредѣленіе издержекъ производства всякаго продукта и минимальной прибыли, которую желательно получить. При этомъ нѣтъ необходимости твердо установлять продажную цѣну или мѣшать удешевленію продукта, но надо лишь принять мѣры къ опредѣленію стоимости товара по извѣстнымъ правиламъ, и опредѣленнаго процента прибыли. Такимъ образомъ, эту систему можно приспособить и къ крупному, и къ мелкому производству, къ изготовленію какъ дешевыхъ, такъ и дорогихъ продуктовъ и вообще принимать во вниманіе всевозможныя потребности и особенности отдѣльныхъ предпріятій.

Далѣе, слѣдуетъ опредѣленіе заработной платы. Делегаты того и другого союза собираются въ посредническіе комитеты (Wages Boards). Та заработная плата, которая существовала во время организаціи объединеннаго союза, принимается за *минимальную* и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть уменьшена безъ предварительнаго согласія самихъ рабочихъ. За всякое же повышеніе процента прибыли или продажной цѣны продукта рабочіе получаютъ сверхъ заработной платы извѣстный бонусъ, премію. Насчетъ величины этого бонуса, также и насчетъ всѣхъ могущихъ возникнуть спорныхъ пунктовъ рѣшающей инстанціей является посредническій комитетъ. Ни одинъ фабрикантъ не имѣетъ права отказать рабочему изъ-за спора о заработной платѣ или другого столкновенія на почвѣ взаимныхъ профессіональныхъ отношеній, также и ни одинъ рабочій не можетъ отказаться отъ работы. На постановленія посредническаго комитета можно жаловаться третейскому суду, но,—говоритъ Смитъ,—этимъ правомъ еще ни разу никто не воспользовался.

Когда Бернштейнъ запросилъ мнѣніе одного изъ видныхъ профессіональныхъ дѣятелей Davis'a, секретаря National Amalgamated Society of Brassworkers, насчетъ новыхъ союзовъ, тотъ отозвался о нихъ очень одобрительно. Тамъ, гдѣ они укоренились, они полезны всѣмъ участникамъ. «Это движеніе еще юное, но меня радуетъ возможность заявить, что оно постоянно растетъ». Насколько оно повліяло на ростъ трэдъ-юніоновъ, можно видѣть изъ данныхъ о числѣ членовъ его союза: въ 1895 г. было 4.800 ч.; въ 1895 г.—6.000 ч.; въ 1897 г.—11.000 ч. Конечно, этотъ ростъ не цѣликомъ можетъ быть отнесенъ къ вліянію новаго движенія, но несомнѣнно принципъ, котораго оно придерживается—давать работу только членамъ трэдъ-юніоновъ—долженъ былъ оказать большое вліяніе.

Но что побуждаетъ фабрикантовъ къ такимъ широкимъ уступкамъ рабочимъ союзамъ? Откровенный отвѣтъ на это даетъ Смитъ: «Смотря съ чисто дѣловой точки зрѣнія, нужно признать, что рабочіе (въ этомъ дѣлѣ) могутъ оказать лишь одну услугу: они могутъ помѣшать распаденію союзовъ фабрикантовъ, т. е. они могутъ сдѣлать для предпринимателей то, что сами предприниматели

*) Это положеніе Смита, конечно, сильно отзывается софизмомъ, такъ какъ подмѣняетъ квалифицированность труда ловкостью. Очень ловкіе портные Истъ-Энда и очень сильные портовые рабочіе врядъ ли легко объединятся съ тѣми, кто живетъ плодами sweating system. *М. Р.*

никогда не смогли сдѣлать для себя». «Безъ содѣйствія рабочихъ, нѣтъ возможности объединить фабрикантовъ. Исторія прежнихъ союзовъ ясно рисуетъ это. Нѣтъ никакого средства прочно и надолго объединить предпринимателей, а безъ этого условія никакія соглашенія не имѣютъ значенія. Насколько я понимаю это дѣло, оно возможно лишь съ помощью рабочихъ».

Бернштейнъ кончаетъ свою замѣтку сомнѣніемъ, окажутся ли такіе союзы примѣнимы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя не такъ локализированы, какъ металлическая въ Бирмингамѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ географическимъ разъединеніемъ растетъ трудность комбинированной дѣятельности. Далѣе, еще нельзя пока рѣшить, насколько жизнеспособны окажутся такіе союзы. Но изъ того факта, думаетъ онъ, что эти союзы существуютъ уже девять лѣтъ, слѣдуетъ, что на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на игру филантропическаго «изобрѣтателя».

Намъ эти союзы представляются новою попыткой англійской буржуазіи и англійскихъ трэдъ-юніоновъ отыскать разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ современности не въ сторону обостренія классовой противоположности, а въ сторону «экономической гармоніи». Многія прежнія попытки въ этомъ направленіи уже потерпѣли неудачу. Неумолимыя условія экономической эволюціи все болѣе лишаютъ англійскихъ рабочихъ ихъ вѣры въ отличіе ихъ борьбы за существованіе отъ тѣхъ формъ, которыя вырабатываются на континентѣ. Деградирующее вліяніе эмиграціи, заполняющей «Истъ-Эндъ» Лондона и другіе кварталы большихъ городовъ и отбивающей хлѣбъ у англійскихъ гражданъ; потеря монопольнаго положенія на міровомъ рынкѣ, а въ будущемъ—предстоящее, можетъ быть, сокращеніе колоніальнаго рынка,—все это толкаетъ на тѣ же пути, которые стали обычными на континентѣ. Но глубоко присущій Англіи духъ «компромисса» ищетъ новыхъ путей въ старомъ направленіи, строитъ новые мосты тамъ, гдѣ образуются непроходимыя пропасти.

М. Рафаиловъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Бактеріологія. Лѣченіе чумы.—Медицина. 1) Отравленіе ванилью. 2) Вдыханіе кислорода, какъ средство отъ морской болѣзни.—**Физіологія.** 1) Экспериментальныя изслѣдованія надъ сновидѣніями. 2) Опыты надъ врѣніемъ.—**Почвовѣдѣніе.** Странствующія почвы въ Финляндіи. *Д. Н.* О концѣ міра.—**Метеорологія и физическая географія.** 1) Метеорологическія наблюденія во время бельгійской антарктической экспедиціи; 2) Вліяніе метеорологическихъ элементовъ на психику. *Н. М.*—Астрономическія извѣстія.—*К. Покровскаго.*

Бактеріологія. *Лѣченіе чумы.* (Отчетъ международной коммиссіи въ Опорто для изысканія мѣръ предупрежденія и способовъ леченія бубонной чумы).

Коммиссія предприняла рядъ опытовъ, чтобы опредѣлить, какое имѣетъ значеніе для предупрежденія и лѣченія чумы противочумная сыворотка изъ института Пастера въ Парижѣ и насколько могутъ служить предохранительнымъ средствомъ различныя жидкости изъ культуръ чумныхъ бактерій, приготовленныя по методѣ Феррана-Гаффкина, предложенныя и въ Португаліи. Прежде всего коммиссіей были произведены опыты надъ противочумной сывороткой, такъ-какъ чрезвычайно важно знать, можно ли разсчитывать на двойное дѣйствіе (т. е., какъ средства предупрежденія и лѣченія чумы) этой сыворотки во время эпидеміи.

Опыты относительно профилактическаго дѣйствія сыворотки производились надъ мышами и обезьянами. Коммиссія установила, что мыши, которымъ было предварительно введено въ кровь 0,02 куб. сант. сыворотки и обезьяны—послѣ прививки 2 куб. сант.—не подвергаются зараженію и не испытываютъ никакого видимаго разстройства, если спустя сутки или двое сутокъ послѣ сыворотки имъ вводятъ дозу чумной заразы, безусловно смертельную для мышей не болѣе, какъ черезъ 36 часовъ, и для обезьянъ не болѣе, какъ черезъ 5 дней.

Что касается лѣченія, то коммиссія констатировала, что всѣ мыши, которымъ были сдѣланы прививки чумныхъ культуръ въ дозахъ, безусловно смертельныхъ въ теченіе 36 часовъ, и 14 часовъ спустя послѣ зараженія—подкожное впрыскиваніе сыворотки по 0,25 куб. сант. каждой,—остались живы.

Затѣмъ коммиссія обратилась къ опредѣленію, посредствомъ опытовъ надъ обезьянами, дозъ сыворотки, которыя слѣдуетъ примѣнять, смотря по тому, сколько времени прошло послѣ зараженія и насколько тяжки симптомы. Въ настоящее время, основываясь на лабораторныхъ опытахъ и клиническихъ наблюденіяхъ надъ дѣйствіемъ сыворотки, примѣнявшейся въ Bonfim'скомъ госпиталѣ съ 4 сентября, коммиссія пришла къ заключенію, что сыворотка безспорно имѣетъ значеніе предупредительнаго средства противъ зараженія и что употребленная своевременно можетъ служить также и превосходнымъ лѣчебнымъ средствомъ, и поэтому должна примѣняться при лѣченіи чумы. Прежде всего коммиссія удостовѣрилась, что эта сыворотка, впрыскиваемая подъ кожу больнымъ ежедневно даже и въ очень большихъ дозахъ (40—60 куб. сант.), не можетъ причинить никакого вреда. Далѣе она признала, что въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, у тяжелыхъ больныхъ, напр., при чумной пнеймоніи или когда пустулы прорвались и образовалась опухоль подкожной клѣтчатки, что препятствуетъ всасыванію черезъ ея посредство,—слѣдуетъ вводить сыворотку въ организмъ черезъ посредство венъ. Весьма легко можно ввести больному въ вену сразу 20 куб сант., разумѣется, принявъ всѣ обычныя предосторожности, чтобы не попали комочки бѣлка или пузырьки воздуха. Когда дѣло идетъ о легкомъ случаѣ бубонной чумы, въ самомъ началѣ болѣзни, лѣченіе должно состоять въ томъ, чтобы впрыскивать подъ кожу по 20 куб. сант. каждый разъ. Впрыскиванія производятся ежедневно, пока температура у больного не упадетъ до нормы, и если затѣмъ она снова обнаруживаетъ склонность къ повышенію, то впрыскиванія нужно возобновить въ малыхъ дозахъ (ежедневно по 10 куб. сант.). Въ тяжелыхъ случаяхъ, сопровождающихся сильной лихорадкой, слѣдуетъ вводить подъ кожу въ первый же день сразу 40 куб. сант., и затѣмъ постепенно уменьшать дозу, производя впрыскиваніе каждый день, пока не пройдетъ лихорадка. Не слѣдуетъ бояться употреблять сразу же большія дозы. Опытъ показываетъ, что въ болѣзняхъ, сопровождающихся септицеміей, къ которымъ относится и чума, микробы, развивающіеся въ сокахъ организма, не исчезаютъ сразу. Они могутъ остаться локализированными въ гангліяхъ, напримѣръ, или въ лимфатическихъ образованіяхъ внутреннихъ органовъ, и пока они не уничтожены совершенно, пока ядовитыя вещества, которыя они вырабатываютъ, не удалены, они имѣютъ возможность снова вызвать отравленіе организма. Ходъ температуры и общее состояніе больного даютъ основанія, чтобы опредѣлить въ какой дозѣ слѣдуетъ произвести впрыскиваніе сыворотки. Что касается предохраненія (или профилаксіи) при помощи ли противочумной сыворотки или посредствомъ прививокъ культуръ чумныхъ бактерій, по методѣ Феррана-Гаффкипа, то, какъ было указано, коммиссія прежде всего занялась изученіемъ дѣйствія сыворотки на лабораторныхъ животныхъ, мышей и обезьянъ. Коммиссія заключаетъ на основаніи своихъ опытовъ, что предохранительная прививка 5-ти куб. сант. противочумной сыворотки можетъ считаться быстро дѣйствующимъ и надежнымъ средствомъ противъ заразы. Въ настоящее время еще неизвѣстна точно продолжительность пріобрѣтаемой такимъ образомъ невоспріимчивости; повидимому, она равняется приблизительно 24-мъ днямъ. Предохранительныя прививки культуръ бактерій чумы, предварительно нагрѣтыхъ до 70°, по опытамъ, произведеннымъ въ Индіи и провѣреннымъ германской коммиссіей въ 1897 г., даютъ невоспріимчивость болѣе продолжительную у животныхъ и, вѣроятно, такъ же у человѣка, но она достигается болѣе медленно: приблизительно на 8—12-й день. Опыты коммиссіи въ этомъ направленіи еще не окончены и результатъ можетъ быть полученъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Коммиссія произвела нѣсколько опытовъ съ цѣлью опредѣлить, насколько безопасны прививки нагрѣтыхъ культуръ. Было констатировано, что если одновременно привить мышамъ вмѣстѣ съ такой культурой нѣкоторую дозу чумнаго яда, въ обычныхъ условіяхъ не смертельную, то животныя всегда погибаютъ, тогда какъ изъ числа тѣхъ, которымъ привитъ только чумный ядъ, $^1/_3$ остаются живыми. Объяснить это весьма не трудно. Послѣ (предохранительной) прививки нагрѣтыхъ культуръ невоспріимчивость пріобрѣтается медленно, между тѣмъ какъ въ теченіе этого времени въ организмѣ животнаго находится нѣкоторое количество чумнаго яда, который долженъ быть переработанъ клѣтками этого животнаго, чѣмъ и достигается невоспріимчивость. Если же въ то время, какъ происходитъ эта реакція, животное подвергнется еще дѣйствію нѣкотораго количества яда, не пріобрѣтя еще невоспріимчивости и наоборотъ, находясь въ состояніи слабаго отравленія, то оно гораздо скорѣе и легче подвергается зараженію, чѣмъ тѣ животныя, которымъ была введена только эта послѣдняя доза заразнаго начала. Отсюда слѣ-

дуетъ, что во время чумной эпидеміи, когда лица, которыя должны подвергнуться предохранительной прививкѣ, могутъ находиться уже въ скрытомъ періодѣ зараженія,—прививка ослабленныхъ культуръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно представлять опасность. Въ виду этихъ результатовъ, два делегата отъ института Пастера въ Парижѣ Calmette и Selimbeni по соглашенію съ Camara Pestana и Moraes Sarmento, изучавшихъ этотъ способъ прививки на животныхъ, предложили, чтобы избѣжать возможныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій прививки нагрѣтыхъ культуръ, сохраняя ихъ важное преимущество, состоящее въ томъ, что онѣ сообщаютъ болѣе продолжительную невосприимчивость,—прививать смѣсь культуръ и сыворотки. Изъ шести мышей двумъ была впрыснута смѣсь 0,25 куб. сант. культуры Феррана-Гаффкина и двумъ другимъ 0,25 куб. сант. культуры бактерій безъ сыворотки, остальныя двѣ остались безъ прививки для контроля. Въ тотъ же день всѣмъ шести мышамъ одновременно были сдѣланы уколы иглой, смоченной весьма разбавленной культурой чумныхъ микробовъ изъ Опорто. Двѣ мыши, которымъ были привиты предварительно только ослабленныя культуры, погибли прежде всѣхъ, менѣе чѣмъ черезъ 48 часовъ послѣ зараженія, изъ контрольныхъ животныхъ одно погибло на 31-й день, другое осталось въ живыхъ; двѣ мыши, которымъ передъ зараженіемъ была привита смѣсь сыворотки и ослабленной нагрѣваніемъ культуры, остались въ живыхъ и не заболѣли. Этотъ опытъ показываетъ, что опасность при употребленіи предохранительныхъ прививокъ по способу Феррана-Гаффкина, во время эпидеміи у лицъ, которыя могутъ быть уже заражены въ то время, когда имъ производится прививка, можетъ быть совершенно устранена прибавленіемъ къ впрыскиваемой культурѣ равнаго по объему количества противочумной сыворотки. Благодаря присутствію сыворотки, пріобрѣтается немедленно (пассивная) невосприимчивость, которая предохраняетъ организмъ отъ зараженія, пока въ немъ подъ вліяніемъ ослабленной культуры не выработается способность бороться съ бактеріями (активная невосприимчивость), сохраняющаяся на болѣе продолжительный срокъ. Въ примѣненіи къ человѣку—слѣдуетъ производить предварительно впрыскиваніе сыворотки и только черезъ двое сутокъ прививку ослабленной культуры. Коммиссія полагаетъ, что всѣ лица, живущія около очага заразы или находящіяся по сосѣдству съ мѣстностью, пораженной чумной эпидеміей, должны подвергаться предохранительной прививкѣ противочумной сыворотки или смѣшанной прививкѣ (сначала сыворотки и черезъ двое сутокъ ослабленной культуры). При недостаткѣ сыворотки слѣдуетъ, въ особенности по сосѣдству съ зараженной мѣстностью, производить прививки ослабленныхъ культуръ, но въ два пріема. Эта мѣра въ соединеніи съ прочими общими профилактическими мѣрами (дезинфекція и изолированіе зараженныхъ домовъ и кварталовъ) должна во всѣхъ случаяхъ оказаться достаточной, чтобы въ самое короткое время остановить распространеніе болѣзни.

Коммиссія предлагаетъ врачамъ, насколько возможно, распространять эти свѣдѣнія въ публикѣ и производить предохранительныя прививки, взрослымъ, впрыскивая подъ кожу 5 куб. сант. сыворотки и такое же количество сыворотки, и затѣмъ 2 или 3 дня спустя около 2 куб. сант. ослабленной культуры; при недостаткѣ же сыворотки прививать сначала весьма малое количество культуры и затѣмъ черезъ 10—12 дней нормальную дозу той же культуры. Для дѣтей слѣдуетъ брать половинныя дозы.

Коммиссія полагаетъ, что всѣмъ лицамъ, живущимъ около очага заразы, если они подвергнутся предохранительной прививкѣ, можетъ быть дозволено безъ всякой опасности покидать изолированныя мѣстности послѣ дезинфекціи ихъ вещей, если только эти лица представятъ удостовѣреніе, что имъ были сдѣланы предохранительныя прививки не менѣе 48 часовъ и не болѣе двухъ недѣль тому назадъ. Такая мѣра, безъ всякаго сомнѣнія, способствовала бы зна-

чительному уменьшенію суровости и трудностей примѣненія карантинныхъ правилъ («Revue scientifique»).

Медицина. 1) *Отравленіе ванилью.* Въ «Zeitschr. f. diätet u. phys. Therapie» Wassermann сообщаетъ весьма интересныя наблюденія, которыя, повидимому, объясняютъ это рѣдкое и странное явленіе. Если ваниль содержитъ ядовитыя вещества, то, казалось бы, употребленіе ея въ пищу всегда должно сопровождаться неблагопріятными послѣдствіями, чего въ дѣйствительности не обнаруживается; факты, указываемые Вассерманомъ, приводятъ къ совершенно неожиданнымъ заключеніямъ, но разъясняютъ, почему ваниль въ однихъ случаяхъ оказывается ядовитой, въ другихъ—нѣтъ.

Предпринять это изслѣдованіе Вассермана побудило слѣдующее обстоятельство: въ іюнѣ 1898 г. въ Трептовѣ 19 человѣкъ тяжело заболѣли и одинъ даже умеръ (причемъ всѣ съ такими же симптомами, какъ при холерѣ), вслѣдствіе отравленія ванилью (въ кремѣ). Химическій анализъ продуктовъ, изъ которыхъ былъ приготовленъ этотъ кремъ (т.-е молока, яицъ, сахара и ванильнаго порошка) не далъ никакихъ указаній на причину отравленія; всѣ эти вещества оказались безукоризненными, ваниллинъ былъ химически чистый, посуда также находилась въ удовлетворительномъ состояніи. Картина болѣзни была совершенно та же, что и въ прежнихъ случаяхъ отравленія, хотя на этотъ разъ вмѣсто стручковъ ванили былъ взятъ искусственный ваниллинъ, приготовленный изъ конифорина. Такъ какъ и этотъ ваниллинъ, и стручки ванили для животнаго организма не ядовиты, тѣмъ болѣе что въ кушанье кладутъ его очень мало, такъ что даже сильнѣйшіе изъ нынѣ извѣстныхъ ядовъ въ такой концентраціи не могли бы принести вреда,—Вассерману, естественно представился вопросъ, не пріобрѣтаетъ ли ядовитыхъ свойствъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ ваниллинъ въ соединеніи съ какими-либо составными частями кушаній. Ему удалось путемъ опыта доказать, что ваниллинъ можетъ такимъ именно образомъ измѣнять качества молока, причемъ оказалось, что въ этомъ замѣшана дѣятельность бактерій, а не чисто химическіе процессы, такъ какъ молоко, которое (подъ вліяніемъ ваниллина) оказывалось ядовитымъ для животныхъ, утрачивало это свойство, если его пропускали черезъ фильтръ, задерживающій бактерій; стерилизованное молоко, сколько бы ни прибавить къ нему ваниллина, оказывается безвреднымъ. Единственное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи этихъ опытовъ, это то, что ваниллинъ благопріятствуетъ развитію бактерій, между тѣмъ какъ, по наблюденіямъ Шварца и Вестингаузена, ваниллинъ обладаетъ антисептическими свойствами; но при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что такимъ образомъ онъ дѣйствуетъ лишь на аэробныхъ (нуждающихся въ кислородѣ) бактерій, анаэробныя же, которыя лучше всего развиваются въ отсутствіи кислорода, по Вассерману, особенно сильно растутъ и размножаются подъ вліяніемъ ваниллина (конечно, на обычномъ субстратѣ). Это свойство ваниллина можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что онъ дѣйствуетъ возстановительно, т.-е. поглощаетъ кислородъ. Такимъ образомъ, смотря потому, анаэробныя или аэробныя бактеріи преобладаютъ въ данной порціи молока, послѣ прибавки ваниллина оно можетъ пріобрѣсти ядовитыя свойства или остаться безвреднымъ. Факультативные анаэробы, т. е. такія бактеріи, которыя собственно нуждаются въ кислородѣ для своего развитія, но могутъ обойтись и безъ него, относятся безразлично къ ваниллину.

Анаэробныя бактеріи вообще играютъ весьма важную роль въ образованіи ядовитыхъ продуктовъ въ разлагающихся пищевыхъ веществахъ. Какъ извѣстно, птомаины образуются обильнѣе въ отсутствіи кислорода. По Флюгге, въ молокѣ встрѣчаются бактеріи анаэробныя, которыхъ кипяченіе не убиваетъ и которыя могутъ вызывать заболѣванія. Такъ какъ въ ванильномъ кремѣ эти микроорганизмы не только находятъ прекрасный питательный матеріалъ, но

также и благопріятныя для роста условія температуры при постепенномъ охлажденіи послѣ кипяченія, то весьма вѣроятно, что причиной отравленія въ данномъ случаѣ являются, кромѣ уже образовавшихся въ кремѣ птомаиновъ, также и болѣзнетворные микробы, которые будучи введены въ организмъ, продолжаютъ вырабатывать эти яды.

Указанной опасности, по мнѣнію Вассермана, можно избѣжать, тщательно закрывая, во время и послѣ приготовленія крема, посуду, въ которой онъ находится, чтобы на него не осѣли бактеріи, и до тѣхъ поръ, пока его нужно подавать на столъ, помѣщая его въ ледъ. Разумѣется, до приготовленія крема молоко надо хорошо отварить. Для бактеріологовъ сообщеніе Вассермана представляетъ еще и тотъ интересъ, что, при полученіи чистыхъ культуръ анаэробныхъ бактерій прибавленіе ваниллина, по его опытамъ, дѣйствуетъ еще лучше, чѣмъ прибавленіе винограднаго сахара. По крайней мѣрѣ прибавляя 0,02—0,1% ваниллина къ агаръ-агару, онъ получилъ субстратъ, на которомъ прекрасно развивались бактеріи столбняка, карбункула и др. («Naturwiss Rundeschau»).

Вдыханіе кислорода, какъ средство отъ морской болѣзни. Въ Comptes rendus d. séances d. la Soc. de Biol. помѣщена небольшая замѣтка Dubois, въ которой онъ сообщаетъ нѣсколько наблюденій надъ примѣненіемъ кислорода при морской болѣзни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на небольшомъ суднѣ, совершавшемъ рейсы между Pornic и Noirmoutiers, Дюбуа производилъ наблюденія надъ морской болѣзнью и замѣтилъ, что она сопровождается разстройствомъ дыхательной дѣятельности; кромѣ того, на ряду съ этимъ разстройствомъ появляются симптомы, которые часто сопровождаютъ недостатки дыхательнаго обмѣна, происходящаго, напр., вслѣдствіе пребыванія въ испорченномъ воздухѣ, при отравленіи вредными газами, при «горной» болѣзни и т. д., что и наводитъ на мысль о существованіи причинной связи между морскою болѣзнью и неполнотой вентиляціи легкихъ, слѣдствіемъ которой является увеличеніе остаточнаго воздуха въ легкихъ и нарушеніе газоваго обмѣна.

Тогда же Дюбуа рѣшилъ попытаться примѣнить вдыханіе кислорода, но такъ какъ бывшій при немъ кислородъ не отличался безупречной чистотой и кромѣ того находился въ новыхъ резиновыхъ мѣшкахъ, пахнущихъ сѣрой, то онъ и отложилъ опыты; не такъ давно ему удалось ихъ произвести съ кислородомъ вполнѣ чистымъ, получаемымъ изъ воздуха и заключеннымъ въ желѣзныхъ пріемникахъ.

Въ трехъ случаяхъ лица, страдавшія морской болѣзнью, послѣ вдыханія кислорода, быстро почувствовали облегченіе; блѣдность, головокруженіе и тошнота исчезли. Четвертый случай далъ неопредѣленные результаты. Уже самое вдыханіе кислорода, температура котораго, вслѣдствіе расширенія, нѣсколько понижена, производитъ пріятное ощущеніе. Къ несчастью, облегченіе продолжается не долго, но вдыханія можно повторять. Вдыхать кислородъ слѣдуетъ глубоко, равномѣрно, производя 16 вдыханій въ минуту. Разумѣется, на основаніи этихъ наблюденій, нельзя еще опредѣленно высказаться о томъ, насколько полезно при морской болѣзни примѣненіе кислорода, которое, во всякомъ случаѣ, вреда не приноситъ, но, кажется, дѣйствительно стоитъ произвести обстоятельныя изслѣдованія въ этомъ направленіи.

Физіологія. 1) *Экспериментальныя изслѣдованія надъ сновидѣніями.* Въ Comptes rendus Парижской академіи Vaschide сообщаетъ результаты опытовъ, главнымъ образомъ, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить появляются ли сновидѣнія во все время сна или нѣтъ, такъ какъ мнѣнія объ этомъ изслѣдователей противорѣчатъ одни другимъ. Свои наблюденія Vaschide произвелъ надъ большимъ числомъ лицъ, а именно надъ 36-ю индивидуумами въ возрастѣ отъ одного года до 80-ти лѣтъ и въ томъ числѣ на себѣ самомъ; за лицами, подвергавшимся изслѣдованію, слѣдили въ теченіе всей ночи или части ея, тща-

тольно отмѣчали измѣненія выраженія лица, позы, движенія и слова, произнесенныя во снѣ, и затѣмъ сравнивали съ разсказами этихъ лицъ о ихъ сновидѣніяхъ. Время отъ времени постоянно опредѣлялась глубина сна. Важнѣйшіе изъ полученныхъ результатовъ слѣдующіе: 1) человѣкъ видитъ сны все время, пока спитъ, даже и при самомъ глубокомъ снѣ; 2) между свойствами сновидѣній и глубиною сна существуетъ внутренняя связь: чѣмъ глубже сонъ, тѣмъ къ болѣе отдаленному прошлому относятся сновидѣнія и тѣмъ болѣе они далеки отъ дѣйствительности; наоборотъ, чѣмъ слабѣе сонъ, тѣмъ болѣе въ сновидѣніяхъ появляется повседневныхъ впечатлѣній; 3) конечно, весьма глубокій коматозный сонъ можетъ не сопровождаться сновидѣніями, какъ и въ бодрственномъ состояніи можетъ наступить временно полное прекращеніе духовной дѣятельности; 4) лица, которыя не видятъ сновъ или вѣрнѣе сказать утверждаютъ, что они никогда не видѣли сновъ, являются жертвами заблужденія, что наблюдалъ на себѣ авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ; 5) сновидѣнія не очень яркія болѣе удерживаются въ памяти и болѣе связны, тогда какъ болѣе оживленныя сновидѣнія скоро исчезаютъ изъ памяти. Авторъ заключаетъ свою статью словами: «Итакъ сонъ не братъ смерти, какъ говоритъ Гомеръ, но скорѣе братъ жизни». («Naturwiss. Rundschau»).

2) *Опыты надъ зрѣніемъ.* Какъ извѣстно, для воспріятія свѣтоваго раздраженія нужно весьма короткое время (мы воспринимаемъ, напримѣръ, электрическую искру, продолжительность которой равна всего 0,000000868 сек.) но ощущеніе отъ воспринятаго раздраженія сохраняется въ сѣтчаткѣ глаза довольно продолжительное время въ видѣ такъ называемаго свѣтоваго слѣда, поэтому, если передъ глазомъ быстро проходятъ полосы черныя и бѣлыя, смѣняя другъ друга, то ощущенія отъ нихъ, какъ бы налагаются одно на другое и глазъ вмѣсто отдѣленыхъ полосъ видитъ одну сплошную сѣрую поверхность. Таково общепринятое объясненіе этого явленія, которое, вѣроятно, всякому приходилось наблюдать (спицы колеса, напримѣръ).

Въ Revue Scientifique сообщается о слѣдующихъ наблюденіяхъ Cattell'a, не поддающихся указанному объясненію. Если перемѣщать не полосы (черныя и бѣлыя) передъ глазомъ, а самый глазъ такъ, чтобы изображенія этихъ полосъ въ немъ (находящихся на извѣстномъ разстояніи) проходили, мѣняясь со скоростью 100—1000 разъ въ секунду, то изображенія эти воспринимаются отдѣльно, а не въ видѣ сѣрой поверхности, какъ бы это должно было быть и какъ это дѣйствительно всегда наблюдается, если перемѣщаются полосы со скоростью даже и гораздо меньшей. На основаніи сказаннаго, можно заключить, что эти явленія скорѣе зависятъ отъ дѣятельности мозга, чѣмъ отъ воспринимающаго нервнаго аппарата, т. е. сѣтчатки.

Почвовѣдѣніе. *Странствующія почвы въ Финляндіи.* Въ Biedermanns Central. Blatt f. Agricultur-Chemie помѣщенъ рефератъ статьи шведскаго ученаго Андерсона о странствующихъ почвахъ («Wanderböden») въ Финляндіи, показывающей, съ какими необычайностями трудностями приходится бороться земледѣлію въ этой странѣ. Долина рѣки Имола представляетъ одну изъ самыхъ большихъ равнинъ въ Финляндіи: длина ея достигаетъ 45 километровъ, ширина—10 к.; она почти сплошь покрыта тонкой темно-синей глиной, не содержащей извести, поверхъ глины на большомъ протяженіи тянутся торфянники; болотистый слой первоначально достигалъ въ среднемъ 2 метровъ толщины; нѣкоторые участки этихъ торфянниковъ не обработывались, другіе подвергаются обработкѣ уже въ теченіе 100 лѣтъ, слѣдствіемъ чего явилось удаленіе почвенныхъ водъ и уменьшеніе толщины этого слоя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до $^1/_2$ метра. — Масса торфа отчасти превращается въ гумусъ и рѣзко обособляется отъ нижележащаго слоя глины. Осушительныя канавы такъ глубоки, что проникаютъ въ глину; большую часть лѣта онѣ стоятъ сухими и

поэтому воздухъ имѣетъ полную возможность проникнуть въ торфянную массу. Осенью торфъ, кромѣ того, насыщается водою, которая зимой замерзаетъ. Протекающая по этой равнинѣ рѣчка Имола имѣетъ на сѣверъ выходъ изъ нея шириною только въ 14,5 метровъ, поэтому весною вода разливается такъ сильно, что нерѣдко покрываетъ всю равнину. Слой торфа, заключающій въ себѣ пузырьки газа и ледъ, оказывается значительно легче воды и поэтому цѣлые участки обработанной почвы, заключенные между канавами, всплываютъ и уносятся вѣтромъ и теченіемъ; отъ одного двора было унесено такимъ образомъ сразу около 40 гектаровъ (37 десятинъ) почвы. Когда приближается время разлива рѣки, то мѣстные жители стараются закрѣпить участки почвы, вбивая колья, чего при сильномъ подъемѣ воды, конечно, бываетъ недостаточно. Д. Н.

О концѣ міра. Въ началѣ прошлаго мѣсяца не мало темнаго люда съ трепетомъ ожидало «конца міра», слухи о которомъ проникли въ темныя массы, благодаря изданной любителями легкой наживы брошюрѣ, трактовавшей о близкой катастрофѣ, въ которой должна погибнуть земля, а съ нею и все человѣчество. Если люди науки и не ждали и не ждутъ въ ближайшемъ будущемъ конца существованія человѣчества, то это не значитъ еще, чтобы идея о концѣ міра вообще была чужда современному научно-философскому воззрѣнію ученаго. Профессоромъ геологіи Стэнье (X. Stainier) была недавно посвящена интересная лекція вопросу о концѣ міра, съ основными положеніями которой мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

Конецъ міра можно представить себѣ двоякимъ образомъ: либо какъ полное уничтоженіе земнаго шара, либо, какъ исчезновеніе или уничтоженіе жизни на землѣ, что гораздо проще и удобопонятнѣе. Первое представленіе лучше всего совпадаетъ съ вульгарной идеей о катастрофѣ, о полномъ разрушеніи. Однако, такой конецъ можетъ явиться только случайнымъ. Человѣчество погибнетъ съ гораздо большею достовѣрностью отъ одного изъ тѣхъ естественныхъ концовъ, которые современная наука можетъ предвидѣть: отъ жажды, потопа или холода.

Что можетъ быть парадоксальнѣе на первый взглядъ, чѣмъ идея гибели органической жизни отъ недостатка воды, отъ жажды! Казалось бы, что мы имѣемъ неисчерпаемые источники влаги въ глубинахъ морей, покрывающихъ три четверти поверхности земного шара, морей, средняя глубина которыхъ доходитъ до 4.000 метровъ. Эта масса воды, внушительная сама по себѣ, ничтожна въ сравненіи съ общимъ объемомъ земного шара, радіусъ котораго достигаетъ 6.378 километровъ. Уже въ прошломъ земная кора поглотила громадное количество воды, вошедшей въ химическое соединеніе съ различными веществами, изъ которыхъ состоитъ земная кора. Процессъ этотъ продолжается и въ настоящее время и въ будущемъ грозитъ принять еще большіе размѣры.

Подъ вліяніемъ силы тяжести вода стремится проникнуть въ глубокіе слои земной коры. До тѣхъ поръ, пока центральное ядро земного шара находится въ огненно-жидкомъ состояніи, вода встрѣчаетъ препятствіе въ своемъ движеніи по направленіи къ центру. Но, по мѣрѣ охлажденія, вода будетъ проникать все глубже и соединится съ веществами недавно затвердѣвшими. Нужно полагать, что породы, расположенныя ближе къ центру должны жадно соединяться съ водою, благодаря ихъ металлическому составу. Мы имѣемъ, дѣйствительно, достаточно указаній для того, чтобы утверждать о металлической природѣ огненно-жидкой матеріи внутри земли. Такъ, напр., извѣстно, что средняя плотность земли равна 5, 5, тогда какъ плотность поверхностныхъ слоевъ всего лишь 2, 5; изъ этого нужно придти къ тому логическому выводу, что матерія расположилась по степени плотности и что плотность ея возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ центру, гдѣ она должна достигнуть, по математическому рас-

чету, 11. 3. По срединѣ эта плотность будетъ отъ 7 до 8, что близко подходитъ къ плотности желѣза. Нерѣдко изверженныя породы состоятъ главнымъ образомъ, изъ желѣза, хрома, титана. Наконецъ, аэролиты состоятъ изъ желѣза, никкеля, кабальта. Вотъ, слѣдовательно, масса безводной матеріи, которая поглотитъ всю воду поверхностныхъ слоевъ. Вода же достигнетъ сюда подъ вліяніемъ силы тяжести.

Масса океановъ будетъ прогрессивно уменьшаться, дожди, оплодотворяющіе континеты, станутъ рѣже, пустыни будутъ разростаться все дальше и дальше.

Чтобы лучше убѣдиться въ возможности такого конца для нашей планеты, можно привести, какъ наглядный примѣръ, планету Марсъ, которая, судя по послѣднимъ наблюденіямъ, агонизируетъ за недостаткомъ воды. Массы льда, накопляющіяся у полюсовъ планеты, таютъ во время лѣта, вода течетъ по геометрически правильно расположеннымъ каналамъ, которые сами становятся замѣтными лишь по мѣрѣ того, какъ растительность появляется на ихъ берегахъ. То, что до сихъ поръ принималось за моря, на самомъ дѣлѣ является, напротивъ, громадными пустынными пространствами. Еще одна, послѣдняя стадія и всякая органическая жизнь исчезнетъ на планетѣ Марсѣ.

Гибель живыхъ существъ отъ жажды, такимъ образомъ, фатальна; но и этого мало: они не могутъ также избѣгнуть смерти отъ холода.

Правда, мы не имѣемъ прямыхъ наблюденій, которыя доказывали бы намъ, что солнце охлаждается. Однако математически доказано, что это охлажденіе существуетъ. Если мы обратимся къ генезису этого могущественнаго источника энергіи, мы можемъ вообразить себѣ вмѣстѣ съ Гельмгольцемъ, что произошло вслѣдствіе конденсаціи той туманности, существованіе которой на зарѣ міровъ признаютъ всѣ новѣйшія космогоніи. Въ этой чрезвычайно разрѣженной средѣ конденсація вызываетъ столкновеніе между частицами и уничтоженіе живой силы, способной создавать очаги свѣта и тепла, называемые звѣздами или солнцами.

Для нашего солнца такая конденсація далеко еще не закончена. Оно еще можетъ сокращаться и даже вычислено, что достаточно минимальнаго сокращенія его діаметра, чтобы произвести громадный запасъ энергіи. Но уплотненіе солнца есть и можетъ быть только вопросомъ времени. Когда уплотненіе матеріи тамъ достигнетъ извѣстной степени, сокращеніе уменьшится сначала, затѣмъ прекратится. Солнечная радіація ослабѣетъ и солнце потухнетъ, когда оно достаточно уплотнится и охладится, чтобы превратиться въ твердое тѣло. Кромѣ такого математическаго доказательства существуетъ фактъ, провѣренный наблюденіемъ, который позволяетъ придти къ тому же самому заключенію. Группа звѣздъ, сходныхъ съ нашимъ солнцемъ, дѣлится на три категоріи: бѣлыя звѣзды, самаго молодого возраста съ очень высокой температурой; желтыя звѣзды, сходныя съ нашимъ солнцемъ, эволюція которыхъ пошла дальше и фотосфера которыхъ заключаетъ меньше водорода въ сравненіи съ звѣздами первой категоріи; наконецъ, третья категорія красныхъ звѣздъ, температура которыхъ сравнительно не высока.

Извѣстны еще временныя звѣзды, которыя загораются вдругъ яркимъ пламенемъ и затѣмъ потухаютъ. Вѣроятно, что, вслѣдствіе сокращенія, водородъ, который онѣ заключаютъ, бурно вырывается, воспламеняется и сообщаетъ звѣздѣ ея временный блескъ. Это, можно думать, послѣдняя стадія въ развитіи звѣзды. Наше солнце должна постигнуть общая участь, но та стадія развитія, въ которой оно находится, позволяетъ еще предвидѣть многіе вѣка, которые протекутъ до стадіи послѣдняго сокращенія.

Земля можетъ также погибнуть, какъ и все въ мірѣ, отъ старости. Подъ старостью земли мы представляемъ себѣ ту стадію ея развитія, когда вся поверхность ея будетъ нивеллирована и воды океана зальютъ сушу.

Извѣстно, что раскаленное ядро въ центрѣ земли проявляетъ свою энергію

въ томъ, что постоянно создаетъ новыя возвышенности, новыя образованія на поверхности. Мы даемъ себѣ гораздо меньше отчетъ въ разрушительномъ дѣйствіи воды. Море, рѣки, ручьи—вотъ агенты разрушители суши.

Мы не будемъ останавливаться на частныхъ примѣрахъ разрушенія суши внѣшними агентами, упомянемъ лишь о томъ, что французскій геологъ Лаппаранъ высчиталъ, что если бы предоставить сушу однимъ внѣшнимъ агентамъ, она исчезла бы въ четыре милліона лѣтъ.

Правда, внутреннія силы будутъ дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ въ теченіе еще долгаго времени, но несомнѣнно тѣмъ не менѣе и то, что внутреннее жидкое содержимое охлаждается съ каждымъ днемъ и наступитъ моментъ, когда сокращеніямъ земной коры положенъ будетъ конецъ. Въ безконечной водной пеленѣ, которая такимъ образомъ покроетъ землю, рыбы быстро минерализуютъ остатки органической матеріи; отсутствіе наземныхъ растеній лишитъ землю той лабораторіи, гдѣ элементы соединяются въ органическое вещество и всякая животная жизнь фатально исчезнетъ на поверхности земли.

Итакъ, если вода океановъ не пойдетъ на химическія реакціи, она тѣмъ не менѣе будетъ способствовать разрушенію нашей планеты и гибели человѣчества. Если послѣдняя роль воды будетъ у нея отнята вслѣдствіе охлажденія солнца, то въ такомъ случаѣ мы станемъ жертвой холода.

Всѣ перечисленныя причины ведутъ къ естественному концу, естественной смерти. Уже вначалѣ мы говорили о случайномъ концѣ, какъ результатѣ столкновенія въ пространствѣ съ однимъ изъ тѣхъ блуждающихъ свѣтилъ, которыя называются кометами. Если бы ихъ масса и скорость движенія были такими, какъ это прежде предполагали, встрѣча кометы съ земнымъ шаромъ была бы навѣрное ужасной катастрофой: оба тѣла перешли бы въ газообразное состояніе. Но прежде всего важно замѣтить, что вѣроятность встрѣчи чрезвычайно ничтожна; и далѣе, въ настоящее время предполагаютъ, что плотность кометы ничтожна и ея знаменитый хвостъ ничто иное, какъ свѣтовое явленіе; въ такихъ условіяхъ столкновеніе оказалось бы скорѣе гибельнымъ для кометы, чѣмъ для земного шара.

Наконецъ, всѣ извѣстныя намъ свѣтила не имѣютъ пути или орбиты, совершенно не измѣняющейся въ пространствѣ. Время вращенія ихъ вокругъ своихъ осей стремится, повидимому, сравняться съ временемъ полнаго ихъ обращенія, что уже и случилось для луны. Естественнымъ концомъ этого процесса, являющагося слѣдствіемъ сопротивленія среды, въ которой движутся планеты, будетъ ихъ паденіе на солнце. Самое солнце—спутникъ какой-нибудь другой звѣзды, постигнетъ та же самая участь и міръ весь будетъ низведенъ до одного единственнаго тѣла. Это будетъ конецъ.

Профессоръ Стэнье въ слѣдующихъ строкахъ резюмируетъ свои тезисы: «Прежде всего, отъ одной изъ приведенныхъ выше причинъ жизнь исчезнетъ на нашей землѣ. При современномъ состояніи нашихъ знаній, невозможно предвидѣть, которая изъ перечисленныхъ причинъ наступитъ раньше и повлечетъ за собою уничтоженіе жизни на землѣ.

Въ концѣ концовъ, изъ приведенныхъ выше механическихъ соображеній, сама солнечная система и вся вселенная цѣликомъ потеряютъ свое настоящее строеніе. Нѣтъ никакихъ основаній для сужденія о томъ состояніи, въ какомъ будетъ находиться матерія, когда распредѣленіе ея сдѣлается инымъ, чѣмъ въ настоящее время. Но, поторопимся добавить, если извѣстныя намъ явленія и процессы будутъ идти своимъ естественнымъ путемъ, цѣлый рядъ долгихъ вѣковъ обозначенъ еще для прогрессивнаго развитія человѣчества».

Метеорологія и физическая географія. 1) *Метеорологическія наблюденія во время бельгійской антарктической экспедиціи.* Метеорологъ бельгійской антарктической экспедиціи Арктовскій даетъ въ журналѣ «Ciel et Terre»

обработанный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Извѣстно, что взгляды компетентныхъ ученыхъ расходились очень значительно относительно температуры, которую можно предполагать въ антарктической области. Такъ, напр., Геймъ поддерживалъ тотъ взглядъ, что температура этой области не должна быть очень низка. Другіе, въ числѣ ихъ Джемсъ Кроль, держались противоположнаго мнѣнія, ожидая встрѣтить тамъ чрезвычайно низкую температуру. Бельгійское судно «Belgica» первое провело цѣлый годъ въ антарктическихъ льдахъ, метеорологическія наблюденія на немъ производились каждый часъ ночью и днемъ и такимъ образомъ является возможнымъ замѣнить существующія гипотезы нѣкоторыми фактами, добытыми изъ цѣлой серіи наблюденій.

Самый холодный мѣсяцъ—іюль: его средняя температура —23,5°, съ наиболѣе низкою температурою —37,1°. Но наиболѣе низкая температура года —43,1 наблюдалась въ сентябрѣ. Самый теплый мѣсяцъ—февраль: его средняя температура —1° и наиболѣе низкая —9,6°.

Прилагаемая таблица даетъ среднюю температуру всѣхъ мѣсяцевъ.

1898 г. Мартъ	— 9,1°		1898 г. Сентябрь	—18,5°	
» Апрѣль	—11,8°	— 9,1	» Октябрь	— 7,9°	—11,1°
» Май	— 6,5°		» Ноябрь	— 6,9°	
» Іюнь	—15,6°		» Декабрь	— 2,2°	
» Іюль	—23,5°	—16,8	1899 г. Январь	— 1,2°	— 1,5°
» Августъ	—11,3°		» Февраль	— 1,0°	

Средняя температура года: —9,6°. Если мѣсяцы іюнь, іюль и августъ считать зимою, а мѣсяцы декабрь, январь и февраль—лѣтомъ, то средняя температура антарктическаго лѣта будетъ —1,5°, зимы —16,8°.

Разсматривая минимальныя температуры каждаго мѣсяца, мы находимъ, что даже въ самые теплые мѣсяцы года термометръ падалъ въ январѣ до —8,1° и въ февралѣ до —9,6°. Интересны также максимальныя температуры: зимою термометръ поднимался до —1°—0°, весною и осенью до +1° и лѣтомъ достигалъ до +2°.

Этихъ цифръ достаточно. Онѣ показываютъ намъ, что между 70 и 71 параллелью и 85°—95° западной широты въ льдахъ океана средняя температура года ниже, чѣмъ температура сѣвернаго берега Шпицбергена (—8,9°), который находится на 10° ближе къ полюсу. Далѣе, что температура лѣтнихъ мѣсяцевъ во льдахъ арктическаго океана (іюнь, іюль и августъ) по трехлѣтнимъ наблюденіямъ на «Фрамѣ» Нансена равняется въ среднемъ —1,2° нѣсколько выше, чѣмъ въ антарктическомъ океанѣ (—1,5). Средняя температура 70-й параллели сѣвернаго полушарія —10,2. Если принять въ соображеніе, что 70-я параллель южнаго полушарія на значительныя пространства занята сушей, то нужно думать, что средняя температура ея будетъ ниже этой цифры. Если это такъ, то мы вправѣ предположить, что антарктическій полюсъ холода долженъ имѣть среднюю температуру, столь же низкую, какъ и азіатскій и сѣверо-американскій полюсы холода, если не ниже.

Отчетъ содержитъ еще много наблюденій надъ другими метеорологическими элементами, какъ-то: направленіемъ и силою вѣтра, барометрическимъ давленіемъ и т. п. Резюмируя свои наблюденія, Арктовскій даетъ слѣдующую общую характеристику климата антарктической области: мало тихой погоды, небо постоянно покрытое тучами, частые туманы, много снѣга и сильная влажность воздуха.

2) *Вліяніе метеорологическихъ элементовъ на психику.* Декстеръ даетъ отчетъ въ журналѣ «Science» о результатѣ своихъ изслѣдованій о вліяніи различныхъ метеорологическихъ элементовъ на психическое состояніе людей. Методъ его изслѣдованія былъ слѣдующій. Наблюденія Нью-Іоркской метеорологической станціи позволили опредѣлить на 3.650 дней (съ 1888 по 1897 г.

включительно) точное процентное количество дней съ хорошей погодой, дней съ облачнымъ небомъ, дождливыхъ дней; другая группировка была сдѣлана для температуры, отъ 5° до 10°, отъ 10° до 15° и т. д. Кромѣ того, было сдѣлано много другихъ группировокъ по высотѣ барометра, влажности воздуха, силѣ вѣтра. Съ другой стороны взята статистика ссоръ, самоубійствъ, случаевъ помѣшательства, смерти—всего до 400.000 случаевъ. Далѣе авторъ разсуждалъ такъ: если погода не оказываетъ вліянія на психику и если, напр., число дней съ ясной, свѣтлой погодой составляетъ 30% всего числа дней, то и количество ссоръ, убійствъ, самоубійствъ и пр., падающихъ на эти дни должно быть равнымъ 30% общаго числа подобныхъ случаевъ. Если же пропорція послѣднихъ будетъ, напр., 35%, то погода, слѣдовательно, оказываетъ вліяніе. Сравненія были представлены графическимъ путемъ. Вотъ нѣкоторые изъ главнымъ результатовъ изслѣдованія.

Умѣренныя температуры всегда совпадаютъ съ увеличеніемъ разсматриваемыхъ случаевъ; холодная температура соотвѣтствуетъ, наоборотъ, уменьшенію случаевъ. Слѣдующіе случаи возрастаютъ съ пониженіемъ температуры: смерти, самоубійства, ошибки въ банковыхъ операціяхъ.

Низкое стояніе барометра даетъ увеличеніе случаевъ нападеній, ссоръ, самоубійствъ. Однако, много основаній думать, что плотность атмосферы не является главнымъ факторомъ, вліяетъ же существеннѣе соотвѣтствующее метеорологическое состояніе атмосферы.

Авторъ считаетъ установленнымъ фактомъ внѣ всякихъ сомнѣній, что малая влажность воздуха соотвѣтствуетъ большому количеству ссоръ, нападеній и т. п. Болѣе того, въ Данверѣ (Колорадо), гдѣ влажность нормально очень незначительна, количество анормальныхъ фактовъ достигаетъ чрезмѣрно высокаго %.

Вѣтеръ также вызываетъ увеличеніе случаевъ нападенія и ссоръ. Съ тихой погодой наступаетъ ихъ уменьшеніе, за исключеніемъ, однако, случаевъ самоубійствъ. Самоубійства чаще въ хорошую погоду и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: мая и іюня. Однако, въ Данверѣ, гдѣ туманные дни большая рѣдкость, они то именно и даютъ ненормально высокій % самоубійствъ. («Revue Scientifique»)

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Новая обсерваторія въ Одессѣ. Въ маѣ 1896 года въ Парижѣ состоялась конференція астрономовъ съ цѣлью выработать общую систему основныхъ постоянныхъ величинъ, которыя до тѣхъ поръ въ различныхъ астрономическихъ календаряхъ давались по различнымъ авторитетамъ, принять одни и тѣ же положенія фундаментальныхъ звѣздъ и согласиться въ способахъ дальнѣйшихъ наблюденій. Однимъ изъ результатовъ этой конференціи было рѣшеніе директора нашей Пулковской обсерваторіи Баклунда, участвовавшаго въ работахъ конференціи, построить на югѣ Россіи новую обсерваторію—отдѣленіе Пулковской со спеціальною задачей. Какъ извѣстно, пулковскія опредѣленія положеній звѣздъ считаются наилучшими въ мірѣ. При составленіи такъ называемаго Фундаментальнаго каталога проф. Auwers придалъ имъ значеніе въ четыре раза больше, чѣмъ другимъ, такъ что система этого каталога явилась почти пулковской системой.

Понятно поэтому, что Пулковская обсерваторія съ особенной отзывчивостью должна была относиться ко всякому возможному увеличенію точности своихъ наблюденій. Между тѣмъ ея сѣверное положеніе не позволяло перейти извѣстныхъ предѣловъ въ опредѣленіи основныхъ точекъ, къ которымъ от-

носятся положенія всѣхъ свѣтилъ, (*равноденственныя точки*) и наклонности эклиптики къ экватору. Явилось чрезвычайно важнымъ произвести рядъ наблюденій надъ значительно болѣе южной широтой, и наблюденій образцовыхъ, съ точнѣйшими инструментами, какіе только можно получить при современномъ состояніи техники. Проэктъ Баклунда былъ одобренъ и уже весной 1897 года началась постройка новой обсерваторіи въ Одессѣ на участкѣ земли, принадлежащемъ университетской обсерваторіи. Городская дума, съ своей стороны выдѣлила часть свободнаго пространства къ югу обсерваторіи для установки вспомогательныхъ приспособленій и закрыла для проѣзда дорогу, пролегающую возлѣ обсерваторіи. Выборъ мѣста былъ сдѣланъ Баклундомъ и старшимъ астрономомъ Пулковской обсерваторіи Нюреномъ при участіи директора Одесской обсерваторіи проф. Кононовича. Постройка поручена механику Тимченко.

Новая обсерваторія представляетъ собой раздвижной домикъ; середина неподвижна, а боковыя части, въ которыхъ стоятъ два инструмента, откатываются во время наблюденій въ сторону, такъ что равенство температуръ наружнаго воздуха и непосредственно окружающаго инструменты, обусловливающее болѣе спокойныя изображенія, является идеальнымъ. Правда, такая конструкція имѣетъ и свои неудобства. Такъ, наблюдатель остается совершенно безъ всякой защиты отъ вѣтра, а вѣтры въ Одессѣ бываютъ очень часто, и вѣтры очень сильные. Трудно предохранить при этомъ также инструменты отъ сильныхъ лучей во время дневныхъ наблюденій. Однако г. Тимченко удалось устроить приспособленія, устраивающія отчасти эти недостатки,—это подвижная ширма съ южной стороны. Для наблюденія же солнца предназначена особая солнечная ширма.

Величайшій врагъ инструментовъ въ Одессѣ—пыль. Окружающій обсерваторію садъ мало парализуетъ ея вліяніе. Чтобъ уменьшить до нѣкоторой степени количество пыли, части площадки, непосредственно промыкающія къ павильону, цементированы.

На обсерваторіи два главныхъ инструмента: такъ называемый пассажный инструментъ, на которомъ наблюдается точно моментъ прохожденія свѣтила черезъ меридіанъ и вертикальный кругъ—инструментъ для опредѣленія высоты свѣтила. Оба они представляютъ уменьшенныя по размѣрамъ копіи знаменитыхъ оригинальныхъ пулковскихъ инструментовъ, оказавшихся, какъ показалъ опытъ, наиболѣе пригодными для фундаментальныхъ опредѣленій. Постройка перваго инструмента была поручена механику Пулковской обсерваторіи г. Фрейбергу. Послѣдній оказался на высотѣ своего призванія. Какъ выражается г. Баклундъ въ своемъ отчетѣ, его инструментъ—chef d'oeuvre, механическаго искусства. Нельзя не привѣтствовать этого успѣха, такъ какъ это первый опытъ постройки большого инструмента въ Россіи. Но, конечно, оптическія части заказаны были заграницей, именно у Штейгеля въ Мюнхенѣ. Къ инструменту присоединенъ новый регистрирный микрометръ системы Репсольда, значительно увеличивающій точность пассажныхъ наблюденій. Этотъ деликатный приборъ былъ заказанъ самому изобрѣтателю. Тому же Репсольду было поручено изготовленіе вертикальнаго круга. Интересно отмѣтить, что при этомъ заказѣ Репсольдъ съ упорствомъ отстаивалъ наибольшую точность *небольшихъ* раздѣленныхъ круговъ сравнительно съ тѣми, которые та же фирма выпускала въ прежнее время. Всѣ новѣйшія усовершенствованія, до которыхъ дошли бр. Репсольдовы, были введены въ новомъ инструментѣ. Не останавливаясь подробно на устройствѣ его, отмѣтимъ, что микроскопы для отсчитыванія дѣленія круга имѣютъ въ длину 0,6 метра, т. е. почти цѣлый аршинъ; кромѣ того, снизу кругъ прикрытъ желѣзнымъ щитомъ, такъ что вліянія теплоты отъ тѣла

наблюдателя на отсчетъ совершенно устраняется. Увеличеніе микроскоповъ очень большое (80), что обусловливаетъ высокую точность наведенія.

Необходимые для пассажныхъ наблюденій часы сдѣланы Рифлеромъ, въ Мюнхенѣ, которому удалось недавно устроить маятникъ съ весьма совершенной компенсаціей вліянія температуры. Для устраненія вліянія колебаній барометра, часы поставлены въ герметически закрытомъ стеклянномъ цилиндрѣ, имѣющемъ въ нижней части два отверстія: для заводной штанги и крана, служащаго для выкачиванія воздуха. Для установки часовъ въ Одессу пріѣзжалъ самъ Рифлеръ, которому удалось привести ходъ ихъ почти къ нулю. Какъ показали дальнѣйшія изслѣдованія, ходъ часовъ держится чрезвычайно хорошо.

Первые инструменты были установлены позднимъ лѣтомъ 1898 года и непосредственно затѣмъ были начаты изслѣдованія ихъ и возможныя наблюденія. Въ февралѣ 1899 г., прибылъ вертикальный кругъ и съ 3-го апрѣля обсерваторія могла приступить къ рѣшенію своей главной задачи. Какъ вертикальнымъ кругомъ, такъ и пассажнымъ инструментомъ наблюдается солнце каждый день, когда позволяетъ погода, причемъ на пассажномъ инструментѣ наблюденія солнца соединяются съ нѣкоторымъ числомъ фундаментальныхъ звѣздъ. Кромѣ того, въ программу вошли фундаментальныя опредѣленія положеній 170 звѣздъ отъ 1 до 4 величины.

Наблюдателемъ на обоихъ инструментахъ и завѣдующимъ отдѣленіемъ Пулковской обсерваторіи назначенъ молодой талантливый ученый, г. Орбинскій.

Нельзя не подивиться той быстротѣ, съ какою создана обсерваторія съ дорогими, удивительными по точности инструментами. Въ только что вышедшемъ отчетѣ директора Пулковской обсерваторіи мы находимъ уже и подсчетъ наблюденій, произведенныхъ на ней. Интересно сопоставленіе числа наблюденій солнца въ Одессѣ и Пулковѣ, характеризующее преимущества атмосферныхъ условій въ первомъ городѣ:

Въ Одессѣ:

Пассажн. инструм. . . . . 42 наблюд.
Вертик. кругъ . . . . . 49 » } за $3^1/_2$ мѣсяца.

Въ Пулковѣ:

Пассажн. инстр. . . . . 27 наблюд. за годъ.
Вертик. кругъ . . . . . 15 » » 10 мѣс.

Въ самый плохой по погодѣ періодъ, съ октября по декабрь, въ Одессѣ было, по наблюденіямъ Орбинскаго 34—40 дней, которые годились бы для наблюденія, тогда какъ въ Пулковѣ за промежутокъ почти вдвое больший (съ октября по февраль) въ среднемъ за послѣдніе два года оказалось такихъ дней всего 10.

Двѣ *новыя перемѣнныя* звѣзды открыты Θ. Андерсономъ въ Эдинбургѣ: одна въ созвѣздіи Геркулеса, другая—въ Лебедѣ. Положеніе первой опредѣляется для 1855 года (эпоха, для которой составленъ основной атласъ такъ-называемый «Bonner Durchmusterung») величинами:

$$\alpha = 17^h53^m27^s$$
$$\delta = +19°30'$$

Измѣненіе яркости доходитъ почти до одной звѣздной величины ($9^m0 - 9^m9$). Положеніе второй:

$$\alpha = 20^h9^m44^s$$
$$\delta = +30°37$$

Ея яркость 28 авг. (н. с.) 1899 г. было 8,5 31 авг.—8,6, а сент. 20—9,2.

---

*

Шесть новыхъ планетъ открыто съ помощью фотографіи профессоромъ Вольфомъ и его ассистентомъ Швасмаломъ въ Гейдельбергѣ:

1899	ER	окт. 15	(ст. ст.)	11—m велич.
»	ES	»	»	11,3 »
»	ET	»	»	11,5 »
»	EU	окт. 19	»	11,0 »
»	EV	»	»	11,7 »
»	EW	окт. 23	»	11,0 »

Планета 1899 EV оказалась уже сфотографированной 10 и 26 окт., но была принята за планету (214) Асферу, между тѣмъ скорость ея движенія, какъ выяснилось послѣ, не согласуется съ тѣмъ, что даютъ вычисленія, такъ что тождество планетъ является весьма невѣроятнымъ.

Историческая звѣзда 61 Лебедя, благодаря своему значительному собственному движенію, со времени знаменитаго кёнигсбергскаго астронома Бесселя, который впервые получилъ надежное значеніе ея параллакса, продолжаетъ постоянно и теперь служить объектомъ изслѣдованія въ томъ же направленіи. Параллаксъ 61 Лебедя опредѣлялся различными способами: съ помощью измѣреній микрометромъ, геліометромъ, изъ пассажныхъ наблюденій, фотографіей. Въ 1897 году проф. Schur предложилъ новый родъ измѣреній съ помощью большого геліометра Гёттингенской обсерваторіи новѣйшей конструкціи знаменитаго механика-художника Репсольда. Обрабатывая свои результаты, Schur пришелъ къ интересному заключенію, что одна изъ четырехъ звѣздъ, съ которыми онъ сравнивалъ положенія 61 Лебедя. имѣетъ такой же параллаксъ, какъ послѣдняя, т. е. что она находится отъ насъ, приблизительно, на такомъ же разстояніи. Можно предполагать, что эта звѣзда составляетъ одну физическую систему съ 61 Лебедя.

Новый гигантскій телескопъ. Обсерваторія Гарвардскаго колледжа, прославившаяся своими удивительными открытіями за послѣдніе годы, интересна, между прочимъ, тѣмъ, что изслѣдованіе неба она ведетъ не рутинными средствами, а постоянно вводя новые методы, новые инструменты. Обладая громадными средствами, она не стѣсняется ни штатами, ни приспособленіями. Еще недавно на средства извѣстной меценатки г-жи Брюсъ былъ построенъ необыкновенной силы фотографическій рефракторъ, объективъ котораго имѣетъ 24 дюйма, въ то время, какъ фокусное разстояніе всего 144 дюйма, такъ что отношеніе = 1 : 6. Онъ поставленъ въ отдѣленіи обсерваторіи въ Арекипѣ (Перу) и прославился уже массой интересныхъ результатовъ, изъ которыхъ можно указать: открытіе 9-го спутника Сатурна. рядъ фотографическихъ снимковъ Эрота, которые послужили къ лучшему опредѣленію орбиты планеты, открытіе измѣненія блеска въ нѣкоторыхъ звѣздныхъ скопленіяхъ, открытіе многихъ такъ-называемыхъ *звѣздъ Вольфа-Райе* въ Магеллановыхъ облакахъ, фотографическіе снимки спектровъ огромнаго числа звѣздъ. На одной пластинкѣ съ такимъ инструментомъ фотографируется до 400.000 звѣздъ!

Теперь директоръ обсерваторіи Гарвардскаго колледжа Пикерингъ хочетъ сдѣлать обратный опытъ: построить трубу съ небывало длиннымъ фокуснымъ разстояніемъ, въ 139 разъ превосходящимъ діаметръ объектива. При сравнительно скромныхъ размѣрахъ послѣдняго — 14 дюймовъ, Пикерингъ предполагаетъ фокусное разстояніе трубы сдѣлать въ 162 фута. Понятно, что для такой длинной трубы наиболѣе удобное положеніе горизонтальное, неизмѣнное; лучи же отъ свѣтила направляются въ трубу поворачивающимся зеркаломъ.

Съ этой трубой Пикерингъ надѣется получить лучшіе снимки солнечныхъ пятенъ и протуберансовъ, детали внутреннихъ частей солнечной короны, значительнаго діаметра снимокъ луны, можетъ быть, даже Юпитера, Сатурна и Марса, снимокъ Эрота во время ближайшаго противостоянія, которые могли бы служить для болѣе точнаго опредѣленія разстоянія отъ насъ солнца и пр.

Такъ какъ обсерваторія Гарвардскаго колледжа уже имѣетъ часть необходимыхъ аппаратовъ, то для сооруженія проектируемаго фотогеліографа нужна сравнительно небольшая сумма около 20.000 рублей. Кажется, уже нашлись и сочувствующія проекту богатыя лица, которыя помогутъ своими пожертвованіями. Возможно, что труба будетъ готова къ предстоящему затменію 16-го мая. Можно надѣяться, что результаты, полученные съ нею, будутъ очень цѣнны. По крайней мѣрѣ, опытъ астронома Шеберле, употребившаго во время затменія 1893 года въ первый разъ для фотографированія солнечной короны объективъ съ исключительно длиннымъ фокуснымъ разстояніемъ, былъ чрезвычайно удаченъ. Въ 1896 г. также съ успѣхомъ фотографировалась по способу Шеберле солнечная корона въ сибирской экспедиціи Русскаго Астрономическаго Общества.

Лунное затменіе. Въ ночь съ 4-го на 5-ое декабря (ст. ст.) почти во всей Россіи будетъ наблюдаться частное лунное затменіе, величина котораго какъ выражаются астрономы=0,996, т. е. 0,996 луннаго діаметра будетъ покрыто тѣнью. Внѣ тѣни останется всего 0,004 діаметра—величина едва замѣтная, такъ что можно собственно считать затменіе полнымъ.

Начало	его	по	пулковскому	времени	въ	1	часъ 45,9	мин. утра.
Средина	»	»	»	»	»	3	часа 27,2	» »
Конецъ	»	»	»	»	»	5	час. 8,5	» »

При наблюденіи нужно отмѣчать время прикосновенія тѣни къ тому и другому краю извѣстныхъ лунныхъ цирковъ, слѣдить за формой границы тѣни и окраской послѣдней.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь. 1899 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія искусства.—Публицистика.—Исторія культуры.—Политическая экономія.—Философія.—Содержаніе «Библіографическаго отдѣла» въ 1899 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Н. Терпигоревъ. «Собраніе сочиненій».—*А. И. Свирскій.* «Разсказы».—*В. Рышковъ.* «Собраніе сочиненій».—*А. О. Недолинъ.* «Искры. Очерки и разсказы».—*Д. Ратгаузъ.* «Собраніе стихотвореній».

С. Н. Терпигоревъ. Собраніе сочиненій. Томы IV, V, VI. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. за всѣ VI т. 9 р. О первыхъ трехъ томахъ полнаго собранія сочиненій Терпигорева мы уже говорили (см. «Крит. Зап.», авг. 1899 г.). Въ трехъ послѣднихъ томахъ помѣщены болѣе мелкія его произведенія, историческіе очерки, дорожныя замѣтки и воспоминанія. О его разсказахъ намъ не приходится распространяться послѣ общей характеристики этого талантливаго писателя, сдѣланной нами прежде. Можно замѣтить лишь, что разсказы, вошедшіе въ IV и V томы, значительно уступаютъ какъ «Оскудѣнію», такъ и его «Потревоженнымъ тѣнямъ», и не только значительностью содержанія, но и формою. Какъ художникъ и бытописатель, Терпигоревъ настолько полно высказался весь въ «Оскудѣніи», что всѣ остальныя его многочисленныя произведенія только повторяютъ или варьируютъ основную тему этихъ его знаменитыхъ очерковъ, мало добавляя къ его авторской физіономіи. Предъ нами все тотъ же умный и талантливый бытописатель, живо и съ огромнымъ знаніемъ среды изображающій вырожденіе помѣщичьяго сословія. Далѣе этого онъ не пошелъ, и даже то возрожденіе дворянской идеи, которое началось съ 80-хъ годовъ, какъ-то мало затронуло Терпигорева. По крайней мѣрѣ, оно ничѣмъ не отразилось въ его художественныхъ произведеніяхъ.

Въ IV и V томѣ собраны преимущественно его небольшіе разсказы, которые можно раздѣлить на двѣ группы: въ однихъ, — и это лучшіе, — разработаны тѣ же темы и типы, что и въ «Оскудѣніи», къ которому они составляютъ непосредственное дополненіе. Таковы, напр., разсказы «Сморчки», «Чайная роза», «На старомъ гнѣздѣ», «Жоржъ», «Сонечкинъ сонъ», «Князь Иванъ», «Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы». Мѣстомъ дѣйствія является Петербургъ, гдѣ эти жалкіе пережитки крѣпостнаго права влачатъ остатки дней своихъ, примѣняясь къ новымъ условіямъ жизни, въ качествѣ различныхъ «дѣятелей», изыскивающихъ средства пропитанія, до воровства и дрессировки собакъ включительно («Князь Иванъ»). Болѣе счастливые, утянувшіе изъ деревни кое-какія крохи, доѣдаютъ ихъ мирно, устроивъ себѣ нѣкую идиллію съ отставными кокотками, которую авторъ безподобно описываетъ въ очеркѣ «Сморчки». Среди многочисленныхъ разсказовъ Терпигорева это одинъ изъ превосходнѣйшихъ, по остроумію и ѣдкости сатиры. Умираніе сословія, тихое и незамѣтное его исчезновеніе со сцены жизни представлено въ лицахъ этихъ когда-то властителей

тысячъ жизней и обладателей огромныхъ состояній, которые безъ мысли о будущемъ, безъ традицій, сколько-нибудь возвышающихъ душу, ушли цѣликомъ въ мелкія будничныя утѣхи, въ родѣ вкусно приготовленныхъ сморчковъ, на которыхъ они и сами удивительно похожи. «Они показались мнѣ, — говоритъ онъ, описывая дружественную компанію такихъ «сморчковъ», — не то, чтобы униженными, не то, чтобы на нихъ не было обращено должнаго вниманія, а какъ бы людьми, ничѣмъ-ничѣмъ не заявившими себя въ прошедшемъ и совершенно безъ всякаго будущаго... Они ничего не могли сказать ни о своемъ прошедшемъ, полномъ субъективныхъ и очень большихъ, можетъ быть, впечатлѣній, ни о своемъ будущемъ, въ которомъ не собирались ничего предпринять и въ которомъ, какъ это казалось всѣмъ извѣстно, ихъ ожидало только мирное и тихое умираніе...»

Другую группу разсказовъ составляютъ чисто петербургскіе очерки, въ которыхъ Терпигоревъ со свойственнымъ ему талантомъ и юморомъ выводитъ типы петербургской жизни. Лучшимъ и типичнѣйшимъ для него очеркомъ можетъ служить разсказъ «Братья Голубчиковы», два ростовщика, ядовитые продукты столичной плѣсени. Очеркъ въ художественномъ отношеніи выдержанъ превосходно, и драма, разыгрывающаяся между двумя братьями, на старости влюбившимися въ ловкую и красивую аферистку, полна глубокаго психологическаго интереса. Этотъ разсказъ показываетъ, между прочимъ, что Терпигоревъ былъ не только бытописателемъ, но и тонкій психологъ, умѣвшій рисовать не только выродившихся дворянчиковъ съ ихъ несложной душевной структурой и примитивными инстинктами.

Что касается его двухъ историческихъ очерковъ, «Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные» и «Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ», то они не представляютъ особаго интереса ни по формѣ, ни по содержанію. Историческій жанръ не по силамъ Терпигореву, у котораго не было творческой фантазіи, необходимой историческому изслѣдователю-художнику. Очерки написаны сухо и заключаютъ преимущественно отрывочный пересказъ документовъ. То же приходится сказать и о его «Дорожныхъ очеркахъ» напрасно выкопанныхъ издателемъ изъ фельетоновъ «Нов. Времени», гдѣ они помѣщались. Наблюденія автора бѣглы, поверхностны и не интересны, не говоря уже о томъ, что они теперь и устарѣли.

Несравненно интереснѣе и содержательнѣе его «Воспоминанія», въ которыхъ Терпигоревъ разсказываетъ о гимназіи конца 50-хъ годовъ и объ университетской жизни начала 60-хъ. Любопытна и поучительна его характеристика педагогіи того времени. «Мы,—говоритъ онъ,—жили, развивались и развились въ то, что мы теперь представляемъ, поучительнымъ и удивительнымъ путемъ. По настоящему, по тому, что дѣлалось для нашего развитія начальствомъ, по тому, что оно внушало намъ, по тому, какіе мы видѣли примѣры,— изъ насъ изо всѣхъ должны бы были обязательно выйти подлецы. Если что спасло насъ, такъ это недостатокъ педагогическихъ на насъ воздѣйствій, слишкомъ большой примѣръ живой жизни, которую педагоги съ своими методами и системами еще не успѣли въ школахъ того времени задавить. Этотъ примѣръ живой жизни, какими безобразіями ни сопровождался, спасъ насъ, не далъ намъ задохнуться и сдѣлаться тѣми жалкими, несчастными, золотушными, блѣдными, съ искривленными спинами, близорукими, съ геморроями въ четырнадцать лѣтъ, какихъ сколько угодно въ теперешнихъ школахъ, устроенныхъ и ведомыхъ чиновниками-педагогами съ изсохшими мозгами и сердцемъ. Не развита была еще тогда педагогическая наука (какая злая насмѣшка надъ великимъ словомъ: наука!), и мы спаслись. Безобразія живой, распущенной жизни все-таки оказались менѣе вредными, чѣмъ воздѣйствіе чиновниковъ-педагоговъ съ ихъ мертвой наукой воспитанія». Далѣе Терпигоревъ указываетъ на огромное вліяніе

чтенія. «Жажда чтенія доходила у насъ въ кружкѣ до степени какого-то запоя. Мы читали вечерами, ночами, утромъ, для чего вставали за часъ и больше до общаго положеннаго по росписанію времени и зимой читали при свѣтѣ топившейся печки. Бывало, холодно, темно еще совсѣмъ, а мы, укрывшись шинелями, сидимъ у печки, она трещитъ, пылаетъ, одинъ кто-нибудь вслухъ читаетъ, а остальные слушаютъ. И читали мы не вздоръ какой-нибудь, а все серьезныя вещи: исторію Соловьева, Бѣлинскаго, который тогда только-что вышелъ, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только-что появившагося тогда Добролюбовъ... И я, и всѣ мы можемъ прямо сказать, что этому чтенію, или этой охотѣ къ чтенію, мы обязаны всѣмъ нашимъ развитіемъ...»

Интересны и воспоминанія о первыхъ шагахъ автора въ литературѣ, въ которой онъ выступилъ корреспондентомъ, и о его столкновеніи съ новымъ тогда закономъ о печати. Терпигоревъ началъ писать въ «Голосъ» Краевскаго, куда послѣ исключенія изъ университета за участіе въ знаменитой студенческой исторіи въ началѣ 60-хъ годовъ, началъ изъ деревни посылать сообщенія. Между прочимъ, онъ сообщилъ вопіющій фактъ о задержкѣ хлѣба для голодающихъ на желѣзной дорогѣ. Корреспонденція произвела огромное впечатлѣніе и вызвала даже правительственное разслѣдованіе, подтвердившее вполнѣ фактъ задержки. Тѣмъ не менѣе, правленіе дороги возбудило преслѣдованіе за диффамацію противъ редактора. Представить документальныя данныя, требуемыя статьей о диффамаціи, Терпигоревъ не могъ, но возмущенное мѣстное общество города Козлова, на станціи котораго былъ сваленъ хлѣбъ для голодающихъ, представило адресъ отъ города въ газету «Голосъ», въ которомъ дума, подтверждая всю фактическую сторону корреспонденціи, благодарила редактора и автора за то, что они осмѣлились вступиться въ это вопіющее дѣло. Адресъ, однако, не спасъ газету отъ обвинительнаго приговора, хотя судебная палата ограничила его минимальнымъ взысканіемъ въ 25 р.

Таково содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ собранія сочиненій Терпигорева. Крупное общественное значеніе его произведеній, художественное достоинство ихъ и разнообразіе содержанія даютъ этому писателю полное право на вниманіе всей читающей публики.

А. И. Свирскій. Смертная казнь и другіе разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Новый томикъ разсказовъ г. Свирскаго ничѣмъ не отличается отъ его прежнихъ очерковъ по тюрьмамъ и этапамъ, въ которыхъ авторъ обнаружилъ знаніе этой своеобразной среды и наблюдательность. Его очерки написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ и не безъ искры таланта, просвѣчивающей въ обрисовкѣ любопытныхъ типовъ изъ міра отверженныхъ. Первый изъ очерковъ настоящаго сборника «Смертная казнь» производитъ тяжелое впечатлѣніе несомнѣнной правдивостью. Дѣло происходитъ на одной изъ азіатскихъ окраинъ, гдѣ татаринъ Али вмѣстѣ съ своими родственниками зарѣзалъ и ограбилъ лавочника, за что его ожидаетъ смертная казнь. Али плохо сознаетъ и свою вину, и то, что его ожидаетъ. Онъ отказывается отъ пищи, въ ожиданіи отвѣта на свою «бумагу», которую онъ послалъ «бѣлому царю» о помилованіи. Бумага, конечно, не была даже послана, такъ какъ вина Али несомнѣнна и не отрицается имъ самимъ. Смотритель и другое мелкое начальство очень озабочены, какъ-бы Али не умеръ отъ голода до срока, когда назначена казнь, и то лаской, то побоями заставляютъ его «покушать». Наконецъ, Али, убѣжденный разсказчикомъ, который могъ поговорить съ нимъ на его языкѣ, соглашается ѣсть, къ великой радости начальства, а затѣмъ наступаетъ роковой срокъ и бѣдняга Али жестоко разочаровывается въ самый радужный моментъ, когда онъ думалъ, что именно теперь его дѣло выиграно и жизнь спасена. Наивность этого примитивнаго созданія, добродушье окружающихъ и ужасное дѣло, которое имъ всѣмъ предстоитъ, описаны авторомъ съ простотой и правдивостью,

подчеркивающей тягостность этого случая, повидимому, выхваченнаго изъ жизни. Другіе очерки не производятъ такого впечатлѣнія, хотя они всѣ болѣе или менѣе грустны. Зависитъ это больше всего отъ анекдотичности очерковъ, которые въ большей или меньшей степени всѣ имѣютъ характеръ случайныхъ набросковъ. Нѣсколько выдѣляется разсказъ «По-господски», недурно и даже оригинально задуманный, но плохо законченный. Дѣвушка отказывается повѣнчаться съ влюбленнымъ въ нее рабочимъ, такъ какъ она его недостаточно еще знаетъ, и предлагаетъ жить съ нимъ такъ, «по господски», не вѣнчанная. Она развиваетъ ему цѣлую теорію брачной жизни, простую и очень основательную, о необходимости хорошо узнать другъ друга, прежде чѣмъ на всю жизнь связать себя. Читатель заинтересовывается, думаетъ, что предъ нимъ оригинальный типъ изъ народной среды, какъ вдругъ оказывается, что проповѣдница разумнаго брака—замужняя и всю теорію свою изобрѣла съ цѣлью надуть влюбленнаго парня. Получается въ концѣ концовъ глупый анекдотъ, недурно разсказанный, какъ и остальные анекдоты г. Свирскаго. Нельзя не отмѣтить также нѣкоторую слащавость тона, съ которою трактуются незамысловатые сюжеты автора, что мѣстами производитъ впечатлѣніе дѣланности и фальши, подрывающихъ довѣріе къ искренности автора.

В. Рышковъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Женихи. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Разсказы и очерки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. Г. Рышковъ—авторъ многоопытный и много пишущій. На обложкѣ его изданій мы видимъ много романовъ, повѣстей и разсказовъ, очерковъ и даже какую-то «Земледѣльческую эпопею». Очевидно, онъ—не новичекъ въ литературѣ, робко пробующій свои силы въ различныхъ отрасляхъ ея. О томъ же говоритъ и полное «собраніе сочиненій», чего удостоиваются обыкновенно маститые авторы, на склонѣ дней подводящіе итоги своей многотрудной жизни. Маститый ли авторъ г. Рышковъ, не знаемъ, но глубокое изумленіе, съ какимъ мы читали его «сочиненія», заставляетъ насъ посвятить ему нѣсколько строкъ. Гдѣ и когда печатались эти творенія, намъ неизвѣстно, но, судя по работѣ, можно смѣло утверждать, что если авторъ ея не съ Никольскаго рынка, то очень недалекъ отъ этого литературнаго всероссійскаго центра, поставляющаго свой не хитрый товаръ въ разныя захолустья на пользу и увеселеніе добрымъ россіянамъ. Авторы этого сорта выдаютъ себя «выдумкой» позаористѣе и почуднѣе, и чѣмъ фантазія ихъ игривѣе въ этомъ отношеніи, тѣмъ ходовѣе и ихъ товаръ. Г. Рышковъ старается поэтому всячески разнообразить свою выдумку и описываетъ то, чего самъ не видалъ и не слыхалъ. Въ романѣ «Женихи» онъ вводитъ читателя въ свѣтское петербургское общество, гдѣ герои—князья, именитые дворяне и помѣщики. Мать-генеральша ищетъ жениховъ для своей дочери, красавицы конечно, и употребляетъ самыя незамысловатыя средства, въ родѣ того, напр. что разсказываетъ князю-жениху, какова красавица ея дочь, когда она купается въ ваннѣ, и тотъ выслушиваетъ это болѣе, чѣмъ благосклонно. Дочь-невѣста, какъ водится, сама невинность и преисполнена всяческихъ достоинствъ. Она влюбляется въ не менѣе благороднаго юнаго офицера-моряка, которому покровительствуетъ незаконный отецъ этой дочери, и все оканчивается къ общему благополучію. Тутъ же выведенъ, въ качествѣ украшающаго и романтическаго сюжета, дикій помѣщикъ, сынъ цыганки, который въ свѣтской гостиной на балу говоритъ дамамъ «брысь, вы», чуть не спускаетъ съ лѣстницы кавалеровъ и въ концѣ концовъ ударомъ своего могучаго кулака убиваетъ князя-жениха. Разсказана вся эта нелѣпая исторія столь же вяло и скучно, какъ несладна и сама выдумка. Языкъ г. Рышкова безграмотенъ, его потуги на психологію комичны, а въ общемъ весь этотъ объемистый романъ архискученъ, что составляетъ непоправимый грѣхъ.

Второй томъ собранія сочиненій занятъ повѣстями и разсказами, мало

уступающими роману. Нѣтъ такой среды, гдѣ г. Рышковъ не чувствовалъ бы себя дома. Изъ крестьянской избы онъ съ завидной легкостью переносится въ палаты столичной графини, оттуда за кулисы театра или въ губернаторскую пріемную,—и пишетъ, пишетъ, не замѣчая, что его мужики, актеры, графини, губернаторы—всѣ на одно лицо и лицо это—онъ самъ, г. Рышковъ. Можетъ быть, сознавая отчасти эту однообразность своего творчества и будучи человѣкомъ скромнымъ, онъ жертвуетъ 25% чистой пользы отъ продажи своихъ сочиненій «Красному кресту» въ фондъ на голодающихъ. Каждый даетъ, что можетъ, и лепта г. Рышкова дѣлаетъ несомнѣнную честь его добрымъ чувствамъ и заслуживаетъ поощренія. Если читатель, пріобрѣтя его сочиненія, и изумится такой литературѣ, то мысль о жертвѣ въ пользу голодающихъ, хотя бы и 25%, уплаченной суммы да смягчитъ его справедливое неудовольствіе.

А. Недолинъ. Искры. Очерки и разсказы. Москва. 1900. Ц. 1. р. Зимній предпраздничный сезонъ это время раздолья для гг. сочинителей, вродѣ гг. Рышкова или Недолина, о которыхъ въ другое время читатели ничего не слышатъ. По тому ли, что въ это время читающая публика бываетъ добрѣе, или по другимъ непостижимымъ для простыхъ смертныхъ соображеніямъ, только предъ праздниками появляются откуда-то эти безчисленные сборники и полныя собранія сочиненій удивительныхъ авторовъ, которые до тѣхъ поръ влачили свое незамѣтное существованіе на задворкахъ литературы. Есть и у послѣдней такія задворки — разные бульварные листки, патріотическія изданія, вродѣ «Звѣздъ», «Родины», иллюстрацій грошеваго типа, наполняющихъ свои страницы Рышковыми и Недолиными подъ благосклоннымъ руководительствомъ такихъ гг. редакторовъ, какъ звучный г. Аполлонъ Коринфскій, который еще недавно повѣдалъ въ назиданіе изумленному міру скорбь своего редакторскаго сердца по случаю утѣсненій, имъ претерпѣнныхъ отъ издателя. Но и эти удручаемые въ обычное время авторы имѣютъ свой бенефисъ, когда передъ праздниками издатели тискаютъ ихъ «собраніе сочиненій» и выпускаютъ въ свѣтъ новаго автора. Такой именно авторъ и г. Недолинъ, книжечка котораго наполнена мелкими, малюсенькими разсказиками, чистенькими и ничтоженькими, безталантными и неинтересными. Авторъ ихъ задался цѣлью облагодѣтельствовать студентовъ и курсистокъ, прославляя на весь міръ ихъ добродѣтели, умъ, сердечность, красоту и прочія свѣтлыя стороны молодости. То-ли авторъ перестарался, то-ли имѣетъ превратныя понятія о перечисленныхъ качествахъ, только его яко бы университетская молодежь удивительно комична и пошловата. Его студенты все ершатся, кому-то грозятъ и ничего не дѣлаютъ, а его курсистки наивны, какъ ребята, и глуповаты въ своей стремительности къ познанію истины. Кромѣ студентовъ, авторъ одѣляетъ своимъ вниманіемъ и дѣятелей печати, задѣвъ какого-то злополучнаго редактора, не принявшаго юной повѣсти начинающей писать гимназистки, и описавъ первый шагъ на поприщѣ печати одного несчастливца. Затѣмъ, какъ водится, есть еще и фантазія «У воротъ вѣчности», несомнѣнно украшавшая новогодній номеръ одного изъ указанныхъ нами патріотическихъ изданій.

Л. Ратгаузъ. Собраніе стихотвореній. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. Изящно изданный сборникъ стихотвореній г. Ратгауза производитъ на первый взглядъ пріятное впечатлѣніе легкостью стиха, мелодичностью и тщательностью отдѣлки. Но чѣмъ дальше читаете эти легкіе, словно журчащіе стихи, тѣмъ болѣе они напоминаютъ что-то очень и очень знакомое. Авторъ и самъ какъ-будто чувствуетъ это, замѣчая въ одномъ стихотвореніи:

Эти пѣсни свои я уже гдѣ-то слыхалъ,
Но не знаю я гдѣ и когда...

Но вотъ вы наталкиваетесь на рядъ стихотвореній, открывающихъ тайну

творчества г. Ратгауза. Приводимъ одно изъ нихъ, которое лучше всего укажетъ читателю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Обликъ милый. Взоръ усталый.
Шорохъ, вздохи вѣтерка.
Небо, тучки, звѣзды, мѣсяцъ.
Серебристая рѣка.

Спящихъ лилій влажный запахъ...
Лодка, парусъ. Я и ты.
И о счастьи невозможномъ
Безразсудныя мечты.

И желаній жгучихъ ропотъ,
И безсилія тоска.
Небо, тучки, звѣзды, мѣсяцъ.
Серебристая рѣка.

Въ памяти читателя невольно встаетъ: «Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья.. Серебро и колыханье соннаго ручья...» И вмѣстѣ съ тѣмъ является столь же невольное сравненіе, крайне для г. Ратгауза не выгодное, съ великолѣпными строфами Фета. Вольно или невольно, г. Ратгаузъ только пересказываетъ то Фета, то А. Толстого, то Полонскаго, заимствуя у нихъ не только форму, эпитеты, цѣлые стихи, но и содержаніе, которое сдабриваетъ сладенькой водицей собственнаго производства. Въ этомъ и заключается все его «творчество». Его лирическіе вздохи, любовные сентименты; слащавый пессимизмъ, воркованіе съ милой, которую онъ то призываетъ въ свои объятія, то соблазняетъ мрачной могильной постелью,—не идутъ дальше перепѣвовъ этихъ знаменитыхъ лириковъ, только безъ ихъ подкупающей искренности, силы страсти, глубокаго паѳоса и красоты. Ничего своего, ничего яркаго, оригинальнаго, что наложило бы на стихотворенія г. Ратгауза печатъ индивидуальности и безъ чего нѣтъ истинной поэзіи. Чувствуетъ это г Ратгаузъ и, оправдываясь въ собственномъ безсиліи, обращается во веденіи къ своей милой съ слѣдующимъ поясненіемъ:

Мой другъ любимый! знаю я,
Что эти пѣсни запоздали,
Что муза скромная моя
Своихъ друзей найдетъ едва ли,—
Теперь вокругъ не такъ поютъ
Жрецы новѣйшаго искусства ..
Но пусть меня не признаютъ,
Я буду только пѣть для чувства.
Пускай пройдетъ за вѣкомъ вѣкъ,
Тысячелѣтія минутъ даже,
Все тотъ же будетъ человѣкъ,
Поэзія все будетъ та же.
И пусть готовятъ тьму наградъ
Ихъ символическому клиру,
Все жъ строю я на старый ладъ
Свою тоскующую лиру.
Все жъ буду я слагать въ тиши,
Съ ревнивымъ чувствомъ старовѣрца,
Аккорды чуткіе души,
Напѣвы трепетные сердца,

Такое поясненіе мало убѣдительно, и мы, оставаясь именно «старовѣрцами», предпочтемъ всегда оригиналы спискамъ. Столь же неубѣдительны и два любезныя письмеца, которыя г. Ратгаузъ предпосылаетъ своему сборнику, — одно Чайковскаго, въ которомъ тотъ благодаритъ автора за присылку стихотвореній и признаетъ за нимъ истинный талантъ; другое—Полонскаго, не менѣе

любезное, въ которомъ онъ заявляетъ, что муза г. Ратгауза заставила его вздохнуть о молодости и что въ его стихахъ онъ видитъ «не только проблескъ живого поэтическаго огня, но и самый этотъ огонь». Мало ли такихъ любезностей наговорили и написали оба художника своимъ поклонникамъ, посмѣиваясь втихомолку надъ ихъ наивностью. Въ особенности такой тонкій и чуткій цѣнитель, какъ Полонскій, который не могъ не видѣть, что всѣ стихи г. Ратгауза—сплошь жиденькіе, хотя и гладенькіе перепѣвы его собственныхъ мотивовъ.

КРИТИКА и ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Р. Мутеръ. «Исторія живописи въ XIX вѣкѣ».—*І. Фолькельтъ.* «Современные вопросы эстетики».

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Второй выпускъ. 1899 г. Объ общемъ характерѣ труда Р. Мутера мы уже высказывались по поводу перваго выпуска настоящаго изданія. Второй выпускъ содержитъ характеристики нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ художниковъ Франціи и Германіи первой половины истекающаго столѣтія. Кромѣ Давида, дѣятельность котораго относится отчасти къ XVIII вѣку, здѣсь разсматриваются Энгръ, Жерико и Делакруа изъ французовъ (менѣе значительныхъ мы не называемъ), а изъ нѣмцевъ, мало извѣстные въ Россіи, Ретелъ и Швиндъ. Французская живопись этого періода представляетъ явленія, совершенно параллельныя съ явленіями литературной исторіи: то же возрожденіе классицизма въ революціонный и Наполеоновскій періодъ, а затѣмъ та же борьба съ романтизмомъ, сначала неувѣренная и разрозненная, а позднѣе страстная и побѣдоносная. Путь отъ Шенье до В. Гюго въ значительной степени тотъ же, что отъ Давида до Делакруа. И подобно тому, какъ новѣйшая французская литература во многомъ еще связана съ завѣтами и традиціями 30-хъ годовъ, хотя частно и отрицаетъ это, также и новыя школы живописи, импрессіонисты и неоимпрессіонисты, ведутъ свою родословную отъ Делакруа (см. напримѣръ, Paul Signac, «D'Eugène Delacroix au néo-impressionnisme», P. 1899). Параллелизмъ этотъ можно иногда прослѣдить даже въ частностяхъ, не дѣлая натяжки. Такъ, вдали отъ господствующаго безжизненнаго шаблоннаго классицизма появляется поэтъ, Андре Шенье, который, сохраняя вкусъ къ античной древности, умѣлъ выражать свои личныя лирическія чувства и настроенія въ формѣ подражаній Теокриту и Тибуллу, а въ живописи Прюдонъ, такой же эпикуреецъ, по своему темпераменту, и такой же поклонникъ классическихъ формъ,—рядомъ съ деревянными безцвѣтными римлянами, которыми полны картины его современниковъ, ухитрился вдохнуть непосредственность и жизнь въ свои миѳологическія сценки. Послѣ Ватто и Греза онъ первый обнаружилъ пониманіе красокъ и колорита.

Нѣмецкое искуство начала нашего вѣка не породило такихъ выдающихся художниковъ, какъ Франція. Въ свое время знаменитые Овербекъ, Корнеліусъ и даже Каульбахъ (котораго Мутеръ почему-то цѣнитъ неизмѣримо ниже Корнеліуса) не создали ни одного произведенія, которое могло бы въ настоящее время вызывать чисто художественный интересъ, и если во всей Европѣ на долгое время утвердилось мнѣніе, что нѣмцы совершенно лишены дарованія къ живописи, то этимъ они обязаны именно своимъ прославленнымъ академистамъ и ихъ еще болѣе бездарнымъ ученикамъ, Пилоти, Гофману и т. п. Лишь въ лицѣ Альфреда Ретеля новое нѣмецкое искусство получило, наконецъ, отпечатокъ оригинальнаго таланта и индивидуальной силы. За предѣлами

Германіи болѣе или менѣе извѣстенъ только циклъ его рисунковъ *Пляска смерти*, но и изъ этого достаточно ясно, что родина Дюрера можетъ и въ XIX вѣкѣ производить крупныхъ художниковъ. Въ рисункахъ Ретеля мрачное міросозерцаніе и безнадежное настроеніе соединяются съ необыкновеннымъ мастерствомъ и законченностью формы. Другой талантливый нѣмецкій художникъ того времени Морицъ Швиндъ представляетъ характерную фигуру совершенно въ другомъ направленіи. Онъ воплотилъ въ краскахъ поэзію нѣмецкой романтики. Какъ Брентано и Уландъ въ поэзіи, такъ Швиндъ въ живописи вдохновлялся прекрасными образами народныхъ сказокъ и пѣсенъ. Рядомъ съ гигантскими героическими фресками его современниковъ, обнаруживающими полное отсутствіе чувства красоты и отрицаніе формы, картины Швинда являются привлекательнымъ оазисомъ по свѣжести настроенія и по любви къ живописной сторонѣ природы. «Швиндъ стоялъ далеко отъ всего, что создавалось вокругъ него,—говоритъ Мутеръ;—онъ воплощалъ духъ будущаго. Его вліяніе на искусство нашихъ дней (въ Германіи) такъ велико, что повсюду, гдѣ только соберутся три художника во имя красоты, ему есть мѣсто среди нихъ; незримо онъ присутствуетъ на всякой выставкѣ картинъ».

Мутеръ удачно и часто мѣтко характеризуетъ отдѣльныхъ художниковъ, хотя его симпатіи и антипатіи не всегда безпристрастны. Гораздо слабѣе тѣ части его труда, гдѣ онъ старается изобразить развитіе искусства за болѣе или менѣе обширный періодъ времени. Такъ, въ главѣ *Традиція* и *Свобода* онъ даетъ краткую характеристику всего искусства XIX вѣка, отъ Давида до Беклина и Макса Клингера включительно. Характеристику эту далеко нельзя назвать удачной. Повсюду замѣтно стремленіе отдѣлаться хлесткимъ сравненіемъ или афоризмомъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы точно и ясно формулировать свою основную точку зрѣнія. Когда авторъ старается подмѣтить причины наблюденныхъ явленій, то тутъ особенно явственно выступаетъ недостатокъ общаго, историческаго міровоззрѣнія. Желая, напр., объяснить отчужденность романтическаго искусства отъ жизни, Мутеръ приводитъ тому три причины. «Причиной отчужденія,—говоритъ онъ,—былъ прежде всего общій характеръ новаго времени (?), пробудившій у всѣхъ интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ и критическому толкованію прошлаго» Но чѣмъ мотивируется именно этотъ интересъ къ прошлому, остается не разъясненнымъ. Въ дѣйствительности самое это стремленіе въ туманъ временъ, въ значительной части, обусловлено отчужденіемъ отъ жизни, такъ что общею причиною того и другого явленія оставалось бы признать «общій характеръ» времени, что означаетъ весьма мало. Вторая причина вполнѣ реальна и дѣйствительно очень многое объясняетъ. Реакція, охватившая всю Европу, создала для всякаго интеллигентнаго труда условія, при которыхъ легко понять стремленіе «изъ тѣсныхъ рамокъ жизни въ царство идеала». Условія эти наглядно изображены въ описываемой Мутеромъ иллюстраціи изъ первыхъ выпусковъ *Fliegende Blätter*: писатель работаетъ, сидя подъ висѣлицей съ веревкой на шеѣ и съ палачемъ за спиной. Къ этому надо было бы прибавить еще соціальную обособленность того слоя общества, который отдавался умственному труду, отъ всѣхъ производительныхъ классовъ народа, и больше нечего было бы искать основаній отчужденности искусства отъ дѣйствительности. Вмѣсто этого. Мутеръ придумываетъ третье основаніе, уже совершенно курьезное. «Невозможность втиснуть дѣйствительность въ рамки эстетики (слова Шиллера)—вотъ еще одна причина, удалявшая искусство отъ разработки современныхъ мотивовъ». Дѣло идетъ ... о костюмѣ: современный костюмъ признавался неживописнымъ, и потому художники изображали только людей прошлыхъ вѣковъ. Такимъ образомъ причинами историческаго явленія выставляются сопровождающія явленія или даже просто признаки того самаго факта, который требуется объяснить. При подобныхъ

изъянахъ въ научности, книгу Мутера выручаетъ развитой вкусъ автора, его критическое чутье и отсутствіе доктринерства при оцѣнкѣ реальныхъ художественныхъ произведеній.

I. Фолькельтъ, проф. Лейпцигскаго университета. Современные вопросы эстетики Пер. съ нѣм. Н. Штрупа. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1900. Обиліе появившихся за послѣднее время переводовъ нѣмецкихъ эстетикъ свидѣтельствуетъ болѣе о вкусахъ переводчиковъ, нежели о потребности читателей, какъ думаетъ авторъ перевода разсматриваемыхъ здѣсь популярныхъ лекцій проф. Фолькельта. По своимъ основнымъ взглядамъ послѣдній принадлежитъ къ типическимъ представителямъ нѣмецкой умозрительной философіи, которая послѣ 40-хъ годовъ у насъ никогда не пользовалась особенно широкими симпатіями. Правда, почтенный ученый дѣлаетъ нѣкоторыя уступки современности, основательно находя, что никакая эстетика, построенная на нѣсколькихъ классическихъ образцахъ искусства, не вправѣ претендовать на вліяніе среди новыхъ поколѣній. Онъ поэтому постоянно привлекаетъ въ видѣ матеріала произведенія новѣйшаго, главнымъ образомъ нѣмецкаго искусства, и въ этомъ безъ сомнѣнія заключается наибольшій интересъ его книги. Но исходные пункты его критики все тѣ же, на которыхъ десятки лѣтъ зиждется морально-философскій идеализмъ. Вопросы, которые авторъ считаетъ современными, давно уже стали пресловутыми и въ большинствѣ случаевъ разрѣшаются новымъ искусствомъ совершенно въ иномъ смыслѣ, нежели въ лекціяхъ Фолькельта. Первый разсматриваемый имъ вопросъ есть «отношеніе между искусствомъ и моралью». «По моему убѣжденію,—говоритъ авторъ,—нѣтъ такой области человѣческой дѣятельности, для которой нравственность не являлась бы высшимъ мѣриломъ... Искусство не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Художникъ долженъ всѣмъ существомъ своимъ стремиться къ тому, чтобы его творчество вносило свою лепту въ нравственное развитіе человѣчества». Положеніе это авторъ считаетъ настолько безспорнымъ, что никакихъ солидныхъ доводовъ въ пользу его не приводитъ и оговаривается только, что нравственное мѣрило, прилагаемое къ художественнымъ произведеніямъ, должно быть возможно шире, дабы не очень стѣснять искусство. При этомъ дѣлается ссылка на всѣхъ первоклассныхъ писателей нашего времени, на «Толстого, Квилланда, Ибсена, Бурже (!), Гауптмана, Зудермана», которые будто бы ставятъ свою художественную дѣятельность въ тѣснѣйшую связь съ моралью. Если изъ этой блестящей компаніи исключить Бурже, которому въ ней не мѣсто, то относительно остальныхъ ни въ какомъ случаѣ несправедливо утверждать, что они свое творчество подчиняютъ нравственнымъ правиламъ. Многіе изъ нихъ (больше всего Толстой) дѣйствительно касались нравственныхъ проблемъ, но освѣщали ихъ съ общественной точки зрѣнія, что значительно мѣняетъ дѣло. Художественно изображать явленія общественной жизни, въ томъ числѣ и нравственныя элементы ея, не значитъ еще ставить своему творчеству нравственныя педагогическія задачи. Если же мы оставимъ въ сторонѣ только что названныхъ писателей, и окинемъ бѣгло всю исторію нашего искусства, то вопросъ о примѣнимости моральнаго критерія окажется совершенно нелѣпымъ. Едва ли какому-нибудь философу удастся установить связь между нравственностью и греческой пластикой, поэзіей Сафо и Катулла, религіознымъ искусствомъ среднихъ вѣковъ и ренессанса, Эддой и Нибелунгами, искусствомъ рококо, картинами Беклина и драмами Метерлинка.

Далѣе Фолькельтъ разсматриваетъ также давно «взвѣшенный судьбой» вопросъ о подражаніи природѣ въ искусствѣ и, конечно, не можетъ выдумать ничего новаго въ этой области. Въ полномъ курсѣ эстетики нельзя было бы обойти всѣхъ этихъ вопросовъ, но разъ Фолькельтъ предлагаетъ читателямъ лишь «избранныя главы», то можно было бы ожидать болѣе интереснаго вы-

бора. Тоже нужно сказать и о натурализмѣ,—предметѣ, который до послѣдней степени истрепанъ нѣмецкой эстетической критикой. Впрочемъ натурализмъ понимается авторомъ такъ широко, что подъ этотъ ярлыкъ подводится нетолько русскій реальный романъ (это довольно обычно у иностранныхъ критиковъ), но и всѣ самыя субъективныя теченія въ литературѣ и искусствѣ послѣднихъ лѣтъ, на томъ основаніи, что «даже мистика и фантастика стремятся къ раскрытію сокровеннѣйшихъ тайнъ природы и вѣру въ нее, какъ въ единую истину, способную даровать людямъ счастье». Въ такомъ случаѣ спрашивается, что же не натурализмъ? Но во всей книгѣ эта глава наиболѣе интересна, такъ какъ авторъ постоянно дѣлаетъ ссылки на новѣйшую нѣмецкую литературу, къ сожалѣнію, столь мало у насъ извѣстную. При этомъ, однако, оказывается, что вовсе не такъ легко пріобрѣсти ту широту нравственныхъ взглядовъ, которую авторъ въ первой главѣ рекомендуетъ критикамъ. По крайней мѣрѣ, говоря о романахъ, въ которыхъ изображаются отношенія между классами, почтенный философъ внезапно оставляетъ литературную почву и возглашаетъ: caveant consules! Теперь,—говоритъ онъ,—когда извѣстнаго лагеря «газеты самымъ безсовѣстнымъ образомъ разжигаютъ ненависть неимущихъ классовъ населенія противъ состоятельныхъ, подобнаго рода произведенія могутъ оказывать даже и опасныя воздѣйствія». Рѣчь идетъ *Жерминалѣ* Зола, *Ткачахъ* Гауптмана, романахъ Кретцера и драмѣ *Потерянный Рай* Фульда.

Съ болѣе или менѣе установившимися теперь взглядами на задачи научной, т. е. исторической эстетики, Фолькельтъ рѣзче всего сталкивается въ послѣдней главѣ своей книжки, гдѣ онъ старается поддержать исконный принципъ нѣмецкой философіи, что эстетика есть наука нормативная, т. е. стремится формулировать законы, которымъ *должно* слѣдовать художественное творчество. Къ счастью для человѣчества, ни одинъ истинно творческій талантъ не позволялъ теоріямъ насиловать своихъ произведеній. Подражаніе живымъ образцамъ великихъ предшественниковъ еще не всегда уничтожаетъ интересъ даннаго произведенія искусства, но слѣдованіе указкѣ теоретиковъ всегда и неизмѣнно приводило къ жалкому ничтожеству и безнадежному шаблону. Впрочемъ, самъ Фолькельтъ не могъ не видѣть, что конкретныя произведенія искусства, нисколько не уступая другъ другу въ художественномъ достоинствѣ, слѣдовали взаимно противоположнымъ законамъ, которые рождались вмѣстѣ съ ними. Для объясненія такой странности нѣмецкій эстетикъ изобрѣтаетъ оригинальный законъ, который онъ называетъ *эстетической антиноміей*. Вотъ что подъ этимъ подразумѣвается: «Въ области искусства основныя требованія не просто сочетаются вмѣстѣ, но отчасти другъ другу противорѣчатъ. Нѣкоторыя изъ этихъ основныхъ требованій имѣютъ стремленіе оттѣснить всѣ другія задачи искусства и помѣшать ихъ выполненію, но никогда въ этомъ стремленіи не достигаютъ своей цѣли вполнѣ; напротивъ, противоположныя имъ задачи осуществляются, несмотря на противодѣйствіе». Примѣръ: чувственно пріятныя, гармоничныя, закругленныя формы вызываютъ полное эстетическое удовлетвореніе (картины Рафаэля, мелодическая музыка), но и чувственно непріятныя, рѣзкія, безобразныя формы доставляютъ высокое эстетическое наслажденіе (картины Микель Анджело и Рембрандта, музыка Вагнера и т. п.). Для тѣхъ, кто признаетъ, что художественное произведеніе позволительно оцѣнивать лишь на основаніи того принципа, который заключается въ немъ самомъ и ни для кого на свѣтѣ болѣе необязателенъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Мадонны Мурильо и мрачные мученики Рибейры одинаково прекрасны въ своемъ родѣ, но писать законы, которые взаимно другъ друга уничтожаютъ, по меньшей мѣрѣ, безполезно, потому что трудно будетъ разсудить, что же называть беззаконіемъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Зинченко.«—Женщина-адвокатъ».

Н. Зинченко. Женщина-адвокатъ. (По Луи-Франкъ). Спб. Изд. II, 1899 г. Въ 1897 г. m-lle Жанна Шовенъ, прослушавъ лекціи въ Парижскомъ университетѣ и блестяще сдавъ экзаменъ на степень доктора правъ, первая изъ французскихъ женщинъ подала въ Парижскій судъ прошеніе о допущеніи ея къ адвокатской дѣятельности. Вопросъ этотъ судомъ былъ рѣшенъ положительно и Жанна Шовенъ по праву заняла свое мѣсто въ ряду Парижскихъ адвокатовъ. Одновременно съ разсмотрѣніемъ въ судѣ этого вопроса, въ Парижѣ появилось сочиненіе «Louis Frank. La femme en cause de m-lle Jeanne Chauvin». (P. 1898). Авторъ его—брюссельскій адвокатъ и вице-президентъ «всемірнаго союза феминистовъ». Брюссельскій судъ въ 1888 г. по вопросу о допущеніи къ адвокатской дѣятельности доктора правъ, дѣвицы Мари Поплинъ, далъ отказъ, подробно мотивированный. Книга Луи Франка представляетъ собою полемику съ доводами, высказанными Брюссельскимъ судомъ, и доказательство необходимости допущенія образованныхъ женщинъ къ общественнымъ должностямъ и въ частности къ адвокатурѣ. Русское изданіе—не есть полный переводъ книги Луи Франка, а изложеніе съ пропусками и собственными замѣчаніями г. переводчика. Изложеніе составлено несистематично, отрывочно и такъ небрежно, что мѣстами оставлены вставки, не имѣющія связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ (см., напр., стр. 10).

Послѣ легкой экскурсіи по вопросу о положеніи женщинъ и ихъ общественныхъ правахъ въ древности, понимаемой въ объемѣ институтскаго курса, излагаются основныя данныя о положеніи вопроса въ современныхъ культурныхъ странахъ. Данныя эти имѣли бы цѣнность, если бы внушали полное довѣріе, но послѣ утвержденія на стр. 155, что и въ Россіи женщины допущены къ адвокатской дѣятельности, къ нимъ испытываешь невольное сомнѣніе. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, приведенное въ русскомъ изданіи, письмо отъ 5-го сент. 1897 г. извѣстнаго юриста В. Д. Спасовича къ переводчику по вопросу объ общественной дѣятельности женщинъ въ Россіи. «Всякій обвиняемый, пишетъ онъ, между прочимъ,—имѣетъ право избирать себѣ въ защитники, кого онъ хочетъ изъ числа лицъ, имѣющихъ гражданскія права. При этомъ законъ не исключаетъ и женщинъ. А, между тѣмъ, въ теченіе 30 лѣтъ существованія нашихъ судебныхъ учрежденій,—я не знаю ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ женщина явилась бы защитницею подсудимаго». «Защита (профессіональная) дѣлъ въ судѣ доступна для лицъ, имѣющихъ удовлетворительные дипломы, окончившихъ полное юридическое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетъ, училище правовѣдѣнія и др.). Такъ какъ женщины не допущены къ слушанію курсовъ этихъ заведеній и не могутъ подвергаться испытанію на аттестатъ зрѣлости, — то въ Россіи не можетъ быть и вопроса о дѣйствительной правоспособности женщинъ вступать въ сословіе адвокатовъ. И только недавно онѣ получили право исполнять нѣкоторыя профессіи и занимать должности оффиціальныя и общественныя. Число такихъ должностей и профессій пока еще довольно ограничено. Указомъ 14-го января 1871 г. дозволено женщинамъ быть врачами, наставницами, акушерками, телеграфистками и пр. Но по 5 § того же закона имъ запрещено занимать должности за жалованье въ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, гдѣ на такія должности назначаются лица, по распоряженію власти или по выборамъ». Наряду съ корпораціею присяжныхъ повѣренныхъ по закону 25 мая 1874 г. имѣютъ право дѣйствовать, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, еще и такъ наз. «ходатаи по частнымъ дѣламъ». «Въ 1875 г. одна дама просила судъ о предоставленіи

ей права быть ходатаемъ по дѣламъ. Судъ затруднился и обратился къ министру; министръ—къ Государю. Вопросъ этотъ рѣшенъ указомъ 7-го января 1876 г., но въ немъ нѣтъ ни имени этой дамы, ни соображеній суда, по которымъ онъ нашелъ затрудненіе въ удовлетвореніи упомянутаго ходатайства. Указъ ограничивается требованіемъ примѣненія къ женщинамъ, стремящимся къ дѣятельности «ходатаевъ»—§ 5 указа 14-го января 1871 года, выше приведеннаго». В. Д. Спасовичъ находитъ это примѣненіе несоотвѣтствующимъ дѣлу, въ виду того, что дѣятельность «ходатая по дѣламъ» не имѣетъ никакого отношенія къ правительственнымъ или общественнымъ должностямъ, и что, поэтому, дозволеніе исполнять обязанности «ходатая» передъ судомъ никакъ не подходитъ къ правительственному назначенію или общественному выбору, по редакціи 5 § указа 1871 г. Состоя членомъ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ 1864 г., В. Д. Спасовичъ сообщаетъ, что въ ней недавно (1896 г.) выработанъ былъ проектъ новаго постановленія о присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ, между прочимъ, былъ предложенъ слѣдующій §: «женщины не могутъ получать званіе частныхъ ходатаевъ по дѣламъ». Коммиссія же рѣшила исключить этотъ § и оставила вопросъ открытымъ до рѣшенія его въ будущемъ, такъ какъ въ настоящее время въ Россіи этотъ вопросъ не имѣетъ практическаго значенія.

Если въ практикѣ вопроса Россія и отстала отъ другихъ странъ, вродѣ С.-Американскихъ Штатовъ или Швейцаріи, то въ принципіальномъ отношеніи къ нему она стоитъ впереди Франціи. Послѣ блестящаго и многолѣтняго опыта участія нашихъ женщинъ во врачебной дѣятельности и успѣховъ, оказанныхъ ими въ разныхъ отрасляхъ знанія, мы не нуждаемся въ опроверженіи всевозможныхъ голословныхъ доводовъ въ пользу неспособности женщинъ къ общественной дѣятельности. Поэтому мелочной разборъ, которому посвящена книга Л. Франка, всевозможныхъ пошлостей, обращенныхъ по адресу женщинъ, претендующихъ на адвокатское званіе, представляется намъ неумѣстнымъ въ серьезной работѣ. Кто можетъ придавать въ наше время серьезное значеніе всѣмъ этимъ фразамъ объ исключительно материнскомъ назначеніи женщины, объ оскорбленіи женской стыдливости, упадкѣ женственности и т. п.? Устраненіе женщины изъ судебной профессіи, какъ и изъ многихъ другихъ, держится исключительно силою обычая, недостойными соображеніями профессіональной конкурренціи и законодательнымъ консерватизмомъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Д. Шантепи-де-ля-Соссей. «Исторія религіи».

Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религій, составленная въ сотрудничествѣ д-ра Э. Буклей въ Чикаго, библіотекаря Г. О. Ланге въ Копенгагенѣ, д-ра Ф. Іереміасъ въ Лейпцигѣ, проф. д-ра І. І. Валетонъ въ Утрехтѣ, проф. д-ра М. Т. Гутсми въ Утрехтѣ и д-ра Э. Лемманъ въ Копенгагенѣ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. I—II. Москва 1898—1899 гг. Сочиненіе Шантепи-де ля-Соссей появилось на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Lehrbuch der Religionsgeschichte» въ 1887 году (2-й томъ въ 1889 г.) и пользовалось почетной извѣстностью на Западѣ. Къ достоинствамъ этой книги надо отнести основательное знакомство автора съ различными религіями земного шара, умѣніе выдѣлить наиболѣе важное изъ необозримаго количества матеріала и рѣдкое искусство изложенія. Если новое изданіе нѣмецкаго подлинника, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, является произведеніемъ уже не одного лица,

а нѣсколькихъ, то уже одно это обстоятельство имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Мы не знаемъ, конечно, что побудило автора раздѣлить трудъ новой переработки между нѣсколькими лицами. Вѣроятно, онъ чувствовалъ, что не можетъ уже съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдить за ростомъ матеріала въ различныхъ областяхъ, и хотѣлъ устранить именно этотъ недостатокъ въ новомъ изданіи своей книги. Надо однако сказать, что средство выбрано имъ не вполнѣ удачно. Конечно, совмѣстный трудъ нѣсколькихъ спеціалистовъ даетъ возможность каждому изъ нихъ отмѣтить въ выпавшемъ на его долю очеркѣ всѣ новѣйшія завоеванія науки въ данной области и представить читателю современную постановку вопросовъ и ихъ рѣшенія; но при такой совмѣстной работѣ невозможна вполнѣ равномѣрная обработка частей, а слѣдовательно, недостижимо и необходимое для такихъ сочиненій единство. Вмѣсто одной общей исторіи религій необходимо получится механическое соединеніе отдѣльныхъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ религій. Конечно, исторія религій пока еще не достигла такого состоянія, когда можно было бы излагать общія принципы и иллюстрировать ихъ примѣрами различныхъ религій; ей приходится до сихъ поръ излагать исторіи отдѣльныхъ религій; но она не должна терять изъ виду и общихъ вопросовъ. Очевидно, такъ и понималъ свою задачу Шантепи-де-ля-Соссей, выпуская первое изданіе своей книги. Общимъ вопросамъ онъ посвящаетъ здѣсь цѣлую половину перваго тома (около 230 страницъ), а остальныя три четверти книги посвящены очеркамъ отдѣльныхъ религій въ ихъ историческомъ развитіи. Въ русскомъ переводѣ, а слѣдовательно, и въ нѣмецкомъ подлинникѣ новаго изданія эта часть занимаетъ всего 52 страницы. Эта пропорція принимаетъ еще болѣе неблагопріятный видъ, если принять во вниманіе, что въ эту часть входитъ и очеркъ религій такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ, т. е. народовъ, исторія которыхъ намъ неизвѣстна. Если же сравнить по объему части обоихъ изданій, посвященныя непосредственно общимъ вопросамъ, то окажется, что 170 страницъ перваго изданія сведены на 17 страницъ въ новой переработкѣ, т. е. въ десять разъ меньше. Конечно, при такихъ условіяхъ нельзя и говорить о переработкѣ этого отдѣла, а вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ вовсе вычеркнутъ. Объ исчезновеніи этой интересной части книги во второмъ изданіи нельзя не пожалѣть, во-первыхъ, уже потому, что затрогиваемые въ ней вопросы очень интересны, хотя бы даже они и не были рѣшены до настоящаго времени. Чтобы дать возможность читателю судить самому, я приведу перечень вопросовъ, разбираемыхъ въ первомъ изданіи и курсивомъ отмѣчу, что осталось во второмъ. Вотъ этотъ перечень: *наука о религіяхъ*, наука о религіяхъ и теорія эволюціи, животное и человѣкъ, первобытная исторія, доисторическая археологія, происхожденіе религіи, *раздѣленіе религій*, *главныя формы религіи*. Феноменологическая часть: объекты почитанія, идолопоклонство, священные камни, деревья и звѣри, почитаніе природы, почитаніе людей, боги, магія и гаданіе, жертва и молитва, другія религіозныя дѣйствія, священныя мѣста, священныя времена, священныя лица, религіозныя общины, религіозныя писанія, главныя формы религіозныхъ ученій, миѳологія, догматическія и философскія формы религіознаго ученія, отношеніе религіи къ нравственности и искусству. Никакихъ комментаріевъ этотъ перечень не требуетъ. Этнографическая часть тоже значительно сокращена: вмѣсто 50 страницъ ей посвящено только 35 вмѣстѣ съ рисунками. Если еще можно было бы кое-какъ понять отрицательное отношеніе составителей къ общимъ вопросамъ, такъ какъ ихъ рѣшенія по большей части являются простыми гипотезами, то совершенно непонятно пренебреженіе къ религіямъ дикихъ и варварскихъ племенъ. При томъ консерватизмѣ религіозныхъ вѣрованій, который выражается въ сохраненіи многихъ языческихъ вѣрованій даже у христіанскихъ народовъ, мы не можемъ вполнѣ понять исто-

рическія религіи безъ знанія религій дикихъ и варварскихъ народовъ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, составители значительно сузили себѣ задачи, поставленныя авторомъ въ первомъ изданіи, и сознательно разрушили общій планъ прекрасной книги Шантепи-де-ля-Соссей. Мы искренно сожалѣемъ, что авторъ самъ наложилъ руку на свой трудъ, и должны признать, что второе изданіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить первое.

Какъ бы то ни было, однако, мы должны оцѣнивать книгу по тому, что она, дѣйствительно, даетъ. За бѣглымъ обзоромъ религій «народовъ, находящихся въ такъ называемомъ естественномъ состояніи» (19—52 стр.), слѣдуетъ рядъ монографій по исторіи религій китайцевъ, японцевъ, египтянъ, вавилонянъ и ассиріянъ, сирійцевъ и финикіянъ, израильтянъ; очеркъ исторіи ислама, религій Индіи (ведійская и брахманская религія, джайнизмъ, буддизмъ, индуизмъ) и Персіи, Греціи и Рима, и, наконецъ, краткій очеркъ религіи славянъ, германцевъ и кельтовъ *). Новымъ сравнительно съ первымъ изданіемъ является прибавленіе очерковъ религій славянъ и кельтовъ (на каждый очеркъ приходится по семи страницъ). Каждому очерку предшествуетъ обзоръ литературы даннаго предмета съ краткой оцѣнкой каждой книги. Эти указанія весьма полезны для тѣхъ, кто хотѣлъ бы познакомиться подробнѣе съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Для читателя, не владѣющаго иностранными языками, къ этому изданію будетъ приложенъ библіографическій указатель русской литературы по исторіи религій, просмотрѣнный кн. С. Н. Трубецкимъ. Это прибавленіе, если только оно будетъ достаточно полнымъ, будетъ имѣть значительную цѣнность. Русское изданіе, кромѣ того, снабжено значительнымъ количествомъ иллюстрацій, довольно хорошо исполненныхъ. Вообще, книга издана довольно тщательно, хотя и попадаются часто легко исправимыя опечатки.

Что касается самого изложенія предмета, то при указанномъ выше неудобствѣ совмѣстной обработки естественно, что отдѣльные очерки вышли неодинаковы. Не говоря уже о томъ, что авторы не могли, конечно, сговориться въ подробностяхъ, на что они должны были обратить особое вниманіе, каждый въ своей области; повидимому, они даже неодинаково смотрѣли на свою задачу. Такъ одни изъ нихъ старались, какъ и слѣдовало, познакомить читателя съ главнѣйшими фактами религіозной жизни даннаго народа, съ его сказаніями и миѳами; а другіе главное вниманіе обращали на критику фактовъ, которые они, повидимому, предполагали уже извѣстными читателямъ. Такимъ образомъ одни очерки являются довольно блѣдными, другіе болѣе яркими. Къ такимъ блѣднымъ очеркамъ, по нашему мнѣнію, надо отнести очеркъ религіи Египта. Въ другихъ случаяхъ авторы, повидимому, были стѣснены объемомъ, и потому также скупились на сообщенія фактическихъ данныхъ. Подробнѣе всего и обстоятельнѣе изложены религіи Индіи, Греціи и Рима.

Въ заключеніе нѣсколько замѣчаній по поводу замѣченныхъ неточностей. На стр. 86 (I т.) мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Кромѣ приведенныхъ выше божествъ... (въ Японіи)... встрѣчается еще цѣлый рядъ божествъ, олицетворяющихъ различныя *явленія природы*; такъ, во всѣхъ японскихъ семьяхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ устраиваются празднества въ честь богини *домашняго очага*»... Не знаю, на чьей отвѣтственности лежитъ это рискованное отнесеніе домашняго очага къ явленіямъ природы. Въ біографіи Магомета мы читаемъ на стр. 273: «Итакъ, если всѣ названныя теоріи оказываются несостоятельными, то остается признать Магомета за настоящаго пророка». Что понимаетъ авторъ подъ «настоящимъ пророкомъ», такъ и остается невыясненнымъ. Легче всего было бы

*) Въ русскомъ переводѣ б. м., по недосмотру, кельты отнесены къ германцамъ, между тѣмъ какъ это несомнѣнно равноправная съ германцами группа народовъ.

понять это выраженіе въ томъ случаѣ, если бы авторъ его, проф. Гутсми въ Утрехтѣ, оказался магометаниномъ. Впрочемъ, можетъ быть, и здѣсь погрѣшилъ русскій переводчикъ. Вообще, часто мы встрѣчаемъ такія довольно рискованныя выраженія, очевидно, не падающія на русскаго переводчика, объясняемыя, быть можетъ, нѣкоторою торопливостью обработки. Такими недостатками первое изданіе книги не страдало.

Обычное въ такого рода переводахъ искаженіе собственныхъ именъ, къ сожалѣнію, встрѣчается и въ этой книгѣ. Не касаясь другихъ отдѣловъ, о которыхъ мы судить не беремся, укажемъ только на собственныя имена въ отдѣлѣ о религіяхъ Индіи. Всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ звукъ з въ собственномъ имени, нужно читать, по большей части, с, такъ какъ звука з въ индійскомъ языкѣ нѣтъ. Такимъ образомъ невозможны такія слова, какъ Пурушазунта (II т. стр. 12) Итигазы (13) азу, азуры, вазусъ (15) и т. д. Неправильно передается по русски звукъ у (по англійскому произношенію). Этотъ звукъ равняется русскому й или ь въ серединѣ слова. Поэтому, вмѣсто ніайя (14, 15), Адитіи (19), гарапатія (32) и др., нужно читать, ньяя, Адитьи, гархапатья и т. д. На стр. 15 изъ Адитьи получилось адамiесъ, такъ что пришлось нѣсколько минутъ потратить на разгадку, что̀ подъ этимъ словомъ разумѣлось. Такихъ примѣровъ довольно много. На стр. 23 читаемъ Браспати, очевидно вм. Брахманаспати. Во многихъ случаяхъ въ концѣ словъ является «съ», передающій обычное въ нѣмецкомъ языкѣ обозначеніе множественнаго числа иностранныхъ словъ, но не имѣющее никакого отношенія къ индійскимъ именамъ. Такимъ образомъ образованы: мантрасъ, браманасъ, араніанасъ, ведангасъ и т. д. вм. мантры, бра́хманы, араньяки и т. д.

Не смотря, однако, на всѣ эти промахи, русскій переводъ книги Шантепи-де-ля-Соссей является настолько хорошимъ, что мы не затрудняемся рекомендовать эту книгу вниманію читателей, интересующихся исторіей религій. Конечно, для знакомства болѣе подробнаго придется обратиться къ спеціальнымъ трудамъ, но и въ этомъ отношеніи эта книга можетъ помочь, давая указанія на литературу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Е. Варбъ. «Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ».—*Н. Райхесбергъ*. «Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время».

Е. Варбъ. Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М., 1899 г. Въ настоящее время, при пересмотрѣ законоположеній о наймѣ на сельскохозяйственныя работы, очерки покойнаго Я. Браве (Яковъ Федоровичъ Браве, писавшій подъ псевдонимомъ Е. Варба, скончался 15-го февраля 1899 года) имѣютъ особенную цѣну. Юристъ по образованію и предъидущей дѣятельности, авторъ только за послѣдніе два года передъ смертью отдалъ свои силы литературно-научной разработкѣ общественныхъ вопросовъ, преимущественно же вопроса объ условіяхъ сельскохозяйственнаго найма и о касающемся его законодательствѣ. Въ изученіе этого вопроса онъ внесъ какъ свои спеціально юридическія познанія, такъ и общую широту взгляда. Статьи его по этому предмету, печатавшіяся, въ журналахъ: «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Начало» и «Жизнь», либо цѣликомъ, либо въ измѣненномъ видѣ вошли въ составъ настоящей книги, представляющей часть обширнаго сочиненія, задуманнаго покойнымъ. Послѣдняя глава книги «Очеркъ законодательства о наймѣ на сельскохозяйственныя работы» составляетъ, оставшійся по

смерти автора, отрывокъ второй части этого сочиненія, долженствовавшаго дать исторію нашего по-реформеннаго законодательства о наймѣ на сельскія работы.

Вопросъ о наемномъ трудѣ въ сельскохозяйственной промышленности возникъ и могъ возникнуть у насъ во всемъ своемъ значеніи лишь послѣ отмѣны крѣпостного труда. Переживанія связанныхъ съ этимъ послѣднимъ взглядовъ и привычекъ обусловили собою первыя стремленія урегулировать взаимныя отношенія хозяевъ и сельскихъ рабочихъ. Но, помимо того, въ самомъ положеніи дѣла были такія стороны, которыя требовали серьезнаго вниманія къ вопросу и извѣстныхъ мѣръ вмѣшательства со стороны государства и общества. Въ интересахъ того и другого нельзя было игнорировать ежегодно происходящее стихійное передвиженіе милліоновъ народа разнаго возраста и пола,—передвиженіе, ничѣмъ не регулируемое и, кромѣ многихъ ужасовъ санитарно-гигіеническаго и нравственнаго свойства, сопровождающееся огромной растратой народнаго труда. Скитанія пришлыхъ рабочихъ въ погонѣ за заработкомъ обращаются, по выраженію одного изъ изслѣдователей вопроса, П. Червинскаго, въ «истинную лѣтопись нужды и разнообразныхъ лишеній».

Требованія урегулировать условія найма, исходившія изъ среды нанимателей, и необходимость принять мѣры къ улучшенію условій отхожаго земледѣльческаго труда и послужили исходными пунктами тому, что проектировалось и было сдѣлано до сихъ поръ въ области даннаго вопроса. Въ южной и юго-восточной полосѣ черноземнаго пространства, гдѣ сельское хозяйство рано встало на путь хозяйства мѣноваго со всѣми, присущими капиталистическому производству, особенностями,—всего раньше и острѣе возникъ и самый вопросъ о необходимости регламентаціи наемнаго труда. При рѣдкости населенія въ этой части Россіи хозяйство могло вестись не иначе, какъ помощью, ежегодно приливавшихъ изъ центральной Россіи рабочихъ силъ, зависимость отъ которыхъ, при условіяхъ свободнаго найма, казалась для хозяевъ настолько тяжелой, что вызвала систематическія съ ихъ стороны жалобы и требованія законодательнаго вмѣшательства въ отношенія между нанимателями и пришлыми рабочими. «Ядромъ всѣхъ жалобъ на рабочаго» служило нарушеніе договоровъ поденщиками, что вызывало со стороны землевладѣльцевъ настойчивыя требованія исключительныхъ законовъ, въ томъ числѣ и уголовныхъ взысканій за неисполненіе условій о наймѣ на сельскія работы. И вотъ съ начала 80-хъ годовъ создается движеніе, имѣющее цѣлью, по удачному выраженію автора, «гражданскій институтъ найма, по возможности; туже затянуть въ уголовную куртку». Временныя правила 1886 г., не улучшивъ дѣла, придали договору о наймѣ на сельскія работы исключительный характеръ; они только исказили этотъ институтъ, привнесши въ него много элементовъ полицейскихъ и уголовныхъ, по самой природѣ своей чуждыхъ гражданскому законодательству. Основная задача, преслѣдовавшаяся изданіемъ закона 12-го іюня 1886 г. и заключавшаяся въ усиленіи соціально-экономическаго значенія дворянскаго земледѣльческаго класса и созданіи для него особыхъ преимуществъ и правъ въ отношеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ,—выражалась въ законѣ рядомъ постановленій уголовнаго характера, угрожающихъ одной лишь изъ участвующихъ въ договорѣ сторонъ, именно рабочимъ, чрезмѣрнымъ затрудненіемъ для нихъ досрочнаго нарушенія договора (при отсутствіи въ законѣ хоть сколько-нибудь серьезныхъ препятствій для нанимателя прекратить договоръ по первой фантазіи), правомъ до-судебныхъ вычетовъ изъ рабочей платы за грубость и неповиновеніе, ограниченіемъ рабочихъ въ правѣ судебной защиты, отсутствіемъ правилъ, ограждающихъ здоровье и жизнь сельскохозяйственныхъ рабочихъ во время исполненія договора о наймѣ и пр. Въ результатѣ, вмѣсто ожидавшагося упорядоченія, получилось еще большее ухудшеніе взаимныхъ отношеній хозяевъ и сельскихъ рабочихъ, насколько, впрочемъ, отношенія эти могли подчиняться вліянію закона, мало отвѣчавшаго по-

требностямъ жизни. Не были удовлетворены и наниматели, тѣмъ болѣе, что рабочія книжки, назначеніе которыхъ они видѣли въ томъ, чтобы «замѣнить утраченный крѣпостной трудъ», введены были временными правилами 1886 г. лишь факультативно, по желанію сторонъ. Вновь поднялись жалобы на неудовлетворительность законодательства и стали вырабатываться проекты регламентаціи наемнаго труда и упорядоченія сельскохозяйственнаго отхода. Въ главахъ II и IV авторъ приводитъ какъ возникавшія въ разныхъ земствахъ, такъ и неземскіе проекты урегулированія движенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и условій найма. Печальныя стороны отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ въ 1894 г. вновь обратили на себя вниманіе и, въ цѣляхъ упорядоченія, ихъ при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ была организована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ т. с. Звегинцева. Коммиссія эта закончила свои труды черезъ три года, изготовивъ записку, заключающую въ себѣ проекты о наймѣ на сельскія работы. Проектъ этотъ, по мнѣнію автора, «заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки нынѣ дѣйствующихъ правилъ, только въ усиленной степени: игнорированіе обычнаго права, неудачное смѣшеніе цивильныхъ началъ съ уголовными и полицейскими, несоблюденіе принципа равноправности сторонъ и проч.». Дальнѣйшее движеніе Звегинцевскаго проекта было, однако, пріостановлено и предварительно внесенія его въ высшія учрежденія, рѣшено было подвергнуть его важнѣйшія положенія обсужденію въ губерніяхъ, на мѣстахъ. На томъ и остановилось пока законодательное движеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ, по отношенію къ которому авторъ высказываетъ слѣдующее общее заключеніе: «Въ послѣднее время въ отношеніи «рабочаго вопроса» всѣмъ стало ясно, что предъ собой мы имѣемъ комбинацію такихъ отношеній и условій, урегулированіе которыхъ можетъ быть достигнуто не цивильными нормами, хотя бы и снабженными уголовною санкціею, а широкими положительными мѣрами, сообразованными со всею совокупностью экономическихъ и бытовыхъ условій, и такимъ гражданскимъ законодательствомъ о личномъ наймѣ вообще и наймѣ на сельскія работы—въ частности, которое, основываясь на укоренившихся обычаяхъ, не расходилось бы съ юридическими воззрѣніями народа».

Программа положительныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію жизненныхъ условій отхожаго земледѣльческаго труда, стала выясняться лишь въ девятидесятыхъ годахъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ заинтересованныхъ земствъ. Въ главѣ III «Очеркъ сельскохозяйственнаго «отхода» изъ центральныхъ губерній на югъ» авторъ, на основаніи имѣющихся изслѣдованій, раскрываетъ картину тѣхъ лишеній и неудобствъ, которыя испытываютъ тысячи всякаго пола и возраста рабочихъ, ежегодно перекочевывающихъ на югъ и юго-востокъ, какъ во время передвиженія, такъ и на мѣстахъ, крайнюю необезпеченность ихъ заработка и ужасныя санитарно-гигіеническія условія работъ. Опасенія за собственное населеніе подвинули земство Херсонское, а позднѣе Самарское вступить на путь мѣръ къ улучшенію положенія пришлаго люда во время ихъ пребыванія на рынкахъ найма и мѣстахъ приложенія труда. Начало было положено цѣлесообразной, выросшей на практической почвѣ, организаціею санитарнаго надзора за пришлыми рабочими. Безплатное или удешевленное снабженіе рабочихъ кровомъ, пищей, водой, необходимою чистотою и медицинскою помощью вызвало къ жизни дешевыя столовыя, лѣчебно-продовольственныя пункты, безплатныя амбулаторіи, чайныя для рабочихъ, не только удовлетворявшія насущнѣйшимъ нуждамъ пришлаго люда, но косвенно вносившія нѣкоторыя зачатки организаціи въ самыя условія найма. Попутно, означенныя земства выполнили и другую неизбѣжную задачу—предварительнаго изученія самаго вопроса, путемъ статистической регистраціи пришлаго люда. Такимъ образомъ былъ подготовленъ обширный матеріалъ для правильной и широкой постановки дѣла покровительства труду въ данной его формѣ, того покровительства, котораго

онъ заслуживаетъ по своему значенію для страны. Это покровительство и помощь со стороны государства наемному труду должно проявиться не только въ раціональномъ гражданскомъ законѣ, нормирующемъ отношенія по личному найму, но и въ строго выдержанной системѣ положительныхъ полицейскихъ мѣропріятій, какъ устройство колоній, рабочихъ конторъ, учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи, удешевленіе и упорядоченіе перевозки рабочихъ, страхованіе отъ безработицы и т. п. Вмѣшательство государства, какъ органа высшей справедливости и охранителя народныхъ интересовъ, должно въ этомъ случаѣ выразиться въ тѣхъ самыхъ приблизительно формахъ, въ которыхъ оно проявляется въ фабричномъ законодательствѣ. Неизбѣжность положенія этого вытекаетъ изъ того, что условія наемнаго сельскохозяйственнаго труда въ большихъ экономіяхъ, ведущихъ дѣло en grand, въ широкихъ размѣрахъ примѣняющихъ машины и усовершенствованныя орудія, мало чѣмъ отличаются отъ условій фабричныхъ. Что же касается гражданскаго закона, какъ одной изъ важнѣйшихъ гарантій труда, то онъ, будучи свободенъ отъ всякихъ ингредіентовъ уголовнаго и полицейскаго свойства, долженъ охватывать существенныя стороны правоотношеній, возникающихъ между сторонами въ договорѣ рабочаго найма, стоя на почвѣ строгой равноправности.

Строгая научность юридическихъ обоснованій и общая широта взгляда дѣлаютъ работу покойнаго Я. Браве достойной самаго широкаго распространенія и вліянія. Не смотря на ея размѣры и незаконченность, она вполнѣ исчерпываетъ современное положеніе вопроса о сельскохозяйственномъ наймѣ въ русской жизни и законодательствѣ.

Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время. Популярный очеркъ Н. Райхесберга, профессора Бернскаго университета. Спб. 1899. Ц. 40 к. Основная мысль этой небольшой брошюрки заключается въ томъ, что каждой ступени общественнаго развитія соотвѣтствуетъ особый рабочій вопросъ, который, сообразно съ данными условіями, требуетъ и соотвѣтственнаго рѣшенія. Выставивъ это положеніе, на которое, къ сожалѣнію, далеко не всегда обращаютъ достаточно вниманія, авторъ, въ доказательство своей мысли, въ самомъ сжатомъ схематическомъ очеркѣ набрасываетъ исторію труда, начиная съ классической древности, и отмѣчаетъ характерныя черты каждой фазы рабочаго движенія. Исходнымъ пунктомъ для характеристики положенія труда въ разныя эпохи автору служатъ слова М. Вайнгольда: «Въ первобытныя времена работа была необходимостью, въ древности она была бременемъ, въ средніе вѣка привилегіей, въ новѣйшія времена она является правомъ, въ будущемъ она будетъ обязанностью. Идеалъ же заключается въ томъ, чтобы работа стала удовольствіемъ». Развивая въ дальнѣйшемъ изложеніи эту мысль, авторъ указываетъ на зависимость отъ положенія, занимаемаго въ обществѣ трудящейся массой, всей соціальной, политической, правовой и нравственной структуры общества. Отъ характера этого положенія зависятъ также и требованія, направленныя на измѣненіе существующаго общественнаго стремленія. Отмѣтивъ отличительныя черты положенія трудящихся массъ въ классической древности и въ средніе вѣка и связь этихъ чертъ съ характеромъ рабочихъ движеній этихъ эпохъ, послѣднія страницы своей брошюры авторъ посвящаетъ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія. Въ отличіе отъ всѣхъ прошедшихъ эпохъ, современный рабочій юридически совершенно свободенъ, и зависимость его отъ работодателя чисто экономическая. Благодаря развивающейся демократизаціи государства и общества и распространенію образованія въ самыхъ низшихъ слояхъ народа, осужденныхъ на экономическую несамостоятельность, у современнаго рабочаго явилось сознаніе противорѣчія между его экономическимъ положеніемъ и правовыми воззрѣніями нашей эпохи, и сомнѣніе въ справедливости и годности существующаго строя. «Это сомнѣніе, въ связи съ убѣжденіемъ, поддерживаемомъ

наукой, что на почвѣ такого порядка вещей, рабочій никогда не достигнетъ соотвѣтствующаго положенія въ обществѣ, вызываетъ стремленіе создать для дальнѣйшаго развитія общественной жизни совершенно новыя основанія, съ тѣмъ, чтобы на ряду со свободой и равенствомъ въ правовомъ политическомъ отношеніи, сдѣлать возможнымъ осуществленіе равенства и свободы также и на почвѣ экономической жизни. Это стремленіе и составляетъ сущность рабочаго движенія настоящаго времени». Отличаясь такимъ образомъ своимъ радикальнымъ характеромъ отъ прежнихъ рабочихъ движеній, которыя, за рѣдкими исключеніями, были направлены только къ улучшенію положенія угнетенныхъ классовъ, а не къ уничтоженію существовавшихъ институтовъ, современное рабочее движеніе отличается еще и международнымъ характеромъ; экономическая жизнь постепенно стираетъ отличительныя особенности отдѣльныхъ государствъ; одинаковыя въ общемъ условія труда заставляютъ рабочихъ замѣтить солидарность ихъ интересовъ, которая должна повести къ общности желаній и стремленій. Интересная и содержательная брошюра Райхесберга, доступная притомъ и по объему и по изложенію самому широкому кругу читателей, должна обратить на себя вниманіе всякаго, интересующагося соціальными вопросами.

ФИЛОСОФІЯ.

«Творенія Платона».—«Духъ и матерія».—«Дарвинизмъ и теорія познанія.

Творенія Платона. Переводъ съ греческаго В. Соловьева. Томъ первый. Изданіе Солдатенкова. М. 1899. Ни одинъ изъ писателей древности, кажется, не имѣлъ такого глубокаго вліянія на европейскую философію, какъ именно Платонъ. Съ его именемъ связывается особое направленіе въ философіи, именно идеализмъ, которое и самое названіе получило отъ платоновскаго ученія объ идеяхъ. Идеализмъ всегда связывался съ Платономъ. Всѣ построители идеалистическихъ системъ, будь то Кантъ, Шопенгауеръ, Гегель или кто-либо другой, что-нибудь да позаимствовали у него. Съ этой точки зрѣнія Платонъ всегда представлялъ огромную важность для изученія исторіи философіи. То обстоятельство, что онъ изложенію своей системы придалъ художественную оболочку всегда дѣлала его привлекательнымъ авторомъ. (Какъ извѣстно, его сочиненія состоятъ изъ діалоговъ или разговоровъ различныхъ лицъ о философскихъ вопросахъ).

Къ сожалѣнію, отсутствіе хорошаго перевода на русскомъ языкѣ всегда являлось препятствіемъ для ознакомленія русскихъ читателей съ произведеніями Платона непосредственно. Въ настоящее время, когда такой талантливый философъ и мастеръ слова, какъ Владиміръ Соловьевъ, рѣшилъ «дать русской литературѣ Платона», можно быть увѣреннымъ, что она получитъ его въ дѣйствительно хорошемъ видѣ. То обстоятельство, что за переводъ взялся такой переводчикъ, какъ Влад. Соловьевъ, имѣетъ особую важность, такъ какъ для перевода Платона необходимы спеціальныя познанія и литературный талантъ, потому что только при такихъ условіяхъ въ переводѣ могутъ сохраниться всѣ красоты подлинника.

По отношенію къ сочиненіямъ Платона съ древнѣйшихъ временъ существовало сомнѣніе, представляютъ ли дошедшія до насъ его сочиненія подлинныя произведенія, или, можетъ быть, греческій ученый Тразиллъ, который впервые составлялъ сборникъ его произведеній въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр., съ подлинными произведеніями соединилъ и неподлинныя. Многіе ученые толкователи сочли нѣкоторые изъ этихъ произведеній не подлинными, ложно приписываемыми Платону. Главнымъ основаніемъ для признанія неподлинности того или другого сочиненія служило то обстоятельство, что идеи, изложенныя въ немъ, казалось,

не соотвѣтствовали генію Платона. Но слѣдуетъ думать, что этотъ критерій совершенно непримѣнимъ въ данномъ случаѣ, потому что одни и тѣ же произведенія признавались не подлинными однимъ комментаторомъ, а другими считались подлинными и вполнѣ достойными пера Платона. Только англійскій историкъ Гротъ считалъ всѣ приписывавшіяся Платону произведенія подлинными. Другой важный вопросъ по отношенію къ сочиненіямъ Платона—это вопросъ о хронологическомъ порядкѣ его сочиненій. Вопросъ этотъ представляетъ важность потому, что только при установкѣ хронологическаго порядка его сочиненій и можно возстановить его систему въ должной полнотѣ. Опредѣленіе порядка сочиненій тоже является очень спорнымъ вопросомъ. По большей части при рѣшеніи этого вопроса основываются или на логической послѣдовательности развитія идей, или на исторической связи событій, упоминаемыхъ въ діалогахъ. Иногда для этой цѣли пользуются однимъ пріемомъ, который на первый взглядъ можетъ показаться очень страннымъ. Именно при опредѣленіи порядка діалоговъ нѣкоторые ученые руководились стилемъ Платона. Это они дѣлали такимъ образомъ; брали какой-нибудь діалогъ, время написанія котораго несомнѣнно, и сосчитывали, какъ часто употребляется въ немъ какое-нибудь слово. Брался, напримѣръ, какой-нибудь предлогъ, который по-гречески употребляется съ разными падежами, и старались опредѣлить, съ какимъ именно падежомъ Платонъ употребляетъ этотъ предлогъ въ этомъ діалогѣ наичаще. Послѣ этого брали діалогъ, время написанія котораго желали опредѣлить. Если и въ этомъ діалогѣ этотъ предлогъ, такъ же часто употребляется съ тѣмъ же падежемъ, то это есть признакъ того, что этотъ діалогъ стоитъ близко по времени къ первому діалогу. По увѣренію его комментаторовъ, Платонъ въ различные періоды своей жизни измѣнялъ свой слогъ или употребленіе того или другого слова. Недавно примѣненъ былъ еще одинъ способъ, именно статистическое опредѣленіе того, какимъ словомъ чаще всего обозначается тотъ или другой логическій терминъ въ томъ или другомъ сочиненіи. При помощи этихъ данныхъ, оказалось возможнымъ, съ большей или меньшей точностью, опредѣлить порядокъ сочиненій Платона, но полной достовѣрности въ этомъ отношеніи не достигнуто.

Только что вышелъ первый томъ акъ называемыхъ Сократическихъ діалоговъ, которые Платонъ писалъ въ то время, когда находился подъ особенно сильнымъ вліяніемъ Сократа. Здѣсь затрогиваются, главнымъ образомъ, вопросы этическаго характера, о мудрости, о благоразуміи, о мужествѣ, о дружбѣ. Къ переводу каждаго діалога присоединяется разсужденіе, въ которомъ переводчикомъ разбирается содержаніе этого діалога, время его написанія, существующія мнѣнія о его подлинности и т. п. Это имѣетъ важное руководящее значеніе для того, кто желаетъ изучить Платона.

Хотя произведенія Платона, помѣщенныя въ вышедшемъ томѣ, и не составляютъ существенной части его философскаго міровоззрѣнія, однако они играютъ важную роль въ выясненіи его системы. Будемъ ждать появленія и послѣдующихъ томовъ, въ которыхъ содержатся его важнѣйшія сочиненія: Филебъ, Пиръ, Федонъ, Теэтетъ. Но читатель не долженъ преминуть изучить и этотъ томъ, если онъ задался цѣлью изучить Платона въ полнотѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе читателя также и на то, что въ этомъ томѣ находится обстоятельная статья переводчика о жизни и произведеніяхъ Платона.

Духъ и матерія. (Противъ матеріализма). Изданіе «Посредника». М. 1899. Эта книжка представляетъ «Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій, выясняющихъ вопросы объ отношеніи духа къ матеріи, души къ тѣлу и вѣры къ знанію». Здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ статей, по большей части небольшихъ отрывковъ изъ различныхъ авторовъ и старыхъ, и современныхъ. Здѣсь мы имѣемъ отрывки и изъ Декарта, и изъ Берклея, Шопенгауера и изъ совре-

менныхъ: Дюбуа Реймона, Льва Толстого (его неизданныя сочиненія), проф. Грота, Лопатина и другихъ.

Задача сборника, главнымъ образомъ, отрицательная, показать, что матеріалистическое міровоззрѣніе въ настоящее время не можетъ считаться состоятельнымъ. «Цѣль этого изданія, по словамъ составителя, состоитъ въ опроверженіи матеріализма какъ ложной системы міровоззрѣнія, а не какъ науки о свойствахъ матеріи».

Эту задачу чисто отрицательнаго свойства сборникъ выполняетъ вполнѣ хорошо, поскольку, разумѣется, это можно сдѣлать при помощи хрестоматіи. Здѣсь мы не имѣемъ систематическаго доказательства несостоятельности матеріализма, а просто сборникъ отдѣльныхъ статей. Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ составителя на то, что въ настоящее время необходимо убѣдить читателей въ томъ, что матеріализмъ есть отжившее міровоззрѣніе, чтобы тѣмъ самимъ побудить читателей искать для себя другихъ путей для построенія міровоззрѣнія. Но, въ дѣйствительности, составитель сборника идетъ дальше. Онъ пытается намѣтить и возможное иное міровоззрѣніе. Такъ, напр., въ статьѣ проф. Лопатина намѣчается и возможное рѣшеніе вопроса о природѣ души и духовной субстанціи. Статья эта очень интересна, но она выходитъ уже за предѣлы поставленной задачи, такъ какъ пытается дать и положительное рѣшеніе вопроса.

Въ общемъ замѣчается отсутствіе системы. Въ сборникѣ есть статьи, которыя мы считали бы излишними. Напр., статья проф. Цингера: «О недоразумѣніяхъ во взглядахъ на основанія геометріи», потому что взглядъ на не эмпирическое происхожденіе геометрическихъ аксіомъ не имѣетъ никакого отношенія къ матеріализму. Во всякомъ случаѣ, въ такой коротенькой статьѣ даже и выяснить отношенія этого вопроса къ вопросу о матеріализмѣ нельзя, а потому, чтобы не пестрить книжки, ее можно было бы не помѣщать: она можетъ вызвать недоразумѣнія у всякаго читателя. Точно также непонятно отношеніе къ матеріализму замѣтки о буддизмѣ Японскаго священника.

Мы находимъ также, что такой сложный вопросъ, какъ вопросъ объ отношеніи знанія къ вѣрѣ не можетъ быть рѣшенъ такой коротенькой статьей, какъ статья Бакунина «Вѣра и знаніе». Такъ какъ такая статья не можетъ дать никакого представленія объ этомъ вопросѣ, то лучше бы ее совсѣмъ не помѣщать. Непонятны также нѣкоторые изъ афоризмовъ. Напр., афоризмъ, приписываемый Сократу, въ дѣйствительности принадлежащій Платону, оторванный отъ всего прочаго не можетъ пояснить неопытному читателю, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о цѣлесообразности въ природѣ, и это нужно считать недостаткомъ сборника, такъ какъ онъ предназначается для начинающихъ. Въ этомъ смыслѣ сборникъ очень выигралъ бы, если бы подвергся значительному сокращенію.

Въ общемъ сборникъ интересенъ и навѣрное съ пользою будетъ прочтенъ многими читателями. Мы бы при этомъ выразили пожеланіе, чтобы читатель, ознакомившись съ этимъ сборникомъ, пожелалъ бы ознакомиться съ какимъ-нибудь систематическимъ сочиненіемъ по этому вопросу, потому что самостоятельная работа есть единственное условіе для уясненія ходячаго матеріализма.

Дарвинизмъ и теорія познанія. Дарвинистическая Библіотека. Вып. I-й. Спб. 1899 г. Дарвинизмъ въ современной наукѣ не только въ біологіи, но и въ соціальныхъ наукахъ и философіи занимаетъ настолько центральное мѣсто, что можно считать вполнѣ удачной мысль дать цѣлую серію книгъ выдающихся писателей по этому вопросу. Но въ данномъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что издатели взялись за дѣло совсѣмъ неумѣло, если судить по первому выпуску.

Дарвинизмъ оказалъ огромное воздѣйствіе на развитіе психологіи, и, именно, примѣняя тотъ принципъ, что пріобрѣтенныя способности передаются по наслѣдственности и совершенствуются при помощи подбора. Такъ объясняется

обыкновенно возникновеніе высшихъ умственныхъ способностей. Въ послѣднее время была сдѣлана попытка Спенсеромъ, Геккелемъ, Дюбуа Реймономъ и другими объяснить даже происхожденіе такъ называемыхъ апріорныхъ идей (пространства, времени и т. п.), путемъ приспособленія, естественнаго подбора, и наслѣдственной передачи. Потому вопросъ о дарвинизмѣ и въ теоріи познанія имѣетъ огромное значеніе. такъ какъ рѣшить вопросъ о происхожденіи апріорныхъ идей въ только, что указанномъ смыслѣ, значитъ навсегда сдѣлать тщетными попытки давать какое-нибудь другое толкованіе происхожденію этихъ идей, т. е., другими словами, дать очень сильное оружіе въ руки *эмпиризма*. Поэтому-то связь дарвинизма съ теоріей познанія въ самомъ дѣлѣ представляется важной.

Издатели «дарвинистической библіотеки» первую книжку посвятили именно вопросу о разъясненіи отношенія между теоріей познанія и дарвинизмомъ. Здѣсь дано мѣсто статьѣ *Зиммеля*: «Объ отношеніи селекціоннаго ученія къ теоріи познанія». Въ этой статьѣ Зиммель задается оригинальной задачей свести критерій логической истинности на цѣлесообразность той ли другой истины, т. е., другими словами, онъ задается вопросомъ, отчего это тѣ или другія положенія кажутся намъ истинными, и думаетъ, что это оттого, что соотвѣтствованіе этихъ положеній съ дѣйствительностью оказалось намъ полезнымъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому, по его мнѣнію, не существуетъ теоретически допустимой истины, на основаніи которой мы дѣйствуемъ цѣлесообразно; но мы называемъ тѣ представленія истинными, которыя оказались мотивами цѣлесообразнаго поведенія, благопріятнаго для жизни». Такъ какъ авторъ не показываетъ, какое можетъ имѣть значеніе такого рода сведеніе истинности къ полезности, то у читателя легко можетъ остаться сомнѣніе, дѣйствительно ли такимъ образомъ что-нибудь выигрывается, тѣмъ болѣе, что и самая схема можетъ оказаться не вполнѣ удовлетворительной. Вторая статья — *Нитцше*: «О предразсудкахъ философовъ». Эта статья имѣетъ чрезвычайно отдаленное отношеніе къ дарвинизму. И, наконецъ, третья статья: О дарвинизмѣ и трансцендентальной философіи», *Риля*. Это очень интересная статья, принадлежащая очень выдающемуся философу. Къ сожалѣнію, о переводѣ слѣдуетъ сказать, что хотя онъ и составленъ добросовѣстно, но видно, что переводчикъ переводилъ механически, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ переводитъ, и потому онъ безъ всякой нужды испещряетъ текстъ нѣмецкими терминами, якобы въ сомнительныхъ мѣстахъ, въ дѣйствительности же совершенно несомнѣнныхъ. Въ статьѣ проводится мысль, что совершенно неправильно эволюціонисты старались *замѣнить* ученіе Канта объ апріорности ученіемъ эволюціонизма, потому что, по мнѣнію Риля, ученіе Канта чисто гносеологическое, ученіе же эволюціонизма психологическое. Рѣшеніемъ одной задачи не рѣшается другая. Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать эти двѣ разнородныя по существу задачи и не слѣдуетъ рѣшеніемъ одной задачи думать разрѣшить другую, потому что въ такомъ случаѣ несомнѣнно получится ложное рѣшеніе. Кромѣ того нельзя доказать происхожденіе апріорныхъ идей при помощи эволюціи.

Намъ казалось бы, что если издатели хотѣли познакомить съ отношеніемъ дарвинизма къ теоріи познанія, то имъ слѣдовало бы эту статью перевести, какъ слѣдуетъ и снабдить или пояснительными примѣчаніями, или дополнить другими мѣстами изъ сочиненій Риля, гдѣ онъ говоритъ объ апріорности, а такихъ мѣстъ у него очень много. Вмѣсто этого, издатели помѣщаютъ статью г. Баратова, изъ которой явствуетъ, что для автора этой статьи совсѣмъ не ясенъ ни смыслъ статьи Риля, ни взгляды Канта, котораго онъ попутно разбираетъ.

Г. Баратовъ находитъ, что «Кантъ совершенно сознательно раздѣляетъ всѣ апріорныя познанія на *чистыя* и *нечистыя* апріори, изъ которыхъ первыя, напримѣръ, сужденія математики, произошли *совершенно независимо отъ*

опыта, другія же, какъ, напр., понятіе причинности, хотя и носятъ общій всѣмъ апріорнымъ познаніямъ характеръ необходимости и всеобщности, тѣмъ не менѣе требуютъ для своего образованія опытныхъ данныхъ». Можемъ увѣрить г. Баратова, что ничего подобнаго у Канта не имѣется: Кантъ никогда не говорилъ, что математическія сужденія произошли *совершенно независимо отъ опыта*, потому что для пространственныхъ созерцаній Кантъ считаетъ необходимымъ *опытъ*. Никакихъ «чистыхъ апріори» и «не чистыхъ апріори» у Канта не имѣется. Если г. Баратовъ думаетъ, что задача «Критики чистаго разума» было рѣшеніе вопроса, какъ, возможны синтетическія сужденія апріори или, другими словами, чѣмъ объясняется удивительное совпаденіе нашего опыта съ тѣми *соображеніями (?!)* независимыми отъ опыта, которыя легли въ основу такъ называемыхъ *дедуктивныхъ наукъ*, то онъ очень ошибается: такой задачи Кантъ себѣ не ставилъ. Вполнѣ понятно, что при такомъ знаніи Канта совершенно немыслима какая бы то ни было критика апріорности, и, что при такомъ пониманіи его можно договориться до признанія, что «форма логическихъ процессовъ является несомнѣнно прирожденной и всеобщей, ибо для того, чтобы правильно мыслить не надо никакого наученія!?» Это что-то совсѣмъ метафизическое. О какихъ *формахъ* говоритъ г. Баратовъ? Во всякомъ случаѣ не о тѣхъ, о которыхъ говоритъ Кантъ.

Если издатели дарвинистической библіотеки думаютъ продолжать изданіе, то нужно пожелать, чтобы они давали переводы классиковъ, а не статьи малоопытныхъ въ наукѣ писателей.

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Январь. Н. М. Языковъ. «Стихотворенія».
А. Puchkin. «Dubrowsky. Erzählung».
Февраль. Allegro. «Стихотворенія».
Г. Гауптманъ. «Одинокіе люди».
Е. Балабанова. «Легенды о замкахъ Бретани».
Мартъ. Л. Мельшинъ. «Въ мірѣ отверженныхъ».
Ев. Чириковъ. «Очерки и разсказы».
Мольеръ «Полное собраніе сочиненій».
Апрѣль. И. Н. Потапенко. «Повѣсти и разсказы. Т. XII».
А. Вербицкая. «Сны жизни».
Май. Старицкій. «Передъ бурей. Историческій романъ».
П. Е. Накрохинъ. «Идиллiи въ прозѣ. Разсказы».
Генри Лонгфелло. «Пѣснь о Гайаватѣ».
Іюнь. С. Елпатьевскій. «Разсказы и очерки».
Бончъ-Бруевичъ. «Избранныя произведенія русской поэзіи»
Н. М. Соколовъ. «Стихотворенія».
В. Каллашъ. «Русскіе поэты о Пушкинѣ».
И. Божеряновъ. «Поэты поэту».
Іюль. А. Коринфскій. «Бывальщины. Картины Поволжья».
Вл. Тихоновъ. «Пустоцвѣтъ. Романъ».
Дм. Голицынъ. «Въ Петербургѣ. Повѣсти и разсказы».
Хозе-Марія де-Эредіа. «Сонеты».
Шелли. «Освобожденный Прометей».
Сентябрь. Сборникъ. «Помощь пострадавшимъ отъ неурожая»
Н. Телешовъ. «Повѣсти и разсказы».
К. Джеромъ. «Веселое путешествіе по Темзѣ».
Гемфри Уордъ. «Хельбэкъ изъ Боннисдэля».
Октябрь. К. Ельцова. «Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ».
Эркманъ-Шатріанъ. «Гаспаръ Фиксъ».
М Ватсонъ. «Джозуэ Кардуччи».
Ноябрь. И. Саловъ. «Мелочи жизни. Разсказы».
И. Потапенко. «Черезъ любовь. Романъ».
А. Крандіевская. «То было раннею весною».
Е. Яковлева. «Повѣсти и разсказы».
Сборникъ. «Свѣточи русской поэзіи».
Декабрь. С. Н. Терпигоревъ. «Собраніе сочиненій».
А. И. Свирскій. Разсказы.

В. Рышковъ. «Собраніе сочиненій».
О. Недолинъ. «Искры. Разсказъ».
Д. Ратгаузъ. «Стихотворенія».

ПУБЛИЦИСТИКА.

Январь. О. Меньшиковъ. «О писательствѣ».
В. В. Верещагинъ. «Листки изъ записной книги».
Февраль. П. Сергѣенко. «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой».
А. Метенъ. «Соціализмъ въ Англіи».
Апрѣль. П. Мижуевъ. «Очерки развитія средняго образованія въ Англіи».
Г. Лихтенбергъ. «Афоризмы».
Іюль. Филантропъ. «Трудовая помощь».
Д. Жбанковъ и В. Яковенко. «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время».
Августъ. Д. Дриль. «Ссылка во Франціи и Россіи».
В. Розановъ. «Религія и культура».—«Литературные очерки».
К. Гренгагенъ. «Путеводитель по Финляндіи». — «Поѣздка на Иматру».
Сентябрь. Д. Гобсонъ. «Общественные идеалы Рёскина».
Октябрь. Д'Оссонвиль. «Нужда, порокъ и благотворительность».
Н. Барсовъ. «Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ».
Ноябрь. П. Ганзенъ. «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ».
А. Новиковъ. «Записки земскаго начальника».
Декабрь. Н. Зинченко. «Женщина-адвокатъ».

КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

Январь. Н. С. Тихонравовъ. «Исторія русской литературы. Т. I».
Штраусъ. «Вольтеръ».
С. Кульженко. «Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ».
Н. Смирновъ. «Библіографическій указатель».
Февраль. А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы. Т. III».
Мартъ. А. Г. Смирнова. «Маха-Бхарата. Индійская Иліада».
Е. Каро. «Жоржъ-Зандъ.
М. Ватсонъ. «Ада Негри.».
Н. С. Тихонравовъ. «Исторія русской литературы. Т. III».
Май. Н. Котляревскій. «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка».
Г. Брандесъ. «Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне».
Сборникъ. «Памяти Ѳ. И. Буслаева».
Іюнь. Сборникъ. «Памяти Бѣлинскаго».
Н. Карелинъ. «Жанъ-Жакъ Руссо».
Н. М. Соколовъ. «Лирика Полонскаго».
Іюль. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Л. Н. Толстой, какъ художникъ».
Сборникъ. «Памяти А. С. Пушкина».
Августъ. А. П. Новицкій. «Исторія русскаго искусства».
Р. Мутеръ. «Исторія живописи въ XIX в.».

Э. Гроссе. «Происхожденіе искусства».
К. Гроссъ. «Введеніе въ эстетику».
Ю. Мильтолеръ. «Что такое красота».
Декабрь. Р. Мутеръ. «Исторія живописи въ XIX в.». Ч. II.
І. Фолькельтъ. «Современные вопросы эстетики».

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Январь. А. Рамбо. «Исторія французской революціи».
А. Рамбо. «Живописная исторія древней и новой Россіи».
П. С. Смирновъ. «Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII в.».
Февраль. Э. Гроссе. «Формы семьи и формы хозяйства».
Мартъ. П. Виноградовъ. «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вв.».
Лависсъ и Рамбо. «Всеобщая исторія. Т. V».
Е. Церетели. «Елена Іоанновна».
А. Петрункевичъ. «Маргарита Ангулемская».
Апрѣль. Ю. Белохъ. «Исторія Греціи».
Ж. Губеръ. «Исторія іезуитовъ».
В. Надлеръ. «Лекціи по исторіи французской революціи».
Жюссеранъ. «Исторія англійскаго народа».
Сентябрь. Э. Тома. «Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры».
В. Богучарскій. «Маркизъ Лафайетъ».
Ноябрь. Г. Кольбъ. «Исторія человѣческой культуры».
Н. Рожковъ. «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.».
Декабрь. Шантэпи де-ля-Соссей. «Иллюстрированная исторія религіи».

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Май. Н. П. Дружининъ. «Русское государственное, гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи».
М. Огіевскій. «Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ».
Іюнь. А. Эсменъ. «Основныя начала государственнаго права».
Lombroso и Ferrero. «Женщина преступница и проститутка».
Октябрь. «Сборникъ общихъ юридическихъ знаній».
Ноябрь. Г. Литвиновъ-Фалинскій. «Отвѣтственность предпринимателей».

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Январь. К. Бюхеръ. «Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства».
М. Ковалевскій. «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства».
Апрѣль. М. Ковалевскій. «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ».
Іюль. Гиддигинсъ. «Основанія соціологіи».
Г. Зиммель. «Соціальная дифференціація».
Августъ. К. Бюхеръ. «Работа и ритмъ».
І. Конрадъ. «Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи».

Сентябрь. Г. Гумпловичъ. «Основанія соціологіи».
Р. Штаммлеръ. «Хозяйство и право».
Октябрь. Геркнеръ. «Рабочій трудъ».
Сидней Веббъ. «Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ».
Т. Роджерсъ. «Исторія труда въ Англіи».
Э. Вуриъ. «Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ».
Д. Ст. Милль. «Основанія политической экономіи».
Д. Кейнсъ. «Предметъ и методъ политической экономіи».
Гиггсъ. «Физіократы».
Декабрь. Е. Варбъ. «Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ».
Н. Райхесбергъ. «Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время».

ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ. ЭТИКА.

Февраль. Ш. Рибо. «Философія Шопенгауера». Пер. Суперанскаго.
Кэрдъ. «Гегель».
І. Гобчанскій. «Опытная психологія»,
юнь. Паульсонъ. «Кантъ, его жизнь и ученіе».
Ланге. «Исторія матеріализма».
Тиченеръ. «Очерки психологіи».
Сентябрь. Д. Милль. «Система логики».
Болинъ. «Спиноза».
Ноябрь. Рибо. «Философія Шопенгауера». Пер. Ватсонъ.
Авенаріусъ. «Философія, какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣрѣ силъ».
Декабрь. «Твореніе Платона».
«Духъ и матерія».
«Дарвинизмъ и теорія познанія».

МАТЕМАТИКА. ФИЗИКА. АСТРОНОМІЯ.

Мартъ. «Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи».
Май. Библіотека для самообразованія. І. Лоренцъ. «Элементы высшей математики».
«Русскій астрономическій календарь».
Августъ. О. Д. Хвольсонъ. «Курсъ физики». Т. III.
Сентябрь. Модестовъ. «Двойныя звѣзды».

АНТРОПОЛОГІЯ. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Апрѣль. Д-ръ. Г. Плоссъ. «Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи»
Августъ. П. Мюръ. «Химія огня».
Лаппоранъ. «Минералогія».
Сентябрь. Д. Менро. «Очеркъ электрическихъ явленій».
В. Лункевичъ. «Научно-популярная библіотека».

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Май. **Левъ Бертенсонъ.** «Оздоровляющія и цѣлительныя силы природы».
М. П. Покровская. «Популярныя статьи по гигіенѣ».
Э. Прустъ и Балле. «Гигіеническое лѣченіе неврастеніи».
А. Бинэ и В. Анри. «Умственное утомленіе».

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Февраль. «Дешевыя изданія О. Н. Поповой».
Ноябрь. «Программы домашняго чтенія на 1-ый годъ систематическаго курса». Изданіе пятое.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го октября по 15-е ноября 1899 года).

М. Горькій. Очерки и разсказы. Изд. 2-е. Т. I, II и III. Спб. 1899. Ц. каждаго тома 1 рубля.

М. Эндрьюсъ. Историческое развитіе современной Европы (отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени). Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 руб.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Изд. 2-ое. Т. I и II. Изд. Т-ва «Знаніе». Цѣна каждаго тома 3 рубля.

С. Терпигоревъ. (Сергѣй Атава). Собраніе сочиненій. Изд. Маркса. Т. IV, V и VI. Спб. 1899. Ц. за 6 томовъ 9 руб., съ пер. 10 р. 50 коп.

Юнгъ. Солнце. Изд. 2-е Т-ва «Знаніе» Общедоступная научная библіотека. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. 2-е Т-ва «Знаніе» Общедоступная научная библіотека. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

Л. Пти де-Жюльвиль. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900). Изд. маг. «Книжное Дѣло». Вып. I и II. Москва. 1899—1900. Подп. цѣна безъ дост. въ Москвѣ—7 руб.

А. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Вып. IV и V. Подп. цѣна безъ дост. въ Москвѣ—10 руб.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Вып. IV—VI. Под. цѣна безъ доставки въ Москвѣ—3 руб.

Ремсенъ. Введеніе къ изученію органической химіи. Изд. «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1900. Ц. 1 р. 75 коп.

Макъ Кендрикъ и Снодграсъ. Физіологія органовъ чувствъ. Изд. «Библ. для самообразованія». Москва. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Викторъ Рышковъ. Собраніе сочиненій. Т. I.—Женихи. Т. II.—Разсказы. Изд. Картавова. Спб. 1900. Ц. 2 р. 25 коп.

Щегловитовъ. Кулики своихъ болотъ. Орелъ. 1899. Ц. 1 рубль.

Ратгаузъ. Собраніе стихотвореній. (1893—1900). Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1900. Ц. 1 рубль.

Свирскій. Смертная казнь и другіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 рубль.

О. Петерсонъ. Пѣсни моря. Разсказы и преданія. Спб. 1899. Ц. 75 коп.

Д-ръ Флёри. Опытъ душевной гигіены, пер. съ франц. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Шумахеръ. Историческій очеркъ жизни и царствованія Александра II. Спб. 1899. Ц. 75 коп.

Спиридонъ Гопчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Пер. съ нѣм. Съ 38 ориг. рис. и 2 план. Спб. 1899.

Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи поданнымъ 1897 года, сост. Рейтлингеръ. Спб. 899.

Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Изд. О. Поповой. Т. II. Спб. 1899. Ц. за все изданіе 5 рублей.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. V. Людовикъ XIV. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 руб.

Проф. Ивановскій. Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики. Казань. 1899. Ц. 2 рубля.

Д. Овсянико-Куликовскій. Синтактитескія наблюденія. Вып. I. Спб. 1899.

Э. Демоленъ. Новое воспитаніе, пер. съ франц. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1900. Ц. 80 коп.

Л. Гумпловичъ. Соціологическіе очерки пер. съ нѣм. Изд. Т-ва «Знаніе». Одесса. 1899. Ц. 40 коп.

Альфредъ Фулье. Психологія французскаго народа. Пер. съ франц. Изд. Никитина. Москва. 1900. Ц. 1 рубль.

С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе на западѣ. Т I.—Германія. Бельгія. Изд. Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 2 рубля.

А. Гурьевъ. Промышленные синдикаты. Вып. II. Спб. 1899. Ц. 1 рубль.

Коммерческая географія Россіи. Сост. Соболевъ. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1900. Ц. 1 р. 25 коп.

Книга для чтенія въ начальной школѣ, подъ редакціей В. Воскресенскаго. Спб. 1900 Ц. 50 коп.

У. Томсонъ. Жизнь животныхъ. Часть I. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Ц. 30 коп.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Съ 48 табл. и 133 рис. Изд. маг. «Книжное Дѣло». «Научно-образов. библ.». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 коп.

Романесъ. Теорія Дарвина. Изд. маг. «Книжное Дѣло». «Научно-образов. библ.» съ 124 рис. Москва. 1899. Ц. 70 коп.

Н. Благовѣщенскій. Четвертное право. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 коп.

Виршубскій. Очерки вопросовъ изъ области кумысолѣчевія. Москва. 1899.

Второй сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1897 и 1899 г. въ Новоалександрійскомъ институтѣ. Варшава. 1899. Ц. 1 р. 25 коп.

Г. Ферреро. Милитаризмъ, пер. съ итал. Москва. 1900. Ц. 1 р. 50 коп.

Жоржъ Блондель. Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Изд. О. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. Изд. О. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Л. Іолли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Изд. О. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 рубль.

Л. Ветуховъ. Философскіе вопросы при свѣтѣ языка. Варшава. 1899.

Его же. А. А. Потебня (ум. 29-го ноября 1891 г.). Варшава. 1898.

Георгъ Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1899.

В. Каррера. Александръ Пушкинъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ *П. Косса.* Пушкинъ, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ итал. Спб. 1899. Ц. 1 рубль.

Т. Гёксли. Ракъ (Введеніе въ изученіе зоологіи) съ 82 рис. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1900. Ц. 1 р. 50 коп.

М. Петруланъ. Какъ мы живемъ и какъ должны жить. Спб. 1899. Ц. 50 коп.

М. Покровская. Какъ вести бѣдное хозяйство, чтобы сохранять здоровье. Спб. 1900. Ц. 60 коп.

В. Ладыженскій. О книгахъ и сочинителяхъ. Вып. I. Чтеніе для школъ и народа. Москва. 1899. Ц. 30 коп.

С. Помпеевъ. Блетки души. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1899. Ц. 35 коп.

Эйдоль. Лѣченіе безъ лѣкарствъ при помощи воды, воздуха, свѣта и пищи. Изд. Конусова. Москва. 1899. Ц. 1 рубль.

Робинзонъ Крузо съ картинами. Изд. Южно-Русскаго Об-ва печ. дѣла. Одесса. 1899. Ц. 10 коп.

Л. Золотаревъ. Родителямъ для сыновей. Москва. 1899. Ц. 25 коп.

Его же. Самообразованіе женщины-матери. Москва. 1899. Ц. 30 коп.

Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества. Сост. В. Склифосовскій. Москва. 1899.

Г. Торо. Опытъ упрощенія жизни, пер. съ англ. Изд. Конусова. Москва. 1900. Ц. 60 коп.

М. Гольдштейнъ. Живое и мертвое. Изд. книгоиздательства «Знаніе». Одесса. 1899. Ц. 25 коп.

Дѣятельность народной библіотеки при первомъ Моск. Об-вѣ трезвости. М. 1899.

Сельскохозяйственный обзоръ. Самарской губ. за 1896—1897 гг., вып. III. Самара. 1899.

Сельскохозяйственный обзоръ. Псковской губ., за 1898 г. Псковъ. 1899.

Антонъ Радцигъ. Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта. Спб. 1900. Ц. 1 рубль.

11-ый съѣздъ земскихъ врачей. Смоленской губ. Изд. губ. земства. Смоленскъ. 1899.

Карлъ Бюхеръ. Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Изд. книгоиздательства «Знаніе». Одесса. 1899. Ц. 25 коп.

Дм. Ройтманъ. Евгеній Дюрингъ, какъ литературный критикъ. Спб. 1899.

Очеркъ исторіи оптики и исторіи оптическаго производства въ Россіи. Изд. 1-ое. Спб. 1899. Ц. 60 коп.

Коммерческая энциклопедія. М. Ротшильда. Изд. В. Форсселеса. Вып. VI и XVI. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ 15 руб.

Орудія обработки пашни. Псковъ. 1899.

Отчетъ казначея отдѣла Об-ва для защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Спб. 1899.

Д-ръ О. Литинскій. Международный конгрессъ въ Берлинѣ для борьбы съ туберкулозомъ.

*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Histoire de la lutte entre la Science et la Théologie*» *par A. D White, ancien président et professeur de l' Université de Cornell. Traditu par H. de Varigny, docteur ès Sciences, membre de la Société de biologie.* (*Guillaumin*). (*Исторія борьбы между наукой и богословіемъ*). Чрезвычайно интересное и ученое изслѣдованіе, авторъ котораго безъ всякой предвзятой мысли и съ полнымъ беспристрастіемъ анализируетъ вѣковую борьбу между религіей и наукой и указываетъ способы примиренія двухъ главныхъ силъ, двигающихъ человѣчествомъ: вѣры и знанія.

(Journal des Débats).

«*Paul Kruger*» *by Fred A. Mekenzie* (*I. Bowden*). (*Павелъ Крюгеръ*). Небольшая брошюрка, заключающая въ себѣ очень живо написанный біографическій очеркъ, посвященный знаменитому «Оомъ Полю», президенту трансваальской республики. Авторъ ея англичанинъ, но въ предисловіи онъ говоритъ, что въ своемъ очеркѣ онъ не имѣетъ намѣренія искажать личность президента только на томъ основаніи, что въ данный моментъ между бурами и англичанами вспыхнула война. Онъ старается какъ можно безпристрастнѣе, описать личность Крюгера, какъ президента, проповѣдника и патріарха. (Daily News).

«*L'Individualisation de la peine*» *par R. Saleilles, prof. à la Faculté de droit de l'Université de Paris, précédé d'une préface de G. Tarde.* (*Felix Alcan*) *6 fr.* (*Индивидуализація наказанія*). Вопросъ, затрогиваемый авторомъ этой книги, уже въ теченіе многихъ лѣтъ занимаетъ юристовъ, государственныхъ дѣятелей и соціологовъ. Дѣло не въ томъ, чтобы наказаніе соотвѣтствовало важности преступнаго дѣянія или степени преступности, обнаруженной въ моментъ совершенія акта, а чтобы оно было приноровлено къ природѣ преступника, къ степени его испорченности и главнымъ образомъ было бы приноровлено къ тому, чтобы, вліяя на природу преступника, помѣшать ему совершать новыя преступленія. Авторъ указываетъ на связь, существующую между отвѣтственностью индивида и индивидуализаціей наказанія. Книга, не смотря на свой строго научный характеръ, написана въ высшей степени популярно.

(Revue internationale).

«*L'Idealisme Social*» *par Eugène Fournière prof. au Collège libre des Sciences sociales.* (*Felix Alcan*). *6 fr.* (*Соціальный идеализмъ*). Авторъ не имѣетъ цѣли представить въ своемъ очеркѣ конкретное изображеніе идеальнаго соціальнаго организма, а только даетъ нѣкоторыя указанія, основанныя на опытѣ и наблюденіи прошлаго и настоящаго и, такъ сказать въ, общихъ чертахъ рисуетъ рамку, которую каждый можетъ наполнить на основаніи своихъ личныхъ познаній. Авторъ, впрочемъ, находитъ нужнымъ изложить вѣчные и непоколебимые принципы, на которыхъ зиждется счастье человѣчества. Свою книгу авторъ раздѣляетъ на четыре части: «Соціальный идеализмъ; идеальная собственность; идеальная семья и идеальное государство».

(Revue internationale).

«*The Map of Life: Conduct and Character*» *by William Edward Hartpole Lecky.* (*Longmans and C°*). (*Карта жизни: поведеніе и характеръ*). Главное значеніе этой книги заключается болѣе въ практическихъ замѣчаніяхъ, касающихся поведенія, нежели въ теоретическихъ основахъ морали, которыя приводитъ авторъ. Впрочемъ, и самъ авторъ очень быстро оставляетъ теоретическую точку зрѣнія, какъ, напримѣръ, въ разсужденіяхъ о свободѣ воли, и переходитъ къ практическимъ доказательствамъ того, что «мы свободны». Оригинальность точки зрѣнія автора заключается въ томъ, что онъ допускаетъ существованіе разной нравственности у разныхъ національныхъ и индивидуальныхъ типовъ. По его мнѣнію, даже нравственный идеалъ не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ и нельзя ожидать отъ однѣхъ тѣхъ же добродѣтелей отъ индивидовъ, живущихъ въ совершенно различной нравственной атмосферѣ. Современная эпоха отличается особеннымъ разнообразіемъ

и сложностью главнѣйшихъ нравственныхъ вліяній. Наша цивилизація больше всего является промышленною цивилизаціей и промышленныя области служатъ однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ образованія нравственнаго типа. Любопытны также разсужденія автора, касающіяся этики войны. (Athaeneum).

«*South African Recollections*» *by Florence Phillips. With 37 Illustrations from Photographs.* (*Longman and C°*). (*Южно-африканскія воспоминанія*). Книга представляетъ современный интересъ. Авторъ описываетъ жизнь въ Іоганнесбургѣ и различные эпизоды изъ недавняго прошлаго Южной Африки, а также пресловутый набѣгъ Джемсона, во время котораго самъ авторъ находился въ Трансваалѣ. (Athaeneum).

«*Personal Recollections of Abraham Lincoln and the Civil War*» *by James. R. Gilmare.* (*Loh Macqueen*). (*Личныя воспоминанія объ Авраамѣ Линкольнѣ и гражданской войнѣ*). Авторъ этой книги находился въ личныхъ отношеніяхъ съ Линкольномъ и былъ при немъ во многихъ важныхъ случаяхъ, въ эпоху гражданской войны. Онъ воспроизводитъ изъ своего дневника, который онъ велъ тогда, всѣ свои бесѣды съ Линкольномъ, а также главнѣйшіе эпизоды этой замѣчательной эпохи.

(Daily News).

«*The Origin and Growth of Village Communities in India*» *by B. H. Baden Powell.* (*Sonnenschein and C°*). (*Происхожденіе и ростъ деревенскихъ общинъ въ Индіи*). Книга эта входитъ въ составъ изданій «Social Science Series» и въ ней съ особенной тщательностью изслѣдуется исторія деревенской общины въ Индіи и разсматриваются проблемы, выдвинутыя на сцену ея изученіемъ.

(Athaeneum).

«*Folklore in Borneo*» *a Sketch by D-r W. H. Furness. Pensylvania.* (*Wallingford*). (*Фольклоръ въ Борнео*). Этотъ небольшой очеркъ, заключающій въ себѣ не больше тридцати листовъ текста и шесть превосходныхъ иллюстрацій, посвященъ племенамъ, обитающимъ внутри острова Борнео. Авторъ передаетъ легенды и преданія, которыя онъ записалъ во время своего путешествія по Борнео. Книга написана очень живо и читается легко. (Athaeneum).

«*True Tales of the Insects*» *by L. N. Badenoch. London.* (*Chapman and Hall*). (*Правдивые разсказы о насѣкомыхъ*). Въ книгѣ заключается рядъ отдѣльныхъ очерковъ изъ жизни насѣкомыхъ, очень живо и интересно написанныхъ. Первые очерки посвящены наиболѣе страннымъ формамъ насѣкомыхъ, поражающихъ своимъ внѣшнимъ видомъ; затѣмъ уже идутъ наиболѣе извѣстные изъ насѣкомыхъ, встрѣчающіяся на каждомъ лугу: бабочки, кузнечики, саранча, жуки и т. п. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями.

(Popular Science Monthly).

«*The Peoples of the Philippines*» *by D-r Brinton.* (*Народы Филиппійскихъ острововъ*). Авторъ этой книги ученый антропологъ, сообщаетъ очень много свѣдѣній о Филиппинскихъ островахъ, но, главнымъ образомъ, онъ изслѣдуетъ этнологію этихъ острововъ и описываетъ ихъ населеніе. Особенно интересны свѣдѣнія, которыя сообщаетъ авторъ о жизни, обычаяхъ и языкѣ тагаловъ, имѣвшихъ свой письменный языкъ уже съ незапамятныхъ временъ.

(Popular Science Monthly).

«*Science Social et Démocratie*» *par G. L. Duprat.* (*Соціальная наука и демократія*) Авторъ задался цѣлью отвѣтить въ своей книгѣ на вопросъ, обладаетъ ли демократическая форма жизнеспособностью, и при какихъ условіяхъ она можетъ существовать? Прежде всего онъ опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ соціальною наукой, и какимъ образомъ эта наука можетъ служить основою соціальной философіи, затѣмъ онъ указываетъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно надѣяться на то, что должна наступить эра демократіи, которая, однако, ничего не будетъ имѣть общаго съ тѣмъ, что одинъ извѣстный авторъ называетъ «эрою толпы». Не ограничиваясь этими указаніями, авторъ стремится дать наивозможно болѣе точное опредѣленіе своей идеѣ демократіи и рисуетъ схему обученія и воспитанія народа, которая, по его мнѣнію, можетъ ускорить достиженіе демократическаго идеала. Политики, воспитатели и истинные друзья народа найдутъ въ этой книгѣ чрезвычайно много цѣнныхъ указаній.

(Revue de Paris)

«*Essai d'une Philosophie nouvelle suggerée par le Science*» *par Léonce Ribert. (Félix Alcan) 6 fr.* (*Опытъ новой философіи*). Эта книга очевидно вызвана стремленіемъ создать на основахъ современной науки новую философію, которая положила бы конецъ умственной анархіи, ознаменовавшей конецъ XIX вѣка и явившейся результатомъ поверхностныхъ религіозныхъ вѣрованій и нестойкихъ философскихъ взглядовъ. Авторъ подводитъ итоги современной теоретической наукѣ во всѣхъ ея главныхъ отрасляхъ. Онъ представляетъ себѣ всякую философскую идею высшею гипотезой, которая должна быть подвергнута контролю фактовъ всякаго рода, но подъ условіемъ, чтобы они были научно установлены. Свои взгляды авторъ подкрѣпляетъ множествомъ примѣровъ, доступныхъ пониманію толпы, не получившей спеціальнаго философскаго воспитанія. (Revue internationale).

«*Richard Wagner, poète et penseur*» *par H. Lichtenberger, professeur. Bibliothèque de Philosophie contemporaine.* (*Felix Alcan*). *10 fr.* (*Рихардъ Вагнеръ поэтъ и мыслитель*). Творенія Рихарда Вагнера интересуютъ не только исторію музыки, но, въ общихъ чертахъ, всю исторію искусства и

цивилизаціи въ Германіи. Вагнеръ создалъ новую форму искусства, музыкальную драму и свои идеи и взгляды на судьбу человѣчества онъ изложилъ частью въ своихъ драмахъ, частью же въ своихъ теоретическихъ писаніяхъ. Авторъ, посвящающій свой очеркъ Вагнеру, разсматриваетъ его съ трехъ сторонъ, какъ драматурга, какъ эстетика и мыслителя.

(Revue internationale).

«Tableaux Soudanciers» par Edouard Guillaumet. (*Суданскіе очерки*). Очень живо написанная книга, представляющая рядъ картинъ изъ жизни Судана, отличающихся необыкновеннымъ разнообразіемъ и яркостью колорита. (Revue de Paris).

«Man Past and Present» by A. H. Keane; Cambridge. Geographical Series. (*Macmillan C°*). (*Человѣкъ въ прошломъ и настоящемъ*). Это первый томъ географической библіотеки, въ которомъ большая часть отведена до-историческимъ временамъ, а затѣмъ уже идетъ подробное и тщательное изслѣдованіе четырехъ главныхъ группъ человѣчества: негритянской, монгольской, американскихъ индѣйцевъ и кавказской, ихъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ отличительныхъ чертъ, темперамента, языка, религіи и культуры. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ многочисленныя подраздѣленія этихъ главныхъ группъ.

(Popular Science Monthly).

«Recollections of the Civil War» With the leaders at Washington and in the Field in the Sixties. By Charles A. Dana. New-York. (*Appleton and C°*). (*Воспоминанія о гражданской войнѣ*). Авторъ разсказываетъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ принималъ такъ или иначе личное участіе. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ участвовалъ въ редакціи газеты «New-York Tribune», но въ 1862 году главный редакторъ этой газеты предложилъ ему выйти, такъ какъ они разошлись во взглядахъ; Дана стоялъ за войну, а главный редакторъ Грили за миръ. Оставляя газету, Дана поступилъ на службу къ статсъ-секретарю военнаго департамента, Стантону, и такимъ образомъ вступилъ въ личныя сношенія со многими военными предводителями и даже нѣсколько разъ ему приходилось сталкиваться съ Линкольномъ. Авторъ мастерски изображаетъ событія и тѣхъ выдающихся людей, которые участвовали въ нихъ.

(Popular Science Monthly).

«The Fairy Land of Science» by Arabella Buckley (*Appleton and C°*). (*Сказочный міръ науки*). Превосходныя популярныя статейки изъ области физическихъ наукъ, снабженныя прекрасными рисунками. Авторъ пользуется достаточною извѣстностью, какъ популяризаторъ естественныхъ наукъ, и поэтому имя его служитъ ручательствомъ за достоинства книги.

(Popular Science Monthly).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

стр.

взаимопомощи ремесленниковъ и рабочихъ. — Педагогическія совѣщанія о реформѣ средней школы. — Духоборы въ Америкѣ.—Ревизія прилукскаго епископа.—Томская психіатрическая больница 14

18. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Врача **Н. Шена** 28

19. СИМПАТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО. (Письмо изъ Курска). **С. К—ва.** 29

20. **За границей.** Голодныя дѣти и недостатокъ жилищъ для рабочихъ въ Англіи. — Австрійская путаница. — Общественная жизнь въ Германіи.—Во Франціи.— Скандинавскія женщины. 32

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Paris».—«Fortnightly Review».—«Revue des Deux Mondes».—«The Chautauquan» . 43

22. ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ ДРАМА. **—ина** 47

23 НОВЫЙ ТИПЪ ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ ВЪ АНГЛІИ. **М. Рафаилова** 49

24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Бактеріологія.** Леченіе чумы.—**Медицина.** 1) Отравленіе ванилью. 2) Вдыханіе кислорода, какъ средство отъ морской болѣзни. — **Физіологія** 1) Экспериментальныя изслѣдованія надъ сновидѣніями. 2) Опыты надъ зрѣніемъ.—**Почвовѣдѣніе.** Странствующія почвы въ Финляндіи. **Д. Н.**—О концѣ міра.—**Метеорологія и физическая географія.** 1) Метеорологическія наблюденія во время бельгійской антарктической экспедиціи; 2) Вліяніе метеорологическихъ элементовъ на психику. **Н. М.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго.** 55

25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія искусства.—Публицистика. — Исторія культуры. — Политическая экономія.—Философія.—Содержаніе «Библіографическаго отдѣла» въ 1899 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . 70

26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса** Переводъ съ итальянскаго **Ек. Колтоновской.** (Окончаніе). 131

28. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНЪ-СИМОНА. Пер. съ франц. (Окончаніе). 115

29. СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» за 1899 г.

30. КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ номерѣ разсылаются объявленія: 1) О подпискѣ на «Иллюстрированную библіотеку «Нивы». 2) О подпискѣ на журналъ «Образованіе». 3) О подпискѣ на журналы «Деревня» и «Крестьянское хозяйство». 4) О подпискѣ на журналъ «Юный читатель».

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** **присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.**

2) **Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.**

3) **Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.**

4) ***Лица,*** **адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.**

5) **Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.**

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** **Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.**

7) **При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.**

8) **Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.**

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.